Лев Гумилев
Древняя Русь и Великая степь

Оправдание книги

Еще на первом курсе истфака автору пришла в голову мысль заполнить лакуну во Всемирной истории, написав историю народов, живших между культурными регионами: Западной Европой, Левантом (Ближним Востоком) и Китаем (Дальним Востоком). Задача оказалась сверхсложной; ее нельзя было решить без помощи географии, потому что границы регионов за исторический период неоднократно передвигались, этническое наполнение Великой степи и сопредельных с нею стран часто менялось как вследствие процессов этногенеза, так и из-за постоянных миграций этносов и вытеснения одних мировоззрений другими. Не оставалась стабильной и физико-географическая обстановка. На месте лесов возникали степи и пустыни как из-за климатических колебаний, так и из-за хищнического воздействия человека на природную среду. Вследствие этого людям приходилось менять системы хозяйственной деятельности, что, в свою очередь, влияло на характер социальных взаимоотношений и культур. Да и культурные связи привносили в мироощущение населения Евразийского континента разнообразие, в каждую эпоху — специфическое.

Все эти компоненты исторического процесса так тесно связаны между собой, что опустить какой-либо из них невозможно, но если добавить к ним уточнения хронологические, генеалогические, социологические и т. п., то получится, что книга окажется собранием разнообразных сведений и, сообщая читателю «что и кто?», не будет содержать ответа на вопросы: «как?», «почему?» и «что к чему?», ради которых предпринято ее начертание. Очевидно, для решения задачи надо применить подходящие приемы исследования.

Для описания событий, происходящих в Восточной Евразии, была применена методика подачи по трем уровням. Самые мелкие детали, необходимые для уточнения хода событий, были описаны в статье традиционными приемами исторического исследования. Этих статей — исторических, географических и археологических — пришлось написать более ста.

Второй уровень — обобщение — дал жизнь специальным монографиям (Хунну. М., 1960; Хунны в Китае. М., 1974; Древние тюрки. М., 1967; Поиски вымышленного царства. М., 1970; Открытие Хазарии. М., 1966). Все они были выполнены также традиционными приемами, за одним исключением — они были написаны не академическим языком, а «забавным русским слогом», что повысило усвояемость текста и расширило круг читателей.

Однако главная цель достигнута не была, ибо был оставлен без ответа вопрос: где «начала и концы», т. е. границы, историко-географических феноменов? Поэтому пришлось специально разобрать теорию происхождения и исчезновения этносов на фоне изменяющейся природной среды.[1] Только после этого появилась возможность перейти от описания истории к пониманию ее как ряда закономерных процессов биосферы и социосферы. Но поскольку биосфера, как и вся поверхность Земли, мозаична, то

[1] Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.

столкновения этногенезов друг с другом неизбежны. Тогда явилась необходимость в еще одной книге, а именно в этой самой, ныне предлагаемой читателю. Но стоит ли задача такого труда, который необходим для ее решения? Стоит, и вот почему.

В истории человечества не все эпохи освещены равно. Там, где процессы социогенеза, этногенеза и ноогенеза (развития культуры) протекали без нарушений со стороны враждебных соседей, историкам было легко. При столкновениях этносов или государств трагические последствия просто фиксировались и одна из сторон объявлялась виновной в бедствиях другой. Но там, где вся канва истории проходила в зоне антагонистического контакта, уловить закономерность очень трудно; поэтому эти разделы истории остались либо ненаписанными, либо написанными крайне бегло и поверхностно. А жаль, ибо именно эти эпохи имели важное значение не только для их участников, но и для всемирной истории.

К числу таковых относится период IX—XII вв. в Юго-Восточной Европе. Здесь происходили контакты славян с русами, кочевников с оседлыми, христиан с язычниками, хазар с евреями. Все было перемешано и перепутано до тех пор, пока Владимир Мономах не внес вооруженной рукой ясность, после чего стало наконец понятно, где свои, а где чужие.

И тут постоянно возникает обывательский вопрос: а зачем изучать процессы, которыми мы не можем управлять? Есть ли в этом практический смысл, оправдывающий затраты труда и материальные потери? Ответим примерами! Управлять землетрясениями или путями циклонов люди не умеют, но сейсмография и метеорология помогают спастись от стихийных бедствий и, наоборот, использовать благоприятные условия с наибольшим эффектом. Ведь не все равно при цунами, предотвратить которого мы не можем, уйти на ближнюю гору или дать океанской волне смыть себя на дно. Ради собственного спасения необходимо изучать вулканическую деятельность, такую же стихийную, как этногенез.

Постановка проблемы

Тезис

Принцип этногенеза — угасание импульса вследствие энтропии,[2] или, что то же, утрата пассионарности системы из-за сопротивления окружающей среды, этнической и природной, — не исчерпывает разнообразия историко-географических коллизий. Конечно, если этносы, а тем более их усложненные конструкции — суперэтносы живут в своих экологических нишах — вмещающих ландшафтах, то кривая этногенеза отражает их развитие достаточно полно. Но если происходят крупные миграции, сопряженные с социальными, экономическими, политическими и идеологическими феноменами, да еще при различном пассионарном напряжении этносов, участвующих в событиях, то возникает особая проблема — обрыв или смещение прямых (ортогенных) направлений этногенезов, что всегда чревато неожиданностями, как правило неприятными, а иногда трагичными.

Если при таких коллизиях этнос не исчезает, то процесс восстанавливается, но экзогенное воздействие всегда оставляет на теле этноса рубцы и память об утратах, часто невосполнимых. Суперэтнические контакты порождают нарушения закономерности. Их следует всегда учитывать как зигзаги, само наличие коих является необходимой составной частью этногенеза, ибо никто не живет одиноко, а отношения между соседями бывают разнообразными.

При взаимодействии двух систем задача легко решается противопоставлением «мы — наши враги», но при трех и более получить решение трудно. А именно три этнокультурные традиции столкнулись в Восточной Европе в IX—XI вв., и только в XII в. зигзаг истории был преодолен, после чего начался культурный расцвет при пассионарном спаде, т. е. инерционная фаза этногенеза. Это уникальный вариант этнической истории, и тем-то он

---

[2] Там же.

представляет интерес в ряде аспектов, о которых речь пойдет ниже.

Эволюционная теория Дарвина и Ламарка была предложена для объяснения видообразования, а этногенез — процесс внутривидовой и специфичный. Уже потому применение принципов эволюции к этническим феноменам неправомерно.

Этнические процессы дискретны (прерывисты), а исключения из этого правила — персистенты (твердые, устойчивые) — не продлевают свою жизнь, а останавливают ее, как Фауст остановил мгновение; но ведь тут-то его и зацапал Мефистофель! Значит, для динамичного этноса такое решение проблемы бессмертия противопоказано.

Для реликтового этноса-персистента возможны, кроме полной изоляции, три пути: 1) ждать, пока истребят соседи (элиминация); 2) включиться в живущий суперэтнос во время смены фаз и укрепиться в нем (инкорпорация); 3) рассыпаться розно (дисперсия). Все три варианта можно проследить всего за один век — XII. Этот век как бы антракт между надломом мира ислама, реанимацией Византии и детским буйством «христианской» Европы, пышно названным «крестовыми походами». Здесь легко проследить вариации соотношения Руси и Степи. Этим занимались самые замечательные историки XVIII—XIX вв., вследствие чего следует ознакомиться с их представлениями, но, конечно, под углом зрения этнологии, ибо эта новая наука уже показала, на что она способна. А основной тезис этнологии диалектичен: новый этнос, молодой и творческий, возникает внезапно, ломая обветшалую культуру и обездушенный, т. е. утративший способность к творчеству, быт старых этносов, будь то реликты или просто обскуранты; в грозе и буре он утверждает свое право на место под солнцем, в крови и муках он находит свой идеал красоты и мудрости, а потом, старея, он собирает остатки древностей, им же некогда разрушенных. Это называется возрождением, хотя правильнее сказать «вырождение». И если новый толчок не встряхнет дряхлые этносы, то им грозит превращение в реликты. Но толчки повторяются, хотя и беспорядочно, и человечество существует в своем разнообразии. Об этом и пойдет наша беседа с читателем.

И автору, и, вероятно, читателю интересна история Древней Руси, которая, по мнению летописца, возникла как определенная целостность только в середине IX в.[3] А что было до этого? Кто окружал эту новорожденную этническую систему? Кто был ей другом, а кто врагом? Почему об этом негде прочесть, хотя источники повествуют о хазарах и варягах и даже о западных славянах, тюрках и монголах? В книгах есть простое перечисление событий, в том числе недостоверных. Они сведены в синхронистическую таблицу, предлагаемую ниже, но связи между этими событиями потребовали дополнительного критического анализа и выбора точки отсчета.

Наиболее выгодным пунктом для широкого обозрения оказались низовья Волги, а проблема свелась к вопросу: почему Киевская Русь, испытавшая бесчисленные беды, не погибла, а победила, оставив потомкам роскошное искусство и блестящую литературу? Для того чтобы найти ответ, стоит постараться. Но не надо забывать, что в большую цель легче попасть, чем в маленькую. Поэтому рассмотрим наш сюжет на фоне обширного региона между Западной Европой и Китаем, ибо только такой подход поможет нам справиться с поставленной задачей.

Хазария и Ойкумена до 800 г

Начнем с краткого напоминания об исходной ситуации, на фоне которой начался изучаемый процесс. Самое легкое для восприятия — это обзор ойкумены на уровне суперэтносов с учетом возрастных фаз ненарушенных этногенезов.[4] За исключением многочисленных реликтов, в том числе самих хазар, наиболее старыми были кочевники

---

[3] Первая дата — 859 г.; Повесть временных лет (далее: ПВЛ). М.; Л., 1950.

[4] Подробнее см.: Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.

Великой степи, потомки хуннов и сарматов, этнические системы коих сложились в III в. до н. э. В 800 г. они имели три каганата: Уйгурский — на востоке Степи, Аварский — на западе и Хазарский — на Волге и Северном Кавказе. Только в этом последнем правила тюркютская династия Ашина, прочие уже вступили в фазу обскурации, заменяя оригинальную степную культуру заимствованными мировоззрениями, и оба каганата, несмотря на внешний блеск, находились на пороге гибели.

Пассионарный толчок I в. к середине II в. породил Византию, Великое переселение народов и Славянское единство. Эти три феномена находились в IX в. на рубеже фазы надлома и инерционной фазы этногенеза. Византии предстоял расцвет культуры, славянству — расширение ареала, а Франкской империи, созданной Карлом Великим в 800 г., угрожала неотвратимая судьба — в недрах ее, как в соседних Скандинавии и Астурии, шел инкубационный период нового пассионарного взрыва, в следующих IX—X вв. разорвавшего железный обруч Каролингской империи и зачавшего феодально-папистскую Европу, гордо назвавшую себя, и только себя, «христианским миром».

Наиболее активными были суперэтносы, возникшие около 500 г. в полосе, тянувшейся от Аравии до Японии: мусульманский халифат, от которого уже оторвалась мусульманская Испания, раджпутская Индия, Тибет, превратившийся из маленького племени ботов в претендента на гегемонию в Центральной Азии, империя Тан, уже надломленная внешними неудачами и внутренними потрясениями, и Япония, внезапно вступившая на путь реформ, что принесло ей много горя.

Эти суперэтносы находились в акматической фазе этногенеза. Пассионарность разрывала их на куски, ломала культурные традиции, мешала установлению порядка и в конце концов, прорвав оковы социальной и политической структуры, растеклась по сектантским движениям, губительным, как степные пожары. Но это была пока перспектива, а в 800 г. халифат Аббасидов, Тибетское царство и империя Тан стояли столь крепко, что казались современникам вечными. Обычная аберрация близости, характерная для обывательского восприятия мира, — современное считается постоянным.

Но, несмотря на разнообразие возрастов, вмещающих ландшафтов, культурных типов и при вариабельности политических форм феодализма, между всеми перечисленными этносами, да и реликтами, было нечто общее: все они появились вследствие взрывов пассионарности в определенных географических регионах, к которым были уже приспособлены их предки — этнические субстраты. Следовательно, миграции их носили характер расселения в сходных ландшафтных условиях, привычных и пригодных для ведения хозяйства традиционными приемами. Исключение составляли некоторые германские этносы: готы, вандалы, руги, лангобарды. Так они и погибли как этнические системы, а их потомки слились с аборигенами Испании, Италии и Прованса. Этносы франков и англосаксов расширялись в привычном ландшафте… и уцелели.

Благодаря этой географической закономерности в I тысячелетии н. э. почти незаметна роль этнических химер, которые если и возникали в пограничных районах, например в IV—V вв. в Китае,[5] то были неустойчивы и недолговечны. Но и тут было исключение из правил: этнос, освоивший антропогенный ландшафт вместе с его аборигенами, стал независим от природных ландшафтов и получил широкую возможность распространения. Для этого этноса ареалом стала вся ойкумена, а контакты его с местными жителями стали не симбиотичными, а химерными. Посмотрим (оставаясь в пределах окрестностей Каспийского моря), как возникали такие системы и к чему это привело аборигенов и мигрантов. Этого будет для решения поставленной задачи необходимо и достаточно.

Однако история культуры на территории Восточной Европы в I тысячелетии изучена весьма неполно. Следы ее исчезли, но это повод, чтобы поставить проблему так: культурный ареал всегда имеет центр, как бы столицу, которой принадлежит гегемония. Древняя Русь

---

[5] См.: Гумилев Л.Н. Хунны в Китае.

перехватила гегемонию у Хазарского каганата в X в. Следовательно, до X в. гегемония принадлежала хазарам, а истории Древней Руси предшествовала история Хазарии. Но история Хазарии имела две стороны: местную и глобальную, принесенную с Ближнего Востока еврейскими эмигрантами. Без учета фактора международной торговли история не только Хазарии, но и всего мира непонятна.

Поскольку выводы, к которым мы пришли, весьма отличаются от традиционных, основанных на летописной версии, необходимо объяснить читателю, почему у автора появилось право на недоверие к источникам. А чем отличается этническая история от истории социально-политической и культурно-идеологической, будет ясно из текста и характера изложения.

Что искать и как искать?

Поставленная нами задача одновременно и перспективна, и крайне сложна. С одной стороны, в Юго-Восточной Европе переплелись воздействия многих суперэтносов: евразийских тюрок — наследников эпохи Великого каганата,[6] Византии, мусульманского мира эпохи халифата и «христианского мира», только что сложившегося в суперэтническую целостность. Не меньшее значение имели реликты Великого переселения народов Азии — неукротимые угры, воинственные куманы (ветвь динлинов). Но на первом месте стояла Древняя Русь, сомкнувшая свои границы с Великой степью. Уловить и описать характер взаимоотношений этих этнических групп на одной территории и в одну эпоху — значит решить проблему этнического контакта путем эмпирического обобщения.

Но, с другой стороны, история хазар писалась неоднократно и осталась непонятной из-за разнообразия многоязычных источников, свести которые в непротиворечивую версию крайне сложно. То же самое можно сказать об археологических находках, в том числе сделанных автором. Без дополнительных данных они проблему не проясняют.

И, наконец, по поводу значения этнических контактов для истории культуры общего мнения нет. Одни считают, что любой контакт и метисация — благо, другие утверждают, что это гибель, третьи полагают, что смешение народов вообще не имеет значения для их судьбы. Но, самое главное, никто не привел достаточно веских аргументов в свою пользу и опровержений иных точек зрения.

Мы придерживаемся четвертого мнения: смеси чего угодно — газов, вин, людей… — не могут быть подобны первичным ингредиентам, но последствия смешений этносов всегда разнообразны, ибо зависят от ряда обстоятельств: 1. Характера взаимодействия того и другого этноса с окружающей географической средой, ибо от этого зависят способы ведения хозяйства, которые вызывают либо симбиоз, либо соперничество. 2. Соотношения фаз этногенеза обоих компонентов. Фазы могут совпасть или нет, а в последнем случае более пассионарный этнос давит на соседа независимо от личного желания отдельных его представителей, даже вопреки их воле. 3. Комплиментарности, проявляющейся при совмещении культурно-психологических доминант, которая может быть позитивной или негативной. Знак комплиментарности проявляется в безотчетной симпатии или антипатии на популяционном уровне. 4. Перспективности контакта, ибо он может вести либо к ассимиляции одного этноса другим, либо к элиминации, а проще — истреблению одного этноса другим, либо к слиянию двух этносов в единый третий — это и есть рождение этноса.

Короче говоря, решение поставленной проблемы требует привлечения не только географии, но и истории, т. е. описания событий в их связи и последовательности на том уровне, который в данном случае является оптимальным. И найти этот уровень необходимо.

Необходимо и достаточно

---

[6] См.: Гумилев Л.Н. Древние тюрки.

Говорят, и это верно, что в одной книге нельзя написать всего, что знаешь. Да это и не нужно читателю, который не собирается перещеголять автора эрудицией, но желает получить представление о предмете исследования.

Значит, автор должен чем-то пожертвовать, а самое целесообразное — не писать того, «что все равно напишут немцы» (как говаривал Н.В. Тимофеев-Ресовский), т. е. библиографию и историю вопроса. Действительно, библиография по хазарам, составленная Славянским отделом Нью-Йоркской публичной библиотеки, опубликована в «Bulletin of the New York Public library». 42 (N.Y., 1938. P. 695—710), а вслед за тем в книге Моравчика (Moravcsik G. Byzantinoturcica. I. Berlin, 1958), не считая ряда других изданий.[7] Ну зачем повторять прекрасно проделанную работу? А что нужно?

Считается, что на возникший у читателя вопрос должен быть ответ в источниках и исследованиях. Но его там нет! Ответ содержится не в самих сочинениях, а где-то между ними, и решение вытекает из широких сопоставлений фактов и явлений. Следовательно, та история, которая нам нужна, может быть написана не по источникам, а по фактам, отслоенным от источников. Это возможно потому, что таких фактов скопилось достаточно. Казалось бы, задача проста. Политическая история Хазарии коротка — 650—965 гг., территориально ограничена, связи с соседями прослеживаются четко. Литература вопроса необъятна, но, к счастью для нас, это потеряло значение после появления сводной работы М.И. Артамонова «История хазар». Эта книга содержит почти весь нужный нам материал по политической истории Хазарского каганата, но слабо освещает хазарскую палеогеографию и палеоэтнографию, а также оставляет нерешенным ряд проблем, что лишь отчасти восполнено нами при редактуре этой книги, в подстрочных примечаниях и последующих публикациях.

Книга М.И. Артамонова — это история событий, проливающая на проблему яркий и чистый белый свет. Но известно, что, преломляясь в фокусе линзы, этот свет распадается на разноцветный спектр, а это-то и нужно для анализа явления. Красный луч социального прогрессивного развития, желтый свет с оранжевым золотистым оттенком — культурная традиция, сине-зеленые тона — воздействие климатических изменений вечно колеблющегося воздушного океана и белесый ультрафиолет пассионарного напряжения, невидимый, но обжигающий кожу, — все это разнообразие доступно лишь современному ученому, совмещающему естествознание с историей и социологией.

История событий для этнолога — необходимый трамплин, исходный пункт изучения. Эта история ставит вопрос «как?», но не «почему?» и «а не могло ли быть иначе?». А ведь именно эти вопросы волнуют читателей XX в. Поэтому дальнейшее развитие идей и тем М.И. Артамонова не снижает значения его труда, а, наоборот, дает его вкладу в науку новую жизнь.

В 1959—1963 гг. в дельте Волги были обнаружены хазарские погребения и могилы соседей хазар.[8] Тогда же удалось установить характер климатических колебаний в степной зоне Евразии и даты трансгрессий Каспийского моря, весьма сильно повлиявших на судьбу волжских хазар.[9] Физическая география внесла свой вклад в историю. Но всего этого оказалось мало для связного объяснения величия и падения Хазарии. Потребовалось привлечение этнологической методики и нескольких дополнительных исследований, чтобы

---

[7] См.: Артамонов М.И. История хазар. С. 7.

[8] GumilevL.N. New Data on the Khazars // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. 19. Budapest, 1967. P. 61–103 (литература на рус. яз. — в сносках).

[9] GymilevL.N. Les fluctuations du niveau de la mer Caspienne // Cahier du monde russe et sovietique. Vol. VI. № 3. Paris — Sorbonne, 1965. P. 331—336 (литература на рус. яз. — в сносках).

кратко и четко, с минимальным числом деталей истолковать этническую историю Хазарии и сопредельных стран.

Границы бывают пространственные, временные и каузальные, т. е. причинные. Поскольку в трактате «Этногенез и биосфера Земли» было показано, что этническая история не беспорядочный набор сведений, «без начала и конца» (А. Блок), и не просто «дней минувших анекдоты» (А. Пушкин), а строгие цепочки причинно-следственных связей, с началом и концом, переплетенные между собой, то, чтобы попасть в цель, надо учитывать прошлое процесса, его окружение в изучаемый период и общую панораму после пятого акта трагедии. Да, именно трагедии, ибо каждый «конец» — это гибель того, чему было посвящено историческое повествование.

Поэтому автор просит читателя ознакомиться с историей Нижнего Поволжья[10] и добавляет к этому здесь предваряющий экскурс об этносе, внедрившемся в просторы Великой степи, благодаря чему и возник зигзаг истории, которого могло бы и не быть, если бы события на Ближнем Востоке в I тысячелетии н. э. происходили хоть чуть-чуть иначе.

Среди историков бытует убеждение, что все, что произошло, не могло не произойти, сколь бы незначительным ни было событие по масштабу. Это мнение нигде не доказано, по сути дела предвзято, а потому не обязательно ни для читателя, ни для мыслителя. Конечно, законы природы и социального развития не могут быть изменены произвольно, но поступки отдельных персон не предусмотрены мировым порядком, даже если они влекут за собой существенные последствия. Другое дело, что они взаимно компенсируются в процессах глобальных, региональных и эпохальных, но образуемые этими поступками зигзаги дают ту степень приближения, которая необходима для уточнения описываемого явления. Вот почему учет подробностей для этнической истории не помеха, хотя и не самоцель.

Способ исследования

Этнологическое исследование в отличие от исторического, базирующегося на источниках, основано на сумме достоверных фактов, почерпнутых из монографий, где источники прошли проверку путем исторической критики. Но если привлечен новый материал, или старый требует пересмотра, или учтены малоизвестные сведения из смежных областей, связанных с нашим сюжетом, исследования проведены традиционной методикой и отражены в сносках.

Несоблюдение этого условия сделало нашу работу трудной для чтения из-за перегрузки мелочами, которые отвлекают внимание читателя, но не дают ничего существенно нового и важного.

Значительную часть книги М.И. Артамонова составляет пересказ источников с большим количеством подробностей, повторять которые нет смысла. И, наоборот, там нет анализа международных политических и культурных связей, а также фона этнической истории, на котором протекала хазарская трагедия, унесшая великий этнос в небытие. А именно последнее представляет интерес для современного читателя.

По нашему мнению, разделяемому отнюдь не всеми, задача науки не столько в том, чтобы констатировать известные факты, но еще и в том, чтобы путем анализа и синтеза установить факты неизвестные и в источниках не упомянутые. Одним из наиболее эффективных способов исторического синтеза является применение системного подхода.

Представим себе автора литературного произведения или нарративного источника и того читателя, которому автор адресует свой труд как простую систему односторонней информации. Иными словами, автор убеждает читателя в том, чего тот не знает или чему не верит, но может узнать или поверить при достаточно талантливом рассказе. Проходят годы, а иногда века. Автор и читатель умерли, но произведение осталось. Значит, сохранилась его

[10] См.: Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Вып. IV. Тысячелетие вокруг Каспия. М.: ВИНИТИ, 1987.

направленность, благодаря чему мы можем сообразить, что читатель — современник, который держался иных взглядов, нежели автор, был либо переубежден и зачарован его талантом, либо остался при своем мнении. В любом случае это незаписанное мнение читателя восстанавливается с известной степенью точности. Последняя может быть повышена, если нам известны историческая обстановка и события, актуальные для изучаемой эпохи.

Так начнем с известного, с глобального окружения, чтобы восполнить неясное и понять, почему роль гегемона в Восточной Европе перешла от Хазарии к Древней христианской Руси.

Но знает ли эти события читатель? И обязан ли он знать их в том плане и в тех ракурсах, которые нужны для решения поставленной задачи? И, наконец, может ли он, даже будучи эрудитом, угадать, что имеет в виду автор, только упоминающий, а не описывающий какой-либо факт из истории раннего Средневековья? Разумеется, нет! И поэтому автор обязан изложить свое понимание процессов, что легче всего сделать, пользуясь испытанным способом наглядного хронологического повествования.

И даже если найдется привередливый читатель, который будет недоволен тем, что ему встретятся в тексте места знакомые, упоминавшиеся в других, куда более монументальных работах, то пусть он рассматривает их как информационный архив, заменяющий множество отсылочных сносок и громоздкую библиографию. Ведь наше сочинение не справочник, а книга для чтения, и назначение ее в том, чтобы принести читателю радость познавания.

Без чего надо обойтись

Каждый историк начинает с того, что стремится к широкому обобщению своей темы. Он как бы хочет написать картину на широком полотне, но часто вынужден ограничиться серией этюдов. Однако некоторым благоприятствует судьба: вместо альбома этюдов, т. е. частных исследований по узким сюжетам, появляется картина. Как правило, такие «картины» имеют дефекты, из-за которых возникает недоверие к предлагаемым трактовкам. Но игнорировать такие попытки нельзя: это академически некорректно.

История хазарской проблемы до 1962 г. изложена у М.И. Артамонова.[11] и, согласно принятому здесь принципу — не повторяться, рассматриваться нами не будет. Но за последние 20 лет на Западе появились концепции, облеченные в форму монографий, касающиеся нашей темы и оригинальные настолько, что их надо либо принимать полностью, либо объяснить причины недоверия к ним. И хотя последнее будет ясно из текста нашей книги, а упомянутые монографии в ней цитироваться не будут, не написать об их существовании и значении просто невежливо по отношению к их авторам. Наиболее парадоксальным является взгляд Артура Кестлера[12]

Он полагает, что с VII по XII в. от Черного моря до Урала и от Кавказа до сближения Дона с Волгой распространилась полукочевая империя, в которой обитали хазары — народ тюркского происхождения (?). Занимая жизненно важный стратегический проход (откуда и куда?) между Черным и Каспийским морями, они играли важную роль в кровавых событиях в Восточно-Римской империи. Они были буфером между грабителями-степняками и Византией (?). Они отбили арабов и тем предотвратили завоевание исламом Восточной Европы. Они пытались сдержать вторжение викингов в Южную Русь, к византийским границам (но в Византию викинги попадали по Средиземному морю. — *Л.Г.*).

Где-то около 740 г. (дата неверна) царский двор и правящий военный класс обратились в иудаизм. О мотивах этого необычайного события ничего не известно. Вероятно, это давало

---

[11] См.: Артамонов М.И. История хазар. С. 7–40.

[12] KoestlerArthur. Thirteenth Tribe — The Khazar Empire and its Heritage. London, 1976.

определенное преимущество для маневрирования между соперничавшими христианским и мусульманским «мирами».

К X в. появился новый враг — викинги, скоро ставшие известными как русы (устарелое и неверное отождествление: русы известны с IV в.). Хазарский бастион Саркел был разрушен в 965 г. Центральная Хазария осталась нетронутой, однако государство хазар пришло в упадок.

Основной тезис книги, ради которого она написана, таков: поток еврейской миграции в Европу шел не через Средиземноморье, как раньше считалось (и как оно и было), а из Закавказья через Польшу и Центральную Европу. Поэтому обитатели Восточной Европы — потомки евреев — тринадцатое колено Израилево. Почему эта точка зрения неприемлема, будет видно из дальнейшего.

Выбранный нами угол зрения — рассмотрение ранней истории Древней Руси как последовательности русско-хазарских связей — позволяет избежать полемики по мелким вопросам. В 50–60-х годах в Америке опубликованы два исследования по предыстории Руси.[13] Выполнены они на русских материалах, тех самых, которые нам доступны. Оба содержат много мелких неточностей, главным образом из-за некритического восприятия теории существования третьего центра Руси — Азово-Черноморского, население которого произошло от сарматов (роксаланов). Эта концепция, родившись в России, ныне не разделяется подавляющим большинством ученых, в числе коих находится автор. Но оспаривать эту версию можно либо путем скрупулезной проверки деталей источников, либо путем противопоставления собственной версии, в которой эти детали получают истолкование без гипотез и натяжек. Второй путь лучше, ибо римляне называли скрупулюсом камешек, попадавший в сандалии и коловший пятку. Его надо было просто вытрясти, а не изучать. Кроме того, наши академические требования выше, чем в США, в том смысле, что у нас заведомо неверные даты не публикуются, а собственные гипотезы оговариваются как необязательные для читателя. Г.В. Вернадский при составлении хронологической таблицы по древней истории Руси снабдил сомнительные даты звездочками, и стало ясно, что все достоверные факты известны и нам.[14] Но С. Ляшевский для подкрепления своих гипотез привлек данные «Влесовой летописи»,[15] хотя она издана не полностью и не прошла проверки исторической критикой. Напрасно он это сделал, потому что ссылаться на его исследование стало опасно: а вдруг князь Святояр или происхождение Рюрика от дочери Гостомысла Умилы — вымысел, домысел или нечеткое чтение текста? Ведь одна такая оплошность может повлиять на выводы и тем самым скомпрометировать всю работу. Да и нужны ли для истории такие уточнения? Сам С. Ляшевский пишет: «…ничего выдающегося в этой летописи нет, что резко изменило бы наши знания о прошлом».[16] Поэтому эти работы как пособие нами не использованы, хотя точки зрения авторов во внимание приняты.

Иной характер носит книга Сергея Лесного (С. Парамонова). Она удивляет читателя. Из пяти основных тезисов автора советский читатель воспринимает четыре как нечто общепризнанное,[17] а пятый — о «Влесовой книге» — как личный каприз автора. Отсутствие

---

[13] VernadskyG. The Origins of Russia. Oxford, 1959; Ляшевский С. История христианства в земле Русской с I в. по XI в. и очерки по предыстории России. New York; Brooklin, 1967.

[14] VernadskyG. Ancient Russia. New Haven, 1952.

[15] См.: Лесной С. Влесова книга. Виннипег, 1966.

[16] Ляшевский С. Указ. соч. С. 169.

[17] См.: Лесной Сергей. Русь, откуда ты? Виннипег, 1964. С. 6–10. Автор считает, что 1) скандинавы не играли роли в образовании Русского государства; 2) русь как племя создалось в начале новой эры и всегда было

ссылочного аппарата лишает читателя возможности проверить правильность и полноту цитат, а там, где предмет известен, оказывается, что он описан неверно. Упреки в адрес советских историков несправедливы, а в адрес зарубежных коллег, например Г.В. Вернадского, — грубы. Домыслы Сергея Лесного, которыми он подменяет научные доказательства, граничат с фантастикой, а ссылки на «Влесову книгу» не спасают, ибо сведения ее крайне сомнительны. Тема Хазарии вообще оказалась вне поля зрения автора, что дает право отказаться от цитирования его труда. Нецелесообразность историографического обобщения продемонстрирована в работе А.Н. Сахарова «Дипломатия древней Руси: IX — первая половина X в.».[18] Автор проявил несказанное трудолюбие, изучив огромное количество статей по некоторым важным вопросам истории Киевской Руси, но не все, что сделало его книгу однобокой, а версию исторического процесса — неубедительной. По существу, он принял за схему летописную традицию, по которой категория «Русь» совпадала с державой династии Рюриковичей. Думается, что эта концепция несколько устарела. Даже если назвать государство Олега и Игоря раннефеодальным, дело не изменится, ибо этническое несходство сначала «русов» и «дулебов», а потом славяно-россов и варягов очевидно. Его отмечали авторы X в. и признавали историки XX в. Поэтому отрыв истории дипломатии от историко-географического фона неоправдан.

Однако историография, собранная А.Н. Сахаровым, может быть полезна как любая сводка материала: она облегчает составление синтетических работ. Важно лишь осторожно относиться к «Заключению» и ко второй книге — «Дипломатия Святослава»,[19] так как выводы А.Н. Сахарова отнюдь не подкрепляются приводимыми им самим фактическими данными. Но это не вина, а беда.

Третья книга А.Н. Сахарова — «Мы от рода русского. Рождение русской дипломатии»[20] — издана в научно-популярной серии, что дает право ограничиться простым упоминанием. Впрочем, нельзя не удивиться тому, что автор книги считает своими предками древних ругов, а не славян, но, может быть, он прямой потомок Рюрика и в состоянии проследить свою генеалогию далее тысячи лет. Оспаривать его признание нецелесообразно, ибо в приведенном им же тексте «от рода русского» было 15 человек: «Карл, Ингелд, Фарлоф, Вельмуд, Рулов, Гуды, Руалд, Карн, Фрелов, Руар, Актеву, Труан, Лидул, Фост, Стемид» (*Сахаров А.Н.* Мы от рода русского… С. 138). И ни одного славянина!

Итак, неприятие названных выше сочинений связано либо с историко-географической путаницей, либо с законным недоверием к недостоверным источникам. Автор этой книги дважды неоригинален: он, как все, хочет создать широкую историческую картину, но только на установленных фактах, путем логически непротиворечивых версий; и, как принято, он проверяет эти факты традиционными приемами исторической критики. Оригинальным же является этнологический подход, принципы коего изложены в трактате «Этногенез и биосфера Земли». Собственно говоря, эта работа написана ради проверки эффективности предложенного естественнонаучного подхода к истории народов (этносов) и их взаимодействий. Именно наличие такого подхода помогло автору избежать соблазнов, примеры которых приведены выше. Насколько это удалось, пусть судит читатель, прочитавший книгу до конца.

славянским; 3) славяне — автохтоны Центральной Европы; 4) у древних славян была руническая письменность; 5) «Влесова книга» достоверна.

[18] См.: Сахаров А.Н. Дипломатия древней Руси: IX — первая половина X в. М.,1980.

[19] См.: Сахаров А.Н. Дипломатия Святослава. М., 1982.

[20] См.: Сахаров А.Н. Мы от рода русского. Рождение русской дипломатии. Л.,1986.

Условимся о значении терминов

В историческом повествовании часто приходится употреблять в качестве научных терминов многозначные слова. Это иной раз затрудняет взаимопонимание, особенно при обмене мнениями. «Великая степь» — термин условный, так как в степной зоне Евразийского континента много азональных ландшафтов: горные хребты, поросшие лесами, речные долины, оазисы в бесплодных пустынях. Но этот термин стал привычным и пользование им незатруднительно.

Гораздо труднее обстоит дело в тех случаях, когда этнокультурные границы подвижны. Например, термин «Европа», введенный Геродотом, в его время не включал Скифию и страну гипербореев. В Средние века он на некоторое время вышел из употребления, ибо Испания с 711 г. стала «Востоком», Византия — особым культурным регионом, а бассейн Балтики — полем перманентной войны феодально-католического «христианского мира» с язычниками — славянами, пруссами, литовцами и эстами.

Еще сложнее термин «Древняя Русь». Он привычен, но не прост, а история его полна противоречивых толкований. Если стоять на уровне исторических источников XII—XIII вв., то ясно, что термина «Древняя Русь» в них нет, поскольку Русь была им современной. Древней она стала лишь в XV в., когда потребовалось обосновать притязания Ивана III на все территориальное наследие Рюриковичей. Так возникла схема единства, непрерывности исторического процесса, начиная от Рюрика, причем, по принятой схеме, менялись только столицы, да и то в строгом порядке: Киев, Владимир, Москва, Петербург. А эпохи смут и распадов считались следствием ошибочной политики великих князей. Натянутость и искусственность этой концепции очевидны, но ведь и выросла она не как научное обобщение, а как обоснование политической программы московских великих князей и царей.[21]

А.Е. Пресняков отмечает, что основным дефектом официальной схемы является невнимание к Западной Руси, даже фактическое исключение ее из русской истории. Этот раздел подлинно русской истории отходит к истории Польши, что отнюдь не верно. Так, чтобы найти место для Золотой Орды, пришлось создать концепцию татарского ига.[22] Это органический недостаток концепции, которая предметом изучения считает институт государства.

Изучение культуры, неотъемлемого раздела истории, дает другой вывод, который сделал П.Н. Милюков в ранней работе «Очерки по истории русской культуры». Тезис этой книги таков: «Можно сказать, что русская народность, достигшая значительных успехов на юге, на севере должна была начинать историческую работу сначала».[23]

Наблюдение тонкое, но интерпретация неприемлема. По мнению П.Н. Милюкова, до XVI в. Руси как целостного феномена не было, а каждая область жила своей отдельной исторической жизнью. Это представление вытекает из господствовавшей тогда эволюционной теории, воспринятой без критики и не учитывавшей скачкообразности исторического развития.

Шаг назад сделал львовский профессор М.С. Грушевский, работавший в Австро-

---

[21] См.: Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. М., 1938. С. 1—2.

[22] Проблема взаимоотношения Золотой Орды и Руси искусственно осложнена. То, что русские называли хана царем и платили в Орду «выход», несомненно, но во внутренние дела Руси ханы не вмешивались и, требуя от кочевых подданных после принятия ислама отречения от монгольской культуры (ясы) и религии, не требовали этого от русских. Скорее здесь была уния при главенстве Орды, а Русь рассматривалась как самостоятельный улус, примкнувший к Орде по договору, а не вследствие завоевания (см.: Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. С. 398 и след.; Он же. Апокрифический диалог // Нева. 1988. № 3, 4).

[23] Цит. по: Пресняков А.Е. Указ. соч. С. 3.

Венгрии, тоже нуждавшийся в политическом обосновании оккупации Австрией Галиции. Здесь была предложена схема, напоминающая русскую государственную, но наоборот. Литовско-польская Речь Посполитая была объявлена продолжением Киевской Руси, а Владимиро-Московская Русь представлена особым народом, соперником и даже врагом «Украины — Руси».[24] Эта идея основывалась на том, что в начале XX в. категория «этнос» еще не была раскрыта. На эту неопределенность А.Е. Пресняков указывает как на главную трудность при разрешении поставленной здесь проблемы.[25]

И он приводит опровержение схемы М.С. Грушевского, указывая на полное отсутствие признаков вражды и даже различия между северными и южными русичами в киевский период. «Вражда киевлян и новгородцев, киевлян и суздальцев проявляется не в иных… формах, чем соперничество в борьбе владимирцев и ростовцев во время усобиц между сыновьями Андрея Боголюбского».[26] И от себя добавлю — чем между киевлянами и черниговцами. Достаточно вспомнить жестокую расправу над Игорем Ольговичем в 1147 г. и погром Киева в 1203 г., после коего город долго не мог оправиться. Только в XIV в., когда Ольгерд и Витовт покорили Киев, Чернигов, Курск, Смоленск, судьбы юго-западных и северо-восточных русских разошлись. Но в XVII в. Украина, а в XVIII в. Белоруссия и Волынь воссоединились с Россией, причем не путем завоевания их Москвой, а путем освобождения от польского ига, которое было куда тяжелее ордынского.

Современная точка зрения, общепринятая в советской науке, тоже принимает XIV век за «водораздел» между древней, Киевской, Русью с ее северо-восточной окраиной — Суздальским и Владимирским княжествами и выделением из общерусского этноса трех новых: великороссов, белорусов и украинцев.[27] Такая периодизация не требует поправок, но остаются неясными вопросы: 1) в чем причина ошибочности трех прежних концепций? (а причина эта явно общая); 2) каким образом удалось заведомую ошибочность преодолеть, а причину общей ошибки устранить? Краткие ответы на эти вопросы: 1) предложенная летописцем Нестором дата основания Руси — 862 г.; 2) работами А.А. Шахматова и Д.С. Лихачева о древнейших славянах и концепцией этногенеза автора этих строк.

История восточного славянства и русского этноса началась задолго до Рюрика, полагает А.А. Шахматов. Пересказ его теории происхождения восточного славянства[28] не входит в нашу задачу. Нам достаточно знать его выводы. Признавая первой славянской родиной бассейн Западной Двины, А.А. Шахматов называет второй родиной Повисленье, которое в III—II вв. до н. э. покинули бастарны и куда во II в. н. э. пришли готы. Тогда же славяне были втянуты в Великое переселение народов, что заставило славян расколоться на западных — венедов — и южных — склавинов. Тогда же выделились анты (поляне), двинувшиеся на юго-восток.

Отметим, что по этнологической терминологии здесь описан пассионарный толчок. Это и есть начало процесса этногенеза славян и византийцев (ромеев-христиан). По

---

[24] См.: Грушевский М.С. История Украины — Руси: В 5 т. Т. I—III. Львов, 1904—1905; Т. IV. Львов, 1903; Т. V. Львов, 1905; см. также: Пресняков А.Е. Указ. соч. С. 4—5.

[25] А.Е. Пресняков дает критический разбор аспектов этнической диагностики: расового, языкового, культурно-психологического — и делает вывод: «Государства возникают раньше наций» (Указ. соч. С. 6), но не говорит, почему они возникают. Нашу точку зрения см.: Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.

[26] Пресняков А.Е. Указ. соч. С. 10.

[27] См.: История СССР с древнейших времен до наших дней: В 2 т. М., 1966.

[28] См.: Шахматов А.А. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919. Ср.: Пресняков А.Е. Указ. соч. С. 14—26.

предположению А.А. Шахматова, принятому А.Е. Пресняковым, от Черноморского побережья славян оттеснили авары и болгары, из-за чего славяне заняли лесную полосу между Днепром и Днестром, т. е. Волынь, что и есть первое общеславянское государство, разгромленное аварами. В VII в. болгар разогнали хазары, а общеславянское царство распалось, выделив Болгарию, Чехию, Польшу и Поморье.

Из Южной Прибалтики на восток двинулись две волны славян: кривичи, создавшие Смоленск, Полоцк, Витебск, Псков, и словене, создавшие Новгород и расселившиеся в Верхнем Поволжье. Радимичи и вятичи пришли «от ляхов».[29] Расселение повело к распаду былого племенного единства. Наконец в IX—X вв. сложилась Киевская Русь — «крупное явление в истории восточного славянства», — распавшаяся во второй половине XII в.[30]

Под «распадом» А.Е. Пресняковым понимается политическая дезинтеграция, но не этногенез, так как в фазе обскурации, сопровождавшейся расцветом культуры (и так бывает), древнерусский этнос дожил до конца XIV в. и лишь в XV в. уступил место ныне бытующим восточнославянским этносам.

На этом фоне, даже если без критики принимать рассказ Нестора о «призвании варягов» в Новгород, очевидно, что узурпация Рюрика — это эпизод в тысячелетней истории восточного славянства, почему-то выпяченный летописцем, тогда как события более крупные им опущены или затушеваны.

Признав это, мы получаем непротиворечивую версию, по которой процесс этногенеза «ведет себя» так же, как видообразование. Ныне в эволюции каждой отдельной группы живых организмов палеонтологи выделяют три стадии. На первой наблюдается мощный подъем жизнедеятельности. На второй они приспосабливаются к различным условиям и расширяют ареал. А на третьей происходит узкая внутренняя специализация, которая приводит либо к гибели, либо к застою. Изменение привычных условий существования делает вид, или в нашем случае этнос, особенно уязвимым, так как жизнеспособность системы падает. В палеонтологии это явление рассматривается как «прерывистое равновесие»,[31] в истории — как дискретность этнических процессов.

Киевская Русь — третья стадия славянского этногенеза. Она возникла тогда, когда славянство перестало существовать как целостность, сохранив как реминисценцию былого единства общепонятность речи, или близость языков.

Таким образом, мы установили временные границы Древней Руси, а пространственные еще предстоит уточнить.

Восточные славяне, но еще не Русь

Вот прошло 70 лет, и стало ясно, что локализации А.А. Шахматова подтвердились. Работами украинских археологов и историков установлены ареалы археологических культур славянской прародины и уточнены датировки.[32] Начало славянского расселения — эпоха зарубинецкой культуры. Славяне двигались от верховья Вислы на юг, в Поднепровье, и на север, к верховьям Днепра, Десны и Оки; в III—V вв., в период «готских войн», — на юг, до

---

[29] См.: Шахматов А.А. К вопросу о польском влиянии на древнерусские говоры // Русский филологический вестник. № 1. Варшава, 1913. С. 1–12. Ср.: ПВЛ. Ч. II. С. 225—226.

[30] См.: Пресняков А.Е. Указ. соч. С. 12.

[31] Ростовцев К.О. Отчего погибли динозавры // Ленингр. правда. 1983. 25 ноября.

[32] Славяне расселялись из области между Днестром, Припятью и Верхней Вислой (см.: Баран В.Д. Сложение славянской раннесредневековой культуры и проблема расселения славян // Славяне на Днестре и Дунае. Киев, 1983. С. 40).

Дуная и в степное Причерноморье, на северо-восток — на Днепровское левобережье. Причинами миграции предложено считать демографический взрыв и исчерпание фонда свободных земель,[33] но кажется парадоксальным, что мотив — желание жить — был связан с повышенной воинственностью, а ведь на войне риск гибели велик.

В VI в. славяне продолжали распространяться на запад, через проходы в Карпатах до Тиссы, вверх по Дунаю и в междуречье Вислы и Одера,[34] и на юг — в 550—551 гг. они форсировали Дунай и к IX в. заняли «всю Элладу»,[35] а часть их перебралась в Малую Азию.

Как ныне установлено, славяне не были аборигенами Восточной Европы, а проникли в нее в VIII в., заселив Поднепровье и бассейн озера Ильмень. До славянского вторжения эту территорию населяли русы, или россы, — этнос отнюдь не славянский. Еще в X в. Лиутпранд Кремонский писал: «Греки зовут Russos тот народ, который мы зовем Nordmannos — по месту жительства» — и помещал этот народ рядом с печенегами и хазарами на юге Руси.[36] Скудные остатки языка россов — имена и топонимы — указывают на их германоязычие. Название Днепровских порогов у Константина Багрянородного приведены по-русски: Ессупы, Ульворен, Геландра, Ейфар, Варуфорос, Леанты, Струвун — и по-славянски: Островунипрах, Неясить, Вулнипрах, Веруци, Напрези.

Бытовые навыки у славян и русов были тоже различны, особенно в характерных мелочах: русы умывались перед обедом в общем тазу, а славяне — под струей. Русы брили голову, оставляя клок волос на темени, славяне стригли волосы «в кружок». Русы жили в военных поселках и «кормились» военной добычей, часть которой продавали хазарским иудеям, а славяне занимались земледелием и скотоводством. Авторы X в. никогда не путали славян с русами.[37]

Но при этом нельзя считать русов скандинавскими варягами, так как последние начали свои походы в IX в., а русы известны как самостоятельный этнос авторам VI в. — Иордану и Захарии Ритору. Единственной непротиворечивой версией является заявление епископа Адальберта, назвавшего княгиню Ольгу царицей ругов, народа, западная часть которого погибла в Норике и Италии в V в., а восточная удержалась в Восточной Европе до X в., оставив в наследство славянам династию и название державы. Этот факт наводит на размышления.

Археологами древние славяне сопоставляются с черняховской и пеньковской культурами, причем отмечается смешанный этнический состав носителей этих культур; от Задунавья на юго-западе до Курской земли на северо-востоке, от Южного Полесья до Северного Причерноморья,[38] во II—V вв. кроме славян жили дако-фракийцы, сарматы[39] и,

---

[33] См.: Брайчевский М.Ю. Славяне в Подунавье и на Балканах в VI—VIII вв. // Славяне на Днестре и Дунае. С. 221—222.

[34] См.: Баран В.Д. Указ. соч. С. 45.

[35] См.: Брайчевский М.Ю. Славяне в Подунавье… С. 225. Славянским по языку население Пелопоннеса оставалось до XIX в., т. е. до освобождения Греции от турок. Но школа и литература на новогреческом языке заставили потомков славян — майнотов — сменить и язык, что выделило «греков» из прочих южных славян.

[36] Цит. по: Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. СПб. Б. г. С. 61.

[37] Подробнее см.: Артамонов М.И. История хазар. С. 289—295.

[38] См.: Винокур Н.С. Черняховские племена на Днепре и Дунае // Славяне на Днестре и Дунае. С. 131.

[39] См.: Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970. С. 7.

возможно, готы[40] но после нашествия гуннов остались только славяне, смешавшиеся в VI—VII вв. с гето-дакийскими племенами.[41]

Возможности археологии ограниченны. Эпоху можно определить удовлетворительно, но этнический состав — невозможно. Материальная культура перенимается соседями легко, ибо зависит от ландшафтных условий и уровня техники, а здесь и то и другое совпадало. Обряд погребения показывает культ, но ведь религия не всегда однозначно соответствует этносу. Важнее другое: славянская культура VI—VII вв. отличается от черняховской. Исчезают трупоположения, могилы беднеют. Короче говоря, более древние культуры и их носители были субстратами быстро растущей славянской целостности, находившейся в фазе этнического (пассионарного) подъема. Поэтому в славянских погребениях можно видеть не повторение ранних культур, а их синтез.[42]

Но процесс славянского этногенеза был нарушен вторжением с востока. Хиониты, населявшие берега низовий Яксарта (Сырдарьи), спасаясь от тюркютов, бежали в Европу, где стали известны под именем авар, или обров.[43] Это был древний этнос, наследие легендарного Турана, и юные восточные славяне стали жертвой старого хищника. В 602 г. авары напали на антов — восточных славян, бывших союзниками Византии.[44]

Именно тогда имя антов исчезает из исторических источников.[45] С тех пор исчезло славянское единство, потому что обры отделили южных, балканских славян от северных, или прибалтийских, — венедов. Остатки антов, по-славянски полян,[46] объединились с этносом русов, которых немецкие хронисты X в. считали ответвлением ругов. Слияние полян и русов в единый этнос осуществилось лишь в X в., что проявлялось в образовании государства, называемого в наше время «Русь в узком смысле»,[47] потому что оно не включало в себя большинства славянских племен Восточной Европы, завоеванных и покоренных позднее, о чем пойдет речь ниже.

Таким образом, перед нами сочетание двух самостоятельных процессов: природного феномена — этногенеза, начавшегося в I в., — и социального — построения государства, нарушавшегося троекратно: готами, аварами и норманнами — и осуществленного фактически лишь в XI в., при Ярославе Мудром.

Это начало «государства русского», или, точнее, «Киевского каганата», как его именовали современники, например митрополит Иларион, приходится не на фазу подъема пассионарности, не на фазу перегрева и даже надлома, а на инерционную фазу, которой свойственно интенсивное развитие литературы и искусства, что и заслонило от позднейших

---

[40] См.: Винокур Н.С. Указ. соч. С. 133.

[41] См.: Приходнюк О.М. К вопросу о присутствии антов в Карпато-Дунайских землях. // Славяне на Днестре и Дунае. С. 191.

[42] См.: Баран В.Д. Указ. соч. С. 40.

[43] См.: Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 34—35.

[44] См.: Симокатта Феофилакт. История / Перевод С.П. Кондратьева. М., 1957. Кн. VIII. 5. С. 180.

[45] См.: Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Getica / Вступ. ст., перевод, комментарий Е.Н. Скржинской (далее: Иордан). М., 1960. С. 220.

[46] См.: Брайчевський М.Ю. Похождения Русі. Київ, 1968. С. 155.

[47] См.: Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951; Рыбаков Б.А. Древние русы // Советская археология. XVII. 1953; Артамонов М.И. История хазар. С. 289—290.

историков эпохи героических свершений, преодоленных бедствий и неописанных побед.

Для нашего исследования славяне — тема периферийная, но именно поэтому было необходимо уточнить пространственно-временное осмысление русской истории как результата двух пассионарных толчков и многочисленных этнических контактов, из коих ни один не был похож на другой. А культурная традиция, обусловленная никейским исповеданием и доблестью богатырей, проходит красной нитью сквозь века и страны, не меняясь, ибо она плод не природы, прекрасной в своей вечной изменчивости, а сознания, т. е. культуры, цель которой — консервация.[48]

Но так как история одной страны всегда проходит на фоне мировой истории, так же как эта последняя идет на фоне истории Земли, то мы должны вернуться к заданной теме нашего исследования — проблеме разнообразия этнических контактов, приняв за исходную точку Северный берег Каспия, ибо оттуда удобно видеть и Запад, и Восток.

Часть первая
География этносферы первого тысячелетия н.э
Кто есть кто

I. В ареале угасшей пассионарности

1. Описание хазарской страны

Ландшафты, как и этносы, имеют свою историю. Дельта Волги до III в. не была похожа на ту, которая существует ныне. Тогда по сухой степи среди высоких бэровских бугров струились чистые воды Волги, впадавшие в Каспийское море много южнее, чем впоследствии. Волга тогда была еще мелководна, протекала не по современному руслу, а восточнее: через Ахтубу и Бузан и, возможно, впадала в Уральскую западину, соединенную с Каспием узким протоком.

От этого периода остались памятники сармато-аланской культуры, т. е. туранцев. Хазары тогда еще ютились в низовьях Терека.

Во II—III вв. атлантические циклоны сместили свой путь на север. Дожди перестали орошать степную зону, где на время воцарилась пустыня, а стали изливаться в Волго-Окском междуречье и на широтах водосбора Камы. Особенно значительным было зимнее увлажнение: сугробы мокрого снега и, как следствие, огромные весенние половодья.

Волга понесла все эти мутные воды, но русло ее в низовьях оказалось для таких потоков узким. Тогда образовалась дельта современного типа, простиравшаяся на юг почти до полуострова Бузачи (севернее Мангышлака). Опресненные мелководья стали кормить огромные косяки рыб. Берега протоков поросли густым лесом, а долины между буграми превратились в зеленые луга. Степные травы, оставшись лишь на вершинах бугров (вертикальная зональность), отступили на запад и восток (где ныне протоки Бахтемир и Кигач), а в ядре возникшего азонального ландшафта зацвел лотос, запели лягушки, стали гнездиться цапли и чайки. Страна изменила свое лицо.

Тогда изменился и населявший ее этнос. Степняки-сарматы покинули берега протоков, где комары не давали покоя скоту, а влажные травы были для него непривычны и даже вредны. Зато хазары распространились по тогдашней береговой линии, ныне находящейся на 6 м ниже уровня Каспия. Они обрели богатейшие рыбные угодья, места для охоты на водоплавающую птицу и выпасы для коней на склонах бэровских бугров. Хазары принесли с собой черенки винограда и развели его на новой родине, доставшейся им без кровопролития, по случайной милости природы. В очень суровые зимы виноград погибал, но пополнялся

---

[48] См.: Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.

снова и снова дагестанскими сортами,[49] ибо связь между Терской и Волжской Хазарией не прерывалась.

Воинственные аланы и гунны, господствовавшие в степях Прикаспия, были не опасны для хазар. Жизнь в дельте сосредоточена около протоков, а они представляют собой лабиринт, в котором заблудится любой чужеземец. Течение в протоках быстрое, по берегам стоят густые заросли тростника, и выбраться на сушу можно не везде. Любая конница, попытавшаяся проникнуть в Хазарию, не смогла бы быстро форсировать протоки, окруженные зарослями. Тем самым конница лишалась своего главного преимущества — маневренности, тогда как местные жители, умевшие разбираться в лабиринте протоков, могли легко перехватить инициативу и наносить врагам неожиданные удары, будучи сами неуловимыми.

Еще труднее было зимой. Лед на быстрых речках тонок и редко, в очень холодные зимы, может выдержать коня и латника. А провалиться зимой под лед, даже на мелком месте, значило обмерзнуть на ветру. Если же отряд останавливается и зажигает костры, чтобы обсохнуть, то преследуемый противник за это время успевает скрыться и ударить по преследователю снова.

Хазария была естественной крепостью, но, увы, окруженной врагами. Сильные у себя дома, хазары не рисковали выходить в степь, которая очень бы им пригодилась. Чем разнообразнее ландшафты территории, на которой создается хозяйственная система, тем больше перспектив для развития экономики. Дельта Волги отнюдь не однообразна, но не пригодна для кочевого скотоводства, хотя последнее, как форма экстенсивного хозяйства, весьма выгодно людям, потому что оно нетрудоемко, и природе, ибо количество скота лимитируется количеством травы. Для природы кочевой быт безвреден.

Хазары в степях не жили и, следовательно, кочевниками не были. Но и они брали от природы только избыток, которым она могла смело поделиться: рыбу, виноград и плоды из садов. Короче говоря, этносы низовий Волги в то время находились в фазе гомеостаза — равновесия с природой и друг с другом. При этой системе жизни этносы редко активно общаются между собой, потому что воевать не из-за чего, а брать в жены чужих девушек невыгодно: привыкшие к иному быту, они будут плохими хозяйками в доме мужа.

Чем крупнее цель, тем легче в нее попасть. Поэтому заключим наш сюжет — трагедию хазарского этноса — в рамку истории сопредельных стран. Конечно, эта история будет изложена «суммарно», ибо для нашей темы она имеет только вспомогательное значение. Но зато можно будет проследить глобальные международные связи, пронизывавшие маленькую Хазарию насквозь, и уловить ритм природных явлений биосферы, вечно изменчивой праматери всего живого. Тогда и история культуры заиграет всеми красками.

2. Этнос «отраженного света»

Может показаться, что, утверждая невозможность существования активного этноса без пассионарного толчка, мы погрешили против собственного тезиса. Например, хазары стали известны византийским и персидским авторам в IV в., а армянским — в III в.,[50] но ни

---

[49] См.: Потапенко А.И. Старожил земли русской. Ростов, 1976. С. 50.

[50] Моисей Хоренский в «Истории Армении» упоминает, что между 193 и 213 гг. «толпы хазар и баслов (барсилов), соединившись, прошли через ворота Джора (Дербентский проход)… перешли Куру и рассыпались на всю сторону ее» (цит. по: Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962. С. 115). М.И. Артамонов полагает, что упоминание хазар в столь раннее время — анахронизм (см. там же. С. 131), однако оснований для сомнений не приводит. Принимая сведения источника, констатируем, что во II в. хазары обитали в низовьях Терека и Сулака. На Волгу они распространились позднее не через сухие степи, а по берегу Каспийского моря, стоявшего тогда на отметке минус 36 м, т. е. на 8 м ниже, нежели в XX в. (см.: Гумилев Л.Н. Хазария и Каспий // Вестн. ЛГУ. 1974. № 6. С. 84—95; Он же. Хазария и Терек // Там же. 1974. № 24. С. 78—88).

меридиональный толчок II в. (от Скандзы до Палестины), ни широтный толчок IV в. (от Аравии до Северного Китая) не должны были их задеть. Каким же образом объяснить особенности их этногенеза в течение тысячи лет и образование многочисленных реликтов: гребенских и нижнедонских казаков, астраханских татар и караимов Крыма? Короче говоря, хазары вели себя как «полноценный» этнос, прошедший все фазы развития, но за счет чего?

Русский летописец правильно сопоставляет хазар со скифами,[51] под которыми его источник, Георгий Амартол, подразумевал древнее, досарматское население южной части Восточной Европы.[52] В то время когда степные водораздельные пространства захватывались последовательно сарматами (III в. до н. э.), гуннами (IV в. н. э.), болгарами (V в.), аварами (VI в.), мадьярами и печенегами, хазары спокойно жили в густых прибрежных зарослях, недоступных для кочевников, с коими они всегда были врагами.

Благодаря столь благоприятным природным условиям хазары — потомки древнего европеоидного населения Западной Евразии — жили как этнос-персистент до конца VI в., когда ситуация изменилась крайне резко и неожиданно.

Самая важная роль в хазарском этногенезе выпала на долю новорожденного этноса древних тюрок — тюркютов, как принято их называть, чтобы избежать терминологической путаницы — смешения этого этноса с прочими тюркоязычными племенами.[53] Возникли тюркюты так: в 439 г. небольшой отряд князя Ашина бежал из Северо-Западного Китая от победоносных и безжалостных табгачей. Состав этого отряда был пестрым, но преобладавшим этносом были сяньбийцы, т. е. древние монголы. Поселившись на склонах Алтая и Хангая и смешавшись с аборигенами, тюркюты сделали своей узкой специальностью плавку железа и выделывание оружия. В 552 г. их первый хан — Тумын — одержал победу над жужанями, господствовавшими в Степи в IV—V вв. Так был создан Великий тюркютский каганат.

Младший брат Тумына, хан Истеми, был поставлен во главе войска, имевшего задачей подчинение западных степей. Истеми дошел до Дона и берегов Черного моря. Некоторые племена бежали от него, другие подчинились силе оружия, а третьи сочли за благо помочь завоевателю, дабы разделить с ним плоды победы. В числе последних оказались хазары и болгарское племя утургуров, жившее между Кубанью и Доном. Когда же в начале VII в. Великий каганат распался, то хазары и утургуры оказались в составе Западного каганата. Те и другие искренне помогали своим новым правителям в войнах против Византии и Ирана. Однако в Западно-Тюркютском каганате два племенных союза образовали две партии, боровшиеся за власть над бессильным ханом. Утургуры примкнули к одной, а хазары, естественно, к другой партии, а после ее поражения приняли убежавшего царевича себе в ханы (650 г.).[54]

Через 8 лет Западно-Тюркютский каганат был захвачен войсками империи Тан, что пошло на пользу хазарам, принявшим сторону ранее побежденного царевича, и во вред болгарам-утургурам, лишившимся поддержки верховного хана (658 г.). Вследствие этого хазары около 670 г. разгромили болгар, и те разбежались — кто на Каму, кто на Дунай, кто в

---

[51] ПВЛ. Ч. II. С. 14.

[52] Там же. Ч. II. С. 223.

[53] Термин «тюрк» имеет три значения. Для VI—VIII вв. — это маленький этнос (тюркют), возглавивший огромное объединение в Великой степи (эль) и погибший в середине VIII в. Эти тюрки были монголоиды. От них произошла хазарская династия, но сами хазары были европеоиды дагестанского типа. Для IX—XII вв. тюрк — общее название воинственных северных народов, в том числе мадьяров, русов и славян. Это культурно-историческое значение термина не имеет касательства к происхождению. Для современных востоковедов «тюрк» — группа языков, на которых говорят этносы разного происхождения.

[54] Подробно см.: Артамонов М.И. История хазар. С. 171; Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 238.

Венгрию, а кто даже в Италию.

Одновременно хазарам пришлось отражать вторжение арабов, победоносных от Индии до Аквитании. Но на Кавказе, неожиданно для завоевателей Ирана и Испании, война шла с переменным успехом, причем хазарские вторжения в Закавказье чередовались с арабскими походами до Дербента (662—744 гг.), севернее которого арабам так и не удалось закрепиться. Откуда взялась у маленького реликтового этноса такая грандиозная пассионарность, позволившая хазарам при неравенстве сил свести вничью войну с самым сильным и агрессивным государством VIII в.? Численный перевес был на стороне арабов, потому что хазарских ханов тюркской династии не поддерживали ни аланы, ни мадьяры, ни буртасы, ни мордва, ни славяне, а уж меньше всего болгары. Особую позицию занимали горцы Дагестана — царства Серир, Туман, Зирих-Геран, Кайтаг, Табасаран, Лакз и Филан, уже в 738 г. подчинившиеся наместнику Азербайджана и Армении Мервану,[55] опиравшемуся на неприступный Дербент.[56] Но маленькая Хазария героически отстояла свою независимость. Почему?

Вспомним, что целых 100 лет (558—650) тюркютские ханы использовали территорию Хазарии как базу для своих военных операций. В Хазарии тюркютские богатыри отдыхали после перехода через сухие степи, а по возвращении из Крыма или Закавказья прогуливали награбленную добычу. И тут наверняка не обходилось без женщин, которые, как известно, не бывают равнодушны к победителям. Дети, появившиеся после военных походов, искренне считали себя хазарами. Отцов своих они не знали, воспитаны были в среде хазар и в ландшафте Волжской дельты. В наследство от тюркютов они получили только некоторые антропологические и физиологические черты, в том числе пассионарность. А поскольку такой симбиоз длился более ста лет, то естественно, что привнесенной чужаками пассионарности стало достаточно, чтобы превратить реликт в активно действующий этнос.

Но еще существеннее для хазарского этногенеза был следующий период, когда Хазарией управляли тюркские ханы династии Ашина (650—810), наследники правителей Великого тюркского каганата (552—745). Царевич-беглец и его соратники, принятые хазарами гостеприимно, не слились с массой народа и не противопоставили себя ей. Они продолжали жить кочевым бытом, только зиму проводя в домах в Итиле; они возглавили борьбу с арабами и, будучи мастерами степной маневренной войны, научили хазар отбивать натиск регулярных войск; оставаясь язычниками, почитавшими Синее Небо и Черную Землю, они были веротерпимы до полной неразборчивости. Это-то их и погубило. Но из-за чего и каким образом?

3. Развивалась ли в хазарии культура?

Странно, но долгое время считалось, что народы Евразийской[57] степи, в особенности кочевые, не имели собственного культурного развития, собственной истории и уж обязательно — оригинального искусства. Раскопки на Алтае, в Монголии и Сибири показали, что искусство евразийских народов существовало, история их ныне написана, прочтенные тексты показали наличие переводной философской литературы, а фольклор зафиксировал оригинальные сюжеты. Все у них было, но мало что сохранилось.

---

[55] См.: История Дагестана. Т. I. М., 1967. С. 153.

[56] Дербент был окончательно оккупирован арабами в 685—686 гг. и отделился от халифата в X в. вместе с Ширваном.

[57] Евразией в данной работе называется внутренняя часть континента, в основном степь между Карпатами и Маньчжурией, представляющая этнокультурную целостность. В таком же этнокультурном аспекте следует рассматривать названия «Восточная Европа» и «Западная Евразия».

Однако перед нами сразу возникает непредвиденная трудность: социальное развитие в странах земледельческих, у народов, унаследовавших развитую культуру античности, и у племен, живущих в девственных ландшафтах, без письменности, с примитивной техникой, идет асинхронно. В Европе в VIII—X вв. бурно развивается феодализм, образуются классы, разделяются ремесло и земледелие за счет усовершенствований техники, а в степях Евразии овцы поедают траву, псы охраняют овец, а пастухи ездят в гости друг к другу; единственное орудие производства — кнут, но совершенствовать его незачем.

Однако и в Евразии возникают города, правда, только на берегах рек, потому что в голой степи и ныне люди не живут оседло. Археологические культуры здесь сменяют одна другую, этносы возникают и исчезают. Короче говоря, жизнь идет, хотя формация остается той же — первобытно-общинной в стадии военной демократии. Как это понять?

Как попытка объяснения направления процесса в последние годы получил распространение и был принят без критики и проверки постулат: развитие культур и народов степной и лесной зон Евразии шло «от кочевий к городам», и прослеживается этот путь археологией, причем археологическая культура отождествляется с этносом.[58] Согласно этому принципу прогрессивной эволюции, археологическая салтово-маяцкая культура свойственна единому болгаро-хазарскому этносу, переходившему от кочевого скотоводства к оседлому земледелию вследствие обеднения одних людей и закабаления их другими, предоставлявшими им ссуды для обзаведения хозяйством, после чего бедняки попадали в экономическую зависимость от богатеев.[59]

Волжская Хазария в VI—XIII вв.

В этой умозрительной концепции четко описано первоначальное накопление капитала при становлении аграрного капитализма. Называть такой процесс «элементами феодальных отношений» нет никаких оснований. Но если так, то, по мнению авторов, капитализм зародился не вследствие развития производительных сил и технического прогресса, а из-за корыстолюбия одних и беспомощности других, бедневших неизвестно почему и каким-то странным образом моментально осваивавших сложную культуру земледелия, а для этих районов — виноградарства, требующую обычно опыта многих поколений.

Бесспорно, что у древних хазар, болгар, гузов, печенегов существовал родоплеменной строй. Как известно, при первобытно-общинной формации земля принадлежит роду и, следовательно, всем его членам. Родович, потеряв скот вследствие падежа, гололедицы или угона врагами, имел право на помощь своего рода, притом безвозмездную. Поэтому индивидуальной бедности у этих народов существовать не могло. Богатство у отдельных представителей имелось не в форме капитала, а как сокровище (серьги, ожерелья, ценное оружие, шелковые или парчовые халаты).[60] Займов под проценты при отсутствии денежной системы не бывает, а при натуральном хозяйстве нужды в них не возникает. Стало быть, при существовавшем в I тысячелетии уровне производительных сил и изобилии природных ресурсов не было предпосылок для развития капитализма даже в зачатке. Накопление богатства ради богатства для каждого родовича показалось бы бессмысленным и грязным занятием, а если бы кто-либо стал обижать соплеменников, то те бы его либо выгнали, либо убили как выродка. А ведь перед этим сам М.И. Артамонов писал, что Хазарию превратила в классовое государство еврейская купеческая верхушка, опиравшаяся на наемные войска и

---

[58] См.: Плетнева С.А. От кочевий к городам. М., 1967.

[59] См.: Артамонов М.И., Плетнев С.А. Еще раз о степной культуре Евразии // Народы Азии и Африки. 1970. № 3. С. 92.

[60] См.: Артамонов М.И. История хазар. С. 99.

лишившая кагана свободы и власти.[61] К оседанию кочевников события IX в. никакого отношения не имели.

Да и не было никакого оседания. Земледелие и кочевое скотоводство сосуществовали с древних веков, потому что являлись способами адаптации этносов к ландшафтам.[62] Разумеется, этносы, развивающие технику, меняются, но при этом они воздействуют на географическую среду, создавая антропогенные ландшафты — большие города. Но когда это имеет место, археолог легко это обнаружит. А в Хазарии строили только крепости и базары для обеспечения транзитной торговли, на природу степей и речных долин не воздействовавшие.

И, наконец, отождествление хазар и болгар основано на неоправданном приравнивании этноса к археологической, т. е. материальной, культуре. А так как салтово-маяцкая культура представлена главным образом керамикой, то, значит, древние люди признаны за дополнение к черепкам разбитых горшков, т. е. те и другие — «материал того же порядка».[63] Логика авторов проста до предела: черепки удобнее для изучения. Они лежат на земле и видны, а древние люди сгнили. Поэтому хватит с нас одних черепков, прочее же можно домыслить.

Но представим себе, что археолог XXX в. ведет раскопки на территории Ленинграда. Занимаясь посудой, он выделит «культуру глиняных горшков», «культуру фарфора», «культуру алюминиевых мисок», «культуру пластмассовых блюдец». При раскопках жилищ он разнесет по разным «культурам» дворцы в стиле ампир, кирпичные доходные дома и блочные строения. Все эти дома он обязан, согласно постулату, интерпретировать как памятники особых этносов. А ведь для примера взята 250-летняя история одного города!

Так правильно ли класть в основу этнической диагностики формы керамических изделий, а не способы жизни народов, т. е. их взаимодействие с кормящей их природой и живыми традициями быта, нравов, воззрений, изменяющихся из века в век по строгой закономерности этногенетических процессов? Нет, у каждой науки есть своя сфера и свои пределы. Археология ведает «трупами вещей», т. е. памятниками. Археолог бессилен там, где ткани и меха истлели, а золотые украшения перелиты врагами в слитки. Надо искать иной путь.

4. Фазы этногенеза в западной Евразии

В специальной работе.[64] нами было установлено, что этническая история человечества состоит из ряда дискретных процессов — этногенезов, накладывающихся на историческую канву аналогичных процессов, протекавших ранее на той территории, которая привлекла внимание исследователя. Так, в Восточной Европе и примыкающей к ней западной окраине Великой степи за период, освещенный письменными источниками, сменилось множество народов. С VIII до III в. до н. э. здесь господствовали скифы, уничтоженные сарматами. С III в. до н. э. по IV в. н. э., точнее — до 370 г., хозяевами степей восточнее Дона были сарматы, а правобережьем Днепра овладели готы. В 371 г. гунны перешли Дон и в 376 г.

---

61 См. там же. С. 457—458. Может показаться странным, что М.И. Артамонов в статье, написанной совместно с С.А. Плетневой, отвергает и игнорирует выводы собственной книги, например войну хазар с болгарами, показывавшую, что это разные этносы, и многое другое. Объяснения этой странности у меня нет.

62 См.: Гумилев Л.Н., Эрдейи И. Единство и разнообразие кочевой культуры в средние века // Народы Азии и Африки. 1969. № 3. С. 78—87.

63 Артамонов М.И., Плетнева С.А. Указ. соч. С. 89.

64 См.: Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.

вытеснили часть готов за Дунай, а около 420 г. заняли Паннонию. В 454 г. гунны были разбиты гепидами, в 463 г. — болгарами, в 469 г. — византийцами, после чего господство над причерноморскими степями перешло к болгарам. Судьба гуннов — яркий пример того, что любой этнический процесс может быть нарушен политическими коллизиями, которые невозможно предугадать. Гунны могли бы выиграть битву с гепидами при Недао в 453 г. или разгромить сарагуров (болгар) в 463 г. Тогда бы в Восточной Европе уже в V в. создалось сильное гуннское государство. Но так как этого не случилось, то многочисленные местные этносы вернули себе самостоятельность. В числе их были потомки антов — дулебы, жившие на Волыни. Арабский географ Масуди, писавший около 930 г., отмечает: «Из этих племен (славянских) одно имело прежде в древности власть, его царя называли Маджак, а самое племя называлось валинана… (т. е. „волыняне“)… Оно почиталось между их племенами и имело превосходство между ними»[65]

Болгары не создали единого государства. Восточные, в бассейне Кубани, — утургуры — и западные, между Доном и низовьями Дуная, — кутургуры — враждовали между собой и стали добычей новых пришельцев с востока: кутургуров подчинили авары (точнее, псевдоавары, или вархониты), а утургуров — тюркюты в 558—574 гг. Границей между Аварским и Западно-Тюркютским каганатами стал Дон. С 668 г. авары, укрепившиеся в Паннонии, были естественными врагами славян. Подробности этой длительной войны в источниках не сохранились, ибо события протекали далеко от Византии и Галлии, где только и велись записи, но даже по отрывочным записям видно, что в 581 г. авары захватили Сирмий, греческую крепость на Дунае (около Белграда), а затем разграбили Балканский полуостров (583—587). С 588 по 631 г. авары одерживали победы и «примучивали дулебов» (восточнославянское племя), около 600 г. они совместно со славянами-хорутанами заселили Внутренний Норик. В 619—620 гг. авары, находясь в союзе с персами, дошли до стен Константинополя, но были отражены. Новая попытка их добиться победы над греками в 627 г. кончилась катастрофическим поражением, которое повлекло восстание болгарского племени — кутургуров, обитавших в степях от Карпат до Дона, которых немногочисленные авары использовали в борьбе с противниками — антами, союзниками ромеев.[66]

В эти годы на северной границе Аварского каганата шла столь же ожесточенная война, следом которой являются городища укреплений, разрушенных и покинутых местным населением (например, «Пастырское городище»).[67] В 631 г. авары жестоко подавили восстание кутургуров, остатки коих объединились с утургурами в 633 г. Когда же утургуры в 670 г. потерпели поражение от хазар, подчинивших себе Северный Кавказ, то болгары разбежались, а бывшие земли кутургуров были заселены тиверцами и уличами.

Все эти события подорвали мощь авар, которые в VI в. господствовали в степях восточнее Карпат. Упадок Аварского каганата наступил в VIII в. Но почему? Ведь авары, или обры, были не только воинственны, но и интеллектуальны. Их дипломатия и способности к управлению были на высоте тогдашних требований. У них были естественные союзники — кангары, или печенеги, в степях Приаралья. И при этом они бежали от немногочисленных тюркютов, отступили от стен Константинополя и терпели поражения от славян державы Само. Это не случайно.[68]

Заглянем в историю. До VI в. до н. э. арийские племена Средней Азии и Ирана

---

[65] Гаркави А.Я. Сказания еврейских писателей о хазарах и хазарском царстве. СПб., 1874. С. 135.

[66] См.: Чичеров И.С. Византийские исторические сочинения. «Хронография» Феофана. М., 1980. С. 58. Примеч. 197. С. 96.

[67] См.: Брайчевський М.Ю. Похождения Русі. Київ, 1968. С. 172.

[68] См.: Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Вып. IV. М., 1987. С. 208—215.

представляли целостность грозную и агрессивную. На рубеже VI и V вв. до н. э. прозвучала огненная проповедь Заратуштры, направленная против древних богов — дэвов. Индусы и эллины, скандинавы и кельты не услышали ее, но в степях Средней Азии она звучала как гром. Те, кто принял новое учение, стали иранцами; те, кто сохранил верность древним богам, остались туранцами.

Древние этносы Средней Азии — согдийцы, парфяне, истинные абары («аба» в Джунгарии), эфталиты, хиониты и кангары — находились на излете своего жизненного пути и, даже укрывшись за Карпаты, были обречены. То, что они продержались до прихода венгров, — акт великого мужества и твердости. Для славян эти наследники древнего Турана были врагами, достойными восхищения.

Еще страшнее была судьба тюркютов. В середине VIII в. они были физически истреблены — одни у себя на родине, другие в Китае, где они пытались найти спасение. Но они оставили многим этносам роскошное наследство: славное имя, традиции военной доблести и пассионарный генофонд, рассеянный по многим степным популяциям.

Внесение признака пассионарности со стороны по последствиям не отличается от возникновения ее путем мутации. Разница проявляется лишь в том, что при генетическом дрейфе признак распространяется более быстро, а следовательно, процесс идет более интенсивно. Поэтому инкубационный период хазарского этногенеза уложился в три поколения — около 70 лет, после чего с 627 г. становится уместным название «тюрко-хазары», теряющее смысл после 650 г., когда хазарами называют именно метисов тюрко-хазарского происхождения. Почему-то Истахри и другие восточные географы делили хазар на два разряда: смуглых,[69] черноволосых и «белых, красивых, совершенных по внешнему виду».[70] Также они относили хазар то к тюркам, то к нетюркам, возводя их то к грузинам, то к армянам.[71] Хазарский язык, по замечанию Истахри, не походит ни на тюркский, ни на персидский, ни на какой другой известный язык, а схож с языком болгар.[72] Это последнее вызвало множество недоумений, ибо языком болгар считается тюркский. Однако так ли было в V—VI вв., когда тюрки впервые появились в Поволжье? Навряд ли!

Тюркский язык распространился как международный и общеупотребительный лишь в XI в. благодаря половцам, причем вытеснил из степи древнерусский, господствовавший в X—XI вв.[73] До этого этносы говорили дома на своих языках, которые до нас не дошли, а кроме того, знали древнетюркский язык воинского начальства.

Таким образом, в VII в. в Нижнем Поволжье создались оптимальные условия для этногенеза: разнохарактерные ландшафты в тесном сочетании, соответствующие им хозяйственные уклады, сосуществование этнических субстратов, относящихся к единому (евразийскому) суперэтносу, и импорт пассионарности, позволивший оформить этническое разнообразие в социальную систему. Эта последняя была достаточно эластичной, чтобы вошедшие в нее этносы стали субэтносами хазарского этноса, унаследовавшего название от предков.

Вот почему М.И. Артамонов сомневался в достоверности армянских хроник,

---

[69] У Захария названы «красные» (см.: Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе: В 2 т. Т. I. М., 1962. С. 138).

[70] Там же. С. 137.

[71] Там же. С. 135.

[72] Там же. С. 135.

[73] См.: Куник А., Розен В. Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Т. I. СПб., 1878. С. 54.

упоминавших хазар в III в. н. э.[74] Этноним был тот же, но этнос другой, а это бывает часто.

Фаза этнического подъема заняла около 150 лет — с середины VII до конца VIII в. За это время хазары шли от успеха к успеху и весьма удачно находили контакты с соседями. Однако характер этих контактов был различен, что и повело к смещению нормальной кривой этногенеза, вследствие чего акматическая фаза не наступила. Поэтому обратим внимание и на соседей хазар, но сначала напомним, что в III—V вв. хазарский этнос находился в фазе гомеостаза. Производительные силы его были стабильны, а общество пребывало в первобытно-общинной формации с устоявшимися производственными отношениями. Но это не мешало хазарам жить и защищать свои дома от соседей, далеко не всегда дружелюбных.

5. Между горами и морем

До сих пор в поле нашего зрения была Волжская Хазария — «Прикаспийские Нидерланды». Но долгое время хазары господствовали в равнинном Дагестане, в Терско-Сулакском междуречье. Археологическими работами 1967—1980 гг. было установлено, что хазары жили на северном берегу Терека и на берегу Каспийского моря между устьями Терека и Сулака. Заслуга этой находки принадлежит Г.С. Федорову, ознакомившему с добытыми материалами автора этих строк в 1966 г.[75] Сходство этой керамики с керамикой дельты Волги не вызывает сомнений.

И, наоборот, предгорные и степные районы Дагестана были заселены не хазарами. Хотя хазарское влияние на них прослеживается, но, по мнению А.В. Гадло, оно привнесено в готовой форме извне.[76] С этим необходимо согласиться. Городище Хазар-Кала — это крепость государства Серир, иногда захватываемая хазарами. Она прикрывала широкую дорогу во внутренний горный Дагестан, тогда как соседние ущелья были недоступны из-за утесов, между которыми протекают ручьи, и потому защищать их не было надобности. Короче говоря, здесь была пограничная зона, а не спокойное обиталище хазар, как на морском берегу. Море в V—VIII вв. стояло низко: уровень его был минус 34 м, т. е. на 6 м ниже, чем в XX в. Поэтому не море тревожило прибрежных жителей.[77]

Да и в последующие века, когда затоплялся северный, плоский берег Каспия, степи Дагестана были вне опасности, так как максимальная отметка новокаспийской трансгрессии — минус 18 м, а даже город Бабаюрт лежит на нулевой отметке, т. е. на 12 м выше максимального уровня Каспия XIII—XIV вв. Залиты были только низовья Волги.[78]

---

[74] См.: Артамонов М.И. История хазар. С. 116.

[75] См.: Федоров Г.С. Раскопки в Северном Дагестане // Археологические открытия 1967 г. М., 1968. С. 92.

[76] См.: Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. Л., 1979. С. 202—203.

[77] См.: Гумилев Л.Н. Хазария и Каспий (Ландшафт и этнос. I) // Вестн. ЛГУ. 1964. № 6. С. 82—95.

[78] В этой связи вызывает удивление попытка М.Г. Магомедова оспаривать факт колебаний уровня Каспийского моря на том основании, что каспийские волны не задели предгорных степей, лежавших на 20 м выше максимального уровня (см.: Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата. М., 1983. С. 18 и 181). Единственное низкостоящее городище — Тенг-Кала в низовьях р. Сулак — «состоит из чередующихся слоев культурных отложений и речного ила толщиной 20—30 см» (с. 39). Поскольку Сулак течет в глубоком каньоне, то для того чтобы возникли половодья, необходимо, чтобы река стояла на подпоре, т. е. чтобы уровень Каспия был высоким. А коль скоро так, то М.Г. Магомедов сам опровергает свой тезис. Впрочем, это не единственный случай: цитируя книгу Л.Н. Гумилева «Древние тюрки» (с. 41 и 153—158 — о хазарах там ничего нет — см.: Магомедов М.Г. Указ. соч.), он показывает полное непонимание цитируемого текста. И что самое удивительное, такой серьезный археолог, как С.А. Плетнева, будучи редактором цитируемой книги, не указала М.Г. Магомедову на его ошибки. Вот пример того, как опасно доверять проверку своей работы людям, игнорирующим географию. Им-то ведь безразлично, о чем идет речь: о предгорьях Дагестана или о дельте Волги.

Грозный X век был временем грандиозных перемен не только на Руси (крещение), в халифате (захват Багдада дейлемитами), в Китае (восстановление единства — династия Сун), но и в степях Северного Прикаспия и Приаралья. Жестокая вековая засуха, поразившая в X в. степную зону Евразии,[79] ослабила печенегов и гузов, кочевья которых захватила пустыня. Дожди и снега, выпадавшие над просторами Зауралья и на берегах Аральского моря, в IX в. незаметно переместились на север — на берега Оки и Камы. Там множились болота, ручейки превращались в бурные потоки, а Волга каждой весной уносила влагу в Каспийское море, набухавшее до X в. В X в. этот подъем уровня Каспия остановился, так как циклоны переместились еще севернее — в бассейн Белого моря, где стали легко плавать ладьи викингов.[80] Но для степняков это не было утешением, ибо их родина потеряла озера, вокруг которых еще недавно паслись овцы, и родники, водой которых можно было напоить коней, а количество снега, питавшего жаждущую землю, не прибавилось. Он теперь выпадал в тундре и лежал там, перетоптанный пургой, в ожидании того часа, когда весеннее солнце превратит его в воду, а та растопит вечную мерзлоту и понизит уровень грунтовых вод. Тогда вода озер уйдет в жидкую грязь, и рыба — основной продукт питания северян — погибнет. Немилость природы пала на многие народы в этот жестокий X век!

Но уровень Каспия в X в. стоял примерно на той же отметке, что и в XX в. Только в XIII—XIV вв. он поднялся до отметки минус 18 м, но этот подъем уровня не имел к Хазарии никакого отношения, так как не стало ни Хазарского каганата, ни хазарского этноса. Первый пал еще в X в. под ударом русского князя Святослава, второй распался на христианскую (терские казаки) и мусульманскую (астраханские татары) части. Потомки хазар остались, но этническая система исчезла. И этому в Дагестане способствовало не наступление моря, а сложная этнополитическая обстановка: арабская агрессия, миграция евреев из Ирана, культурные влияния армянской Агвании и т. п. Поэтому для истории Хазарии начавшаяся трансгрессия Каспия значения не имела.

Терская Хазария в VIII—XII вв.

И тут необходимо внести ясность в проблему, возникающую при принятом аспекте. Известно, что все обитаемые регионы заселены настолько, насколько это возможно при данном уровне хозяйства. Равнинный Дагестан — это благодатная степь, ограниченная с севера долиной Терека, с востока — Каспийским морем, а с запада — цепью невысоких хребтов и их отрогов, за которыми поднимается горный Дагестан. Трудно найти в Прикаспии уголок, столь благодатный для кочевого скотоводства, земледелия и рыболовства, особенно в эпоху повышенного увлажнения степной зоны. Поэтому эта равнина была всегда густо заселена.[81]

В первые века н. э. Северный Кавказ населяли сармато-аланы, но они постепенно уступали ведущее положение хазарам, тюркам и савирам. Последних причисляют к гуннскому кругу этносов, но в этих благодатных местах они ассимилировались среди аборигенов — барсилов, сохранив только политическую власть. Правитель гунно-савиров носил титул «эльтебер» и был вассалом хазарского кагана.[82] Под его властью жили потомки

---

[79] См.: Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. С. 55—70; Он же. История колебаний уровня Каспия за 200 лет // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М., 1980. С. 32—47.

[80] См.: Гумилев Л.Н. Викинги не солгали // Природа. 1977. № 5. С. 95—99.

[81] См.: Федоров Я.А., Федоров Г.С. Ранние тюрки на Северном Кавказе (Историко-этнографические очерки). М., 1978. С. 142—143.

[82] См. там же. С. 149.

аланов, оставившие после себя много археологических памятников.[83] Как будто для внедрения еще одного этноса места не было.

Конечно, эта богатая страна могла принять небольшое число политических иммигрантов, каковыми оказались иранские евреи в VI в., но для того, чтобы их потомки смогли размножиться и обрести собственный ареал, потребовалась железная поступь истории. Арабские вторжения VIII в. превратили страну между Дербентом и Семендером (Самандар) в поле векового сражения.

Селения были сожжены, города разграблены, крепости разрушены, люди, населявшие их, перебиты или уведены в плен.[84] Страна опустела, и тогда оказались свободными земли, на которых смог поселиться пришлый этнос.

Так мы выявили механизм взаимодействия социально-политических явлений (войны) с демографическими (миграции) и экологическими (внедрение в опустевшую экологическую нишу). Однако отметим, что военный натиск арабов был следствием пассионарного толчка, т. е. явления природного (мутация), хотя доминанта его — алчность и стяжательство — была связана с социально-культурной традицией, накопившейся в предшествовавших арабо-мусульманской культурах Древнего Востока. Другие пассионарии того же толчка вели себя не менее свирепо, но иначе: раджпуты не устанавливали, а крушили деспотическую власть, тюркюты привозили добычу из дальних походов в тороках своих седел, табгачи после побед получали не рабов, а чины и пожалования. И хотя источник энергии был один, воплощалась в действие она различно, в зависимости от бытующих традиций.

И еще: не все победители были пассионарны. Хазары и болгары находились в фазе гомеостаза, но ведь это значит, что они имели больший заряд энергии, нежели те, кто был в обскурации (например, персы) или переживал временный спад (греки). Следовательно, в истории мы видим не абсолютные величины пассионарного напряжения, а относительные значения его перепадов при этнических контактах.

Заметим это и перейдем к дальнейшему рассмотрению расстановки этнических целостностей в конце VIII в.

6. Запад

Ось пассионарного толчка, возбудившего ряд грандиозных событий, проходила от Южной Швеции — Готии — через Центральную Европу около Карпат, Дакию, Малую Азию, Киликию, Палестину и по Красному морю до Абиссинии. Этносы, находившиеся непосредственно на этой оси, среагировали на мутационный сдвиг столь бурно, что, не успев накопить достаточно сил, погибли в столкновении с организованной системой Римской империи. Эта судьба постигла даков и палестинских евреев.[85] А те, кто остался дома и только расширил, а не сменил свой ареал? Это были славяне. Возникшие в ареале пассионарного взрыва в I в. предки славян — венеды к IV в. разделились на склавинов и антов. К VII в. те и другие распространились до берегов Балтийского моря, вытеснив оттуда вандалов, до Адриатического моря, где смешались с потомками воинственных иллирийцев, до Балкан и даже до Пелопоннеса, ославянив фракийцев, македонян и часть эллинов. На востоке славяне дошли до Днепра, а одна из групп пробралась на север до оз. Ильмень (словене новгородские). Нет оснований думать, что это распространение было результатом демографического взрыва. Нет, победители брали жен из числа пленниц, дети которых

---

[83] См. там же. С. 154—155.

[84] См. там же. С. 173—174.

[85] См.: Вебер Г. Всеобщая история. Т. IV. С. 814.

усваивали язык отцов. Потому-то и стали славянские племена мало похожи друг на друга, хотя «язык словенск» их потомки без труда понимали вплоть до XI в. С хазарами славяне в то время не сталкивались, так как между ними находились два сильнейших этноса: болгары и савиры. (С последними граничили поляне, которых после стали называть «русь».[86]) Летописец поясняет, что Русь — новое историческое явление, сменившее распавшийся союз полян.[87] К этому добавим от себя, что «поляне» — не этническое самоназвание, потому что славяноязычные этносы, у которых господствовали анты, назывались дулебы или волыняне. Поляне встречаются не только на берегу Днепра, но и в Моравии, в славянской Болгарии и в верховьях Вислы. Это показывает, что современники в слово «поляне» вкладывали особый смысл: «исполин» — гигант.[88] Зато «рос» — этноним, зафиксированный для IV в. автором VI в. Иорданом, готским историком, осуждавшим «вероломный народ россомонов»,[89] за то, что те помогали гуннам победить готов. Союзниками россомонов и гуннов были анты, т. е. поляне[90] которые еще отличались от россомонов,[91] но к X в. слились в единый этнос — Русь — в узком смысле, отличавшийся от других славянских племен Восточной Европы: кривичей, вятичей, радимичей, древлян и словен новгородских.

Перейдем к обобщению. Пассионарная мутация проявлялась тем сильнее, чем ближе к оси толчка располагались этносы на рубеже новой эры. И последствия ее были тем трагичнее, чем сильнее была культурная традиция этноса. То и другое понятно. Этносы, находившиеся на периферии ареала толчка, испытывали плавный пассионарный подъем и успевали изменить стереотип поведения без ломки структуры. А если же структура была аморфной, то перестройка ее не требовала быстрой и жесткой ломки. Вот почему франки, саксы и лангобарды, начавшие исторический период с гомеостаза, создали относительно устойчивые этносоциальные сообщества. Они получили заряд пассионарности не непосредственно, а путем половой передачи признака. Поэтому они выступили на арену истории в конце V в., когда готы, вандалы, гепиды и бургунды успели растратить свою пассионарность, отдав на гибель своих пассионариев. Однако и у запоздавших, и у пришедших «на готовенькое» этносов период активного становления укладывается в фазу надлома, т. е. постепенного затухания. Свирепых Меровингов VI в. сменили «ленивые короли» VII в. Англы, саксы и готы после побед, одержанных над кельтами Британии, создали семь королевств, враждовавших друг с другом, и не довели завоевание острова до конца. Лангобарды раскололи свое королевство на графства и стали легкой добычей франков. Немцы восстановили деление по племенному признаку за счет ослабления центральной власти. К началу VIII в. Европа превратилась в «дикий запад», бессильный и безопасный для восточных соседей — славян. И это было закономерно. В первые 169 лет пассионарность системы прошла свой инкубационный период, и выяснилось, что старые этносы обновлены. Со 155 до 400 г. шел подъем пассионарности до перегрева акматической

---

86 См.: «…Поляне, яже ныне зовомая Русь» (ПВЛ. Ч. I. С. 21).

87 См.: Брайчевський М.Ю. Похождения Русі. С. 149—164.

88 См.: Рыбаков Б.А. Древние русы // Советская археология. XVII. 1953. С. 47. Впоследствии этот термин был вытеснен тюркским эквивалентом «богатырь», но в самых древних былинах сохранился его женский род — поляница (см.: Балашов Д.М. Дунай. Историческая жизнь народной поэзии // Русский фольклор. XVI. Л., 1976. С. 100). Следовательно, поляне — не племя и не социальный слой, а психологический тип славянского пассионария эпохи неописанных побед.

89 См.: Иордан. С. 91.

90 См.: Брайчевський М.Ю. Похождения Русі. С. 155.

91 Не смешивать их с роксаланами (см.: Гумилев Л.Н. Сказание о хазарской дани. С. 169. Примеч. 43).

фазы, после чего началась война каждого против всех и, хуже того, всех против всех. Этой фазой воспользовались гунны Мундзука и Аттилы, захватившие гегемонию в Европе. Но они поплатились за это разгромом при Недао в 453 г. и беспощадным истреблением, после которого их не стало. С конца V в. наблюдается спад пассионарного напряжения этнических систем, что отнюдь не удивительно, ибо сейчас ясно, что в VI в. половина этнической жизни уже была прожита, а опыта и образования не накоплено. Инерционной фазы нет, ибо чужая природа, пусть даже это будет благословенная Италия, не помогает жить. Готы и вандалы живут за счет покоренных аборигенов и, подражая им, погружаются в фазу обскурации. Они гибнут уже через 5—8 веков после рождения, ибо надлом — тяжелая возрастная болезнь, и не всякому этносу суждено ее пережить.

Зато Византия, возникшая из-за того же толчка и, следовательно, ровесница «варварских» этносов, вступает в инерционную фазу, после чего удивляет мир своим блеском. Ее золотое сияние освещало мир еще три века, пока не начало тускнеть после того, как потенция была растрачена. И тем не менее Византия прожила предельный срок — около 1500 лет. За счет чего такая сила сопротивляемости ударам извне и поломкам внутри? Сила духа и утонченность ума — вот что спасло Византию от гибели при надломе акматической фазы. Мы сейчас называем византийцев «греками» по языковому принципу, но на самом деле в Константинополе жили и действовали, кроме греков, готы, исавры, славяне, армяне, пафлагонцы, иллирийцы и арабы. В столицу из родных мест стремились лучшие, т. е. наиболее пассионарные, персоны. Объединенные строгой системой православия, они отстаивали империю как свое отечество, ибо предками своими считали не диких горцев или пиратов, а святых мучеников первых веков христианства. Их традиции они берегли и охраняли даже ценой своей жизни. Вот почему Византия пережила всех своих сверстников, кроме восточных славян.

II. Мусульманский суперэтнос

7. Появление арабов

Аравийский полуостров очень давно был заселен этносами, говорившими на наречиях древнего семитского языка, но в интересующую нас эпоху (V—VI вв.) не представлявшими никакой целостности: ни этнической, ни социальной, ни культурной, ни тем более политической.[92] Поэтому у них не было и самоназвания; слова «араб» они не знали.[93] Видимо, они были осколками древних этносов, проживших циклы исторического существования и перешедших в гомеостаз, т. е. в равновесие с природными ландшафтами населяемой ими страны.

Пассионарный толчок конца V — начала VI в. вызвал интенсивный процесс этногенеза, вследствие чего началась интеграция реликтовых этносов. Выразилась она в ожесточенных межплеменных войнах, например в войне бену-асад против бену-кинд, развитии поэзии и принятии разных религиозных систем из Византии и Ирана. Древнее почитание звезд как божеств сохранилось только среди бедуинов Центральной Аравии; в оазисах Хиджаса и Йемена распространились христианство разных направлений и иудаизм.

Понятно, что наибольший успех иноземные системы мировоззрения имели у пассионариев, а не у инертных людей гармоничного уровня, при котором импульсы пассионарности и инстинкта равны. Но были и такие пассионарии, которых философские проблемы не интересовали. Эти занимались стяжательством: либо торговлей, либо грабежом

---

[92] См.: Мюллер А. История ислама. Т. I. СПб., 1895. С. 24—28.

[93] См.: Ислам. М., 1984. С. 129 и след.

караванов, либо военной службой в Византии (Гасаниды) и Иране (Лахмиды). Алчность — такой же модус пассионарности, как и фанатизм.

Инкубационный период арабского этногенеза длился около 100 лет. К началу VII в. уровень пассионарного напряжения вырос настолько, что стали появляться оригинальные консорции, способные облечь себя в социальные формы и создать догмы исповеданий. Такой консорцией был ислам, проповеданный в Мекке неграмотным погонщиком верблюдов Мухаммедом, искренне считавшим, что он передает слова Аллаха. Именно искренность, бескорыстие и страстная убежденность привлекли на сторону Мухаммеда некоторых арабов — искателей истины (мухаджиров), но они же навлекли на него ненависть других, в частности Абу-Суфьяна, возглавлявшего богатый и влиятельный род Омейя, многих поэтов и бедуинов. Однако Мухаммед и примкнувшие к нему пассионарии (ансары) победили, принудили мекканцев и бедуинов принять веру ислам и создали государство, охватившее весь полуостров. Так консорция выросла сначала в субэтнос, а потом уже в этнос.

Дело в том, что обращение мекканцев и бедуинов было лицемерным. Бедуины отреклись от ислама, как только узнали о смерти пророка, — в 632 г. Их усмирил первый халиф — Абу Бекр, тесть Мухаммеда. Но мекканцы сумели извлечь выгоду из образования государства, заняв в нем важные и доходные посты. Они сражались с греками и персами рука об руку с мусульманскими фанатиками, руководимыми халифом Омаром. В совместных войнах за веру и добычу сложился этнос, получивший название «арабы».[94] Все они были мусульмане, одни искренне, другие лицемерно. В 656 г. «лицемеры» и фанатики начали войну между собой.[95] Победили в 661 г. «лицемеры», сохранившие ислам, который продолжал цементировать преображенный им арабский этнос под зеленым знаменем Омейядов.

Самыми жестокими противниками династии были сами арабы, либо как сторонники потомков законного халифа Али, либо как противники монархического принципа — фанатики ислама. Первые именовались шиитами и выступали под белым знаменем, вторые назывались хариджитами; у них было красное знамя.

Несмотря на наличие многих партий и разнообразие течений мысли, арабские племена интегрировались в единый этнос. Когда кайситам — племенному объединению северных арабов — и кельбитам — южным арабам — приходилось сражаться против персов и греков, в Иране или Сирии, они откладывали в сторону былые распри и помогали друг другу истреблять неверных. В далеких походах бедуины дружили с мекканцами и йеменцами, хотя на родине те и другие терпеть не могли друг друга. Военные лагеря — Куфа, Басра (в Месопотамии), Кайруан (в Северной Африке) и т. п. — стали центрами создания нового арабского этноса, для которого былые племенные связи теряли значение. Но в этих военных поселениях жили не только арабы.

Грандиозные победы на востоке и западе расширили границы халифата до Памира и Пиренеев. Множество племен и народов было включено в халифат и обращено в ислам. Так создался мусульманский суперэтнос, слишком громоздкий для того, чтобы его могла вместить социально-политическая система. Покоренные этносы не отбрасывали воспринятую мусульманскую традицию, но приспосабливали ее к своим вкусам и наклонностям, что в равной степени характерно для обращенных в ислам персов, берберов, турок и для самих арабов, в особенности бедуинов. Подобно тому как в Европе боролись гвельфы с гибеллинами, в мире ислама против суннитского халифа, аналогичного не королю, а папе, выступали шииты, сторонники наследников убитого хариджитами халифа Али

---

[94] См. там же.

[95] Противники ислама были столь же пассионарны, как и его сторонники, что вызвало ожесточенную гражданскую войну между крайними фанатиками — хариджитами (партией зятя пророка, Али) — и сторонниками Омейядов (которых в мусульманской историографии называли «лицемерами»).

(«Шият-Алий» — партия Али). Стоило шиитам добиться преимущества, как против них выступали ревнители суннитского правоверия, отнюдь не разбиравшиеся в теологических тонкостях, но четко понимавшие его выгоду и охотно убивавшие противников. Однако те и другие без тени сомнения отстаивали ислам от внешних врагов: христиан, язычников и огнепоклонников. Внутренних противоречий сознание единства не устраняло, но сила агрессии почти не снижалась, а именно это было важно для всех соседей халифата, в том числе для хазар.

Захватив Иран в 650 г. и Армению в 654 г., арабы унаследовали ту роль, которую играли в Закавказье шаханшахи[96] династии Сасанидов. Постоянная война с Византией проходила в горах и нагорьях Малой Азии и на лазурной поверхности Средиземного моря. Первые победы отдали в руки правоверных халифов Сирию, Месопотамию, Египет (634—642). Затем настала очередь Омейядов, завоевавших в 698 г. Карфаген, в 711—712 гг. — Испанию, а затем и Аквитанию. Столь же быстрыми были успехи «лицемерных» мусульман, арабов, внезапно обретших доблесть, незнакомую их предкам, и на востоке. В 661—662 гг. арабы завоевали Агванию и дошли до Дербента. В 664 г. они вторглись в Пенджаб, а в 674—676 гг. — в Согдиану и Хорезмский оазис. В 704—715 гг. арабский полководец Кутейба завоевал все оазисы Средней Азии. Казалось, что зеленое знамя Омейядов вскоре будет реять над всем миром.

Но тут началось сопротивление столь же ожесточенное, как и натиск. В 717—718 гг. арабский флот был сожжен греческим огнем около Константинополя, а армия, изголодавшаяся и потрепанная греками, отошла с огромными потерями. После этой неудачи арабы утеряли инициативу в войне против Византии.

В 732 г. Карл Мартелл собрал войско из франков и остановил арабов у Пуатье. Долгое время шла война между франками и арабами на северном склоне Пиренеев, пока арабы не отошли за этот хребет. Осталась незавоеванной Астурия, с 718 г. превратившаяся в вечную угрозу для арабской Испании.

В 717 г. хан тюргешей Сулу предложил империи Тан мир и союз против арабов. Противник Китая Тибет заключил с империей Тан сепаратный мир, благодаря чему тюргеши сдерживали наступление арабов до 736 г. Трудно не поставить эти события в связь с той войной, которую Хазария вела на Кавказе, очевидно находясь в составе антиарабской коалиции.

Источники того времени ничего не сообщают о восточных и западных связях Хазарии в период кульминации арабских завоеваний, но разве в источниках написано все? Зато логика событий и хронологические совпадения позволяют считать, что Тюргешское ханство, вступившее в союз с империей Тан, было союзником Хазарии и Византии, а освободившиеся от подчинения Западно-Тюркютскому каганату печенеги действовали в пользу арабов, прервав пути от Балхаша до Каспия. Они тревожили тылы хазар и тюргешей, но не получили помощи от арабов и проиграли войну.

Омейядские халифы располагали силами значительно большими, чем любой из их противников. И пассионарный подъем облегчил им не только походы, но и инкорпорацию покоренных этносов, а тем самым было обеспечено пополнение регулярных войск, именовавшихся в то время таджиками. Но система диверсий при войне на четыре (включая Испанию) фронта не дала возможности реализовать перевес в силах. Прослеживая синхронность выступлений греков, хазар, тюргешей, хуттальских горцев на востоке, франков — на западе, легко убедиться, что она не случайна, а тем самым установить наличие антимусульманского блока, поддержанного империей Тан.

С 717 г. согдийцы вели войну с арабами с переменным успехом, но в 737 г. китайцы поссорились с тюргешами, тюргеши вошли в союз с тибетцами и осадой крепости Кучи парализовали силы империи Тан, изолировав Согдиану. В 738 г. арабский наместник Наср

---

[96] Шахан — мн. ч. от шах — царь.

ибн-Сейяр подавил последние восстания и сделал Среднюю Азию мусульманской страной, но зато после битвы при Акроине в 739 г. арабы были выбиты из Малой Азии.

Далеко не каждый режим может позволить себе роскошь терпеть поражения в наступательных войнах. Омейяды были непопулярны в своей стране. Халифов Дамаска ненавидели монархисты — сторонники Алидов и республиканцы-хариджиты, завоеванные берберы, ограбленные персы, обделенные при разделе добычи бедуины, а также все иноверцы, платившие джизью — налог, дававший право на сохранение своей веры. Но кроме поводов к недовольству надо было иметь энергию для борьбы, т. е. пассионарность.

Пассионарных людей было относительно мало, но гармоничных и посредственных — несравненно больше. Пока их не очень прижимали налогами, они вели себя спокойно, давая пассионариям гибнуть в мятежах. Но это было лишь потому, что победы приносили халифам и эмирам основной доход. Те понимали, что их кормит война, и шли туда, где можно было награбить имущество и добыть рабов. Поскольку Согдиана была уже освоена, настала очередь Хазарии.

8. Вторжение в Хазарию

Было очевидно, что силы халифата и Хазарии были несравнимы. Помимо того что большую часть хазарских земель составляли сухие степи, в которых обитали враждебные племена, хазары были отрезаны от своих потенциальных союзников — тюркютов и тюргешей и, будучи язычниками, не могли установить искреннего контакта с Византией, потому что в VII—VIII вв. исповедание веры было индикатором политической ориентации. Несмотря на победу над северокавказскими болгарами и захват Степного Крыма в 670—679 гг., хазары практически не имели тыла. Болгарские племена, отошедшие на Дунай и на Каму, грозили им с запада и севера до конца VII в.

А за эти десятилетия арабы подчинили не только Армению и Грузию, но и Агванию (в 693 г.) и Лазику, в результате чего овладели Дербентским проходом. На очереди было вторжение в Хазарию.

Война развернулась вокруг Дербента. В 708 г. арабы захватили, а в 711 г. утеряли эту крепость. В 713 г. арабы вторглись в «страну гуннов» (Северный Дагестан) и потерпели поражение, а в 721 г. хазары вторглись в Армению и были разбиты наголову. Арабы, развивая успех, взяли Дербент, Беленджер (на берегу р. Сулак) и разрушили Семендер (на берегу Терека, около станицы Шелковской). Успех арабов был облегчен тем, что аланы ударили по тылам хазар. За это они заплатили дорого: в 724—725 гг. арабы прошли через Дарьяльский проход, напали на алан, покорили их и обложили подушной податью.

Затем каждый год происходили набеги арабов и контрнабеги хазар, причем активность первых умерялась необходимостью распылять силы на Малую Азию и Среднюю Азию, а вторым пришлось перенести столицу с Терека на Волгу, где был построен город Итиль.

На стороне хазар сражались евреи, обитавшие на равнине между Сулаком и Тереком,[97] и греки, союз с которыми был скреплен браком императора Константина V (Исавра) и хазарской царевны Чичак (Цветок), в крещении Ирины. Некоторую помощь оказали грузины, восставшие в 735 г. против арабского гнета и усмиренные крайне жестоко. Гораздо меньше, чем можно было ожидать, сопротивлялись арабам государства Дагестана. Талантливый и жестокий полководец Мерван взял горные крепости, покорил в 736 г. лакцев (лакзов) и алан и перенес войну в Хазарию. В 737 г. арабское войско дошло до правого берега Волги. Оно насчитывало 150 тыс. воинов, в том числе вспомогательные отряды армянских князей. Против этой могучей армии хазары смогли выставить лишь 40 тыс. ополченцев. Хан, покинув войско и страну, бежал на север, «к горам», а хазарская рать двигалась за ним по левому берегу Волги, полагая, что эта могучая река является

---

[97] О том, как попали евреи на Кавказ и в Хазарию с Ближнего Востока, см. ниже — 23. У персов V—VII вв.

непреодолимым рубежом для их противников.[98]

Хазары недоучли развитие инженерного искусства южных народов. Омейяды опирались не только на бедуинов Аравии, кайситов и кельбитов, и оседлых арабов Хиджаса, владевших столь же примитивной техникой, как тюркюты и хазары. Завоевание культурных стран Ближнего Востока дало им в руки такие возможности, каких не было у хазар, хотя и не повысило культурного уровня головорезов, составлявших экспедиционные отряды. Блестящая культура, которую принято называть мусульманской, возникла позже и создана персами, сирийцами, египтянами и городскими арабами Месопотамии после того, как все они сокрушили диктатуру Омейядов, опиравшуюся на грубую силу бедуинского союза кайситов.

Итак, Мерван располагал умелыми инженерами, которые сумели соорудить понтонный мост через Волгу. По этому мосту переправился отборный отряд арабов и напал на хазарское ополчение врасплох. Десять тысяч хазар было убито, 7 тыс. взято в плен, остальные разбежались.

Поняв, что война проиграна, хазарский хан запросил мира и получил его при условии принятия ислама. Мерван вернулся в Закавказье с добычей и 40 тыс. пленных, которых арабы называли «сакалиба». Эти несчастные были захвачены в плен около «славянской» реки, а что считать славянской рекой, не было установлено.[99] Предполагалось, что эта река — Дон, около совр. Калача. Пленники, придя на место, взбунтовались, убили поставленного над ними эмира и бежали на родину, но по пути они были настигнуты и перебиты.

Разгромив хазар, Мерван подчинил в 739 г. государство Серир (в Дагестане), а в 744 г. вернулся в Дамаск и сел на престол халифа. И тут этот прославленный воин столкнулся с такими врагами, против которых бессильны таланты и доблесть, — с предательством и изменой. В 750 г. он погиб.

9. Неожиданная победа

Грандиозные победы арабов оказались бесплодными. Население Хазарии и Дагестана предпочитало исламу христианство, распространявшееся среди горожан. Сами хазары охарактеризованы современным христианским автором как народ грубый, звероподобный и кровожадный, без религии, но почитающий единого Бога-Творца.[100] Но не так уж правильна эта характеристика, ибо веротерпимость хазар достоверна. Евреи жили среди хазар, не испытывая никаких ограничений, и даже пользовались свободой слова при диспутах с христианами и мусульманами. Один из таких диспутов описан в письме царя Иосифа, причем евреи якобы одержали полную победу. Этот диспут имел место в царствование византийского императора Льва III (717—741),[101] дав возможность вождю еврейской общины, охазаренному еврею Булану, принять библейское имя Сабриэль и сделать блестящую военную карьеру (см. ниже), кончившуюся описанным разгромом Хазарии. И не случайно мусульманский проповедник, оставленный Мерваном для обращения хазар в ислам, был коварно убит не грубым язычником или фанатичным христианином, а еврейским раввином, как сообщает достоверный арабский автор ал-Бакри.[102] Но это преступление

---

[98] Подробное описание операций см.: Артамонов М.И. История хазар. С. 202—225.

[99] См. ниже — 28. Рахдониты.

[100] См.: Артамонов М.И. История хазар. С. 248.

[101] См. там же. С. 266.

[102] См. там же. С. 277.

было фактом исключительным. После 750 г. хазары вернулись к привычным нормам поведения и даже принимали сторонников Омейядов, просивших у них политического убежища.

При новой династии — Аббасидах — хазары перешли в активное наступление и с 764 по 799 г. вторгались в Закавказье, где от власти арабов освободились Кахетия, Тао-Кларджети и Абхазия. Теперь уже не халифат был опасен Хазарии, а Хазария — халифату.

Столь же безвредна стала для хазар Византия, которая помимо внутренних неурядиц выносила постоянную войну с арабами, проходившую с переменным успехом для обеих сторон. Союз с Хазарией был Византии так дорог, что даже попытка крымских готов освободиться от власти хазар и вернуться в состав империи не была поддержана греками, а руководитель мятежа был выдан хазарам. Те обошлись с пленником весьма милостиво: устроили ему побег из тюрьмы.[103] Видимо, хазары не сочли готскую авантюру чем-то заслуживающим внимания.

Помимо набегов, приносивших богатую добычу, хазарские ханы династии Ашина вели и значительно более масштабные операции. В 762 г. в руки хазар перешли области Хамзин, Лакз и Алан,[104] а это значило, что все плоды походов Мервана уничтожены и Кавказский хребет стал естественной границей Степной Евразии и мусульманского мира — Леванта.

Однако взаимодействие между халифатом и Хазарией не прекратилось, а просто изменило форму. Место воинов-завоевателей заняли купцы, сделавшие Каспий и Волгу торговым путем в страну Биармию, или Великую Пермь. Арабские серебряные дирхемы потекли на север в обмен на драгоценные меха. Новая хазарская столица Итиль, находившаяся в Волго-Ахтубинской пойме, и Великий Булгар, расположенный несколько ниже впадения в Волгу Камы, превратились в перевалочные пункты транзитной торговли. Эта последняя стимулировала развитие земледелия и виноградарства, так как избыток продуктов находил сбыт на итильском базаре, где покупали пропитание приезжие, натерпевшиеся голода в пути через море. Тогда между арабами и хазарами установился прочный мир.

Подведем итог. За полтораста лет самостоятельного существования (650—800) крошечный тюрко-хазарский этнос не только отстоял свою независимость, но и расширил пределы своей державы до Дона на западе, Кавказского хребта и Яйлы на юге и Яика на востоке. Северную границу определить трудно, да вряд ли она и существовала как определенная граница. Скорее можно говорить о силе влияния, плавно убывавшей по мере отдаления от столицы.

Эластичность государственной системы, которую можно рассматривать как вариант тюркского эля, допускала компромиссы с соседними этносами и субэтносами, т. е. малыми племенами, сливавшимися с хазарами. А стойкость этнической целостности определялась принадлежностью всего населения Хазарии к западноевразийскому суперэтносу.

Исключением была только немногочисленная колония евреев в равнинном Дагестане, мирно сосуществовавшая с хазарами. Однако добрые взаимоотношения и этнические контакты не одно и то же. Если первые определяются политическими ситуациями и конъюнктурой, то вторые не зависят от сознания людей, а тем более от волевых решений ханов или беков. Законы природы имеют свою логику, и в IX в. последняя вступила в силу. Тогда на месте этнической ксении[105] появилась страшная суперэтническая химера.

В истории повторение политической ситуации чаще всего влечет за собой восстановление расстановки сил, хотя буквальных совпадений не бывает никогда. За 250 лет

---

[103] См. там же. С. 254—256.

[104] См. там же. С. 243.

[105] Ксения (ксенос — гость) — термин, заимствованный из геологии.

самостоятельного существования Хазария выросла настолько, что из крошечного удела западнотюркютских царевичей превратилась в сильную державу, выигравшую войну у Арабского халифата. И тут-то сплелись судьбы еврейского и хазарского этносов, причем самым неожиданным образом. Но не будем спешить, закончим описание южных соседей Хазарии.

10. Смена фазы

Пассионарный подъем этнической системы характеризуется социальным императивом: «Будь тем, кем ты должен быть», что способствует увеличению слаженности внутри этноса и даже суперэтноса. Именно благодаря такой слаженности первые халифы, а затем Омейяды могли мобилизовать энергию своих подданных на завоевания и подавление восстаний внутри страны, но рост пассионарности превышает возможности системы и разрушает ее устойчивость. Как только возникает, и всегда стихийно, императив акматической фазы: «Будь самим собой», система деформируется, как автомобиль, несущийся с такой скоростью, что от него отлетают колеса, ломаются оси. Это перегрев, охладить который может только пролитая кровь.

Именно кровью арабов и персов, шиитов и хариджитов гасил восстания Хаджжадж, омейядский полководец, в 680—701 гг. Этими зверствами он задержал ход этнической истории на 50 лет, но остановить природный процесс этногенеза труднее, чем лавину. Хаджжадж, «враг Аллаха и людей», казнил 130 тыс. человек, но те перед гибелью успели рассеять генофонд по популяции, так что в VIII в. пассионарный уровень персов и берберов сравнялся с арабским, а, может быть, кое-где и превысил его. Поэтому престол последних Омейядов в Дамаске стал походить на просыпающийся вулкан. И так как Омейяды держали всех Алидов под присмотром, на роль претендента был выдвинут потомок дяди пророка, Аббаса, Абуль Аббас Саффах, у которого был талантливый помощник, бывший раб, Абу-Муслим.

В 744 г. в Куфе взвилось белое знамя шиитов, а красное знамя хариджитов уже реяло от Западного Ирана до Южной Аравии. Кайситы поссорились с кельбитами, и последние стали противниками Омейядов. Наконец, в Хорасане 9 июня 747 г. 4 тыс. повстанцев подняли черное знамя Аббасидов и двинулись на запад, на ненавистный Дамаск.

К Аббасидам примкнули все группы населения халифата, обиженные Омейядами: иранские крестьяне, бедуины-кельбиты и беглые рабы; мусульмане — сунниты, шииты, хариджиты; немусульмане — маздакиты, манихеи, несториане и огнепоклонники. Силы Мервана таяли, и в январе 750 г. все было кончено. Аббасиды, пришедшие на смену Омейядам, должны были управляться со всем этим разнообразием, а это было очень трудно. Первый халиф, Абу-л-Аббас (749—754), ознаменовал свое вступление на престол резней членов рода Омейя, хотя те выразили готовность ему подчиниться. Второй, Мансур (754—775), предательски убил Абу-Муслима, благодаря которому династия взошла на престол. Его сын Махди (775—785) открыл дорогу дворцовым интригам, в результате чего его наследник Хади (785—786) был убит и власть досталась другому его сыну — Харуну ар-Рашиду (786—809), незаслуженно прославленному в своде новелл «Тысяча и одна ночь». На самом деле это был жестокий деспот, казнивший своих лучших помощников — визирей из рода Бармекидов.

Все перечисленные и опущенные в перечислении случаи вероломства указывали наперед широчайшее развитие эгоизма, доводимого до крайних пределов, не принимающего в расчет общих интересов владетельного дома,[106] а тем более государства. Как ни плохи, ни жестоки, ни лицемерны (в религиозном смысле) были Омейяды, но они шли от победы к победе, руководствуясь, пусть неискренне, доминантой ислама и джихада (войны за веру).

---

[106] См.: Мюллер А. История ислама. Т. II. С. 147.

Аббасиды были правоверными суннитами, но именно при них арабы утратили всякое значение в державе, созданной их героическими предками. Персы вытеснили арабов из администрации, тюрки — из гвардии, негрызинджи — из домашнего быта, евреи — с базара. Багдад стал мировым центром транзитной торговли, но считаться с его населением халифы не хотели, ибо верили не своему этносу, а своему окружению: подхалимам, солдафонам и доносчикам.

Этот гипертрофированный индивидуализм показывает, что арабы VIII—IX вв. догнали византийцев V в., вступив в акматическую фазу пассионарного напряжения. Это, видимо, связано с широкой метисацией и полигамией, при которой дети пассионариев от разных матерей заполняли войска и базары, дворцы и мечети. И так как детей до пяти лет воспитывали матери, то родство по отцу воспринималось как юридическая фикция. Рост пассионарности и этническая метисация разрывали арабские семьи. А при этом где уж удержать единство государства?

Понятно, что при таком управлении не могло даже быть речи о завоеваниях. Наоборот, были утеряны Испания в 756 г., Магриб (Марокко) в 789 г. и Ифрикия (Тунис) в 800 г. Инициатива в мировой политике стала переходить от мусульман к христианам.

Однако потеря политического единства придала суперэтнической системе гибкость, позволившую ей распространиться вширь без тяжелых и кровопролитных войн. Первые три века обращение в ислам стоило очень дорого, и плата с новообращаемых собиралась в форме тяжелых налогов. Поэтому горцы Гиндукуша и степняки Средней Азии не жалели сил, отстаивая вместе с верой независимость. Но если независимость горцев надежно защищали непроходимые ущелья и отвесные скалы, на которых высились неприступные крепости, то горожанам приходилось искать компромиссы между своей совестью и установками правительства. Тех, кому это удавалось, называли шиитами, и хоть не одобряли, но и не преследовали.

Столетнее владычество арабов в Иране и Северной Африке изменило характер этнического размежевания предшествовавшей эпохи. Бедуины постепенно теряли былые племенные различия, так как сменили скотоводство на сопровождение и охрану караванов паломников, а культ звезд — на нивелирующий ислам. Но в Аравии и Сахаре перемены шли очень медленно, тогда как в городах пришлое население мешалось с местным и уже в VIII в. создался тип «восточного» города, знакомый читателю по многим описаниям путешественников и беллетристов.

Характерной для этнологии тут была замена родоплеменного принципа сложения субэтносов конфессиональным. Это может показаться странным, так как доктрина ислама монолитна, проста и как будто не допускает отклонений и ересей. Но если пассионарные люди имеют причину для раскола, то они найдут и повод.

Впервые единство было нарушено убийством халифа Османа в 656 г., что вызвало первую гражданскую войну. Затем в 657 г. халифа Али покинули 12 тыс. воинов, создавшие новое течение — хариджиты. Эти три течения, вначале только политические, создали себе идеологические системы, стереотипы взаимоотношений друг с другом и внутри своих общин и завербовали сторонников из числа покоренных этносов, причем горожане, оппозиционные к правительству, часто предпочитали шиизм, а кочевники становились хариджитами.

При этом разделении мусульман активно действовали гебры-огнепоклонники, хуррамиты-маздакиты, христиане-монофизиты в Армении и Египте и монофелиты в горах Ливана. И все это конфессиональное разнообразие было необходимо как повод для кровопролития, ибо страсти, сжигавшие сердца потомков арабов, требовали выхода и находили его в войне против халифов. Ради этой борьбы возникали разнообразные консорции, большая часть которых погибла, но некоторые доросли до уровня субэтноса.

Соотношение между категориями «этнос» и «культура» крайне вариабельно. Этнос не может обойтись без системы запретов, унаследованных от предков навыков, представлений о справедливости, хотя бы только для соплеменников, и родовых святынь. Но когда это все создано, стало привычным, сделалось достоянием всех принятых в социальную систему

государства и, самое главное, когда создатели культурного комплекса оказались в положении угнетенных, а иноземцы — привилегированных, то установившийся порядок может существовать как дом, из которого выгнали семью, его построившую. Так было в Арабском халифате IX в.

Арабская пассионарность, рассеянная по всему Ирану, нашла свое выражение в серии восстаний, обреченных на гибель, но повторявшихся под различными лозунгами. В 755 г. — восстание Сумбада Мага в Западном Хорасане; в 767 г. — восстание Устада Сиса в Восточном Хорасане; в 778—779 гг. — восстание «краснознаменных» в Гургане; в 776—783 гг. — восстание «одетых в белое» в Мавераннахре; в 816—837 гг. — восстание хуррамитов (маздакитов) в Азербайджане и Западном Иране под предводительством Бабека. Но самым существенным было восстание Мамуна, сына халифа Харуна ар-Рашида, против своего брата Амина. И вот почему.

Мамун был законным наследником… от жены-персиянки. Амин был младшим сыном… от жены-арабки. Поэтому Харун завещал престол Амину, которого поддерживали арабы. Мамун, будучи правителем Хорасана, поднял восстание в 811 г. Его поддержали персы, и он победил в 813 г., хотя сопротивление арабов длилось еще несколько лет. С этого времени халифат перестал быть арабским, а стал мусульманским суперэтносом, политически раздробленным на несколько эмиратов и идеологически расколотым шиитскими направлениями и суннитскими школами. Тех и других было по четыре, и все они боролись друг с другом, занимая разные кварталы в самых оживленных городах.

В мусульманских городах жизнь была легкой и приятной, ибо тяжело жилось в деревнях и кочевьях. А в торговых городах население всегда смешанное и часто непостоянно живущее. Одни приезжают, торгуют и уезжают, другие их сменяют, третьи общаются. Так в Дамаск, Александрию, Тунис и Севилью вместе с духами и шелками с Востока проникали идеи — новые, интересные, логичные и перспективные в том смысле, что их можно было обратить в действия, сулящие власть и богатство. Возникали многочисленные секты, члены коих называли себя шиитами, чтобы избежать гонений. Секты захватывали власть, и за счет нее сектанты обогащались, равно как и правоверные сунниты, когда им удавалось подавить мятежников.

А так как самим выдумывать философские концепции сложно, то рассказы о них подслушивали на базарах у приезжих, ибо среди купцов были образованные люди и даже ученые. Таким образом, оригинальные этнические мироощущения и мировоззрения вытеснялись привозными. Все это называлось «мусульманской культурой» и предлагалось соседним христианским народам как высшее достижение интеллекта.

Те реагировали на это предложение двояко: греки, гордые древней культурной традицией, воспринимали «восточную» философию скептически, французы и испанцы принимали ее с восторгом, но усваивали выборочно, с определенной степенью критики, хотя противопоставить ей не могли ничего существенного. Арианская традиция была к IX в. забыта, а с нею ушла былая грамотность белого духовенства. В Константинополе сидели иконоборцы, поэтому папы не препятствовали обучению кандидатов в епископы в Кордове. Так и потянулись метастазы восточных учений через Францию в Англию. Таково было обаяние культуры инерционного периода арабского этногенеза.

И на это роскошное здание, фундамент которого уже сгнил, с восторгом смотрели жители Западной Европы, переживавшей так называемое Каролингское возрождение, во время коего малограмотные франкские короли приглашали ученых из неправоверной Ирландии, из схизматического Константинополя и, уж конечно, из Кордовы и Севильи, где жили ученые иудеи, которые могли научить необходимым языкам — греческому, латинскому, древнееврейскому.

Иудеи и христиане разных исповеданий были разбросаны по всем крупным городам халифата, но кроме участия в экономической жизни Ближнего Востока они обогатили мусульманскую культуру переводами греческих авторов на арабский язык. В эпоху Омейядов этой работой занимались христиане. Знаменитый Иоанн Дамаскин остроумно

пытался найти точки соприкосновения между христианством и исламом, истолковывая предвечность Корана, «Слова Божия», переданного Аллахом через архангела Гавриила пророку Мухаммеду, как вариант учения о Логосе — «втором лице святой Троицы».

С победой Аббасидов центр тяжести культуры переместился в новый город — Багдад, построенный халифом Мансуром на западном берегу Тигра. В Ираке были другие читатели, нежели в Сирии. Большая часть иракских арабов происходила от буйных воинов Куфы и Басры — военных колоний VII в. К их числу добавились персы и потомки купцов, приезжавших в Басру через Персидский залив. Этим пассионариям второго-третьего поколений нужна была собственная идеология: философия и теология. Они обрели таковую и отделились от правоверия. Их так и называли: «мутазилиты» (отщепенцы). Сами себя они называли «людьми единобожия и справедливости».[107]

По сути дела, мутазилиты перестали быть мусульманами. Отрицая несозданность Корана, они отрицали и святость его, что позволяло им толковать суры (тексты) аллегорически, т. е. как угодно. Не признавая предопределения, они выступали против фатализма на том основании, что Аллах не предписывает творить зло, а поскольку такое налицо, то оно исходит не от Бога, а от свободной воли. В этом они смыкались с зороастризмом, ибо при отсутствии возможности выбора между добром и злом свободной воле людей негде проявиться. Бога мутазилиты считали непознаваемым, так что не было возможности отличить его от шайтана. Рай и ад они считали метафорами, а не реальностью.

Вместе с этим мутазилиты были противниками религиозного вольнодумства. По их наущениям халиф Мамун в 827 г. объявил учение мутазилитов государственным исповеданием, а в 833 г. учредил инквизицию (михна), цензуру и наказания ссылкой и плетьми для ортодоксальных мусульман.[108] Этот жестокий режим просуществовал до 850—851 гг., но, увы, былая мусульманская веротерпимость не вернулась; только теперь еретиками считали самих мутазилитов наряду с хариджитами, шиитами, «зиндиками». Даже терпимые исламским правом христиане и иудеи стали подвергаться тяжелым стеснениям при суннитском фанатике Мутаваккиле.[109]

Кратковременное господство мутазилитов в халифате имело последствия поистине грандиозные. Небольшой кружок интеллигентов, читавших лекции, переводивших на арабский язык греческих философов и проводивших научные диспуты, встал между правительством и народом. Ради успеха своего учения мутазилиты одобрили произведенную халифом Мутасимом реорганизацию гвардии: конница пополнялась рабами-тюрками, а пехота — наемниками-дейлемитами. Правительство вооружалось против народа.

Однако тюрки были не теми людьми, которых легко использовать. В 861 г. они убили халифа Мутаваккиля, а затем за десять лет — четырех его преемников при полном равнодушии населения Багдада. Династия Аббасидов была надежно скомпрометирована.

Но еще более вредным последствием для ислама было распространение тезиса «батин» (внутренний смысл), допускавшего любой произвол в толковании Корана. Как только это учение попало в руки деловых интриганов, они создали систему исмаилизма, или карматства, основанную на тайной мудрости для посвященных и безусловном повиновении для профанов; а где тайна — там дьявол. И тут кровь потекла еще обильнее.

---

[107] БартольдВ.В. Ислам. Пг., 1918. С. 70; Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII—XV веках. Л., 1966. С. 199—213.

[108] Мамун вначале был умеренным шиитом (см.: Бартольд В.В. Указ. соч. С. 72), но после того, как против него в Ираке в 815 г. восстали шииты зейдитского толка и ему пришлось казнить вождя повстанцев (см.: Петрушевский И.П. Указ. соч. С. 248), он перенес свои симпатии на мутазилитов, отчего пострадали сунниты, шииты, да и сами мутазилиты.

[109] См.: Петрушевский И.П. Указ. соч. С. 255.

11. Поборники искаженного света

В середине VIII в. партия сторонников Алидов распалась на умеренных и крайних, последних назвали исмаилитами, или карматами. Карматы унаследовали старинную арабскую пассионарность, сменив религиозную доминанту, т. е. фактически отойдя от догматов ислама. По сути дела, их община в Бахрейне превратилась в субэтнос, создавший в 899 г. самостоятельное государство с центром в Лахсе. Война карматов с мусульманами была беспощадной, и вот почему.

Мусульманское право, шариат, позволяло христианам и евреям за дополнительный налог, харадж, спокойно исповедовать свои религии. Идолопоклонники подлежали обращению в ислам, что тоже было сносно. Но «зиндикам», представителям нигилистических учений, грозила мучительная смерть. Против них была учреждена целая инквизиция, глава которой носил титул «палач зиндиков».[110] Естественно, что при таких условиях свободная мысль была погребена в подполье и вышла из него преображенной до неузнаваемости во второй половине IX в. И даже основатель новой концепции известен. Звали его Абдула ибн-Маймун, родом из Мидии, по профессии глазной врач, умер в 874 (875) г. Его последователь Убейдулла захватил власть в Африке как потомок Али. Он использовал право на ложь, даваемое высокой степенью посвящения.[111]

Аббасидский халихат в VIII—IX вв.

Догматику и принципы нового учения можно лишь описать, но не сформулировать, так как основным его принципом была ложь. «Сторонники новой доктрины даже называли себя в разных местах по-разному: исмаилиты, карматы, батиниты, равендиты, буркаиты, джаннибиты, саидиты, мухаммирэ, мубанзе, талими… Цель же их была одна — во что бы то ни стало разрушить ислам».[112] Можно было бы усомниться в этой характеристике, исходящей из уст противника, если бы фактическая история хода событий не подтверждала ее.

Видимая сторона учения была проста: безобразия этого мира исправит махди, т. е. спаситель человечества и восстановитель справедливости. Эта проповедь всегда находит отклик в массах, особенно в тяжелые времена. А IX век был очень жестоким. Мятежи эмиров, восстания племен на окраинах и рабов-зинджей в сердце страны, бесчинства и произвол администрации, поражения в войнах с Византией и растущий фанатизм мулл — все это ложилось на плечи крестьян и городской бедноты, в том числе и образованных, но нищих персов и сирийцев. Горючего скопилось много, достаточно было поднести к нему факел.

Свободная пропаганда любых неканонических идей была в халифате неосуществима. Поэтому эмиссары доктрины, да’и (глашатаи), выдавали себя за набожных шиитов. Они толковали тексты Корана, попутно вызывая в собеседниках сомнения и намекая, что им что-то известно, но вот-де истинный закон забыт, отчего все бедствия и происходят, а вот если

---

110 Зиндик от персидского слова «зенд» — смысл, что было эквивалентом греческого «гнозис» — знание. Следовательно, «зиндики» — это гностики, но в арабскую эпоху это название приобрело новый оттенок — «колдуны» (см.: Мюллер А. История ислама. Т. II. С. 186).

111 «Основа их веры внешне состоит в исповедании шиитской догмы и любви к повелителю правоверных Али, внутренне же они — неверные» («Китаб ал-байан». 158; цит. по: Низам ал-Мульк. Сиасет-намэ. М.; Л., 1949. Примеч. 339. С. 336). К аналогичному заключению пришел И.П. Петрушевский, рассматривающий учения «галийя» и «исмаилиа» как самостоятельные религии, лишь внешне прикрытые шиитскими формами (см.: Петрушевский И.П. Указ. соч. С. 242).

112 Низам-ал-Мульк. Сиасет-намэ. С. 223.

его восстановить, то… Но тут проповедник, как бы спохватившись, замолкал, чем, конечно, разжигал любопытство. Собеседник, крайне заинтересованный, просил продолжать, но проповедник, опять-таки ссылаясь на Коран, брал с него клятву соблюдения молчания, а затем, испытывая добрую волю прозелита, а также его способность к послушанию, сумму денег, сообразно средствам обращаемого, на общее дело. Затем шло приобщение новообращенного к учению об «истинных имамах», потомках Али, и семи пророках,[113] равных Мухаммеду. Усвоив это, прозелит перестает быть мусульманином, так как утверждение, что последним и наивысшим пророком является махди, противоречит коренному догмату ислама. Затем идут четыре степени познания для массы и еще пять для избранных. Коран, обрядность, философия ислама — все принимается, но в аллегорическом смысле, позволяющем перетолковывать их как угодно. Наконец, посвященному объясняется, что и пришествие махди только аллегория познания и распространения истины. Все же пророки всех религий были люди заблуждавшиеся, и их законы для посвященного не обязательны. Бога на небе нет, а есть только второй мир, где все обратно нашему миру. Свят лишь имам, как вместилище духа, истинный владыка исмаилитов. Ему надо подчиниться и платить золотом, которое можно легко добыть у иноверца путем грабежа и торговли захваченными в плен соседями, не вступившими в тайную общину. Все мусульмане — враги, против которых дозволены ложь, предательство, убийства, насилие. И вступившему на «путь», даже в первую степень, возврата нет, кроме как в смерть. Цель же этой ужасной жизни была ясна: для личности — достижение ангелоподобия, а для общины — путь, указанный «имамом времени»,[114] т. е. Фатимидом, которому постепенно должен подчиниться весь мир. Эта «раковая опухоль» разъела тело халифата.

12. Смещение

А теперь прервем изложение хода событий и попытаемся найти в нем географический смысл. Психология этноса выражает себя в стихийно сложившейся доминанте — системе далеких прогнозов — и в стереотипе поведения. Но когда на органический настрой действует другой, достаточно мощный, то неизбежна деформация и доминанты, и стереотипа. Тогда появляется вместо органического мировоззрения эклектическое и, как правило, с обратным знаком, т. е. антисистема. Здесь применим третий биогеохимический принцип В.И. Вернадского, согласно которому «мысль не является формой энергии, а производит действия, как будто ей отвечающие».[115] В нашем случае сознание мутазилитов сыграло роль руля, повернувшего пассионарные импульсы своих последователей на 180°. Произошла частичная аннигиляция, после чего уцелевшие арабы превратились в реликт, а арабоязычная культура распространилась по Средиземноморью независимо от арабского этногенеза. С X в. действующей фигурой истории стал многоэтничный мусульманский суперэтнос, в котором на первое место вышла дейлемская династия Буидов, на второе — антисистема Фатимидов и разбойничья республика карматов Бахрейна, на третье — бедуинские эмираты Сирии: Хамданиды, Укейлиды и др., и только на четвертое — суннитский халиф в Багдаде, окруженный со всех сторон враждебными шиитами.

Казалось бы, при таком печальном положении распространение ислама должно было остановиться. А случилось обратное: ислам шиитского направления приняли дейлемиты, а

---

[113] Адам, Ной, Авраам, Моисей, Иисус, Мухаммед — согласно учению всех мусульман; седьмой — ал-Махди — должен явиться перед днем Страшного суда, т. е. конца мира.

[114] Цит. по: Бертельс А.Е. Насир-и-Хосров и исмаилизм. М., 1959. С. 262.

[115] Вернадский В.И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М., 1965. С. 272.

суннитского — карлуки (в 960 г.) и тюркское племя ягма[116] (в 1000 г.). Зачем? Или, точнее, почему?

Оба этноса — горцы-дейлемиты и степняки-туркмены — были чужды мусульманской культуре, но те и другие использовали раскол среди арабов, так же как его использовали берберы в Северной Африке. Расчет их был верен: поддержать слабого и сломать сильного. Как ни плохо было багдадскому Аббасиду, он оставался повелителем правоверных. Это считали правильным не только массы, но и могущественные эмиры Хорасана и Мавераннахра — Саманиды, Азербайджана — Саджиды и ширваншахи, и правители Дербента. Суннизм ослабел, но значения не потерял. Возникло нечто вроде политического равновесия.

И тут выступили дейлемиты. Покинув свою горную скудную страну, вооруженные идеями восстановления царства Сасанидов и воздаяния захватчикам-арабам, руководимые талантливыми полководцами из фамилии Буя (Буиды), они врезались в Западный Иран, отделив Ирак — владение Аббасидов — от Хорасана, принадлежавшего Саманидам. И тут оказалось, что для того, чтобы делать завоевания в странах ислама, обязательно быть мусульманином. Буиды и их войско это знали и потому приняли шиизм в его умеренной форме еще перед началом завоеваний, что обеспечило им успех.[117]

Арабы защищались как умели, т. е. очень плохо и беспорядочно. Эмиры Мосула, Хамданиды, имели достаточно войск, чтобы поддержать халифа в Багдаде, но они к этому не стремились. Им было важнее расширить границы своего наместничества. Поэтому время и силы арабов уходили на интриги, распри, предательства, перечисление которых увело бы нас далеко от темы. А Буиды наступали, иногда неудачно, но последовательно.

Жители Ирака, и особенно Багдада, ненавидели дейлемитов, как иноплеменных завоевателей и шиитов. Столь же искренне они ненавидели своих защитников и единоверцев — тюркских гулямов, составлявших войска эмиров Месопотамии и Сирии. Но больше всего они страшились своих соплеменников — карматов. Сами же городские арабы не находили в себе мужества для защиты и от врагов, и от друзей, и от соседей-бедуинов, и даже от начальства. А ведь это были потомки завоевателей полумира!

В X в. в самом Багдаде, ограбляемом тюрками и дейлемитами, царил страшный голод; обыватели были обобраны до последнего дирхема на уплату жалованья войскам. Поэтому 19 декабря 945 г. Ахмед Буид после недолгого боя у ворот вступил в столицу, заставил халифа Мустакфи назначить себя главнокомандующим (эмир ал-умара) и объявил себя султаном, чем присвоил себе всю светскую власть.[118] Вскоре халиф был свергнут с престола за то, что велел арестовать одного из Алидов, ослеплен и умер в тюрьме,[119] а его наследники влачили нищенское существование.

Победа Буидов означала торжество шиизма, хотя большая часть населения Ирака и даже Багдада осталась верна суннизму. Вслед за Ираном и Сирией шиизм восторжествовал в Африке, где в 969 г. Фатимиды овладели Египтом. Суннизм как господствующее исповедание уцелел только в Испании, у Омейядов — потомков «лицемерных» мусульман, и в Средней Азии, у Саманидов. Иначе говоря, суннизм был оттеснен на окраины ареала, а шиизм принял на себя защиту ислама и… проиграл серию войн с Византией и Грузией.[120] В

---

[116] См.: Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970. С. 86.

[117] См.: Мюллер А. Указ. соч. Т. II. С. 262 и след.

[118] См.: Мюллер А. Указ. соч. С. 267—268.

[119] См.: Михайлова И.Б. Религиозно-политическая борьба в Багдаде при Буидах и Сельджуках (X—XII вв.) // Ислам. С. 223.

[120] Из-за вражды шиитов и суннитов в 974 г. не удалось собрать войско для отражения греков (см. там же. С.

мусульманском суперэтносе появились симптомы фазы надлома.

Для фазы надлома характерна потеря ощущения единства, как бы «раскол этнического поля», когда идеологические споры обретают реальное политическое бытие. Сами арабские хронисты называют эту дату — 974 г. — и это явление — «асабийя», т. е. раскол.[121] С этого времени арабские шииты стали сторонниками дейлемитов, а не единоплеменных арабов. В 1015—1018 гг. дело дошло до открытых военных столкновений в самом Багдаде.

Буиды продержались у власти 110 лет и, вероятно, довели бы ислам и его культуру до полного разложения, если бы им не помешали туркмены-сельджуки.[122] Те взяли пример с Буидов: начиная завоевание Ирана, они приняли сторону слабой партии и, опираясь на ее поддержку, одержали победу. Халиф сделался их союзником и уже в 1049 г. занял шиитский квартал тюркскими войсками. В 1055 г. Тогрулбек вступил в Багдад и объявил себя султаном. Положение халифа как будто осталось прежним, но теперь он стал духовным главой правителя, тогда как при Буидах был заложником у еретиков. Победы трех Великих Сельджуков остановили наступление христиан, а их потомки отразили крестоносцев.

А дейлемитов не стало. Буиды увели со своей родины так много самых храбрых и сильных юношей, что Дейлем захирел, хотя его никто не пытался завоевать. Последняя мелкая династия, возводившая свою генеалогию к Сасанидам — Бадуспаниды, — просуществовала до конца XVI в., после чего прикаспийские области были присоединены к Персии.[123] Победы бывают столь же гибельны, как и поражения.

Изменились нравы самих суннитов. Если раньше они привлекали и обращали иноверцев, то в конце XI в. в самом Багдаде ханбалиты (ведущая школа) срывали лекции и проповеди ученого ал-Кушайри, обратившего в ислам несколько иудеев. Ханбалиты кричали: «Это ислам вероломства и подкупа!» — и громили медресе.[124] Это вызвало такое возмущение, что шииты Багдада потребовали смены халифа.

Через три года ханбалиты подняли восстание не только против шиитов, но и против властей. Его пришлось усмирять войсками, которые жестоко расправились с ханбалитами, и те как организация перестали существовать.[125] Впрочем, уцелевшие школы — ханифиты и шафииты — восполнили утрату: резня в арабских и персидских городах не прекратилась. А так как наряду с этим кошмаром, затянувшимся на 170 лет, шли постоянные междоусобицы между сельджукскими эмирами и атабеками, то неудивительно, что страна ослабела, вследствие чего третье смещение — монгольское — осуществилось легко и дало последствия, которых при другом положении можно было бы избежать.

III. Христианский суперэтнос

13. Кризис Запада

На осколках разбитой Римской империи и в пепле, остывающем после Великого

225).

[121] Цит. по: Михайлова И.Б. Указ. соч. С. 225.

[122] См.: Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Вып. IV. Тысячелетие вокруг Каспия. М., 1987.

[123] См.: Босворт К.Э. Мусульманские династии. М., 1971. С. 124.

[124] См.: Михайлова И.Б. Указ. соч. С. 226.

[125] См. там же. С. 226.

переселения германцев на запад, с VI по VII в. шел необратимый и неотвратимый процесс снижения пассионарного напряжения, который влек за собой распад нравственности, культуры, экономики, политической власти. Но в IX в. положение изменилось радикально. Произошла «феодальная революция», когда дружинники, превратившись в графов, разорвали «священную империю» на три части и официально заговорили на своих родных языках. Тогда появились как государственные языки французский и немецкий (Страсбургская клятва 842 г.).

Но разделение страны было искусственным, и потому нежизнеспособные королевства продолжали разваливаться. Новая революция была, по сути дела, этнической. Бывшая Нейстрия распалась на Францию, Бургундию (графство), Аквитанию, Бретань и Тулузский палатинат в соответствии с этническими особенностями новых этносов, возникших на основе смешения вельсков и тевтонов. Оформление новых этносов завершилось в 888 г. Потрясающе быстро, не правда ли?

Очевидно, что как некоторые химические реакции идут лишь при высокой температуре и в присутствии катализаторов, так и этническая гибридизация при разных степенях пассионарного напряжения протекает по-разному. При слабых степенях особи инертны, и сочетание в потомке двух стереотипов дает внутренний разнобой, своего рода какофонию, разбивающую психофизиологическую структуру организма. Но при высоких степенях организм становится пластичным, благодаря чему создались новые, до сих пор не существовавшие стереотипы, а тем самым возникли новые этносы. Эту фазу этногенеза можно назвать творческой, хотя от нее, как правило, не сохраняется памятников культуры.

В западной части империи население было более смешанным, и потому перемены были более значительны, а процесс шел интенсивнее. На востоке, где было сплошное германское население, дольше сохранялись старые племенные объединения: саксы, франки, тюринги, швабы, байерны, что и отразилось в длительной тенденции к раздробленности Германии, когда уже появились саксонцы, баварцы, франконцы и т. д. Тот же процесс и в то же время коснулся западных славян, из которых выкристаллизовались поляки и чехи, а бодричи и лютичи вступили в смертельную схватку с соседними немцами и проиграли ее.

Наиболее показательна в этом отношении Скандинавия, страна бедная, долго пребывавшая в безвестности. С VIII в. там внезапно началось и в IX в. развилось новое явление — движение «викингов».

С этими явлениями совпадает первая волна Реконкисты в Испании. Астурийцы, дотоле державшиеся в своих горах, оттеснили арабов за Тахо. Правда, они вскоре были отбиты, но сама попытка показывает, что у них возродилась воля к борьбе и победе.

Молодые скандинавы могли воевать только с сородичами, но на открытую войну не решались и предпочитали эмиграцию. В IX в. они стали кошмаром для всех прибрежных областей Европы, используя реки для проникновения внутрь стран, манивших их накопленными богатствами. И не только Европа, но и Америка были жертвами «ярости норманнов», но нигде они не могли закрепиться, кроме Северной Франции, ныне именуемой Нормандия. Значит, не так уж велика была их сила; скорее сопротивление им в IX в. было слишком слабым.

Причина внезапного и кратковременного — всего 300 лет — свирепства норманнов была неясна еще их современникам. Первая гипотеза объясняла этот феномен как кару Божию за грехи людей. Однако до IX в. и после IX в. люди также заслуживали кары, но норманны не принимали в этом участия. По другой теории, суровый климат Скандинавии вызвал выселение людей, не имевших возможности прокормить себя. Эта мальтузианская теория сразу наталкивается на непреодолимые трудности. Климат Скандинавии благодаря Гольфстриму мягок. Заселена она и ныне слабо, а 1 тыс. лет назад вопроса о перенаселении не могло и возникнуть. И наконец, почему крестьяне, стремившиеся обрабатывать землю, вдруг сделали своей профессией грабеж, связанный со смертельным риском?

Нет, что-то не то!

По третьей теории, на севере Европы дом и землю получал старший сын, а младшим

предоставлялось море. Так, но в Северном море шли миграции сельди, ловить которую было легче, безопаснее и выгоднее, чем класть головы во Франции, Англии и Ирландии. Ведь большая часть викингов гибла на чужбине. А вернуться домой с добычей было тоже нельзя: юноша, ушедший в «вик» — укрепленный поселок викингов, разрывал все связи с семьей и родом окончательно и бесповоротно. Его забывали сильнее, чем мертвого, и пути домой ему не было.

Но нашелся окольный путь, который привел к правильному решению. С движением викингов, противопоставивших себя зажиточным и трудолюбивым хевдингам, связано возникновение скальдической поэзии около 800 г. Это рассматривается литературоведами как «своего рода мутация».[126] Верно, но скальды пели для викингов. Следовательно, мутантами были и те и другие. А пассионарность — мутация, возникающая внезапно и исчезающая вследствие естественного отбора, что целиком соответствует фактической стороне наблюдаемого явления.

Несмотря на большую работу, проделанную многими учеными разных специальностей, вопрос о причинах походов викингов остается неясным. Некоторые историки полагают, что удовлетворительно объяснить этот взрыв активности и агрессивности вообще невозможно.[127] Другие всячески преуменьшают значение и масштабы походов викингов и хотят свести их к нормальной активности эпохи раннего Средневековья.[128] Во многих книгах, посвященных походам викингов, об их причинах говорится вскользь. Авторы ограничиваются общими соображениями о нехватке земли на их родине или об «овладевшей ими жажде приключений и добычи».[129] Последнее оказалось верным. В Скандинавии произошел пассионарный толчок.

А.Я. Гуревич описывает это явление так: «В жизни скандинавов в конце VIII — первой половине IX в. произошел резкий сдвиг — перерыв в постепенном развитии. Среди них появляется новый тип людей — смелые мореплаватели, искатели добычи, приключений и впечатлений, имеющие связи в разных странах… Короче, прежний и привычный строй жизни был сломан, сделался невозможным, — и это не для единиц, не только для изгоев или поставленных вне закона людей, которым приходилось искать место жительства возможно дальше от дома, но для множества знатных и бондов. Достаточно ли простого указания на все перечисленные ранее причины походов викингов, чтобы получить убедительное объяснение столь глубокого переворота в жизни скандинавов? Очевидно, недостает по крайней мере еще одного звена, которое превратило бы эти причины или предпосылки во внутренние стимулы движения людей. Но возможно ли обнаружить посредствующее „звено“?[130]

Конечно, если рассматривать Скандинавию как нечто уникальное, не имеющее аналогий, то этого звена не найти. Но если расширить диапазон наблюдений, то загадка найдет решение. Вернемся к описанию феномена викингов и посмотрим, что произошло.

Появились саги и поэзия скальдов[131] — сравним плеяду арабских поэтов перед

---

[126] См.: История Норвегии. М., 1980. С. 122.

[127] KendrickN.D. A History of the Vikings. London, 1930. P. 22; Shoteling H. Viking Antiquities in Great Britain and Ireland. Pt. I. Oslo, 1940. P. 10.

[128] SawierP.H. The Age of the Vikings. London, 1962. P. 194.

[129] См.: Гуревич А.Я. Походы викингов. М., 1966. С. 136—137.

[130] См. там же. С. 140.

[131] См. там же. С. 146.

проповедью Мухаммеда и в его время. Или Гомер и Гесиод накануне эллинской колонизации, Алкей и Сафо при ее расцвете. Уход молодых энергичных людей из родных домов — «люди длинной воли»[132] в Монголии при дедах Чингисхана, да и при его молодости. Степные походы были подобны морским, аналогия несомненна.

Смена религии — война старших божеств, «ванов», с новыми — «асами». Этот феномен характерен для всех фаз этнического подъема. Культ «асов» — божеств порочных, развратных, забияк, воров, клятвопреступников, злодеев.[133] — продержался до принятия христианства, т. е. всю эпоху походов викингов, но и после насильственного крещения в Скандинавии долго процветало двоеверие[134]

И, наконец, искусство. Древний звериный стиль к VIII в. выродился и сменился новым — изображениями зооморфных демонов и драконов.[135] Да, обновление было полным и стихийным, но ведь это и есть следствие взрыва этногенеза, или пассионарного толчка.

14. Викинги и феодалы

Сопоставление эпохи викингов, реконкистов в Испании с феодальной революцией во Франции позволяет уточнить расположение оси пассионарного толчка, прошедшей от Норвегии, через Париж в Астурию и Португалию. Там зародился «христианский мир», часть коего при рождении была всецело языческой.

«Христианский мир» — название столь же условное, как и «мусульманский мир». Подавляющее большинство населения Западной Европы было крещено, но не имело никакого представления о сущности новой религии, так как молитвы и прославление Бога разрешались лишь на трех языках — еврейском, греческом и латинском, которых миряне, естественно, не знали. Более того, в конце X в. англосаксонский клирик Эльфрик разъяснял, что светские люди не могут понять «тайного смысла» книг Библии и желание ознакомиться с ними не соответствует тому предназначению, которое Бог определил сословию рыцарей — людей войны. А в VIII в. уже существовала обширная литература на староанглийском языке.[136] Так легко было перевести Евангелие.

В христианской церкви и, значит, в Каролингской империи было другое мнение, отраженное в постановлениях Франкфуртского синода 794 г.: «Пусть никто не думает, что следует молиться лишь на трех языках»,[137] но ведь это было до раскола и феодальной революции, следовательно, до фазового перехода от инкубации к подъему, изменившего облик Западной Европы и создавшего «христианский мир», в котором изучение христианской доктрины запрещалось.

Еще раз отметим, что слова обманчивы. Превращаясь в термины, они приобретают новый смысл. Так, пассионарный толчок IX в. — явление природы и никак не связан с распространением христианства — явлением культуры.

Теперь несколько слов о викингах, о коих есть столько превратных суждений, что надо избежать недоразумений. В IX в. в Скандинавии перенаселения не было, так как свободных

---

132 См.: История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970. С. 207—209.

133 См.: Гуревич А.Я. Указ. соч. С. 166—167.

134 См. там же. С. 166—169.

135 См. там же. С. 141—145.

136 См.: Сказание о начале славянской письменности. М., 1981. С. 28.

137 Там же. С. 26.

фиордов и теперь много, хотя людей стало больше. Формация там была первобытнообщинная, и конунги являлись выборными племенными вождями. До IX в. скандинавы елееле отстояли свою землю от натиска лопарей, пока не загнали их на Крайний Север, в тундру. Викингами называли тех людей, которые не желали жить в племени и подчиняться его законам. Слово «викинг» носило тогда оскорбительный оттенок, вроде современного «пират, бандит».[138] Когда юноша покидал семью и уходил в дружину викингов, его оплакивали как погибшего. И действительно, уцелеть в далеких походах и постоянных боях было нелегко. При этом викинги не обладали большей храбростью, чем оставшиеся дома. Смелость южных народов часто превышает мужество народов северных, но это не пассионарность, а другой поведенческий признак, не агрессивность, а способность к адекватной реакции, обычно проявляющейся при самозащите.

Викинги боялись смерти, как все люди, но скрывали этот страх друг от друга, наедаясь перед битвой опьяняющими мухоморами.[139] Современные им арабы бросались в атаку трезвыми, но неукротимые в опьянении викинги сминали и арабов, и франков, и кельтов. Особенно ценили они берсерков (подобных медведю), т. е. людей, способных перед боем доходить до невменяемого состояния и с огромной силой крушить врага. После припадков берсерки впадали в глубокую депрессию до следующего нервного срыва. В нормальных условиях берсерков не терпели. Их заставляли покидать села и удаляться в горные пещеры, куда остерегались ходить. Но в отрядах викингов берсерки находили себе применение. Иными словами, пассионарность делает яростными даже не очень храбрых людей. Значит, викинги были людьми несколько отличного от прочих скандинавов склада. Обладая высокой степенью пассионарности, они были нетерпимы для малопассионарных норвежцев, которые предпочитали сидеть дома и ловить селедку. Поэтому пассионарная часть популяции отпочковалась от основной массы народа и погибла на чужбине. Зато норвежские и датские воины-пассионарии разнесли славу своей ярости по всей Европе и вынудили ее обитателей защищаться. Однако поздние Каролинги и их свита не проявили никаких способностей к организации обороны, что вызвало законное недовольство их подданных. Тогда отдельные инициативные «товарищи» (comitas *(лат.)* , т. е. граф), например Эд, граф Парижа, возглавили тех, кто хотел и мог обороняться. Население предпочло иметь энергичных правителей и отказало законным монархам в покорности. Феодалы захватили власть в Европе.

О том, что такое феодалы, написано достаточно. Нам следует лишь отметить, что люди, получавшие бенефиции и лены, ставшие в IX в. наследственными, подбирались ранними Каролингами по деловым качествам. До того как феодализм стал формацией и до того как он был оформлен юридически, Карлу Мартеллу и Пипину Короткому требовались толковые помощники, а те работали только за плату. «Nullum officio sine beneficio».[140] На опасные задания во время войн имело смысл посылать только энергичных, инициативных и смелых людей, согласных за хорошую плату рисковать жизнью. Значит, первые кадры феодалов составлялись из пассионариев. До IX в. число их было незначительным, и тут встает важный вопрос: были ли они остатками подъема II в., т. е. наследием Великого переселения народов, или это шел инкубационный период нового пассионарного взрыва, когда вновь рожденные пассионарии уже успели проявить себя? Скорее всего здесь можно видеть наложение нового толчка на старый, незаконченный процесс, подобно тому как было в восточной части Римской империи в III—IV вв., когда рождалась Византия. Это видно уже из того, что

---

[138] См.: Магидович И.П., Магидович В.И. История открытия и исследования Европы. М., 1970. С. 113.

[139] Методы химической стимуляции применялись даже в Средней Азии; басмачи перед атакой натирали ноздри коней опиумом, а сами накуривались анашой, притупляющей чувство страха.

[140] Никакой услуги без благодарности (лат.).

произошло изменение этнической доминанты. В IX в. в Европе появились первые средневековые «нации»! (О чем говорит К. Маркс в «Хронологических выписках».[141])

15. Рождение Европы

При распадении империи Карла Великого его внуки в 843 г., встретившись в Вердене, именовались: Карл, король французов, и Людовик, король немцев. До этого все их подданные были «римляне германской нации», т. е. германцы по рождению, юридически оформленные как римляне. Последнее было не ново. Ведь были галло-римляне, испано-римляне, иллиро-римляне и т. д., но то, что общность нового типа, совмещающая единство происхождения и языка, оказалась предпочтенной юридической форме, показывает, что появилась новая этническая доминанта, т. е. принцип, на котором люди нового склада стали объединяться в коллективы. Поэтому можно и должно рассматривать дробление западноевропейского суперэтноса не на общины, не на племена, не на полисы, а на «нации»[142] как локальный вариант этногенетического процесса.

Этническая пестрота Европы, обусловленная последствиями Великого переселения народов, в момент пассионарного толчка благоприятствовала выживанию пассионариев, а тем самым и росту пассионарного напряжения.

Средневековые «нации» не восходили к древним племенам германцев, кланам кельтов, муниципиям италиков, хотя людей они черпали именно из потомков перечисленных этносов. Если бы древние традиции не умерли, то новая суперэтническая целостность не могла бы возникнуть. Но старые этнические системы уже не могли удерживать в своей среде рождавшихся пассионариев, которые, владея мечом и копьем, искали для себя, а не для своих соплеменников «карьеры и фортуны». И соплеменники были не в силах приостановить этот процесс, так как вследствие этнической пестроты пассионарию было легко найти сеньора, нуждавшегося не в послушных подданных, а в смелых соратниках. Им не нужно было, как скандинавам, плыть за море, а достаточно просто перейти границу своей области, чтобы обрести свободу, риск и надежду на удачу.

Для того чтобы бурление, охватившее Западную Европу в IX—X вв., не превратилось в «броуновское движение», ведущее к бессмысленному человекоубийству, требовались этническая доминанта и связанная с ней социальная организация с достаточным идеологическим наполнением. На заре пассионарного подъема доминант было несколько. Они выражались в религиозных системах, частью сохранившихся от седой старины, частью воспринятых заново. Скандинавы верили в богов Валгаллы, славяне — в извечную борьбу Белбога с Чернобогом, бургунды были арианами, франки — католиками, кельты — православными, так как их обратили египетские миссионеры, миновавшие Рим. Многие феодалы вообще не верили ни во что, кроме своих капризов и выгод, а среди крестьян и знати уже в XI в. процветал тайный культ сатаны, возглавленный попами-расстригами. Клирики были пассионарны не менее феодалов и купцов.

Именно эти «свободные атомы», оторвавшиеся от своих этносов, оказались цементом, склеившим воедино самые непохожие и, казалось бы, несовместимые традиции. Бароны переняли у венгров древнюю в Азии, но новую в Европе тактику атак тяжелой конницы — сарматское изобретение. Крестьяне заимствовали у кельтов длинные луки, стрелявшие на 450 м, причем хорошо закаленные наконечники стрел пробивали примитивные колеты из кожи и даже кольчуги. Клирики ездили в Кордову изучать древнееврейский и греческий языки у еврейских раввинов, служивших испанским халифам, заодно изучая теологию в

---

141 Архив Маркса и Энгельса. Т. V. М., 1938. Хронологические выписки.

142 Не следует путать современное значение термина «нация» со средневековым, так как термины часто переосмысливаются. Но это проблема филологическая, которой мы не будем уделять время и место.

аспектах, чуждых восточнохристианской ортодоксии. Купцы сновали между арабскими мусульманами и славянскими язычниками, богатея на торговле мехами и шелками. И все они связывали свои судьбы не с родными деревнями, а с престолами королей, которые были в состоянии защитить и обогатить их.

Однако эти «свободные атомы» не вылетали за пределы географического региона, ограниченного на севере, западе и юге морями, а на востоке невидимой границей — положительной изотермой января. Холодные зимы Восточной Европы их не манили, а пугали. Путешествовать там они считали возможным, а селиться — нежелательным.

Итак, новый суперэтнос возник в условиях ландшафтно разнообразного, но монолитного географического региона за счет деятельности нескольких поколений пассионариев, появившихся на этой территории и перекроивших не только политическую, но и этническую карту Европы. Новая суперэтническая целостность должна была обрести название, чтобы смутные чувства, облеченные в слово, овладели сознанием ее членов. И она стала именовать себя «христианский мир».

И опять-таки отметим хронологическое совпадение подъема пассионарности в Скандинавии, Западной Германии, Северной Франции и Северо-Западной Испании, т. е. на оси, ориентированной с северо-востока на юго-запад. Никакого переноса генов из Скандинавии в Астурию и наоборот не было, равно как и культурных заимствований. Причина пассионарного подъема лежала и тут за пределами видимой истории людей, значит, в сфере истории природы. Италия находилась за пределами ареала возникшей пассионарности. Поэтому в начале X в., когда Северная Европа кипела и сражалась: кто, как французы, против угнетателей — Каролингов и немцев; кто, как немцы, против язычников — венгров и славян; кто, как астурийцы, против мусульман, и весьма успешно (при Саморе в 900 г. был разбит эмир Толедский), в Южной Франции и Италии «всеми сословиями овладела жажда наслаждений… Люди думали только о чувственных удовольствиях, о еде, питье, внешнем блеске, красивых женщинах; высшие блага утратили всякую цену для этих изнеженных и нравственно грубых людей… Императорская власть исчезла, папская власть существовала только по имени. Единственной связью между людьми был расчет выгод, всеми поступками управлял эгоизм, и духовенство отдалось чувственным страстям одинаково с мирянами. В нем почти не было людей, которые вели бы такую жизнь, как требовала церковь: религиозность ограничивалась исполнением обрядов; в монастырях не осталось следов нравственного порядка».[143]

Северяне прореагировали на это нравственное гниение организацией Клюнийского монашеского ордена, который поставил себе цель — восстановить былое благочестие бенедиктинцев, и преуспел!

Несколько иначе сказалось снижение пассионарности в англосаксонских королевствах, где население было этнически монолитно. Здесь шла постоянная война с викингами и кельтами. Вопреки рассудку, но в соответствии со стихией пассионарности англосаксы умудрились потерпеть несколько страшных поражений, объяснявшихся изменами вельмож и распущенностью воинов. Англию сначала покорили датчане, а потом обескровили набегами валлийцы и скотты, что могло произойти исключительно из-за слабого сопротивления покоряемых. Наиболее полное смешение пассионарных этнических субстратов, слившихся в единый новый этнос, имело место во Франции, которая выдвинулась на первое место в Западной Европе. А поскольку Англия и Италия находились за пределами ареала пассионарного толчка, то они стали жертвами этого подъема. В IX в. Англию захватили франко-норманны, Италию — саксы, франконцы и швабы. Но импортированный заряд пассионарности воздействовал на этногенез этих стран так же, как и возникший естественным путем, только с небольшим хронологическим отставанием.

Как мы уже отметили, ареал пассионарного толчка не совпадал ни с ареалом

---

[143] Вебер Г. Всеобщая история. Т. V. М., 1893. С. 606.

становления феодальной формации, ни с ареалом христианской культуры. В Италии и Англии, куда пассионарность была импортирована, феодальные институты возникали позже. Движение пассионарных скандинавов — викингов — проходило на фоне первобытно-общинной формации, и скандинавы удержали элементы родового строя до позднего Средневековья. Ни Испания, ни Норвегия, ни Польша не знали крепостного права для своих крестьян, хотя другие феодальные институты, как, например, наследование титулов, рыцарство, хартии для городов, у них были. Но, несмотря на локальные различия, этносы Западной Европы объединились не политическими, а идеологическими связями — католичеством, покорившим в X в. западных славян и скандинавов. Идейные связи сковали новую системную суперэтническую целостность эластично, но цепко, и в XI в., когда началась вторая (акматическая) фаза этногенеза, это было для современников очевидно. И, как члены «христианского мира», они двинулись в колониальную экспансию — Первый крестовый поход.

И тут, несмотря на различие в языках и нравах, при наличии застарелой вражды на базе давних этнических счетов, при разных политических целях французы, немцы, норманны, итальянцы, шведы и испанцы ощутили себя «своими» по отношению к «чужим» — арабам и грекам. Суперэтнос не только сложился, но и осознал себя.

16. Накануне великого раскола

Византия как политическая целостность очень быстро потеряла территорию Западной Римской империи, но как целостность культурная она сохранила там свое влияние до IX в. Переломной датой можно считать и 843 г., и 867 г., а правильнее — эпоху между этими годами. И вот почему. Захватившие Италию и Испанию готы и сменившие их лангобарды были ариане, а местное население — волохи (название латиноязычных европейцев) — православные. Хотя как этносы они ничего общего не имели с греками, но церковь как культурный комплекс удерживала их в составе византийского суперэтноса. Влившиеся в эту систему франки и англосаксы также приняли православие от Римского престола, чем обеспечили ему победу над арианством.

И вот, несмотря на то что ни до Галлии, ни до Британии не могли дотянуться щупальца византийской дипломатии, обаяние культуры фазы расцвета превращало Западную Европу в провинцию, столицей которой был Константинополь. Пусть за два века акматической фазы этногенеза Византия пропустила через свою укрепленную границу по Дунаю тысячи славян, заселивших опустошенный ими Балканский полуостров, пусть несториане и монофизиты подчинились арабам, пусть сумасшедший император с отрезанным носом возвращается на престол при помощи враждебных болгар — городские стены стоят, монахи обучают прихожан молитвам перед иконами, а Юстиниан II снова теряет власть, но на этот раз вместе с жизнью. Доблесть, искусство и справедливость при каждом потрясении торжествуют.

Но вдруг зашатались и они. Нет, не от удара извне, а от неожиданных претензий императора. Лев III Исавр, только что героически разгромивший арабский флот (717 г.), в 726 г. поднял руку на святыню искусства — иконы. Это была ломка этнической психики и того стереотипа поведения, который поддерживал культурную традицию — сердце византийского этноса. Опираясь на малоазийскую солдатчину, императоры-исаврийцы попытались отнять у своего народа то, ради чего этот народ жил и страдал, воевал и молился. Они сделали жизнь своих подданных оскорбительно бессмысленной, а те отказали им в уважении и любви.

И тогда очарование византийской культуры исчезло. Западные области, имевшие своих королей, остались верны православию, тем самым теряя связь с Константинополем, ставшим из столицы христианского мира главным городом малоазийского царства — Византии, пределы которой были ограничены теми крепостями, где стояли гарнизоны, верные своим стратигам. Так начался надлом византийского этногенеза, индикатором которого была история культуры, искусства и религии.

Иконоборчество было, по существу, идеологическим оформлением монархической революции. Не случайно папа Григорий II (715—731) расценивал политику Льва III как стремление сочетать в себе императора и священника, что было прямым нарушением восточнохристианского мироощущения. Ведь император в отношении церкви был только прихожанином Софийского собора, и голос его отражал лишь его личное мнение, которое само подлежало проверке собором.

Лев III это понимал и искал опоры в каноне. В 726 г. иконоборчество провозглашено императорской политикой, в 730 г. осуждается иконопочитание, а в 754 г., уже при Константине V, в Халкидоне состоялся иконоборческий собор.

Но это было собрание подхалимов, а не Вселенский собор, в котором должны были принять участие и клир, и миряне. Народ Византийской империи высказался вполне определенно. Монахи, женщины, интеллектуалы, моряки — все любили и ценили образ Божий на иконах, лик, а не личину, т. е. прозрение, а не портрет. Историк Зонара называл Константина V «не христианином, не эллином, не евреем, но совокупностью всяческого нечестия». А простые люди, не мудрствуя лукаво, приняли версию об иудейском происхождении иконоборчества.[144]

Некоторое время иконоборцы держались бодро и даже одерживали победы над арабами и болгарами, используя этническую инерцию патриотизма и средства, накопленные до них. Но в IX в. пошли неудачи: в 806 г. Харун ар-Рашид опустошил Малую Азию, в 811 г. болгары разбили византийскую армию и убили императора Никифора, а в 813 г. подошли к стенам Константинополя. В 810 г. Византия утратила Венецию и Далмацию и потеряла авторитет на Западе, где в 800 г. Карл Франкский восстановил Западную Римскую империю, но иконоборческие споры, шедшие с 726 по 843 г., коснулись и Запада. А так как Рим находился в пределах Византийской империи, то его паства делила судьбу церковной культуры Востока, в том числе иконоборческие споры.

На Западе иконоборчество было слабее, чем на Востоке. Его представители — Клавдий, епископ туринский, и Агобард, епископ лионский, оба испанцы, враги иудаизма и поклонники творений бл. Августина.[145] Против них стояли за иконопочитание папы и короли, а также народные массы. Но вот что важно: в VIII в. эти споры шли довольно вяло, но в IX в. оживились, и, даже когда предмет спора исчез с восстановлением иконопочитания, активность западных людей нашла выход в церковном расколе 867 г. и взаимных анафемах папы Николая I и патриарха Фотия. Тут вполне отчетливо сказалась разница «возрастов» греков и «франков»: Византия вступила в инерционную фазу этногенеза, а на Западе шел подъем пассионарности вследствие набиравшего силу толчка.

Противники византийских иконоборцев оказались в трудном положении. Им нужно было организовать для лиц, готовящихся в прелаты, получение теологического образования и изучение греческого и еврейского языков, а посылать своих юношей в Константинополь не хотелось. Поэтому молодых людей, готовящихся к духовной карьере, отправляли в Кордову и Севилью, где еврейские раввины, находясь под покровительством арабских халифов, преподавали желающим языки и философию. Разумеется, учителя не привлекали учеников к иудаизму, тем более к талмудическому, однако они вселяли в своих слушателей скепсис к основным догматам христианства: учению о троичности Божества и о Божестве Христовом.[146] Те, возвращаясь домой, продолжали поддерживать дружеские связи с евреями, жившими в Южной Франции и Италии и обладавшими богатствами, достаточными

---

144 См.: Чичеров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М., 1980. С. 142.

145 См.: Арсеньев И. От Карла Великого до Реформации. Т. I. М., 1909. С. 12—24.

146 См. там же. С. 144—145.

для того, чтобы занимать почетное место в обществе. Вместе с тем евреи были достаточно образованны и переводили арабских авторов для своих христианских друзей. На базе этнокультурных контактов и религиозного индифферентизма возникло и распространилось мнение, что все три веры равноправны, а критерием истинности суждения является разум, т. е. обоснование тезиса на уровне науки своего времени. Это суждение легло в основу схоластики от Иоанна Скота Эригены до Абеляра и позднее. Иными словами, мы видим здесь этнокультурную химеру или сочетание трех компонентов на суперэтническом уровне.

А на Востоке шел обратный процесс, характерный для выхода из надлома и установления инерционной фазы этногенеза. Лишнее было выброшено, а кристаллизованное в горении минувшей борьбы распространилось. Лишним был рационализм иконоборцев, а кристаллами — ортодоксия и искусство, сохранившее значение средства общения мира дольнего с миром горним. Гонимые в столице, иконопочитатели бежали на окраины: в Херсонес, Далмацию и на Дунай. Там они распространили православие среди хазар и славян, подготовив эти этносы к будущему крещению. Они проложили торную дорогу Кириллу и Мефодию, завершившим обращение славян и части хазар в IX в. Но на Западе, где шел процесс роста пассионарности и подъема местных этносов, они не имели успеха. С VIII по IX в. оба христианских мироощущения разошлись настолько, что греки и «латины» перестали видеть друг в друге единоверцев, ибо на Седьмом Вселенском соборе Восток обрел покой, а Запад стал метаться в поисках решения.

На этом месте надо остановиться, и вот почему. Поставленная нами задача была относительно проста. Мы проследили дивергенцию «античного» (эллино-римского) суперэтноса на византийский и «европейский» (романо-германский). При этом мы сознательно пренебрегли воздействиями со стороны чуждых суперэтносов: мусульманского (арабо-берберского) и евразийского (венгров), потому что эти воздействия не смещали основную линию этногенеза. Для достижения понимания был достаточен синхронический подход, но при переходе к эпохе Крестовых походов все меняется и прежняя методика не удовлетворяет требованиям задачи.

На первое место выходит проблема контакта на суперэтническом уровне, что требует диахронического подхода. Наряду с дивергенцией появляется этническая интеграция и приобретают значение негативные процессы, ранее нигде не описанные. Для решения поставленных задач нужен другой масштаб, т. е. большее приближение, а это неизбежно сужает хронологические рамки исследования приблизительно в 5 раз. Поэтому вместо тысячелетия этнической истории перед нами будет один эпизод, укладывающийся в IX—XI вв. Да нам больше и не нужно, потому что с XIV в. наступила эпоха образования современных европейских наций, а это совсем новая тема.

Задача, поставленная нами, решена. Переход от «римского мира» (Pax Romana) к «христианскому миру» (Chrétienté) имеет разрыв в 500 лет (с IV по IX в.). Выяснилось, что эта лакуна в этнической истории заполнена этническими контактами на западе и расцветом Византии на востоке бывшей Римской империи. С этого времени «западнохристианский» и «восточнохристианский» суперэтносы не объединялись никогда. Но уже с XI в., т. е. с фактического раскола, обаятельные соблазны древности стали проникать в Европу крайне извилистыми путями. И шло это западным христианам чаще во вред.

17. Отсутствие соответствий

Описанная эпоха изображена однобоко, но это сделано умышленно. По существу, в XI в. шел переход из фазы подъема пассионарного напряжения суперэтнической системы в акматическую фазу — фазу перегрева страстей человеческих. А этот процесс всегда идет неравномерно. В Средние века крестьяне и городские ремесленники тяготились соседством буйных пассионариев. Они были разумно консервативны, избегали технических усовершенствований, мужественно отстаивали свои права, зафиксированные в хартиях, и

предпочитали оборонительные войны наступательным. Идеалом их было господство посредственности, но этот идеал был недостижим.

Пассионарии рождались всюду, в том числе в среде крестьян и горожан, и девать их было некуда, потому что отправка их в Крестовые походы была многим не по карману, да и не все туда стремились, ибо дома было тоже много интересного, например ереси и борьба с ними.

Таким же было положение в господствующих классах. От дворян требовалось несение воинской повинности, а поэтому в мирное время их тренировали до упаду, как в наше время заслуженных мастеров спорта; без этого им грозила гибель в первой же стычке. Священников учили грамоте, что тем давалось трудно, особенно потому, что грамота была латинская, а не родная. Короче говоря, большинству людей было так некогда, что они не принимали участия в развитии ни техники, ни образования, вследствие чего производительные силы почти не развивались, а производственные отношения имели тенденцию стабилизироваться.

Так за счет какого фактора происходили столь многочисленные события: войны, перевороты, возникновение ересей и, наконец, Крестовые походы? Ведь люди, добровольно принимавшие в них участие, часто шли на верную смерть!

Затруднение здесь мнимое. Спонтанный процесс развития производительных сил стоит на несколько порядков выше, чем логика событий на персональном и даже этническом уровне. Эти события — зигзаги на кривой развития прогресса человечества. Они сливаются, когда мы рассматриваем социальную историю в целом, но при рассмотрении истории этнической они хорошо заметны. Для нашей постановки проблемы они важны потому, что каждая секта являлась эфемерным субэтносом, а вожди движений и ересиархи были как бы свободными атомами, вырывавшимися из своих этносистем благодаря повышенной пассионарности, которая влекла их к гибели чаще, чем к победе. Как мы уже видели, они не выбирали свою судьбу сознательно, а подчинялись влечениям, очаровавшим их помимо их воли. Это и есть фаза пассионарного перегрева.

Но выбор того или иного увлечения уже был несвободен. Выдумывать совершенно новое исключительно трудно. Редко кто обладает такими способностями. Удобнее выбрать доминанту из того, что уже придумано, а тут мы выходим в сферу этнокультурных контактов. Эта сфера нам знакома, и теперь можно перейти от теоретических соображений к историческим и этнографическим фактам, чтобы дать им конструктивное, нужное для темы истолкование.

Все перечисленные суперэтносы находились в постоянном контакте друг с другом, и энергия, создавшая и поддерживавшая их существование, перетекала из одного в другой, как жидкость в сообщающихся сосудах. Это перетекание совершалось иногда в форме военных столкновений, иногда в виде культурных заимствований, а иной раз как проповедь веры или пересадка (трансплантация) своего образа жизни, мыслей, чувствования в чужую среду.

Но мало того, внутри самих суперэтносов не было и тени сознательного единства. Императоры боролись с папами, французы — с англичанами, кастильские короли — с мятежными графами, итальянские города — между собой, города Фландрии — с епископами, крестьяне — с феодалами, и даже католическая церковь не была монолитом: схоластики, ученики Пьера Абеляра, спорили с мистиками, последователями Бернарда Клервосского, а клюнийские монахи — с распущенностью епископов. Но все эти варианты борьбы были формой диалектического единства. Для пассионарных деятелей Средневековья борьба была смыслом жизни, а следовательно, противник был жизненно необходим. Если он, будучи побежден, исчезал, то победитель находил нового, и процесс продолжался. Это было очень мучительно, но исключало болезнь равнодушия, которая поразила престарелую Византию XII в. Ведь пока там кипели губительные страсти, Византия была непобедима, а когда там воцарился покой, подкралась гибель.

Но еще страшнее сложилась коллизия в мусульманском мире. Там еще не пришла пора нулевой пассионарности, как в Константинополе, но пассионарная энергия «сменила знак»

(не везде, конечно), и воцарилась ложь как принцип действия.[147] Вместо диалектической вечной борьбы (Западная Европа) и ослабления ритмов жизненных процессов (Византия) здесь начала происходить аннигиляция при антагонистических противоречиях, а с Востока эта зараза перекинулась в Италию и Францию, где начались альбигойские войны. И только монголы XII в. еще не узнали яда антисистемы.

Политическая панорама X—XI вв.

IV. Блуждающий суперэтнос

18. Сквозь грани веков

В первом тысячелетии новой эры был еще один суперэтнос, без территории, без централизованной власти, без войска… но он был. Евреи, рассеянные от Германии до Ирана, жили, не теряя своего внутреннего единства, несмотря на внешнее разнообразие. Среди них были носители разных культурных традиций, разных идеалов, разных стереотипов поведения. Восточные евреи не были похожи на византийских или немецких, но ведь мы и называем их не этносом, а суперэтносом. И в IX в. настало время им сказать свое слово. А так как это «слово» было произнесено в Хазарии и весьма значительно отразилось на судьбе хазар, то придется проследить, как и почему это могло произойти. А для этого нам придется углубиться в древность и проследить судьбу восточной ветви иудейской общины и ее связи с Ираном.

Этническая история евреев была извилиста и многообразна, но трансформации, возникавшие вследствие пассионарных толчков, видоизменяли их не менее, чем все прочие этносы. При этом менялись даже облик культуры и догмы религии, феномены куда более устойчивые, чем этнические стереотипы, но сохранялся этноним, что и вводило в заблуждение и невежественных людей, и даже ученых.

Легендарные сведения первых книг Библии[148] туманно повествуют о неясных связях предков евреев с Шумером, а потом с Египтом, но к нашей теме это не имеет отношения. Исторически зафиксированные племена хабиру в XIV в. до н. э. начали завоевание, крайне жестокое, беззащитного и миролюбивого Ханаана, но натолкнулись на сопротивление филистимлян, одного из «народов моря», по-видимому древних ахейцев или хеттов. Война с хананеями и филистимлянами затянулась до X в. до н. э. (акматическая фаза этногенеза). Лишь царь Давид (1004–965 до н. э.) достиг решительных успехов и взял Иерусалим, где его сын Соломон соорудил храм. Но после смерти Соломона его царство распалось на два (надлом), а в 586 г. до н. э. Иерусалим был взят вавилонским царем Навуходоносором, который вывел пленных в Вавилон. Так началось знаменитое рассеяние (диаспора) — инерционная фаза этногенеза.

---

[147] См.: Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.

[148] Библия как исторический источник подвергалась критике, установившей, что даже Пятикнижие обращено к двум разным божествам: Элоим — «Единственные» (мн. ч. от «Элои») — и Яхве — проявлявшемуся в огненных смерчах (см.: Редер Д.Г. История древнего мира. М., 1970. С. 172). Значит, и этот этнос был вначале сложносоставным. Евреи, став монолитным этносом, представляли собой антропологическое разнообразие. Выходцы из Ура халдейского — шумерийский тип: низкорослые, коренастые, с рыжеватыми волосами и тонкими губами. Негроидную примесь дало пребывание в Египте. Семиты — высокие, стройные, с прямым носом и узким лицом — это результат смешения с древними арабами — халдеями. Большинство же евреев — арменоидный тип, преобладавший в Ханаане, Сирии и Малой Азии, именно тот, который ныне считают еврейским. Это расовое разнообразие указывает лишь на сложность процесса еврейского этногенеза, но не имеет отношения к этнической диагностике, ибо этнос и раса — понятия разных систем отсчета.

В Вавилоне евреи прижились, и когда в 539 г. до н. э. Кир позволил им вернуться на родину, этим позволением воспользовались немногие. Вавилонская колония евреев оказалась богаче и многолюднее палестинской.

Из Вавилона евреи распространились по всей Месопотамии и Сузиане,[149] где вошли в тесный контакт с персами. Есть даже предположение, что знаменитая антидэвовская надпись Ксеркса, запретившего почитание племенных богов — дэвов, нашла отражение в Библии, в книге «Эсфирь», содержащей описание того, как мудрый Мардохей благодаря очарованию своей племянницы Эсфири, пленившей царя, сумел организовать погром македонян.[150] и других соперников евреев, боровшихся за влияние на персидского царя царей[151]

Однако успех Мардохея оказался эфемерным. Персы охладели к евреям, и те радостно приветствовали Александра Македонского, пользуясь тем, что ни царь, ни его эллинские друзья никогда не сталкивались с евреями. Когда же греки и евреи оказались в пределах единой Селевкидской державы, между ними возникла кровопролитная война, закончившаяся победой евреев, основавших в Палестине царство с династией Хасмонеев. Постепенно палестинские евреи и евреи диаспоры стали обособляться друг от друга, «образуя как бы две нации».[152] И судьбы их были различны.

До похода Александра Македонского этносы Эллады и Передней Азии жили раздельно. Культуры Египта и Вавилона спокойно увядали под эгидой персидского царя. Хотя Вавилон еще стоял, но вавилонян в нем почти не осталось. Хотя Нил еще откладывал ил на поля египтян, но, кроме феллахов да кучки жрецов, от древнего величия уцелели только могилы. Кроме персов, согдийцев, бактрийцев и народов Малой Азии, некоторую самобытность сохранили евреи в Палестине и дейлемиты в Эльбурсе да, пожалуй, разбойники Киликии и парфяне.

Но после македонского завоевания все перемешалось и возникла цивилизация, именуемая «эллинизм». Характеризовать эту эпоху нет необходимости, ибо это уже неоднократно делалось. Нам достаточно уяснить ее значение для этногенеза. Под державной властью Селевкидов и Птолемеев были не этносы-целостности, обладающие оригинальными структурами и своеобразным стереотипом поведения, а территории: красивые города, где люди говорили по-гречески, и окружающие их виллы, где по-гречески понимали. Те и другие подчинялись властям, ибо это давало им покой. Однако они не испытывали к своим правителям никаких чувств. Македоняне были для населения чужими и малоприятными людьми. Внутренние же связи были разрушены появлением общего рынка и общедоступной эллинской цивилизации. Этносы рассасывались в ней. Исключение составляли только евреи, вернувшие себе независимость под руководством Маккавеев. Но сейчас речь не о них. В I в. до н. э. Рим подчинил своей власти Сирию и Египет. Сопротивления не было, и ничего не изменилось, за исключением того, что македонских чиновников сменили италийские. Налоговый гнет немного возрос, но зато римские порядки обеспечили подъем хозяйства, и одно компенсировало другое. Города росли и переполнялись субпассионариями, существовавшими в этом благодатном регионе за счет излишков сельского хозяйства, ибо природа, не насилуемая техникой, может прокормить не только трудящихся, но и дармоедов. Но когда прошел пассионарный толчок, начался новый процесс этногенеза.

В восточных провинциях Римской империи появились разнообразные богоискатели.

---

[149] См.: Тюменев А.И. Евреи в древности и в средние века. Пг., 1922. С. 63.

[150] Македония входила в Персидскую державу в 490—465 гг. до н. э., и в этот краткий период ее уроженцы служили царю Артаксерксу.

[151] См.: Тюменев А.И. Указ. соч. С. 80.

[152] См. там же. С. 216.

Перечисление идей, выдвинутых в то время, увело бы нас в сторону от темы. Достаточно того, что победила и всюду распространилась христианская община, втянувшая в себя подавляющее большинство появившихся пассионариев. Люди слабопассионарные в христианских общинах были не нужны. О таких было сказано: «Знаю твои дела. Ты не холоден и не горяч: о, если бы ты был холоден или горяч; но как ты тепл, то изблюю тебя из уст моих» (Апокалипсис III, 15—16). На этом принципе создавались первые консорции пассионариев нового типа. К середине II в. они слились в особый субэтнос, или «этнос по Христу».

Главным врагом новой популяции были не римские власти, которые путали христиан с евреями, а городская субпассионарная чернь, боровшаяся с пассионарным и духовным подъемом путем писания доносов, столь многочисленных, что Траян специальным эдиктом запретил их рассмотрение. В это время христиан преследовали по закону о запрещении любых общественных организаций, например союза сапожников или общества по тушению пожаров, а не за исповедание веры в распятого Бога.

В этой фазе этнос вел себя как дитя в утробе матери. Являясь, по сути дела, новой персоной, он сам этого не сознавал. Первые апостолы считали себя галилеянами. Они ощущали свое различие с соплеменниками, но приписывали это нисхождению на них святого духа. Однако одного такого факта было достаточно, чтобы евреи перестали видеть в них членов своего этноса и уже в 35 г. побили камнями архидиакона христианской общины — Стефана. С этого времени вражда иудеев и христиан неуклонно обострялась.

Деятельность апостола Павла привлекла в христианскую общину — консорцию — большое количество людей разных этносов. Первое поколение христиан, ощущая свою общность, помнило о своем происхождении. Так, центурион Корнилий знал, что он римлянин, а Дионисий Ареопагит считал себя эллином. Но общность судьбы объединяла членов христианских консорций, особенно во время гонений. Особенно сильно повлияли на консолидацию христиан зверские убийства их иудейскими повстанцами Бар-Кохбы (Сына Звезды) в 135 г. После этого оборвались традиционные связи между новой этнической целостностью и старой, но реформированной путем дополнения древнего предания. Уцелевшие после римских репрессий иудеи приняли в 219 г. толкование преданий, составленное в Тивериаде раввином Иудою, — «Мишна», ставшее основой Талмуда. Отсюда пошло учение раввинизма, враждебное христианству. А вавилонские общины, составленные из разных этнических субстратов, чутко воспринимали эллинскую и персидскую философию. В их среде появились гностические учения, в том числе Каббала. Так окончательно разошлись галилейское учение Христа и диаспорный иудаизм, породившие два суперэтноса с разными доминантами и разными судьбами.

В отличие от иудеев язычники не оказывали ранним христианам никакого идейного сопротивления. Вера в древних богов — покровителей племени была подорвана развитием философии, которая оторвала от культа наиболее интеллектуальную часть эллинов и римлян. В эпоху Принципата религия Юпитера превратилась в уважаемую традицию, выражение лояльности правительству, а тем самым потеряла элемент мистической связи божества и человека. Смертельный удар античной религии нанесли сами императоры, требовавшие божественного поклонения своим статуям в храмах. Ведь никто не мог искренне поверить, что пьяница Вителлий, развратник Огон, сумасшедший Гай Цезарь Калигула и им подобные — боги. А поскольку им надо было приносить жертвы наравне с Юпитером, Юноной, Марсом, Венерой, то и тех перестали воспринимать серьезно. Большая часть образованного общества стала индифферентно-атеистической, а низы ограничили свою духовную жизнь суевериями.

Гонения на христиан первые 150 лет проводились либо по доносам иудеев, либо по закону Траяна о запрещении любых обществ. К христианам Траян относился без всякого интереса и даже запретил принимать на них доносы, а казнить их повелел только по личному заявлению о принадлежности к христианской общине. Поэтому христианство распространялось по всей империи, втягивая в себя алчущих и жаждущих правды, т. е.

пассионариев. А так как пассионарии группировались в регионе пассионарного толчка: в Сирии, Малой Азии и Палестине, то именно римский Восток стал плодородной почвой для семян христианской веры.

19. Исповедание — символ этногенеза

Но вот кончился инкубационный период. В 155 г. христиане заявили о себе на диспуте. Юстин Философ отверг веру в языческих богов, осудил жертвоприношения животных и сформулировал доктрину христианства, отличающуюся и от иудаизма, и от философских систем Эллады. Христианские консорции слились в субэтнос, а с этим явлением имперским властям пришлось считаться. С конца II до начала IV в. от христиан требовали знака политической лояльности — признания императора богом и принесения жертвы на его алтарь. Христиане гарантировали политическую благонадежность, но категорически отвергали благонадежность идейную. Признать богом центуриона или сенатора, интригана, развратника, убийцу они отказывались, хотя служить ему как человеку-правителю были готовы. Власти были недовольны такой полупокорностью и шли навстречу желаниям масс, городской черни, требовавшей истребления христиан. Но беда в том, что христиане были наиболее верными, честными и храбрыми легионерами, а язычники — самыми лживыми, своевольными и нестойкими в бою солдатами, часто предававшими своих вождей. И происходило это от естественного разделения: в христианские общины шли люди нового психологического настроя, а в язычестве оставались те, кто, по сути дела, потерял старую веру и не приобрел новой, усвоив вместо религии принцип максимального подхалимства.

В 313 г. Константин, победивший с помощью христиан своего противника Максенция, дал в Милане эдикт, ставивший христианство в преимущественное положение. И тогда городская чернь объявила себя христианской и начала с такой же яростью истреблять языческих философов. Так продолжалось весь IV век.

Христианство и язычество боролись между собой весьма странным образом. Ни философы-неоплатоники — Ямвлих, Либаний, Ипатия, Гемерий, Фемистий, ни стоики, ни император-митраист Юлиан Отступник, ни «отцы церкви» — Василий Великий и Григорий Богослов, ни ученые-христиане — Ориген, Маркион, ни гностики — Василид и Валентин — не запятнали себя гнусными преступлениями против мыслящих иначе. Зато римская, антиохийская и александрийская чернь, солдатские императоры, демагоги, безграмотные монахи и продажные чиновники участвовали в убийствах сначала христиан, а потом языческих философов. Нетрудно заметить, что как низы горожан, так и вожди наемных солдат меньше всего интересовались вопросами духовной жизни. Эти деморализованные потомки даже не древних римлян и эллинов, а гибридизированного населения торгово-ремесленных эллинистических центров равно старательно истребляли ростки новой духовной жизни и следы древней культуры. Наследники Константина, весьма нетвердо сидевшие на престоле, считали за благо идти навстречу желаниям масс и их лидеров. Сын Константина Констанций приказал лишать язычников имущества и казнить смертью за совершение жертвоприношений. Впрочем, за отказ от учения Ария он отправлял христиан в тяжелые ссылки. Зато после 381 г. в такие же ссылки Феодосий стал посылать ариан. Грациан в 382 г. велел вынести из сенатской курии алтарь победы — символ римского могущества. Последняя попытка спасти язычество в 392—394 гг. была подавлена Феодосием, казнившим вождей восстания Евгения и Арбогаста.

Западная церковь получила от раннего периода очень тяжелое наследство. Сельское население Италии, Испании и Галлии, не затронутое пассионарным толчком, относилось к проповеди любой веры с потрясающим равнодушием. И так же вяло оно отстаивало старую религию, вследствие чего языческие культы в Западной Европе дожили до VII в. Зато в городах, где население было приезжим с Востока, страсти кипели и христианство принимало крайние формы. Генетический дрейф пассионарности породил популяцию мучеников и фанатиков, которая обеспечила престол Константину, сумевшему использовать эту

страшную силу.

В пламени акматической фазы пассионарности сгорел весь шлак, унаследованный Византией от античности. Вымерла субпассионарная чернь городов. Языческие окраины были захвачены германцами (на Западе), славянами (на Балканском полуострове) и мусульманами — новым этносом, возникшим в Аравии вследствие очередного пассионарного толчка и с потрясающей быстротой прошедшим всю фазу подъема, вплоть до образования суперэтноса.

Но в IV в. христианство как идеология перешагнуло границы этноса. Христианами стали готы, бургунды, свевы, вандалы в Европе, армяне и грузины в Азии, абиссинцы в Африке. Эти этносы никогда не знали римской власти, римской культуры, римской дисциплины. Поэтому они не составили единого с римлянами этноса, а остались сами собой. И тут сыграло решающую роль дробление христианского этноса на два течения: никейское и арианское. Германцы приняли христианство с учением Ария, а в империи победило учение Афанасия, т. е. никейское. Восторжествовав на Константинопольском соборе 381 г., оно объединило своих сторонников в этническую целостность, которую мы и называем византийской. С этой даты византийский этнос вступил в свою акматическую фазу. В IV—VI вв. он расширился, захватив Закавказье и Ирландию, погубил остатки античной культуры, раздробился на ряд субэтносов, каждый из коих выдвигал собственное исповедание, часто без достаточных догматических оснований. В VII в. он потерял половину своей территории из-за внутренних распрей и наконец в IX в. перешел в инерционную фазу этногенеза.

20. Вернемся в иудею

Отрыв от родины не проходит бесследно. Евреи, вернувшиеся в Палестину из Вавилона, не нашли взаимопонимания ни с местным населением иудейского культа — самаритянами, ни с потомками древних хананеян (финикийцев), населявшими Галилею, область у Тивериадского (Генисаретского) озера,[153] ни с пришлыми из Напаты арабами — идумеями, поселившимися в бывшей земле филистимлян, в окрестностях Газы.[154] Однако галилеяне и идумеи оказались увлеченными порывом восстания Маккавеев в 166 г. до н. э. и вместе с ними боролись против македонян. Иудеи, ощущая острую необходимость в пополнении армии, обратили оба народа в иудаизм, мотивируя это тем, что они якобы в древности были евреями, но в отличие от самаритян утратили веру во время господства Селевкидов.[155] Поэтому во время династии Хасмонеев (152–37 до н. э.) представители инкорпорированных этносов считались иудеями, но как бы второго сорта.[156] Те отвечали им неприязнью, переходившей в кровопролитие. Ирод I Великий (37–4 до н. э.), несмотря на все заслуги перед страной и народом, «любовь и преданность нашел только в Самарии и Идумее, но не у израильского народа», так как был чужеземцем. И сам он говорил, что «чувствует влечение к грекам в той же степени, в какой питает отвращение к иудеям». Он даже своих детей от еврейки боялся, как иудеев. Так продолжалось до того времени, пока пассионарный взрыв не дал обитателям Палестины энергию, необходимую для самоутверждения. Тогда идумеи захватили власть в Палестине, изгнав последних Хасмонеев, а Галилея стала местом рождения Воплощенного Слова и новой религии, не только чуждой, но и противоположной той форме иудаизма, которая оформилась при контакте с эллинами и заискивании у римлян,

---

[153] См.: Страбон. География в 17 книгах. Л., 1964. С. 704.

[154] См. там же. С. 703.

[155] ToynbeeA. Hellenism. Oxford. 1959. P. 191.

[156] См.: Моммзен Т. История Рима. Т. V. М., 1949. С. 452.

той, что Т. Моммзен назвал неоиудаизмом.[157]

В Галилее все было иначе. Там ненавидели все эллинское и римское. Оттуда вышли первые сикарии (кинжальщики) — террористы, убивавшие и чужеземцев, и вероотступников. И галилеянин Иисус Христос говорил иудеям: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, гробы скрытые» (Лука II, 37) и «Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи» (Иоанн 8, 44). Столь категоричные характеристики указывают на несовместимость христианского и еврейского поведенческих стереотипов,[158] ибо в I в. до н. э. евреи больше служили мамоне (богатству), нежели Иерусалимскому храму.

Добыть деньги было несложно, но для этого было необходимо включиться в общий рынок эллинистического мира и принять участие в его интригах и склоках. Люди для торговых операций имелись, но им пришлось изучить греческий язык, воспринять эллинскую образованность, перенять манеры, переменить имена… короче говоря, сменить стереотип поведения. Эти эллинизированные евреи назывались саддукеи и не только держали в своих руках экономику и высшие административные должности в царстве Хасмонеев, но и представительствовали за его границами. В Александрии, где греки составляли 50 % населения, евреев было 40 %, а все остальные, в том числе египтяне, — 10 %. То же самое было на Кипре и в городах Малой Азии. Иными словами, евреи-саддукеи вошли в эллинистическую цивилизацию и постепенно растворились в ней.

Это оторвало их от хранителей традиций — фарисеев (пуруш — чистый) и от народных масс. Последним было особенно противно, что их правители уподобились их злейшим врагам — эллинам. Поэтому раскол этнического поля расширялся и дошел до того, что власть Ирода держалась на поддержке наемных воинов, а народные пророки проклинали его, — ситуация, характерная для фазы обскурации. И в I в. н. э. этнос распался и погиб.

Палестинские евреи, сохранившие изрядную долю неукротимости и нетерпимости своих предков, поссорились и с римлянами, но те дважды расправились с евреями — в 70 и 132 гг., да так, что Палестина обезлюдела и ее заселили арабы.[159] Те евреи, которые успели убежать от ужасов войны на западную окраину империи, нашли там покой и безопасность. Более того, иудаизм стал распространяться в самом Риме — через женщин, утративших в эпоху империи традиционную нравственность. Это вызвало отрицательное отношение римлян к евреям, по аналогии перенесенное на христиан.

Когда память о пролитой крови померкла, оказалось, что в крупных городах Римской империи, в греческих колониях — Пантикапее, Горгиппии и Танаисе, в Армении.[160] и в оазисах Аравии еврейское население сохранилось. Однако это были уже новые евреи, затронутые пассионарным толчком I в., и, следовательно, ровесники византийцев и славян. Они поддерживали активные связи со своими иранскими единоверцами, пользовавшимися покровительством врагов Рима — парфянских царей. Вследствие этого обе общины до конца V в. непрестанно обменивались идеями и людьми[161]

---

[157] См. там же. С. 441—442.

[158] Вражду иудеев к «галилеянам», т. е. к христианам, использовал друг иудеев Юлиан Отступник.

[159] См.: Моммзен Т. Указ. соч. Т. V. С. 487.

[160] См.: Берлин И. Исторические судьбы еврейского народа на территории Русского государства. Пг., 1919. С. 10.

[161] На этом фоне было создано обновленное иудейское вероучение. В I в. были составлены два варианта Талмуда, иерусалимский и вавилонский, а во II—III вв. возникла Каббала, т. е. «полученное по преданию учение». Согласно Каббале, Бог, «наскучив одиночеством», решил создать себе равных. Мир и люди — его

А как это было им нужно! Персия была страна бедная, но благоволившая к евреям; Восточная Римская империя была богата, но греки успешно конкурировали с евреями. В те века центр тяжести межэтнических конфликтов был перенесен в область идеологии. Библия была уже переведена на греческий язык и перестала быть тайной. Ее читали усердно, но реакция читателей была различной. Одни вступались за змея, побудившего Еву заполучить познание добра и зла, а того бога, который хотел оставить людей в невежестве, именовали злым демоном (офиты). Другие объявили материю, а следовательно, весь видимый мир несуществующими, т. е. просто помехами на пути к совершенствованию души, реальность коей утверждалась (гностики). Третьи отрицали преемственность Нового и Ветхого Заветов, считая древнюю еврейскую религию поклонением сатане (Маркион и его школа). Четвертые — манихеи — рассматривали мир как область борьбы света и тьмы, но если христиане признавали мир и жизнь творением Божьим, то манихеи держались обратной точки зрения: мир — это тьма, пленившая частицы света (души).

На Западе дуализм не удержался. Язычник Плотин и христианин Ориген создали стройные монистические концепции, овладевшие умами мыслящих людей III в., а последователи гностиков замкнулись в своем пренебрежении к черни, и их идеи перестали влиять на широкие слои римского общества и этносов, его составлявших. В Иране гностическое манихейство натолкнулось на стройную систему зороастризма, где жизнь благословлялась и утверждалась как творение Ормузда, а смерть и уничтожение (аннигиляция материи) считались делом Аримана. Мани заплатил жизнью за последовательность своего учения. Казалось бы, для жизнеотрицающих гностических систем нет места в мире, но оно нашлось.

На рубежах великих суперэтносов: эллинизма и Ирана, Ирана и Турана, Турана и Индии, где ютились небольшие, хотя и самостоятельные княжества арабов, кавказцев, эфталитов, последователи гностических идей находили приют и безопасность. И евреи, променявшие Палестину на Месопотамию, были в их числе. Стесненные жесткими установлениями официальной религии, они чутко реагировали на развитие мировой творческой мысли и выдавали свои соображения за древние предания — Каббалу, тем самым давая им место рядом с жесткой системой Талмуда. В Каббале были и монистические системы, близкие к неоплатонизму, и дуалистические, унаследованные от ессеев, и тяга к новым идеям, то и дело возникавшим в Иране и Византии. А так как пассионарных людей в вавилонской общине было много, то с III по VI в. она бурлила идеями и принимала активное участие в событиях, имевших значение для нашей темы.

21. Несовместимость

Творческий взрыв и последовавшее за ним развитие еврейской философской мысли привели к созданию Каббалы, в которой стала явной тенденция к философско-ритуальному воспроизведению домоисеевых оргиастических культов. Но с христианскими гностиками у неоиудаизма не было и тени согласия. То ли тут вопияла кровь первых христианских мучеников, например архидиакона Стефана, побитого камнями в 3 5 г., и жертв фанатиков Бар-Кохбы, то ли евреев отталкивала эллинская смелость мысли, выражавшаяся в строгой последовательности, когда любой логически безупречный вывод считался достоверным, подобно непосредственно наблюдаемому факту. Эпизоды из Ветхого Завета отпугивали христианских неофитов от традиционного иудаизма, а уж о контакте христианства с талмудизмом и речи быть не могло. Поэтому во II в. среди христиан наблюдается стремление разграничить учение Ветхого и Нового Заветов и обосновать это теологически. При этом логически следовало, что Яхве, бог Моисея, отнюдь не тот Элои, к которому воззвал

эманация; назначение их — совершенствование до уровня Божества, причем идет перевоплощение душ. Бог им не помогает, ибо «помощь — это позорный хлеб» — подачка. Они сами должны достичь совершенства (см.: Льоренте Х.А. Критическая история испанской инквизиции. Т. II. М., 1936. Примеч. 3. С. 535—536).

распятый Христос; следовательно, сходство древнего еврейского однобожия, по существу почитания племенного бога евреев, и христианского единобожия — мнимо.

Различие между богом Ветхого Завета и евангельским Богом формулировалось христианскими гностиками так: «Первый запрещает людям вкушать от древа жизни, а второй обещает дать побеждающему вкусить „сокровенную манну“ (Апокалипсис 2, 17). Первый увещевает к смешению полов и к размножению до пределов ойкумены, а второй запрещает даже одно греховное взирание на женщину. Первый обещает в награду землю, второй — небо. Первый предписывает обрезание и убийство побежденных, а второй запрещает то и другое. Первый проклинает землю, а второй ее благословляет. Первый раскаивается в том, что создал человека, а второй не меняет симпатий. Первый предписывает месть, второй — прощение кающегося. Первый требует жертв животных, второй от них отвращается. Первый обещает иудеям господство над миром, а второй запрещает господство над другими. Первый позволяет евреям ростовщичество, а второй запрещает присваивать незаработанные деньги (военная добыча в то время рассматривалась как оплата доблести и риска). В Ветхом Завете — облако темное и огненный смерч, в Новом — неприступный свет; Ветхий Завет запрещает касаться ковчега завета и даже приближаться к нему, т. е. принципы религии — тайна для массы верующих, в Новом Завете — призыв к себе всех. В Ветхом Завете — проклятие висящему на дереве, т. е. казнимому, в Новом — крестная смерть Христа и воскресение. В Ветхом Завете — невыносимое иго закона, а в Новом — благое и легкое бремя Христово».[162] Этот трактат приписан Маркиону — христианскому гностику середины II в.

Взгляд Маркиона на Космос разъяснил его ученик Апеллес (умер ок. 180 г.). Единое начало — нерожденный бог — сотворило двух главных ангелов. Один, «знаменитый и славный», сотворил мир; другой, «огненный», враждебен богу и миру. Следовательно, мир, как творение доброго ангела, благостен, но подвержен ударам злого, «огненного», отождествленного с Яхве Ветхого Завета.[163]

Это учение, утверждающее наличие метафизического Зла, угрожающего культуре и природе (биосфере), отсутствует в Ветхом Завете. Там грехом считается нарушение «закона», т. е. предписания, как акция непослушания. Сатана упомянут только в Книге Иова, но и здесь он не соперник и не враг бога, а его сотрудник. Бог и сатана вместе осуществляют жестокий эксперимент над беззащитным и невинным Иовом, а потом угрозами зажимают ему рот. Зато в Евангелии Христос отказывается от общения с дьяволом, говоря: «Отыди от меня, сатана!» Таким образом, оказывается, что смысл Ветхого и смысл Нового Заветов противоположны.

Но если так, то почему христианская церковь ввела Ветхий Завет в состав священных книг? Для решения этого вопроса необходимо обозреть расстановку сил в конце II в. и в III—IV вв.

Главным врагом юного христианского этноса был неоиудаизм Талмуда и Каббалы, но полемика христиан с иудеями велась на фактическом материале Библии. Обе стороны доказывали, что их учение ближе к древнему, а следовательно, и правильнее (о чем писал Юстин Философ в «Разговоре с Трифоном Иудеем»). По сути дела, обе стороны были не правы, ибо и христианство, и талмудизм были явлениями новыми, связанными с начальными фазами своих этногенезов. Однако аберрация близости заставляла и их обращаться к Писанию как к непререкаемому аргументу. А коль скоро так, то это Писание надлежало изучать.

В III в. в игру вступил новый партнер — манихейство. Манихейская концепция по сути

---

[162] Dцllinger. Geschichte der gnostischen-manichдischen Lecten im frьher Mittelalter. Leipzig, 1980. С. 1. S. 146—147; цит. по: Арсеньев И. Указ. соч. С. 87.

[163] См. там же. С. 117.

атеистична, т. е. на место личного бога и дьявола она ставит стихии «света» и «мрака», в результате борьбы которых возник и существует материальный мир. Но отношение к миру у манихеев и христиан было противоположным. Манихеи считали материальный мир (биосферу) злом, а его создателя — злым демоном. В противоположность христианству «творящий свет» (Божественную энергию) они считали мраком, а «мрак» (бездну или вакуум) — светом. Для борьбы с культурой и с самой биосферой[164] этого было вполне достаточно.

Тогда в 180—190 гг. христианская мысль для оказания сопротивления атеистическим антисистемам гностицизма приняла на вооружение Ветхий Завет в варианте «семидесяти толковников», сделанный еще во II в. до н. э. Этот «завет» был во II в. н. э. «ветхим» не только для христиан, но и для самих иудеев, подавляющее большинство которых приняло Талмуд, практически вытеснивший религиозные представления древности.

А в конце III в. жестокие гонения Диоклетиана и, с другой стороны, пропаганда манихейства поставили перед церковью сложные задачи, более актуальные, чем борьба с древним иудейством. Более того, в иудейском предании хотели видеть союзника против общего врага, а в однобожии (генотеизме) — зачаток единобожия, как бы предчувствие христианства. Эта тенденция странным образом уживалась с развитием учения о Троице и Логосе, которое по своим философским истокам восходило к неоплатонизму, столь же враждебному гностицизму, как и церковное христианство.

Для своего времени такая позиция была целесообразна. Поэтому не надо осуждать апологетов III в. и «отцов церкви» IV в. за благосклонное отношение к историческим пассажам и поэтическим шедеврам греческого перевода Библии. Эти блестящие филологи и философы не могли даже вообразить, что через тысячу лет наступит время, когда найдутся люди, желающие воскресить побивание камнями пророков, принесение в жертву вместо себя невинных животных, убийство или «отстрел» иноплеменников и учение о предопределении, снимающее с человека моральную ответственность за любые преступления. Все перечисленное, бытующее в цивилизованном мире, связывается с ветхозаветным мировоззрением, но в V—VIII вв. такого безобразия ни один ученый муж не признавал.

Безобразия принимали другой облик. Это и станет предметом нашего внимания.

22. Еще одна «Столетняя война»

Столетней называют войну Франции с Англией (1339—1449), но столь же долгой и еще более ожесточенной была серия восстаний в Аравии и Сирии при высокой степени пассионарности византийского этноса и окончательном исчезновении эллинизма. Эти эксцессы были продолжением друг друга и тянулись 110 лет — с 517 по 627 г.

«Два меча нельзя вложить в одни ножны», — гласит старинная персидская пословица. Евреи и христиане были равно пассионарны. Описанная выше несовместимость проявлялась не только в философии, но и в настроениях народных масс. Еврейское население Южной Палестины было уничтожено при подавлении восстания Бар-Кохбы, но в Самарии оно уцелело, так как самаритяне не принимали участия в еврейском движении. Евреи тогда не считали самаритян за «своих».

Однако по отношению к греческому населению Сирии и Палестины евреи и самаритяне были единодушны. Они не хотели, чтобы греки жили в Палестине и чтобы константинопольское правительство собирало налоги, а легионеры пасли на священной земле нечистых животных — свиней.

Поскольку Зинон был крайне непопулярным императором, а положение империи — весьма сложным, самаритяне поднялись в 484 г. на гору Гаризим, создали там укрепленный лагерь и сделали его центром движения против Византии. Повстанцы взяли Неаполь

---

[164] См.: Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.

(сирийский) и Кесарию, причем христиан не щадили, что заставило последних вступать в организуемые правительством отряды добровольцев, которые и разгромили самаритян в 486 г.

Репрессии после подавления восстания были умеренными. У богатых самаритян было конфисковано имущество, а на горе Гаризим сооружена христианская церковь. Но на этом война не кончилась, только театр ее был перенесен на юг, на Аравийский полуостров, куда не простиралась рука византийского базилевса.

В V—VI вв. единого арабского этноса не было. Северные кочевники назывались «измаилиты», как потомки сына Авраама — Измаила, выгнанного отцом в пустыню по требованию Сары, родившей на старости лет Исаака — легендарного предка евреев. Южные оседлые племена Йемена и Хадрамаута назывались иоктанитами или «людьми Саба»,[165] а жители южного побережья с I в. н. э. — «химьяр».[166]

Йемен по праву назывался «Счастливой Аравией», ибо эта богатая растительностью страна контролировала пролив Бабэль-Мандеб, по которому шла морская торговля Византии с Индией. Поэтому сюда устремлялись иудеи из Палестины и Сирии в IV—VI вв. И здесь они достигли власти в 517 г., когда царем Химьяра стал Зу-Нувас.

Юсуф Зу-Нувас был сыном знатного химьярита из рода Йазан и рабыни-еврейки. Последнее обеспечило ему возможность стать членом иудейской общины, а первое — право на престол. И он захватил власть в начале 517 г., убив законного царя Химьяра Маадикариба, христианина, по-видимому, монофизитского исповедания.[167] Первым делом Зу-Нувас ограбил христианских купцов: византийских, североаравийских и аксумских (эфиопских), находившихся в его владении, и начал преследования христиан, которых в Аравии VI в. было много.

По просьбе аравийских христиан царь Аксума послал войско, которое принудило Зу-Нуваса бежать. После победы большая часть аксумитов отбыла на родину, а для наблюдения остался малочисленный отряд — 500—600 всадников в городе Зафаре, столице Химьяра. Зу-Нувас собрал своих сторонников, окружил Зафар и предложил эфиопам покинуть город, обещав им свободный пропуск на родину. Простодушные эфиопы поверили Зу-Нувасу, вышли из крепости… и были убиты. Одни зарезаны, другие заперты в церкви и сожжены вместе с нею. Сгоревшая церковь была перестроена в синагогу. Ожесточение росло не по дням, а по часам.

На следующий — 518 год Зу-Нувас взял город Награн и произвел массовые казни христиан. И по всей стране шло сожжение церквей и истребление христиан. До тех пор в Аравии религиозных гонений не бывало.[168]

Христианские епископы, как монофизиты, так и православные, развернули широкую агитацию против Зу-Нуваса. По казненным повсюду служили панихиды. Даже персы решительно осудили Зу-Нуваса, и только несторианский епископ Ирана — Сила — «желал угодить язычникам и иудеям», но, возможно, это поздняя клевета.[169] Христиане в языческой Аравии не противопоставляли себя друг другу. Это был единый суперэтнос. И все они страдали от Зу-Нуваса.

Зу-Нувас восстановил против себя даже Иран, ибо персы издавна вели выгодную

---

[165] См.: Мюллер А. История ислама. Т. I. С. 24—28.

[166] См. там же. С. 28.

[167] См.: Кобыщанов Ю.М. Северо-Восточная Африка в раннесредневековом мире. М., 1980. С. 15—17.

[168] См. там же. С. 25.

[169] См. там же. С. 27.

торговлю с Аксумом, а теперь она прекратилась. Но тем не менее активных военных действий не предпринимал никто. Иран находился во власти маздакитов, Византия была далеко, а аксумский царь воевал в Африке с окрестными племенами. Лишь в 524 г. эфиопские войска были подготовлены к десантной операции — походу в Аравию для спасения аравитян.

Это был, по сути дела, Крестовый поход. Выступление эфиопского войска было приурочено к празднику Троицы (18 мая 525 г.) и сопровождалось молебном в кафедральном соборе столицы Аксума.[170] Южноаравийские эмигранты были отправлены отдельно. В их задачу входило пробраться в тыл противника и поднять население против тирана. Это им удалось. Зу-Нувас с теми силами, которые остались ему верны, попытался сбросить десант в море, но потерпел поражение. Войско иудео-химьяритов разбежалось, Зу-Нувас был убит. Оказалось, что это конец. Эфиопы ходили по стране, убивали иудеев и разрушали синагоги, не встречая сопротивления.[171]

Впрочем, жестокости были обычным бесчинством воинов, разошедшихся по стране, и их аравийских союзников. Иудеи в Йемене уцелели до нашего времени, а частично были переселены в Эфиопию, и, возможно, фалаша — их потомки.[172] Эфиопы проявили такую терпимость, тени которой не было у противников, потерявших Южную Аравию, но попытавшихся получить реванш в Палестине.

Едва достигла пределов Византийской империи весть о гибели иудео-химьярского царства, в Скифополе самаритяне напали на христиан и спалили часть города. Юстиниан обвинил в попустительстве архонта и казнил почему-то его, а не мятежников. Однако это не предотвратило восстания. Весной 529 г. иудеи, язычники и манихеи начали жечь церкви, поместья и убивали священников и «знать».[173]

Однако не только богатым христианам было плохо. Вождь восстания Юлиан, которого объявили «царем», не только разрушил все христианские храмы в захваченных городах, не только убил епископа Саммона и велел резать на куски священников, чтобы сжечь их вместе с мощами, хранившимися в церквах, но и, устроив по случаю победы конские ристалища, вместо награды победителю приказал отсечь ему голову, так как узнал, что тот — христианин.

Только помощь арабских шейхов позволила византийцам подавить восстание, в ходе которого погибли 20 тыс. повстанцев. Столько же пленных женщин и детей было уведено арабами. А сколько погибло христиан — неизвестно!

Репрессии надо считать еще мягкими, ибо в 555 г. восстание повторилось, но на этот раз было подавлено без посторонней помощи. «И был страх великий во всех восточных провинциях».[174]

Упомянутые восстания и перевороты следует расценить как большую войну, которую, будь она в XX в., назвали бы национально-освободительной. В ней поражают стихийность вспышек и ожесточение, напоминающее альбигойские войны и восстание камизаров в Провансе. И ведь нельзя считать эти восстания бесперспективными. Вожди иудеев надеялись на помощь Ирана, находившегося в состоянии войны с Византией и пытавшегося вернуть Сирию и Палестину, дабы восстановить царство Кира Великого. Но почему-то персы не

---

[170] См. там же. С. 45.

[171] См. там же. С. 48.

[172] См. там же. С. 49—50.

[173] См.: История Византии. Т. I. М., 1967. С. 276—277.

[174] Там же. С. 278.

поддержали ни Зу-Нуваса, ни самаритянских вождей, хотя впоследствии они выгнали аксумитов из Аравии и на время овладели Сирией и даже Египтом. Но и там и тут они пользовались пассивной поддержкой иудеев, а не активной. Не странно ли это?

Очевидно, следует обратить взор на Персию V—VII вв., иначе сложность ситуации останется нераскрытой. А без разбора этих сложностей останется неясной та трагедия, которая произошла на Волге в X в. Так направим караван нашего внимания из Сирии и Аравии в Вавилонию и Иран.`

23. У персов V—VII вв

Римляне, даже в период наибольшей военной мощи, не могли захватить Двуречье. Местное население активно помогало парфянам, а потом персам. За проявленную лояльность шахи Ирана благоволили к евреям, позволив им создать колонии в Ктезифоне и Испагани (Исфаган). Аналогичными льготами пользовались несториане Месопотамии и монофизиты Армении за то, что они были противниками православного византийского царя.

Зороастризм, подобно иудаизму, — генотеистическая религия, т. е. все персы должны были следовать учению магов и поклоняться огню, но ни один иноземец к культу не должен быть допущен. Переход персов в христианство карался смертью, что иногда вызывало осложнения, коих не возникало с евреями, которые, так же как и персы, не допускали в свою среду инородцев. Поскольку при таком последовательном подходе ассимиляция исключалась, то в Западном Иране и Месопотамии возникла иудео-сиро-армяно-персидская химера с добавкой из парфянской знати и арабов Бахрейна, почитавших звездных богов и служивших за деньги иранскому шаху. Внутри этой причудливой мозаики мира не было. Вельможи и маги старались ограничить власть шаха, не покушаясь на престол, ибо центральная власть была нужна для защиты от внешних врагов. Шах норовил пресекать самовольство знати, но без кровопролития, так как знать составляла конное войско. Евреи были на стороне короны и, со свойственной этому этносу горячностью, превысили меру усердия, что им на пользу не пошло.

В 491 г. Иран постигли засуха, связанный с нею недород и налет саранчи. Шах Кавад открыл государственные амбары с зерном, но это не предотвратило народных волнений. И тогда один из вельмож, Маздак, предложил шаху свою концепцию спасения государства. Она была дуалистична, но в ней в отличие от манихейства «царство света» наделялось качествами воли и разума, а «царство тьмы» — качеством неразумной стихии. Отсюда вытекало, что существующая в мире несправедливость — следствие неразумности и исправить ее можно средствами разума: введением равенства, уравнением благ (т. е. конфискацией имущества богатых и разделом его между маздакитами) и… казнями «сторонников зла», т. е. тех, кто был с Маздаком не согласен.

Система подкупала безукоризненной логикой, и шах поддержал Маздака. Но как было отличить сторонников света от защитников мрака? Только по их личному заявлению! И тут пошла в ход ложь.[175] Маздакиты, взяв власть в свои руки, развернули массовый террор, а шах стал в их руках марионеткой. В 496 г. Кавад бежал от своих министров к эфталитам, вернулся с войском и занял престол, но маздакиты продолжали занимать должности вокруг престола и расправляться с неугодными людьми, как с чужими, так и друг с другом. Только в 529 г. царевич Хосрой собрал войско из людей, обиженных маздакитами, привлек на свою сторону саков и повесил Маздака, а его сторонников закапывал в землю живыми. Ожесточение партий было так велико, что уцелевшим маздакитам пришлось бежать на Кавказ, ибо ни эфталиты на востоке, ни византийцы на западе их не принимали.

Могли ли многочисленные евреи Двуречья и Исфагана остаться равнодушными к

---

175 «Их внутреннее — да проклянет их Господь! — противоположно внешнему, слова противоположны делам» (Низам аль-Мульк. Сиасет-намэ. С. 188. Примеч. 339).

событиям, происходившим вокруг них? Конечно, они приняли в них живое участие, но, как всегда, разделились. Ортодоксам-талмудистам маздакиты были омерзительны, вольнодумцам-каббалистам — любезны. Внутри еврейской общины Ирана шла борьба столь же напряженная и даже кровавая, как и в самой великой державе.[176] Торжество маздакитов грозило евреям-ортодоксам гибелью, и они эмигрировали в Византию. Там их приняли кисло, но это было лучше, чем смерть.

Когда же в 529 г. в Иране пошла расправа с маздакитами, то и примкнувшим к ним евреям пришлось плохо. Экзарх еврейской общины Ирана Мар Зутра, сотрудничавший с маздакитами, был повешен, так же как и все те, кто попал в руки Хосроя Нуширвана, принявшего власть еще при жизни своего отца, Кавада. Уцелевшие маздакиты бежали на Кавказ, чтобы затеряться среди христианского населения Мидии-Атропатены (совр. Азербайджан). Это им удалось, так как христиане относились к огнепоклонникам-персам крайне отрицательно и укрыли беглецов из Ирана.

Связанные с маздакитским движением евреи тоже удрали на Кавказ, но подальше от разъяренных персов. И очутились они на широкой равнине между Тереком и Сулаком, стали пасти там скот, избегая конфликтов с соседями и не слишком строго соблюдая традиционные обряды. Однако они свято праздновали субботу и совершали обряд обрезания.[177]

Вернемся к судьбе евреев-ортодоксов, так как в последующей эпохе главную роль будут играть именно они. Православная церковь Византии в эпоху Великих соборов (V в.) относилась к иудаизму благожелательно. Когда же эмиграция евреев из Ирана усилилась и активизировала византийскую еврейскую общину, то начался период не то чтобы гонений, а государственных ограничений свободы еврейского культа. Эдиктом 546 г. Юстиниан запретил евреям праздновать Пасху и есть в эти дни мацу, если еврейская Пасха приходилась на Страстную неделю. В 553 г. евреям было запрещено «употреблять… устную традицию».[178] Короче, евреев стремились превратить в граждан второго порядка (inferiores, quasi, infames, turpes),[179] что повело к возрождению иранофильских настроений в еврействе Византии. Случай для отплаты за унижение представился им в начале VII в.

В 602 г. солдаты убили императора Маврикия и возвели на престол свирепого тирана Фоку. Шаханшах Хосрой Парвиз начал войну под предлогом мести за погибшего, который был его приемным отцом, фактически же эта война ставила целью изгнание греков из Азии и Египта, т. е. восстановление Ахеменидской империи. Евреи стали на сторону персов. Они вызывали беспорядки в тылу у греков, причем успевали заручиться покровительством греческого начальства и обратить его гнев против восточных христиан — монофизитов и несториан,[180] что было на руку персам, так как симпатии местного населения после карательных экспедиций из Константинополя переходили на их сторону. Таким образом персы продвинулись до берегов Средиземного моря.

---

[176] См.: Солодухо Ю.А. Движение Маздака и восстание еврейского населения Ирана в первой половине VI в. н. э. // Вестник древней истории. 1940. № 3—4. С. 131—145.

[177] Описание быта этой ветви евреев см.: Гаркави А.Я. Сказания еврейских писателей о хазарах и хазарском царстве. СПб., 1874. С. 17; Кембриджский аноним считает их евреями колена Симонова, позабывшими веру предков; см.: Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 25.

[178] Берлин И. Указ. соч. С. 76.

[179] См. там же. С. 76.

[180] См.: Пигулевская Н.В. Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. М.; Л., 1946. С. 183—185; Кулаковский Ю. К критике известий Феофана о последнем годе правления Фоки // Византийский временник. Т. 21 (1—2). СПб., 1914. С. 1–14.

Самое страшное произошло в 615 г. в Иерусалиме, где после капитуляции города персы взяли в плен от 62 до 67 тыс. человек.[181] Не имея возможности перегнать живой товар через Сирийскую пустыню без больших потерь, персидские воины охотно распродавали рабов и рабынь. «Иудеи же, из-за своей вражды, покупали их по дешевой цене и убивали их»,[182] — пишет в 1234 г. Сирийский аноним, т. е. человек, не имеющий личной заинтересованности, а следовательно, и пристрастия. Там же он сообщает, что иудеи «были уведены из Иерусалима», т. е. просто вернулись на родину предков, в Месопотамию. Здесь они уже после заключения мира в 629 г. убедили персидский гарнизон оборонять от греков Эдессу, которая должна была быть возвращена Византии по условиям мирного договора. При этом они обеспечили себе безнаказанность, послав к императору Ираклию парламентера, который вымолил своим соплеменникам прощение, а персидские воины погибли от рук византийцев.[183]

Византийское правительство то ли не видело, то ли не хотело видеть реального соотношения сил. Ираклий мечтал о воссоединении монофизитства с православием. Для этого он предложил компромисс — доктрину монофелитства, согласно которой у воплощенного Слова два тела — божественное и человеческое — и одна воля — божественная. Эту доктрину не приняли ни греки, ни сирийцы с египтянами, ни персидские несториане, ни папа. Сторонников это учение обрело только в горах Ливана, но и там их было очень мало, так как горцы Ливана, равно недоброжелательно относившиеся и к грекам, и к сирийцам, были реликтовым этносом.

На этом фоне общего отчуждения Ираклий сохранил свои симпатии к евреям и даже очень их выручил.[184] Западные евреи, проникшие на берега Рейна в римскую эпоху, сильно пострадали от вторжений германцев в V в., но на берегах Роны и Гаронны они жили спокойно и богато. Меровинги относились к евреям без симпатии, и в 629 г. король Дагоберт решил изгнать их из своих владений. Но император Ираклий вмешался, и изгнание не состоялось.[185]

Чем руководствовался Ираклий — непонятно. Может быть, он обратил внимание на то, что в Аравии уже начались кровавые столкновения между еврейскими общинами и сторонниками нового пророка — Мухаммеда, а может быть, были мотивы, нам неизвестные. Однако в любом случае сделка проходила за счет христианских народов Ближнего Востока, причем проиграть могли либо греки, либо персы, а евреи только выигрывали.

Столь откровенная изменническая позиция вызывала озлобление против евреев сирийских и аравийских семитов, почему это трудно назвать антисемитизмом. Результатом была договоренность, достигнутая в 637 г. между епископом Софронием и халифом Омаром. Епископ сдал халифу Иерусалим, с тем «чтобы евреи не жили в Иерусалиме»,[186] после чего Омар велел построить на месте Соломонова храма мечеть.

24. У арабов VII в

---

[181] См.: Пигулевская Н.В. Указ. соч. С. 20.

[182] Там же. С. 263.

[183] См. там же. С. 270.

[184] См.: Тюменев А.И. Указ. соч. С. 276.

[185] См. там же. С. 241—243.

[186] Пигулевская Н.В. Указ. соч. С. 285.

С мусульманами иудеи не ладили куда категоричнее, чем с христианами. Первые конфликты произошли еще в Медине, с самим пророком. Побежденные в уличных схватках иудеи покинули Аравию и поселились в Палестине, у Генисаретского озера, поскольку эта страна находилась тогда под властью персов. Потом некоторые из них ушли в Иран вместе с отступавшими персами, страшась возмездия сирийских христиан. Однако к 650 г. те и другие попали под арабское иго. Персы перенесли это довольно легко, так как приняли ислам, но евреям вероотступничество было противно. Они нашли другой выход — шиизм как способ раздробления мусульманской общины.[187]

Некий Абдулла ибн-Саба, иудей, перешедший в ислам, выдвинул в 653 г. учение, на первый взгляд правоверное, что перед концом света пророк Мухаммед вернется в мир, а пока его должен замещать тот, кто при жизни был его помощником, т. е. Али и его потомки. Здесь таилось зерно не только тогдашнего раздора — претензии Али на престол, но и позднейшего шиизма,[188] прививавшегося у персов лучше, чем у арабов. Так была создана идеологическая основа гражданских войн, вызвавших относительно быстрое распадение халифата.

Нет, мы не будем здесь излагать историю многих восстаний и подавлений, убийств и предательств, игры ума и безумия страстей человеческих; жертвами этой войны стали Али (зарезан в 661 г.) и его сын Хуссейн (пал в бою в 680 г.), покинутые друзьями и сподвижниками. Однако те, «раскаявшись», снова восстали и снова были разбиты в 690 г., вслед за чем последовали очередные экзекуции.

Вот тогда и покинули злосчастную Персию евреи. Они прожили в этой стране 1200 лет, пользуясь покровительством законов и сочувственной поддержкой венценосцев. Но когда законы Ирана заменил шариат, а шахов — назначенные эмиры (уполномоченные), евреи вновь обратились к поискам «земли обетованной». Сами они представляли себе эту миграцию так: «И было в лето 4450 (т. е. в 690), и усилилась борьба между исмаильтянами и персами в ту пору, и были поражены персы ими (арабами), и пали они под их ноги, и спасались бегством многочисленные евреи из страны Парас, как от меча, и двигались они от племени к племени, от государства к другому народу и прибыли в страну Русию и землю Ашкеназ и Швецию и нашли там много евреев…»[189]

Этот текст показывает многое. Страна Русия уже была в VII в.; в Германии (Ашкеназ) и Швеции, еще языческой, есть еврейские колонии, а вот Хазарии в списке нет, хотя в 737 г. арабский завоеватель будто бы принудил «персов-огнепоклонников, хазар, поклонявшихся тельцу, и некоторых исполнявших закон Мусы» принять ислам.[190] На самом деле это было только пожелание Мервана II, оставшееся без последствий. А в 690 г. хазары под предводительством тюркютов по происхождению, принцев царственного рода Ашина, ставших ханами Хазарии, громили Закавказье и удерживали до 693 г. Дербент. Как же евреи могли не заметить такую сильную державу? — Только не видя ее!

Значит, путь еврейских эмигрантов из Ирана пролегал не через северокавказские степи, в те годы обагренные болгарской и аланской кровью, а только через Малую Азию и Черное море к устью Днепра и в Русию, а оттуда — в земли, где уже были колонии западной ветви евреев, оставшихся в Европе после распада Римской империи.

Но если так, то кто в Хазарии «исполнял закон Мусы»? Очевидно, те евреи, которые

---

[187] Ши’ат Алий — партия Алия, или «пристрастные».

[188] См.: Мюллер А. Указ. соч. Т. I. С. 332.

[189] Берлин И. Указ. соч. С. 78—79. Авторство текста приписано известному хронисту и врачу Иосифу б. Иегошуа Га-Когену, жившему в XVI в., но имевшему в своем распоряжении более ранние рукописи.

[190] И. Берлин полагает, что именно это событие заставило евреев покинуть Хазарию и перебраться на Запад (см. там же. С. 79).

бежали на Кавказ вместе с маздакитами. Они в 690 г. очень хорошо помнили кровавые столкновения внутри еврейской общины Ирана, с полным на то основанием опасались своих соплеменников и отказали им в убежище. Зато их потомки в VIII в. поступили по-иному, так как маздакитская трагедия была забыта потомками ее участников.

25. У греков VIII в

Итак, сирийские Омейяды оказались врагами обеих ветвей иудеев: маздакитской и ортодоксальной. Первые были союзниками хазар, вторые обрели убежище среди христиан… Такая расстановка сил дает право заключить, что во время сражения за Константинополь в 717—718 гг., когда Лев Исавр сжег арабскую эскадру «греческим огнем» и отбросил изнуренную голодом сухопутную армию от стен столицы, евреи сражались на стороне христиан.

Силы арабов были скованы на всех фронтах. В Испании в 718 г. непокорившиеся христиане образовали королевство Астурию. В Средней Азии тюргеши договорились с Китаем, заключили мир с Тибетом, союзником халифата, и поддержали восстание согдийцев, только что завоеванных, но не смирившихся. Хазары же принудили арабскую армию к отступлению и перенесли военные действия в Закавказье.

В 723 г. император Лев III Исавр издал указ о насильственном крещении всех евреев, находящихся в пределах Византийской империи.[191] Этот указ был издан после победы над арабами и за год до начала борьбы против почитания икон. Зачем ему это понадобилось?

Ответа на этот вопрос в источниках нет, значит, следует искать смысл указа исходя из общей ситуации. Малоазийские христиане, а также монофизиты и несториане были противниками иконопочитания и врагами арабов. Не хотел ли Лев Исавр увеличить число своих сторонников, зачислив иудеев в число христиан, дабы дать им право участвовать в будущей реформе? Это, пожалуй, наиболее вероятное толкование, так как последующие гонения обрушились не на иудеев, оставшихся в своей вере, а на православных. И наоборот, один из чиновников халифа, Иоанн Дамаскин-Мансур, писал обличение иконоборцев под покровительством Омейяда Хишама.

Считается, что этот указ вызвал эмиграцию евреев из Византии в Хазарию, но неизвестно, был ли он приведен в исполнение. Даже если так, то эмиграция шла в Хазарию, в то время союзницу Византии. И поскольку инициативу войны с арабами перехватил Булан, не исключено, что Лев Исавр создал условия для переброски боеспособного этноса на тот участок фронта, где он был необходим. Примерно так поступило византийское правительство с горцами Ливана — мардаитами: их вывели из Сирии и поместили в гарнизонах Малой Азии, чтобы использовать их опыт борьбы с мусульманами.

Однако евреи думали не столько о войне против ислама, сколько о себе и своих родственниках. Подобно тому как в XVII в. гонимые в испанских владениях евреи нашли приют в протестантской Голландии, так в VIII в. они воспользовались гостеприимством хазар и освоили «прикаспийские Нидерланды», причем сходство дополнялось тем, что Итиль стал перевалочным пунктом на двух караванных путях: из Ирана в Биармию (Великую Пермь).[192] и из Китая в Прованс[193]

Имея такую базу, можно было забыть о дружбе с Византией. А ссориться евреям с греками было из-за чего. Греки торговали лучше евреев. Поэтому евреи начали предпочитать

---

191 Об этом указе упоминают хронографы Феофан (ed Bonnae, I, 617) и Кедрен (ed Bonnae, I, 793); см.: Берлин И. Указ. соч. С. 76.

192 См.: Хеннинг Р. Неведомые земли. Т. II. М., 1961. С. 212.

193 NeedhamJ. Science and Civilization of China. III. Cambridge, 1959. P. 681—682.

им арабов.

Свидетельство о разрыве между Византией и еврейской диаспорой недвусмысленно, а дата его примечательна — на фоне мировой истории оно особенно весомо:[194] «Владетель Константинополя во время Харуна-ар-Рашида (786—809) изгнал из своих владений всех живущих там евреев, которые вследствие сего отправились в страну хазар, где они нашли людей разумных, но погруженных в заблуждение (язычников. — *Л.Г.*); посему евреи предложили им свою религию, которую хазары нашли лучшей, чем их прежняя, и приняли ее».[195] Этот текст, во-первых, подтверждает нашу догадку, что императоры-иконоборцы крещения евреев не осуществили, иначе было бы некого изгонять, а во-вторых, что эти гонения на евреев совпали с Седьмым Вселенским собором (787 г.) и последующим периодом преобладания греков над малоазиатами и примыкавшими к последним евреями. Согласно логике событий, именно в последние годы VIII в. греки стали заинтересованы в том, чтобы избавиться от евреев, так как антипатия последних к арабам сменилась симпатией, после того как престол халифа перешел от Омейядов к Аббасидам, окруженным персидскими советниками и возобновившим традиции Сасанидского Ирана.

Однако багдадские халифы могли, да и хотели видеть в евреях лишь подданных, причем второго сорта. Им было удобно сбывать христианских пленников для продажи в рабство, что для евреев было выгодно, но неперспективно. Власть и господство над народом халифата были для них недостижимы, так как пассионарность арабов и персов была выше еврейской. Поэтому евреи стали искать новую страну… и обрели ее в Хазарии.

Часть вторая
Зигзаг истории

V. Князья изгнания

26. В гостях у хазар

Персидские евреи, некогда соратники маздакитов, после гибели Маздака и бегства на Кавказ 200 лет прожили в равнинном Дагестане, между Тереком и Сулаком, по соседству с хазарами. Жили эти два этноса в мире и дружбе, не навязывая друг другу своих обычаев. Когда же арабы начали наступление на Кавказ, евреи и хазары отражали их натиск совместно, ибо и тем и другим грозила одна и та же судьба: при поражении — гибель мужей и продажа в рабство женщин и детей, а при победе — подготовка к новой войне.

Надо отдать должное обоим малым этносам, которые сохранили мужество и стойкость в этой неравной войне. И немалую роль здесь играла форма этнического контакта — симбиоз, когда этносы-соседи живут рядом, не перевоспитывая друг друга, а значит, и не мешая друг другу. И те и другие были в фазе гомеостаза, хотя и по разным причинам: хазары достигли этой фазы естественным путем, ибо они прожили свой цикл этногенеза и уцелели; евреи — путем искусственного отбора, потому что большинство их пассионариев было

---

[194] Это сведение, приписываемое автору XIII в. Ибн ал-Асиру, сохранилось у Димашки (Cosmographie de Dimaschqui. Copenhagen, 1874. P. 380). Попытка сопоставления с сообщением Масуди была сделана Д.А. Хвольсоном (Сборник статей по еврейской истории и литературе. Кн. 1. Вып. 1. СПб., 1866. С. 152), опровержение ее см.: Берлин И. Указ. соч. С. 77—78.

[195] Об обращении хазар в иудейскую веру существует огромная литература. Последние сводные исследования см.: Артамонов М.И. История хазар. С. 262—283; KoestterArthur. The Thirteenth Tribe — The Khazar Emoire and its Heritage. London, 1976. P. 58—82. Наша интерпретация, предлагаемая ниже, независима от предшествующих и, на наш взгляд, недостаточно освещающих предмет.

убито персами и напряжение этносистемы снизилось. Однако его все-таки хватило для того, чтобы устоять против захватчиков.

Когда же мощь халифата временно надломилась из-за постоянных восстаний, а хазары с тюркютскими ханами во главе перенесли военные действия против арабов сначала в Азербайджан, потом в Армению (721—722 гг.), им помогли уцелевшие огнепоклонники-персы и поклонники Мусы — евреи. Вождь евреев, носивший тюркское имя Булан (Лось), отличился в этом походе, вследствие чего повел себя самостоятельно: он восстановил еврейские обряды для своего народа.[196]

«Обращения хазар» в иудаизм не было, да и быть не могло, так как в середине века прозелитические религии — христианство и ислам — резко противопоставлялись древним религиям, где к исполнению культа допускались только члены рода, даже в том случае, если род вырос в этнос. Персом-огнепоклонником или индусом — членом высшей касты надо было родиться, но нельзя было стать. Если же возникала необходимость принять в свою среду чужого или приобщить к себе иное племя, то выдумывались фальшивые генеалогии, чтобы оправдать нарушение принципа. Так, шах Иездегерд, решив увеличить конное войско, предложил армянским нахрарам стать зороастрийцами на том основании, что эти знатные люди вели происхождение от парфян — Аршакидов. Когда же те отказались отречься от христианства, дело заглохло.

Иудаизм — это культ народа, «избранного Яхве», и потому редкие новообращенные считались «проказой Израиля». Евреи мирно соседствовали с хазарами, ходили вместе в походы, но молились отдельно, справедливо полагая, что для хороших отношений с соседями нет необходимости делать их похожими на себя или, наоборот, лицемерно подделываться под них. Даже забыв большую часть сложных предписаний Талмуда, что было неизбежно для пастушеского племени, где юношам негде и некогда учиться даже просто грамоте, потомки евреев-маздакитов не растворялись в среде окружавших их племен Дагестана. Они к этому не стремились, да и те бы их в свою среду не приняли. Заслуга Булана была в другом: он удалил из своей страны идолослужителей и убедил других князей и верховного князя евреев восстановить забытую веру; он соорудил шатер, ковчег, светильник, стол-жертвенник и священные сосуды,[197] т. е. восстановил еврейские обряды для своего народа. В сочинении Иехуды б. Барзилая, еврейского автора XI в., это сообщение переведено так: «Хазары стали прозелитами и имели царей прозелитов (иудаизма)».[198] Однако С. Шишман указывает, что слово ger в Библии означает чужеземца, инкорпорированного другим народом и получившего права члена племени, которое его приютило.[199] Значение «прозелит» это слово приобрело позже. Судя по общему ходу событий, древнее значение в данном случае предпочтительнее, ибо Булан принял не

---

[196] Основания для датировки, которые привел М.И. Артамонов, противоречивы. В описании набега хазар на Закавказье под предводительством Булана упомянуты путь в Д-р алам, «под которым видят Дарьял», и город Ард-вил, т. е. Ардебиль (История хазар. С. 269). М.И. Артамонов сопоставил этот набег с вторжением хазар в Азербайджан в 731 г., когда хазары, после некоторых успехов, были разбиты арабами. Это не соответствует рассказу об удаче Булана. Затем арабы захватили у хазар «знамя в виде медного изображения» (там же. С. 215), чего не могло быть у иудеев. Наконец, предводителем хазар был сын кагана — Барджиль, а отнюдь не иудеи, как и мать его — ханша Парсбит («тигриная морда» — см.: Древнетюркский словарь. Л., 1969). Видимо, следует предпочесть более раннюю дату — 718 г., что не противоречит известным и установленным фактам. Равно и путь Булана истолкован неточно. Дар алам — буквально «врата мира» (перс.-араб.) — это не Дарьял, а Дербент — буквально «запертая дверь» (перс.). В 718 г. крепость была освобождена хазарами от арабов.

[197] См.: Артамонов М.И. История хазар. С. 269.

[198] Jeschurun. Vol. XI. № 9110. Berlin, 1924. P. 113.

[199] SzyszmanS. Ощ la conversion du roi Khazar Bulan a-t-elle eu lieu? Hommage a Andre Dupon — Sommer. Paris, 1971. P. 327.

раввинизм, а караизм.[200]

И пусть не смущает читателя, что евреи, живущие в Хазарии, именуются хазарами. Это обычное для этнонимов обобщение, когда субэтнос на чужбине принимает название этноса. Так, бретонец в России назовет себя французом, а карел во Франции — русским. Для иноземцев хазары — это люди, живущие в Хазарии и подчиняющиеся власти Хазарского каганата. Но для самих обитателей страны, а равно и для ее исторической судьбы различия на субэтническом уровне заметны. Иногда они не имеют большого значения, но при некоторых обстоятельствах их роль возрастает. Так произошло в Хазарии во второй половине VIII в., когда туда стали приезжать евреи-раввинисты из Византии.

Реформа Булана имела еще то значение, что она порвала связи с маздакитскими традициями. Идейные связи вольнодумных членов иудейской общины с группой вольнодумных персов оказались призрачными. Как только жизнь поставила иные проблемы, химера распалась. То, что для персов-маздакитов было органической частью сложившегося мироощущения, евреи сбросили как отсохшую шелуху. Впоследствии маздакиты, точнее, хуррамиты пытались блокироваться с христианами-иконоборцами,[201] ибо в смертельной борьбе (815—837 гг.) с арабами и персами-мусульманами хазарские евреи не помогли своим бывшим соратникам и единомышленникам.

Зато внутриэтнические связи от идейных разногласий не пострадали. Наоборот, эмиграция византийских евреев в Хазарию была облегчена тем, что беглецов встречали единоверцы и помогали им устроиться. А так как евреи-раввинисты VII—VIII вв. были горожане, то они и селились в городах: Итиле, Семендере, Самкерце, Беленджере — и занимались в них торговлей, к чему сами хазары способностей не проявляли.

Хазарские евреи встретили выходцев из Византии с древним радушием, но те заплатили им за гостеприимство оскорбительным презрением. О слиянии двух общин в одну не было и речи. Раввинисты относились к караимам так, как немцы при Бироне относились к русским сослуживцам. И не то чтобы обе общины не ощущали своего сродства. Нет, они оставались целостностью, но на уровне суперэтноса. Как единый этнос они себя не воспринимали и вели себя соответственно.

Да и историческая роль у пришлых евреев была гораздо грандиознее, чем у местных. Именно они превратили Хазарию из маленького ханства в ведущую державу раннего Средневековья. Принесло ли это радость хазарам — другой вопрос. Но возникшая этническая химера начала функционировать в начале IX в. Ее рождению предшествовали следующие события.

27. В летописях есть не все

Причинная цепочка событий началась с неожиданной войны. Хазары делили Крымский полуостров с греками. Хазарам принадлежали Степной Крым, восточная часть Южного берега, от Керчи до Сулака (Сурожа), и иногда крымская Готия на Яйле со столицей Феодоро (Мангуп), иногда же эта страна выражала желание подчиниться Византии.

Опорой власти Византии в Крыму был Корсунь (Херсонес около Севастополя), город богатый и славный строптивостью своих обитателей, державшихся независимо от константинопольского правительства, но никогда не отлагавшийся от империи. Из Крыма

---

[200] SzyszmanS. Le roi Bulan et problйme de la conversion des Khazars // Ephимerides Тиological Loranienses. T. 33. Bruges, 1957. P. 68—76.

[201] Бабек, вождь хуррамитов, завязал союз с императором Феофилом около 830 г. (см.: Мюллер А. История ислама. Т. II. С. 199). Но попытка объединить маздакизм с иконоборческим православием, предпринятая тогда же, успеха не имела.

шло распространение православия по Хазарии, что не встречало сопротивления.[202] Казалось, все обстояло так благополучно, что поводов для обострения отношений не могло возникнуть. И вдруг… «Воинственный и сильный князь Новгорода русского… Бравлин… с многочисленным войском опустошил места от Корсуня до Керчи, с большой силой пришел к Сурожу… сломал железные ворота, вошел в город с мечом в руке, вступил в св. Софию… и ограбил все, что было на гробе…».[203] Дальше в тексте идет описание чуда и обращения князя[204] в христианство, но для истории важнее другие сюжеты, о которых пойдет речь.

В приведенном тексте неясно почти все. Кто были упомянутые здесь русы? Что за странное имя — Бравлин, ибо понимание его как эпитета «бранлив» (т. е. воинственен) натянуто и неубедительно? Откуда пришел этот Бравлин, из какого «Новгорода»? Ведь известного Новгорода в начале IX в. еще не существовало.[205] Когда произошел этот поход — в 755 г.,[206] или в 790 г.?[207] Какие причины вызвали это вмешательство в хазарские дела? Кто был инициатором внезапного набега, последствия которого были столь грандиозны? Ясно одно: поход был направлен против хазар, причем пострадали крымские христиане, что повлекло упадок христианских епископий в Великой степи вплоть до Хорезма[208] и длился этот упадок до рубежа X—XI вв. Но одно это наблюдение оправдывает интерес к походу Бравлина.

Мы не имеем права упрекать автора источника в том, что он оставил нас в неведении по стольким животрепещущим вопросам, потому что перед нами не летопись, а житие. Летописца как историка интересовали события, а агиографа — чудеса. Поэтому в соответствии с жанром агиограф не уделяет внимания земным делам, а летописец, как видим, пишет далеко не все, что он должен был бы знать и не замалчивать. Поэтому будем благодарны агиографу за простое упоминание события, помогающее пролить свет на начало великого переворота в Хазарии.[209] Что же касается интерпретации событий и критики источников, то не будем повторять работу, уже проделанную Г.В. Вернадским в уже цитированном тексте.

Г.В. Вернадский отмечает, что имеется две версии жития св. Стефана Сурожского: краткая — греческая и длинная — русская, отнесенная В.Г. Васильевским к XVI в., но известная в России с начала XV в. После критики версий Г.В. Вернадский указывает, что упомянутый в них «Новгород» — это скифский Неаполь (Симферополь) и что русы пришли

---

[202] Литература о средневековом Крыме огромна. Необходимую библиографию см.: Артамонов М.И. История хазар.

[203] Житие св. Стефана, епископа сурожского. Цит. по: Гумилевский Ф. История русской церкви. М., 1888. С. 21; Ср.: Васильевский В.Г. Труды: В 4 т. Пб.; Пг.; Л., 1908—1930. Т. III. С. 95—96; Vernadsky G. The Origins of Russia. P. 180—182.

[204] Имя этого князя Бравлин иногда читается как «бранлив», т. е. «воинственный» (Vernadsky G. The Origins… P. 182).

[205] См.: Артамонов М.И. История хазар. С. 336.

[206] См.: Гумилевский Ф. Указ. соч. С. 23.

[207] VernadskyG. The Origins… P. 180—183. Эта дата предпочтительна, так как учтена новая литература по вопросу (см. там же. P. 320).

[208] Император Константин говорит о степях Причерноморья: «Здесь находят среди развалин городов следы христианства и кресты, высеченные из скважистого камня» (цит. по: Гумилевский Ф. Указ. соч. С. 22).

[209] См.: Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.

в Крым из Доно-Донецкого ареала. Прежде чем достичь Сурожа, русы ограбили все побережье Крыма, от Херсонеса до Керчи, причем особенно пострадали церкви. А в Суроже их вождь принял крещение и вернул военную добычу церквам.

Мотивы похода неясны. Возможно, что нападение было делом византийских дипломатов, ссорившихся с хазарами из-за Готии, которую хазары усмирили в 787 г. Действительно, пострадали города хазарской части Крыма, но был разграблен и греческий Корсунь (Херсонес). Но выгода в этом была для греков: в 790 г. Готия вернулась к Византии.[210]

К аналогичным выводам о родине пришел М.И. Артамонов,[211] причем, что очень важно, независимо от Г.В. Вернадского. Следовательно, это были потомки россомонов, сражавшихся с готами, будучи союзниками гуннов.[212] Они были неоднократно описаны арабскими и греческими авторами как этнос, живший около славян, но отличавшийся от последних языком и обычаями. Слились русы и славяне только при Владимире Святом, в X в. До этого времени русы были самостоятельным народом, хорошо известным в Германии. Немецкие хронисты называли их руги, а Ольгу — Regina rugorum. Процесс слияния начался в IX в.,[213] но был долог и тернист.[214]

Рассчитать последствия политической акции всегда трудно. Может быть, несправедливо осуждать решение византийских дипломатов ослабить хазар, противопоставив им русов, а за счет их войны присоединить к империи крымскую Готию. Но логика событий вступила в силу. Русы получили доступ к Черному морю, и их набеги опустошали побережье Малой Азии 200 лет. Слишком дорогая цена за политическую интригу.

Да и сама интрига дала результат, обратный задуманному. От грабежей русов пострадали христианские церкви и было ослаблено православное влияние в Хазарии. Образовался политический вакуум, который был немедленно заполнен иудаизмом. Так греки вместо бесплатного союзника обрели двух сильных и жестоких врагов вдобавок к арабам и болгарам. Но вряд ли следует винить за это дипломатов. В 786—790 гг. в Константинополе шла жестокая борьба между императрицей Ириной и ее сыном Константином VI. Ирина ослепила своего сына в 797 г., но монахи-хронисты прославляли ее как благочестивую императрицу. И вот, видимо, поэтому политическая ошибка замалчивалась в хрониках, но, к счастью, упоминание о ней сохранилось в Житии св. Стефана, что и дает возможность разобраться в том внезапном обороте расстановки политических сил, в том зигзаге истории, который распрямился лишь в XI в. Не попала эта история и в «Повесть временных лет», и, если не восстановить ход событий в Крыму, остается неясной вся история Евразии. А там в

---

[210] VernadskyG. The Origins… P. 182—183.

[211] См.: Артамонов М.И. История хазар. С. 366.

[212] Иордан. С. 91, 279.

[213] См.: Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 355—419.

[214] К выводу о тождестве этнонимов руги и русы одновременно с нами пришел А.Г. Кузьмин. Он подобрал много отрывочных сведений, которые сливаются в стройную концепцию о широком распространении ругов, уже в 307 г. обозначенных в числе федератов Римской империи. Родиной ругов была Южная Прибалтика, откуда руги были вытеснены готами, после чего распространились по Восточной Европе, от Адриатики до Днепра и озера Ильмень. Широкое рассеяние их повело к неустойчивости написания их этнонима: руги (роги), русы, розы, руци, руяны, рутены, причем за несколько столетий этническое родство могло быть забыто самими потомками древних ругов. А.Г. Кузьмин считает ругов не германцами, как было принято до сих пор, и не славянами, но «северными иллирийцами», противниками готов. См.: Кузьмин А.Г. Падение Перуна. Становление христианства на Руси. М., 1988. С. 133—139.

эту же эпоху произошли очень важные события.

28. Рахдониты

В середине VIII в. произошедшие на всем пространстве Евразийского континента события изменили мир так, как никто бы не мог предугадать. Деморализованная Франкская держава была зажата в стальной обруч Карлом Мартеллом, сын которого Пипин Короткий лишил престола «ленивых королей» династии Меровингов в 751 г.

В этом же году арабы встретились с китайцами в долине р. Талас и разбили их наголову. Две другие китайские армии — одна в Маньчжурии, другая в Юннани — были разбиты ополчениями местных племен, и мечта о гегемонии Китая над Азией, бывшая руководящей идеей политики Тан, испарилась.

За 6 лет до этого, в 745 г., пал второй Тюркютский каганат, и его богатыри погибли в боях или были перебиты во время бегства. На его месте возник Уйгурский каганат, отнюдь не агрессивный и открытый культурным влияниям Ирана, но не Китая.

Но самым большим сдвигом было воцарение Аббасидов в Багдаде и начавшийся развал халифата, ибо это открыло дороги с Запада на Восток тем предприимчивым купцам, которые эти дороги изучили. Дорога по-персидски — rah, корень глагола «знать» — don; знающие дороги — рахдониты. Так называли еврейских купцов, захвативших в свои руки монополию караванной торговли между Китаем и Европой.

Торговля была баснословно выгодна, потому что торговали не товарами широкого потребления, а только предметами роскоши. В переводе на понятия XX в. эта торговля соответствовала валютным операциям и перепродаже наркотиков. Только сверхприбыль покрывала расходы на перевозку и содержание в порядке трассы, на которой сооружались купола над источниками и прудами, ставились вешки, указывающие направление дороги, строились караван-сараи для ночевок или дневок в особо жаркие дни.

От Красного моря до Китая было около 200 дневных переходов, а вокруг Северного берега Каспия еще больше. Но и северным путем пользовались, так как в Аббасидском халифате восстания были делом заурядным, а хазары строго следили за безопасностью на степных дорогах. Поэтому значение Итиля как перевалочного пункта на долгом пути росло. Отдыхать на Волге было не только удобно, но и приятно.

То, что путешествующие евреи VIII в. названы персидским словом «рахдониты», показывает, что основу этой торговой компании составили выходцы из Вавилонской, т. е. иранской, общины, бежавшие от халифа Абд ал-Мелика в 690 г. Потом к ним добавились евреи из Византии, но до тех пор, пока на границах Согда и халифата, Китая и Тюркютского каганата шли постоянные войны, торговля встречала препятствия. Когда же эти войны прекратились, а Китай после восстания Ань Лушаня (756—763) лежал в развалинах и продавал шелк дешево, рахдониты развернулись. Они освоили не только восточный путь, по которому шел шелк в обмен на золото, но и северный — из Ирана на Каму, по которому текло серебро в обмен на меха. Хазария лежала как раз на перекрестке этих путей.

В древности караванный путь из Китая в Европу пролегал южнее: через Хотан, Памир и Вахан в Персию и дальше на запад. Этот путь был труден и неудобен. Поэтому после разгрома хуннов он сместился на север пустыни Такла-Макан, т. е. через Карашар, Кучу, Кашгар и Ферганскую долину.

Еще более удобным был маршрут через Турфан в Семиречье; этим путем пользовались в тюркское время, в VI—VII вв. Но тогда же тюркюты покорили Северный Кавказ, и выяснилось, что можно не платить пошлин иранскому шаху, а прямо везти шелк в Европу. Однако для этого необходимо было оборудовать стоянки на пути, выкопать колодцы, поставить вехи и т. д., а это очень сложно. Поэтому, до тех пор пока в торговлю не включились хорезмийцы, северным маршрутом не пользовались. Но с покорением арабами Средней Азии появились средства для проведения дорог, а постоянные восстания в Восточном Иране способствовали оживлению пути из Гурганджа на Волгу, т. е. через

Устюрт в Хазарию.

Издавна хазары жили в низовьях Волги, в дельте и пойме ее, не ожидая никаких бед. Они занимались не столько скотоводством, сколько виноградарством и рыбной ловлей. Прекрасные голубые протоки среди зеленых лугов и густых зарослей кормили и столицу Итиль, расположенную на острове, образуемом Волгой и ее восточным протоком Ахтубой.[215] Имея роскошную экономическую базу, они господствовали над населением сухих степей, окружавших оазис, простиравшийся почти до полуострова Бузачи.[216]

Вместе с этим хазары полагали, что им ничто не грозит извне, ибо даже победоносный Мерван не счел их страну достойной завоевания. В VIII в. рыбные богатства Волги не могли стать предметом вывоза. Натуральное хозяйство создавало определенные привычки. Тот, кто привык есть финики или маслины, не имел потребности в «селедке и вобле». Поэтому хазары ели красную рыбу, не вызывая зависти у арабов и греков. И неудивительно, что авторы, описывающие поход Мервана, отмечают как главную его добычу 20 тыс. семей «сакалиба», т. е. людей, которых можно было обратить в невольников.

По поводу значения слова «сакалиба» долгое время шел спор. Сначала их считали славянами,[217] хотя по-арабски славяне — «славиа».[218] Когда выяснилось, что эти пленные были захвачены в земле буртасов,[219] то возникло мнение, что «сакалиба» — тюркско-финская помесь.[220] Однако средневековые географы придают термину «сакалиба» другой смысл. Ал-Куфи включает в это понятие всех «неверных» Восточной Европы. Ал-Хорезми в 836—847 гг. писал: «Германия, она же страна сакалиба». Масуди причисляет к сакалиба «намчин» (немцев) и «турок» (венгров).[221] Разумеется, славяне тоже были в числе продаваемых рабов, но Масуди называет их «валинана» (волыняне), из чего видно, что термины «славяне» и «сакалиба» — не одно и то же. Думается, что столь единодушное мнение средневековых географов заслуживает предпочтения.

Термин «сакалиба» был хорошо известен не только в Восточной Европе, но и в Испании, где при дворе омейядских халифов так называли гвардейцев-невольников. В этой гвардии, кроме славян, служили немцы, французы, тюрки, мадьяры, печенеги… короче говоря, все рабы, купленные на европейских рынках. И вряд ли надо видеть в этом термине этноним, так же как в терминах «зинджи» (черные рабы из Восточной Африки) и «мамлюки» (в Египте — рабы из туркмен, половцев, черкесов и даже русских).

А.П. Новосельцев предлагает другую версию: считать название «славянская» гвардия условным, подобно тому как в Багдаде «тюркская» гвардия состояла не только из тюрок, а в

---

215 См.: Гумилев Л.Н. Хазарское погребение и место, где стоял Итиль // Сообщения Гос. Эрмитажа. Т. XX. Л., 1962. С. 56—58.

216 См.: Гумилев Л.Н. Истоки ритма кочевой культуры // Народы Азии и Африки. 1966. № 4. С. 85—94.

217 См.: Шахматов А.А. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919. С. 34—37; Третьяков П.Н. Восточнославянские племена. М., 1953. С. 252.

218 Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870. С. 41—43, 162; Ковалевский А.П. Указ. соч. С. 159.

219 См.: Артамонов М.И. История хазар. С. 220.

220 ZekiValidiToganA. Ibn Fadlan’n Reisebericht // Abhandlugen fьr die Kunde des Morgenlдndes. Bd. XXIV. Leipzig. 1939. S. 365—369.

221 См.: Новосельцев А.П. Указ. соч. С. 368—370.

Египте «черкесская» гвардия включала еще кыпчаков и грузин.[222] Примеры говорят об обратном. Аббасиды, как сунниты, отказались от услуг магребинцев-исмаилитов и дейлемитов-шиитов, вследствие чего берберы захватили Египет и Сирию, а дейлемиты — Багдад и Западный Иран. В Египте же кыпчаки-бахриты и кавказцы-бурджиты не смешивались, а династии их султанов чередовались, хотя все они назывались мамлюками.

Неправильно считать «славянской рекой» Дон IX в. На Верхнем Дону в это время обитали «чики» — этнос отнюдь не славянский, позднее слившийся с хопёрскими казаками,[223] а между Донцом и славянским Днепром жили савиры, до XVII в. выделявшие себя из числа русских. Поэтому обращение закавказских христиан-санарийцев к «сахибу ас-сахалиба» в 853 г.[224] может быть отнесено к любому сильному вождю любого племенного союза.

Да и есть ли надобность считать слова «славянин» и «раб» синонимами? Нет, все-таки М.И. Артамонов был прав.[225]

Основным предметом вывоза из Хазарии в VIII—IX вв. были рабы. Поэтому сюда устремились работорговцы-евреи из Ирана и Византии.

Разумеется, евреи сами не совершали экспедиций за «живым товаром», тем более в начале IX в. Гардизи сообщает, что этим промыслом занимались венгры еще до ухода их на запад, в Паннонию. «Венгры — огнепоклонники и ходят к гуззам, славянам и русам и берут оттуда пленников, везут их в Рум и продают».[226] После венгеро-хазарского конфликта этот гнусный промысел перешел к русам, но, согласно сочинению Ибн-Руста, в X в. пленных продавали хазарам и болгарам,[227] на этот раз жертвами работорговли были именно славяне.[228] И ведь что обидно: захваты рабов в Восточной Европе проводились не пришельцами, а аборигенами. Это говорит о том, что большую часть населения здесь составляли древние, точнее — старые этносы (дославянские), утратившие былую пассионарность подобно своим ровесникам — хазарам, но в отличие от последних не сумевшие импортировать молодую или зрелую пассионарность, которую им могли принести славяне или тюркюты. Но доблестные тюркюты, спасшие Хазарию от арабского завоевания, совершили ошибку, ставшую роковой.

Тюркютские ханы из династии Ашина в силу свойственных степнякам религиозной терпимости и благодушия считали, что их держава приобретает работящих и интеллигентных подданных, которых можно использовать для дипломатических и экономических поручений. Богатые евреи подносили хазарским ханам и бекам роскошные подарки, а красавицы еврейки пополняли ханские гаремы. Так сложилась еврейско-хазарская химера.

Для евреев-рахдонитов было, вероятно, досадно лишь то, что попытка Булана добиться

---

[222] См.: Новосельцев А.П. Указ. соч. С. 369.

[223] См.: Шенников А.А. Червленый яр. Л., 1987.

[224] См.: Новосельцев А.П. Указ. соч. С. 371.

[225] См.: Артамонов М.И. История хазар. С. 220.

[226] Новосельцев А.П. Указ. соч. С. 389.

[227] См. там же. С. 397.

[228] Несколько иначе интерпретирует этот период В.Т. Пашуто (Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 91); однако ср.: Новосельцев А.П. Указ. соч. С. 415, где содержится мнение о завоевании славянского города Киева русами Аскольда (Хаскульд скандинавских саг).

гегемонии в политической жизни Хазарии разбилась об арабское мужество и военная власть осталась в руках тюрко-хазарской знати, ладить с которой было не всегда легко.

Образование химеры заняло вторую половину VIII в. За это время хазары перенесли военные действия против арабов в Закавказье и в отмщение за разрушение Семендера и Беленджера опустошили Азербайджан. Об участии в этих операциях евреев, как старых — соратников Булана, так и новых — рахдонитов, сведений нет.

29. Неполноценные

Не преуспев в военном деле, хазарские евреи наверстали потери любовью. В конце VIII в. между Тереком и Волгой появилось множество детей от смешанных еврейско-хазарских браков. Однако судьба их была различна в зависимости от того, кто был отцом ребенка, а кто матерью. И вот почему.

Все евразийские племена считали ребенка членом рода отца. Законнорожденный ребенок имел долю в родовом имуществе, право на защиту и взаимопомощь и участие в родовых культах. Род был элементом этноса и культуры, следовательно, членство в роде определяло этническую принадлежность; происхождение матери в расчет не принималось.

У евреев этническая принадлежность совпадала с принадлежностью к общине. Право быть членом общины, а следовательно, евреем определялось происхождением от еврейки. Во II в. до н. э. это право дало возможность включить в состав евреев семитские племена идумеев и галилеян (см. § 20), но в Средние века оно вело к изоляции еврейских этносов, особенно в странах Европы и Евразии, где браки с еврейками возбранялись христианской и мусульманской религиями. В Хазарии таких ограничений не было.

Получалось, что сын хазарина и еврейки имел все права отца и возможности матери. Его учили еврейские раввины, члены общины помогали делать карьеру или участвовать в торговле, род отца защищал его от врагов и страховал в случае несчастий от бедности. А сын еврея и хазарки был всем чужой. Он не имел прав на наследование доли отца в родовом имуществе, не мог обучаться Талмуду в духовной еврейской школе, не получал поддержки ни у кого, кроме своих родителей, да и та была ограничена родовыми обычаями и религиозными еврейскими законами. Этим беднягам не было места в жизни. Поэтому они ютились на окраине Хазарии — в Крыму — и исповедовали караизм, не требовавший изучения Талмуда, а читать Пятикнижие их могли научить любящие, но бессильные против велений закона отцы. Их потомки составили крошечный этнос крымских караимов, антропологические черты коих совмещают тюркский и ближневосточный типы.[229] Симпатии их были обращены к аборигенам: хазарам, болгарам, готам, аланам, а не к их двоюродным братьям, делавшим в богатом Итиле «карьеру и фортуну».

У рахдонитов и хазарских караимов различной была не только практика повседневной жизни, но и теология. Учение Торы, т. е. Ветхого Завета, хотя и не предназначено к распространению среди иноверцев, но и не засекречено. Оно входит как составная часть в христианское и мусульманское богословие, и потому его носители имели право выступать на диспутах и отстаивать свою концепцию, не греша против закона.

Не таков талмудический иудаизм, созданный во II в. евреями, преображенными пассионарным толчком. Сам Талмуд является предметом изучения только для раввинов и теологов, а прочие евреи учат конспект — Шулхан Арух, собрание узаконений обыденной жизни и права, гражданского и уголовного.[230]

---

[229] См.: Алексеев В.П. В поисках предков. М., 1972. С. 184—285; ср. поправку интерпретации: Гумилев Л.Н. Об антропологии для неантропологов // Природа. 1973. № 1. С. 112.

[230] SchulchanAruch,odervierjudischen Gedetzbьcher, ьbersetzt von Heinrich Georg F. Lowe. Hamburg, 1837—1841.

Разница между евреями — потомками маздакитов и их гостями-талмудистами очевидна. Первые заселили пустую степь, жили за счет ландшафта и находились со своими соседями-хазарами в симбиозе. Иначе говоря, они превратились в евразийский этнос, впоследствии ставший реликтом. Как таковой он дожил до XX в. И никого не смущали конфессиональные особенности караимов, ибо это было их личное дело.

Но коль скоро так, караимы выпали из еврейского суперэтноса. Они были отвергнуты своими бывшими единоверцами и соплеменниками. На свою беду, ни Булан, ни его последователи этого даже вообразить не могли. Некоторое время они искренне считали, что оказывают помощь родственникам, причем приезжающие из Византии евреи поддерживали в них такое убеждение и не открывали истину. Когда же стало ясно, что к чему, было поздно что-либо предпринимать, и события потекли по руслу закономерности, возникшему вследствие банальной ошибки: смешения этнических процессов с культурно-социальными. За эту ошибку всегда приходится дорого платить.

Сродство еврейских сподвижников Маздака VI в. с караимами VIII в. нельзя понимать как идейную преемственность. Правильнее здесь видеть психологическую близость, но и этого достаточно. Уцелевшие от разгрома 690 г. главы еврейских академий Суры и Пумбадиты сумели найти общую платформу с арабскими халифами, а их противники примкнули к шиитам. Во время восстания Абу-Муслима в 748 г. еврейский портной из Исфахана Абу-Иса возглавил более 10 тыс. евреев, восставших против догматов Талмуда. Абу-Иса объявил себя предвозвестником мессии и признал «настоящими пророками» Иисуса Христа и Мухаммеда. Восстание было подавлено в 755 г., но движение получило нового вождя — Анана бен-Давида, проповедь коего началась в 767 г. и продолжалась до конца VIII в.

Это время было эпохой народных восстаний с религиозными лозунгами. В 755 г. поднялись персы во главе с Сумбадом Магом; в 767 г. восстали жители Хорасана; в 778—779 гг. в Гургане было поднято красное знамя хариджитов, а в 776—783 гг. в Мавераннахре потрясли арабскую власть «одетые в белое». На этом грозном фоне развился и окреп караизм, видимо вызревавший два века как протест против смены веры.

И действительно, талмудизм и Каббала столь мало похожи на религию Авраама, Исаака и Иакова — почитание Элоим — и на учение Моисея — культ огненного духа Яхве, что строгое различие их необходимо для понимания изучаемых процессов. В книге «Зогар» (сияние) на место личного Бога Ветхого Завета поставлено Энсоф — Бесконечное, лишенное атрибутов и связи с миром, которая, однако, осуществляется через десять сефирот — творящих сил бога.[231] Это учение дальше от доктрины Ветхого Завета, чем христианство и ислам. Караимы это поняли и отказались от талмудизма, что примирило их с христианством и исламом, но принесло много горя.

В XX в. ученые отказались от классической точки зрения на образование караизма в результате проповеди Анана бен-Давида в VIII в., считая ее «наивной».[232] Что ж, в теологическом плане они, наверно, правы, так как элементы взглядов древних ессеев, авторов кумранских текстов, прослеживаются в караизме достаточно четко. Но нас интересует другое: почему древние и, хуже того, устарелые взгляды обрели новую жизнь именно в VIII в.? Иными словами, в чем кроется природная причинность отмеченной флуктуации?

Вспомним, что ессеи принимали участие в двух иудейских войнах — 67—70 и 132—135 гг. — и понесли огромные потери пассионарными воинами, павшими в боях, и женщинами-геноносительницами, проданными в рабство. Уцелели только те, которые

[231] Герц Г. История евреев. Т. 8. Одесса, 1907. С. 62.

[232] NaphtaliWieder. The Judean Scrolls and Karaism. London, 1962, Revue de l'histoire de religions. T. 168. № 451. P. 62—74.

скрылись в Парфии и положили начало гностическому направлению иудаизма, и те, которые бежали в Аравию и осели в оазисе Ятрибе. Этих последних победил Мухаммед и принудил их покинуть Аравию. Однако отметим, что эти евреи находились в зоне пассионарного толчка, того же самого, который вызвал к жизни сначала исламскую консорцию (общину), а потом арабо-мусульманский этнос. Видимо, этот толчок должен был задеть и арабских евреев, и он их задел, но понесенное поражение вынудило их покинуть страну и из-за этого отстать в процессе этногенеза.

Но когда давление арабов ослабло, пассионарные евреи сказали свое слово, а вернее, повторили то, которое было уже сказано и забыто, ибо пассионариям лозунг ценен лишь постольку, поскольку он дает повод к действию и указывает цель — «кого бить».

В данной ситуации «бить» мусульман или христиан не имело смысла ни по теологической доктрине, предлагавшей синтез мировых религий, ни по реальной расстановке сил, ибо из Анана бен-Давида второго Мухаммеда не получилось. Не стоило ссориться с язычниками-хазарами, потому что Булан попытался сделать из Хазарии вторую Галилею, но не имел успеха. Подлинным противником нового учения оказался уже сложившийся талмудический иудаизм. Как протекала ожесточенная борьба внутри еврейских общин на Ближнем Востоке, можно только догадываться по тональности фрагментов текстов, опубликованных в цитированной книге П.К. Коковцова. Ясно лишь одно — евреи победили караимов и в мусульманском, и в католическом мире, а караимы уцелели только в византийских владениях в Крыму как осколок общины хазаро-еврейских метисов. Что же касается самой Хазарии, то этот вопрос столь сложный, что ему будет посвящено дальнейшее повествование.

Для начала отметим, что Булан, даже превратившись в Сабриэля, не мог претендовать на почетный титул «князя изгнания», который евреи диаспоры сохранили как воспоминание о своем разрушенном царстве. Иудейская государственная традиция включала монархию, которой в рассеянии не могло быть. Поэтому, до тех пор пока евреи не имели подчиненной им территории, их глава носил титул «князь». Но бедный Булан и его племя были отверженцами Израиля, потомками евреев-маздакитов. И даже если они сами это за 300 лет забыли, то ученые евреи все хорошо помнили. Поэтому на должность «князя изгнания» был выдвинут другой человек, добывший этот титул и оставивший его потомкам.

30. И грянул гром…

В то десятилетие, когда патриций Никифор взошел на престол в Константинополе (31.X.802), а халиф Харун ар-Рашид казнил своих лучших помощников и верных друзей — Бармекидов (27.I.803), в Хазарском каганате некий влиятельный иудей Обадия взял власть в свои руки, превратил хана из династии Ашина (по отцу) в марионетку и сделал раввинистский иудаизм государственной религией Хазарии.

Обстоятельства, при которых произошел этот не столь религиозный, сколь государственный переворот, прикрыты множеством легенд,[233] которые все без исключения представляются вымышленными с одной целью — утаить от народа и истории истинное положение дел. Неизвестно даже, кем был Обадия. Видимо, он не принадлежал к числу местных евреев, потомков соратников Маздака, безграмотных и храбрых воинов — караимов вроде Булана. Об Обадии сказано: «Он был человек праведный и справедливый. Он поправил (обновил) царство и укрепил собрания (синагоги) и дома ученых (школы) и собрал множество мудрецов израильских, дав им много серебра и золота, и они объяснили ему 24 книги (Священного Писания) Мишну, Талмуд и весь порядок молитв, принятых у хаззанов. Он боялся бога и любил закон и заповеди».[234] Уже из этого одного видно, что Обадия не

---

[233] Критический разбор версий «обращения» хазар см.: Артамонов М.И. История хазар. С. 268—273.

[234] Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 80, 97.

был ни караимом, ни хазарином.[235]

Нет, эта характеристика показывает, что Обадия был человек интеллигентный и имевший связи в еврейской диаспоре. Для «мудрецов израильских» он не пожалел хазарского «серебра и золота», чтобы только эти мудрецы согласились пожаловать в Итиль. А если сопоставить с этим фактом общеизвестное обстоятельство, что для политического переворота нужны деньги и организация, то видно, с какими кругами был связан Обадия. От смены власти выиграли не хазары и не хазарские евреи, а приезжие иудеи и еврейская община в целом. А коль скоро так, то, значит, они и организовали переворот, сохранив при этом легитимный принцип. Законный хан из рода Ашина стал иудеем, т. е. принял веру своей матери и был принят в общину. Все государственные должности были распределены между евреями, причем сам Обадия принял титул «пех» (бек), переведенное на арабский язык как «малик», т. е. царь. Это значит, что он возглавил правительство при номинальном хане (кагане), находившемся с этого времени под стражей и выпускаемом напоказ народу раз в год. А для народа хазарского значение переворота определил царь Иосиф, глава иудейской общины Итиля, написав: «И с того дня, как наши предки вступили под покров Шехины (присутствие божества),[236] он подчинил нам всех наших врагов и ниспроверг все народы и племена, жившие вокруг нас, так что никто до настоящего дня (около 960 г. — *Л.Г.*) не устоял перед нами. Все они служат и платят нам дань — цари Эдома (язычники) и цари исмаильтян (мусульмане)».[237] Да, дело было выгодное.

А теперь отвлечемся на минуту от описания хода истории, чтобы попытаться понять ее смысл. Переворот Обадии — явление отнюдь не заурядное, более того — исключительное. Оно не укладывается в обычную закономерность этногенеза, ни тюрко-хазарского, ни еврейского. Тюрко-хазары находились в конце инерционной фазы хунно-сяньбийского степного суперэтноса, вобравшего в себя угров, хионитов, динлинов, куманов и выработавшего определенный стереотип поведения и мировоззрение, т. е. культуру. Евреи были моложе. Они только что миновали фазу надлома и раскола этнического «поля». Будучи ровесниками византийцев и славяно-русов, евреи отличались от них тем, что освоили не природный, а антропогенный ландшафт — города от Чанъани до Тулузы и караванные пути. Неизбежная взаимосвязь ландшафта с этносом чуть-чуть деформировалась, и этого оказалось достаточно, чтобы этническая система превратилась в жесткую, точнее — полужесткую. Это означало, что этнос превратился в общественный слой, без чего были бы немыслимы и переворот Обадии, и последующее процветание Иудео-Хазарии.

Однако жесткие системы автоматически исключаются из природного саморазвития. Их активность растет за счет постоянных встреч с окружением, и она даже больше, чем у природных этносов, но «возраста» такие системы не имеют. Поэтому появление их среди природных (натуральных) этногенезов деформирует или, точнее, искажает обычный ход этногенезов региона, т. е. создает «зигзаги», не предусмотренные ни природой, ни наукой. Но это делает проблему заслуживающей особого внимания.

Не следует полагать, что созидание химер — явление исключительное и что евреи здесь сыграли уникальную роль. Нет, аналогичные последствия возникают всюду, где

---

[235] Предположение М.И. Артамонова о принадлежности Обадии к хазарской знати иудейского исповедания находится в противоречии со всеми фактами, приведенными самим же М.И. Артамоновым (см.: История хазар. С. 280 и след.).

[236] Философская интерпретация термина восходит к Филону Александрийскому. В Талмуде Шехина отождествляется с божеством. Одетая в темные одежды, она бродит по земле, оплакивая Иерусалимский храм и горе своих детей, рассеянных среди народов. Иосиф имел в виду скорее мифологическое, нежели философское значение слова «Шехина».

[237] Коковцов П.К. Указ. соч. С. 80, 97.

возникают неорганичные контакты на суперэтническом уровне. Так, в III в. до н. э. потомки диадохов и эпигонов осели в городах Бактрии и Сирии, а наследники героев Турана — парфяне — стали господствующим классом в растерзанном Иране.

И македонские династы — Птолемеи и Селевкиды, и парфянские шахи — Аршакиды — в течение трех веков оставались для своих подданных чужаками. Антипатия к македонянам затем распространилась на римлян. Поэтому до пассионарного взрыва I—II вв. население Сирии и Египта было этнической химерой. Можно было бы привести еще несколько столь же ярких примеров, но некогда… Нам надо вернуться на Нижнюю Волгу.

VI. Рождение химеры (809—838)

31. Власть

Иудейская община в Итиле не только накопила огромные богатства, но и включила в свой состав ханов тюркской династии Ашина. Тюрки сохранили обычай многоженства, женились на прекрасных еврейках, а сыновья их, оставаясь тюркскими царевичами, становились членами иудейской общины. Они изучали Тору и Талмуд, общались с родственниками своих матерей и женились по их совету на соплеменницах из числа богатых невест. Так постепенно произошло разделение хазарской знати и народа, тихо жившего в роскошном оазисе дельты Волги, не принимая участия в делах государства, которые перестали его касаться. Но оставалась старая племенная аристократия; с ней дело обстояло сложнее. Решение проблемы пришло только в IX в.

Можно было бы отметить, что для персистентного этноса хазар тюркские беки и тарханы были столь же чужды, как и иудейские купцы. Действительно, хазары получили от династии Ашина только одно благо — защиту от внешних врагов и безопасность, а это быстро забывается, так как становится привычным. Поэтому социальный момент — нелюбовь народа к аристократии, даже не своей, а пришлой, — имел место в хазарском обществе. Евреи же были вне этого антагонизма, потому что они жили замкнутыми колониями и с местными жителями общались мало.

Однако характер тюрко-хазарских и иудео-хазарских взаимоотношений был диаметрально противоположен. Тюрки награждали хазарок детьми, которые вырастали хазарами с повышенной пассионарностью. Евреи же, наоборот, извлекали из хазарского этноса детей либо как полноценных евреев (мать — еврейка), либо как бастардов (отец — еврей), чем обедняли хазарскую этническую систему, а тем самым вели ее к упрощению. При непосредственном наблюдении казалось, что здесь просто цепь случайностей, но на самом деле это был направленный процесс, который за 80 лет (считая от Булана) дал весьма ощутимые результаты: в стране появилась популяция людей, говоривших по-хазарски, имевших родственников из числа хазар и тюрков, адаптированных в ландшафте, но не бывших хазарами по этносу и культуре. Иностранцам, писавшим о Хазарии по внешним беглым впечатлениям, казалось, что эти люди — хазары иудейского вероисповедания, но ни евреи, ни настоящие хазары не заблуждались ни на минуту.[238] Если в отношении хазар доказательств не требуется, то средневековые евреи зафиксировали, что считают своих хазарских единоверцев потомками колена Симонова и полуколена Манасиева, обитающими «в стране Козраим, вдалеке от Иерусалима… Они бесчисленны, и забирают они дань от 25 государств, и со стороны исмаильтян платят им дань по причине внушаемого ими страха и

---

[238] А. Кёстлер приводит свидетельство караимского автора XI в. Яфета ибн-Али, который называет хазар иудейской веры бастардами (мамцер), показывая тем самым, каким путем эта вера распространялась в Хазарии (Koestler A. Op: cit. P. 80). При наличии естественного хода метисации нет нужды искать мотивы политического характера. Бастарды возникают не по инструкциям правительства.

храбрости их».[239]

Приведенный текст характеризует ситуацию не VIII в., а IX—X вв., причем весьма точно. В первом десятилетии IX в.[240] произошли события, в результате которых сочетание двух суперэтносов преобразило зону этнического контакта в хищную и беспощадную этническую химеру.

32. Расправа

Обращать в иудаизм население Хазарии никто и не собирался. Иудейские мудрецы хранили завет Иеговы для избранного народа, которому теперь достались все накопленные блага, связанные с руководящими должностями.

Переворот, жертвой которого стала родовая аристократия всех этносов, входивших в Хазарский каганат и уживавшихся с тюркской династией, вызвал гражданскую войну, где на стороне повстанцев выступили мадьяры, а на стороне иудеев — нанятые за деньги печенеги. Сведения об этой войне между народом и правительством содержатся у Константина Багрянородного: «Когда у них произошло отделение от их власти и возгорелась междоусобная война, первая власть одержала верх, и одни из них (восставших) были перебиты, другие убежали и поселились с турками (здесь — венграми. — *Л.Г.*) в (нынешней) печенежской земле (в низовьях Днепра. — *Л.Г.*), заключили взаимную дружбу и получили название кабаров».[241]

Эта война была беспощадной, так как, согласно вавилонскому Талмуду, «неиудей, делающий зло иудею, причиняет его самому Господу и, совершая таким образом оскорбление Величества, заслуживает смерти» (из трактата «Санхедрин», без указания листа и колонки).

Для раннего Средневековья тотальная война была непривычным новшеством. Полагалось, сломив сопротивление противника, обложить побежденных налогом и повинностями, часто военной службой во вспомогательных частях. Но поголовное истребление всех людей, находившихся по ту сторону фронта, было отголоском глубокой древности. Например, при завоевании Ханаана Иисусом Навином запрещалось брать в плен женщин и детей и оставлять им тем самым жизнь. Даже предписывалось убивать домашних животных, принадлежавших противнику. Обадия возродил забытую древность.

После этой войны, начало и конец которой не поддаются точной датировке, Хазария изменила свой облик. Из системной целостности она превратилась в противоестественное сочетание аморфной массы подданных с господствующим классом, чуждым народу по крови и религии. Называть сложившуюся ситуацию феодализмом нет оснований. Да и может ли этносоциальная химера принадлежать к какой-либо формации? А то, что Обадия выступал как представитель хазарского правительства, отнюдь не говорит о том, что его волновала судьба народа и государства. Просто он использовал право на дезинформацию, что, впрочем, предписывалось его религией, по отношению к которой он был честен.

Иудеям, видимо, весьма помог принцип легитимизма. Их власть названа «первой», а следовательно, она считалась законной, как в случае с Маздаком. Так или иначе в 20-х годах IX в. новый порядок в Хазарии одержал полную победу, с небольшими утратами территорий, подчинявшихся языческим каганам.

Крымская Готия — православная страна — отпала от Хазарии и присоединилась к

---

[239] Берлин И. Указ. соч. С. 84.

[240] См.: Артамонов М.И. История хазар. С. 280.

[241] Цит. по: Артамонов М.И. Указ. соч. С. 324, так как здесь приведен сравнительный анализ смысловых оттенков трех параллельных переводов.

Византии. Сильно пострадали хазарские мусульмане, которым не мог подать помощи багдадский халиф, так как его силы были скованы восстанием Бабека, т. е. хуррамитов, последних маздакитов. Хазарские иудеи покинули своих былых союзников в беде, но благодаря этому установили дипломатический контакт с Багдадским халифатом, чем обеспечили себе сверхвыгодную торговлю на берегах Каспийского моря.

Решающее слово в этой беспощадной войне должно было сказать собственно хазарское население долин Терека, Дона и Волжской дельты, но оно промолчало. Инертность персистентного этноса обрекла на гибель его беков, тарханов и эльтеберов и на поражение его союзников — мадьяр, бежавших за Днепр, в страну Леведию.[242] Там, по соседству с другим каганатом, языческим и могучим, беглецы обрели некоторую безопасность. Зато иудеи построили в 834 г. крепость Саркел для защиты от западных врагов, которыми были не только степные мадьяры, но и Русский каганат в Киеве.[243] Гарнизон крепости состоял из печенегов или, может быть, гузов.[244]

Пассивность хазар спасла их от жестоких экзекуций, но больно отозвалась на судьбе их детей и внуков. В VIII в. ханы Ашина руководствовались в политике, внешней и внутренней, интересами своих подданных. Еврейские цари таких целей себе не ставили. Они подавляли внутренних врагов иудаизма, а не Хазарии. Ликвидировав церковную организацию хазарских христиан, они запретили ее восстанавливать. В 854 г. хазары-мусульмане были вынуждены эмигрировать в Закавказье.[245]

Увеличение числа подданных, плательщиков дани, было в интересах нового правительства. Поэтому во второй половине IX в. западной границей Хазарии стал Днепр. Славянские племена — северяне, вятичи и радимичи — стали хазарскими данниками; тиверцы и уличи, обитавшие в низовьях Буга и Днестра до устьев Дуная, видимо, были союзниками хазарского царя в непрекращавшейся войне с мадьярами; это видно из того, что, по летописи, Олег без боя подчинил себе северян и радимичей в 884—885 гг., а «с уличами и тиверцами воевал». А коль скоро так, то естественными союзниками уличей были хазары как враги киевского князя. Но поляне вопреки прямому показанию летописца в IX в. дани хазарскому царю не платили.[246] В Киеве сидели русские каганы Дир и Аскольд, прямые потомки Кия, а вовсе не сбежавшие от Рюрика конунги.[247] В этом случае, как и в большинстве других случаев, данные исторического анализа предпочтительнее сведений из аутентичного источника.

33. Химера на Волге

Если Хазарию VIII в. можно было назвать этнической химерой, то в IX—X вв. она превратилась в химеру социально-политическую. Христиане не принимали участия в гражданской войне, избегли расправы и продолжали пользоваться покровительством заморских единоверцев. Но язычникам-аборигенам не на кого было надеяться. Они, правда, умели ходить в походы под чужими знаменами, но новым правителям их помощь была не

---

242 См.: Артамонов М.И. Указ. соч. С. 341.

243 См.: Гумилев Л.Н. Сказание о хазарской дани // Русская литература. 1974. № 3. С. 166.

244 См.: Артамонов М.И. Указ. соч. С. 328.

245 См. там же. С. 329.

246 См.: Гумилев Л.Н. Сказание о хазарской дани. С. 168.

247 См.: Брайчевський М.Ю. Похождения Русі. С. 172 (приведена сноска на Длугоша).

нужна.

Боевую силу хазарские иудеи нанимали. Сначала они использовали печенегов против мадьяр, но во второй половине IX в. поссорились с ними и заключили союз с гузами. Около 889 г. гузы потеснили печенегов, и те передвинулись на берега Днепра, где продолжили войну с мадьярами, не забывая хазар. В 915 г. печенеги впервые появились на границе Руси, но об этом речь впереди. Гузы тоже недолго оставались в дружбе с хазарскими иудеями, и тем пришлось искать очередной источник военной силы. Он нашелся на юго-восточном берегу Каспия. Тамошние мусульмане охотно нанимались на службу в Хазарию, оговорив только, что их не пошлют воевать против мусульман. Постоянный корпус наемной гвардии в Итиле в X в. состоял из 7 тыс. воинов.[248] Этого было довольно для удержания в покорности и окраин каганата, и собственного народа, и даже для внешних войн малого масштаба. Завоевательных войн в Закавказье иудейская Хазария в IX в. не вела, но, несмотря на это, описанная здесь система управления стоила дорого, куда дороже, чем тюркская. И за все приходилось платить самим хазарам, превратившимся в собственной стране в покоренных бесправных подданных правительства, чуждого им этнически, чуждого по религии и задачам.

Можно было бы возразить, что бюджет Хазарского каганата неизвестен. Так-то оно так, но известен бюджет Багдадского халифата, где в 869 г. на годовое жалованье и рационы 70 тыс. наемных тюрок и берберов.[249] шло 2 млн золотых динариев, что равнялось двухлетней сумме хараджа[250] Таковы были цены на воинов в IX в., а Хазария была меньше и беднее халифата.

Платя воинам большое жалованье, хазарское правительство предъявляло им оригинальное требование: войскам запрещалось терпеть поражение. Невыполнение боевого задания, т. е. бегство от противника, каралось смертью. Исключение делалось только для предводителя и его заместителя, которые были не наемники, а иудеи. Но зато подлежали конфискации их имущество, жены и дети, которых у них на глазах царь раздаривал своим приближенным. Если же у них не было смягчающих обстоятельств, то их тоже казнили.[251]

Очевидно, что воины, особенно рядовые, далеко не всегда могут быть виноваты в неудаче операции. Поэтому лишать их возможности доказать свою невиновность — несправедливо. Но если подойти к делу по-иному, то появится жесткая логика: воины не свои, им платят, и за эти деньги они предоставляют хозяевам свою жизнь; следовательно, хозяин может распорядиться запроданной жизнью как купленной вещью, а поскольку предложение превышало спрос, то практичнее было использовать «покупку» до предела, с максимальной выгодой для себя. Значит, мусульманские наемники рассматривались не как люди, точнее — не как личности, а только как капиталовложение, которое должно было принести прибыль. С точки зрения евразийских кочевников, славян, византийцев, арабов и даже германцев, такое отношение было недопустимо даже к боевым лошадям и охотничьим собакам. Тем не менее охотники заработать находились, и иногда «хазарская» армия увеличивалась до 12 тыс. всадников. Ясно, что средства на оплату воинов правительство Хазарии получало не с рахдонитов, ехавших из Китая в Испанию и из Ирана в Великую Пермь. При увеличении пошлин купцы сменили бы маршруты караванов. Следовательно, расходы покрывались данью с «Эдома и исмаильтян», т. е. хазары оплачивали свое

---

[248] Масуди; цит. по: Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X—XI веков. М., 1963. С. 194.

[249] Мюллер А. История ислама. Т. II. С. 213.

[250] Там же. С. 216; харадж — государственный налог.

[251] См.: Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг.: Статьи, переводы и комментарии. Харьков, 1956. С. 147.

закабаление сами. Именно потому, что транзитная торговля была смыслом жизни для еврейской общины в Хазарии, а в соответствии с этим принципом мусульманские купцы и сопровождавшие их географы встречали в Итиле исключительно вежливое обращение, возникло одностороннее суждение, сформулированное в юношеской работе В.В. Григорьева: «Необыкновенным явлением в Средние века был народ хазарский. Окруженный племенами дикими и кочующими, он имел все преимущества стран образованных: устроенное правление, обширную, цветущую торговлю и постоянное войско. Когда величайшее безначалие, фанатизм и глубокое невежество оспаривали друг у друга владычество над Западной Европой, держава Хазарская славилась правосудием и веротерпимостью, и гонимые за веру все стекались в нее отовсюду. Как яркий метеор блистала она на мрачном горизонте Европы и погасла, не оставив никаких следов своего существования».[252]

В самом деле, город Итиль поражал путешественников своими размерами. Расположенный на обоих берегах Ахтубы, Итиль раскинулся на 8–10 км вдоль левого берега и на прекрасном зеленом острове в пойме, где помещался дворец царя. Иудейское население города исчислялось в 4 тыс. мужей, а кроме того, там были хазары, исповедовавшие иудаизм, очевидно дети от смешанных браков. Прочие хазары были христианами, мусульманами или исповедовали веру отцов.[253]

Синагоги, мечети, церкви, огромные базары, полные дешевой баранины, разнообразной рыбы, прекрасных арбузов, детей обоих полов, продаваемых в рабство, корабли, спускающиеся по Волге, и караваны, подходящие к городу с востока и запада, — все это производило сильное впечатление на очевидцев, а их описания умиляли историков XIX в.

И тем не менее Истахри и Ибн-Хаукаль сообщают: «Хазары не производят ничего и не вывозят ничего, кроме рыбьего клея»,[254] но для народа такая торговля приносила мало дохода из-за поразительной дешевизны рыбы. Тяжелый труд хазарских рыбаков оплачивался минимально.

Веротерпимость Хазарского каганата была вынужденной, ибо обеспечивала доходы от транзитной торговли. Но как только кто-либо задевал интересы зарубежных иудейских общин, хазарский царь (не каган) отвечал репрессиями. В 922—923 гг. мусульмане разрушили синагогу в городе Дар-ал-Бабунадж.[255] За это хазарский царь разрушил минарет в Итиле и казнил ни в чем не повинных муэдзинов, заявив: «Если бы я не боялся, что в странах ислама не останется ни одной неразрушенной синагоги, я обязательно разрушил бы и мечеть».[256]

Но мусульманские купцы покупали у него рабов — печенежских и славянских юношей, платили ему пошлины, переплачивали за продукты на базаре и служили посредниками при найме свирепых и хорошо обученных всадников и стрелков. Мир с ними был доходнее войны, даже победоносной.

34. Скепсис

Среди восторженных отзывов современников о хазарских порядках есть и охлаждающие пыл восторга. Хазары в апреле выезжали на свои поля и бахчи, а осенью

---

[252] Григорьев В.В. О двойственности верховной власти у хазаров // Россия и Азия. СПб., 1876. С. 66.

[253] См.: Заходер Б.Н. Каспийский свод… С. 140—143.

[254] Там же. С. 141.

[255] Место этого города не установлено. См. там же. С. 161.

[256] Там же.

привозили урожай в Итиль для уплаты налогов на содержание кагана, а следовательно, и его приближенных. Для них же ловили в Волге красную рыбу «вкуснее мяса жирного ягненка и мяса курицы». Перед начальниками хазары были обязаны падать ниц, а самое печальное, что дети хазар-идолопоклонников продавались на невольничьих базарах в странах ислама, причем ни иудеи, ни христиане не продавали в рабство своих единоверцев.[257] Видимо, местное население Хазарии, лишенное даже той организации, которую дает конфессиональная община, было полностью беззащитно перед грозными сборщиками налогов, чужими по крови и религии.

Вот откуда добывались средства для оплаты хорезмийских и гурганских воинов, державших в подчинении тех, кто их кормил. А жили они в гостеприимном Итиле вместе с женами и детьми.[258]

Кроме мусульманской гвардии, номинально охранявшей кагана, царь-иудей имел 4 тыс. мужей[259] в своей свите. У тех были тоже жены и дети, которые рыбу не ловили и на полях, раскаленных летним солнцем, не работали.

Б.Н. Заходер считает, что «эксплуатируемое хазарское население находилось в значительно более тяжелом положении, чем крестьянство на мусульманском Востоке».[260] К тому же мусульманские крестьяне частыми возмущениями умеряли произвол чиновников, а в Хазарии не было ни одного мятежа! И отнюдь не потому, что хазары были так счастливы.

Хазар нельзя винить, так как их положение было не только тяжелым, но и безнадежным. Любое восстание их против правительства, располагавшего регулярной армией, было обречено. В протоках и зарослях дельты легко было прятаться от чужих, но не от своих, знающих расположение деревень и рыбных угодий. Потенциальные вожди хазар либо погибли в войне с Обадией, либо бежали к венграм. Как памятник безжалостной расправы правительства с собственными подданными стоят развалины хазарского замка на правом берегу Дона, у станицы Цимлянской. Этот замок, по мнению первооткрывателя, был уничтожен за то, что его владелец принял участие в борьбе против иудаизации Хазарии.[261] Репрессии итильского правительства против мятежников были в первой половине IX в. столь радикальны, что соотношение сил пришлого правительства и побежденного народа стало очевидным для тех и других.

Эта ситуация укрылась от поверхностных взоров арабских путешественников тем более легко, что дети от смешанных еврейско-хазарских браков и даже сами евреи в X в. стали называть себя хазарами. Потому-то арабские географы различали «черных» и «белых» хазар как два разных этноса, живущих совместно в одном государстве (см. выше). Поэтому-то и нужно ввести два термина: «иудео-хазары» и «тюрко-хазары». Забегая вперед, скажем, что в XI в. потомки тюрко-хазар (аборигенов) отказались от своего этнического имени.[262] Тогда этноним «хазар» сохранился за потомками евреев, но лишь до конца XI в., когда этнос исчез с исторической сцены. Но об этом речь пойдет ниже.

Обычно памятники переживают людей. Однако от хазар-язычников остались лишь бедные погребения в дельте Волги, а от хазар — христиан и мусульман не осталось ничего.

---

[257] См.: Заходер Б.Н. Каспийский свод… С. 148.

[258] См. там же. С. 156.

[259] См. там же. С. 164.

[260] Там же. С. 144.

[261] См.: Плетнева С.А. Хазары. М., 1976. С. 63.

[262] См.: Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. С. 176—178.

Это странно!

35. А где же искусство?

В самом деле, почему ничего не осталось от хазар, тогда как хуннские курганы полны шедевров,[263] тюркские?[264] и половецкие[265] «каменные бабы» обнаружены в огромном числе, уйгурские фрески украшают галереи Эрмитажа и Берлинского музея и даже от древних угров сохранились барельефы с изображениями воинов и пленников[266] Хазарские сосуды лишены орнамента,[267] обнаруженные крепости хазарского времени построены небрежно,[268] а изображений людей вообще нет. Закономерно это или просто археологические поиски были неудачны?

Нет, археологи работали добросовестно. Но предметов изобразительного искусства из стойких материалов в Хазарии IX—X вв. не было, да и быть не могло, хотя хазары по способностям отнюдь не уступали своим степным и горным соседям. Ведь производить памятники культуры можно лишь тогда, когда есть заказчик, способный оплатить работу художника. В Хазарии могло платить правительство, а оно состояло из людей, принципиально отрицавших изобразительное искусство.

Древние евреи, современники Моисея, ценили изобразительное искусство не менее своих соседей. Они отливали золотого тельца (Аписа) или медного змея как образ божества, которому они хотели молиться. Моисей их жестоко карал за это, ибо на горе Синай ему было сказано: «Не делай богов литых» (Исход 34, 17). Его последователи поступали так же и наконец отучили иудеев изображать что-либо. Искусство у них сохранилось, ибо скинию, а потом храм надо было украшать, но оно стало беспредметным, перейдя к символам и геометрическим орнаментам. Короче говоря, древнее еврейское искусство стало прообразом абстракционизма.

Абстрактное искусство даже у самих евреев прививалось туго. Они нет-нет да и изображали Ваалов и Астарт и норовили поклоняться понятным и красивым образам божества. Но к началу новой эры вкус их установился. Любые картины и статуи их шокировали. Поэтому они своих художников не имели, а если те появлялись, то занимались только каллиграфией.

Хазары по простоте душевной абстрактного искусства не понимали, и интересоваться сложными проблемами абстракционизма в описанном выше положении у них не было ни возможности, ни желания. Собственное же искусство не могло найти покупателя, потому что хазары были бедны, а для украшательства требуется некоторое изобилие. Могильных памятников они не ставили; они просто клали покойников на вершины бэровских бугров, где тех присыпала степная пыль; культ они совершали в священных рощах, а не в храмах.[269] А

---

[263] См.: Руденко С.И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.; Л., 1962.

[264] См.: Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. М.; Л., 1966.

[265] См.: Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. М., 1976.

[266] Ваза из Сентмиклошского клада. Музей истории искусства. Вена.

[267] См.: Гумилев Л.Н. Памятники хазарской культуры в дельте Волги // Сообщения Государственного Эрмитажа. XXVI. Л., 1965. С. 49—51.

[268] См.: Биджиев Х.Х., Гадло А.В. Раскопки Хумаринского городища // Археология Северного Кавказа. VI Крупновские чтения в Краснодаре: Тезисы докладов. М., 1976. С. 12—13.

[269] «Верховный глава их исповедует веру еврейскую; той же веры равным образом как Ища (царь), так и

те хазары, которые приняли христианство или ислам, были вынуждены молиться в таких же халупах, в каких они жили. Правда, в Итиле была каменная мечеть, но она предназначалась для иностранцев. Когда же византийский инженер Петрона Каматир, строя в 834 г. крепость Саркел, хотел возвести там каменную церковь для донских хазар, это не было ему дозволено. Привезенные им каменные колонны и капители были брошены в степи, где их нашел М.И. Артамонов в 1935 г.

Но ведь тогда должны были строиться синагоги, хотя бы в крупных поселениях. Да, конечно! Почему они не сохранились, читатель поймет, когда перевернет еще несколько страниц.

36. Двоевластие

Итак, примененная нами методика широкого территориального охвата оправдала себя. Пока исследовали только сам предмет — Хазарию, можно было строить любые гипотезы, чтобы объяснить отсутствие памятников. Но когда в синхроничном обозрении обозначились границы «белого пятна», то резонно отпали предположения о дикости хазар и об их процветании, хотя последний вывод сделал на основании многих восточных источников блестящий востоковед В.В. Григорьев.

В.В. Григорьев работал на уровне своего времени: он изучал источники, т. е. словеса, а не деяния, имеющие свою внутреннюю логику становления. Поэтому ему даже в голову не пришло, что у самих хазар могут быть суждения более обстоятельные, нежели те, которые могли сообщить арабы и персы при крайне поверхностном наблюдении Хазарии. Правда, хазарские мнения не сохранились в письменных источниках, потому что хазары не умели писать. Однако своим поведением они ясно показали свое отношение к пресловутому «двоевластию», но для того, чтобы это понять, надо исследовать не источники, а историю событий.

Установленный факт «двоевластия», воспринятый буквально, породил две диаметрально противоположные интерпретации, равно неприемлемые при детальном изучении истории.

Б.А. Рыбаков называет Хазарию «небольшим полукочевническим государством паразитарного характера», жившим за счет транзитной торговли, «хищнически пользуясь выгодами своего положения». Он помещает Хазарию в центр калмыцкой степи и указывает, что там нет «археологических следов хазарских городов».[270] В степи их действительно нет. Короче говоря, Б.А. Рыбаков рассматривает хазар как одно из степных племен и отказывает им в праве на участие в мировой культуре Средневековья.

Вторая концепция, наоборот, приписывает блеск Хазарии своевременному приобщению хазар к иудаизму.[271] Обе концепции неверны, ибо, подразумевая хазарский народ — этнос, имеют в виду государство — социум. В государстве, именовавшемся Хазарским каганатом, в IX—X вв. хазары составляли наиболее угнетенное меньшинство. Сравнительно с хазарами аланы, буртасы, савиры и гузы были почти свободными племенами, хорезмийские наемники — привилегированной прослойкой, а члены иудейской общины — господствующим классом, хотя среди последних было немало бедняков.

военачальники и вельможи, которые состоят при нем; прочие же хазары исповедуют религию, сходную с религиею турок (мадьяр. — Л.Г.)». Хвольсон Д.А. Известия о хазарах, бургасах, болгарах, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда бен-Омар Ибн-Даста (Ибн-Руста. — Л.Г.). СПб., 1869. С. 17.

270 Рыбаков Б.А. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси // Советская археология. Т. XVIII. 1953. С. 131; Он же. Русь и Хазария (к исторической географии Хазарии) // Академику Б.Д. Грекову ко дню семидесятилетия: Сб. статей. М., 1952.

271 Koestler A. Op. cit.

И самое главное, для мусульман «своими» были арабы, для христиан — греки, для иудеев — евреи всех больших городов — от Кантона до Гренады и от Багдада до Лиона и Майнца, а у хазар — никого. За них никто не считал нужным заступаться, и они чувствовали себя относительно спокойно только на буграх и в тростниковых зарослях дельты.

Итиль был действительно роскошным городом. Хотя его дворцы были сделаны из дерева, войлока и глины, но наполнены шелком и соболями, вином, бараниной и осетриной, красивыми танцовщицами и услужливыми отроками. Но это все было не для хазар, а для торгующих рахдонитов, отдыхавших на Волге после долгого пути по пустыне, из Китая, или через горы, из Прованса. А то, что бессильный и безвластный каган был дальним родственником ханов Ашина, некогда женившихся на еврейских красавицах, это не имело никакого значения, ибо государством правил «пех» или, точнее, малик. Он и его советники были родовитыми иудеями, хозяевами многоэтничного государства и сочленами самых выгодных торговых предприятий. Но он представлял не столько Хазарию, сколько свой рассеянный по миру и баснословно разбогатевший суперэтнос.

«Двоевластие» в Хазарии было грандиозным обманом народа, которому раз в год показывали законного хана, уже ставшего иудеем, для того чтобы остальное время глава иудейской общины выжимал из хазар и окрестных народов средства на наемников, которые должны были этих хазар подавлять. И хазары платили… а выхода не было.

Хазарская трагедия описана нами, но не объяснена. Неясными остаются причины того, что немногочисленная еврейская община, лишенная искренних друзей, ненавидимая соседями, не поддержанная подданными, полтораста лет господствовала в международной торговле и возглавляла добрую половину разрозненных иудейских общин. Без искренних попутчиков и союзников такое дело неосуществимо. Значит, у иудейской Хазарии такие союзники были.

«Враги наших врагов — наши друзья», — гласит старинная пословица. Даже если они нас не любят и ничего от нас не получают, они, борясь со своими, а тем самым нашими врагами, помогают нам. В IX—XI вв. непримиримыми по отношению к христианству, исламу и хинаяническому буддизму были сторонники учения пророка и философа Мани, создателя наиболее последовательной концепции антисистемы. Однако иудеи сами были противниками любого антисистемного учения. Они любили в этом мире себя, свои дела и свое потомство. Ради торжества своего этноса они применяли тайну, оружие, заимствованное у их злейших врагов — эллинских гностиков, и ложь, но только по отношению к гоям и акумам. То, что манихейство разъедает любую позитивную этническую систему, иудеи знали. Поэтому они предпочитали видеть манихеев у своих соседей, но ни в коем случае не допускать их к себе. И поскольку рахдониты, как метастазы, проникали во все цивилизованные страны, им это удавалось, хотя и не всегда. Поэтому окинем хотя бы беглым взглядом мир, окружавший несчастную Хазарию.

VII. Разрастание химеры (839—898)

37. Четыре каганата

В конце VIII в. инициатива Истории выпала из рук арабских халифов, но перехватили ее не византийские или германские императоры, а новые этносы, о которых раньше никто не слыхал. В начале IX в. на берегах Северного моря появились страшные разбойники из Скандинавии — викинги. Внутри Западной Европы начали выделяться новые народы, а в Астурии произошла первая, неудачная, попытка Реконкисты — обратного завоевания Пиренейского полуострова. Если соединить эти области с синхронным появлением возникшей активности воображаемой линией (практически полосой), то мы получим ось нового пассионарного толчка, полностью проявившегося в течение IX в.

Состояние Восточной Европы в это время характеризовалось Людовиком Немецким в

письме к Василию Македонянину (871 г.) как сосуществование четырех каганатов:[272] Аварского,[273] Норманнского[274] (т. е. Русского), Хазарского и Болгарского (на Дунае, ибо камского Великого Булгара Людовик не знал). Эти каганаты, как и три империи (включая халифат), были наследием минувших пассионарных толчков. Им предстояло выдержать ударную волну новой вспышки этногенеза. Поэтому, прежде чем перейти к рассказу о главной трагедии начавшейся эпохи, посмотрим, кто были ее участники, и взвесим их возможности и стремления.

Значение Аварского каганата, ограбленного франками и стесненного славянами, было минимально. Но все-таки это был барьер, сдерживавший агрессию немецких феодалов на рубеже Среднего Дуная.

Несколько лучше было положение Болгарского каганата, потому что первые болгарские ханы, Аспарух и Крум, не обострили отношений со своими славянскими подданными, а, наоборот, объединились с ними против греков. Постепенно болгары вовлеклись в европейскую политику, то поддерживая моравских славян против немцев в 863 г., то посылая вспомогательные войска Людовику Немецкому против мятежных феодалов. Болгарскому князю Борису мешала лишь его языческая религия, и он сменил ее на православную в 864 г. Это сделало Болгарию противником папства и немецкого королевства, но и союз с Византийской империей был нарушен уже в 894 г.

Болгарское правительство пыталось восстановить контакт с Римом, но его славянские подданные чуждались немцев больше, чем греков. Однако с греками шла война, победоносная, но крайне изнурительная, без ощутимых результатов для Болгарии.

Сложилась ситуация, крайне осложнившая международное положение Болгарии, ибо она лишила ее искренних союзников. Болгария выпала из евразийского суперэтноса и не включилась в византийский. Ей оставалось уповать на собственные силы и воевать не только на южной, но и на северной границе, где господствовала хазарская дипломатия.

Большие неприятности причинили болгарам мадьяры, отступившие в 822—826 гг. от хазар и нанятых теми печенегов в низовьях Днепра.

Однако печенеги и хазары жили в мире очень недолго. Персидские географы Ибн-Русте, Гардизи и анонимный автор сочинения «Худуд ал-Алам» сообщают, что хазары каждый год совершают походы в страну печенегов для поимки рабов и продажи их в страны ислама.[275] Около 889 г. хазары в союзе с гузами победили печенегов,[276] и те, отступая на запад, оказались на берегах Черного моря, где вынуждены были вступить в смертельную войну с мадьярами.

---

[272] Каган (Qayan — тюрк.) — суверенный государь. Буквально: «великий» на сиу-дакотском языке (wakan). См.: Каримуллин А.Г. К вопросу о генетическом родстве отдельных языков индейцев Америки с тюркскими // Вопросы географии США. Л., 1976. С. 116; Гумилев Л.Н. Дакоты и хунны // Там же. С. 123—125.

[273] Людовик имел в виду остатки этноса подлинных аваров (обров), уцелевшие после поражения, нанесенного им франками в 795 г. Эти авары продолжали жить в Паннонии под властью собственного кагана еще в середине IX в. (см.: Вебер Г. Всеобщая история. Т. V. С. 432).

[274] Немецкие хронисты X в. отождествляли русов с ругами (см. § 27). Б.Ч. Скржинская полагает, что руги вышли из Скандзы раньше готов (см.: Иордан. С. 192, 254). Во II в. руги жили у Балтийского моря, где оставили след в названии острова Руги (Рюген). Их причисляли к германской группе, т. е. к оседлым этносам, а не к сарматской — кочевникам. Были ли руги германоязычны — сказать трудно, но даже если так, то это был архаический, прагерманский слой, восходящий к индоевропейской общности. Но то, что они не славяне, это несомненно.

[275] См.: Артамонов М.И. История хазар. С. 354.

[276] Константин Багрянородный. «О фемах» и «О народах» // Чтения в Обществе по изучению древних рукописей. М., 1899. С. 15; цит. по: Артамонов М.И. Указ. соч. С. 349.

Около 893 г. хазарское правительство заключило союз с мадьярами и греками против печенегов и болгар. Хазарский царь послал морем в Византию войско для войны с болгарами. Греко-хазарское войско было разбито болгарами, которые с особой жестокостью обошлись с хазарскими пленниками — им перед разменом отрезали носы.[277] В ответ на это император Лев VI в 894 г. прислал флот, который перевез венгров Арпада и Курсана на правый берег Дуная, т. е. в Болгарию. Венгры разбили войска царя Симеона, дошли до Преславы, грабя и убивая, набрали много пленниц и продали их в Византию. Симеон просил мира, но затаил злобу, и в 897 г., когда мадьярские всадники были в походе, печенеги и болгары напали на страну Леведию и вырезали оставшихся дома венгерских мужчин, женщин, детей и стариков. Вернувшиеся из похода мадьярские мужи решили покинуть окровавленную землю и ушли в Паннонию, ставшую с 899 г. Венгрией. Там они сокрушили Моравское царство и набрали себе в жены юных славянок. Так сложился новый венгерский этнос, вобравший в себя остатки аваров. Весь X век побежденная и разграбленная печенегами и болгарами Венгрия шла от победы к победе, за исключением поражения на Лехе в 955 г., после которого независимость Венгрии тем не менее сохранилась. Но в победившей Болгарии положение было совсем иным.

Болгарский царь Симеон (893—927) умел одерживать блестящие победы, но не выигрывать войны. Роман Лекапин поднял против болгарского царя сербов и хорватов. Для славян Симеон был чужим — болгарским ханом, представителем кочевого мира, и они выступили против него. Но для печенегов Симеон был славянином, забывшим степной быт и культуру. Поскольку Византия наладила с печенегами обменную торговлю через Херсонес, они стали ее союзниками… и Болгария оказалась в изоляции.

Мадьяры на Тисе были врагами. Славянские племена тиверцев и уличей — в низовьях Днестра и Дуная — не были союзниками Болгарии. Победы были куплены слишком дорогой ценой: лучшие болгарские богатыри полегли в боях. А придунайские славяне… ну, те, конечно, стали мечтать о лучшей жизни, исправлении мира, тотальном уничтожении зла.

Пассионарные славяне инерционной фазы этногенеза хотели не грабить соседей, а думать и проповедовать свои мысли. Мечта о переустройстве мира всегда протест против действительности. В Средние века основой такого протеста были гностические учения. Так вот, еще в IV в. во многих монастырях Фракии и Македонии жили и учили евхиты, или мессалиане, — гностики. Их учение в сочетании с древнеславянским дуализмом породило богумильство — учение, прошедшее длинную эволюцию и испытавшее воздействия павликианства и манихейства. Богумильская трагедия началась в X в.[278]

Вот и различие между Венгрией и Болгарией. Венгрия X в. — осколок Великой степи в сердце Европы. Поэтому венгры держались как могли, справедливо считая, что кругом их враги. А Болгария X в. не монолит, а смесь разных суперэтносов, находящихся в разных фазах этногенеза. Поэтому, когда внуки завоевателей, сподвижников Аспаруха, полегли в победоносных боях под знаменами Симеона, славяне, соблазнившись учением богумилов, сказали свое слово — и это было началом катастрофы, о которой речь впереди.

Так Болгария включилась в мировой процесс борьбы этнических систем с антисистемами и создала свое оригинальное мировоззрение, которое лишь внешне похоже на известные нам учения Ближнего Востока.

Манихеи проповедовали учение об извечной борьбе Бога с дьяволом, причем сатаной они называли злого демона, создавшего материальный мир. Этот тезис влек за собой нигилистическое отношение не только к окружающему миру, но и к себе, потомкам —

---

277 См.: Артамонов М.И. Указ. соч. С. 347.

278 Не в XI в., как иногда думают, так как еще по совету патриарха Феогноста (933—956) царь Петр сажал богумилов в тюрьмы. Источник: Пресвитер Козьма. Беседа на новоявленную ересь Богумила (см. История македонского народа. Скопье, 1975. С. 37—38).

всему, что люди искренне любили. Принять такое учение смогли немногие. Поэтому в Болгарии имела успех самостоятельная религия — богумильство, вариант дуализма, весьма отличающийся от манихейского прототипа, укрепившегося в Македонии (община в Дроговичах).

Наперекор тезису об извечном противостоянии Света и Мрака богумилы учили, что глава созданных Богом ангелов, Сатаниил, из гордости восстал и был низвергнут в воды, ибо суши еще не было. Сатаниил создал сушу и людей, но не мог одушевить, для чего обратился к Богу, обещая стать послушным. Бог вдунул в людей душу, и тогда Сатаниил сделал Каина. Бог в ответ на это отрыгнул Иисуса, бесплотный дух, для руководства ангелами, тоже бесплотными. Иисус вошел в одно ухо Марии, вышел через другое и обрел образ человека, оставаясь призрачным. Ангелы Сатаниила скрутили, отняли у него суффикс «ил» — «единый», в котором таилась сила (разумеется, мистическая), и загнали его в ад. Теперь он не Сатаниил, а сатана. А Иисус вернулся в чрево Отца, покинув материальный, созданный Сатаниилом мир. Вывод из концепции был неожидан, но прост: «Бей византийцев!».

Не все болгары стали богумилами, но кое-кто стал, и этого было достаточно для жутких последствий, из-за которых Болгария потеряла независимость в XI в.

Третий каганат — Хазарский — описан достаточно подробно, и в этой связи можно только упомянуть, что он был в IX в. наиболее активен и удачлив. Хазарский каганат ловко использовал византийских императоров-иконоборцев, руками которых в 834 г. была воздвигнута крепость Саркел на Дону. К 866 г. относится первое латинское упоминание иудаизма в Хазарии. Это значит, что цари перестали прятаться за широкую спину каганов. Последние же сохраняли свой престол только потому, что их матери и бабушки были еврейки, а сами каганы, приняв обрезание, находились в составе еврейской общины Итиля. Абрис Хазарского каганата IX в. — этого величественного сооружения — вырисовывается вполне четко.

Меньше известно о Русском каганате, следов коего нет. При нехватке сведений принято искать их у авторов (главным образом географов) соседних народов. Такие сведения есть, но тоже очень скудные. В 839 г. послы «кагана Руси» были опознаны в Ингельгейме при дворе Людовика Благочестивого. Они попали туда кружным путем из Константинополя, так как прямой путь был закрыт какими-то врагами, возможно мадьярами, а может быть, уличами и тиверцами, противниками мадьяр. Эти послы были приняты за шведов, с которыми франкский император в это время вел войну. Дальнейшая судьба послов неизвестна. Надо учитывать, что Русский каганат был изолирован от стран, имевших письменную географию: Хазарский каганат отделял его от мусульманского Востока, Болгарский — от Византии, Аварский — от Германии. Вот почему сведения о русах IX в. были столь неполны и отрывочны. И вот почему немецкие авторы IX в. могли спутать забытых россомонов[279] со шведами: те и другие были скандинавы, хотя предки россомонов еще в I—II вв. покинули родину.

Отношения между русами и славянами в IX в. были откровенно враждебными. Об этом сообщают арабо-персидские географы, сведения которых удачно подобрал А.П. Новосельцев;[280] на труд его, при принятой нами методике, целесообразно опереться. По сходным сообщениям Ибн-Русте, Мукадасси, автора «Худуд ал-Алам», Гардизи и Марвази, русы «нападают на славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются, забирают их в плен, везут в Хазаран и Булкар и там продают».[281] Вместе с тем нападающей стороной

---

279 Россомоны упоминаются готским историком Иорданом (IV в.) как противники готов и союзники гуннов. В VIII в. греческие и арабские авторы называют их россы или русы.

280 См.: Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. С. 355—419.

281 Там же. С. 397—401.

анонимный автор «Сборника историй» (Муджмаль ат-Таварих, 1126 г.) считает славян: «…и Славянин пришел к Русу, чтобы там обосноваться. Рус ему ответил, что это место тесное (для нас двоих). Такой же ответ дали Кимари (?! — *Л.Г.*) и Хазар. Между ними началась ссора и сражение. Славянин бежал и достиг того места, где ныне земля славян. Затем он сказал: «Здесь обоснуюсь и легко отомщу».[282] Зато отношения русов и хазар в IX в. были поначалу мирными. Тот же персидский источник сообщает: «Рус и Хазар были от одной матери и отца. Затем Рус вырос и, так как он не имел места, которое ему пришлось бы по душе, написал письмо к Хазару и попросил у того часть его страны, чтобы там обосноваться».[283] И обосновался в Крыму, около Симферополя, именовавшегося Неаполь Скифский.

Легко заметить, что древним населением Восточной Европы были русы — «варварский народ»,[284] живущий в стороне болгар (камских), между ними и славянами (точнее, «сакалиба»), на реке Итиль (Волге),[285] причем «Куяба», т. е. Киев, не был городом русов, а, видимо, принадлежал волынским славянам — дулебам, царь коих, по Масуди, носил имя Дира, т. е. Дир.[286] Отсюда А.П. Новосельцев делает вывод, что «остров»,[287] или, правильнее, страна русов, помещался «где-то в северной части Восточной Европы». Но в конце IX в. Киев был захвачен русами, сначала Аскольдом, потом Олегом.[288] Этой эпохе посвящены другие источники, уделяющие большое внимание русам, разделенным на три группы. Первая — с центром в Киеве, руководимая Аскольдом, совершившая набег на Константинополь в 860 г. и подчиненная Олегом в 882 г. Вторая — Славия, область славян ильменских; она оставила след в топонимике — Старая Русса. Третья — Арса (предмет неясный и спорный) — по мнению А.П. Новосельцева, обитавшая между совр. Ростовом и Белоозером.[289]

В IX в. русы и славяне имели мало общего. В X—XI вв. славяне были хорошо известны всем европейским и византийским географам, а кто такие русы, читателям хроник надо было объяснять. Епископ Адальберт в 959 г. назвал Ольгу королевой ругов,[290] а английский принц Эдуард (989–1017) сообщил про Ярослава Мудрого, что тот «король земли ругов,

---

282 Там же. С. 391.

283 Там же. С. 401.

284 Характеристика Ибн-Хаукаля; см.: Новосельцев А.П. Указ. соч. С. 404.

285 Согласно Бируни, который назвал Волгу «Нахр ас-сакалиба», А.П. Новосельцев оспаривает это отождествление (см.: Новосельцев А.П. Указ. соч. С. 370), так как переводит название «сакалиба» как «славяне», а на Средней Волге в IX—XI вв. славян не было. Однако перевод его произволен, потому что этноним «славяне» писался «славия» (см. § 28. Рахдониты).

286 См.: Артамонов М.И. Указ. соч. С. 367—369.

287 Под термином «остров» понимался любой изолированный регион.

288 Видимо, завоевание Киева русами можно датировать 852 г., ибо в этот год «нача ся прозывати Руска земля» (ПВЛ. Ч. I. С. 17).

289 См.: Новосельцев А.П. Указ. соч. 417—419.

290 См.: Шушарин В.П. Древнерусское государство в западно — и восточноевропейских средневековых памятниках // Древнерусское государство и его международное значение. С. 422.

которую мы зовем Руссией».[291] А кто были руги, кроме того, что во II—V вв. они воевали против готов, неясно.[292] Так же неясны их взаимоотношения с россомонами IV в. — союзниками гуннов и, вероятно, антов.

Прошло полтысячелетия… и русы выступают как враги славян, вассалы хазар и друзья варягов, в дружины которых они охотно вступают. Но для отождествления скандинавских варягов с аборигенами-русами оснований нет. Наоборот, интенсивная метисация идет к X в. между победившими русами и славянами, киевскими и новгородскими, причем торжествуют славянские обычаи и язык. Древнерусское государство было славянским, унаследовав от русов только этноним «поляне, яже ныне рекомые русь» и династию Рюриковичей. Совместная жизнь сплотила русов и славян в единый этнос, хотя процесс взаимной ассимиляции был нелегким и занял больше ста лет, весьма беспокойных, так как соседями славяно-россов были хитрые хазары и хищные варяги.

Еще в X в. современники описывали русов и славян как два разных этноса, выступавших, как правило, совместно. Значит, здесь была ситуация, похожая на ту, которая сложилась у тюрок и хазар, с одним, весьма важным, различием. Тюркюты принесли пассионарность хазарам, а россомоны и славяне были при встрече и контакте равно пассионарны, ибо сложились в ареале единого пассионарного толчка. Поэтому тюркюты в Хазарии остались гостями, а поляне и россомоны слились в единый этнос.

Такова «связь времен» или «логика событий». Антский, или полянский, племенной союз, включивший в себя россомонов, возник как восточнославянский этнос вследствие пассионарного толчка II в., одновременно с Византией, и вместе с ней вступил в акматическую фазу, закончившуюся победой над жестоким врагом — аварами, после чего славяне распространились до берега Черного моря. В отличие от Византии полянский этнос пережил кризис перехода из фазы в фазу благополучно, но затем получил удар, чуть было не ставший смертельным.

Около 800—809 гг. произошло второе переселение славян с берегов Эльбы на восток.[293] А.А. Шахматов предположил, что славяне бежали от франков Карла Великого.[294] Эту версию трудно принять. Успехи Карла и его баронов крайне преувеличены хронистами и последующими историками. Мы видели, что франкам не удалось закрепиться ни на Эбро, ни на Тисе, ни на правом берегу Эльбы. Поэтому для переселения славян в страну с совсем иным климатом, туда, где господствуют зимний мороз (изотерма января ниже нуля) и летний зной, надо поискать иные мотивы.

Целостность этноса, а тем более суперэтноса поддерживается уровнем пассионарного напряжения. Когда напряжение спадает — этнос распадается, и чаще всего по территориальному признаку. При этом высвобождается часть энергии, идущая на миграцию. Так было с англо-американцами в XVII в. и в ряде других случаев.

Вот причина (лежащая в плане этнической истории), из-за которой вятичи и радимичи сменили место обитания.

Восточные славяне в VIII в. были еще на высоком уровне пассионарного напряжения. Скудость источников заставляет прибегать к хронологической интерполяции, но этот метод

---

[291] Там же. С. 429.

[292] Иордан. С. 192—193.

[293] Этнонимы старых славянских этносов имели окончание «не»: поляне, древляне, северяне, словене; вновь прибывших — «ичи»: кривичи, радимичи, дреговичи; исключение из правила — тиверцы.

[294] См.: Шахматов А.А. «Повесть временных лет» и ее источники // Труды отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). Т. IV. Л., 1940. С. 29; цит. по: ПВЛ. Ч. II. С. 108; Артамонов М.И. Вопросы расселения восточных славян и «Советская археология» // Проблемы всеобщей истории: Историографический сборник. Л., 1967. С. 29—30.

дает хорошие результаты. Потомки антов IV в., победивших совместно с россомонами и гуннами готов, к началу IX в. имеют свой «каганат», т. е. суверенное государство с центром в Киеве, и царя по имени Дир. Если мы учтем, что подъем этой ветви славян сопоставим с пассионарным толчком, вызвавшим Великое переселение народов, и с созданием из конфессиональных общин Малой Азии Византии, то на VIII в. падает фаза надлома, а на X в. — инерции. Так оно и было.

Высокий уровень пассионарности дал славянам преимущество над восточными балтами (ятвяги, голядь) и финно-უграми (меря, мурома, весь) и повлек за собой слияние славянских племен в единый древнерусский этнос, осуществившееся в конце X в. Но славяне и хазары в VIII в. еще не сталкивались друг с другом и опасности друг для друга не представляли.

Легенда о Рюрике, вожде «варягов-руси», призванном в Новгород неким Гостомыслом для успокоения смут, ныне получила кое-какие подтверждения. Предполагается, что под выражением летописи: «Вста град на град» — надо понимать изгнание варягов из Ладоги около 850 г.,[295] а сам Рюрик отождествляется с Рериком Ютландским, владевшим княжеством, граничившим с землями фризов, скандинавов, немцев и славян.[296] По этой версии Рюрик в 870—873 гг. вернулся из Новгорода на Запад, где вел переговоры с Карлом Лысым и Людовиком Немецким.[297] Видимо, переговоры не увенчались успехом, потому что в 875—879 гг. Рюрик опять княжил в Новгороде до самой смерти. Несомненен только последний факт.

Хотелось бы, чтобы эта гипотеза подтвердилась. Жаль расставаться с воззрениями, воспринятыми с детства. Но если она правильна, то подтверждаются определения средневековых авторов, считавших Рюрика и его династию не шведами и не немцами, а потомками древнего народа ругов, противника готов и, видимо, представителя того витка этногенеза, который предшествовал Великому переселению народов (в III в. этот народ уже стал реликтом-персистентом). Может быть, грядущие исследования подтвердят приведенную гипотезу, которую мы не имеем ни оснований, ни желания отвергнуть.

38. Русский каганат

На рубеже VIII и IX вв. хазары остановились на границе земли русов, центр которой находился в Крыму. Русы в это время проявляли значительную активность, совершая морские набеги на берега Черного моря. Около 790 г. они напали на укрепленный город Сурож (Судак), а потом перекинулись на южный берег и в 840 г. взяли и разграбили Амастриду, богатый торговый город в Пафлагонии (Малой Азии). Но в 842 г. русы по договору вернули часть добычи и освободили всех пленных. «Все лежащее на берегах Эвксина (Черного моря) и его побережье разорял и опустошал в набегах флот россов (народ же „рос“ — скифский, живущий у Северного Тавра, грубый и дикий). И вот самую столицу он подверг ужасной опасности».[298] В 852 г. русы взяли славянский город Киев.

18 июня 860 г. русы на 360 кораблях осадили Константинополь, но 25 июня сняли осаду и ушли домой. Более удачного похода русов на Византию не было; все позднейшие

---

[295] См.: Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. С. 214.

[296] См.: Ловмяньский Г. Рерик Ютландский и Рюрик Новгородский // Скандинавский сборник. VII. Таллин, 1963. Цит. по: Лебедев Г.С. Указ. соч. С. 214.

[297] См.: Лебедев Г.С. Указ. соч. С. 214.

[298] Скилица; цит. по: История Византии. Т. II. С. 228.

кончались поражениями[299] (за исключением похода 907 г., о котором сами греки не знали). Напрашивается мысль, что именно тогда был заключен торговый договор, впоследствии приписанный летописцем Олегу. Но это только предположение, проверка которого не входит в нашу задачу.

Дальнейшие события сложились не в пользу русов. Вскоре после 860 г. произошла, видимо, не очень удачная война с печенегами, которые в этом году могли выступить только как наемники хазарского царя. В Киеве «был голод и плач великий»,[300] а в 867 г. православные миссионеры, направленные патриархом Фотием, обратили часть киевлян в христианство.[301] Это означало мир и союз с Византией, но полное обращение не осуществилось из-за сопротивления обновленного язычества и агрессивного иудаизма.

Однако киевская христианская колония уцелела. Сто двадцать лет она росла и крепла, чтобы в нужный момент сказать решающее слово, которое она произнесла в 988 г.

В IX в. русская держава имела мало друзей и много врагов. Не следует думать, что наиболее опасными врагами обязательно являются соседи. Скорее наоборот: постоянные мелкие стычки, вендетта, взаимные набеги с целью грабежа, конечно, доставляют много неприятностей отдельным людям, но, как правило, не ведут к истребительным войнам, потому что обе стороны видят в противниках людей. Зато чужеземцы, представители иных суперэтносов, рассматривают противников как объект прямого действия. Так, в XIX в. американцы платили премию за скальп индейца, как за волка, или уподобляли негров вьючным животным. А в X в. суперэтнические различия не умерялись даже той долей гуманности, которая имела место в XIX в. Поэтому войны между суперэтническими целостностями, украшавшими себя пышными конфессиональными ярлыками, велись беспощадно. Мусульмане объявили «джихад» против греков и вырезали во взятых городах мужчин, а женщин и детей продавали на невольничьих базарах. Саксонские и датские рыцари поголовно истребляли лютичей и бодричей, а англосаксы так же расправлялись с кельтами. Но и завоеватели не могли ждать пощады, если военное счастье отворачивалось от них.

Сначала Руси относительно повезло. Три четверти IX в., именно тогда, когда росла активность западноевропейского суперэтноса, болгары сдерживали греков, авары — немцев, бодричи — датчан. Норвежские викинги устремлялись на запад, ибо пути «из варяг в греки» и «из варяг в хазары» проходили через узкие реки Ловать или Мологу и через водоразделы, где ладьи надо было перетаскивать вручную — «волоком», находясь при этом в полном отрыве от родины — Норвегии. Условия для войны с местным населением были предельно неблагоприятны.

При создавшейся расстановке политических сил выиграли хазарские иудеи. Они помирились с мадьярами, направив их воинственную энергию против народов Западной Европы, где последние Каролинги меньше всего беспокоились о безопасности своих крестьян и феодалов, как правило недовольных имперским режимом. Хазарское правительство сумело сделать своими союзниками тиверцев и уличей, обеспечив тем самым важный для еврейских купцов торговый путь из Итиля в Испанию. Наконец в 913 г. хазары при помощи гузов разгромили тех печенегов, которые жили на Яике и Эмбе и контролировали отрезок караванного пути из Итиля в Китай.

Последней нерешенной задачей для хазарского правительства оставался Русский каганат с центром в Киеве. Война с русами была неизбежна, а полная победа сулила

---

[299] См.: История Византии. Т. II. С. 230 и примеч. 19.

[300] Полное собрание русских летописей (далее: ПСРЛ). Т. IX. М.; Л., 1965. С. 9.

[301] См.: Голубинский Е.Е. История русской церкви. М., 1901. Т. I. Период первый. Первая половина тома. С. 51—52.

неисчислимые выгоды для итильской купеческой организации, но, разумеется, не для порабощенных хазар, которые в этой деятельности участия не принимали. Правители крепко держали их в подчинении при помощи наемных войск из Гургана и заставляли платить огромные подати. Таким образом они все время расширяли эксплуатируемую территорию, все увеличивая свои доходы и все более отрываясь от подчиненных им народов.

Разумеется, отношения между этим купеческим спрутом и Русью не могли быть безоблачными. Намеки на столкновения начались в IX в., когда правительство Хазарии соорудило крепость Саркел против западных врагов. Дальнейшие события до 860 г. очень слабо отражены источниками. Очевидно, что «не раз клонилась под грозою то их, то наша сторона», но детали хода событий неизвестны. Мы можем только приблизительно реконструировать расстановку сил и направление развития, но не больше. Зато после 860 г. перед нами многоцветная канва событий, подлежащая анализу и интерпретации.

39. Друзья обновленной Хазарии

Правительство Обадии и Ханукки вместе с престолом получило в наследство опасную традицию международных отношений и влияний. Тюркские ханы династии Ашина и их караимский союзник Булан в сложных экономических проблемах не разбирались. Они просто защищали свой народ от мусульман, наступавших с юга, печенегов, нападавших с востока, из Зауралья. Естественным союзником Хазарии в VIII в. была Византия, также воевавшая с арабами и бежавшими от хазар болгарами Аспаруха. Поэтому распространение православия среди алан и хазар не встречало сопротивления. В середине VIII в. существовала хазарско-хорезмийская (Доросская) митрополия, которой были подчинены семь епископских кафедр.[302] Культурные контакты были следствием политического союза.[303]

С Дальним Востоком и Крайним Западом тюрко-хазары отношений не поддерживали. На границах Китая до 745 г. шли упорные, кровопролитные войны между Тюркским каганатом и империей Тан. Затем восстание Ань Лушаня в 756—763 гг. обескровило Китай, а вслед за тем в войну вступили Тибет и Уйгурия. Ничего привлекательного на Дальнем Востоке в это время не было.

Не лучше было и на Западе, где разлагались заживо франкская держава Меровингов и Лангобардское королевство, а в Британии англы и саксы резали кельтов. Но там положение изменилось к 800 г., ибо Карл Великий, покорив саксов и лангобардов, возложил на себя императорскую корону. Последние годы его правления совпали с переворотом Обадии, и тогда две возникшие империи вступили в дружественный контакт, выразившийся в том, что Карл особым указом позволил иудеям жить по их обычаям.[304] И в дальнейшем иудеи поддерживали союз с Каролингами вплоть до их падения в X в.

Наибольшую активность проявили в это время южные этносы. Рост пассионарности потомков арабских завоевателей взорвал Аббасидский халифат изнутри, но осколки его оказались более страшными для соседей, чем громоздкая централизованная социально-политическая система. Для берберов и туарегов Африки, тюрков Средней Азии, горцев Памира и Гиндукуша ислам перестал быть символом угнетения и ограбления, потому что

---

[302] См.: Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948. С. 229.

[303] Якут свидетельствует, что хазары были христианами и мусульманами, а частично язычниками; только немногие исповедовали иудаизм (см.: Артамонов М.И. История хазар. С. 280). Димашки указывает, что хазарские воины были мусульманами, а горожане — иудеями (см. там же), но, по-видимому, он имеет в виду только население столицы.

[304] См.: Вебер Г. Указ. соч. Т. V. С. 342.

появилась возможность использовать разнообразные шиитские течения как знамена для борьбы против суннитского Багдада.

Отложившиеся от халифата африканцы захватили Сицилию и вторглись в Италию, где потеснили лангобардов и разбили войско франков Людовика II, а в 840 г. африканский флот вошел в устье Тибра и чуть было не овладел Римом. В том же году омусульманенные персы — Саманиды — завоевали Исфиджаб (совр. Сайрам, около Чимкента), а багдадские халифы тратили силы и средства на подавление восстаний своих подданных, единоверцев и соплеменников, и на бесконечную войну с Византией.

Как из тектонических разломов земной коры через трещины вытекает подземная магма, так на рубеже двух суперэтносов и двух великих культур возникли движения, которые казались забытыми и похороненными: хуррамитов в Азербайджане и павликиан в Малой Азии. Между теми и другими не было ни организованной связи, ни общей политической направленности. Одни были просто стойкими маздакитами, другие по принципам идеологии и конечным целям восходили к древнему учению манихеев: делению мира на черное и белое и стремлению путем кровавых экзекуций добиться победы светлого начала, которым они считали себя.

Как следовало бы реагировать на это хазарскому правительству? Хуррамиты были потомками маздакитов, союзников хазарских евреев в 494—529 гг., а арабы — гонителями иудеев в 690 г.; греки принуждали евреев к отречению от веры еще в 723 г. Казалось бы, наступило время расплаты. Но правительство Обадии и Ханукки предпочло торговлю с Багдадом и помощь византийских инженеров при постройке Саркела верности историческим традициям и былой дружбе, от которой никогда не отказались бы тюрко-хазары. Теперь же система ценностей изменилась: выгода встала на место верности и доблести. А самой выгодной ситуацией для евреев была война греков против их врагов — болгар и арабов. Феофилу удалось вернуть город Самосату в 837 г., но халиф Мутасим разбил византийскую армию у Дазимона, в 838 г. взял крупнейший после Константинополя город империи — Аморий (в центре Анатолии). Война протекала с невероятным ожесточением; причем хуррамиты были союзниками греков, а павликиане[305] помогали арабам. Болгары хана Персиана ударили по тылам Византии, ворвавшись в Македонию, а хазары, некогда враги болгар и друзья греков, бездействовали. Ханы Ашина никогда не покинули бы своих друзей в беде.

40. Перейдем к Византии

Там в 843 г. кончился пассионарный надлом, приведший к трагедии иконоборчества. Она дорого стоила Византии. Болгарский хан Крум в 813 г. дошел до стен Константинополя.

---

[305] Если говорить о религиозной доктрине павликиан, то бросается в глаза их различие с манихеями, сходство с древними гностиками и крайне отрицательное отношение к маздакизму и иудаизму. Но теологические тонкости, которые волновали умы богословов, были чужды и непонятны массам, задачей которых была война против Византии. Для противопоставления себя православию было достаточно общепонятного признания материи не творением божьим, а извечным злым началом. Этот тезис роднит павликиан с манихеями и катарами, однако происхождение доктрины от утраченного трактата Маркиона наложило на их идеологию неизгладимый отпечаток. Павликиан, как и манихеев, нельзя считать христианами, несмотря на то, что они не отвергали Евангелия. Павликиане называли крест символом проклятия, ибо на нем распят Христос, не принимали икон и обрядов, не признавали таинства крещения и причащения и все материальное почитали злом. Будучи последовательными, павликиане активно боролись против церкви и власти, прихожан и подданных, сделав промыслом продажу пленных юношей и девушек арабам. Вместе с тем в числе павликиан встречалось множество попов и монахов-расстриг, а также профессиональных военных, руководивших их сплоченными дисциплинированными отрядами. Удержать этих сектантов от зверств не могли даже духовные руководители. Жизнь брала свое и в том случае, если лозунгом борьбы было отрицание жизни. И не стоит в этих убийствах винить Маркиона, который в богословии был филологом, показавшим принципиальное различие между Ветхим и Новым Заветом. В идеологическую основу антисистемы могла быть положена и другая концепция.

Испанские арабо-берберские пираты в 826 г. захватили Крит и сделали из этого острова базу набегов на острова и побережья Эгейского моря. В 827 г. берберы Атласа вторглись в Сицилию, а потом перенесли свои завоевания на Южную Италию. Болгары опустошили Македонию. А в Константинополе император занимался уничтожением икон и преследованием монахов. Но все кончается, и к 843 г. страсти стали угасать.

Снижение пассионарного напряжения пошло Византии на пользу. Установление мира светской власти с церковью, достигнутое на Константинопольском соборе 843 г., дало возможность направить огромные силы системы по определенному руслу. В 860 г. св. Кирилл обратил в православие группу хазар, в 864 г. он и его брат Мефодий приобщили к православию Моравию. В 864—865 гг. крестился болгарский царь Борис, и наконец длительная и жестокая война с павликианами в 872 г. закончилась победой византийцев. Но за все надо платить, даже за спасение собственной страны. И плата была очень велика.

До середины IX в. Византия была общепризнанным центром христианской культуры. Это признание не означало политического господства над другими христианскими государствами Запада и Востока, но давало уверенность в том, что они свои и в случае опасности обязаны помогать против иноверцев-мусульман. Пусть эти обязанности не всегда выполнялись, но все же они имели значение, особенно для тех областей Южной Италии, куда вторглись африканские мусульмане — воинственные берберы, занимавшиеся работорговлей и грабежом.

Даже в жестокие годы иконоборчества римские папы участвовали в церковных делах Византии, по мере сил поддерживая защитников икон. Фактическая независимость от Константинополя, подаренная римскому престолу Каролингами, не мешала существованию суперэтнического единства: греки были дома в Риме и Париже, а франки — в Фессалониках и Эфесе. Теология там и тут была одна — полупелагианство, т. е. православие.

Но в 858 г. константинопольским патриархом стал Фотий, которого не признал папа Николай I. За спором последовало отлучение Фотия в 863 г., не признанное на Востоке. В 867 г. Константинопольский собор предал папу анафеме, объявив его вмешательство в дела Восточной церкви незаконным. Так возник раскол церквей.

Не нужно полагать, что неуступчивость Фотия и Николая, или спор о filioque, или притязания пап на юрисдикцию в Иллирии и Сицилии были причиной раскола. Все эти мелочи были быстро улажены. Узурпатор Василий I Македонянин низложил Фотия, а строптивый папа Николай I умер в том же 867 г. Богословский спор был отложен и на время забыт. Сицилию захватили берберы, Иллирию — венгры. Официальное примирение византийской церкви с папским престолом около 900 г. уже ничего не изменило.

Церковный раскол был важен не только сам по себе. Он превратился в символ отделения Запада, где в IX в. произошел взрыв этногенеза, от ортодоксального Востока. Франки и латины стали чужими для греков. Они пошли по новому, оригинальному пути развития. Этносы, возникшие в это столетие на берегах Северного моря и Бискайского залива, открыли небывалые формы общежития и восприятия природы и истории и предпочли их прежним не за то, что они были лучше, а потому, что они были свои. Инерция общей христианской культуры еще долго обольщала души современников, упорно не хотевших замечать грустную действительность.

Итак, Византия превратилась из империи с претензиями на ведущую роль в наследии Рима в небольшое малоазийское царство, где императором сделался армянин, привлекший на службу своих земляков. А поскольку армяне привыкли героически отстаивать свободу и веру против мусульман, то друзья последних, иудеи, стали недругами Византии.

Теперь можно обобщить наблюдения. Иудео-Хазария была в дружбе со всеми императорскими режимами: поздней Тан, Каролингами и их преемниками в Германии — саксонскими народностями: армянами, грузинами, шиитами халифата, поскольку они представляли интересы завоеванных племен, печенегами, турфанскими уйгурами и славянами, т. е. Киевским каганатом.

И это не случайно. Здесь имеет место социальная близость деспотических режимов,

противопоставленных ходом истории природным процессам образования этнического многообразия. Борьба этих двух принципов была ведущим антагонистическим противоречием эпохи VII—X вв. И тут иудео-хазарам опять повезло.

В игру вступил новый партнер — варяги, навербованные из скандинавских викингов.

41. Рахдониты и норманны

Хотя викинги по рождению были скандинавы или прибалты, но они не были представителями своих народов. Пассионарный толчок вызвал этническую дивергенцию. Юноши, покидавшие родную страну ради Гренландии или Нормандии, зеленого острова Эрин или берегов лазурного Средиземного моря, образовывали самостоятельные этнические консорции, иногда погибавшие, но иногда торжествовавшие победу. И поскольку они были рассеяны по всей Европе, встреча их с иудео-хазарами была предрешена. А характер ее был определен тем историческим фоном, на котором она произошла. Источников, освещающих эту страницу истории, нет; следовательно, опять нужно окинуть взглядом расстановку сил, чтобы уловить хотя бы общее направление развития событий.

Распадение целостности Аббасидского халифата не уменьшило завоевательного пыла западных мусульман: испанских арабов и берберов Северной Африки. Вспомним: испанские арабы захватили Крит и сделали его базой пиратства на Эгейском море. В 842 г. тунисские берберы, действовавшие в Сицилии, взяли Мессину, а в 878 г. — Сиракузы. В 902 г. греки потеряли все позиции в Сицилии, а в 904 г. арабы разграбили второй город империи — Фессалоники — и перенесли агрессию на материк, в Калабрию. Грекам стало трудно.

Как было показано, уже в IX в., после фактического раскола церкви, Византия стала восточным царством, изолированным от всех соседей, превратившихся сначала в соперников, а потом во врагов. Связанная постоянной войной с Болгарией и безуспешными попытками удержать Южную Италию от натиска арабов, Византия не могла активно противодействовать усилению хазарских царей, вследствие чего православие потеряло свои позиции в Дагестане и на Северном Кавказе, с трудом удержавшись на Южном берегу Крыма.

Попытка Карла Великого создать суперэтническую христианскую империю германцев на Западе, подобно тому как на Востоке существовала аналогичная империя греков, была небесперспективна, но растущая пассионарность в IX в. опрокинула это грандиозное сооружение, как если бы это был карточный домик. К 888 г. осуществилась «территориальная революция»,[306] т. е. появились этносы, называемые О. Тьерри «нациями»: бретонский, аквитанский, провансальский, французский, бургундский, итальянский и немецкий, причем последний состоял из субэтнических «племен» саксов, франконцев, баварцев, швабов (алеманы) и тюрингов. Все они тратили силы на борьбу друг с другом и поэтому очень плохо сопротивлялись нападениям арабов и норманнов. Для хазар они не были опасны.

Зато хазарские иудеи были опасны для Франции, так как, приезжая с большими деньгами в Прованс, они покупали покровительство короля и вельмож и защиту от преследований со стороны духовенства и народа. Ожесточение с обеих сторон росло. Иудеи сохранили больше остатков древней образованности, нежели французы, и поэтому побеждали христиан в диспутах, возникавших по поводу Ветхого Завета. Пропаганда их имела успех. Молодой монах из Алемании принял в 847 г. иудаизм, женился на еврейке, уехал в Испанию и там возбуждал арабов к преследованию христиан. Галльские епископы жаловались, что иудеи покупают рабов-христиан и заставляют их исполнять иудейские обряды, что они похищают христианских детей и продают их мусульманам, что иудеи, по ненависти к своим соперникам, помогают мусульманам и норманнам, открывая им ворота

---

[306] Тьерри О. Избранные сочинения. М., 1937. С. 247.

осажденных городов, и что они называют свинину «христианским мясом», на что христиане очень обижаются.[307]

Трудно сказать, что в этих обвинениях было справедливо, но для нас важно другое: взаимные ожесточение и неприязнь между аборигенами и иудеями на Роне грозили французам теми же последствиями, которые имело еврейское проникновение на Волгу. Прованс легко мог превратиться в подобие Хазарии, тем более что воинская сила берберов, охотно нанимавшихся в войска соседних стран, была не меньше, чем у хорезмийцев. Но для этого было нужно, кроме больших денег, время, а его-то и не хватило иудеям. Почему? Это мы сейчас увидим.

Начиная с 800 г. все побережья Западной Европы стали подвергаться нападениям скандинавских викингов. Больше того, норманны входили в реки, проникая в глубь континента. Добыча была обильна. Но оказывается, что, кроме золота и серебра, сукна и полотна, а также женских украшений и дорогого оружия, викинги брали пленников и продавали их в рабство.[308] Кому? Ведь не тем хевдингам — зажиточным крестьянам, от которых они бежали в море, покинув родину. В Исландию? Но там рабы убегали от своих хозяев или получали свободу, так что «рабовладение не играло существенной роли в исландском обществе».[309] Да ведь добывать пленных с риском для жизни имело смысл лишь тогда, когда можно было их продать легко и выгодно.

И тут встает второй вопрос: как могли норманны, не имея данных разведки, вести военные операции, удаляясь от спасительного моря? А ведь поднимались они по Рейну, Везеру, Эльбе, Сене, Луаре, Гаронне. Они разграбили и сожгли Кёльн, Ахен, Бонн, Трир, Вормс, Тур, Орлеан, Анжер, Труа, Шалон, Дижон, не говоря уже о городах Англии.

Это далеко не полное перечисление городов-жертв показывает, что викинги могли награбить значительно больше, чем увезти на кораблях с малой осадкой, только и пригодных для плавания по рекам. Такие корабли найдены в Дании. Они рассчитаны не на далекие путешествия, а на плавание в мелких прибрежных водах.[310] Но коль скоро так, то, очевидно, у норманнов были скупщики награбленного, и, по-видимому, они были достаточно богаты, чтобы покупать пленных в надежде на будущий барыш, и достаточно влиятельны, чтобы транспортировать христианских рабов от берегов Северного моря до Испании, где кордовские халифы покупали рабов за большие деньги. Неужели это знакомые нам рахдониты?! Могло ли быть такое?

Сопоставим факты. В 768—772 гг. евреи в Нарбонне являются крупными землевладельцами, а на полях и виноградниках работают крепостные-христиане.[311] Через 70 лет, после окончательного объединения Западной Европы Карлом Великим, ту же картину мы видим в Лионе (849). Таким образом, в наиболее богатых областях Священной Римской империи евреи составляют господствующий класс, диктующий свои порядки. Так, по желанию евреев базарный день в Лионе был перенесен с субботы на воскресенье, против чего тщетно протестовали епископы, особенно знаменитый епископ Агобард.[312]

В Испании еврейские купцы в 854—874 гг. торговали андалузскими девушками и для

---

[307] См.: Вебер Г. Указ. соч. Т. V. С. 487—488.

[308] См.: История Норвегии. М., 1980. С. 101.

[309] Стеблин-Каменский М.И. Культура Исландии. Л., 1967. С. 19.

[310] См.: Коган М.А. Смелые мореходы средневековья — норманны. Л., 1967. С. 13.

[311] См.: Тюменев А.И. Указ. соч. С. 249 (письма папы Стефана III).

[312] См. там же. С. 276 (Agobardus. De insolentia Judaeomm. P. 5).

этой цели имели торговый маршрут от Марокко до Египта.[313] В Египте при Ахмаде ибн-Тулуне царило изобилие, и испанок покупали для гаремов. Надо полагать, христиане оказывали сопротивление где могли и как умели. Поэтому евреи, не довольствуясь административной поддержкой императоров Каролингов, использовали язычников-норманнов. В начале IX в. к берегам Южной Франции подошла эскадра кораблей, которую прибрежные жители приняли за еврейскую… и стали жертвой норманнских пиратов.[314] Невозможно допустить, что ошибка была делом случая. Прибрежные жители умеют разбираться в оснастке кораблей. Очевидно, евреи просто ссудили свои корабли норманнам, разумеется, за долю в добыче. Первое упоминание о евреях в Англии датируется 833 г. — сразу после успехов викингов.[315] В 848 г. норманны разграбили и сожгли Бордо благодаря измене тамошних иудеев,[316] которые от викингов не пострадали. Это могло быть лишь в том случае, если между теми и другими была налажена связь. И текст «Повести временных лет» поясняет, какова она была. Два хищника — рахдониты и викинги — в 859 г. договорились о разделе сфер будущих завоеваний, которые предстояло совершить.[317] Русский каганат тоже должен был стать жертвой этих хищников. И действительно, все последующее столетие Киев был ареной жестокой войны, которую славяно-русы вынуждены были вынести. О ней-то и пойдет речь.

Предложенный здесь вывод на первый взгляд кажется парадоксальным. Мы привыкли видеть в евреях и норманнах антагонистов, ибо они в самом деле весьма не похожи друг на друга. Но в политических коллизиях, особенно диктуемых элементарной алчностью, симпатии, основанные на сходстве психологических складов, уступают место расчету, пусть даже самому циничному. Искренность в таких случаях не только не нужна — она вредна. И поэтому рахдониты спокойно использовали викингов, оставляя тех в уверенности, что они не являются игрушкой в руках опытного партнера. Больше того, когда иудеи проиграли ставку на гегемонию в мировой торговле, норманны, напавшие на Англию, взяли с собой евреев,[318] и те с 1100 г. держали в своих руках кредитные операции английских королей и их вассалов.[319] Привычный союз был нарушен только Эдуардом I в Англии и Филиппом Августом во Франции, но эта страница истории выходит за хронологические рамки нашей темы.

42. Поиск непротиворечивой версии

Итак, следуя версии «Повести временных лет», мы постоянно натыкаемся на неразрешимые противоречия, мягко говоря, недоговоренности и неточности, начиная от «призвания варягов» до рассказа о расправе Ольги над древлянами.

Похоже на то, что летописец дает заведомо ложную схему событий. Судя по его

---

313 См. там же. С. 268—269 и 271—272.

314 См. там же. С. 272.

315 См. там же. С. 143.

316 См.: Вебер Г. Указ. соч. Т. V. С. 489.

317 «Варяги из заморья» взимали (или собирались взимать) дань с чуди, мери и кривичей, а хазары — с полян, северян и вятичей (ПВЛ. Ч. I. С. 18).

318 См.: Тюменев А.И. Указ. соч. С. 243.

319 См. там же. С. 280.

намекам, варяги и хазары были злейшими врагами, а никак не союзниками. Собранные нами факты говорят об обратном, и я предпочитаю не верить летописцу. Нестор, писавший свой труд в 1100—1113 гг., — сторонник великого князя Святополка II, который был другом немецких и датских феодалов, противником греческой митрополии и ее защитника Владимира Мономаха, врагом истребителя последних хазарских иудеев — черниговского князя Олега Святославича. Кроме того, описываемые им события отстояли от него более чем на 200 лет. Может ли историк, наш современник, без особой специальной подготовки изложить историю царствования Екатерины II с учетом нравов, мод и личных взаимоотношений? Даже при обилии источников это трудно. А помимо этого, Нестор, подобно М.Н. Покровскому, понимал историю как «политику, обращенную в прошлое» и защищал интересы своего монастыря и своего князя, ради чего грешил против истины.

Д.С. Лихачев охарактеризовал «Повесть временных лет» как блестящее литературное произведение, в котором исторические сведения либо преображены творческим воображением автора, как, например, легенда о призвании варягов, либо подменены вставными новеллами, некоторые из коих восходят к бродячим сюжетам. Он весьма критично разбирает соображения А.А. Шахматова, и это дает возможность на основе обеих работ установить последовательность и связь событий древнерусской истории, пусть не в деталях, но в том приближении, которое для нашего сюжета необходимо и достаточно. Поэтому в дальнейшем мы будем базироваться не на летописной версии, а на той, которая получена в результате добросовестной исторической критики.

Установив наличие союза рахдонитов с викингами в Западной Европе, мы можем с этой точки зрения рассмотреть ситуацию в Восточной Европе. Аналогия на первый взгляд парадоксальна, но рассмотрим факты и сделаем вывод.

История варяжского проникновения в славянские земли темна, потому что детали этих событий сознательно затушеваны летописцами XII в.[320] Общепризнано, что в 862 г. (хронология сбивчива) варяжский конунг Рюрик появился в Новгороде и, сломив сопротивление антиваряжской партии, возглавленной неким Вадимом Храбрым, обложил данью северных славян. Но от вторжения в Русскую землю Рюрик воздержался.

В IX в. Русской землей именовалось Южное Поднепровье,[321] где два этноса — россомоны и славяне — еще в IV в. воевали с готами на стороне гуннов. История их до IX в. неизвестна. Ясно лишь, что Киевский каганат был сильным и независимым государством наряду с каганатами Венгерским, Болгарским и Хазарским. В 860 г. русы совершили победоносный поход на Константинополь (неверно датированный Нестором 866 г.),[322] принудили Византию заключить выгодный для них мир и частично приняли православие.

В 864 г. русы воевали с болгарами, в 865 г. — с полочанами, в 867 г. — с печенегами (?! — *Л.Г.*), в 869 — с кривичами. Однако при столь активной внешней политике столкновений с хазарами не было: миссия св. Кирилла в Хазарию в 860 г. проходила в мирной обстановке. Это говорит не о миролюбии правительства Хазарии, а о могуществе Киева, союзе русов с мадьярами и сложности обстановки на Каспии. В 860—880 гг. киевское правительство Аскольда и Дира было настолько крепким, что могло не страшиться хазарской агрессии. Более того, киевляне расширяли зону своего влияния на север, не опасаясь конфликта со шведами.

На территории Швеции около 859 г. было несколько королей: Бьерн Прихолмный, его соправители Эмунд и Олаф. Сын Эмунда, Эрик, в 854 г. совершил поход на восток и обложил данью куров, эстов и финнов, но, как видно из перечня, его интересовали только

---

[320] См.: История СССР. Т. I. М., 1966. С. 482.

[321] См.: Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 338.

[322] ПВЛ. Т. II. С. 247.

берега Балтийского моря, а кривичи, меря (черемисы) и весь (вепсы) жили на залесенных водоразделах Восточной Европы. Если бы кто-то из шведских королей подчинил себе столь обширные земли, это было бы отмечено хотя бы в сагах. Не упоминает об этом и католический миссионер св. Ансгар, проповедовавший в Швеции в 849—852 гг. и поддерживавший отношения со шведами до своей кончины в 865 г.[323]

И даже если бы шведы хотели подчинить себе северные земли Восточной Европы, то это было выше их возможностей. Как все скандинавы, они двигались на ладьях, и, следовательно, в пределах их досягаемости были только берега рек. Не имея лошадей, они не могли уходить далеко от своих плавучих баз, а провезти лошадей и необходимый тем фураж на легких лодках было невозможно. Кроме того, любой набег имел смысл только осенью, когда обитатели поселков не могли скрыться в лесу. Для такого набега были необходимы дороги и надежные проводники из аборигенов. А в IX в. не было ни дорог в лесу, ни нужного количества изменников хотя бы потому, что шведам было нечем оплачивать их услуги.

Надо признать, что стремление приписать древним шведам основание огромной империи в северных лесах наталкивается на непреодолимые препятствия, связанные главным образом с физической географией. Но так как скандинавы овладели землями русов и славян в IX в., то, очевидно, существовал дополнительный фактор, который следует найти.

Если не шведские короли и не греческие базилевсы были заинтересованы в уничтожении Киевского каганата, то остается только один сосед, который этого хотел и имел средства для осуществления своей цели. Это был Хазарский каганат, который в 834 г. вышел на рубеж Дона. Построенная там крепость Саркел должна была служить базой для наступления на запад, но эта акция почему-то задержалась на полвека. Хазарским евреям удалось включить в свою политико-экономическую систему только северян, о чем говорит распространение восточных монет IX в. на левобережье Днепра.[324]

И тогда, не имея способов устанавливать искренние отношения с этносами, «химера» использовала «свободные атомы» — скандинавских варягов, захвативших Киев в 882 г.

Вспомним, что Рюрик был варяг (это профессия) из этноса «руси» (россомонов). Не ужившись дома, он принял предложение «Гостомысла» (или партии «гостомыслов») и укрепился в Новгороде. Согласно Начальной летописи — «Повести временных лет», под его контролем была небольшая и редконаселенная территория: Ладога, Белоозеро и Изборск. Полоцк и Смоленск в 864—869 гг. были подчинены русам, т. е. Киеву, где сидели враги Рюрика — Аскольд и Дир. Пополнять свое войско Рюрик мог только одним способом — наймом варягов из заморья. Они-то и захватили Киев для его сына, называемого в летописи Игорь Старый.

И тут возникает новая неясность: почему хитрый захватчик, убив только двух правителей города, не встретил сопротивления в народных массах? Очевидно, у варягов была столь мощная поддержка, что славяно-русы не рискнули повторить попытку Вадима Храброго, пытавшегося в 864 г. выгнать Рюрика из Новгорода. Летопись об этом молчит.

Лакуну отчасти восполняет краткая справка Масуди, что «русы и славяне составляют прислугу хазарского царя».[325] И как мы вскоре увидим, так оно и было.

Смена власти в Киеве повлекла за собой смену политики. Олег подчинил древлян в 883 г., северян — в 884 г. и радимичей — в 885 г., причем последние до этого платили дань хазарам. Это не могло не вызвать войны с Хазарией… и в летописи возникает провал в 80

---

[323] См.: Хеннинг Р. Указ. соч. Т. II. С. 165—173.

[324] См.: Шевченко Ю.Ю. На рубеже двух этнических субстратов Восточной Европы VIII—X вв. // Этнография народов Восточной Европы. Л., 1977. С. 46—47; Гумилев Л.Н. Древняя Русь и ее соседи в системе международной торговли и натурального обмена // Изв. ВГО. Т. 119. Вып. 3. 1987. С. 223—234.

[325] Артамонов М.И. История хазар. С. 383.

лет! Что, здорово?

Итак, на самом деле варяжские конунги были недругами славяно-русов и сначала союзниками, затем соперниками, а потом вассалами евреев-рахдонитов. Гордые своей воинственностью варяги постоянно терпели поражения, при которых гибли подчиненные им славяне, мобилизуемые для походов на Каспий и Понт (Черное море). Варяжским командирам не было жалко славянских воинов.

Русская земля перенесла много страданий, вызываемых постоянными неудачами бездарных правителей. Это-то и затушевывал лукавый летописец Нестор.[326]

И все-таки как дошли славяно-россы до такого унизительного положения? Если история на этот вопрос не отвечает, обратимся к этнологии.

Византия и Русь по возрасту ровесники. Надлом в Византии был в VIII в., а инерционная фаза началась в середине IX в. На Руси надлом, видимо, наступил позже и затянулся до конца IX в. При надломе происходит раскол этнического поля. Вот поэтому-то варяги обрели себе сторонников — «гостомыслов» или первых «западников», которым 250 лет спустя сочувствовали великий князь Святополк II и летописец Нестор. А поскольку только версия Нестора пережила века, ее приняли без критики историки Нового времени.

Но ведь иудейская община Хазарии должна была бы по закону этнической энтропии выродиться и ослабеть, так как это была замкнутая система, не пополнявшаяся даже теми бастардами, которые становились караимами (дети евреев и хазарок). А она все усиливалась. Для этого должно быть научное объяснение.

Замечено, что, если особи некоей популяции упрощают свою морфологическую структуру, они резко увеличивают биогеохимическую энергию (для животных это энергия размножения), т. е. биогенную миграцию своих атомов, что улучшает их шансы в борьбе за существование.[327]

Перенеся эту закономерность с организменного на популяционный уровень, мы констатируем, что при начинающемся вырождении, или упрощении, структуры имеет место выброс свободной энергии, проявляющийся в стремлении к расширению ареала. Примеры того — ханьская агрессия II—I вв. до н. э., колониальные захваты европейских стран в XIX в. и интересующее нас столкновение на тропе войны Иудео-Хазарии с Киевской Русью. В IX в. результаты этого столкновения было невозможно предвидеть.

По «Повести временных лет», Олег в 907 г. совершил свой главный подвиг — поход на Константинополь — «на конях и на кораблях». Русский десант будто бы опустошил предместья Константинополя, убив или замучив захваченных врасплох греков. Затем Олег поставил ладьи на колеса и, снабдив их парусами, с попутным ветром достиг городских стен. Испуганные греки дали огромный выкуп и заключили договор, очень выгодный для Руси. Тогда же Олег повесил свой щит на воротах Константинополя.[328]

В летописи все получилось очень красиво, но вот беда — греки об этом походе не знали; они его просто не заметили.

Русская историография XVIII в. приняла версию Нестора некритично, благодаря чему этот рассказ, несмотря на всю несообразность, закрепился в гимназических учебниках. А.А. Пресняков, С.П. Обнорский, С.В. Бахрушин, Д.С. Лихачев и многие другие отнеслись к описываемому факту скептически. Договор 907 г. слишком напоминал исторически зафиксированный договор 911 г.[329] Однако спор продолжается поныне, ибо, хотя

---

[326] Очевидна тенденциозность летописцев, которые счет победам русов ведут с Олега, отодвигая Аскольда и Дира в тень. (Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси… С. 78).

[327] См.: Вернадский В.И. Указ. соч. § 207. С. 285.

[328] ПВЛ. Ч. I. С. 25.

[329] Разбор версий см.: Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси… С. 84—89.

фантастичность описанных Нестором деталей очевидна, но речь пошла о юридической стороне проблемы — тексте договора. Возникла концепция о прелиминарном характере договора 907 г., перезаключенного в 911 г. За это компромиссное решение высказались Б.Д. Греков, М.В. Левченко, В.Т. Пашуто, третья версия защищала универсальное значение договора 907 г., а Г. Острогорский и А.А. Васильев, считая Олега варяжским вождем, принимали летописную версию. В столь запутанном диспуте конструктивно предложение А.Н. Сахарова разделить вопросы о реальности похода Олега и о достоверности текста договора[330] Второй вопрос лежит вне наших интересов, а первый можно считать решенным большинством цитированных работ, с чем согласен и автор этих строк. Похоже, что Нестор приписал Олегу поход Аскольда 860 г., достоверность коего бесспорна.[331] Но что же было в начале X в.? Посмотрим и подумаем.

Согласно принятой нами методике, следует рассмотреть панораму, историю всего ареала, связанного с Хазарией, по 90 7 г., а вернее, с 904 по 910 г. Таким путем будет осуществлен хронологический срез, который позволит отбросить большую часть негодных версий.

Поставим вопрос так: кто был за Византию, а кто против нее? Византию окружали три суперэтноса: мусульманский, романо-германский и кочевой (евразийский), но ни один из них не представлял единства. Мусульмане делились на суннитов, враждебных Византии и покупавших меха из Хазарии, шиитов Дейлема, враждебных суннитам, и карматов, которые были врагами всех как яркий пример антисистемы. На Западе шла феодальная революция против императора Каролингов, которые опирались на еврейские общины, снабжавшие их деньгами; только поэтому Каролинги могли держаться; расплачивались они привилегиями, и очень щедро.

В Степи печенеги оттеснили венгров в Европу, где те обрушились на Моравию, Италию и Германию.

Таким образом, враги Византии — это арабы-сунниты, римские папы, императоры Запада и, конечно, хазарские иудеи; друзья — шииты Дейлема, феодалы Франции (от них было мало толку) и печенеги, что отметил Константин Багрянородный. А русам был предоставлен свободный выбор… и они его сделали в 904 г., о чем и пойдет речь.

43. Война русов с греками в 907 г

А была ли такая война? Летописец не жалеет похвал Олегу, который будто бы за удачную осаду Константинополя и заключение кабального для греков торгового договора получил от киевлян имя «вещий»: «бяху бо людие погани и невеиглаcи».[332]

Отношение летописца к князю двойственное: с одной стороны, он достоин славы как победитель, с другой — хвалили его невежественные язычники, что, с точки зрения монаха Киево-Печерской лавры, нехорошо. А как отнеслись к нему якобы пострадавшие греки — неясно, ибо они Олеговых подвигов просто не заметили. Поиски косвенных сведений о событиях 907 г. привели В.Д. Николаева к анализу хроники Псевдо-Симеона[333] (X в.), и тут

---

[330] См. там же. С. 89.

[331] См. там же. С. 48—56.

[332] ПВЛ. Ч. I. С. 25; С.М. Соловьев тоже скептически относится к «достижениям» Олега. По его мнению, они ограничивались ограблением беззащитных славянских племен.

[333] Николаев В.Д. Свидетельство хроники Псевдо-Симеона о руси-дромитах и поход Олега на Константинополь в 907 г. // Византийский временник. Т. 42. М., 1981. С. 147—153.

настала пора неожиданностей.

В июне 904 г. арабский флотовладелец Лев Триполитанский сделал попытку напасть на Константинополь, но был отогнан византийским флотом адмирала Имерия. И тогда же Византия подверглась нападению россов-дромитов,[334] разбитых другим византийским флотоводцем — Иоанном Радином. Часть россов-дромитов спаслась благодаря сверхъестественным способностям волшебника Росса. Прочие погибли от греческого огня у мыса Трикефал в феме[335] Опсикий.

Хроника Псевдо-Симеона вызвала острую полемику, критически разобранную в цитированной статье В.Д. Николаева. Защитники Нестеровой версии — победоносного похода Вещего Олега — проиграли спор. Теперь наиболее убедительными следует считать выводы В.Д. Николаева, сводящиеся к следующему: «…очевидно, что „русы-дромиты“… не войско Олега, а славяно-варяжская вольница, обитавшая в устье Днепра и на побережье Черного моря. Эта вольница совершала грабительские набеги на византийские владения… под предводительством „божественно озаренного вождя“». Совпадение похода русов-дромитов с походом Льва Триполитанского — не случайность. Дромиты воспользовались отсутствием имперского флота около столицы. Отплыв ночью, чтобы не быть замеченными херсонским стратигом, дромиты двигались вдоль болгарского берега, ибо болгары ненавидели греков; затем они пограбили окрестности столицы и были рассеяны византийским флотом. И произошло это в 904 г. — на три года раньше, чем поход Олега. И уж если такие мелкие события фиксируются в истории Византии, то «щит на вратах Цареграда» — на совести Нестора.

И тут встают два вопроса, причем второй является ответом на первый. Нестор не мог не знать, что в 860 г. русы чуть было не взяли Константинополь военными приемами, весьма сходными с теми, которые якобы применил Олег в 907 г. Фантазия любого автора не безгранична. Здесь мог быть просто перенос событий похода презираемого летописцем Аскольда на поход любимого Олега, для прославления которого достаточно было только сменить дату. Ведь летопись писалась через 200 лет после Олега (1100—1113), и вряд ли все читатели того времени обращали внимание на столь давнюю хронологию.

Но если так, то правы критики источника, доказавшие, что здесь была не победа, а поражение, и не в 907 г., а в 904 г., и византийцы события своей истории описывали, а не замалчивали. Примем эту версию[336] и посмотрим, к каким результатам должно было привести поражение Льва Триполитанского и его союзников.

Легко представить себе, какие чувства обуревали русов-дромитов осенью 904 г., как спасшихся от греческого огня, так и родственников погибших. Мечта о расплате с Царьградом стала этнопсихологической доминантой. Можно даже вообразить, что именно тогда создалась легенда о расправе над греками, чего на самом деле не было, да и быть не могло, но ведь как патриотический сюжет она годилась, и, может быть, ее использовали как вставную новеллу при составлении ранних летописей.

Но была и жестокая действительность. Месть грекам при помощи арабов оказалась нереальной. Надо было искать другого антихристианского союзника, т. е. выбирать между венграми и хазарами. Венгры, только что захватившие долину Дуная, обратили свое внимание на Западную Европу: Германию, Францию, Италию и даже Испанию. Поэтому им было некогда. Зато иудео-хазары всей душой ненавидели греков. Государства их граничили в Крыму, а торговые интересы пересекались на всех морях.

---

334 Дром (греч.) — бег. Эти разбойники умели так быстро убегать от регулярных войск, что этим заслужили свое прозвище (см. там же. С. 151).

335 Фема (греч.) — военный округ в Византии при Македонской династии.

336 См.: Византийский временник. Т. 42. С. 152.

Русы-дромиты, бывшие оплотом воинствующего язычества,[337] и их единомышленники в Киеве и Новгороде, естественно, видели в итильском царе надежного союзника. Они решили использовать его силы и… оказались сами используемыми.

Да, заводить неискренних друзей бывает опасно, но, раз начавшись, цепь событий закономерно распутывалась полвека, пока инерция содеянного не иссякла и не заменилась другой, как часто бывает в этнической истории.

Но даже если традиционная версия справедлива, то придется признать, что успехи Олега и обилие добычи — преувеличение, характерное для авторов той эпохи, а вывод — союз Олега с хазарским царем против греческого автократора — остается в силе.

Такая коллизия была выгодна обоим партнерам, но за счет кого? Как мы видели, «дромиты» при всей храбрости и маневренности не могли соперничать с регулярными, обученными войсками. Хазарские наемники из Гургана и Табаристана были войском стойким, но уж очень дорогим. Кроме того, они отказывались сражаться против мусульман, а конфликты иудеев с мусульманами иногда возникали. Но была еще одна боеспособная армия — славянские «вой» и их финноугорские соседи, которых можно было легко мобилизовать и бросить против греков и дейлемитов не разбойничьи шайки, а целые армии.

Боеспособность славян была общеизвестна. «Народ страны русов… воинственный. Они воюют со всеми неверными, окружающими их, и выходят победителями. Царя их зовут хакан русов. Среди них есть группа из морованат», — пишет Персидский аноним IX в.[338] Под последними понимались воины-профессионалы, составлявшие с ополчением одно целое.[339] Вот это-то славянское войско решили использовать рахдониты и норманны, заставив славянских юношей платить дань кровью. Самим славянам походы на Каспий и на Понт были не нужны. Но каган Хазарии и конунг Киева нашли способы заставить их идти на гибель ради своих корыстных целей. Да, тяжело жить под властью иноплеменников!

VIII. Бросок химеры (899—944)

44. На рубеже IX—X веков

Мир вокруг Хазарии менялся. Самих хазар эти перемены не касались, но купцам-рахдонитам стало невесело. Поставщик шелка Китай лежал в развалинах после грандиозного крестьянского восстания Хуан Чао и подавления его последними хуннами — тюрками шато, спасшими династию Тан. Китайские крестьяне были особенно озлоблены против иноземных купцов, колония которых в Гуанчжоу была полностью вырезана в 879 г. То же самое повторилось в Чанъани в 881 г. Еврейские купцы, находившиеся в эти годы в Китае, погибли, имущество их было разграблено, караванный путь оставлен без присмотра, дамбы на Хуанхэ не ремонтировались, и за полвека произошло 9 прорывов, т. е. огромных наводнений.

И неудивительно, что вывоз шелка приостановился, а ведь это был главный источник дохода рахдонитов.

Столь же неблагоприятно сложились обстоятельства на Западе. Каролинги, поддерживавшие евреев, потеряли доверие своих подданных. Сначала им отказали в покорности французы, выбравшие королем Эда Парижского. После его ранней смерти французские феодалы продолжали войну с императорами до полной победы — избрания

---

[337] См. там же. С. 150.

[338] Новосельцев А.П. Указ. соч. С. 399.

[339] См.: Фроянов И.Я. Киевская Русь. Л., 1980. С. 185—195.

королем Гуго Капета в 987 г. Евреям стало трудно жить во Франции.

Более благоприятно сложилась для них ситуация в Германии. Саксонские короли, сменившие Каролингов, взяли еврейских купцов под свое покровительство и обеспечили им торговую трассу через Арелатское королевство и Тулузский палатанат в Испанию.

Но мусульманские халифы Испании нуждались не в шелках и мехах, а в рабах. Следовательно, надо было доставать юношей и девушек, а родители, как правило, их не отдавали.

Багдад переживал тяжелое время. Страна вокруг него была разорена восстаниями черных рабов — зинджей и бедуинов-карматов. Там тоже покупали рабов — гулямов — для пополнения армии. А так как с 866 г. власть в Багдаде от халифов перешла к тюркским гвардейцам, то их командиры охотнее всего покупали своих земляков. Добывание рабов стало насущной задачей рахдонитов, но это занятие было связано с войной. А война — дело рискованное и дорогое.

Конечно, можно было бы рекомендовать рахдонитам сменить профессию и заняться, например, разведением арбузов и пастьбой баранов, но для этого пришлось бы отменить закон необратимости эволюции. Не для того их предки создавали разветвленную систему жесткого типа, чтобы просто перечеркнуть все усилия, подвиги, достижения и, наконец, роскошные условия жизни, которых они добились за сто лет трудов и побед. Жесткая система потому и бывает крепка, что она при создании своем приноровлена к локальным условиям наилучшим образом. Когда же окружение меняется, перестройка системы трудна.

И наоборот, дискретная система эластична, но не позволяет полностью координировать силы для решения внешнеполитических задач. Поэтому жесткие системы побеждают в стабильных условиях, а дискретные выживают даже при постоянно меняющейся среде обитания и этнического окружения.

Иудейская Хазария — образец жесткой системы, окружающие Хазарию евразийские этносы — дискретные системы. В IX—X вв. изменения географической среды (вследствие переноса пути циклонов на север, в лесную зону Евразии) могли быть для этнохозяйственных систем либо полезны, либо вредны, но не нейтральны. А поскольку интересы евреев и хазар в химерной целостности каганата были противоположны, то климатические колебания отражались на истории Восточной Европы и Великой степи.

45. Гнев стихий

До тех пор пока увлажнялись степи и высыхали в Волго-Окском междуречье болота, Каспийское море вело себя тихо. Оно стояло на абсолютной отметке — 36 м, благодаря чему обширные площади плодородной земли в низовьях Волги были заселены земледельцами. К началу X в., когда Волга превратилась из тихой реки в бурный поток, собравший влагу дождей, выпавших на огромной площади от Валдая до Урала, уровень Каспия поднялся до отметки — 29 м.[340]

Для обитателей южной окраины Каспийского моря это существенного значения не имело. Берега там крутые, кругом горы. Поднялось море, залило прибрежную крепость… ну и пусть. Но для пологого северного берега подъем уровня моря имел огромное значение. Поля, сады и виноградники оказались под водой Волги, стоявшей на подпоре. Использовать залитые земли было невозможно, люди стали селиться на вершинах бэровских бугров, ожидая времени, когда уйдет вода. А вода все поднималась. Приходилось подаваться в степь.

Но и в прибрежных урочищах не было спасения хазарам. Лишенная дождей степь превращалась в полупустыню, а эта последняя — в пустыню, в которой не могли жить даже

---

[340] См.: Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии; он же. Гетерохронность увлажнения Евразии в средние века // Вестн. ЛГУ. 1966. № 18. С. 81—90; он же. Истоки ритма кочевой культуры Срединной Азии (Опыт историко-географического синтеза) // Народы Азии и Африки. 1966. № 4. С. 85—94.

кочевники. В X в. карлуки покинули берега Балхаша, чтобы поселиться в оазисах Средней Азии, печенеги ушли с берегов Аральского моря на берега Черного, а гузы сдвинулись к Уралу и Эмбе. Только куманы (половцы), населявшие западные склоны Алтая и южную полосу Западной Сибири, где в то время стояли сосновые боры,[341] не пострадали от засухи. Их спасли многоводные реки, окружавшие с востока и запада Барабинскую степь.

Легче было на западной окраине Великой степи, на берегах Днепра, Донца и Дона, так как меридиональные токи в атмосфере способствовали нормальному увлажнению этой области. Поэтому печенеги, прорвавшись в Поднепровье, восстановили там поголовье скота, в том числе лошадей, а тем самым и воинскую мощь, благодаря чему могли держать себя независимо.

Поскольку восточные степи оказались весьма негостеприимными, хазары устремились на северо-запад и начиная со второй половины IX в. заселили террасы Нижнего Дона, куда принесли с собой культуру терского винограда. Четыре надпойменные террасы Дона плавно переходят в водораздельные степи, но уже на второй террасе проявляются черты азональности — колки леса, заросли ивняка и т. п., что обусловило образ жизни алан, хазар и казаков. Автору удалось в 1965 г. найти на Среднем Дону небольшое поселение, содержащее керамику всех эпох — от X до XII в., что указывает на культурную преемственность населения долины Дона независимо от внедрения в нее инородных этнических элементов.

Разумеется, этой ветви хазар сравнительно с другими повезло. В 860 г. они приняли православие от св. Кирилла и благодаря этому вошли в состав христианской общины, вследствие чего установили дружбу с крымскими готами, греками и аланами. А прочие продолжали нести тяготы налогов, снизить которые хазарское правительство не могло, даже если бы оно этого хотело.

Русь в конце XI — начале XII в.

Но от засухи и наводнений совершенно не пострадали хазарские иудеи. Они жили в городах, в комфортабельных деревянных домах, теплых зимой и прохладных летом. Пищу они покупали на базаре. Караванщики, проходившие через Итиль, платили за все, не торгуясь, так как перекладывали растущие расходы на покупателей в Китае и Провансе. Поэтому на социальные отношения внутри иудейской общины природные явления не оказывали никакого влияния: их воздействие амортизировалось в хазарском этносе, вмещавшем общину. Ослабление кочевников, стада которых мерли от бескормицы, было иудеям только на руку: и мясо можно было купить дешево, и слабый враг не опасен. Поэтому в X в. активность хазарского правительства не снизилась, а возросла. Следовательно, должны были начаться жестокие войны… и они действительно вспыхнули на юге и западе.

Но не на севере! Перенос пути атлантических циклонов в лесную зону был сопряжен с обильными снегопадами, затяжными летними и осенними дождями и соответственно заболачиванием лесных полян, т. е. мест наиболее перспективных для примитивного земледелия. Хозяйство этносов Волго-Окского междуречья было подорвано. А значит, и сила их сопротивления иноземным захватчикам ослабла. Если в середине IX в. хазарские евреи договаривались с норманнами о разделе Восточной Европы, то к началу X в. они захватили ее почти всю. В состав Хазарии вошли: буртасы (на Средней Волге), болгары,[342]

---

[341] См.: Грибанов Л.Н. Изменение южной границы ареала сосны в Казахстане // Вестник с.-х. науки (Алма-Ата). 1965. № 6. С. 78—86.

[342] Сын болгарского эльтебера был заложником у хазар, а «дочерей хазарский царь требовал себе в гарем» (Ковалевский А.П. Указ. соч. С. 141).

(на Нижней Каме), сувазы (чуваши на Верхней Волге)[343] арису (мордва эрзя), черемисы (мари, в Заволжье), вятичи (на Оке), северяне (на Десне) и славяне, «под которыми подразумеваются другие славянские племена».[344]

Рубеж IX—X вв. — это кульминация иудео-хазарского могущества и катастрофа для аборигенов Восточной Европы, перед которыми стояла альтернатива: рабство или гибель?

46. Вокруг Каспийского моря

Торговые пути были нервами иудейской Хазарии, но Каспийское море слишком часто бывает неспокойно, протоки Волжской дельты в устьях мелеют и непроходимы для крупных морских кораблей, а восточные берега безводны и безлюдны. Поэтому правительство не завело собственного флота, предпочитая пользоваться караванными путями в обход Каспийского моря.

Наиболее удобным был путь из Багдада через Кавказ, где, миновав Дербент, купцы сразу попадали в Хазарию и оттуда в Булгар и Великую Пермь. Второй путь шел через Мера, Бухару и Хорезм по берегу Амударьи, через плоскогорье Устюрт — ворота в страну тюрков, затем пересекал реки Эмбу, Яик, Сакмару и дальше шел по левому берегу Волги в Булгар. Недостатком этого маршрута было то, что он пролегал через кочевья гузов, печенегов и башкир, причем последние считались жуткими головорезами, а первые при проходе Ибн-Фадлана через их земли решали: разрезать ли послов халифа пополам, или, раздев догола, отпустить назад, или выдать послов хазарам в обмен на своих находившихся в плену; но потом Ибн-Фадлана пропустили дальше.[345]

Другая дорога из мусульманских стран Средней Азии шла через Нижнюю Эмбу и низовья Яика прямо на Волгу, в Итиль. Этот путь был оборудован великолепными караван-сараями из тесаного камня и колодцами, облицованными камнем, на расстоянии друг от друга примерно в 25 км (нормальный переход каравана). Но, несмотря на все принятые меры, восточный путь был длиннее и труднее западного, кавказского. И использовался он только тогда, когда не было другого выхода.

Но море тоже не оставалось пустым: по нему плавали корабли русов из Итиля в Гурган, где перегружали товары на верблюдов для отправки в Багдад. Разумеется, и этот путь был под контролем хазарского царя, который был кровно заинтересован в том, чтобы купцы по этим путям проходили беспрепятственно и чтобы доходы поступали в его казну регулярно.

Торговым операциям не мешал даже развал халифата, когда эмиры переставали подчиняться халифу и оставляли собранные налоги себе. В 866 г. тюркские наемники взяли Багдад и сменили халифа на своего ставленника. Это был конец господства арабов в государстве, созданном их предками.[346]

Перемены коснулись и Кавказа. В 859 г. была восстановлена Ганджа, где укрепились арабские правители из племени шайбан. В 869 г. в Дербенте пришли к власти Хашимиды, арабы из племени сулайм. Но те и другие, будучи правоверными суннитами, не порывали отношений с Багдадом и наместниками Азербайджана — Саджидами.[347] Поэтому у хазарского царя не было повода для беспокойства.

---

[343] См.: Ковалевский А.П. Указ. соч. С. 139 и примеч. 599.

[344] Артамонов М.И. История хазар. С. 385.

[345] См.: Ковалевский А.П. Указ. соч. С. 129.

[346] Мюллер А. История ислама. Т. II. С. 223.

[347] См.: Минорский В.Ф. Указ. соч. С. 40.

Но совсем по-иному пришлось реагировать на шиитское движение иранских народов, живших на южном берегу Каспийского моря. В 867 г. горцы Табаристана, поднявшие восстание под знаменем Алидов, отделились от халифата.

Области Южного Прикаспия, защищенные с севера морем, а с юга — могучим хребтом Эльбурса, были надежным убежищем для древних этносов, сохранивших фактическую независимость и при Селевкидах, и даже при Сасанидах. Арабское завоевание тоже не нарушило течения жизни горцев Эльбурса, так же как горцев Астурии, Басконии и Киликии, хотя и вызвало ненависть к арабам. Влияние ислама, принятого лишь в 842 г., было ничтожно, а потому шиитская пропаганда, по сути дела антиарабская, нашла в Дейлеме и Табаристане подходящую почву. Эти горцы охотно шли сражаться не за Алидов, а против Аббасидов. И чем более слабел Багдадский халифат, тем грознее становилась сила дейлемитов, реликта, не растратившего своих сил, как арабы и персы, и достойного противника степных тюрков, единственной боеспособной армии суннитских владык.

Областью, поставлявшей хазарским царям наемников, был Гурган[348] — «волчья страна», расположенная на юго-восточном берегу Каспия. Воинственные обитатели этой бедной земли охотно оправдывали свое прозвание — «волки» — и продавали свою доблесть тем, кто за нее платил. Официально Гурган подчинялся наместнику Хорасана, где правили потомки персидских аристократов Тахириды, правоверные сунниты.

В 872 г. вождь восставших шиитов Табаристана Хасан вторгся в Гурган и завоевал его, а потом захватил богатые города Казвин и Рей (Тегеран). Хазарские иудеи сразу лишились и удобного караванного пути, и храбрых наемников, переставших поступать в Итиль. Эпоха миролюбия кончилась. Война с шиитами стала для хазарских евреев насущной необходимостью.

Для войны с мусульманами нужны были воины-язычники, т. е. скандинавские варяги. Хазарский царь пригласил дружину Хельги (Олега), посулив варягам раздел Восточной Европы и поддержку за уничтожение Русского каганата и Аскольда.

Конунг Олег в 882 г. овладел Смоленском и Киевом, а к 885 г. подчинил себе северян и радимичей, до того бывших данниками Хазарии. Это его погубило.

47. Обманутый союзник

Ни варяги, ни рахдониты, заключая договор о разделе сфер влияния, не собирались его соблюдать. Варяги не могли осуществить завоеваний за пределами речных долин. Поэтому они компенсировали себя богатым Киевом. Но Киев оказался ловушкой, ибо иудеи могли теснить варягов степной конницей своих союзников.

Полного завоевания Киева хазарскими евреями не произошло. В Кембриджском анониме перечислены враги хазарской иудейской общины: «Асия (асы — осетины), Баб-ал-Абваб (Дербент), Зибух (зихи — черкесы), турки (венгры), Луз-ния (ладожане, т. е. варяжские дружины Олега)»,[349] которые быстро проиграли войну с хазарскими евреями, но удержались в Киеве, так как их прикрывали со стороны степи мадьяры. Однако вскоре мадьярам пришлось туго, потому что против них и варягов хазарские иудеи подняли славянские племена тиверцев и уличей.[350] А когда в 895 г. на мадьяр напали болгары и печенеги, вырезавшие их жен и детей, мадьяры покинули Леведию и ушли в Паннонию, а покинутые ими степи заняли победоносные печенеги.[351] И Византия не могла вмешаться в

---

[348] Гурган — от персидского слова «гург» — волк; это древняя Гиркания, по-арабски — Джурджан.

[349] Коковцов П.К. Указ. соч. С. 123.

[350] ПВЛ. Ч. I. С. 21.

[351] GroussetR. L'Empire des Steppes. Paris, 1960. P. 238.

эту войну, потому что ее силы были связаны болгарами царя Симеона, шедшими по Балканскому полуострову от победы к победе. Тогда изолированное княжество киевских варягов стало вассалом общины хазарских иудеев, которая использовала русов и славян в войнах с христианами и мусульманами-шиитами, подавляя возмущения язычников руками наемников — мусульман-суннитов. Около 900 г. купеческая организация рахдонитов стала гегемоном Восточной Европы. Но не раньше.[352]

Молчание летописца Нестора показывает, что в последующие годы Олег не побеждал, а уже в начале X в. русский флот оперирует на Каспии против врагов хазарского царя. Очевидно, киевские варяги стали поставлять хазарскому царю «дань кровью». Они посылали подчиненных им славяно-русов умирать за торговые пути рахдонитов.

Благоприятно для хазарского царя сложились дела в Средней Азии, где власть попала в руки просвещенных Саманидов, покровителей городов, а тем самым и международной торговли.

В 900 г. Исмаил Самани разгромил шиитское государство Алидов в Южном Прикаспии. Но местное население Гиляна, Дейлема и Мазандерана, никогда не подчинявшееся чужеземцам, укрылось в горных замках, и власть Саманидов в Табаристане была призрачной. До тех пор пока дейлемитов с юга прикрывали горы Эльбурса, а с севера — Каспийское море, они могли держаться, так как «ни Саманиды, ни хазары не имели флота».[353] Но в 909 г. на море появились ладьи русов, разгромивших остров Абаскун. На следующий год русы напали на Мазандеран, но потерпели поражение и ушли. В 913 г. огромный флот — 500 кораблей — с разрешения хазарского царя Вениамина вошел в Каспийское море и подверг грабежу побережья Гиляна, Табаристана и Ширвана. Естественно предположить, что русов просто пригласил царь Вениамин для расправы с разбойниками-горцами.[354] Русы сразились с гилянцами и дейлемцами, видимо, без больших успехов, а затем напали на Ширван и Баку, где сидели Саджиды, правители, поставленные халифом, сунниты и, следовательно, друзья хазар, и здесь развернулись со свирепостью, свойственной их скандинавским вождям.

Хазарский каганат в X в.

Набрав много добычи, русы вернулись в Итиль, послали хазарскому царю условленную долю и остановились на отдых. Тогда мусульманская гвардия хазарского царя потребовала от него разрешения отомстить русам за кровь мусульман и за полон женщин и детей. Царь разрешил, и в трехдневной битве утомленные походом русы потерпели поражение. Число погибших исчислено в 30 тыс. человек. В плен не брали. Остатки русов бежали по Волге на север, но были истреблены буртасами и булгарами. Очевидно, варяжская неуместная инициатива вызвала расправу со стороны хазарских мусульман, тем более что разгром врагов Дейлема настолько облегчил положение шиитов, что в 913 г. они освободились от власти Саманидов и вытеснили последних из Гиляна и Табаристана.[355]

Всю первую половину X в. дейлемиты развивали успех. Часть их двинулась на юг, захватила Фарс, Кирман, Хузистан и, наконец, в 945 г. Багдад, где их вожди в течение 110

---

[352] См.: Гумилев Л.Н. Сказание о хазарской дани (Опыт критического комментария) // Русская литература. 1974. № 3. С. 171—173.

[353] Масуди; цит. по: Минорский В.Ф. Указ. соч. С. 198—201.

[354] Они названы «аджам», т. е. «не-мусульмане». См.: Минорский В.Ф. Указ. соч. С. 199.

[355] См.: Петрушевский И.П. Указ. соч. С. 249.

лет держали под своей опекой халифов. Другая часть подчинила в 914 г. Азербайджан и дошла до Дербента.[356] Каспийская торговля оказалась под контролем недругов Хазарии, точнее — врагов хазарской торговли.

Ущерб был большой, но поправимый, потому что оставалась караванная дорога восточнее Каспия. В 913 г. хазары в союзе с гузами разбили восточных печенегов, кочевавших между Волгой и Яиком.[357] Это отчасти компенсировало им потерю союзников в Закавказье — Саджидов, но господство грубых и свирепых дейлемитов в Иране и Азербайджане отравляло жизнь хазарским евреям.

И самое досадное, что против них нельзя было послать верных наемников-суннитов из Гургана, ибо повелитель правоверных — багдадский халиф отдавал приказания через дейлемских эмиров, а те не допускали, чтобы он приказал убивать их братьев руками мусульман. Следовательно, надо было опять поднимать русов на войну за торговые интересы еврейской общины, а русы после предательства 913 г. не стремились повторять походы на Каспий.

Конечно, можно было бы мобилизовать самих хазар, хотя бы ту их часть, которая была обращена в православие еще в VIII в., но на это правительство не решилось, надо думать, не без оснований. Хазары никаких выгод от торговли не имели, и воевать им было не за что. Поэтому события потекли по иному руслу.

48. Враги обновленной Хазарии

Всегда было известно, что война — дело тяжелое и неприятное. Но есть вещи хуже войны: обращение в рабство, оскорбление чтимых святынь, разграбление имущества и, наконец, оскорбительное пренебрежение.

Все это выпало на долю народов Восточной Европы после того, как они оказались в сфере влияния иудейской Хазарии. Но этнические различия между ними не давали им возможности объединиться. Зато итильское правительство легко могло натравливать их друг на друга, используя старые, но не забытые межплеменные счеты. Еще в IX в. царь Вениамин вел войну против асов (осетин), «турок» (мадьяр), «пайнилов» (печенегов) и «македона» (византийцев). Вениамин победил коалицию противников при помощи алан. Затем царь Аарон победил алан при помощи торков (гузов) в начале X в. М.И. Артамонов датирует это событие 932 г. и связывает с ним гонения на христианство, от которого Аарон принудил отречься побежденных алан.

В 922 г. глава камских болгар Альмуш принял ислам и отделил свое государство от Хазарии, рассчитывая на помощь багдадского халифа, который должен был запретить мусульманским наемникам воевать против единоверцев. Кроме того, он просил у халифа денег для постройки крепости против «иудеев, поработивших его».

Халиф приказал продать конфискованное имение казненного визиря и вручить деньги послу Ибн-Фадлану, но покупатель «не смог» догнать караван посольства,[358] и крепость в Булгаре построена не была, а хорезмийцы в X в. уже не обращали внимания на приказы ослабевших багдадских халифов, поскольку они касались не духовных, а мирских дел.

Вероотступничество не укрепило, а ослабило Великий Булгар. Одно из трех болгарских племен — суваз (предки чувашей) — отказалось принять ислам и укрепилось в лесах Заволжья. Расколотая болгарская держава не могла соперничать с иудейской Хазарией.[359]

---

[356] См.: Минорский В.Ф. Указ. соч. С. 215.

[357] GroussetR. L’Empire… P. 238.

[358] См.: Ковалевский А.П. Указ. соч. С. 133.

[359] Там же. С. 139.

Похожим было положение у гузов. В 921 г. один из их вождей принял было ислам, но соплеменники предложили ему отречение либо от новой веры, либо от власти.[360] Гуз вернулся к древним богам.

Итак, попытки освободиться от иудеев при помощи мусульман оказались обреченными на неуспех. Это учли русы и славяне (поляне), поставленные варяжскими захватчиками в положение отнюдь не благоприятное, что старательно затушевывал летописец Нестор. К счастью, у нас есть возможность восполнить опущенные им сведения.

Хазары собственной монеты не имели, используя арабские диргемы. Какая-то часть этих денег, естественно, оставалась у подданных хазарского царя. Ареал диргемов с куфическими надписями в 883—900 гг. доходил до восточной границы Русской земли, т. е. ими пользовались северяне, находившиеся в сфере влияния Хазарии.[361] После 900 г. диргемы появляются в кладах Русской земли, что показывает на включение ее в экономическую систему Хазарии. Эти диргемы не военная добыча, потому что победы всегда бывают отражены в летописях. Это оплата за услуги на Каспийском море в 909—910 гг., т. е. за кровь славяно-русских богатырей, пролитую ради чужих интересов, за подавление древлян в 914 г., за войну с печенегами в 920 г., за предательство, совершенное царем Вениамином в 913 г., которое осталось безнаказанным, и за многое такое, что современники постарались не заметить, а потомки забыть. Поводов для восхваления Олега Вещего нет.

Само собой понятно, что варяжское правительство не могло быть популярным среди славянского населения Поднепровья. Это подметил С.М. Соловьев, хотя он и не располагал сведениями, ныне вошедшими в арсенал науки. Олег рассматривается им не как храбрый воитель, а как хитрый политик и сборщик дани с беззащитных славянских племен.[362] Так оно и было.

Если верить летописи, не отмечающей с 920 по 941 г. ни одного события отечественной истории, то надо признать русичей трусами и обывателями, не способными ни отомстить за преданных и убитых соотечественников, ни отстоять свое добро от сборщиков дани, переправлявших награбленное имущество в Итиль. Но верить надо не летописи, а совокупности сведений: последние же показывают, что хазарским евреям приходилось все время подавлять народные движения и русы доставляли им немало хлопот. Кроме того, менялось международное положение, и это весьма сказывалось на судьбе евреев, не только хазарских, но и соседних. А это, в свою очередь, оказывало воздействие на внешнюю политику Хазарии.

Хазарские иудеи могли не опасаться раздробленных на партии и султанаты мусульман, но им приходилось считаться с растущей силой Византии, где пришла к власти Македонская династия. Все православные христиане были потенциальными союзниками Византии, а число их благодаря деятельности Кирилла и Мефодия росло. В 867 г. произошло первое крещение Руси,[363] и вряд ли будет ошибочным предположение, что варяжское завоевание остановило приобщение Руси к православию. А кому это было на руку? Только хазарским евреям!

---

360 Там же. С. 127.

361 См.: Ширинский С.С. Объективные закономерности и субъективный фактор в становлении Древнерусского государства // Ленинские идеи в изучении первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970. С. 203—206.

362 См.: Соловьев С.М. История России с древнейших времен.

363 См.: История Византии. Т. II. С. 229.

Разумеется, греки не могли ликовать по такому поводу, тем более что хазарская торговля питала Багдад, а хазарская дипломатия натравливала болгар на Константинополь. С другой стороны, византийские евреи не проявляли привязанности к странам, где их не любили и обижали. Поэтому «ряд евреев примкнул к нему (хазарскому царю) из мусульманских стран и из Византийской империи». Согласно Масуди, «причина в том, что император, правящий ныне (в 943 г.) и носящий имя Арманус (Роман), обращал евреев своей страны в христианство силой и не любил их… и большое число евреев бежало из Рума в страну хазар».[364]

Вполне понятно, что отношения между христианами и иудеями обострились, и… потекла кровь.

49. Подвиги полководца Песаха

Греко-хазарский конфликт, в котором отразилось армяно-еврейское соперничество,[365] не мог пройти незамеченным на Руси.[366] В Киеве должна была появиться надежда избавиться от обременительного союза с Хазарией путем союза с далекой Византией. Поэтому эмиссары Романа Лекапина смогли «подстрекнуть»[367] киевского князя на участие в войне Византии против Хазарии, начавшейся в 939 г.[368]

Войну развязал хазарский царь Иосиф, который «низверг множество необрезанных», т. е. убил много христиан. К сожалению, источник умалчивает, где производились экзекуции, но, видимо, пострадали христиане, жившие внутри Хазарии, так как нет упоминания о походе. Казни эти рассматривались как ответ на гонения на евреев в Византии, но нельзя не заметить, что хазарские христиане в действиях византийского императора повинны не были.

Затем выступили русы. Вождь их в источнике назван Х-л-гу (Хельгу, т. е. Олег), хотя, по «Повести временных лет», в это время правил Игорь Старый. Если Хельгу — имя собственное, то это был тезка Вещего Олега, но скорее это титул скандинавского вождя, т. е. имеется в виду сам Игорь, ибо Хельгу назван «царем России».[369]

В 939 г. (или в начале 940 г.) Хельгу внезапным ночным нападением взял город С-м-к-рай (Самкерц, на берегу Керченского пролива), «потому что не было там начальника, раб Хашмоная». Видимо, нападение русов было для хазарского царя неожиданностью.

В то же время другая русская рать, предводительствуемая воеводой Свенельдом, покорила племя уличей, обитавшее в низовьях Днестра и Буга. Уличи воевали против киевского князя еще в 885 г.[370] и, естественно, находились в союзе с хазарами. Тогда им

---

364 Цит. по: Минорский В.Ф. Указ. соч. С. 193.

365 Василий Македонянин был армянин, переселившийся в Македонию. Эпоха Македонской династии была временем преобладания армян при дворе и в управлении.

366 Русь в узком смысле включала три города: Киев, Чернигов и Переяславль.

367 См.: Коковцов П.К. Указ. соч. С. 117.

368 Об этой войне подробно рассказывает Кембриджский аноним, еврейский автор XII в. Несмотря на аморфность повествования, достоверность событий подтверждается историческим анализом (см.: Гумилев Л.Н. Сказание о хазарской дани… С. 168).

369 См.: Коковцов П.К. Указ. соч. С. 117.

370 ПВЛ. Ч. II. С. 254.

удалось отстоять свою независимость от Киева. Наконец войска русов после трехлетней осады, закончившейся в 940 г., взяли оплот уличей — город Пересечен и обложили их данью в пользу воеводы Свенельда[371]

Отсюда видно, что война велась на обширной территории, весьма продуманно и целеустремленно. Это отнюдь не похоже на случайный пограничный инцидент или на грабительский набег варяжских дружинников.

Хазарский царь ответил на удар ударом. Полководец «досточтимый Песах» освободил Самкерц, отбросил русов от берегов Азовского моря, вторгся в Крым, взял там три греческих города, где «избил мужчин и женщин», но был остановлен стенами Херсонеса, куда спаслось уцелевшее христианское население Крыма.

Затем Песах пошел на Хельгу, т. е. подступил к Киеву, опустошил страну и принудил Хельгу, против его воли, воевать с бывшими союзниками-византийцами за торжество купеческой общины Итиля.

Все эти события в русской летописи опущены, за исключением последовавшего за ними похода на Византию. Это понятно: грустно писать о разгроме своей страны, но разгром этот подтверждается новыми косвенными данными.

Около 940 г. от Киевского княжества отпало Днепровское левобережье (северян и радимичей впоследствии пришлось покорять заново).[372] Русы выдали победителю свое лучшее оружие — мечи.[373] и, видимо, обязались платить дань, собираемую с племен правобережья, т. е. с древлян (см. ниже). Завоеванные земли уличей и тиверцев — в низовьях Днестра и Дуная — попали в руки печенегов[374] Кривичи освободились и создали независимое Полоцкое княжество. Осколок варяжской Руси из неравноправного союзника Хазарского каганата превратился в вассала, вынужденного платить дань кровью своих богатырей.

Русам абсолютно не из-за чего было воевать с греками. Нестор не мог придумать подходящий мотив для похода и ограничился голой констатацией фактов. Зато Еврейский аноним раскрыл причины происшедшей трагедии. Не без гордости он приписал ее давлению «досточтимого Песаха» на русского князя Хельгу (грекам имя Игоря тоже неизвестно), который «воевал против Кустантины на море четыре месяца. И пали там богатыри его, потому что македоняне осилили его огнем. И бежал он, и постыдился вернуться в свою страну, и пошел морем в Персию, и пал там он и весь стан его. Тогда стали русы подчинены власти хазар».[375]

Эта война протекала в 941 г. Ужасные последствия ее для русских богатырей описаны в «Повести временных лет», несмотря на усилия летописца представить события более приглядно. Десять тысяч кораблей высадили десант на Северном побережье Малой Азии, и начались такие зверства, которые были непривычны даже в те времена. Русы пленных распинали (sic!), расстреливали из луков, вбивали гвозди в черепа, жгли монастыри и церкви,[376] несмотря на то, что многие русы приняли православие еще в 867 г. Все это указывает на войну совсем иного характера, нежели прочие войны X в. Видимо, русские

---

[371] См.: Шахматов А.А. Разыскания… С. 102—103.

[372] См.: Зайцев А.К. Черниговское княжество // Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975. С. 67—68.

[373] См.: Гумилев Л.Н. Сказание о хазарской дани… С. 170.

[374] См.: Берлин И. Указ. соч. С. 147—149.

[375] Коковцов П.К. Указ. соч. С. 120.

[376] ПВЛ. Ч. I. С. 33, 230.

воины имели опытных и влиятельных инструкторов, и не только скандинавов.

Греки подтянули силы, сбросили десант в море и сожгли русские лодки греческим огнем. Кто из русов не сгорел, тот утонул. Хазарские евреи избавились от обоих возможных противников.

Согласно «Повести временных лет», поход на Византию был повторен в 944 г. А.А. Шахматов считает рассказ об этом походе выдумкой, но, по-видимому, он не прав.[377] В 943—944 гг. уцелевших русских воинов хазарские иудеи бросили в Арран (Азербайджан), где засели дейлемские шииты.

Русы при высадке разбили войска правителя Аррана Марзубана ибн-Мухаммеда и взяли город Бердаа на берегу Куры. Марзубан блокировал крепость, и в постоянных стычках обе стороны несли большие потери. Однако страшнее дейлемских стрел и сабель оказалась дизентерия. Эпидемия вспыхнула в стане русов. После того как в одной из стычек был убит предводитель русов, они пробились к берегу и уплыли обратно в Хазарию.[378]

Так, но остается неясным, куда они девались потом. На Русь не вернулся ни один, ибо тогда бы летописец не посмел умалчивать о столь значительном походе, как не опустил он вторжение русского флота в Малую Азию, хотя поражение там отнюдь не украсило русов.

Может быть, все ладьи русов утонули в Каспийском море? Путь от устьев Куры до дельты Волги немалый, море бурное… все может случиться. Но ведь плавали русы не в открытом море, а вдоль кавказского берега, и в случае массового кораблекрушения кто-нибудь из них добрался бы до берега. А сношения Руси с Дербентом в X в. прерваны не были. Значит, если бы даже спасшиеся русы были проданы в рабство, то и в этом случае они дали бы о себе весточку на родину. Нет, гипотеза кораблекрушения, при котором бы погибли 20 тыс.[379] опытных мореходов, столь маловероятна, что ее можно отвергнуть.

Но вспомним, что в Хазарии действовал закон о смертной казни воинов, не одержавших победы. Русы целиком под него подпадали. И нечего ломать голову, отыскивая иные причины исчезновения союзного войска, тем более что в 913 г. ситуация была сходной, а конец известен. Тут было даже проще: перебить больных и выздоравливающих совсем несложно, так что акция прошла без шума.

Просто удивительно, как обыватели, и древние, и современные, не могут представить себе иных стереотипов поведения, кроме собственного, привычного, и как дорого им это обходится каждый раз, когда они встречаются с иным суперэтносом. Обывателя чужой опыт не учит, и, помимо этого, варяжским командирам славянских «воев» было не жалко. Очередная трагедия на Каспии прошла бесследно.

Одновременно с каспийской трагедией произошла вторая — черноморская. В том же 944 г. Игорь Старый повел на Византию огромное сухопутное войско из варягов, руси, мобилизованных славян и примкнувших к ним печенегов, а также флот, как будто греческий огонь его ничему не научил. Если считать этот поход попыткой реванша, то организация его представляется сверхстранной. Деревянные ладьи в открытом море уже продемонстрировали свою слабость перед кораблями, вооруженными греческим огнем; пешая славянская рать шла без тыла, т. е. без снабжения, а союз с печенегами вряд ли можно было считать надежным. На такую операцию можно было решиться только под хазарским давлением,

---

[377] См.: Шахматов А.А. «Повесть временных лет» и ее источники. С. 72; Д.С. Лихачев оспаривает это мнение, опираясь на заключение в 945 г. договора, выгодного для Руси. Однако, по его же уточнению, Игорь был убит осенью 944 г. (см.: ПВЛ. Ч. II. С. 288, 295), следовательно, договор был заключен уже с правительством Ольги, после крутого поворота в политической ориентации.

[378] Разбор гипотез о походах русов на Каспий см.: Артамонов М.И. История хазар. С. 374—380. Критику предложенных гипотез см.: Гумилев Л.Н. Сказание о хазарской дани…

[379] См.: Артамонов М.И. Воевода Свенельд // Культура Древней Руси. М., 1966. С. 33; Фроянов И.Я. Киевская Русь. С. 189.

однако все кончилось благополучно.

Грандиозный поход оказался просто военной демонстрацией. Греки предложили приемлемые условия мира, который был заключен в конце 944 г.,[380] Игорь отвел свое разноплеменное войско домой. Но тут интересно другое — даты. Двигать войско от Киева до Дуная можно было только осенью, чтобы воины кормились на полях противника. Осенью же, с сентября[381] начиналось полюдье, и, как известно, Игорь отправился собирать дань с древлян. Значит, поход вел не он, а кто-то из его воевод, скорее всего Свенельд, отроки которого набрали в Болгарии много добычи. Воины Игоря решили наверстать упущенное путем грабежа древлян.[382] Трагический исход этой коллизии известен.

Союзником иудео-хазарской купеческой державы был Багдадский халифат. Именно за счет торговли с мировыми центрами рабовладения, Багдадом и Кордовой, богатели правители Итиля. Врагом Иудео-Хазарии была держава Буидов из Дейлема, уже захватившая Западный Иран. Войска ее стояли у стен Багдада и захватили его в следующем, 945 г.

Византия должна была бы радоваться унижению своего давнего соперника, если бы его роль предводителя мусульман в священной войне против греков не перехватила династия Хамданидов — эмиров Мосула, а титул халифа не присвоил себе эмир Испании Абдаррахман III. Корабли испанских пиратов бороздили все Средиземное море до Крита, на котором эти арабо-берберские разбойники устроили базу для своего флота. Поэтому грекам было трудно воевать на двух фронтах, и они поспешили заключить мир.

Иудео-хазарскому правительству было безразлично, какой мусульманский правитель носит титул халифа, так как оба они покупали меха, мед и рабов. Но, захватив к 944 г. огромную территорию — до Днепра и верховьев Волги, царь Иосиф не мог не опасаться своих воинственных подданных. Поэтому он отправлял дружины русов в походы, переложив заботы по сбору дани и охране торговых путей на князя Игоря. Уменьшение числа русов ослабляло киевского князя и делало его послушным вассалом, сборщиком дани с правобережных днепровских славян. Игорю для этого была необходима дружина, и пополнять ее пришлось славянами. Это придало ходу событий такой оборот, какого царь Иосиф предвидеть не мог.

Теперь попробуем подсчитать, во что обошелся Руси союз с царем Иосифом. В 913 г. на Каспии было 500 русских судов и на каждом 100 воинов: итого — 50 тыс. воинов, согласно сообщению Масуди.[383] Ни один не вернулся.

Эта цифра вызывает сомнение В.В. Мавродина.[384] По летописным данным, русская ладья вмещала всего 40 человек, так что русов было не более 20 тыс.,[385] столько же, сколько в 943 г. Однако если учесть грандиозные потери русов на Черном море всего два года назад, то ясно, что русы выставили в 913 г. больше войск, чем в 943 г. Поэтому свидетельство Масуди заслуживает предпочтения. По-видимому, русов было от 35 до 50 тыс.[386]

---

[380] ПВЛ. Ч. II. С. 289.

[381] Там же. С. 295.

[382] Сказала дружина Игорю: «Отроци Свеньлъжи изоделися суть оружьемъ и порты, а мы нази» (ПВЛ. Ч. I. С. 39).

[383] См.: Бартольд В.В. Сочинения. Т. II. Ч. I. М., 1963. С. 829.

[384] См.: Мавродин В.В. Очерки по истории феодальной Руси. Л., 1949. С. 47.

[385] См.: Артамонов М.И. История хазар. С. 371.

[386] См.: Рыбаков Б.А. Военное дело // История культуры Древней Руси. М.; Л., 1948. С. 400.

Но если так, то становится понятным многое: скепсис А.А. Шахматова по отношению к сообщению Нестора о втором походе Игоря на Византию, по дате совпадающем с Арранской катастрофой; ослабление киевлян и гибель Игоря в Древлянской земле, фактически освободившейся и захваченной при Ольге только путем предательства; появление в Киеве еврейского квартала. Последнее, как наиболее важное, требует доказательства.

Письмо испанского визиря Хасдаи ибн-Шафрута было доставлено хазарскому царю Иосифу около 954—961 гг.[387] таким путем: к «израильтянам, обитающим в земле тунгров» (венгров), оттуда на Русь, затем в Булгар[388] Из Булгара письмо дошло до адресата. Следовательно, евреи жили не только на Тисе и Каме, но и на Днепре. Это был «подарок» варяжских конунгов принявшим их киевлянам.

Итак, за три года союза с царем Иосифом русы потерпели два тяжелых поражения и потеряли много храбрых воинов. Но даже если бы они победили, то победа ничего бы им не дала, потому что закрепиться в Малой Азии или в Закавказье было невозможно, да и не нужно. Обе войны были проведены исключительно в интересах купеческой общины Итиля. Казалось, что славяно-русы должны разделить горькую участь тюрко-хазар.

50. Кто виноват?

Может показаться, что агрессия в интересах купеческой верхушки иудейской общины, произведенная руками хорезмийских наемников и воинственных русов, была плодом злой воли хазарских царей Вениамина, Аарона и Иосифа при попустительстве хазарских каганов, имена коих история не сохранила. Действительно, крови было пролито немало, погибли ни в чем не повинные обитатели побережий Черного и Каспийского морей, сложили головы за чужое дело русские богатыри, были обобраны и ежедневно оскорбляемы хазары, аланы потеряли свои христианские святыни, славяне платили дань по белке от дыма, лишь бы их не трогали печенеги, гузы не смыкали глаз, охраняя свои палатки от внезапного нападения. Это перманентное безобразие было тяжело для всех народов, кроме купеческой верхушки Итиля и обслуживавших ее наемников, но последние за приличное содержание платили своей кровью.

Но если мы попытаемся осудить за создавшуюся ситуацию иудейскую общину Хазарии, то немедленно встанет вопрос: а чего было ждать? Евреи попали в Хазарию вследствие гонений, которым они подвергались в Иране за близость к маздакитам, а в Византии за сотрудничество с арабами, вызванное торговым соперничеством с греками и армянами. Те и другие в торговых операциях были не менее искусны, чем евреи, а к тому же пользовались поддержкой своего правительства. Евреи, чтобы обойти конкурентов, воспользовались поддержкой чужого правительства — арабского, но халифы требовали от них помощи и в военных операциях, например сдачи христианских крепостей, что влекло продажу в рабство всех христиан, не убитых при захвате города, и осквернение христианских святынь. Естественно, что родственники и единоверцы погибших в восторге не были.

Точно так же поступали языческие союзники хазар с мусульманскими городами, за тем лишь исключением, что в жертву войне хазарские иудеи приносили дейлемских шиитов — горцев, не умевших торговать. Но в 945 г. вождь дейлемитов вступил в Багдад и стал править от имени халифа, имея титул «амир ал-умара» (эмир эмиров — главнокомандующий). Это означало, что хазарские иудеи войну за Каспий проиграли. Им оставалось ориентироваться на союзную Среднюю Азию и только что завоеванную Восточную Европу.

Иудейская община получала необходимую ей военную силу из Средней Азии и

---

[387] См.: Артамонов М.И. Указ. соч. С. 8.

[388] См.: Гумилевский Ф. Указ. соч. С. 94.

оплачивала ее данью из Восточной Европы. Но могла ли она поступать иначе? Ведь, выпустив из рук власть, она теряла и накопленные богатства, и контроль над транзитной торговлей, а следовательно, все средства к существованию. Горожане и купцы не могли вернуться к земледелию и скотоводству, потому что они не имели навыков, необходимых для этих занятий. Потеряв власть, они теряли богатство, а вслед за тем и жизнь. Поэтому им надо было держаться и побеждать.

Но победы и расширение державы не всегда ведут к процветанию и устойчивости. Покорение сильного этноса иной раз стоит дороже, чем доходы, которые можно получить. Это показали первыми камские болгары, освободившиеся от хазарской гегемонии. После болгар при неясных обстоятельствах добились независимости гузы и печенеги. Все они стали врагами иудео-хазар.

Победы Песаха позволили хазарскому царю перенести налоговый гнет на русское население Поднепровья, ибо варяжские конунги готовы были оплачивать свой покой данью, собираемой со славян, менее организованных и потому менее опасных. А из этого проистекли дальнейшие события.

Итак, если уж применять к историческому процессу человеческие этнические нормы, то винить в бедах Русской земли можно варягов, конечно, не за то, что они путем обмана захватили Киев, ибо обман на войне — это не предательство доверившегося, и не за то, что они обирали покоренные славянские племена, поскольку те не отстаивали свою свободу, предпочитая платить дань, а за то, что, возглавив племя полян, называемых тогда русью, эти конунги «блестяще проиграли» все войны: с греками, печенегами, дейлемитами и хазарскими евреями. Омерзительно, что они, перехватив у русов инициативу, довели страну до полного развала и превратили ее в вассала хазарских царей. Но еще хуже, что, выдав хазарским евреям мечи как дань, т. е., по существу, обезоружив свое войско, эти узурпаторы бросили своих богатырей на противников, вооруженных греческим огнем или легкими кривыми саблями. Это такая безответственность, такое пренебрежение к обязанностям правителя, что любые оправдания неуместны.

Однако малочисленные варяжские дружины не могли бы держаться в чужой стране без поддержки каких-то групп местного населения. Эти проваряжские «гостомыслы»,[389] пожалуй, виноваты больше всех других, так как они жертвовали своей родиной и жизнью своих соплеменников ради своих корыстных интересов. А сопротивление варягам было даже в Новгороде, хотя сведение о нем сохранилось только в поздней, Никоновской, летописи.[390] Однако оно заслуживает доверия. «Западнику» Нестору было бы незачем сочинять «норманнскую теорию» происхождения Руси и замалчивать древний, свободный, славный период истории Русского каганата, если бы не необходимость переубедить тех, кто скептически относился к рассказам о подвигах варяжских конунгов. А таких людей в Древней Руси было, видимо, немало.

Но, помимо эмоционального отношения к давно минувшим фактам, необходим их объективный анализ. Друзья варягов, хотели они того или нет, способствовали включению Русской земли в мировой рынок, который в то время находился под контролем иудейской Хазарии. Русь поставляла на мировой рынок меха, олово и рабов, но не получала взамен ничего, так как поставляла эти товары как дань.

Вот почему князь Игорь Старый, собирая дань в стране древлян, вынужден был

---

[389] В поздних летописях это слово персонифицируется в имя собственное — «старейшина Гостомысл» (см.: ПВЛ. Ч. II. С. 214), значение термина — «симпатизирующий иноземцам».

[390] «…Оскорбишася новогородци, глаголюще, яко быти нам рабом и многа зла всяческа пострадати от Рюрика и ради его… Того же лета уби Рюрик Вадима Храброго и иных многих изби новгородцев съветников его».

отпустить часть своей дружины, после чего был убит древлянами.[391] Дружину надо было оплачивать той же добытой данью, но из нее же надо было послать дань в Хазарию, чтобы полководец Песах не повторил поход. Игорь больше страшился хазар и решил собрать требуемую сумму с наименьшими затратами. Поэтому он стал экономить на «технике безопасности» и погубил не только себя, но и своих сторонников. Но жалеть его не стоит. Благодаря его оплошности Русь вернула себе свободу и славу.

А теперь сделаем вывод, который напрашивается сам.

Нелепо винить древние этносы за то, что они отстаивали свои жизненные интересы и либо победили и расправились с побежденными, либо погибли в борьбе. Но тех, кто взялся за дело и проиграл исключительно из-за лени и легкомыслия, чем поставил в тяжелое положение доверившегося, осуждать можно и нужно. Это понимали древние русы и славяне, сменившие не только правителей, но и врагов.

IX. Агония химеры (945—966)

51. Переворот в Киеве

До тех пор пока хазарское правительство подчиняло себе народы многочисленные, как черные болгары, культурные, как аланы, храбрые, как печенеги, и вольнолюбивые, как гузы, оно умело управлять ими. Всегда можно было подкупить вождя, или нанять на службу удальцов из народа, или обольстить влиятельных женщин, или завербовать предателей. Важно было то, что этнопсихологическую реакцию можно было рассчитать, так как творческие элементы в психологии были вытеснены традиционными, поддающимися изучению.

Но древние славяно-русы в X в. в отличие от перечисленных народностей были пассионарным этносом. Надлом, т. е. переход из акматической фазы в инерционную, связанный с варяжской узурпацией, унес много жертв и принес немало позора, но не полностью уничтожил пассионарный генофонд в стране.

В благодатном ландшафте, в устойчивом быте, не нарушенном ни техническими усовершенствованиями, ни европейскими методами воспитания, росли сироты, дети богатырей, погибших на Черном море от греческого огня и на Каспийском — от эпидемий. Они знали, кто послал их отцов на гибель, отобрав предварительно заветные мечи. Они видели, куда уходили шкуры белок и куниц и отчего мерзли их матери и сестры. Они слышали грозные окрики из Киева, где сидел князь, надежно защищенный от народа союзом с хазарским царем, войско которого было всегда наготове.

В этой обстановке росли… ровесники князя Святослава.

По аутентичному источнику — летописанию — князь Святослав родился в 942 г. Его официальный отец, Игорь, в 879 г. был «детескъ вельми», но даже в этом случае в 942 г. ему было более 60 лет, а его жене Ольге — 49—50. Святослав был их первенец, и он действительно был сын Ольги, а что касается Игоря Рюриковича, то это на совести автора аутентичного источника, так же как и возраст Ольги, которая вплоть до кончины в 969 г. вела себя куда более деятельно, чем это может старуха в 76 лет.[392]

---

[391] По сухому сообщению Нестора, «древляне убиша Игоря и дружину его». Лев Диакон сообщает, что Игорь, захваченный в плен, «был привязан к двум деревам и разорван на две части» (Лев Диакон. История в десяти книгах (далее: Лев Диакон) / Перевод М.М. Копыленко. Кн. IV. Гл. 10. СПб., 1820. С. 66). Год гибели Игоря спутан летописцем: вместо 945 г. надо 944 г. (см.: ПВЛ. Ч. II. С. 295).

[392] Нестор погрешил против истины. В 946 г. Мал сватается к Ольге, которой 54 года. Нелепость, но это не описание династического брака, а вставная дидактическая новелла. В 955 г. на приеме у Константина Багрянородного она была, согласно Нестору, столь «красива лицом», что базилевс влюбился… в старуху 62 лет? Одно из двух: неверен или возраст Ольги, или все остальное (см.: Гумилев Л.Н. Сказание о хазарской

Интересно, что Ольга с сыном жили не в Киеве, а в Вышгороде, где «кормильцем» Святослава, т. е. учителем, был некто Асмуд, а воеводой его отца — Свенельд.

Свенельд имел на прокорм своей дружины дань с древлян и уличей. Игорева дружина считала, что это для него слишком роскошно. Игорю приходилось платить дань хазарам и кормить свою дружину. В 941 и 943 гг. киевский князь откупается от хазарского царя, участвуя в его походах, но в 944 г. «Игорь, побуждаемый дружиной, идет походом на Деревскую землю (чтобы собрать себе дань, причитающуюся Свенельду и его дружине), но Свенельд не отказывается от данных ему прав — происходит столкновение Игоревой дружины со Свенельдовой и с древлянами — подданными Свенельда; в этом столкновении Игорь убит Мстиславом Лютом, сыном Свенельда».[393]

Версия А.А. Шахматова устраняет одну из нелепостей версии Нестора, согласно которой корыстолюбие Игоря было сопряжено с легкомыслием. В самом деле, как отпустить дружину, оставаясь в разграбленной стране?! Другое дело, если Игорь и его советники были уверены в бессилии древлян и пали жертвой заговора, организованного в Вышгороде. Но и тогда остается неясным, почему киевская дружина не отомстила Мстиславу Лютому за измену и гибель пусть не князя, но своих соратников? И как на это решились в Вышгороде, когда силы Киева превосходили их силу вдвое? И, наконец, почему заговор удался, а месть Мстиславу Лютому совершилась в 975 г., когда его убил Олег Святославич, точнее, его свита?

В обеих версиях чего-то не хватает: по нашему мнению, не учтено влияние хазарского царя Иосифа.

После похода Песаха киевский князь стал вассалом хазарского царя, а следовательно, был уверен в его поддержке. Поэтому он перестал считаться с договорами и условиями, которые он заключил со своими подданными, полагая, что они ценят свои жизни больше своего имущества. Это типично еврейская постановка вопроса, где не учитываются чужие эмоции. Свенельдичем и его дружиной овладела обида: они восприняли лишение их доли дани, без которой вполне можно было обойтись, как оскорбительное пренебрежение, на которое ответили убийством князя. Но так как Игорь и окружавшие его варяги после двух тяжелых поражений были на Руси непопулярны, то заговорщиков поддержали широкие массы древлян, благодаря чему переворот удался, ибо княжеская дружина оказалась в изоляции.

На этом не кончились неясности хронологии: возникли сомнения по поводу даты крещения Ольги и ее поездки в Константинополь. Б.А. Рыбаков отвергает версию «Повести временных лет»,[394] чем поддерживает мнение В.Н. Татищева, опиравшегося на утерянную Иоакимовскую летопись, и Г.Г. Литаврина, который, пересмотрев византийские источники, обосновал ранее отвергнутую дату — 957 г.[395] Е.Е. Голубинский, сверх того, полагает, что Ольга приехала в Царьград уже крещеной, со своим духовником Григорием, а крестилась еще в Киеве[396]

Для нашей проблемы эта дата была бы важна, так как в X в. смена религии означала поворот во внешней политике, т. е. в отношениях Руси с Хазарией, но, с другой стороны,

---

дани…).

[393] Шахматов А.А. Разыскания. С. 365.

[394] См.: Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. М., 1987. С. 385—391.

[395] См.: Литаврин Г.Г. О датировке посольства Ольги в Константинополь // История СССР. 1981. № 5. С. 180—183.

[396] См.: Голубинский Е.Е. История русской церкви. С. 77; цит. по: Рыбаков Б.А. Указ. соч. С. 385—391.

всеми авторами отмечено, что Ольга хранила свое крещение в глубокой тайне… до 955 г., после которого, по свидетельству Иакова Мниха, она угождала Богу добрыми делами.[397] В число последних входила война с Хазарией. Но до этого княгиня Ольга держала себя осторожно, лишь разрешая русским удальцам служить в византийских войсках за достойную плату. Но даже это стало возможно после переворота, когда наступило короткое междукняжие,[398] после которого князем стал малолетний Святослав, регентшей — его мать, псковитянка Ольга, а главой правительства — воевода Свенельд, отец Мстислава Лютого. Состав нового правительства говорит сам за себя. Отметим лишь, что старшее поколение носит скандинавские, а младшее — славянские имена. Короче говоря, вся фактическая власть сосредоточилась в руках либо славян, либо ославяненных россов.

Неясен и, вероятно, неразрешим только один вопрос: был ли Святослав сыном Игоря Старого? Летопись в этом не сомневается,[399] у нас нет уверенности в этом.[400] Но в плане этнологическом это не так уж важно. Ольга и Свенельд восстановили славяно-русскую традицию и вернули Русь на тот путь, по которому она двигалась до варяжской узурпации. И последствия оказались самыми благоприятными для Русской земли и весьма тяжелыми для еврейской общины в Хазарии.

Но я не решаюсь следовать А.А. Шахматову в отождествлении древлянского князя Мала и Люта Свенельдича. Не получается!

После убийства Игоря повторным покорением древлян руководил Свенельд: вряд ли он выступил против своего сына! Люта Свенельдича в 975 г. убил Олег Святославич, которому еще не было 15 лет.[401] Значит, это сделали его приближенные, но репрессию проводил опять-таки Свенельд, первый советник Ярополка. Последний корил Свенельда за гибель Олега, ибо ясно, что мальчик был неповинен в грехах старших дружинников. Больше Свенельд в летописи не упомянут.

Но главное, Владимир, сын Малуши и племянник Добрыни, опирался на варягов, с их помощью погубил Рогволода и Ярополка и взял Киев. Но тут ему пришлось столкнуться с сопротивлением горожан, которые не хотели ни платить варягам по 2 гривны с человека, ни видеть их у себя в городе Киеве. И Владимир был вынужден отправить варягов в Константинополь без оплаты за труды.

Главой правительства при Владимире был Добрыня. Считать то, что он возглавил поход против своего деда, т. е. Свенельда, местью убийцам своего отца (т. е. Люта) — нелепо, а по этическим нормам X в. — невозможно. Логичнее летописная версия, где дети древлянского князя Мала выступают против угнетателей — Свенельда и его сына, блокируясь с их врагами — варяжской партией. Но враги наших врагов не всегда наши друзья. Как только надобность в варягах миновала, от них избавились, славянский элемент восторжествовал и над норманнским, и над россомонским, сохранив от последнего только само название: «поляне, яже ныне рекомая Русь». Смена веры в 988 г. позволила покончить с северными заморскими традициями, и Русь вступила в инерционный период этногенеза, при

---

[397] Б.А. Рыбаков (Язычество древней Руси. С. 391) отмечает ненадежность летописных дат, но это свидетельство принимает.

[398] См.: Шахматов А.А. Указ. соч. С. 109.

[399] См.: Тексты Киевского свода 1039 г. и Новгородского свода 1050 г., восстановленные А.А. Шахматовым (Разыскания… С. 543, 613).

[400] Вымышленные генеалогии — слишком частое явление, чтобы придавать им большое значение. Например, подлинная фамилия русского царя Павла I — Готорп.

[401] Год рождения Святослава — 942; Олег — младший брат Ярополка. Значит, он мог родиться не ранее 961 г., а скорее всего позже.

котором условия для накопления культурных ценностей оптимальны.

52. Лицом к лицу

Русь, избавившись от варяжского руководства, восстанавливалась быстро, хотя и не без некоторых трудностей.

В 946 г. Свенельд усмирил древлян и возложил на них «дань тяжку», две трети которой шли в Киев, а остальное — в Вышгород, город, принадлежавший Ольге.[402]

В 947 г. Ольга отправилась на север и обложила данью погосты по Мете и Луге. Но левобережье Днепра осталось независимым от Киева.[403] и, по-видимому, в союзе с хазарским правительством[404]

Вряд ли хазарский царь Иосиф был доволен переходом власти в Киеве из рук варяжского конунга к русскому князю, но похода Песаха он не повторил. За истекшие пять лет внешнее положение еврейской общины Итиля осложнилось. Прекратилась не только торговля с Багдадом вследствие победы Буидов, но и китайская торговля потерпела урон. В 946 г. кидани взяли Кайфын, столицу Китая и узел караванной торговли, потом отдали его тюркам-шато, а те оказались во вражде и с киданями, и с китайцами.[405] Торговля от этих неурядиц пострадала сильно. А во Франции тоже шла ожесточенная война — между последними Каролингами и герцогами Иль-де-Франс. Как уже было сказано, Каролинги за деньги давали защиту французским евреям; поэтому их поражение и неминуемость падения Западной империи не сулили евреям ничего доброго.

Исходя из этих обстоятельств, хазарский царь Иосиф счел за благо воздержаться от похода на Русь, но отсрочка не пошла ему на пользу. Ольга отправилась в Константинополь и 9 сентября 957 г. приняла там крещение, что означало заключение тесного союза с Византией, естественным врагом иудейской Хазарии. Попытка перетянуть Ольгу в католичество, т. е. на сторону Германии, предпринятая епископом Адальбертом, по заданию императора Оттона I прибывшим в Киев в 961 г., успеха не имела.[406] С этого момента царь Иосиф потерял надежду на мир с Русью, и это было естественно. Война началась, видимо, сразу после крещения Ольги.

То, что война Хазарии с Русью шла в 50-х годах X в., определенно подтверждает письмо царя Иосифа к Хасдаи ибн-Шафруту, министру Абдаррахмана III — омейядского халифа Испании, написанное до 960 г.: «Я живу у входа в реку и не пускаю русов, прибывающих на кораблях, проникнуть к ним (мусульманам). Точно так же я не пускаю всех врагов их, приходящих сухим путем, проникать в их страну. Я веду с ними (врагами мусульман. — *Л.Г.*) упорную войну. Если бы я оставил их (в покое. — *Л.Г.*), они уничтожили бы всю страну исмаильтян до Багдада».[407]

Это, конечно, преувеличение. Буиды в Иране, Багдаде и Азербайджане держались крепко. По-видимому, Иосиф хотел расположить к себе халифа Испании, чтобы попытаться создать антивизантийский блок на Средиземном море, где как раз в это время греки при

---

402 ПВЛ. Ч. I. С. 43.

403 Это видно из того, что радимичей заново покорил воевода Владимира Волчий Хвост в 984 г.

404 См.: Шевченко Ю.Ю. Указ. соч. С. 51—54.

405 См.: Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. С. 78—75.

406 См.: Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1949. С. 458—459.

407 Коковцов П.К. Указ. соч. С. 83—84.

поддержке русов отвоевывали Крит, базу арабо-испанских пиратов. В 960 г. Никифор Фока одержал победу. Надежды царя Иосифа на помощь западных мусульман разбились вдребезги.

Тем не менее Византия не могла активно помочь обновленной Руси. Силы греков были скованы наступлением на Киликию и Сирию. В решающие 965—966 гг. Никифор Фока взял Мопсуестию, Таре, завоевал Кипр и дошел до стен «великого града божьего» — Антиохии.

Эти победы стоили дорого. В Константинополе в 965—969 гг. царил голод, так как цена хлеба поднялась в 8 раз. Популярность правительства падала.

Однако дружба с Византией обеспечила Руси союз с печенегами, важный при войне с Хазарией. Печенеги, придя на западную окраину Степи, оказались в очень сложном положении: между греками, болгарами и русскими. Чтобы не быть раздавленными, печенеги заключили союзные договоры с русскими и греками, обеспечивали безопасность торговли между Киевом и Херсонесом, снабжали русов саблями взамен тяжелых мечей. Этот союз продолжался до 968 г.,[408] т. е. до очередного русско-византийского конфликта. Но в решающий момент войны с Хазарией печенеги были на стороне киевского князя.

Сторонниками хазарского царя в это время были ясы (осетины) и касоги (черкесы), занимавшие в X в. степи Северного Кавказа. Однако преданность их иудейскому правительству была сомнительна, а усердие приближалось к нулю. Во время войны они вели себя очень вяло. Примерно так же держали себя вятичи — данники хазар, а болгары вообще отказали хазарам в помощи и дружили с гузами, врагами хазарского царя. Последний мог надеяться только на помощь среднеазиатских мусульман.

53. Искренность и выгода

Казалось бы, естественно, что на востоке союзником иудейской Хазарии было таджикское государство Саманидов, известное благодаря активной внешней торговле и блестящей культуре. Однако положение в этой державе было сложным. За 150 лет господства Аббасидов в Средней Азии и Иране потомки арабов, персов, согдийцев и части парфян сумели приспособиться к новым условиям и к X в. слились в монолитный таджикский этнос. Именно таджиков возглавила местная династия Саманидов, и созданная ими культура блистала как алмаз, по сравнению с которой все прочие — оправа.

Здесь, в кратком очерке, нет возможности описать эту богатую эпоху, но… кристаллы появляются при остывании магмы. За одно только столетие доблесть дехкан, вознесших трон Исмаила Самани, растаяла в очаровании садов, веселом шуме базаров и благолепии суннитских мечетей. Потомки воинов стали веселыми и образованными обывателями.

Вскоре Саманиды, чтобы сохранить свою державу, стали покупать тюркских рабов (гулямов) и составлять из них войско. Те, оставаясь де-юре рабами, могли делать карьеру (порой головокружительную — вплоть до наместников провинций), поскольку фактически гулямы были куда сильнее свободных дехкан и купцов. Ведь в их руках были сабли, и все они были профессиональными вояками. Таким любое ополчение не страшно.

И за границей были тюрки, ставшие мусульманами. В 960 г. приняли ислам карлуки, вслед за ними — воинственные чигили и храбрые ягма. Это снискало им симпатии могущественной суннитской церкви, опасавшейся вольномыслия Саманидов. Шииты казались мусульманскому духовенству большими врагами, чем иноплеменники. К 999 г. Саманиды были преданы буквально всеми: тюркскими наемниками, духовенством, горожанами Бухары, но и до этого помочь хазарским евреям они не могли.

В ином положении был одинокий оазис Хорезм, неподалеку от Аральского моря. Хорезм подобен зеленому острову среди желтой пустыни, и древнее население его — хорасмии, или хвалиссы, — избежало арабского погрома, преобразившего города Согдианы.

---

[408] ПВЛ. Ч. П. С. 312; История Византии. Т. II. С. 231—233.

Хоразмшах покорился арабам еще в 712 г., согласился на уплату дани и обязался оказывать военную помощь. Этим он спас свой народ, состарившийся и уставший.[409]

В X в. в Хорезмском оазисе было два государства: старожилами в Кяте правил хорезмшах; осевшими в Ургенче тюрками — эмир. Они объединились в 966 г., и тогда Хорезм стал тюркоязычным оседлым самостоятельным этническим образованием.

Необходимую для этого традицию сберегли потомки хорасмиев, а пассионарность привнесли тюрки, главным образом туркмены. За X в. благодаря исключительно благоприятным условиям симбиоз превратился в системную целостность — этнос в мусульманском суперэтносе.

Можно задуматься над тем, откуда взялась пассионарность у приаральских кочевников. Эти потомки сарматов должны были растратить ее одновременно с хорасмиями, согдийцами и парфянами. Да, так, но в VI—VII вв., в эпоху Западно-Тюркютского каганата, с берегов Орхона шел генетический дрейф, разносящий признак на окраины ареала популяции.[410] Попросту говоря, степные богатыри во время походов на запад награждали местных красавиц своей благосклонностью, а появлявшиеся потомки наследовали пассионарность отцов.

Современники характеризовали хорезмийцев так: «Они храбро воюют с гузами и недоступны для них» (Истахри); «они люди гостеприимные, любители поесть, храбрые и крепкие в бою» (Макдиси); «люди его (города Кята) — борцы за веру и воинственны», «население его (Ургенча) славится воинственностью и искусством метать стрелы» (Худуд ал-Алям); «каждой осенью с наступлением холодов царь Хорезма выступал в поход против гузов» (Бируни).[411]

А так как гузы в X в. стали врагами Хазарского царства, то у царя Иосифа были все основания надеяться на помощь Хорезма. Ведь экономическое благополучие Ургенча и Кята в первой половине X в. было основано на торговле с Хазарией, шедшей через Устюрт и Мангышлак, в обход кочевий гузов.[412] Будь царь Иосиф или другой еврей владыкой Ургенча, он поддержал бы хазарскую иудейскую общину, потому что это было выгодно не только ему, но и его стране. Но в Ургенче правил тюрк, который ради веры пошел на менее выгодный союз с освободившимся от Хазарии Булгаром. Гузы, воюя с хорезмийцами, купцов через свои земли пропускали, взимая пошлину. Эта торговля была менее выгодна Хорезму, зато совесть тюрка была чиста.

Понятие «выгода» у разных этносов и в разные эпохи различно. Для эмира Ургенча деньги значили много, но не все. Он не мог на них купить расположение мулл и улемов, энтузиазм своих конных стрелков, симпатии соседних кочевников и даже любовь своих жен. В Азии не все продается, а многое дается даром, ради искренней симпатии, которую эмир должен приобрести, если не хочет сменить трон на могилу. Поскольку общественное мнение хорезмийцев X в. формировалось в постоянной войне за ислам, то и правитель их должен был поступать в согласии с установленным стереотипом поведения. Он так и делал.

---

[409] Хорасмии — близкие родственники парфян; следовательно, начальная дата их этногенеза — VI—III вв. до н. э., но ему еще предшествовал инкубационный период, длительность коего определить пока трудно. Значит, к X в. н. э. хорасмии прошли все фазы этногенеза и находились в гомеостазе, что позволило им без сопротивления принять в свою среду пассионарных тюрок, стремившихся с ними ужиться. А это сделало возможной полную ассимиляцию на мирной основе.

[410] Н.И. Вавилов доказал, что рецессивные мутации постепенно оттесняются на окраины видовых и расовых ареалов (письма к акад. В.И. Вернадскому: цит. по: Чебоксарова И.А. Народы, расы, культуры. М., 1971. С. 147—148).

[411] Цит. по: Толстов С.П. Указ. соч. С. 244.

[412] См. там же. С. 242.

Макдиси сообщает: «Городами Хазарии иногда завладевает владетель Джурджании» — и в другом месте: «Слышал я, что ал-Мамун нашествовал на них (хазар) из Джурджании, победил их и обратил к исламу. Затем слышал я, что племя из Рума, которое зовется Рус, нашествовало на них и овладело их страною».[413] И Ибн-Мискавейх, и Ибн ал-Асир сообщают о нападении в 965 г. на кагана Хазарии какого-то тюркского народа. Хорезм дал помощь при условии обращения хазар в ислам, а потом «обратился и сам каган».[414] Сопоставим эти сведения с тем, что мы уже знаем.

В 943 г. хазарские иудеи и хорезмийцы, по свидетельству Масуди, были в союзе. В 965 г. Хазарская держава пала. Следовательно, колебания политики Хорезма имели место в промежутке между этими датами. Логично думать, что шансы царя Иосифа упали после поездки Ольги в Константинополь в 957 г. Значит, в эти годы (957—964) хорезмийцы под предлогом защиты хазар от гузов и русов обратили языческое население дельты Волги в ислам. Те пошли на это охотно, потому что не видели от своих правителей ничего доброго. Таким образом, Святославу была открыта дорога на Итиль, а подготовка к войне закончена.[415]

54. Пятый акт трагедии

964 год застал Святослава на Оке, в земле вятичей. Война русов с хазарскими иудеями уже была в полном разгаре, но вести наступление через Донские степи, контролируемые хазарской конницей, киевский князь не решился.[416] Сила русов X в. была в ладьях, а Волга широка. Без излишних столкновений с вятичами русы срубили и наладили ладьи, а весной 965 г. спустились по Оке и Волге к Итилю,[417] в тыл хазарским регулярным войскам, ожидавшим врага между Доном и Днепром.[418]

Поход был продуман безукоризненно. Русы, выбирая удобный момент, выходили на берег, пополняли запасы пищи, не брезгуя грабежами, возвращались на свои ладьи и плыли по Волге, не опасаясь внезапного нападения болгар, буртасов и хазар. Как было дальше, можно только догадываться.

При впадении в р. Сарысу Волга образует два протока: западный — собственно Волга и восточный — Ахтуба. Между ними лежит зеленый остров, на котором стоял Итиль, сердце иудейской Хазарии.[419] Правый берег Волги — суглинистая равнина; возможно, туда подошли печенеги. Левый берег Ахтубы — песчаные барханы, где хозяевами были гузы.

---

[413] Цит. по: Толстов С.П. Указ. соч. С. 252—253.

[414] См. там же.

[415] С.П. Толстов вопреки Макдиси полагает, что завоевание Хазарии русами предшествовало вступлению в Хазарию хорезмийцев; он пытается сопоставить вторжение русов с походом Владимира на Булгар в 985 г. (см.: Толстов С.П. Указ. соч. С. 255). Для такого мнения оснований нет.

[416] Это ответ на сомнения А.А. Шахматова (см.: Шахматов А.А. Указ. соч. С. 118—119).

[417] См.: Артамонов М.И. История хазар. С. 426—429.

[418] С.П. Толстов (указ. соч. С. 256) полагает, что русы встретились с гузами около Верхнедонского волока (т. е. выше Итиля) и двинулись вверх по Волге. Однако течение на Волге настолько сильное, что подняться против течения можно было только при помощи бурлаков. В военных условиях это слишком опасно. Поэтому надо считать, что русы спускались по Оке и Волге самосплавом, при котором воины не устают и могут быть готовы к бою с противником.

[419] См.: Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. С. 26.

Если часть русских ладей спустилась по Волге и Ахтубе ниже Итиля, то столица Хазарии превратилась в ловушку для обороняющихся без надежды на спасение.

Продвижение русов вниз по Волге шло самосплавом и поэтому настолько медленно, что местные жители (хазары) имели время убежать в непроходимые заросли дельты, где русы не смогли бы их найти, даже если бы вздумали искать. Но потомки иудеев и тюрок проявили древнюю храбрость. Сопротивление русам возглавил не царь Иосиф, а безымянный каган. Летописец лаконичен: «И бывши брани, одоле Святославъ козаромъ и градъ ихъ... взя».[420] Вряд ли кто из побежденных остался в живых. А куда убежали еврейский царь и его приближенные-соплеменники — неизвестно.

Эта победа решила судьбу войны и судьбу Хазарии. Центр сложной системы исчез, и система распалась. Многочисленные хазары не стали подставлять головы под русские мечи. Это им было совсем не нужно. Они знали, что русам нечего делать в дельте Волги, а то, что русы избавили их от гнетущей власти, им было только приятно. Поэтому дальнейший поход Святослава — по наезженной дороге ежегодных перекочевок тюрко-хазарского хана, через «черные земли» к Среднему Тереку, т. е. к Семендеру, затем через кубанские степи к Дону и, после взятия Саркела, в Киев — прошел беспрепятственно.

Предположение о перемещении русской рати с Волги на Терек, или, что то же, от Итиля к Семендеру, морем,[421] абсолютно невероятно. Речные ладьи должны были сначала застрять на перекатах в дельте; затем они не годились для плавания по бурному Каспийскому морю, и, наконец, подняться водой по Тереку до того места, где сейчас находится станица Гребенская[422] невозможно. Ведь прежние походы русов на Гилян и в Азербайджан совершились благодаря поддержке иудео-хазарского правительства, снабжавшего флот лоцманами и пригодными кораблями. В 965—966 гг. не было ни того, ни другого.

Поэтому следует предпочесть традиционную версию маршрута русской рати, подыскав реальное объяснение того, что разрушения, ею причиненные, были невелики: погибали здания и сады, но не люди.

Русские ратники, изголодавшиеся за долгий переход по полупустыне, разграбили роскошные сады и виноградники вокруг Семендера, но обитатели этих незащищенных поселений могли легко укрыться в густом лесу на берегу Терека. Жители Саркела, вероятно, разбежались заблаговременно, ибо сражаться стало не за что и не для чего. Гибель иудейской общины Итиля дала свободу хазарам и всем окрестным народам.

На западном берегу Каспия усилился эмир Дербента, а на восточном — эмир Хорезма, но и они не смогли удерживать в покорности степные народы, узнавшие вкус независимости. Для всей Великой степи наступил период этнической раздробленности, продолжавшийся 250 лет. За это время сложилась оригинальная средневековая вариация степной культуры, так как кочевникам никто не мешал жить.

Хазарский каганат исчез не только как государство, но и как важный элемент системы международных связей: политических, экономических, религиозных и даже этнических. Все партии, опиравшиеся на поддержку агрессивного иудаизма, утратили опору, крайне для них ценную. В результате во Франции потеряла позиции династия Каролингов, принужденная уступить гегемонию национальным князьям и феодалам; в Китае отдельные солдатские и

---

[420] ПВЛ. Ч. I. С. 47. Там сказано: «И градъ их и Белу Вежю взя». Значит, «градъ» не Белая Вежа (см.: Артамонов М.И. Указ. соч. С. 427. Примеч. 9).

[421] См.: Артамонов М.И. Указ. соч. С. 427; Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 93.

[422] Местоположение Семендера между совр. станицами Гребенской и Шелковской доказано (см.: Гумилев Л.Н. Хазария и Терек // Вестн. ЛГУ. 1964. № 24. С. 78—88; он же. Открытие Хазарии. С. 166—169; он же. Где же тогда Семендер? // История СССР. 1969. № 3. С. 242—243), но не было замечено В.Т. Пашуто.

антикочевнические мятежи переросли в агрессивность и национальную исключительность новорожденной династии Сун; халиф в Багдаде ослабел и потерял контроль даже над Египтом, не говоря о «прочей Африке» и Аравии; дезорганизация разъедала Саманидский эмират. Короче говоря, союзникам погибшей Хазарии стало плохо.

Как ни странно, не выиграли и те, кто попытался овладеть страной, лишенной защиты. Хорезмийцы продержались на Волге лишь с 977 по 985 г., не смогли установить искреннего союза с болгарами и ушли, оставив Поволжье языческим гузам. Последние еще в XII в. составляли большую часть населения города Саксин,[423] расположенного в дельте Волги, на протоке Табола.[424]

Хазарские евреи, уцелевшие в 965 г., рассеялись по окраинам своей бывшей державы. Некоторые из них осели в Дагестане (городские евреи), другие — в Крыму (караимы). Потеряв связь с ведущей общиной, эти маленькие этносы превратились в реликты, уживавшиеся с многочисленными соседями. Распад иудео-хазарской химеры принес им, как и хазарам, покой. Но помимо них остались евреи, не потерявшие воли к борьбе и победе и нашедшие приют в Западной Европе.

55. Распад химеры

Итак, пути хазар и иудеев разошлись навсегда. Потомки древних хазар в долине Дона приняли наименование «бродники». Потомки бродников впоследствии сменили этноним: они стали называться казаками. Тесные связи с Черниговским княжеством, русский язык, ставший обиходным, и православие, принятое еще в IX в., позволили им войти в русский этнос в качестве одного из его субэтносов.

Хазарам не за что было любить иудеев и насажденную ими государственность. Экономическое процветание Итиля не дало им никаких благ, а культура господствовавшего этноса была хазарам чужда и, более того, противоестественна для них.

Иранская ветвь иудеев принесла хазарам принципы маздакизма, согласно которым злом была объявлена вся неразумная, т. е. стихийная, природа, включая эмоции самого человека. Добром был объявлен разум, хотя именно разуму свойственны заблуждения. Византийская ветвь иудеев принесла навыки экстерриториальности, т. е. отсутствия прямых контактов с природными ландшафтами. И обе они проявили нетерпимость к своему этническому окружению, с которым считались лишь постольку, поскольку это было практически необходимо. И тогда против них поднялись и люди, и природа.

Судьбу господствовавшего класса Хазарии, читай — господствовавшего этноса, разделили аборигены страны, за исключением тех, кто успел выселиться за Дон или укрыться на «гребне» — горном хребте Дагестана, за Тереком. Волжские хазары оказались в наихудшем положении, так как кормивший их ландшафт опустился под волны Каспийского моря. Если в III в. уровень Каспия стоял на отметке –36 м, то в конце XIII в. он достиг –19 м, т. е. поднялся на 17 м. Для крутых берегов Кавказа и Ирана это большого значения не имело, но для пологого северного берега, где помещалась Хазария, эта трансгрессия стала катастрофой. «Нидерланды» превратились в «Атлантиду». Цветущие сады, пастбища — все было залито водой, из которой торчали только сухие вершины бэровских бугров, где ранее находились хазарские кладбища.

Хазарам пришлось покинуть затопленную страну, а без привычного, родного ландшафта обычный этнос рассыпается розно. Так и рассыпались хазары в великом городе Сарае, «столице» всей Западной Евразии.

---

[423] См.: Большаков О.Г., Монгайт А.А. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153). М., 1971. С. 27—30.

[424] См.: Гумилев Л.Н. Сказание о хазарской дани… С. 171.

Однако не только этническую целостность потеряли хазары, но даже и то, что кажется неотъемлемым, — память, или, говоря строго научно, этническую традицию. Потомки хазар забыли о том, что они были хазарами, а потомки хазарских евреев забыли о той стране, где жили и действовали их предки. Последнее понятно: для иудеев низовья Волги были не родиной, а «стадионом» для пробы сил; поэтому вспоминать о трагической неудаче для них не имело практического смысла.

Вот по этим-то причинам Хазария стала страной без исторических источников: письменных, вещественных и этнографических, т. е. зафиксированных в обрядах и верованиях. А поскольку до XX в. любая история основывалась на сборе и критике источников, то история Хазарии на основе традиционной методики и не могла быть написана.

56. Почему не возникла химера на Руси?

Казалось бы, на Руси в IX—X вв. были все условия для возникновения такой же этнической химеры, какая сложилась в Хазарии. Чужеземцы-варяги господствовали в Киевской земле свыше 60 лет — с 882 по 944 г., — да и после этого оставались там, пользуясь привилегиями военной касты. Наличие большого числа бастардов, появившихся в эту эпоху, не подлежит сомнению, хотя и не отмечено летописцем. Но известно, что каждый хронист описывает не то, что повседневно и известно его читателям, а то, что кажется ему достойным упоминания, ибо повествование — не статистический отчет. Поэтому отсутствие прямых указаний нарративного источника на метисацию не должно смущать исследователя. Смущает другое: куда девались потомки варягов и славянок, да еще бесследно, как будто их и не было? Ведь в Северной Англии и Нормандии потомки норвежцев живут до сих пор. Но, с другой стороны, в Ирландии и Сицилии их так же не видно, как и в Поднепровье. Есть ли здесь какая-то закономерность?

Поскольку источники не дают ответа на вопрос, обратимся к теории и методике широких аналогий. Сравним положение, сложившееся на Руси, с тем, которое дважды возникало в Хазарии: в VII и в IX вв.

В VI—VII вв. хазарки сочетались с тюркскими богатырями, а те приняли к себе царевича из рода Ашина. Это была этническая «ксения», которая порождает «социальный организм», т. е. усложненную политическую целостность. Тюрко-хазарские метисы заняли место военных вождей и жертвовали жизнью для новой родины, ибо старая уже была растерзана китайцами. Иными словами, они включились в этногенез хазар как компонент, а не как инородное тело.

Поэтому сохранение ханской фамилией навыков кочевой жизни не имело значения для социальных взаимоотношений внутри сложившегося этноса. Ну, коль скоро хан желает летом ехать с Волги на Терек и Дон, так и пусть катается! Это ничему не мешает.

Другое дело был режим Обадии и его потомков, сделавших свою общину господствующим классом в Хазарии. Работали они на себя, а не на своих подданных. Ассимиляции не возникало, так как ни хазар не принимали в общину, ни евреев не допускали снижаться до уровня массы. Два этноса, принадлежащие к разным суперэтносам, жили в одном ареале, как бы пронизывая друг друга. Вот это и есть химера.

Варяги в Киеве не похожи ни на тюркютов, ни на иудеев. С одной стороны, это захватчики, обиравшие население на «полюдьях», хищники, преследовавшие свои цели, ради которых они бросали своих подданных в бессмысленные походы на Каспий и Понт. И принадлежали они к другому суперэтносу, исповедовали иную религию и имели особую культуру. Как будто все говорит об аналогии их с иудеями Хазарии.

Но, с другой стороны, профессиональные варяги были полиэтничны. Их отряды состояли не только из скандинавов, но и из прибалтов: полабских славян, латышей, финнов. При этом скандинавы были не представителями своих этносов, а «свободными атомами» — людьми, выброшенными с родины взрывом пассионарности. Это значит, что со старыми

традициями они порвали, а новые, создаваемые их детьми, наследовались у матерей. Следовательно, если не дети, то внуки варягов становились славяно-россами, подобно тюркютским отпрыскам в Хазарии. И этому весьма способствовало то, что сами варяги-отцы либо гибли в неудачных походах, либо меняли Киев на Константинополь, оставляя своим потомкам только генетическое наследство — пассионарность фазы подъема. Это было отнюдь не мало.

Вот если бы в Киев IX в. пришли не «варяги», а члены этносов: шведского, норвежского, датского, немецкого, как было в Померании и Бранденбурге в XII в., то аналогия их с хазарскими иудеями была бы правомочной. Евреи-рахдониты представляли суперэтнос, искусственно законсервированный на высокой фазе пассионарности. Рассеяние им не мешало, ибо их кормил антропогенный ландшафт — города. Благодаря «искусственности», т. е. повышению жесткости системы, не допускался пассионарный перегрев, но зато сама система становилась хрупкой. Потому она и сломалась от первого сильного удара в 965 г. А скандинавские этносы достигли фазы пассионарности, позволявшей им принять участие в создании суперэтноса только в XII в. Но тогда они были уже неопасны для Великого княжества Киевского.

Итак, варяги не создали в Киеве химеру не вследствие своих «благородных качеств», которых у них не было, а потому, что не смогли, как не смогли укрепиться в Ирландии. Только в выжженной Нормандии и обескровленном Нортумберленде колонии норманнов, викингов, но не варягов поселились на пустошах или руинах и выжили, имея с аборигенами минимальные конфликты. Зато они перестали быть норвежцами, а стали субэтносами французов и англичан.

На Руси в IX в. шел надлом, переход от акматической к инерционной фазе. В это тяжелое время варяги и проникли на Русь, как бактерии в открытую рану. Но «белые кровяные шарики» — местные пассионарии — ликвидировали инфекцию, следом которой осталось только название династии князей-воинов — Рюриковичи. Это были метисы, инкорпорированные славяно-росским этносом. Концом этого процесса этнического выздоровления следует считать не политический переворот Ольги, а культурный сдвиг — возвращение к старой готско-россомонской традиции контакта с Византией — крещение Руси Владимиром Святославичем. Но был еще один феномен, не менее существенный, чем описанный выше.

Подъем пассионарности, охвативший в IX в. Западную Европу, повел к созданию там могучего и хищного суперэтноса, встреча с коим была неизбежна. Она могла быть дружественной или враждебной, но в любом случае влекла за собой необратимые последствия. Об этом и пойдет речь в следующих главах.

Часть третья
География ноосферы X—XII веков

X. Эпоха нерешенности (966—985)

57. Заря славянского западничества

Славянская этническая целостность, образовавшаяся в эпоху Великого переселения народов, до IX в. развивалась почти беспрепятственно. Германцы ушли на запад, Византия горела внутренним огнем борьбы различных исповеданий, Арабский халифат был далеко. Досаждали только авары, но их успехи были парализованы славянами державы Само. Большой урон принесли западным славянам венгры, но они, как и авары, стали барьером, отделявшим славянские земли от Западной Европы.

До середины X в. Западная Европа не представляла опасности для восточных соседей,

но, объединенная саксонской династией, Германия сделалась мощной и растущей державой. Немецкая агрессия была не только военной, монахи-миссионеры были не менее активны, чем рыцари, а объектом притязаний тех и других оказалась Восточная Европа. Славянские язычники на Эльбе и в Поморье оказывали немцам энергичное сопротивление, часто переходя в контрнаступление, но их восточные соседи на Висле поддались обаянию западной культуры и после 965 г. обратились в католичество. А это означало вассальную зависимость от императора «Священной Римской империи германской нации».[425] Так началось славянское западничество.

Ни славянская, ни скандинавская мифологии, несмотря на всю поэтичность, не могли устоять перед силой и убежденностью католических миссионеров. В IX в. произошла христианизация Дании и Южной Швеции, затем в X в. в Скандинавии произошла языческая реакция, и наконец в начале XI в. при Кнуде Великом католичество восторжествовало в Норвегии. Тогда оформился средневековый «христианский мир» — суперэтнос, находившийся в фазе подъема.

Именно потому, что христианство побеждало в Скандинавии так медленно и мучительно, Швеция и Норвегия стали рассадниками воинствующего язычества, неуклонно выживаемого со своей родины. Варяги стремились наверстать на чужбине потерянное дома.

Соперником Запада в борьбе за души славян была Византия, находившаяся в инерционной фазе этногенеза. Богатая образованная Византия пленила воображение венгерских вождей, принимавших крещение в Константинополе, и русской княгини Ольги. Эта крестница Константина Багрянородного решила сравнить западное и восточное исповедания. Для этой цели она в 959 г. обратилась к королю Германии Оттону I с просьбой прислать епископа и священников. Немцы были польщены: ведь их пригласила сама королева ругов (Helena regina rugorum). В 961 г. в Киев прибыл епископ Адальберт со свитой, а уже в 962 г. уехал назад, «не успев ни в чем. На обратном пути некоторые из его спутников были убиты, сам же он с трудом спасся».[426] Чем же досадил Адальберт древним русам? А ведь досадил он настолько, что русы бросились в православие, лишь бы не принимать католичество. Почему-то на Руси возник протест против западничества. В этом мы попытаемся разобраться.

Так как сведения о X в. скудны, то нет возможности дать исчерпывающий историко-культурный синхронический срез по 961 году. Но если мы возьмем имеющиеся сведения в сумме, то получим искомый ответ.

В IX в. каролингские императоры получали средства для своей жесткой политики от иудеев-рахдонитов, покупавших у них покровительство. В 828 г. Людовик Благочестивый дал еврейским купцам охранную грамоту, защитившую их корабли от его собственных чиновников.[427] А перевозили эти корабли славянских невольников, часто христиан. Тщетно Агобард, епископ лионский, жаловался, что евреи продают в Испанию (мусульманам) христианских рабов, причем правители не чинят им препятствий.[428] Более того, запрещалось крестить рабов, находившихся у евреев, чтобы помешать их освобождению при помощи влиятельных церковников. Это понятно: евреи платили 1/10 прибыли в пользу

---

425 Официальное название империи, основанной Карлом Великим в 800 г., — Sancta Imperia Romana Hermanorum.

426 Цит. по: Приселков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913. С. 12—13.

427 См.: Шиппер И. Возникновение капитализма у евреев Западной Европы (до конца XII века). СПб., 1910. С. 22.

428 Agobardus. De insolentia Judaeorum (цит. по: ШипперИ. Указ. соч. С. 22).

двора, а христиане — 1/11. Чего было немцам болеть за славян!

В державе франков с победой христианства рабство исчезло и слово «servus» стало означать крепостного, который мог быть продан только со своим земельным участком. Зато славянские земли в IX—X вв. стали для евреев источником рабов, подобно Африке XVII—XIX вв. Каролингское правительство по мере ослабления своих сил в борьбе с феодалами расширяло права евреев. В баварско-славянской таможне в Пассау в 906 г. еврейские работорговцы были уравнены в правах с христианскими купцами. Славянские юноши и девушки отправлялись отсюда через Верден, Лион и Нарбонну в Испанию к арабам, на пополнение гаремов и обслуги.[429] Многие из этих несчастных были уже крещены, но епископы могли только выкупать их, и, например, епископ св. Адальберт жаловался, что не имеет столько денег, чтобы выкупить рабов хотя бы только у одного еврейского купца.[430]

Ту же экономическую политику проводил Оттон,[431] вследствие чего те славянские страны, в которых торжествовало католичество, немедленно входили в общую западноевропейскую экономическую систему. Не успел еще польский король Мешко (960—992) утвердить в своем королевстве латинскую веру, как евреи уже завели там торговлю солью, пшеницей, мехами и венгерским вином.[432] Простодушные поляки гостеприимно встречали иноземцев, ибо кошмар хазарской системы их не коснулся и они не представляли последствий своего радушия. Но киевляне, успевшие понять что к чему, категорически отказались повторять хазарский эксперимент. Поэтому их внимание повернулось к Константинополю.

Греки умели торговать не хуже евреев, но торговали иначе. Славянские юноши были им нужны не как рабы, а как воины, которых было удобнее нанимать, нежели покупать. А посредничество еврейских купцов в X в. им было вовсе не нужно, потому что с Востоком Византия граничила непосредственно. Западной окраиной Византии в X в. была Венеция. Под нажимом Константинопольского синклита в 992 г. венецианским купцам, получившим ряд торговых привилегий, было запрещено не только брать на свои корабли евреев, но даже ввозить еврейские товары и декларировать их как собственные.[433] Это был финал вековой борьбы греков с евреями за экономическое преобладание на Средиземном море. Евреям остались только Западная Европа и Фатимидский Египет, потому что торжество берберов и туарегов в Африке и Испании и турок-сельджуков в Передней Азии отрицательно отозвалось на европейской торговле. Воинственные степняки не нуждались в роскоши и не уважали финансовые операции, которые просто не понимали. Точно так же вели себя восточные славяне, знавшие, что политические щупальца Византии до них не дотянутся. Зато обаятельна и доступна была ее культура.

Но не Запад, а Север был наиболее мощным противником византийского православия. Не славяно-россы, а норманны возглавляли борьбу против нового мировоззрения и сплачивали вокруг себя противников Ольги. Во главе этих принципиальных язычников стоял наследник престола и победитель хазар Святослав. Что оставалось делать Ольге?

Самое простое — уйти в частную жизнь, передав сыну полноту власти.[434] Но почему-

---

[429] См.: Шиппер И. Указ. соч. С. 26.

[430] См. там же.

[431] Архив Маркса и Энгельса. Т. V. С. 65.

[432] См.: Шиппер И. Указ. соч. С. 26.

[433] Там же. С. 27.

[434] М.Д. Приселков (указ. соч. С. 14) считает, что так и было. Детальный анализ событий показывает, что было наоборот.

то случилось обратное: сын ходил на врагов в далекие страны, а мать возглавляла правительство и воспитывала внуков, которые почти не видели своего отца.

Вот это-то и примечательно. Князь и языческая дружина все время находятся в походах, языческий народ платит дань, а христианская община Киева вершит дела страны. И поскольку политические силы равны, те и другие уживаются друг с другом. Вот на таком грозном фоне развернулись события, в которых решающую роль сыграл крошечный народ — печенеги, появившийся в причерноморских степях только в 889 г., т. е. тогда, когда очередная засуха, связанная с переносом циклонов на север, превратила степи вокруг Арала и низовий Сырдарьи в пустыню.[435]

На запад переселились не все печенеги, а только наиболее пассионарная часть их. Прочие остались на берегах озера Челкар и занимались овцеводством. Это были «бедные печенеги»,[436] которых хазарские властители ловили, обращали в рабство и продавали в страны ислама. Зато те, которые ушли на запад, к Днепру и Дунаю, сумели поставить себя так, что внушили соседям уважение.

58. Раздел Хазарии

Грандиозная победа Святослава спасла Киев и Русскую землю, но положение победителей было отнюдь не спокойным. Все Днепровское левобережье было враждебно киевскому правительству. Северская земля начиная с VIII в. была связана с Хазарией. В 965 г. Святослав шел на Итиль в обход Северской земли, через страну тоже недружелюбных, но менее опасных вятичей. Со времени поворота политики Ольги к ориентации на Византию название Чернигова исчезает со страниц русских летописей, что указывает на утрату его Киевским каганатом. Несколькими годами позже северяне пропустили левобережных печенегов под Киев.[437] Короче говоря, богатая и воинственная Северская земля была независима от Киева.

Отпали радимичи, удержали независимость вятичи, был активно враждебен князь Рогволод в Полоцке.[438] Верность Киеву блюли только Новгород, Смоленск,[439] древлянские земли и покоренные тиверцы и уличи; но земли этих последних по Бугу и Днестру перемежались кочевьями правобережных печенегов, заселивших водораздельные степи.

На западе границы были менее определенны, но только в конце X — начале XI в. киевские князья вышли на линию Западного Буга.[440]

Территория бывших полян отошла к ляхам и стала ядром складывающейся Польши. Воссоединению ляхов с русами как двух ветвей восточного славянства воспрепятствовала политическая коллизия середины X в.

Удар Святослава по иудейской общине Хазарии был жестоким, но не окончательным. Возвращаясь с Нижней Волги через Саркел, он миновал Кубань и Крым, где остались хазарские крепости, контролировавшие торговлю с Византией, за счет которой поступали

---

[435] См.: Гумилев Л.Н. Истоки ритма кочевой культуры Средней Азии. С. 85—94.

[436] Разбор сведений о печенегах см.: Артамонов М.И. История хазар. С. 350—352.

[437] См.: Шевченко Ю.Ю. Указ. соч. С. 51.

[438] См.: Алексеев Л.В. Полоцкая земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. С. 218.

[439] См.: Седов В.В. Смоленская земля // Там же. С. 249.

[440] См.: Толочко П.П. Киевская земля // Там же. С. 10.

доходы для содержания небольшого государства, центром коего была в 966—986 гг. Тьмутаракань.

Согласно информации, достигшей арабских авторов, война на Северном Кавказе продолжалась еще в 968—969 гг. Ибн-Хаукаль видел в Гургане беженцев из Хазарии, поведавших ему о разрушениях в Итиле и Семендере, после чего русы ушли «в Рум и Андалус».[441] Ушедшие в Рум, т. е. Византию, видимо, присоединились к войску Святослава в Болгарии и Фракии, а зачем другая группа русов уехала в Испанию?

Рискну предположить, что какая-то часть русов была недовольна киевским правительством и эмигрировала по известному им пути в Испанию. Еще в 844 г. русы высадили десант в Андалузии и разграбили окрестности Севильи, оставив у арабов дурную память. Поэтому в июне 971 г. Ибн-ал-Идари написал: «Зашевелились проклятые ал-Маджус ал-Урдмани и устремились к западным берегам ал-Андалус».[442] Русы на сей раз не рискнули повторять набег и высадились в Галисии в 968 г., где разграбили Сантьяго, убили епископа и только в 971 г. были прогнаны графом Гонзало Санчесом.[443] С тех пор о них не было слышно. Русь потеряла много храбрых воинов, но не ослабела, а укрепилась, потому что потенциальные мятежники любому войску вредны.

Киевская держава стала менее мозаична, хотя до монолитности было далеко. Однако в 967 г.[444] небольшая рать Святослава, усиленная конницей из венгров и печенегов, побеждает болгар, а другие войска, будто бы вызванные из Болгарии, завершают завоевание Северного Кавказа.

Возникает вопрос: кто же побеждал противников Руси на Нижней Волге и на Тереке, если Святослав воевал на Дунае? — Те самые тюркские степняки, которые были в 967—968 гг. друзьями Руси. Ибн-Хаукаль пишет, что в войне русов с хазарами печенеги были «острие» и союзники русов.[445] А так как от Константина Багрянородного известно, что Византия использовала печенегов против всех своих соперников, то, видимо, их руками была завершена «война за хазарское наследство». И это логично, потому что печенеги поживились добычей, а греки избавились от соперничества иудеев. Поэтому нет никакой необходимости предполагать наличие двух походов славяно-россов на Хазарию[446] и повторное уничтожение виноградников Семендера.

Конечно, далеко не все подробности этой войны описаны достаточно исчерпывающе.

Тем не менее ясно, что иудейская власть в Хазарии была уничтожена, что хазары-язычники приняли ислам и что русы не сделали никаких территориальных приобретений ни в Поволжье, ни на берегах Каспийского моря. На западном берегу Каспия усилился эмир

---

[441] См.: Пашуто В.Т. Указ. соч. С. 95.

[442] Там же. С. 140.

[443] См.: Мюллер А. История ислама. Т. IV. СПб., 1896. С. 109; Вебер Г. Всеобщая история. Т. IV. М., 1893. С. 500.

[444] Летопись под 6475 (967) г. (см.: Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества. М., 1982. С. 378; критика текста и интерпретация даты: С. 380).

[445] См.: Минорский В.Ф. Куда ездили древние русы? // Восточные источники по истории народов Восточной Европы / Под ред. А.С. Тверетиновой. М., 1964. С. 26.

[446] См.: Мошин В. Русь и Хазария при Святославе // Seminarium Kondakowianum. Т. IV. Praha. P. 193—195; Пашуто В.Т. Указ. соч. С. 95 (параграф написан А.П. Новосельцевым); Калинина Т.М. Сведения Ибн-Хаукаля о походах Руси времени Святослава // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1975. М., 1976. С. 92—98. Критику изложенной точки зрения см.: Сахаров А.Н. Дипломатия Святослава. С. 45—48.

Дербента, а на восточном, вплоть до устья Волги, — эмир Хорезма. Иудаизм на Волге исчез без следа, уступив место исламу.

59. Демоны или боги

Синхронность этногенезов Ближнего Востока и Восточной Европы в I—IV вв., очевидно, стала причиной некоторого параллелизма в явлениях духовной жизни новорожденных этносов. В восточной части Римской империи в III в. соперничали две религии: христианство и митраизм, обе равно далекие от первоначального эллинского культа богов Олимпа. Митраизм потерял позиции ведущего мировоззрения только с гибелью Юлиана Отступника. Победу одержало арианское исповедание христианства. Это и будет отправной точкой дальнейшего повествования.

История Восточной Европы известна значительно хуже, но аналогичная ситуация наблюдается и там. Готы, воевавшие весь III в. с иллирийскими императорами-митраистами, приняли в 360 г. арианское исповедание христианства, господствовавшее тогда в Римской империи. Видимо, арианство бытовало в Восточной Европе до X в., потому что в тексте Начальной летописи Символ веры содержит арианский догмат подобосущия, а не единосущия. Пусть даже это реликт, но наличие его говорит о том, что с IV в. в Поднепровье жили христиане.

Никейское исповедание было распространено среди прибрежных готов (тетракситов), алан, горцев Дагестана и западных хазар. К X в. христианство было для народов Западной Евразии не новшеством, а одной из привычных форм мировоззрения. Но среди славян, обитавших рядом с фрако-иллирийцами, наблюдается мировоззрение, столь же далекое от эллинского или скандинавского политеизма, как и от христианства, — один из вариантов древнего митраизма.

Не имея нужды вдаваться в подробности языческого культа славян, что увело бы нас в сторону от темы, отметим, что славяне имели две категории божеств. Одни божества олицетворяли природу, вторые — души предков. Первые были благостны, вторые — ужасны и зловредны; их называли русалками, но впоследствии это слово было вытеснено тюркским названием «убур», или упырь. Однако эти категории божеств не боролись друг с другом; они как бы существовали параллельно.[447] Боролись другие: Белбог и Чернобог, в которых нетрудно увидеть аналогов тибетских божеств религии бон — восточного варианта митраизма. Бог Белый Свет и демон Длинные Руки — антагонисты на фоне персонифицированного космоса.[448] Считать эту митраистскую модель мира за древнюю, исходную форму мировоззрения нет оснований. Митраизм был такой же прозелитической религией, как христианство, ислам и буддизм, и мог прийти к славянам путем проповеди. Это видно из того, что наряду с описанным пантеоном еще в XII в. бытовал культ Рода, Рожаниц, Щура, хотя представление об их роли уже тогда почти стерлось.[449]

Итак, после пассионарного толчка I в. эволюция мировоззрений шла одинаково, но приводила к разным результатам. В Риме христианство одолело митраизм, у славян митраизм восторжествовал, а христианство ютилось по окраинам ареала, но в жестокий период надлома в IX в. начало снова распространяться в Восточной Европе, хотя и не сразу,

---

447 См.: Рыбаков Б.А. Киевская Русь // История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. I. С. 502—503.

448 См.: Гумилев Л.Н., Кузнецов Б.И. Бон // Доклады ВГО. Вып. 15. Л., 1970. С. 72—90; Гумилев Л.Н. История открытия искусства // Старобурятская живопись. М., 1975. С. 19—24.

449 См.: Комарович В.Л. Культ Рода и Земли в княжеской среде XI—XIII вв. // ТОДРЛ. Т. XVI. М.; Л., 1960. С. 94–104.

ибо у него появился новый враг — Перкунас, или Перун.[450]

Древние христиане привыкли иметь дело с языческими богами, которые с появлением Христовой проповеди превратились в злых и коварных демонов. Так, весьма почитаемый эллинами Аполлон в Апокалипсисе выступает как «дух бездны», аналог еврейского Абаддонна (Апокалипсис IX, 11). Поэтому, столкнувшись с Перуном, христиане быстро определили его место в космосе. Как в Египте в конце IV в. был уничтожен Серапис, а в Элладе — Зевс Олимпийский, так надлежало покончить с их северным аналогом — Перуном, требовавшим к тому же кровавых жертв, желательно людей.

При этом нельзя забывать, что языческие боги не считались надмировыми существами, т. е. не были аналогичны христианской Троице, мусульманскому Аллаху и даже древнеперсидскому Ормузду. Нет, считалось, что это живые организмы, но более могущественные, нежели люди, иначе устроенные, но соизмеримые с другими организмами, населяющими Землю. Они просто на порядок совершеннее людей, как люди совершеннее муравьев. Эта концепция была принята христианством уже в конце II в., причем к числу существ этого порядка был причислен сатана.

Трудно было не заметить, что взаимоотношения Бога и сатаны в Ветхом и Новом Заветах противоположны.[451] Но ветхозаветная концепция была ближе к обывательским воззрениям поздней античности и потому была принята за основу с добавлением апокрифа «Откровение Еноха», датируемого 165 г. до н. э. и содержащего учение о дьяволе как ангеле, восставшем и низвергнутом с небес. Эта отнюдь не христианская концепция была принята без критики, так как в ней осуждалось непослушание Закону, которое евреи считают главным грехом.

Перун как славянский бог грома и молнии, несмотря на свое балтийское имя (Перкунас), стал известен в VI в.,[452] но вел себя поначалу тихо, подобно своему германскому аналогу Донару (Тору), который специализировался на кузнечном деле и управлении хозяйством. Войной у древних германцев заведовали Вотан (в Скандинавии — Один) и Тиу, второй сын Вотана.[453] Они не были аналогами Перуна.

Но как только пассионарный толчок прошел через Скандинавию, а генетический дрейф перенес неудержимость и жажду славы на южный берег Балтийского моря, образ древнего божества изменился. В IX в. Перун стал жестоким, кровожадным и воинственным. Его западный аналог Святовит на острове Руге (Рюген) требовал в жертву крови датских и немецких пленников. Восточный Перун стал поступать так же. И даже больше: при нехватке пленных он принимал кровь своих, отобранных по жребию.[454]

Для южных славян, привыкших к митраистским мистериям и христианским обедням, эти нравы казались чудовищными, а северные князья и варяги теряли популярность в

---

[450] См.: Аничков Е.В. Язычество и древняя Русь. СПб., 1913. С. 319; Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981. С. 19—20.

[451] Ср.: «И был день, когда пришли сыны Божии предстать перед Господа, между ними пришел и сатана…» (Иов I, 6), и дальше следует их беседа, после которой совершается эксперимент над Иовом. А Иисус Христос в аналогичной ситуации сказал: «…отыди от Меня, сатана» (Мф. 4, 10). Дьявол ушел! Куда? Видимо, «во тьму внешнюю» (Мф. 8, 12), которую физики XX в. называют вакуумом. Туда же, по слову Иисуса Христа, будут извержены «сыны царства» (там же). Какого? Надо полагать, иудейского царства Хасмонеев, т. е. носители традиции.

[452] См.: ПВЛ. Ч. II. С. 324—325.

[453] Вебер Г. Указ. соч. Т. IV. С. 136—137.

[454] См.: ПВЛ. Ч. I. С. 58—59 (под 983 г.).

столице, где их богов называли бесами.[455] Коллизия Римской империи IV в. повторилась с не меньшей остротой на Руси X в. и имела аналогичный результат — торжество христианства.

Итак, в освобожденной Святославом Руси единства не было. Война, бескровная или кровавая, шла не столько на границах, сколько в стольном городе и даже над ним — в небесах. О последней мы можем судить только по ее земным проявлениям, но и этого немало. На души киевских славяно-россов посягали и жрецы Перуна, и латинские прелаты, и греческие монахи. Было не исключено появление мусульманских мулл, хотя до этого дело не дошло. Но представителей антисистем не было и в помине, хотя печальный и алчущий дух, сатана, бродил по опаленным полям Ломбардии, по пескам Сахары и Аравии, по горным теснинам Ирана и Памира, а на Востоке он даже посетил Ордос, назвавшись «бесконечным светом».[456] Но ни на Руси, ни в Сибири в X в. он не появлялся. Это была прямая заслуга князя Святослава Игоревича.

Однако этот князь, одержав блистательную победу, не дал своему народу положительной программы. А программы тут же предлагали представители соперничавших религий. Впрочем, в этой пропаганде таилась некая трудность.

Выбор веры не влек за собой материальных выгод, которые добывались другими путями. Он был делом совести, а на уровне этноса совесть — это индикатор этнической совместимости. Выбирают в друзья тех, кто симпатичен, а в делах можно дотолковаться и без интимности.

Поэтому вместе с активной торговлей между Киевом и Константинополем, безопасность которой обеспечивал политический союз обеих держав, не было повода для конфессиональной нетерпимости, а тем более религиозных гонений. Эта терпимость славяно-россов базировалась на широко распространенной в те времена концепции генотеизма, согласно которой каждый народ (этнос) чтит своего бога и не допускает к культу посторонних. Шокировать язычников могло лишь стремление прозелитических религий к расширению. Ольге приходилось скрывать свое крещение, но тем не менее число христиан в Киеве росло, особенно после победы над Хазарией.

Разумеется, христианами становились не инертные, а пассионарные киевляне, потому они охотно пополняли войско Святослава, вплоть до того, что в нем открыто служили обедни православные священники. Князя это не особенно волновало, потому что византийские греки пока еще были его друзьями. Жертвой греко-русского союза должна была стать ослабевшая Болгария, бывшая в течение 300 лет соперницей Византии.

60. Расстановка сил

Высказывалось мнение, что Святославу было бы выгодно принять ислам, чтобы держать прикаспийские области. Вряд ли это верно. Опираться можно только на сильного союзника, а в 60-х годах X в. багдадский халиф утерял все позиции внутри своей страны вследствие отпадения провинций и роста шиитских движений, черпавших силы в областном сепаратизме Ирана, Африки и даже самой Аравии, захваченной карматами. Надежных друзей нельзя было обрести на Востоке. Не было их и на Западе. Венгры потерпели сокрушительное поражение от немцев при Лехе в 955 г. Болгария после смерти царя Симеона ослабела, так как ее грызла неистребимая антисистема богумильства. Дружба с немецким королем и германским императором Оттоном не сулила никаких благ, что

---

[455] Следует помнить, что «язычество» (буквально — племенные культы) не есть нечто целое. Эти культы разнятся между собою не меньше, а часто больше, чем монотеистические мировые религии, почему и правомочен древний вопрос: «Какому богу веруешь?», после чего идет второй вопрос: «Како веруешь?» — ортодоксально или еретически?

[456] См.: Гумилев Л.Н. Старобурятская живопись. М., 1975. С. 40—43.

наглядно показал пример западных славян, а Швецию потрясало кровавое обращение в католичество, чему шведы сопротивлялись как могли.

Но и героическая Русь, окруженная со всех сторон врагами, очень нуждалась в надежном союзнике. Ведь победа над рахдонитами не была окончательной, далась благодаря удачному стечению обстоятельств и показывала не силу земли Русской, а мужество и талант носителей русского оружия. У иудеев-рахдонитов оставались шансы на реванш. В Киеве не могли не знать об этом. Поскольку русам не на что было покупать друзей, им оставалось искать таких, которые были бы искренни и заинтересованы во взаимности. Поэтому княгиня Ольга отправляла русских витязей к грекам. И там они, сражаясь рука об руку, вернули Византии Крит, чем положили конец арабо-берберскому пиратству на Эгейском море. Союз был выгоден самим русам.

В 60-х годах X в. самой сильной державой была Византия. Население ее состояло из 20—24 млн[457] храбрых жителей, организованных на основе многовековой традиции и управляемых из одного центра — Константинопольского синклита. Однако обилие врагов лишало Византию возможности взять инициативу: все время надо было обороняться или возвращать утраты. На востоке Византия вернула Малую Азию, Северную Месопотамию, Сирию, Крит и Кипр, на севере отразила натиск болгар; на западе, утратив Сицилию, удержала Южную Италию, где столкнулась с германским императором Оттоном I, притязания которого не имели успеха. Понятно, что в столь напряженной ситуации для активной политики в Причерноморье сил не хватало. Тут все решала не армия, а дипломатия и отчасти этнический контакт.

Херсонес был город богатый и вольнолюбивый. Жители его по прибытии печенегов в западноевропейскую степь наладили с ними добрые отношения. Они давали печенегам пурпур, деликатесы, редкие сукна, перец, шкуры барсов и другие предметы роскоши, а печенеги оказывали херсонитам разные услуги, вполне окупавшие расходы на подарки: «Когда император ромеев находится в союзе с печенегами, то ни россы, ни турки (венгры. — *Л.Г.*) не могут идти войной на Ромейскую державу, не могут также требовать за сохранение мира больших и чрезмерных денег… опасаясь, что если они (греки. — *Л.Г.*) пойдут войной на ромеев, то… печенеги, будучи связаны с императором дружбой и повинуясь его посланиям и подаркам, могут легко напасть на землю россов и турок, поработить их жен и детей и опустошить их страну». То же относится к болгарам, которые «употребляют много усилий и труда, чтобы быть в мире и согласии с печенегами».[458] Но зато жившие на Яике гузы «могут воевать печенегов».[459]

Печенеги сами избегали войн с соседями, особенно с россами, потому что предпочитали продавать им скот.[460] Но стремление сохранить дружбу с греками заставляло их искать контактов с православными, а не с языческими россами, друзьями норманнов. Так было достигнуто равновесие сил, обеспечившее несколько лет мира, который повлек за собой жестокую войну. Однако причина этой войны находилась не на северном, а на южном берегу Черного моря.

Никифор II Фока достиг власти путем переворота. Его поддержали вдовствующая

---

[457] См.: Литаврин Г.Г. Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977. С. 160—161. Для сравнения привожу демографические данные по 1000 г. (см.: Урланис Б.Ц. Рост населения в Европе. М., 1941): Франция — 9 млн (С. 37); Италия — 5 млн; Сицилия — 2 млн (С. 64—65); Киевская Русь — 5,36 млн (С. 89; в 970 г. было меньше половины этого); Польша, Литва, эсты — 1,6 млн (С. 89); Степь, от Дона до Карпат, — 0,48 млн (С. 89); Англия в 1086 г. — 1,7 млн (С. 52).

[458] Константин Багрянородный. «О фемах» и «О народах». С. 67—68.

[459] Там же. С. 75.

[460] Там же. С. 66.

императрица — красавица Феофано, искавшая второго мужа, синклит и простонародье Константинополя. Но вскоре император стал терять популярность, так как он стремился отстоять границы империи, а это стоило денег. Регулярно выплачивая жалованье воинам, Никифор сократил другие расходы: урезал жалованье высшим чиновникам, увеличил повинности крестьян, покровительствовал нищему афонскому духовенству за счет богатых монастырей и епископов. Цена на хлеб в столице возросла в 8 раз. Недовольство населения росло, а это самая удобная пора для честолюбцев, недостатка в которых в Византийской империи не ощущалось.

Казалось бы, режим, опирающийся на армию, точнее, на ее лучшую часть — тяжеловооруженную конницу, неколебим. Армии можно противопоставить только другую армию, и это сумел сделать некто «хитрый и дерзкий Калокир, сын начальника херсонского гарнизона».[461]

61. Что может натворить один человек

Установленная княгиней Ольгой дружба Киева с Константинополем была полезна для обеих сторон. Еще в 949 г. 600 русских воинов участвовали в десанте на Крит, а в 962 г. русы сражались в греческих войсках в Сирии против арабов. Там с ними сдружился Калокир, служивший в войсках своей страны; и там же он выучил русский язык у своих боевых товарищей.[462]

Жители Херсонеса издавна славились свободолюбием, что выражалось в вечных ссорах с начальством. Ругать константинопольское правительство было у них признаком хорошего тона и, пожалуй, вошло в стереотип поведения. Но ни Херсонес не мог жить без метрополии, ни Константинополь — без своего крымского форпоста, откуда в столицу везли зерно, вяленую рыбу, мед, воск и другие колониальные товары. Жители обоих городов привыкли друг к другу и на мелочи внимания не обращали. Поэтому, когда Никифору Фоке понадобился толковый дипломат со знанием русского языка, он дал Калокиру достоинство патриция и отправил его в Киев.

Эта надобность возникла из-за того, что в 966 г. Никифор Фока решил перестать платить дань болгарам, которую Византия обязалась выплачивать по договору 927 г., и вместо этого потребовал, чтобы болгары не пропускали венгров через Дунай грабить провинции империи. Болгарский царь Петр возразил, что с венграми он заключил мир и не может его нарушить. Никифор счел это вызовом и отправил Калокира в Киев, дав ему 15 кентинарий золота, чтобы он побудил русов сделать набег на Болгарию и тем принудить ее к уступчивости. В Киеве предложение было как нельзя более кстати. Святослав со своими языческими сподвижниками только что вернулся из похода на вятичей. Вот опять появилась возможность его на время сплавить. Правительство Ольги было в восторге.

Был доволен и князь Святослав, ибо у власти в Киеве находились христиане, отнюдь ему не симпатичные. В походе он чувствовал себя гораздо лучше. Поэтому весной 968 г. русские ладьи приплыли в устье Дуная и разбили не ожидавших нападения болгар. Русских воинов было немного — около 8–10 тыс.,[463] но им на помощь пришла печенежская конница. В августе того же года русы разбили болгар около Доростола. Царь Петр умер, и Святослав оккупировал Болгарию вплоть до Филиппополя. Это совершилось при полном одобрении греков, торговавших с Русью. Еще в июле 968 г. русские корабли стояли в гавани

---

[461] Лев Диакон. Кн. IV. С. 61—63; цит. по: Чертков А. Описание войны великого князя Святослава Игоревича против болгар и греков. М., 1843.

[462] См.: Чертков А. Указ. соч. С. 155.

[463] См. там же. С. 169—170; ПВЛ. Ч. I. С. 50.

Константинополя.

За зиму 968/969 г. все изменилось. Калокир уговорил Святослава, поселившегося в Переяславце, или Малой Преславе, на берегу р. Враны,[464] посадить его на престол Византии. Шансы для этого были: Никифора Фоку не любили, русы были храбры, а главные силы регулярной армии находились далеко, в Сирии, и были связаны напряженной войной с арабами. Ведь сумели же болгары в 703 г. ввести во Влахернский дворец безносого Юстиниана II в менее благоприятной ситуации! Так почему же не рискнуть?[465]

А Святослав думал о бессмысленности возвращения в Киев, где его христианские недруги в лучшем случае отправили бы его еще куда-нибудь. Болгария примыкала к Русской земле — территории уличей. Присоединение к Руси Восточной Болгарии, выходившей к Черному морю, давало языческому князю территорию, где он мог быть независим от своей матери и ее советников.

Теперь взвесим перспективы всех участников надвигающейся трагедии. Святослав представляется в этой коллизии отнюдь не викингом-головорезом, а трезвым и предусмотрительным политиком, решившим перенести столицу в удобное для себя место. То же самое произвел 730 лет спустя Петр I с большим успехом, но и с большими затратами пота и крови.

Экономические возможности района были тщательно взвешены: из Фракии легко было привезти материи, золотые украшения, фрукты и вино, из Чехии — серебро, из Венгрии — коней, из Руси — меха, мед и рабов. Короче, было чем кормить дружину. Разумеется, столкновение с Византией не входило в планы русского князя, но ведь он и не покушался на греческие земли; он занял только кусок Болгарии, врага Византии. Конечно, надо было предвидеть, что Никифор Фока не примирится с захватом русов, но для этого у Святослава был Калокир, который, если бы он сел на престол, отблагодарил бы киевского князя. И совесть Калокира была чиста, так как благодаря ему Византия вернула бы себе земли, отторгнутые у нее болгарами в VII в., избавилась бы от жестокого Фоки и упрочила дружбу с Русью. Пострадать при осуществлении этого замысла должны были император, болгарские царевичи Борис и Роман Петровичи и православная партия в Киеве.

Никифор Фока тоже не дремал. Он получил информацию о заговоре и немедля принял меры. Осенью 968 г. на стенах Константинополя были установлены машины для метания стрел, а вход в гавань перегорожен цепью. Греческие послы предложили болгарским царевнам брачный союз с сыновьями покойного императора Романа — Василием и Константином, а попутно произвели военную разведку и обещали болгарским вельможам помощь для изгнания русов. Далее, поскольку венгры и правобережные печенеги находились в составе войск Святослава, то греческие агенты побудили левобережных печенегов произвести набег на Киев. И все эти предприятия, не нужные ни грекам, ни русам, ни болгарам, стали неизбежными из-за претензий Калокира.

62. Лавина покатилась

Весной 969 г. левобережные печенеги осадили Киев. Для Ольги и киевлян это было совершенно неожиданно, ибо повод для нарушения мира был им неизвестен. Киев оказался в отчаянном положении, а войска, которое привел по левому берегу воевода Претич на выручку престарелой княгини, было явно недостаточно для отражения противника. Но когда печенежский вождь вступил с Претичем в переговоры, то выяснилось, что война основана на

---

[464] В Болгарии было две Преславы: одна — Мегалополис — на берегу Дуная, вторая, малая, — Марцианополь — основана Траяном и названа в честь его сестры Марцианы.

[465] Кедрен и Зонара пишут: «Калокир, виновник этой войны…»: цит. по: Чертков А. Указ. соч. С. 71.

недоразумении. Партия княгини и не помышляла о войне с Византией, и «отступиша.[466] печенези от града», а то нельзя было даже напоить коней в речке Лыбеди. После этого благополучного исхода Ольга отозвала сына из Болгарии. Тот, посадив свою рать на коней, вернулся в Киев; за это время печенеги ушли в степь, и «бысть мир»[467]

Однако Святославу в Киеве было неуютно. Нестор приписывает это его неуживчивому характеру, но надо думать, что дело обстояло куда трагичнее. 11 июля скончалась Ольга и была похоронена по православному обряду, причем могила ее не была отмечена, хотя по ней плакали «…людье вси плачемъ великомъ».

Иными словами, Ольга вела себя как тайная христианка, а в Киеве было много и христиан, и язычников. Страсти накалялись.

Что делал Святослав после смерти матери, летопись не сообщает, а вернее, умалчивает. Но из последующих событий очевидно, что Святослав не просто покинул Киев, а был вынужден его покинуть и уйти в дунайскую оккупационную армию, которой командовали его верные сподвижники: Сфенкел, Икмор, Свенельд. Имена не славянские и не христианские, следовательно, россомонские. Это указывает на то, какой из этнических компонентов Руси поддерживал языческого князя.

На княжеские столы были посажены внуки Ольги: Ярополк — в Киеве, Олег — в Древлянской земле, а Владимир, сын ключницы Малуши, плененной при покорении древлян, — в Новгороде, потому что туда никто не хотел идти из-за буйного нрава новгородцев. Но для самого Святослава места на родной земле не нашлось. Это не домысел. Если бы Святослав в июле 969 г. собирался бороться с греками, он не стал бы терять темпа. Если бы он чувствовал твердую почву под ногами, он вернул бы войско из Болгарии. Но он не сделал ни того, ни другого… и началась серия проигрышей.

Императрица Феофано влюбилась в красавца Иоанна Цимисхия. В ночь с 10 на 11 декабря заговорщики с помощью слуг императрицы проникли во дворец и зверски убили Никифора Фоку; Цимисхий, став императором, сослал Феофано, рискнувшую всем ради него, и непосредственных убийц Никифора, роздал свое огромное состояние окрестным земледельцам и прокаженным, увеселил народ праздниками и сместил с постов приверженцев Фоки. Главный козырь Калокира и Святослава был выбит.

Святослав перебросил во Фракию отряд из союзников — венгров и болгар.[468] Полководец Цимисхия Варда Склир разбил этот отряд у Аркадиополя, после чего венгры ушли домой, а болгары разочаровались в русах. Тем не менее зимой 970/971 г. Святослав направил отряд в Македонию, видимо, для того, чтобы обрести плацдарм для сторонников Калокира. Но таковых не оказалось. Хуже того, подстрекаемые греческими эмиссарами, болгары восстали против русов. Святославу пришлось снова брать Переяславец, где он оставил отряд во главе со Сфенкелом, Калокира и царевича Бориса, а сам в низовьях Дуная укрепил город Доростол, лежавший на границе Болгарии с землей уличей.

Новый план Святослава был вполне реален. Потеряв надежду удержать всю Болгарию и обеспечить победу Калокиру, он решил закрепиться в устье Дуная, на окраине Руси, где он мог бы стать независимым от киевлян. Если бы Болгария восстановилась как самостоятельное царство, отражающее натиск греков, то устье Дуная осталось бы за

---

466 Д.С. Лихачев, указывая на невнятность текста летописи, предлагает читать «отступиша» и т. д. (см.: ПВЛ. Ч. II. С. 314). Но мир был заключен уже Претичем; поэтому правильнее считать, что имелось в виду то положение, которое было во время осады. Тем самым чтение «отступиша» сохраняется.

467 Все авторы почему-то считают, что Святослав разгромил печенегов, хотя с ними уже был заключен мир. Но в летописи стоит «прогна печенеги в поли». Видимо, одной военной демонстрации было достаточно, чтобы печенеги удалились в недосягаемую для русов степь, благодаря чему был достигнут мир, желанный всем, кроме Калокира.

468 См.: Чертков А. Указ. соч. 217—220.

языческой Русью. Ради этого Святослав вступил в переговоры с Цимисхием, которые он вел в грозном тоне, требуя, как тогда было принято, дани. Но Иоанн Цимисхий был опытный дипломат и первый полководец своего времени. Он усыпил бдительность русского князя переговорами, занявшими всю зиму, а весной 971 г. начал кампанию вполне неожиданно для Святослава. 300 греческих кораблей с огнеметными машинами вошли в Дунай, а сухопутная армия — 15 тыс. пехоты и 13 тыс. всадников — прошла через не охранявшиеся русами теснины в Балканах и осадила Переяславец. На третий день штурма крепость пала. Небольшая часть русов во главе со Сфенкелом пробилась и ушла на соединение с главными силами. С ними ушел и Калокир. Царевич Борис сдался грекам. Цимисхий отпраздновал Пасху в завоеванном городе.

После этого вся Болгария восстала против Святослава, которому за неимением конницы оставалось только запереться в Доростоле. Греки окружили русов с суши и с Дуная, но русы сражались столь отчаянно, что только атака латной конницы спасла Цимисхия от поражения. Наконец голод и потери заставили Святослава заключить мир за свободный пропуск русских ладей из блокированного Дуная и доставление пищи изголодавшемуся гарнизону. В августе 971 г. русы покинули Болгарию.

63. Комментарий

Эмоции в науке порождают ошибки.

Существует, и уже стало общепринятым, предположение, что Цимисхий, отпустив русов из Доростола, договорился с печенегами о последующем их истреблении. Это мнение представляется предвзятым. Зачем было нужно тратить золото на подкуп кочевников, когда эскадра из 300 кораблей с огнеметами могла сжечь деревянные ладьи израненных русов на пути от устья Дуная до Днепровского лимана? Дешевле и радикальнее!

Затем, как могли печенеги с осени 971 г. до весны 972 г. бросить пастьбу скота, кочевание, заготовку сена и прочие неотложные дела, только чтобы караулить русский отряд? Ну а если бы русы прошли в Киев на конях по долине Буга, т. е. через земли тиверцев, тогда все ожидание было бы напрасным.

И наконец, Кедрен и Зонара сообщают, что Цимисхий, стремясь к скорейшему миру, предложил печенегам союз с Византией, если они обещают не переходить Истр (Дунай), не разорять Болгарию, ставшую византийской провинцией, и «позволить русам пройти через их землю в свое отечество». Печенеги согласились на все, кроме последнего, так как «были ожесточены на русов за то, что они заключили мир с римлянами».[469] Нет, не похожи печенеги на алчных дикарей, продающих свои услуги за подачки. Ясно, что у них были свои политические цели, которые нам пока неясны, но, может быть, прояснятся впоследствии. Поэтому, избавив Цимисхия от необоснованного обвинения в предательстве Святослава, обратимся к рассмотрению тех фактов, на которые не обратили внимания наши предшественники, и тех связей, которые из-за неучета фактов оставались незамеченными.

Печенеги сравнительно с русами были слабы. Их федерация, раскинувшаяся на большой территории, была фактически беззащитна против регулярных войск Византии и против дружин киевских князей. Кочуя в степях, печенеги не прерывали сообщения русов с их черноморскими владениями и не нарушали торговли с греками.[470] Больше того, в 969 г. Ибн-Хаукаль писал, что печенеги являются «острием» и союзниками русов. А союз печенегов с греками был описан Константином Багрянородным. Поэтому причину ожесточения печенегов против Святослава, а не против русов надо искать в ближайшем

---

[469] Там же. С. 112—113.

[470] См.: Беляев И. О северном береге Черного моря и прилежащих к нему степях до водворения в этом крае монголов // Записки Одесского о-ва истории и древностей. 1853. Т. 3. С. 10—11.

крупном центре — Киеве.

Уже было отмечено, что отношение киевлян к Святославу было двойственным. С одной стороны, он князь, герой, а с другой… Вот несколько цитат из летописей: «Чюжих желая, своя погуби» (Уваровская летопись); «Чюжих ища, своя погуби» (Ермолинская); «Чюжим паче силы жалая, и своя си погуби за премногую его несытость» (Львовская); и наконец, упрек, брошенный Святославу киевлянами: «Ты, княже, чужея земли ищеши и блюдеши, а своея ся охабив».[471] Вот где были истинные враги Святослава, а не в Константинополе, как хочется думать поздним поклонникам этого импозантного князя.[472]

И надо сказать, что у многих киевлян, благоденствовавших при мудрой княгине Ольге, было достаточно оснований для отрицательного отношения к ее сыну. Они его знали слишком хорошо.

64. Взрыв мрака

В последние дни боев у стен Доростола, после того как пал смертью храбрых витязь Икмор и надежда на победу была утрачена, русы вышли в полночь при полной луне на берег Дуная. Сначала они собрали тела павших бойцов и сожгли их на кострах, а потом, свершая тризну, предали смерти множество пленников и пленниц. Но самое оригинальное было то, что они топили в водах Дуная грудных младенцев и петухов.[473] Так совершались жертвоприношения злым богам.

Еще более страшные сцены происходили в Белобережье (остров Березань) после возвращения из Болгарии. Князь и его языческие вельможи приписали русским христианам, сражавшимся в том же войске, вину за поражение, нанесенное их единоверцам, объяснив его гневом богов на христиан. Святослав замучил насмерть своего брата Улеба (Глеба), а его воины так же поступили со своими боевыми товарищами, страдавшими от ран и нуждавшимися во враче, а не в палаче. Особенно плохо пришлось священникам, которые были в русском войске для напутствия православных русов.

До 971 г. Святослав был веротерпим и великодушен. После поражения благородный характер князя изменился полярно, может быть, вследствие психического шока, вызванного разочарованием и сожалением об ошибках, которые были непоправимы. Ему изменил даже интеллект: он послал в Киев приказ сжечь церкви и обещал по возвращении «изгубить» всех русских христиан.[474]

Этим заявлением Святослав подписал себе приговор. Уцелевшие христиане и воевода Свенельд бежали степью в Киев. Их печенеги пропустили. Но когда весной 972 г. Святослав с верными языческими воинами пошел речным путем, печенеги напали на него у порогов и истребили весь русский отряд.

Предлагаемая здесь версия предпочтительнее той, которая содержится в «Повести временных лет». Нестор не объясняет, почему войску Святослава, страдавшему в Белобережье от голода, не помогли киевляне, хотя степной путь по Бугу был открыт. Печенегов кто-то должен был известить о времени прохода Святослава через пороги, иначе они не смогли бы собраться туда в достаточном числе. И это не могли быть «переяславцы»,

---

471 ПВЛ. Ч. II. С. 319.

472 См.: Пашуто В.Т. Указ. соч. С. 108.

473 Лев Диакон. Кн. IX; см.: Чертков А. Указ. соч. С. 85.

474 Летопись епископа Иоакима в кн.: Татищев В.Н. История Российская. Кн. I. Ч. I. М., 1768. С. 36; Чертков А. Указ. соч. С. 105. Не вижу необходимости пренебрегать поздними компиляциями, если их версии позволяют дать конструктивное, непротиворечивое решение.

т. е. болгары из Преславы, так как у них таких сведений не могло быть, ибо их страна была оккупирована греками. Зато киевляне были крайне заинтересованы, чтобы к ним не явился обезумевший князь с озверелой солдатней. И уж им-то было легко снестись с печенегами, тем более что воевода Претич обменялся оружием с печенежским вождем, может быть, с самим Курей или с кем-то из его подручных.

Затем Нестор сообщает, что русы в Белобережье покупали конину по «полугривне за конскую голову». Кто мог продавать им конину, кроме печенегов? А если так, то конфликт Святослава с Курей возник не сразу, а после чего-то, о чем Нестор умалчивает. Короче говоря, версия «Повести временных лет» полна неразрешимых противоречий, которых лишена версия Иоакима, объяснявшая к тому же дальнейшие коллизии. С гибелью Святослава и его дружины связан и конец надежд древнеславянского язычества. Это кажется странным: языческой осталась вся страна и большая часть киевлян; так почему же можно сделать такой вывод? Потому, что вокруг Святослава сплотилась наиболее пассионарная часть ревнителей древней веры. Гибель их означала потерю инициативы, перехваченной киевскими христианами — окружением князя Ярополка. Славянское язычество еще несколько раз пыталось вернуть утраченные позиции, но тщетно. В рудиментарной форме оно дожило до XX в. — блины на Масленицу, гадания, страх перед темными помещениями и т. д., но для этногенеза это уже не имело значения.

А теперь подумаем, что могло бы случиться, если бы Святослав победил киевлян. Видимо, Киев из богатого и культурного города превратился бы в замок рыцаря-разбойника вроде Бранного Бора (ныне — Бранденбург) или базу пиратов с культом Святовита, как было на острове Руге. Но тогда бы русов постигла судьба лютичей, бодричей и поморян, истративших свой пассионарный фонд в постоянных войнах с соседями. Для этих храбрых славян не только немцы и датчане, но и все соседи были врагами, а без друзей жить нельзя.

Конечно, друзей надо уметь выбирать, но и тут для Святослава был выбор только между православием и исламом, ибо католичество киевляне отвергали прочно, а надежда на Перуна привела к поражению. Однако страны ислама в 970—972 гг. переживали жестокий кризис. В 969 г. багдадский халиф потерял Египет, захваченный Фатимидами,[475] а вслед за тем Сирию и Северную Месопотамию, возвращенные Византией. Халиф сам нуждался в помощи и в союзники не годился.

Вместе с тем Русь нуждалась в объединении. Фаза надлома пассионарного напряжения оказалась сопряжена с иноземным вторжением, что унесло больше жизней, чем могло бы быть при иных обстоятельствах. Но Русь имела достаточно жизненных сил для восстановления. Надо было только решить, каким способом это следует осуществить. Здесь, как часто бывало на Руси, единого мнения не было.

65. Создание империи

Попав в тупик, самое разумное — вернуться к развилке и двинуться другой дорогой. Здесь тупиком оказался конфликт с Византией, а последствием его — поляризация православия и воинствующего язычества, вытесняемого победоносным католицизмом из Швеции и Дании на восток. Поэтому не было на Руси ни мира, ни целеустремленности, ни общего идеала грядущего.

С 977 по 980 г. Русская земля, от Ладоги до Киева, не знала покоя. И не в личностях князей была причина неустройства. Князья были юноши, за спиной которых стояли опытные мужи, воины и политики. Те, кто клялся именем Ярополка, были сторонниками мира с Византией, союза с печенегами и распространения православия. Эту партию поддержали киевляне; на ее сторону склонялись суровые пограничники, закаленные в войнах с

---

[475] Полководец фатимидского халифа Муизза, Джаухар, взял Старый Каир (см.: Босворт К.Э. Мусульманские династии. С. 79).

ятвягами, — жители Полоцка и Турова.

Против них выступили новгородцы, использовавшие для своих целей молодого Владимира, сына Святослава и древлянки Малуши. Денег в Новгороде было много, а значит, можно было нанять варягов. Плохо было то, что вместе с варягами приходили на Русь очень злые боги, например литовский Перун (Перкунас), и требовали человеческих жертв, обещая за это победу. Злые боги обещание выполнили, организовав предательство в крепости Родне в 980 г. Князь Ярополк был заколот во время переговоров с Владимиром, и последний стал князем в Киеве. Но предательство — занятие увлекательное. Владимир предал варягов, не уплатил им за службу и выгнал их в греческую землю, послав туда предупреждение о том, что этих разбойников следует рассредоточить по отрядам, иначе они и там наделают бед.

Поступок Владимира был в отношении варягов вероломством, но только после него киевляне согласились признавать Владимира князем и оказали ему помощь в повторном (в который раз!) покорении славянских племен: червенских городов — в 981 г., вятичей — в 981—982 гг., ятвягов — в 983 г., радимичей — в 984 г. А в 985 г. началась большая война с камскими болгарами и хазарами.[476]

Война с камскими болгарами, несмотря на поддержку конного отряда гузов (торков), была неудачна. После «победы» глава похода, дядя Владимира по матери — Добрыня, принял странное решение: обутые в сапоги болгары дань давать не будут; надо искать лапотников. С Булгаром был заключен вечный мир, т. е. правительство Владимира признало самостоятельность Камской Болгарии.

Зато война с Хазарией окончилась победой. Иаков Мних (упомянутый в летописи под 1074 г.) писал: «И на козары шед, победи, а и дань на них положи».[477] Об этом же событии сообщает Мукадасси, закончивший свой труд в 988—989 гг. В этот год Волжская Хазария была оккупирована войсками хорезмшаха Мамуна, а поскольку столкновения хорезмийцев с русскими не было, то следует считать, что жертвой Владимира стал остаток былой иудео-хазарской державы, после чего Тьмутаракань в 988 г. превратилась в русский город — резиденцию князя Мстислава Владимировича.[478] При вступлении на княжение Мстиславу было менее шести лет, но возраст князя не имел значения. Князь в эту эпоху — это только представитель, а истинные правители были всегда, только имена их остались неизвестны истории.

Предлагаемая версия отличается от принятой М.И. Артамоновым, но зато она объясняет последующие взаимоотношения Руси с Дербентом и морские походы русов на Ширван в 1030 и 1032 гг., которые не могли бы осуществиться, если бы русы не владели Северным Кавказом, потому что низовья Волги принадлежали сначала хорезмийцам, а потом гузам. Очевидно, русские войска попадали на Каспий по Кубани и Тереку, базируясь в Тьмутаракани.

Если население Прикубанья — касоги (черкесы) — держало себя довольно независимо, что вызвало столкновение Мстислава с князем Ридадэ.[479] и их знаменитый поединок, упомянутый в «Слове о полку Игореве», то терские хазары вели себя тихо. Семендер был разорен воинами Святослава, и «в любом из садов и виноградников не осталось на милостыню для бедных… не стало ни винограда, ни изюма»[480] Этот разгром должен был

---

[476] См.: Артамонов М.И. История хазар. С. 434—435.

[477] Там же. С. 435.

[478] См.: ПВЛ. Ч. I. С. 83.

[479] Лопатинский А.Г. Мстислав Тьмутараканский и Редедя по сказаниям черкесов // Известия Бакинского гос. университета. № 1. 2-й полутом. Баку, 1921. С. 23—26.

[480] Караулов Н.А. Сведенья арабских географов IX—X вв. по Р.Х. о Кавказе, Армении и Азербайджане //

ожесточить хазар против русов, и, вероятно, так и было, но в конце X в. положение на Руси изменилось радикально, а вместе с ним не могло не перемениться настроение терских хазар. Как только Русь стала христианской страной, она перестала быть врагом для православных хазар окрестностей Семендера. В X в. конфессиональные различия имели большее значение, чем этнические, потому что определяли принадлежность к тому или другому суперэтносу. А внутри суперэтноса всегда можно было договориться.

Вот поэтому столь большое значение имел тогда выбор исповедания, но было бы неверно думать, что этот выбор определялся только политическими или экономическими расчетами. Нет, принудить людей принять религию врага было невозможно, так же как удержаться от усвоения веры друга. Иными словами, в принятии новой веры решающую роль играл принцип комплиментарности, стоящий на порядок выше сознательных решений князей и королей. Тот выбор, который на организменном (персональном) уровне является свободным, на популяционном (этническом) детерминирован характером психического склада, традициями, памятью об исторических событиях недавнего прошлого и уровнем пассионарного напряжения системы, а последнее зависит от фазы этногенеза или этнического возраста.

А коль скоро так, то вопрос о крещении Руси в 986—989 гг. не исчерпывается упоминанием «близлежащих» событий, но может быть разрешен только путем широкого сопоставления характеристик четырех мировых религий: православия, католичества, иудаизма и ислама — и пятой — обновленного балто-скандинавского культа Перуна — на фоне уходящих языческих мировоззрений. Во второй половине X в. в Западной Евразии шла борьба не за земли, не за богатства, не за политическую власть, а за души славян и тюрок. И результат этой борьбы определил судьбу народов Восточной Европы и Великой степи на полтысячелетия вперед.

И так как теологические и философские диспуты относятся не к физической географии, а к истории культуры, то для уяснения их роли и значения надлежит применить иную методику, основанную на 3-м биогеохимическом принципе В.И. Вернадского: «Разум не является формой энергии, а производит действия, как будто ей отвечающие».[481] Это парадокс, но справедливость его будет видна из анализа теологических проблем, имевших отношение к факту крещения Руси.

XI. Борьба за души

66. Право на выбор

Смена религии и для одного человека — грандиозная ломка психики, но она неизмеримо больше, когда речь идет о целом народе (этносе) с устоявшимися традициями культуры и быта. И тем не менее смена языческих культов мировыми религиями повсеместна, хотя детали этого процесса различны. На Руси процесс христианизации был особенно длительным, потому что проповедь православия встречала сопротивление не столько местных славянских представлений о духах леса, воды, дома и об упырях — неупокоенных душах мертвых, сколько соседних религиозных доктрин, претендующих на преобладающее место в мировой культуре. Это соперничество проявлялось не только в религиозных диспутах и соревновании в учености и подвижничестве, но и в прямых военных столкновениях, ибо в человеке дух тесно сплетен с плотью.

Поэтому оказалось необходимым оторваться от традиционной методики рассказа о

Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 38. Тифлис, 1908. С. 114; Артамонов М.И. История хазар. С. 445.

[481] Вернадский В.И. Химическое строение… С. 272.

событии с максимальным количеством подробностей и обозреть процесс целиком, сначала представив читателю его действующих лиц (в первом приближении), затем охарактеризовать главные линии борьбы против православия и лишь потом описать коллизию, при которой языческая Русь превратилась в один из столпов православия. В этой драме сам акт крещения киевлян в 988 г. является кульминацией происшедшей драмы, но ее пролог и эпилог столь же важны для понимания явления, которое и является целью научного исследования. Поэтому начнем издалека и пойдем к цели «по сходящейся спирали», чтобы не промахнуться, не упустить ничего.

В первом тысячелетии н. э. христианская вера была проповедана по всем странам — от Атлантики до Тихого океана. Но семена религии, павшие на разную землю, взрастали неодинаково, как и было сказано в притче о сеятеле (Лука 8, 5–15): упавшие около дороги были растоптаны, некоторые расклеваны птицами, упавшие на камень засохли, попавшие в тернии были задушены сорняками, лишь некоторые принесли плод сторичный.

Притча имела в виду отдельных людей, т. е. организменный уровень, но на популяционном уровне она столь же оправданна. Если на место персон, переживающих возрасты — детство, зрелость и старость, мы поставим этносы, проходящие фазы этногенеза — рост, акматическую фазу с «перегревами» пассионарности, надлом, инерционную фазу и переход к гомеостазу, то картина принципиально не изменится. Надо лишь учесть динамичность географической среды, смены климатических условий и взрывы этногенеза с последующим затуханием пассионарного напряжения. В момент взрыва, образно говоря, дорога меняет направление, тернии усыхают, на камнях появляется гумусный слой и условия для прорастания семян становятся иными.

Вот поэтому и разделились исповедания веры, причем разделение вело либо к полному обособлению — ислам, либо к нарушениям догматики — ереси, либо к церковным расколам. Причины этих явлений надо искать не в религии, а в людях, ее принявших, и в чередовании поколений, меняющихся до полной неузнаваемости. Но все эти естественные изменения сами по себе нейтральны, т. е. они не являются ни добром, ни злом. Добро и зло — явления, входящие в историю через людское сознание и диктуемое этим сознанием отношение к окружающей природной среде. Уточним формулировку этого тезиса.

Исповедания веры неравноценны. Даже направленные к спасению, одни пути — это торные дороги, другие — узкие, извилистые тропки. Зависит это не только от разработки догматики, но и от морального состояния общества, а последнее связано с уровнем пассионарности системы, т. е. с фазой этногенеза. Спасение души — покаяние, точнее, самостоятельное передумывание (metavoia) своих поступков и их мотивации. Оно возможно только на высоком душевном накале. Там, где в душе остывающий пепел, для подлинного творчества нет пассионарной энергии.

Но не только к спасению бывают направлены импульсы поведения людей. Мы видим повсюду либо культы сил природы, либо атеизмы, которых не меньше, чем религий. Это нулевая точка отсчета. К природе и культуре язычники относятся гуманно, хотя и не считают географическую среду Творением.

Зато те, кто ненавидит красоту мира и жизнь в ее многообразных формах, вызывают отвращение. То, что манихеи называли Светом, гностики — Плеромой, каббалисты — Эн-Соф (Беспредельное и Бесконечное Ничто), а некоторые схоласты — «Божественным мраком», ныне описано в теоретической физике как вакуум, похищающий фотоны (частицы света), т. е. выполняющий функции средневекового Люцифера. Тех, кто следует за обликом Пустоты, нельзя жалеть, им нельзя помогать, с ними невозможно достичь мира… Так полагали люди в Средние века, и основания для такой оценки у них были, потому что они сталкивались с представителями антисистем и знали, чего следует от них ждать.

Итак, в IX—X вв. подавляющее большинство людей были дуалистами в том смысле, что они не сомневались в наличии творящего бога и разрушающего дьявола. Спор был лишь о том, что есть благо: жизнь в страдании или самоуничтожение?

В Средние века люди были не трусливы. Смерть как факт была явлением слишком

привычным, чтобы ради спасения отказаться от радости победы, или снести оскорбление, или пожертвовать своими взглядами и принципами. Ведь на войну ходили добровольно, потому и победы одерживали. Поэтому перспектива избавиться от страданий жизни, но путем безвозвратной потери ее радостей манила немногих. Для того чтобы перейти в секту или общину манихеев, не было императивного стимула, но поскольку в нее переходили не этносы целиком, а отдельные люди, живущие в той же географической среде, в той же социально-экономической формации и не выигрывающие от такого перехода ничего, кроме возможности попасть на костер, то следует признать, что смена вектора деятельности с плюса на минус была результатом свободной воли человека. А коль скоро так, то сделавший выбор нес моральную и юридическую ответственность за свой поступок, т. е. становился не просто иноверцем, но преступником. Люди это понимали и тем не менее шли на все, зная, что пощады не будет.

И ведь вот что интересно: несмотря на то что описанный кризис монизма был в IX в. актуален буквально повсюду, еретические движения, охватывавшие широкие слои населения, возникали только на границах суперэтносов, новообразовавшихся или реликтовых. И, сложившись, они как бы расширяли трещины между плитами, если применить образ, заимствованный из геологии, после чего культуры разделенных этносов развивались каждая по-своему. А заполнение «трещин» (павликианство, богумильство, альбигойство в христианских странах, карматство, исмаилизм в странах мусульманских), несмотря на множество различий, имело общие черты, роднившие эти течения. Восточным аналогом перечисленных вероучений были уйгурское манихейство,[482] и тантрический буддизм[483] но их мы касаться не будем, поскольку прямого отношения к Руси они не имеют.

А вот северные народы — славяне и монголы — не были затронуты этим феноменом потому, что их мировоззрение было бесхитростно дуалистично. Они видели в мире борьбу Белбога с Чернобогом, понимая под делами последнего не кровопролития во время войн, без которых они не мыслили существования, а предательство доверившегося и ложь, точь-в-точь как в митраизме.[484]

И, пожалуй, они были ближе всех прочих к древнему христианству. Именно поэтому так легко приняли его поляки из Рима, русские — из Константинополя, а соседи монголов (кераиты, найманы, онгуты и др.) — из Багдада, где помещалась резиденция несторианского патриарха.[485]

67. Биполярность

Казалось бы, принцип ислама — строгий монизм — исключал все возможности дуалистических толкований этики и тем более метафизики. Однако и здесь был найден выход — непослушание, с включением одной детали, которая представляется крайне значительной.

По Корану, Иблис был создан как светлый ангел, но когда Аллах сотворил Адама, он приказал всем ангелам поклониться ему. Иблис отказался, ответив: «Я лучше его. Ты создал меня из огня, а его создал из глины» (Коран. М., 1963. 7, 11).

Так выделился Иблис из числа повинующихся Аллаху, стал невидим, обретает разные

---

[482] См.: Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 381—386, 427—428.

[483] См.: Гумилев Л.Н. Старобурятская живопись. С. 40—43.

[484] См.: Гумилев Л.Н.,Кузнецов Б.И. Бон.

[485] См.: Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. С. 106.

образы и отвращает людей от религии. Его нельзя смешивать или путать с многочисленными нечистыми духами природы и душами грешников. Все эти ифриты, гуль, албасты и пр. считались существами дольнего, т. е. земного, мира, тогда как Иблис встал в оппозицию Аллаху, соблазнил Адама и Еву и практически независим от Аллаха. Тут опять встает вечный вопрос: если Аллах всемогущ, то почему он терпит деятельность Иблиса? Более того, будет становиться все хуже до дня Страшного суда, когда победит неверие и появится Даджжаль — аналог апокалипсического Антихриста. Даджжаль будет глумиться над верой, хулить Аллаха и хвалить шайтана, но конец его злодеяниям положит пророк Иса, т. е. Иисус Христос, который сойдет с неба (Второе пришествие), после чего через сорок лет придет «Великий день» — Светопреставление. Мир как таковой исчезнет, а тем самым не останется места для шайтана, который превратится в Ничто, то самое, которое было описано выше как антагонист творческого начала — Личности, именуемой Богом. Значит, и здесь под покровом монизма таится принцип биполярности мира.

Принято считать, что в догматике ислама «отсутствует оригинальность», поскольку эта догматика сложилась под влиянием других монотеистических религий.[486] Однако примитивное восприятие этого бесспорного положения ведет к профанации, а тем самым к уклонению от истины. Так, Р.Р. Мавлютов пишет, что Аллах «во многом похож на иудаистского Яхве и на христианского Бога-отца», хотя «догмат триединства Бога решительно отвергается мусульманами».[487] Так что же здесь общего?

Уж если искать аналогии, то следует напомнить роль Иблиса, сотворенного из огня, в изгнании из рая Адама и Евы. Его аналогом в Книге Бытия является херувим с «пламенным мечом», охраняющий вход в Эдем (Бытие 3, 24). Но этот ангел выполнял волю Яхве. Затем именно Яхве говорил с Моисеем на горе Синай из горящего куста (Исход 3, 2—5), вел евреев из Египта в образе огненного столпа (Исход 13, 21), а при выдаче десяти заповедей являлся в огне (Исход 19, 18). Если это сопоставить с «казнями» ни в чем не повинных египтян, особенно новорожденных первенцев, с обманом девушек, у которых подруги взяли золотые украшения на праздник и убежали, не вернув их, и истреблением жителей Палестины, включая детей, то все это больше походит на облик Иблиса, нежели Аллаха. Мухаммед был человеком потрясающей интуиции: он распознал в Иблисе огненного демона. Лишь уровень науки VII в. не позволил ему заметить, что огненным демоном был и Яхве. Но им никак не мог стать Аллах, аналог Бога Отца Св. Троицы.[488]

Ветхозаветная религия — культ Яхве как божества, связанного с иудейским этносом, — развивалась, а затем деградировала до рубежа новой эры, после чего евреи создали талмудизм, фактически самостоятельную философему. Но в реликтовых формах Пятикнижие и Псалтырь стали широко известны, чему весьма способствовали литературные достоинства книг Ветхого Завета. И именно с книжниками и фарисеями спорил Иисус Христос в храме в Галилее, потому что «иудеи искали убить Его» (Иоанн 7, 11).

Причина ненависти была элементарна: Иисус говорил то, чего самовлюбленный обыватель не знал, причем обыватель не может допустить, что кто-либо смеет знать то, чего не знает считающий себя потомком Авраама (Иоанн 8, 39) и более того — Сыном Бога (Иоанн 8, 41). Все евреи считали себя «сыновьями божьими», подразумевая только своего этнического бога, а не богов иных этносов — те пусть разбираются сами. В ответ на это «Иисус сказал им: Если бы Бог был отец ваш, то вы любили бы меня, потому что Я от Бога исшел и пришел, ибо Я не сам от себя пришел, но Он послал Меня… Ваш отец диавол, и вы

---

486 См.: Коран. Приложения. С. 654.

487 Мавлютов Р.Р. Ислам. М., 1974. С. 29.

488 В пятой суре Корана говорится о дружбе мусульман и христиан и вражде иудеев к мусульманам (5,85). В VII в. такая расстановка сил была очевидна.

хотите исполнять похоти отца вашего; он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины; когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи» (Иоанн 8, 42—44).

Тезис сформулирован предельно точно: Иисус счел иудейского Яхве дьяволом, которого он незадолго перед этим отогнал от себя в пустыне во время поста. Это был тот самый огненный демон, который говорил с Моисеем (Иоанн 9, 29), что утверждали сами книжники и фарисеи. Следовательно, христианин уже не мог выбирать между Великим и Новым Заветами, между дьяволом и богом. Признавая Яхве богом, он переставал быть христианином, а после принятия формулы Троичности на Никейском соборе и сам вопрос отпадал, ибо Яхве одинок.

В X в. оба восточных исповедания, православие и ислам, расходясь во многих принципах догматики и обряда, были единодушны в четком противопоставлении бога дьяволу и своих позитивных исповеданий — иудаизму. Сформулировать эту разницу просто: христиане и мусульмане молились одному и тому же богу, но по-разному,[489] а иудеи — другому. Последнее исключало конфессиональные контакты с иудаизмом, оставляя лишь деловые отношения. Впрочем, это устраивало обе стороны. Такое несоответствие следует пояснить.

Обычное противопоставление теизма атеизму не конструктивно, ибо ничего не дает для понимания соотношения ментальностей при достоверном утверждении их биполярности: позитивной и негативной. Возможен и мистический атеизм — гностические учения, включая манихейство. В буддизме хинаяна — учение атеистическое, но позитивное, поскольку в ней признается реальность сансары — мира, находящегося в вечном движении, причиняющем страдание, а махаянистические школы — мадьямика и йогачарья — атеистичны и негативны. «Желтая вера» Цзонхавы — теистический буддизм — позитивна, а учрежденный Робеспьером культ Высшего Существа негативен, хотя «философемы» преследовали атеистов наравне с католиками.[490] По-видимому, этому же богу поклонялся Гитлер,[491] ибо важно не название божества, а система мировоззрения, формирующая стереотип поведения консорции, выделившейся из большого этноса и создавшей внутри его «малый народ»,[492] или «антисистему». Поскольку события XX в. в доступной мне литературе освещены недостаточно, ограничимся примером из XVIII в.

«…Во французской революции большую роль играл круг людей, сложившийся в философских обществах и академиях, в масонских ложах, клубах и секциях… он жил в своем собственном интеллектуальном и духовном мире. „Малый народ“ среди „большого народа“, или „антинарод“ среди народа (этноса. — *Л.Г.*)… Здесь вырабатывался тип человека, которому были отвратительны все корни нации: католическая вера, дворянская честь, верность королю, гордость своей историей, привязанность к обычаям своей провинции, своего сословия, гильдии. Мировоззрения обоих строились по обратным принципам… если в обычном мире все проверяется опытом, то здесь решает мнение. Реально то, что считают другие, истинно то, что говорят, хорошо то, что они одобряют. Доктрина становится не следствием, а причиной жизни. Образ человека «малого народа» —

---

489 Так сформулировал тезис папа Григорий VII в письме Ан-Насиру (из династии Хаммадидов в Северной Африке) в 1076 г.: «Мы и вы веруем в одного Бога, хотя и по-разному» (История дипломатии. М., 1959. С. 150). Папа знал о догматических расхождениях католичества и ислама, но ведь люди поклоняются не догматам, а богу, а эта система отсчета в X—XI вв. была общепонятна и исчерпывающе убедительна.

490 Это был деизм, т. е. учение о том, что Создатель мира не вмешивается в его дела, как хороший часовщик не чинит уже изготовленные часы. Различие этого Существа с христианской Троицей очевидно.

491 См.: Павель Л., Бержье Ж. Какому богу поклонялся Гитлер // Наука и религия. 1966. № 10—11.

492 CochinAugustin. Les sociйtйs des penses et la dйmocratie. Paris, 1921.

«дикарь», который все видит, но ничего не понимает. Среда его обитания — пустота, как для других — реальный мир; он как бы освобождается от пут жизни, все ему ясно и понятно; в среде «большого народа» он задыхается, как рыба, вытащенная из воды. Как следствие — убеждение, что все следует заимствовать извне (во Франции XVIII в. — из Англии, в России — из Франции)… Будучи отрезан от духовной связи с народом, он смотрит на него как на материал, а на его обработку — как на техническую проблему. Это выражено в символе масонского движения — в образе построения храма, где люди — камни, прикладываемые друг к другу по чертежам архитектора».[493]

В X в. аналогичную роль играли богумилы в Болгарии и манихейская община в Македонии, но их деятельность преимущественно распространялась на запад: в Италию (патарены) и в Прованс (катары). Славянами эти мыслители пока пренебрегали.

Теперь, учтя всю сложность глобальной ситуации и противоречия, которые ранее не замечались и не учитывались, можно вернуться в Киев, где после гибели Святослава решалась судьба древнерусского этноса и пути его культурного развития.

68. Выбор веры

В «Повести временных лет» под 986 г. помещена дидактическая новелла о выборе веры князем Владимиром. То, что сюжет у кого-то заимствован, несомненно, ибо аналогичный рассказ имеется в «Письме царя Иосифа» и он тоже откуда-то взят. Это, однако, не означает, что в основе летописного повествования не лежит никаких исторических фактов.[494] А что все-таки было?

Владимир захватил золотой стол киевский грубой силой. Тем же путем он расширил пределы своей державы, тем самым приобретя много врагов как среди соседей, так и в числе подданных. Чтобы удержать власть, нужны сила и популярность. Первая была, второй не хватало. Особенно недоставало искренности, которая всегда проявляется в религии, где симпатии бескорыстны. Полагаться же на купленных друзей опасно. Они предают, если кто-либо посулит им больше.

Умные советники Владимира это понимали. Учитывали они и сложность внешнеполитической обстановки, особенно после двух болгарских неудач: похода Святослава на Дунай и похода Добрыни на Каму. Проблема союзников стала сверхактуальной. Но и она решалась путем принятия этого или иного исповедания, игравшего роль политической программы. Однако и здесь залогом постоянства была искренность, без которой не было доверия, а значит, и союза. Следовательно, надо было выбрать программу, приемлемую и для подданных, и для правителей, и для одного из сильных соседей.

Злые балтийские боги не нравились киевлянам, среди которых с 864 г.[495] распространялось православие, хотя оно еще не стало государственной религией. Поэтому в Киев снова стали проникать миссионеры с Юга (греки), с Востока (болгары) и с Запада (немцы), а князь прислушивался к проповедям, потому что ошибка в выборе веры могла стоить престола и головы. Надо было все взвесить.

Принять ислам Владимир отказался из-за запрещения пить вино. Дело было не в личном пристрастии князя к алкоголю, а в ритуале общения с дружиной — совместной трапезе, на которой обязательно пили хмельные напитки — пиво и мед — ради веселья, а не опьянения. Отказ от традиции совместных пиров сулил князю потерю дружины, которая

---

[493] Там же.

[494] ПВЛ. Ч. II. С. 329.

[495] Или с 867 г. См.: Голубинский Е.Е. Указ. соч. Т. I. Первая половина тома. С. 51—52.

усмотрела бы в этом оскорбительное пренебрежение.

С католиками Владимир вообще отказался беседовать, сославшись на то, что прежние контакты не дали результатов. Очевидно, он имел в виду миссию епископа Адальберта к Ольге и ее отказ принять латинскую веру. Но, может быть, играли роль и более поздние события, происходившие в Италии и имевшие значение для всей Европы.

До IX в. Сицилия и Южная Италия были составной частью Византии, но, как только в западной части халифата берберы перехватили инициативу у арабов, они развили наступление по всему Средиземному морю. В течение двухсот лет прекрасная Сицилия была ареной жестокой войны, подобной той, которая за полторы тысячи лет до этого проходила здесь же между эллинами и пунийцами. И на этот раз силы соперников были равны, и так же в войну вмешалась третья сила — Рим, которым правил немецкий король Оттон II, уговоривший своих подданных на имперском сейме в Вероне в 983 г. начать войну против греков и сарацин.

Этот факт показывает, что уже в конце X в. «христианский мир» католического Запада рассматривал греческих схизматиков как «чужих» наравне с мусульманами. И это было только начало процесса отчуждения. Век спустя рыцари шли на восток, утверждая, что «так хочет Бог», а здесь пока феодалы согласились с тем, что «так хочет Оттон II». Но разница не принципиальна.

Киевские дипломаты прекрасно понимали, что совместить латинскую и греческую ориентации невозможно. Поэтому они отказались от утомительного и ненужного диспута, что и отражено в летописи, где помещен панегирик греческой вере. Но ему предшествует краткий диалог с хазарскими иудеями, на котором мы и сосредоточим внимание.

«…Пришли хазарские евреи и сказали: „Слышали мы, что приходили болгары и христиане, уча тебя каждый своей вере. Христиане же веруют в того, кого мы распяли, а мы веруем в единого бога Авраама, Исаака и Иакова“. И спросил Владимир: „Что у вас за закон?“ Они же ответили: „Обрезываться, не есть свинины и заячины, хранить субботу“. Он же спросил: „А где земля ваша?“ Они же сказали: „В Иерусалиме“. Снова спросил он: „Точно ли она там?“ И ответили: „Разгневался бог на отцов наших и рассеял нас по различным странам за грехи наши, а землю нашу отдал христианам“. Сказал на это Владимир: „Как же вы иных учите, а сами отвергнуты богом и рассеяны: если бы бог любил вас и закон ваш, то не были бы вы рассеяны по чужим землям. Или и нам того же хотите?“[496]

Текст составлен в XII в., так как в X в. Палестина принадлежала арабам, а крестоносцы владели Иерусалимом в 1099—1187 гг. Но дело не в этом — текст фиксирует попытку хазарских иудеев прибрать к рукам киевского кагана, подобно тому как это получилось с итильским. Тогда бы русы быстро оказались на положении хазар. Но хитрый славянин был проницательнее доверчивого тюрка и предпочел союз с заморскими безопасными греками.[497]

Ясно, что миссии мусульман и иудеев предшествовали войне с болгарами и хазарами, т. е. имели место не позднее начала 985 г., а поскольку русские войска в 987 г. приняли участие в подавлении восстания Варды Фоки в Малой Азии, то выходит, что неудачный

---

[496] Текст в переводе Д.С. Лихачева (ПВЛ. Ч. II. С. 258).

[497] Критика достоверности рассказа о выборе веры проводилась не раз (см.: Голубинский Е.Е. Указ. соч.), но с принятой в XIX в. позиции — буквального восприятия текста. Однако в древней историографии было принято использование диалога как литературного приема, обобщающего материал. С этой точки зрения оценка летописцем расстановки сил X в. не вызывает сомнений в компетентности автора. То, что изучение чужих религий имело место, показывает свидетельство арабского «Сборника анекдотов» (XIII в.), написанного Мухаммедом ал-Ауфи, где содержится рассказ о посольстве Буламира (Владимира) в Хорезм с целью «испытания» ислама на предмет обращения в мусульманскую веру (см.: Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Т. IX. СПб., 1896. С. 262—267).

поход на болгар и удачное покорение Северного Кавказа падают на конец 985 г. и 986 г. После этой войны иудео-хазары оказались в составе Руси, но не как правительство при новообращенном князе, а как обыватели окраинного города в одном из удельных княжеств — Тьмутараканском. И хозяином их судьбы стал седьмой сын Владимира — Мстислав.

69. Выбор совести

Объяснение предпочтения греческой веры, содержащееся в «Повести временных лет», несмотря на обстоятельность Нестора, кажется отчасти предвзятым, отчасти надуманным и, уж во всяком случае, поверхностным. В X—XI вв. ислам широко распространился среди тюрок, которые действительно вина не пили, но пили кумыс и молочную водку (арака). Разве не мог Владимир исключить из числа запретных напитков мед и пиво, а виноградное вино оставить для личного пользования, тем более что на Руси оно было дорого из-за необходимости привозить его из Константинополя? А уж отказ беседовать с немецким монахом объяснен совсем неудовлетворительно. Очевидно, в летописи многое недосказано, а если так, то об этом надо подумать.

Любопытно также, что, отринув иудаизм, русские люди X—XII вв. с интересом читали Ветхий Завет, часто его цитировали и, по-видимому, не отождествляли древнюю религию палестинских евреев с талмудическим иудаизмом. В XX в. несоответствие этих двух исповеданий ясно для специалиста-историка, но выходит, что тысячу лет тому назад в этом не сомневались просто образованные люди. Так или иначе, неприятие иудейской веры, распространявшейся в X в. исключительно половым путем, — не загадка. Слишком памятен был пример несчастной Хазарии. А вот с причинами отказа от мусульманства и католичества дело обстоит не так просто.

В IX и X вв. по всему культурному миру распространились мироощущения, которые мы назвали антисистемами. Исключение составляли только Русь, народы Сибири и отчасти Византия. Уточним формулировку понятия «антисистема» и попробуем извлечь из описания этого явления аргументы для вывода.

Поскольку мы избрали отправной точкой отсчета природу, как окружающую нас, так и заключенную в наших телах, то следует признать, что отношение к ней возможно двоякое, что проявилось в религиозных учениях, философемы которых можно охарактеризовать как диаметрально противоположные:

1. Человек признает себя частью природы, верхним звеном биоценоза — тогда он не противопоставляет себя животным, своим меньшим братьям, и, подобно им, убивает, чтобы поесть, или защитить себя, или отстоять свое право на воспроизводство детей, а умирая, он отдает свое тело на съедение растениям и червям.

2. Человек противопоставляет себя природе, в которой он видит сферу страданий. При этом он обязан включить в отвергаемую им биосферу и свое собственное тело, от которого необходимо освободить «душу», т. е. сознание. Пути для этого предлагались разные, но принцип был всегда один — отрицание мира как источника зла.

Эти два подхода к проблеме биосферы прослеживаются везде, где есть записанная история. В начале н. э. первая концепция была представлена христианством, исламом, иудаизмом, индуизмом (веданта), конфуцианством, даосизмом и языческими системами тюрок, славян и угрофиннов. Вторая концепция возникла не среди этносов, а на стыках их и распространялась по зонам этнических контактов. Начало ей положили антиохийские гностики, а бытовала она в форме манихейства, маздакизма, исмаилизма в Персии, катаризма во Франции, богумильства в Болгарии и павликианства в Малой Азии. Логика этой концепции была обаятельна, ибо подменяла туманную интуицию «знанием», разумеется сокровенным, но люди инстинктивно отвергали соблазн и вели себя одинаково в Китае и во Франции, в Арабском халифате и в Южной Сибири. А те народы или общины, которые принимали это увлекательное учение, быстро теряли его адептов, а заодно и свою славу, культуру и независимость. Однако мироотрицание вспыхивало в другом месте с новой

силой, снова проповедовало «религию света» и опять оставляло после себя трупы и объятое тьмой пепелище. Что ж, с их точки зрения, результат был желательным — через смерть страдания живых существ были прекращены, но откуда проповедники многочисленных и разнообразных антисистем брали энергию для своих страшных свершений? Очевидно, они были столь же пассионарны, как и сторонники позитивных систем, но за счет чего?

Позитивные этнические системы возникают за счет толчка (мутации) или генетического дрейфа и существуют, черпая силы из природы своего региона. Антисистемы этносов не образуют, богатствами природы пренебрегают и гнездятся в телах этносов, как раковые опухоли в живых организмах. Пассионарность их всегда высока, но черпают они ее из перепадов пассионарного напряжения, вследствие чего они возникают на границах этносов или суперэтносов. Разнообразие этносферы, т. е. ее лучшее украшение, используется антисистемами для аннигиляции культуры и природы. Традиции их передаются вне семей, от учителей к ученикам. Это значит, что место сигнальной наследственности, роднящей человека с другими млекопитающими, здесь занимает обучение, немыслимое без записанного текста. А разница между традициями «живыми», усваиваемыми при детском воспитании, и традициями «сделанными», т. е. книжными, такая же, как между организмами и вещами. Одни, умирая, восстанавливаются через потомство, другие медленно разрушаются без надежды на восстановление. Вещь может починить только человек, а книжную традицию восстановить — новый этнос. Вот почему эпоха гуманизма, т. е. чтения и усвоения наследия умершей культуры, получила название «Возрождение».

Но антисистема не вещь. Она вытягивает пассионарность из вместившего ее этноса, как вурдалак. Это для нее не составляет труда потому, что цель ее — не созидание, т. е. усложнение системы, а упрощение, или перевод живого вещества в косное, косного — путем лишения ее формы — в аморфное, а это последнее легко поддается аннигиляции, являющейся целью поборников антисистемы.

Поэтому антисистемы существуют очень долго, меняя свои вместилища — обреченные этносы. Иногда они возникают заново там, где два-три этнических стереотипа накладываются друг на друга. А если им приходится при этом сменить символ веры и догмат исповедания — не беда. Принцип стремления к уничтожению остается, а это главное.[498]

Не подлежит сомнению, что столкновение адептов систем с противоположными мироощущениями не может пройти бесследно. Они взаимно погашаются, как заряды с разными знаками или как кислота и щелочь при реакции нейтрализации. Уцелевает то, чья масса больше, и от чего, следовательно, сохраняется остаток. Если торжествует система — этногенез продолжается нормально; если побеждает антисистема — этнос разваливается, слабеет и становится добычей соседей. Но процесс такой реакции долог. Даже острые коллизии исчисляются веками. Поэтому усмотреть антисистему можно только на широких полотнах истории.

В конце IX в. Византия справилась со своей антисистемой — павликианством — и еще не столкнулась с новой антисистемой — богумильством. Отдельные малочисленные манихейские общины таились в Македонии, на границе с Сербией, и в Западной Болгарии. Они не казались опасными, ибо их время еще не настало.

Зато в арабо-мусульманском и романо-германском суперэтносах антисистемы существовали и действовали, причем их вероучители носили маски мулл и монахов-

[498] Ведь войдя в мир фантасмагорий и заклинаний, люди становились хозяевами этого мира или, что точнее, были в этом искренне убеждены. А то, что им ради этого ощущения свободы и власти над окружающими надо было плюнуть на крест, как тамплиерам, или разбить на части метеорит Каабы, как карматам, или, убив мудрого визиря (исмаилиты), обескровить страну, их приютившую, то это их совершенно не смущало. Правда, встав на этот путь, они отнюдь не обретали личной свободы. Наоборот, они теряли даже ту, которую они имели, находясь в той или иной позитивной системе. Там закон и обычаи гарантировали им некоторые права, соразмеренные с несомыми обязанностями. А здесь у них никаких прав не было. Строгая дисциплина подчиняла их невидимому вождю, старцу, учителю, но зато он давал им возможность приносить максимальный вред ближним. А это было так приятно, так радостно, что можно было и собственной жизнью пожертвовать.

теологов. Наблюдательные послы князя Владимира не могли не заметить внутренней противоречивости, царившей в грандиозных культурах Запада и Ближнего Востока. Следует и нам обратить внимание на мысли, чувства и деяния современников крещения Руси в православие, как бы встать на место послов, а потом сделать «эмпирическое обобщение, по доказательности равное наблюденному факту».

70. Раскол поля

До IX в. Восточная и Западная христианские церкви, несмотря на этнографические различия и политические неполадки, ощущали себя единым «телом», или, по-научному, целостной системой. И вдруг оказалось, что между ними появилась трещина, которая за три века превратилась в пропасть. Сам по себе спор папы Николая I с патриархом Фотием не мог быть причиной раскола. И при более важных разногласиях прелаты и епископы находили приемлемый выход. Но этот спор совпал с моментом установления в Византии инерционной фазы этногенеза, в религиозном аспекте — ортодоксии, а на Западе — с вызванной пассионарным толчком сменой стереотипа поведения, да и мышления, и образованием нового мировоззрения. И если греки нашли общий язык с мусульманами-мутазилитами — вольнодумцами, признающими свободу воли, то франки заимствовали восточную мудрость у исмаилитов, таившихся в Северной Африке под маской шиизма — учения, дозволенного в странах ислама. Это учение передавали французам и итальянцам, учившимся в Испании, тамошние профессора-евреи, конечно, в своей интерпретации. Европейцы воспринимали восточные философемы в меру своих сил критично, но для антикритики одного таланта мало, нужна научная традиция, которую в IX в. еще предстояло создать. И это было сделано в двух вариантах: схоластическом и еретическом. Первый был сформулирован как принцип в IX в., а второй — в XI в. Такое сочетание мироощущений и отрыв от ортодоксии принесли западным христианам много страданий. Но в условиях этнических контактов страдания при пассионарном подъеме неизбежны. Сколь ни трудно было изучение тонкостей теологии, нашлись люди, которые за это взялись. Пылкий ученый-монах Скот Эригена изучил греческий язык, стал переводчиком Дионисия Ареопагита, Оригена и Максима Исповедника, получил много сведений об индийской философии «карика» и создал собственную космологическую систему, принципы которой дожили до нашего времени в некоторых школах европейского идеализма.[499] Главный труд Эригены «О разделении природы» содержит тезис, который мы передадим кратко, дабы не отвлекаться от основной линии повествования.

Природа — это вселенная, делящаяся на четыре вида бытия: творящее, но несотворенное; сотворенное и творящее; сотворенное, но нетворящее; несотворенное и нетворящее. Первое предложено считать Богом, о котором мы ничего не знаем, и Он сам не знает, что Он есть. Не имея ни начала, ни конца, Бог не может действовать, т. е. двигаться, но не может и покоиться; ему мешает воля, через которую Он хочет быть всем. По отношению к предметам мира Он — «небытие»; по отношению к идеям — причинность и потенциальность; по отношению к себе — «божественный мрак», ибо, как монада, Он равен самому себе. И это небытие непрестанно изливается и образует бесчисленные потенции, которые, в свою очередь, через усвоение форм становятся действительностью (ну чем это не пантеизм?).

Это жуткое небытие хочет стать бытием и благодаря наличию у него воли образует Троицу, где Сын — превращение описанного Ничто в объект — единый первообраз, который переходит во множество форм. Эти «формы», видимо, платоновские идеи — эманации, превращающиеся в объекты, раскрывающиеся как человеческие души, которые «творятся и творят». Они отчасти идеи, в которых Бог достигает самосознания, но поскольку

---

[499] См.: Арсеньев И. Указ. соч. С. 25—41.

Бог есть небытие, то души, являющиеся эволюцией небытия, непостижимы и для Бога (ай да Эригена!).

Первоначальное тело человека было духовным, не разделенным на два пола, а «испортилось» из-за грехопадения Адама. Образовано оно душой и ею может быть возвышено до ангелоподобного состояния и даже стать выше ангелов. А окружающий людей чувственный мир относится к третьему разряду, который «творится и не творит». Итак, человек выделен из биосферы как особое существо, только деградировавшее до животного состояния из-за искушения змия. «…Бог не проклинает ни Адама, ни Евы, но только змия. Это оттого, что Господь не проклинает свои творения. Он только доброе творит… Он проклинает зло, которое не от Него произошло, но есть дело человеческой воли, уклонившейся от своей цели». Здесь Иоанн Скот Эригена повторяет Оригена, но идея деградации человека есть и в индийской философии.

Четвертое состояние натуры, которая «не творит и не творится», — это возвращение к источнику бытия, т. е. в «божественный мрак». При этом тело разлагается на четыре элемента, воскресает, превращаясь в дух, и затем вся человеческая природа вливается в Божество, почитаемое Эригеной. Иными словами, «божественному мраку» милы души умерших, т. е. самое страшное для простого человека Средневековья.

Сам Эригена понимал, что молиться «небытию», породившему мир непроизвольно — путем эманации, а не акта творения — и не ведающему о его существовании, невозможно. Если молитва не услышана — она не нужна. Поэтому он предложил подменить веру знанием. «Истинная философия есть истинная религия». Допустим, но ведь научное знание, тогда называемое философией, непрерывно изменяется. Значит, согласно Эригене, должны изменяться и догматы, в том числе и принципы, изложенные выше. Но где тогда критерий истинности суждений? Опыт? Но ведь не в опыте же воспринят Эригеной «божественный мрак».

И, наконец, в концепции Эригены вопреки свидетельствам Евангелия нет места сатане как противнику и искусителю Христа. Здесь Эригена следует авторам II—III вв., пытавшимся совместить строгий монизм с прямыми словами Христа об искушении в пустыне.

В эпоху поздней Античности проблема сатаногенеза дебатировалась неоднократно. Во II в. дьявола в церковную догматику ввел Ириней Лионский, определив ему в ней точное место. Иринею же принадлежит и ясно выраженная мысль о том, что дьявол создан подобно другим ангелам, что он по природе своей добр, обладает свободной волей и мог бы творить одинаково доброе и злое, но по собственной воле и вине стал злым и творит одно лишь злое. Он «злоупотребил» своею свободою ввиду присущих ему гордыни, надменности и чванства, а также в немалой степени зависти; за эти свойства он, по словам Оригена, был низринут с неба на землю и превратился в своего рода падшего ангела. Особенно сильно разгорелась его зависть, когда он убедился, что у Адама и Евы имеются дети; он увлек поэтому Каина на убийство брата, любезного богу, и стал родоначальником смерти, продолжающейся еще и ныне. Кроме указанных свойств, на падение дьявола с неба влияла еще и его непомерная похоть, причина падения столь многочисленных ангелов, гнавшихся за дщерями смертных. От сожительства с ними падших ангелов произошли «недостойные небожительства» демоны, помощники и сотрудники дьявола, рыскающие по свету и причиняющие людям много зла. По словам Иринея, падение дьявола произошло в период между сотворением человека и его искуплением, причем падший ангел телесен, хотя тело его «менее физическое, нежели обычное человеческое тело».[500]

Легко заметить, что версия Иринея Лионского восходит не к Евангелию, а к «Откровению Еноха», датируемому 165 г. до н. э. Это возврат к ветхозаветной традиции,

---

[500] Лозинский С.Г. Роковая книга средневековья // Шпренгер Я. и Инститорис. Молот ведьм. М., 1932. С. 4—5.

претерпевшей в эпоху Маккавеев существенные изменения. В кумранских текстах изложено учение о том, что бог знаний сотворил духов Правды и Кривды, или света и тьмы, которые борются между собой «в сердце мужа» (человека). Бог Израиля помогает сынам Правды, которые в конце концов одержат решительную победу.[501]

Это учение расходится с библейским монотеизмом, по которому добро и зло равным образом происходят от Яхве. Так, автор главы 45-й Исайи восклицает: «Создающий свет и творящий тьму, делающий мир и творящий зло — Я, Яхве, делающий это» (45.7 и 44.6—7).[502] И.Д. Амусин полагает, что на мысли кумранцев повлияла персидская философия зерванизма — учения о Зрване — «бесконечном времени», породившем и Ормузда, и Аримана. Но если так, то «Откровение Еноха» — протест против дуализма и оправдание дьявола, обозленного слишком жестоким наказанием.

Почему версию Еноха приняли Ириней и Ориген — понятно. В их время главным врагом церкви был гностицизм. Ища аргументы против Маркиона, христианские полемисты взяли на вооружение древние идеи, которые потом повисли на них как тяжкий груз. Оригену пришлось выдвинуть идею прощения дьявола богом, разумеется, после Страшного суда, хотя дьявол отнюдь не желает быть прощенным. Церковь не приняла версию Оригена, но и не отвергла интерпретацию Иринея, точнее, Еноха. Поэтому вопрос о сатаногенезе остался открытым.

Иринею же принадлежит объединение двух проблем: природы дьявола и природы демонов, по сути разделенных, даже если признать дьявола (сатану) за одного из демонов, под которыми древние разумели существ нашего мира, но более совершенных, чем люди.

«По убеждению богослова II века Татиана, тело дьявола и демонов состоит из воздуха или огня. Будучи „почти телесным“, дьявол и его помощники нуждаются в пище, и Ориген утверждает, что они „жадно глотают“ жертвенный дым. Они умственно и физически богаче одарены, нежели обыкновенный смертный, и ошибочно предполагать, учит Татиан, что они — души умерших. На основании расположения и движения звезд они предвидят будущее и обладают также потаенными знаниями, которые они охотно открывают женщинам».[503] Это учение было актуально во II—III вв., когда христиан казнили императоры, почитавшие именно демонов, называвшихся богами. Тогда духи покойников, эмпузы, были объектом деятельности колдунов, тоже преследуемых римскими законами. Но для германцев, обратившихся в христианство, эльфы, феи и гномы были «маленьким народом», а отнюдь не врагами. Зато души умерших, но не успокоившихся людей (вампиры) внушали непреоборимый страх, а реальное существование дьявола как источника зла не возбуждало сомнений. И вдруг великий ученый проповедует, что страшные призраки угодны богу, который людей знать не хочет, а сам он не податель света, а «божественный мрак».

Как могли монахи обители Мальмесбери, где Эригена был настоятелем, молиться Мраку, который их и услышать-то не может? Они не могли не усмотреть в учении своего игумена кощунство и в 890 г. его убили его же собственной чернильницей. Но и после этого больные вопросы не были сняты.

Судьба учения Эригены тоже заслуживает внимания. В бурный X век богословские проблемы не дебатировались, но с конца XI в. интерес к его идеям пробудился, и выяснилось, что он был виновником появления в Западной церкви многих лжеучений и целых сект. В XIII в. книга Эригены «О разделении природы» была подвергнута осуждению на поместном соборе в Сансе. Осуждение подтвердил папа Гонорий III в 1225 г. С этого времени мысли Эригены были приняты и развиты «не теологами, а философами-

---

501 Амусин И.Д. Рукописи Мертвого моря. М., 1969. С. 170—172.

502 Там же. С. 174.

503 Лозинский С.Г. Указ соч. // Там же. С. 4—5.

идеалистами: Декартом, Спинозой, Кантом, Фихте и Гегелем».[504] Но эта проблема выходит за рамки нашего хронологического периода и аспекта нашей темы. Нам гораздо важнее разобраться в том, за счет каких воздействий возникла эклектическая концепция Эригены, т. е. каким образом органическое мировоззрение сменилось химерным.

Начнем с того, что учение Эригены не только не христианское, но и не религиозное. «Божественный мрак» не личность, а стихия, похожая на Плерому гностиков. Однако отмеченные черты сходства с атеистическими воззрениями индийской философии указывают, что мысли свои Эригена почерпнул от арабов. Так как правоверные мусульмане не исповедовали атеизма, даже мистического, то, значит, это были африканские карматы, жившие повсюду под маской шиитов.

С их идеями Эригена мог ознакомиться при посредстве испанских и провансальских евреев, которые, сами не разделяя карматских идей, были рады передать их христианам в своей интерпретации. В пользу этого говорит описание «сотворенного и творящего», т. е. людей, эманированных «божественным мраком». Они слишком похожи на имамов, да и тому подобных «благодетелей» человечества. Совпадает и жестокое отношение к окружающей среде, где живые существа лишены духовности и потому не заслуживают сострадания. Короче говоря, в учении Эригены можно видеть попытку создать на Западе антисистему, подобную той, которая в IX в. бурно развивалась на Востоке. Значит, эригенизм — метастаз исмаилизма.

Однако этнические ситуации обоих регионов были различны. На Востоке всюду наблюдаются контакты на суперэтническом уровне, а на Западе при всей этнической пестроте был один суперэтнос, и противоестественные мировоззрения могли лишь ютиться по его окраинам. Поэтому учение Эригены не принесло особенно большого вреда, хотя вред все-таки был, так как учение это сыграло не последнюю роль в споре о божественном предопределении и соответственно свободе воли. В этот спор включились потомки бывших единоверцев Блаженного Августина, точнее — люди того склада, который толкал их идейных предков в манихейские общины. Это были люди, далекие от мистической экстатичности, но весьма склонные к спекулятивным фантасмагориям, которые, с их точки зрения, объясняли все противоречия и отвечали на все вопросы. Тезис их был крайне прост и исчерпывающ — дуализм.

Местом деятельности этих мыслителей стали Италия и Южная Франция, где смыкались греческие, арабские, еврейские и местные евреи, и прирейнские города Германии, фактически независимые и от феодалов, и от короны. По Рейну вплоть до Фландрии текли вместе с тогда еще чистыми водами изрядно мутные мысли, тем не менее отвечающие на больной вопрос Средневековья. Дуалисты предлагали непротиворечивое решение проблемы ответственности людей за свои грехи.[505] Они безусловно и четко отрицали свободу человеческой воли и делили людей на сотворенных добрыми и злыми богами. Люди могут сделать зло лишь против воли, и, следовательно, грех не вменяется им в вину, а может только отсрочить их возвращение «домой». При этом они постулировали предсуществование душ и метампсихозис. Этим «возвращением» они смыкаются с космологией Эригены, с той лишь разницей, что последний отрицал злое начало; зато он называл бога «божественный мрак», так что неясно, кому он поклонялся: Богу или сатане? С точки зрения его учеников-монахов, логичнее было второе решение, так как «божественный мрак» (несотворенное и творящее) принимал в себя обратно не свою эманацию, т. е. идеи (сотворенное и творящее) и невидимые вещи, наполняющие мир (сотворенное и нетворящее), а неупокоенные души мертвецов (несотворенное и нетворящее), т. е. попросту «нежить», вампиров, которых люди боятся и «удел» которых — псевдосуществование при злой (по отношению к людям)

---

504 Арсеньев И. Указ. соч. С. 41.

505 См. там же. С. 80–102.

активности.

Переводя эту дилемму на язык современных понятий, можно сказать, что в возникшей системе представлений роль дьявола играл вакуум, который, как известно, при столкновении с материей весьма активен, хотя без нее лишен существования. Но поскольку живое воображение людей того времени требовало персонификации и доброго, и злого начала, то сатана и воинство демонов — Вельзевул, Астарот, Астарта, Молох и хромой бесенок Асмодей — были приняты как рабочая гипотеза. В таком виде они дожили до эпохи Возрождения, дав начало теоретическому обоснованию Второй инквизиции.

Это направление философской мысли, несмотря на его очевидную противоестественность, постепенно укрепляло позиции и популярность и фигурировало в схоластике наряду с реализмом и номинализмом. Несмотря на очевидные канонические расхождения последователей Блаженного Августина с церковной позицией, августинианцы не только не подвергались гонениям (за одним лишь исключением — осуждение монаха Готшалька епископом Кёльна Рабаном Мавром), но, наоборот, с X в. пользовались поддержкой власти, ибо автором оправдания гонений на еретиков был именно Блаженный Августин.[506] Его манихейская нетерпимость опередила историческое время на 1000 лет; и только Жан Кальвин сумел использовать его полностью, но вряд ли на благо своим последователям.

71. Решение

Ведомы ли были русским искателям веры вся сложность переплетения символов исповеданий и политических программ в мусульманском мире и споры о догматах в мире католическом? Да не могли они этого не знать! Киевские купцы и воины постоянно бывали в Константинополе, сражались на Крите и в Малой Азии, торговали с египтянами и сирийцами. Это значит, что знание экономической конъюнктуры и политической обстановки было им жизненно необходимо. Но коль скоро так, то они видели, что багдадский и каирский правители жестоко враждуют друг с другом из-за веры, и тогда они не могли не заметить различия суннизма и исмаилизма, ибо славянских рабов покупали и в Багдаде, и в Каире.

Постоянно общались русские с Польшей, где проповедовали немецкие монахи. Они знали также, что греки перевели Священное Писание на доступный славянам язык, и то, что папа Иоанн XIII (965—972) в 967 г. запретил богослужение на «русском или славянском языке».[507] В этом запрещении трудно было усмотреть благожелательство к русским, но то, что запрещение было обнародовано через год после похода Святослава на Хазарию и падения Итиля, невольно бросается в глаза. Может быть, рахдониты и у папы нашли поддержку.

Но даже не это могло быть решающим обстоятельством. Принимая чужую религию, надо довериться миссионеру: мулле или прелату. Но исмаилитские да’и (глашатаи) запросто могли сыграть роль муллы и насадить в чужой стране губительную антисистему. Так они поступили с берберами, использовав их доблесть для захвата Египта и вторжения в Сирию, а затем избавились от них, отослав потрепанные отряды назад, в Тунис. Описанные события происходили в 70-х годах X в., одновременно с началом поисков веры на Руси. Надо полагать, что русам было бы неприятно оказаться так же обманутыми, как берберы, и даже еще обиднее, ибо халиф Убейдуллах был евреем, а объявил себя потомком сестры пророка. Но если берберы пренебрегли несоответствием слов фактам и не стали выяснять подлинную

---

[506] См.: Осокин Н.Н. Первая инквизиция и завоевание Лангедока французами. Казань, 1872. Т. II. С. 158—159.

[507] Monumenta Germaniae historica. Scriptores. T. VI. P. 619. См.: Кузьмин А.Г. Варяги и «Русь» на Балтийском море // Вопросы истории. 1970. № 10. С. 45.

генеалогию своего махция, то только потому, что их интересы совпали: антипатия к арабам у вождя и массы была общей. Русов совершенно не трогали внутрихалифатские склоки, но обманутыми и используемыми они быть не желали.

А на Западе тайные учения тоже стали не просто явными, но и настырными. До X в. ересь, по меткому выражению одного протестантского историка, походила на скромное растение, скрытое от взглядов людей. Но в X в. она подняла голову и открыто заявила о своей внутренней силе и энергии.[508] Получив от славянских манихеев, гнездившихся в Македонии и Далмации, стройную организацию, ересь двинулась из Италии во Францию и Фландрию, где схоластика подготовила еретикам дорогу к сердцам католиков.[509]

Конечно, можно задуматься над тем, почему русские послы сами не увлеклись манихейством, но нормальному человеку с ясной головой невозможно было представить, что дьявол, или Чернобог, которого они боялись, просто бедный ангел, озлобленный жестокой карой за шалость, что мясо есть нельзя, а жениться — тем более и что весь роскошный мир, с дремучими лесами, синими морями, чистыми реками, могучими зверями для охоты и прекрасными женщинами — матерями богатырей, — все это мерзость, сотворенная сатаной на погибель людям. Однако Европа была пропитана манихейством, и отличить правоверие от ереси было невозможно, тем более что сама церковь была не всегда последовательна, даже в насущных вопросах повседневной морали.

Не могли русские люди, бывшие в Греции и Италии, не знать, что понятное им учение о спасении праведников и посмертном наказании злых, учение, на котором строится обиходная этика, в монастырских школах Европы вытесняется учением о предопределении, согласно которому от воли людей ничто не зависит, ибо есть счастливцы, предназначенные к райскому блаженству, недоступному для остальных, пусть даже добродетельных, мужей. Да, католическая церковь официально не предписывала согласие с тезисом Блаженного Августина, но и не опровергала его, а магистры богословия предпочитали следовать Августину, ибо это снимало с людей ответственность за их поступки и давало в руки папам власть над судьбой грешников и после их смерти. Папам это было очень удобно, но русским людям казалось противоестественным.

В обоих случаях они не могли спорить с теологами, изучившими Коран и Библию, но они ощущали, что их хотят не просветить, а использовать. Таково свойство антисистемы — ее невозможно опровергнуть логически, но она ощущаема, и каждый вправе ее не принять.

Русичи так и поступили. Они остановили свой выбор на греческой ортодоксии, потому что в ней не было двойного дна. Византия хотела получить от Руси только дружбу и прекращение бессмысленных набегов на побережья Черного моря. И она не сдабривала проповедь православия хитросплетениями, пусть даже неумышленными.

Собственное заболевание неприятием мира — павликианство — византийцы преодолели еще в IX в., а славянскую антисистему — богумильство — локализовали в самой Болгарии, не допустив религиозной войны. Обеспокоенный появлением необычайной ереси, царь Болгарии Петр обратился к патриарху Феофилакту (933—956) за советом и посадил в тюрьмы много богумилов.[510] Мера эта, конечно, жестокая, но угроза массового кровопролития была отвращена.

Восточная церковь никогда не разделяла идеи Блаженного Августина о предопределении и тем самым не снимала со своих прихожан ответственности за грехи, творимые, с ее точки зрения, по своей свободной воле. Язычникам это было понятно и приемлемо для них. Безусловно положительное отношение к Ветхому Завету не

---

[508] Flathe. Geschichte der Vorldufer der Reformation. Bd. I. S. 270; см.: АрсеньевИ. Указ. соч. С. 71.

[509] Там же. С. 72.

[510] См.: История македонского народа. Скопье, 1975. С. 38.

распространялось на талмудический иудаизм, вследствие чего исключались компромиссы с гностико-манихейскими доктринами.

Учение о природе зла и злого начала было по сравнению с католическим признанием сатаны слугой Бога, выполняющим особые задания, аморфным, но вследствие этого эластичным. Уважение к дьяволу отнюдь не рекомендовалось, а значит, не было и насилия над психологической структурой новообращаемых, привыкших к элементарному противопоставлению добра злу.

Исходя из всего описанного понятно, почему русские послы рекомендовали Владимиру греческое православие. А поскольку в X в. князь зависел от дружины больше, чем дружина от князя, то решение послов было князем принято и исполнено, хотя, кажется, без большой охоты.

XII. Сила вещей (986–1036)

72. Крещение князя и крещение народа

Вспомним, что после освобождения Руси от иудео-хазарского данничества в Киеве возникли две партии: православная, во главе которой стояли Ольга и ее внук Ярополк, и неоязыческая, вождем которой был Святослав. Пока шли победоносные войны на Волге и на Дунае, эти партии уживались друг с другом, но поражение в Болгарии вызвало эксцессы, гибель князя и междоусобную войну, где Владимир выступил в качестве главы языческой партии, которая не была народной.

Культ Перуна насаждался на Руси только некоторыми киевскими князьями, ориентировавшимися на балтийское язычество. Аналогия идолу Перуна, с серебряной головой и золотыми усами, найдена у западных славян балтийского Поморья — у вагров и ободритов. Там Перуну в жертву тоже приносили петухов, а также куски хлеба и мяса.[511] Перед его идолом закалывали немецких и датских пленников. Владимир со страстностью неофита пошел еще дальше и повелел убивать в жертву Перуну даже своих сограждан.

Именно поэтому обращение князя в православие имело значение для всех киевлян. Висевшая над каждым из них угроза бессмысленной смерти отпала. Владимир совершил поступок, превратившийся в «деяние», и за это его отблагодарили церковь и народ. Значение сделанного шага было столь велико, что в свете его померкли личные качества князя, грехи, за которые он должен был ответить на Страшном суде как человек, но не как правитель. Крестившись в 987 г.,[512] Владимир примирил с собой своих воинов-дружинников и с их помощью спас от гибели Василия II, крестил киевлян в Днепре в 988 г. и новгородцев в Волхове в 989 г., причем низвергнутый Перун будто бы вопил: «О горе! Ох, мне! Достахся немилостивым сим рукам».[513]

Обстоятельства крещения Владимира крайне запутанны, ибо авторы источников преследовали не цели истинности, а свои партийные интересы. Так возникла «корсунская легенда», согласно которой Владимир принял православие в обмен на руку византийской царевны Анны, подарив ее братьям только что взятый Корсунь как вено. Несоответствие этой версии действительности установил А.А. Шахматов,[514] что еще раз доказывает

---

511 См.: Кузьмин А.Г. // Вопросы истории. 1970. № 10. С. 53.

512 См.: Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. М., 1938. С. 103.

513 Новгородская четвертая летопись «в лето 6497» (989 г.); цит. по: ПВЛ. Ч. II. С. 344. О. Рапов расходится с Нестором в датировке крещения; см.: Введение христианства на Руси. С. 107, примеч. 52.

514 См.: Шахматов А.А. Разыскания… С. 133—161; ПВЛ. Ч. II. С. 56.

преимущество получения информации для эмпирического обобщения не из первоисточников, а из монографий, где сведения летописей прошли горнило строгой исторической критики.

И вторая проблема, не менее важная, касающаяся этнической психологии. По своим личным поступкам Владимир не мог претендовать не только на святость, но и на уважение. Он публично изнасиловал пленную княжну Рогнеду, предательски убил своего брата Ярополка, заманив его для переговоров в шатер, где таились убийцы-варяги, установил в Киеве обряд человеческих жертвоприношений Перуну, держал для удовлетворения своей похоти сотни славянских и иноземных девиц в загородных дворцах, а его карательные походы на славянские племена, отпавшие от Киева во время смуты, описаны в летописи столь лаконично, что, видимо, даже летописцу эти воспоминания были неприятны. Так почему же не только церковь, но и народ чтил память князя в былинах? Без достаточных оснований посмертная любовь к правителю не возникает. А крещение славян за городскими стенами Киева шло крайне медленно.

Низвержение идола Перуна не было неприятно новгородским словенам, потому что Перун был бог чужой, но для восприятия христианства новгородцы не были готовы, как мы увидим при описании и анализе последующих событий. Что же касается других городов, даже крупных, то там принятие новой веры шло еще медленнее. Близкий к Киеву Чернигов был крещен только в 992 г.,[515] а Смоленск, лежащий на пути «из варяг в греки», — в 1013 г.[516] Прочие же славянские племена, как подчиненные киевскому князю (кривичи, радимичи), так и сохранившие независимость (вятичи), удержали привычное мировоззрение.

Но для победного, хотя и медленного наступления православия сопротивление древних культов было не страшно. Древние верования устойчивы, но пассивны, они могут только защищаться, что и обрекает их на исчезновение. Зато идеологическая система при набухающей пассионарности этноса всегда агрессивна, вследствие чего для соседей опасна. Поэтому победа над Перуном стала переломным моментом, решившим судьбу православия на Руси. Но время бесспорного преобладания христианства над языческими культами наступило только в XII в., вследствие чего наш рассказ не окончен. Пока мы можем только отметить очередную политическую победу Киева и киевлян над славянскими и балтскими племенами и то, что совершилась она благодаря продолжению линии св. Ольги и союзу с могучей Византией.

Казалось бы, произошла смена вех, но она оказалась кратким эпизодом. В 989 г. Владимир, уже будучи христианином, вернулся к политической линии своего отца и совершил поход на Херсонес (Корсунь). Город, осажденный с моря и суши, пал после того, как лишился воды, поступавшей в него по подземным трубам.[517] Местоположение водопровода было указано Владимиру предателем, названным в одних источниках попом Анастасом, в других — варягом Жъдьберном,[518] пустившим из крепости стрелу с запиской. Впрочем, русы покинули город, и он вернулся к Византии. Почему? Неужели только как плата за царственную невесту?

Нет, дело обстояло куда серьезнее. С 990 г. Византия перешла от обороны к контрнаступлению, подчинив Грузию, часть Армении и возобновив войну против

---

[515] См.: ПСРЛ. Т. IX. С. 15; ср.: Шевченко Ю.Ю. Указ. соч. С. 52.

[516] См.: Виноградов И.П. Исторический очерк города Вязьмы с древнейших времен до XVII в. М., 1890. С. 6. Примеч. 4.

[517] См.: Шахматов А.А. Разыскания… С. 140—141.

[518] См.: ПВЛ. Ч. II. С. 337.

болгарского царя Самуила. Набег Владимира на Корсунь вызвал ответную реплику в виде нападения на Русь союзников Византии — печенегов. Война длилась с 989 по 997 г., и тогда Русь потеряла причерноморские степи, а границу лесостепи пришлось укрепить валами и частоколом. Корсунская эскапада дорого обошлась Руси.

При возврате к политическому курсу прошлого, казалось бы, был естественным отказ от принятого исповедания, но тут снова проявилось сходство исторических судеб Византии и Древней Руси: процесс, начатый Константином и Владимиром, оказался необратимым и пошел лавинообразно. Город за городом принимали православие как государственную религию, дававшую утешение и надежду на жизнь вечную. Это увлекало людей, получивших вместе с религией блага культуры через письменность и изобразительное искусство. А если начальство что-то там передумало, воюет с печенегами-язычниками, ссорится с заморскими императорами, то это его дело, не имеющее отношения к спасению души. Православие на Руси перехватило у язычества инициативу и шло от победы к победе.

Решающим компонентом сложного процесса смены веры была позиция города Киева, который по богатству и значению считался третьим в Европе, после Константинополя.[519] и Кордовы. Выразительное и лаконичное описание Киева сделано историком Титмаром со слов поляков, побывавших в Киеве в 1117 г.: «В большом городе, который был столицей этого государства, находилось более 400 церквей, 8 торговых площадей и необычное скопление народа, который, как и вся эта область, состоит из беглых рабов, стекшихся сюда отовсюду, и весьма проворных данов (датчан. — *Л.Г.*). Киев оказывал постоянное сопротивление печенегам, приносящим много вреда, и подчинял себе других»[520]

Вот и разгадка могущества Киева, его преимущества перед прочими городами Руси! Для того чтобы бежать из плена, надо иметь незаурядное мужество, физическую выносливость и заряд биохимической энергии живого вещества, проявление которой мы назвали пассионарностью. Киев, как губка, всасывал в себя пассионарность всей огромной страны, подобно тому как то же самое сделал во Франции Париж несколькими веками позже. И в Киеве не возникало беспорядочности, или «броуновского движения пассионариев», так как православие было этнической доминантой киевлян задолго до Владимира. Каждый славянин или варяг, приехавший в Киев и желавший в нем жить, мог это делать, приняв православие и установив тем самым связи с местными христианами, предки которых пережили захват их города Олегом в 882 г. и спасли себя от репрессий Святослава в 972 г. Из их среды Владимир получал самых верных и храбрых воинов, предприимчивых купцов и трудолюбивых земледельцев. То, что он быстро сумел это уяснить и использовать, действительно ставит его в один ряд с Константином Равноапостольным. В таком деле, как обращение целой страны, личные качества правителя — величина столь малая, что не подлежит учету.

Умные советники Владимира это поняли и не стали мешать процессам, идущим помимо их воли. Но они держали в руках бразды внешней политики и нашли выход именно здесь. Вместо союза с Константинопольским патриархатом Русь завязала отношения с Болгарской патриархией в Охриде. Так как с 976 г. Западная Болгария была охвачена антигреческим восстанием, которым руководили комитопулы — сыновья комита Николы: Давид, Моисей, Аарон и Самуил, то оттуда можно было получать книги, иконы и просвещенных священников — учителей. Наличие болгаро-русского контакта отметил М.Д. Приселков в цитированной выше книге. И, видимо, с этим контактом связаны дуалистические мотивы в древнерусской литературе. Но эти сюжеты лежат вне нашей темы.

В начале XI в. Владимир установил союзные отношения «с Болеславом Лядским, и с

---

[519] В Константинополе в XI—XII вв. жили 1,0—0,8 млн человек (см.: Урланис Б.Ц. Рост населения в Европе. С. 77—78).

[520] Цит. по: История СССР. М., 1966. С. 518.

Стефаном Угорским, и с Андрихом Чешским»,[521] т. е. с новыми христианами, воспринявшими веру от Рима. Конечно, тогда еще не произошло официального разделения церквей, но различие между Римом и Константинополем уже ощущалось остро. Дипломатия Владимира показывает, что он искал возможности порвать с традициями и Святослава, и Ольги. А третьей возможностью в тех условиях был контакт с Западом, потому что мусульманский Восток находился в состоянии войны с Русью. В 997 г. Владимир вынужден был идти походом на камских болгар.[522] и тем самым снять часть войск с южной границы, чем немедленно воспользовались печенеги, среди которых уже шла пропаганда ислама[523]

73. Проигранная ставка

Одна ошибка иногда влечет за собой длинный ряд последствий. Ссора с Византией из-за грабительского похода на Корсунь в 989 г. повлекла, кроме тяжелой войны с печенегами, уже упомянутый выше контакт с Болгарией, так как молодой Русской церкви надо было получать книги, иконы, поучения и разъяснения от квалифицированных богословов. Таких ученых теологов не было в X в. не только в Польше, Чехии и Венгрии, но и в Германии и Италии, ибо Римская церковь переживала очередной кризис. А в Болгарии духовенство было очень ученое, даже слишком ученое. Манихейская и маркионитская пропаганда не могла не задеть тех, кто был с нею рядом. Для того чтобы спорить с манихеями, надо было знать их учение, а оно завлекало своей безукоризненной логикой. И ведь не всякий богослов столь гениален, чтобы найти опровержение весьма талантливой аргументации. Поэтому контакт с Болгарией таил для Руси немалую опасность.

С другой стороны, царь Самуил жестоко опустошал Грецию и Фракию, а император Василий, оправившись от первых неудач, затем своей беспощадностью заслужил прозвище Болгаробойца. В 1001 г. он начал планомерное наступление, ослепляя захваченных в плен болгар. Любопытно, что православное духовенство Болгарии при осаде крепости Видина помогло не Самуилу, а Василию. Наконец болгары потерпели тяжелое поражение. Царь Самуил умер от нервного шока 6 октября 1014 г. Его сын Гавриил-Радомир погиб от рук заговорщиков, а новый правитель был убит в 1018 г., после чего Болгария капитулировала.

Гибель союзника не могла не отразиться на положении Руси. Для киевлян стало очевидно, что союз с Византией, т. е. традиция Ольги, гораздо перспективнее поисков друзей на Западе. В столице нарастало разочарование правительством.

Еще сложнее были проблемы управления языческой страной при помощи христианского административного аппарата. В Ростово-Суздальской земле вели агитацию волхвы, которые в отличие от жрецов Перуна пользовались популярностью в народе. В Новгороде князь Ярослав Владимирович, сын Рогнеды, ссорился с горожанами, защищая свою варяжскую дружину от ярости новгородцев, раздраженных буйством варягов. Текла кровь.[524]

Однако князь Ярослав даже в этих стесненных обстоятельствах порвал с отцом, ибо, будучи обязан отсылать в Киев 2/3 собираемой дани, оставил всю ее себе. Это вызвало

---

[521] В «Повести временных лет» этот текст идет под 997 г., из чего ясно, насколько малодостоверна хронология летописи. Но при описании XI в. таких грубых неточностей не встречается.

[522] Никоновская летопись «в лето 6505»; см.: ПВЛ. Ч. II. С. 350.

[523] Куник А., Розен В. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Т. I. СПб., 1878. С. 58—60.

[524] Эти и последующие события подробно описаны многими авторами истории Древней Руси, и повторять их изложение здесь нет необходимости. Для нас важен только аспект борьбы исповеданий, отразившийся в последовательности событий и просматриваемый при большом обобщении.

конфликт. Владимир в 1015 г. собрал войско для похода на Новгород.

Старший сын Владимира — Святополк,[525] сын греческой монахини, взятой в плен Святославом. Он был нелюбим отцом и искал утешения в дружбе с епископом Рейнберном Колобережским,[526] приехавшим из Польши вместе с сестрой короля Болеслава I, невестой, а потом женой Святополка. Хотя время церковного раскола еще не настало, но Владимир посадил сына под арест, а епископа — в тюрьму, где тот умер.[527]

Любимым сыном Владимира был Борис, старший брат Глеба — юноши, сидевшего в пограничном Муроме. Борису старый князь доверил командование войском, собранным в 1015 г. против печенегов. Всего у Владимира было 12 сыновей, но остальных мы описывать не будем,[528] за исключением Мстислава Тьмутараканского, о коем пойдет речь особо.

Три названных здесь князя являлись выразителями трех сложившихся на Руси направлений: языческой реакции — Ярослав, западничества — Святополк и болгарофильства — Борис. Видимо, было и грекофильское направление — былые сторонники преданного Ярополка, вождь коих — Варяжко — убежал к печенегам. Эти помалкивали, ибо князь был грозен. Но 15 июня 1015 г. Владимир внезапно умер. И все, что было зажато в его твердой руке, пришло в движение.

Выяснилось, что за четверть века спокойной жизни (ибо печенежская война сводилась к ряду пограничных стычек и не влияла на экономику страны) города набрали такую силу, что князья-правители всецело зависели от их поддержки, а следовательно, должны были исполнять волю своих подданных. И второе — режим князя Владимира потерял популярность среди киевлян. Эти два наблюдения объясняют детали дальнейшего хода событий.

М.Д. Приселков доказал, что симпатии киевского князя, принявшего крещение от Царьграда, перешли к Охриде — болгарской митрополии, контролируемой царем Самуилом. Православие Самуила вызывало сомнения даже у болгарских клириков, но отнюдь не интересовало Владимира Красное Солнышко. Он привык относиться к грекам отрицательно, как об этом свидетельствует Михаил Пселл (см. ниже), но печенежский барьер лишал киевского князя возможности перейти к наступательной войне. Воевода Варяжко, верный памяти своего друга и князя Ярополка, сумел отодвинуть оборонительную линию Владимира от берега Черного моря до лесостепи и тем самым воспрепятствовать прямому контакту Руси с Болгарией. Печенеги изолировали Болгарию, чем обрекли ее на поражение, а Владимиру пришлось истратить свои силы на подавление недовольства своих подданных, которые не умели ориентироваться в эклектической политике своего правителя.

Казалось бы, Владимир, умирая, мог быть спокоен за судьбу своего дела. Он обеспечил

---

[525] Строго говоря, первым сыном Владимира был Вышеслав. Но о нем в истории не осталось никаких упоминаний.

[526] См.: Приселков М.Д. Указ. соч. С. 55—56.

[527] См.: ПВЛ. Ч. II. С. 364.

[528] Перечень сыновей Владимира не во всех летописях одинаков (см.: ПВЛ. Ч. II. С. 325), и есть нерешенные проблемы генеалогии, для нашего исследования не имеющие значения. Ограничимся списком из статьи 988 г. От Рогнеды: Изяслав — родоначальник полоцких князей, Мстислав (умер в 1036 г.), Ярослав Мудрый (умер в 1054 г.), Всеволод (о нем ниже). От греческой монахини, вдовы Ярополка, — Святополк Окаянный, «сын двух отцов» (умер в 1019 г.), от чехини — Вышеслав, а от другой — Святослав Древлянский (умер в 1015 г.) и Мстислав. От болгарки — Борис и Глеб. К ним добавлены: несчастный Судислав, захваченный Ярославом во Пскове в 1036 г. и просидевший в порубе (тюрьме) до 1059 г., и Позвизд, по недостоверным сведениям живший на Волыни (см.: ПВЛ. Ч. II. С. 343). Всеволод, первый в русской истории эмигрант, в 90-е годы X в. бежал в Швецию и погиб там в 995 г. Кроме того, у Владимира были две дочери от Рогнеды — Предслава и Мария Доброгнева (жена польского короля Казимира). Но из всего столь многочисленного потомства уцелели только дети Изяслава Полоцкого и Ярослава Мудрого.

любимому сыну Борису командование ратью и тем самым золотой стол киевский, а нелюбимому пасынку Святополку.[529] — тюрьму и, возможно, казнь. Но все пошло наоборот: Святополка немедленно освободили и посадили на престол, а войско Бориса разбежалось, покинув своего вождя[530] Тогда Святополк послал убийц к Борису и его брату Глебу, а третий брат — Святослав, правивший древлянами, бежал, но был настигнут и тоже убит. И никто не вступился за несчастных юношей, не повинных ни в каких преступлениях.

Зато Ярослав в Новгороде запятнал себя убийством делегатов от горожан, прибывших на княжий двор для улаживания конфликта новгородцев с варягами. Но новгородцы хотели воевать с Киевом. Они простили князю предательство, собрали 3 тыс. воинов, оплатили 1 тыс. варягов и двинулись против Святополка с лозунгом мести братоубийце. Ведь можно придумать любой лозунг, когда хочется воевать.

Итак, политическая линия Владимира оборвалась с его смертью и унесла в могилу его любимых сыновей. Но политика — дело земное, связанное с расчетом на выгоду, а религия влияет на формирование совести и одного человека, и целого этноса. Поэтому инерция крещения Руси оказалась неодолимой, несмотря на ошибки великого князя, точно так же как было в Риме при Константине и его преемнике — Константе, покровителе Ария.

74. Импульсы и символы междоусобной войны

Последовавшая война Ярослава со Святополком описана неоднократно и подробно, что дает нам право сосредоточить внимание на ее психологическом аспекте, которому внимания никто не уделял. Вспомним, что знаток гражданских войн Фарината дельи Уберти утверждал, что на этих войнах каждый боец знает, за что он идет убивать своих земляков и жертвовать собственной жизнью, тогда как в войнах с иноплеменниками все решает ощущение своего и чужого, не требующее участия сознания и воли. Огюстен Тьерри, изучавший войны Меровингов и Каролингов, сделал вывод, что воины Карла Лысого и Лотаря не бездумно подчинялись воле королей, а вкладывали в их имена свое, им понятное содержание, персонифицируя, по обычаям того времени, принцип, который им был действительно дорог. Сочетание принципа и персоны превращалось в символ, ради которого стоило рисковать жизнью, если имелся достаточный пассионарный импульс. Только при этом сочетании войско становилось боеспособным, ибо если шел разговор о выгоде, то каждому, например новгородцу, было выгоднее спать у себя на печи, наевшись ухи из ряпушки и корюшки и запив ее пьяным медом. Если же новгородец покидал домашний уют и шел в поход, то не из шкурных интересов, а потому, что это значило для него нечто большее.

И, уж конечно, не персоны Ярослава или Святополка увлекали бойцов на битву. Ведь за Бориса и Глеба не заступился никто. Значит, Святополк и Ярослав стали символами программ, формирующих души, плавящиеся от пассионарного накала. Что Святополк был западником, мы уже знаем; что в войске Ярослава было много язычников, и скандинавских, и славянских, мы догадываемся, но должны себя проверить; а что город Киев был уже православным — ясно и без доказательств. А тогда общественное мнение столицы решало судьбу золотого стола киевского: на нем мог усидеть только тот, кого хотели народ и бояре. Отметим это и перейдем к анализу событий.

Святополк, сменив Владимира, повернул политический курс на 180°. Он не только помирился с печенегами, но и вступил с ними в союз. Это мероприятие запоздало, ибо среди печенегов уже вели проповедь мусульманские муллы и дружба с ними не означала для

---

[529] Владимир, убив Ярополка, «поял его жену», уже беременную. Поэтому Святополк считался сыном двух отцов. Владимир его не любил.

[530] См.: Приселков М.Д. Указ. соч. С. 59.

киевлян мира с Византией. Но печенеги прислали на помощь Святополку отряд, на который тот возлагал большие надежды. Однако в бою у Любеча печенеги, отделенные от войска Святополка озером, не могли его поддержать, и новгородцы победили, а Святополк бежал в Польшу, к Болеславу I.

Новгородцы вошли в Киев… «и погоре церкви».[531] Да-да, не дома и не лавки купцов, а именно церкви. Это говорит не о позиции князя Ярослава (да вряд ли у него тогда была какая-либо позиция), а о настроении новгородского войска. Киевлянам такая бесцеремонность понравиться не могла, но набег печенегов в 1017 г. отвлек их внимание, так как город надо было оборонять. Печенегов отбили, но когда в следующем, 1018 г. Ярослав был разбит польским королем Болеславом на Буге, то Киев не оказал ему поддержки, и князь бежал в Новгород «съ 4-мя мужи».[532]

Болеслав и Святополк овладели Киевом, но киевляне не захотели видеть у себя поляков. Польских воинов, разведенных на постой, хозяева домов убивали во время сна. Болеслав счел за благо увести остаток войска домой, а Святополк возобновил дружбу с печенегами.

Если в этой эпопее Святополк не вызывает симпатий, то отношение к Болеславу I Храброму должно быть противоположным. Это был последний паладин древнего славянского единства, разрушенного аварами в конце VI в. С 1002 г. Болеслав I пытался объединить западных славян и противопоставить славянскую державу немецкой империи. Он отогнал немцев за Эльбу и даже взял их оплот — крепость Мейсен (на Эльбе, ниже Дрездена), выгнал из Праги Болеслава III Рыжего (изверга, изуродовавшего своего брата Яромира и стремившегося убить другого брата, Удальрика), а Чехию присоединил к Польше.

Казалось бы, успех достигнут, но чехи и даже язычники-лютичи предложили свою помощь императору Генриху II против поляков. В 1005 г. соединенные силы немцев, чехов и лютичей оттеснили польские войска, и по договору в Познани Болеслав отказался от своих завоеваний. В 1007 г. война возобновилась, причем инициаторами ее были чехи и лютичи, подбивавшие немцев на поход. Поляки победили и к 1012 г. дошли до Эльбы. Немцы запросили мира, и Генрих II дал в лен (т. е. уступил) Болеславу завоеванные им земли.[533]

Третья фаза войны, в 1013—1018 гг., тоже кончилась славной, но… бесплодной победой поляков. Ни русичи, ни лютичи, ни чехи не хотели объединения с Польшей. Подобно тому как Лотарь в 840 г. уступил природному закону этногенеза и бросил идею сохранения империи, так сын Болеслава Мечислав, потерпев в 1032 г. поражение от немцев, стал ленником империи. Польша развалилась на части и перестала быть опасной для соседей. Без искренних друзей существовать не может ни человек, ни этнос.

Но в 1018 г. никто не мог предвидеть такого оборота событий. Святополк Окаянный торжествовал в Киеве.

Ярослав был в панике. Он хотел все бросить и бежать в Швецию, но посадник Константин Добрынич приказал изрубить ладьи Ярослава и организовал новый поход на Киев. В 1019 г. в битве при Альте новгородцы разбили печенегов, последних союзников Святополка, ибо от киевлян ему пришлось бежать. Святополк бежал в Польшу, но умер в дороге, по утверждению летописца, от угрызений совести, вызвавших у него психическую болезнь. Ярослав же сел на золотой стол киевский, и на этот раз церкви не горели.

Братоубийственная война кончилась, и, хотя победа была одержана силами языческой реакции, она повела к торжеству православия. Механизм процесса прост. В языческом Новгороде была инициативная, т. е. пассионарная, группа противников христианства.

---

531 ПВЛ. Ч. I. С. 96.

532 Там же. С. 97.

533 Вебер Г. Всеобщая история. Т. VI. С. 132—151.

Именно она бросилась на Киев и погибла под мечами польских рыцарей на Буге и от печенежских стрел на Альте. Оставшиеся в живых получили денежное вознаграждение для себя и хартию, гарантирующую их права, для города. Они остались этим довольны и вернулись домой залечивать раны, нанесенные войной. А дети их воспитывались в условиях господства православной культуры, поскольку славянское язычество оказалось изолированным после христианизации Скандинавии.

Русь и ее соседи в X—XI вв.

Конечно, нельзя считать, что такой конец был предрешен. Так не думал сам князь Ярослав, с удовольствием сменивший буйный Новгород на культурный Киев. Но он принял меры. Устранив посадника, фактически подарившего ему престол, своего двоюродного дядю Константина Добрынича: «…разгневася на нъ великый князь Ярослав и поточи и в Ростов и на 3-е лето повеле его убити в Муроме на реце на Оце (Оке)».[534] Таким образом, новгородская оппозиция лишилась вождя и «северо-западная» проблема была решена в пользу гегемонии Киева, а тем самым и православной церкви.

Но оставалась юго-восточная граница. Там находилось фактически независимое княжество Тьмутараканское, с которым были связаны остатки иудео-хазар, и печенежский союз, переходивший в мусульманство, т. е. в иной суперэтнос. Эта проблема была не менее грозной, чем северная и западная, так как со стороны Степи Киев был открыт. Посмотрим же, что изменилось в степи за время описанной здесь междоусобной войны.

75. Использованный шанс

Роль личности в истории — проблема уже решенная. Нет надобности мудрствовать по этому поводу, но использовать добытые результаты следует. Характер князя Мстислава Владимировича в иных условиях не имел бы никакого значения для судеб народов, но в сложившейся ситуации некоторые черты этого князя способствовали развитию цепочки событий в определенном направлении; а то, что эта цепочка быстро оборвалась, это уже дело случая.

Летописец характеризует Мстислава так: он был толст, румян, с большими глазами, храбр в бою, любил дружину и не жалел для нее ни подарков, ни угощений. То есть он полностью находился в кругу мыслей и чаяний своего окружения.

Да и могло ли быть иначе? Привезенный в Тьмутаракань ребенком, Мстислав был воспитан среди сверстников — жителей веселого торгового города с крайне смешанным населением. Товарищами его детских игр и юношеских забав были не малочисленные славяне, а местные жители, среди которых большинство составляли хазарские евреи, называвшие себя просто хазарами. Подлинные хазары жили за пределами Тьмутараканского княжества — в низовьях Волги, Терека и Дона. Последних стали называть бродниками и, несмотря на то что они говорили уже на общепринятом славянском языке и исповедовали православие, ни с русскими, ни с евреями не путали.[535] Тьмутараканское княжество было островком среди окрестных степных народов. Нормальным состоянием между теми и другими была пограничная малая война.

Так в полной безвестности, хотя и без скуки, в смешанном русско-еврейском обществе прожил до сорока лет простодушный, гостеприимный, храбрый и доверчивый князь Мстислав, пока судьба не послала ему повод прославиться. Главными противниками его еврейских друзей были касоги — черкесское племя предгорий Кавказского хребта. Видимо,

---

[534] Софийская первая летопись; цит. по: ПВЛ. Ч. II. С. 368.

[535] См.: Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. С. 176.

против них строились импровизированные укрепления, способные укрыть стада и выдержать осаду.[536] Но для активных действий хазарские евреи привлекали русского князя, бывшего их искренним другом и искавшего богатырской славы.

Мстислав в 1022 г. убил на поединке черкесского князя Редедю, но обошелся с побежденными милостиво: женил сына Редеди на своей дочери и привлек касогов (черкесов) в свою дружину, состоявшую дотоле из немногих русских выходцев и хазарских евреев. Таким образом, на берегу Азовского моря сложилось минимальное подобие разбитой Хазарской державы, за одним лишь, но очень важным исключением: правитель был набожным христианином.

Победив Редедю, Мстислав воздвиг в Тьмутаракани церковь Богородицы, накануне своей смерти он заложил храм в Чернигове, сын его был крещен. Короче говоря, соседство с иудео-хазарами не повлекло смешения русских с евреями. Оба этноса жили дружно, но раздельно. Однако в следующем, 10 23 г. наступило роковое мгновение, решившее судьбу Тьмутараканского княжества.

Жестокая братоубийственная война на Руси, разразившаяся в 1015 г., после смерти Владимира, между Святополком Окаянным и Ярославом Мудрым, ослабила Русь. После победы над Святополком Ярослав был вынужден заново покорять отпавшие окраины. Племянник Ярослава полоцкий князь Брячислав в 1021 г. взял и ограбил Новгород. Ярослав настиг его и отбил пленных, но война не утихала. Около Суздаля поднялись волхвы: «Был мятеж великий», усмиренный только в 1024 г. Отложились вятичи, вновь покоренные только Владимиром Мономахом, и северяне — обрусевшие потомки воинственных савиров. И тогда пришло время действовать Мстиславу.

В 1023 г. «пошел Мстислав на Ярослава, с хазарами и касогами». Согласно летописной манере изложения, инициатива всегда приписывается князю, а влияние советников и давление общественного мнения опускаются. Однако в свете описанной ситуации вернее считать, что на Русь пошли походом хазары и касоги, а чтобы привлечь на свою сторону часть русских, привели с собой Мстислава Владимировича.

Ярослав был в это время в Новгороде, и Мстислав в 1024 г. занял Чернигов, город, стоявший на границе «русской» и «северской» земель,[537] но киевляне отказались принять.[538] к себе князя с еврейской свитой. Ярослав вернулся из Новгорода с наемной варяжской дружиной. Осенней грозовой ночью у города Листвена скандинавы встретились со степняками и убивали друг друга при свете молний[539]

Мстислав поставил в передовую линию северян, а свою дружину оставил в резерве. Когда же сражавшиеся устали, конница Мстислава ударила по варягам и погнала их, рубя бегущих. Ярослав бежал в Новгород.

Казалось бы, после такой победы Киев и вся Русская земля должны были достаться Мстиславу, но случилось обратное: Мстислав запросил мира. Почему?

Летописец вложил в уста Мстислава слова, якобы произнесенные утром после боя: «Кто этому не порадуется? Вот лежит северянин, вот варяг, а своя дружина цела». Этот возмутительный цинизм показал северянам, что их не освободили, а использовали. В X—XI вв. эта манера обращения с союзниками была хорошо известна. Так итильские цари бросали хорезмийских наемников на русов и венгров, а русов — на дейлемитов и греков, не жалея погибших. Уцелевшие северяне не могли не почувствовать себя оскорбленными, а без

---

[536] См.: Биджиев Х.Х., Гадло А.В. Указ. соч. С. 12—13.

[537] См.: Древнерусские княжества X—XIII вв. С. 9 и 63—64.

[538] См.: ПВЛ. Ч. I. С. 99.

[539] См.: ПВЛ. Ч. II. С. 371.

их активной помощи Мстислав не мог и думать о захвате Киева.

Но может быть, это была просто бестактность наивного князя, а иудео-хазары в ней не виноваты? Возможно, но даже если так, то эта бестактность есть плод воспитания в чужой среде, а там перенимание чужих воззрений неизбежно. Да и не было бы надобности включать в летопись случайную оговорку. Очевидно, она в свое время прозвучала достаточно громко, как политическая программа.

Итак, победитель Мстислав просил мира у разбитого Ярослава, аргументируя это тем, что Ярослав — старший брат.[540] Признание себя «младшим братом» означало подчинение на правах автономии. Так оно и было на самом деле.

Но куда девалась победоносная дружина Мстислава? Касоги (черкесы) покинули его, вернулись в Тьмутаракань и при помощи осетин (ясов) овладели городом.[541] Ярослав в 1029 г. послал войско против ясов и вернул Тьмутаракань.[542] Мстислав хранил верность великому князю вплоть до смерти в 1036 г., после чего Чернигов и Северская земля воссоединились с Русью. А что делали в это время иудео-хазары?

76. Безнадежность

Нет, попытка создать на месте Руси вторую Хазарию провалилась не из-за случайного невезения. Личные отношения с храбрым и доверчивым князем не могли восполнить той непопулярности, даже неприязни, которую вызывали иудео-хазары в киевлянах, еще помнивших поход достопочтенного Песаха. Да и сам Мстислав, оказавшись в Чернигове, увлекся храмостроительством и охладел к еврейским товарищам своей юности.

Предполагаемая реконструкция событий была бы только домыслом, если бы не сохранился документ XI в. — «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона. Смысл этого краткого сочинения — в противопоставлении еврейскому «закону», данному для одного только народа, христианского учения о благодати, наводняющей все страны, в том числе Русь. И тут замечает автор: «Июдея молчит».

Произведение это, видимо, навеяно ситуацией. Когда еврейские войска с русским князем во главе стояли в Чернигове, киевляне вряд ли чувствовали себя спокойно. Отсутствие войны не всегда мир. Прямая антииудейская агитация могла вызвать ответную реакцию, направленную против талантливого христианского автора. Можно думать, что именно поэтому «Слово о законе и благодати» было обнародовано после 1037 г., т. е. по смерти князя Мстислава.

Тогда тема была уже не столь актуальна, но миновала и опасность для автора, ибо еврейским сподвижникам Мстислава пришлось вернуться в родную Тьмутаракань. И все-таки слово Илариона, тогда простого киевского священника, сыграло свою роль. Оно дало киевлянам направление патриотической мысли, доминанту, формирующую общественное сознание. А это грозная сила. Не перед мечами наемных варягов отступили поборники иудаизма, а перед общественным мнением киевлян и окрестных славян, сделавших выбор в пользу византийского православия, ставшего культурной доминантой для последующих поколений русичей. Для иудейской струи в этой культуре не осталось места. Правда, еврейская колония в Киеве существовала до 1113 г. и даже имела каменную синагогу, но эта колония принадлежала не хазарским евреям-воинам, а западным, выходцам из Германии, — ростовщикам.

---

[540] На несоответствие летописных текстов обратил внимание Д.С. Лихачев (см.: ПВЛ. Ч. II. С. 325). Отмеченные им трудности не исключают предлагаемого нами объяснения противоречий летописных текстов.

[541] См.: Лопатинский А.Г. Указ. соч. С. 23—26.

[542] См.: Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945. С. 361.

Было высказано предположение, что обострение русско-еврейских отношений было вызвано попыткой пропаганды иудаизма в Киевской Руси.[543] Вряд ли это правильно, скорее наоборот: «Евреи с чрезвычайным отвращением относились к прозелитизму, и… влияние иудаизма всюду отражалось помимо их прямой деятельности в этом отношении».[544] Единственным путем распространения иудаизма был тот, который применялся в Хазарии, — смешанные браки.

Язычники, терпимые к иноверцам, шли на это охотно, но православные священники категорически воспрещали браки с иноверками. Но у евреев был другой, окольный путь, уже испробованный в Испании и Лангедоке: распространять скептицизм и индифферентизм, а тем самым ликвидировать этнокультурную доминанту. Это был принцип «вавилонского столпотворения». В Вавилоне, по легенде, возникло «смешение языков», причем все продолжали говорить по-арамейски, но придавали словам разные значения. Отличия были в нюансах, но взаимопонимание исчезло, и этнос «рассыпался розно».

Но в Киевской Руси проповедники иудаизма встретили мощное сопротивление развитого и продуманного православного богословия. Их выпады против христианской догматики были давно известны грекам, нашедшим толковые и исчерпывающие опровержения их. Русские священники XI в. греческий язык и византийскую теологию знали, а миряне, отнюдь не глупые и не ленивые, ее понимали.

В своем «Слове» Иларион отводит особое место еврейской неблагодарности. Он пишет, что Христос пришел не только к «погибшим овцам дома Израилева», закон которых он не собирался нарушить, но и ко всем народам. Однако иудеи объявили его обманщиком, сыном блудницы, творящим чудеса силою Вельзевула… и замучили его на кресте, как если бы он был злодеем.[545]

Вспомним расправы хазарских царей над русскими союзниками, когда после тяжелых боев на южных берегах Каспия те возвращались на Волгу, надеясь найти там отдых и поддержку. Неблагодарность воспринималась славянами как нечто противоестественное и потому омерзительное. Их этнические стереотипы не совпадали ни с иудейскими, ни с норманнскими.

Развивая высказанную мысль, Иларион рассказывает о том, как иудеи в древности убивали своих пророков, чем дает понять, что гибель Иисуса Христа — не случайность, а обычная расправа над праведником, «понеже дела их темна бяху», так как иудеи «не взлюбиша света». И он не без удовольствия констатирует, что «избивающие пророков камнями» были разбиты «до основания» римлянами. При этом он четко отделяет древнейший период — эпоху Авраама, Исаака, Иакова — от эпохи Моисея и царей Иудеи. К первым он относится вполне положительно, а ко вторым — более чем скептически. Отсюда логично вытекает противопоставление «закона», данного только евреям, «благодати», которая осияла все народы Земли. Это вполне законченная и предельно четкая концепция. Очевидно, она была понятна киевлянам XI в., иначе «Слово» не стоило бы писать.

А ведь у иудаизма были шансы на победу. Православие еще не укрепилось на Русской земле. Даже там, где местные культы были сломлены, воцарилось двоеверие, которое не исчезло вплоть до XX в. Но, получив возможность выбора между верой и безверием, русичи, от князей до смердов, выбрали греческую веру, так что иудейская пропаганда, видимо, играла роль катализатора в обращении славян и финноугров в православие. Это отнюдь не

---

[543] См.: Малишевский И. Евреи в Южной Руси и Киеве в X—XII вв. // Труды Киевской Духовной академии. Т. III. 1878. С. 436—439.

[544] Берлин И. Указ. соч. С. 153.

[545] См.: Розов Н.Н. Синодальный список сочинений Илариона — русского писателя XI в. // Slavia, № 32. Прага, 1963. С. 159—160.

снижает значения подвига митрополита Илариона, противопоставившего позитивное мировоззрение негативному, т. е. отсутствию всякой веры. Заслуга его не меньше, чем у прославляемых им каганов: Владимира Святого и Ярослава Мудрого. Но для нас важно другое: статистический процесс этногенеза в инерционной фазе, когда выздоровевший от возрастной болезни этнос отбрасывает чуждую ему культуру, противится превращению себя в химеру и тем избегает образования на своей земле антисистемы. Такова была воля народа, к которому принадлежал Иларион. Его огненные строки сыграли для Древней Руси ту же роль, какую для средневековой Франции сыграла одна фраза лотарингской пастушки — «La Belle France!». А ведь из-за этого простого лозунга Англия проиграла Столетнюю войну.

Однозначное общественное мнение значительнее симпатий или антипатий отдельных князей. Оно исключало не только проповедь иудаизма, но и смешанные браки, которые в языческой Хазарии играли определяющую роль. Поэтому попытки западноевропейских евреев утвердиться в Киеве были неудачны, а хазарским пришлось ограничиться Тьмутараканью, где они находились под властью русских князей. Но евреи и тут попытались найти выход. Выжидать они умели. И действительно, в события вмешались новые выходцы из Азии — куманы, которых на Руси назвали половцами. Их появление оказалось роковым для печенегов, трагичным для гузов и весьма существенным для русско-иудейской коллизии.

XIII. На степной границе (1036—1061)

77. Преображение печенегов

Печенеги — ветвь древнего этноса «канг», населявшего страну Кангюй — степь между Иртышом и Аралом.[546] Предки их упоминаются в истории при описании хунно-китайских войн II в. до н. э.[547] Следовательно, в XI в. их этногенез был в последних фазах, скорее всего в гомеостазе.

Природные условия, а именно климатические, были немилостивы к канглам. Они населяли экстрааридную зону, и поэтому засухи III и X вв. весьма сильно ударили по их хозяйству.[548] Но они же толкнули часть канглов на переселение в чужие страны. Так, в 889 г. те из них, которые носили имя «пацзынак» (печенег), еще в начале надвигающейся засухи перебрались в Причерноморье, где пережили тяжелое время. Когда же степи вновь зазеленели, овцы нагуляли жир, а кони — силу, печенеги воспрянули вместе с природной средой, ибо при гомеостазе этнос неотделим от биоценоза вмещающего ландшафта. И тогда печенеги начали испытывать культурное влияние соседей, потому что в голодном X веке степнякам было не до культуры. Но когда в XI в. голод ушел в прошлое, можно было задуматься и над вопросами о смысле жизни и выборе друзей.

Выбор для печенегов был, как и для русов, ограничен тремя вариантами — православием, латинством, исламом, а если все это не подходит, можно остаться верными древней традиции.

В X в. печенеги были «самыми жестокими и упорными из всех язычников». Так их характеризовал католический миссионер Бруно, окрестивший за полгода (в 1008—1009 гг.)

---

[546] См.: Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Уральский край. Т. II. Л., 1926. С. 119.

[547] См.: Гумилев Л.Н. Хунну. С. 131, 170—173.

[548] См.: Гумилев Л.Н. Гетерохронность увлажнения Евразии в древности // Вестн. ЛГУ. 1966. № 6. С. 62—71; он же. Гетерохронность увлажнения Евразии в средние века // Там же. 1966. № 18. С. 81—90; он же. Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии // История СССР. 1967. № 1. С. 53—66.

менее тридцати печенегов.[549] Но в XI в., точнее — после 1010 г., произошло следующее: «…после 400 года хиджры случился у них пленный из мусульман, ученый богослов, который объяснил некоторым из них ислам, вследствие чего те приняли его. И намерения их были искренни, и стала распространяться между ними пропаганда ислама. Остальные же, не принявшие ислама, порицали их за это, и дело кончилось войной. Бог же дал победу мусульманам, хотя их было только 12 тысяч, а неверных вдвое больше. И они (мусульмане) убивали их, и оставшиеся в живых приняли ислам. И все они теперь мусульмане, и есть у них ученые, и законоведы, и чтецы Корана».[550]

Эту же ситуацию византийцы передают без конфессионального оттенка, а просто как вражду между полководцем Кегеном, не раз побеждавшим гузов, и главой печенежского союза Тирахом. Разбитый Кеген бежал со своими сторонниками в Византию, и все они приняли крещение.[551] А то, что большая часть печенегов стала мусульманами, подтверждает автор XII в. Гарнати.[552]

Даты этих событий в источниках отсутствуют, но мы можем внести необходимые уточнения, косвенно сопоставив военную историю с историей изменения режима увлажнения степной зоны. Предпошлем анализу краткую преамбулу.

Повышенное увлажнение для сухих степей — благо, ибо с ним связано увеличение травянистых пространств, составляющих кормовую базу для скота и коней. Это немедленно сказывается на росте военной мощи. Кочевники от защиты своих жилищ и пастбищ переходят к нападениям на соседей, что фиксируется в летописях. И наоборот, в странах влажных, земледельческих постоянные дожди — бедствие, так как злаки не вызревают и гниют в земле.

Следовательно, если повышенное увлажнение охватывает территории, лежащие в полосе между 45 и 30° северной широты, то для причерноморских степей это оптимальные условия, а для Западной Европы — пессимальные.

В X в. ложбина атлантических циклонов проходила через междуречье Волги и Оки, что определило подъем уровня Каспия на 3 м. Значит, в Европе дожди орошали лишь Северную Шотландию и Южную Скандинавию, а Англия, Франция, Италия и Германия наслаждались солнечными днями, когда вызревали и хлеба, и виноград. Но в начале XI в. циклоны стали проходить южнее, что немедленно отметили современники.

«В 1027 г. землю начал опустошать голод, и род человеческий был угрожаем близким разрушением. Погода сделалась до того худа, что невозможно было найти минуты ни для посева, ни для уборки хлеба вследствие залития полей водой. Казалось, что все стихии обрушились и вступили в борьбу друг с другом, а между тем, собственно, они повиновались Божьей каре, наказывавшей людей за их злобу. Вся земля была залита непрерывными дождями до того, что в течение трех лет нельзя было иметь пяди земли, удобной для посева. Зерновая мера на самых плодородных землях давала не более сам-шесть. Этот мстительный бич начался на востоке, опустошил Грецию, потом Италию, распространился по всей Галлии и наконец постиг Англию. Его удары обрушились на всех без различия. Сильные земли, люди средние и бедняки равно испытывали голод, и чело у всех покрывалось бледностью; насилия и жестокости баронов смолкали перед всеобщим голодом. Если кто-нибудь хотел продать съестное, то мог спросить самую высокую цену и получил бы все без малейшего

---

[549] См.: Памятники истории Киевского государства. IX—XII вв. М., 1936. С. 76—77.

[550] Куник А., Розен В. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Т. I. С. 58—60.

[551] См.: Василевский В.Г. Византия и печенеги // Труды. Т. I. СПб., 1908. С. 11.

[552] См.: Большаков О.Г., Монгайт А.Л. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153). М., 1971.

затруднения. Почти везде мера зернового хлеба продавалась по 60 золотых солидов; иногда шестую часть меры покупали за 15 солидов. Когда переели весь скот и птиц и когда этот запас истощился, голод сделался чувствительнее, и для укрощения его приходилось пожирать падаль и тому подобную отвратительную пищу; иногда еще для избавления от смерти выкапывали из земли древесные коренья, собирали травы по берегам ручьев; но все было тщетно, ибо един Бог может быть убежищем против Божьего гнева».[553]

То, что было для французов, англосаксов и итальянцев «гневом», для куманов, торков, «черных клобуков» и печенегов оказалось «милостью». Летние дожди способствовали такому росту их военного потенциала, что политика всех кочевников, а особенно печенегов, с 1027 г. изменилась диаметрально.

В 1036 г. печенеги без повода напали на Русь и осадили Киев. До этого 15 лет они жили в мире с русами, и нападение было вполне неожиданным. Тем не менее Киев продержался до прихода Ярослава из Новгорода, с варягами и словенами. Бой произошел на том месте, где ныне стоит храм Св. Софии, и продолжался целый день. Печенеги были разбиты и навсегда отошли от русских границ. Зато три набега на Византию в том же году оказались удачными.

Смена веры повлекла перемену в политике. Сколоченное с невероятным трудом политическое равновесие в Восточной Европе рухнуло. Болгария, опустошенная разгромом движения комитопулов (1001—1019), перестала служить буфером между Византией и печенегами, осмелевшими от ощущения, что сельджуки уже подходят к Византии с востока. Только этим народным подъемом можно объяснить то самоубийственное наступление, которое начали печенеги на северную границу Византии в 1046 г. Прежние энергичные императоры — Никифор Фока, Иоанн Цимисхий и Василий Болгаробойца — справились бы с этим вторжением легче, чем со Святославом, но время было не то, и Константин Мономах, после нескольких тяжелых поражений, в 1031 г. мог видеть передовые отряды печенегов со стен Константинополя.

После этого в течение 40 лет печенеги, осевшие на Балканском полуострове, были для Византии кошмаром. Несколько раз судьба империи висела на волоске. Гибель подкрадывалась к Константинополю с обоих берегов Босфора, ибо и там и тут были потомки древних туранцев — печенеги и сельджуки. Спасли Византию только половецкие ханы Тугоркан и Боняк, разгромившие печенежское войско при Лебурне в 1091 г. За истекшее время земли печенегов разделили гузы и куманы (половцы). Эти этносы совсем не походили на печенегов, а значит, и отношения с ними были другими. Угроза со стороны стихии ислама для православной Руси и Византии отодвинулась на три века.

78. Конец каганатов

Что такое «конец эпохи»? Современники его ждут, но не замечают, так как он происходит не за несколько дней, а в течение десятилетий. Так, католики с ужасом ждали 1000 г., думая, что придет конец света. Ничего не произошло, и все об этом забыли.[554] Но именно после 1000 г. распалась на две части единая христианская церковь, исчезли последние реликты Великого переселения народов, началась активная война между исламом и «христианским миром» и многое другое, о чем пойдет речь. Современникам мешала

---

[553] Цит. по: Баскин М. «Молот ведьм» как классический образчик средневекового миросозерцания // Шпренгер Я. и Инститорис. Молот ведьм. С. 61—62.

[554] Надо заметить, что категорические предсказания сбываются редко. Римский император Филипп Араб объявил свою столицу «вечным городом», но через 200 лет Рим был разрушен готами и вандалами, а Западная Римская империя, названная в отличие от Восточной (Византии) Гесперией, перестала существовать. Евреи отказались признать Мухаммеда мессией, заявив, что подлинный мессия придет через 500 лет. Мусульмане подождали и, когда ничего не произошло, потребовали обращения евреев в ислам. Тем пришлось спасаться в Испанию и Германию.

аберрация близости, но для нас смена ритмов очевидна.

Занимающая наше внимание эпоха замечательна тем, что тогда одновременно существовали и взаимодействовали суперэтносы всех отмеченных нами возрастов. Самыми старшими были суперэтносы Восточной Европы, сложившиеся во II—IV вв., — русо-славянский и византийский. Оба они находились в третьей фазе этногенеза, наслаждаясь плодами культуры, взращенными их предками. Несколько моложе были суперэтносы, возникшие в VI—VII вв., — арабоязычный мир ислама, раджпутская Индия и Китай династии Сун. Их развитие шло более интенсивно, и вследствие этого они также утратили значительную долю способности к сопротивлению, что характерно для третьей фазы.

На подъеме был западноевропейский суперэтнос, проявивший себя тем, что разорвал железный обруч империи ранних Каролингов и создал в IX в. удобные для себя формы бытия: средневековые «нации» и феодальные институты. За 200 лет в нем накопилось столько сил, что он перешел от обороны к активному наступлению на всех направлениях. В Испании в XI в. сломлена мощь арабов, потомки которых были вынуждены пригласить из Африки диких туарегов. В Англии тогда же уничтожен реликт Великого переселения народов — англосаксонское королевство. В Германии началось наступление на славянские племена лютичей и бодричей. В Италии французские нормандцы выгнали мусульман из Сицилии, а византийцев — из Апулии. Но пассионарное напряжение продолжало расти, и на повестке дня были Крестовые походы.

В XI в. в Восточной Европе исчезли все четыре каганата. Мы видели, как произошла гибель Хазарии. Несколько иначе сложилась судьба Венгрии — наследницы Аварского каганата. Венгрию погубили не поражения, а победы. За время грабительских походов в Европе мадьярские богатыри набрали множество пленниц: испанок, француженок, немок, итальянок, славянок и гречанок… у всех родились дети. Как известно, малых детей воспитывают матери, а потом сыновья получают мужскую военную подготовку. Так было и здесь, причем общепонятным и военным языком был венгерский. Только говорить на нем стали представители разных этносов, находившихся в фазе пассионарного подъема. Эти новые венгры не могли любить старых — кочевников и язычников, обидевших их матерей и бабушек. Их число росло с каждой победой и каждым набегом, а в 1000 г. наступил их час. Король Стефан произвел монархическую революцию, т. е. отнял власть у вельмож — старых мадьярских богатырей, запретил древнюю веру и принял католичество. Опорой его были пленные и дети пленниц. Так в XI в. Венгерский каганат превратился в королевство, где население состояло из европейцев, сменивших родные языки на венгерский.

Хуже было в Болгарии. В 1001—1019 гг. протекала ее последняя война с Византией, превратившаяся в агонию. Как каганат Болгария была уничтожена начисто, а когда она возродилась в 1185 г., это было влахо-славянское царство с местной культурной традицией.

По-иному пошла история четвертого каганата — Руси — и сопредельной с ней Степи. И тут торжество христианства было сопряжено с важными событиями и общественными перестройками, совпавшими со сменой фаз этногенеза.

Традиционная ориентация Руси на Византию, давшая столь положительные результаты со времени Ольги и Владимира, при Ярославе Мудром была пересмотрена. Отчасти причина лежала в изменениях внутри самой Византии, где былой твердый порядок сменился расхлябанностью, но, с другой стороны, усилились и окрепли связи с католической Европой, и наконец этнические процессы внутри Руси толкали правительство к поискам новых решений. В совокупности это повело к изменениям политики, существенным не только для Руси, но и для окрестных этносов — половцев, торков, хазар и хазарских иудеев, а их реакция, в свою очередь, породила события, отозвавшиеся на всей истории Восточной Европы. Чтобы разобраться в сверхсложной ситуации переломного момента, окинем взглядом все страны, так или иначе связанные с этими событиями.

После смерти Василия Болгаробойцы (1025) его брат Константин VIII, дряхлый самодур, сменил дельных, способных сотрудников своего брата на льстецов и кутил, помогавших ему транжирить средства, выжимаемые с населения в качестве налогов на

армию. Чудо еще, что армия иной раз одерживала победы.

Наследницей престола была дочь Константина — 50-летняя Зоя, трижды выходившая замуж за красавцев, бездарных и бессовестных. Первого — Романа III Аргира — утопили в бане, второй — Михаил IV — умер от стресса, третьего — Михаила V Калафата (Конопатчика) — ослепили, и лишь четвертый — Константин IX Мономах — пережил страшную старуху императрицу (1050) и умер в обстановке всеобщего недовольства и презрения от чумы (1055). Власть перешла к младшей сестре Зои — монахине Феодоре, которая перед смертью в 1056 г. передала престол «старикашке» Михаилу Стратиотику, низвергнутому военной знатью, восставшей в 1057 г. Однако вождь военных Исаак Комнин был пострижен в монахи, а престол перешел к Константину Дуке (1059—1067), который вернулся к политике своих предшественников: обиранию народа, уничтожению лучших полководцев, чтобы они не стали опасными, награждениям высших чиновников (синклита) и заигрыванию со столичной толпой в поисках популярности.

Византийская империя в начале XI в.

Само собой понятно, что сила Византии падала, но инерция, накопленная в минувшие полтораста лет, была столь значительна, что катастрофа отодвинулась до 1081 г. и оказалась неокончательной. В инерционной фазе этногенеза возможна регенерация, инициаторами которой в Византии стали провинциалы, не растратившие своей пассионарности вдали от соблазнов столицы. Постоянная война была менее губительна, чем утонченная роскошь.

Из краткого перечисления ничтожеств на престоле понятно, почему Византия уже в начале этой фазы стала терять уважение соседей, в первую очередь русских. В 1043 г. Ярослав Мудрый решил поискать других друзей и предложил Генриху III, королю Германии и императору Священной Римской империи (1039—1056), руку своей дочери, чем Генрих III не соблазнился.[555]

Тут-то бы следовало обидеться, потому что было высказано явное пренебрежение Русской державе. Тем не менее Ярослав, забыв, что он «мудрый», начал войну против Византии, ибо на константинопольском базаре в драке убили русского купца. Поход возглавил сын Ярослава — Владимир, потерпевший полное поражение: русский флот был сожжен греческим огнем, уцелевшие ладьи выброшены бурей на берег, где византийская конница заставила сдаться сухопутную армию. Пленники были ослеплены и возвратились домой калеками. Византия была еще слишком сильна для Руси.

Ярослав продолжал искать контакты в Европе. Тогда же, в 1043 г., он выдал свою сестру замуж за польского короля Болеслава, который за это освободил 800 пленных русов. Затем он выдал своих дочерей: Анастасию — за венгерского короля Андрея I, Елизавету — за норвежского короля Гаральда III Гардраду, Анну — за французского короля Генриха I, а сыновей женил: Изяслава — на польской королевне, Святослава — на немецкой графине и только Всеволода — на дочери Константина Мономаха. Перевес в брачной дипломатии был явно на стороне католической Европы.

Церковный разрыв Руси с Византией состоялся в 1051 г., когда Ярослав поставил митрополитом в Киеве русского священника Илариона, уже упоминавшегося выше автора «Слова о законе и благодати». В том же году монах Антоний основал Киево-Печерский монастырь, ставший впоследствии цитаделью русского православия, тогда как Греческая митрополия базировалась на церкви Св. Софии.

Европа в XI в.

Такое изменение княжеской политики не могло быть просто проявлением самодурства

---

[555] См.: Пашуто В.Т. Внешняя политика… С. 123.

правителя. Очевидно, на Руси были антивизантийские настроения, настолько сильные, что они толкнули русских воинов в безнадежный морской поход на Константинополь. Греческий сановник и писатель Михаил Пселл, очевидец событий, считает причиной русского похода 1043 г. «старую вражду». «Это варварское племя, — пишет он, — все время кипит злобой и ненавистью к Ромейской державе и, непрерывно придумывая то одно, то другое, ищет предлога для войны с нами».[556]

Пселл не прав! Русский корпус варангов (варягов) сражался за православную веру и Византию в Сирии и в Италии с 988 по 1081 г. Симпатии к грекам на Руси были сильны, но в этот переломный год оформились и антипатии. Поэтому следует сделать вывод, что около 1043 г. впервые оформилось движение русского западничества, которое нет-нет да и вспыхивало раньше. Как уже было отмечено, первым русским западником был Святополк Окаянный. Но как только выяснилось, что его поддерживают поляки и связанные с ними евреи, а это обнаружилось в 1018 г., при его вторичном воцарении, русские воины, приведшие на престол в Киев Святополка, напали на живших в Киеве евреев и сожгли их дома.[557] Киевляне радикально изменили отношение к великому князю и убивали разведенных на постой поляков. Святополку пришлось бежать к печенегам, ибо воины и киевляне ему в поддержке отказали.

Отсюда со всей очевидностью вытекает, что далеко не все киевляне ненавидели греков и обожали католиков. Впоследствии мы встретимся с целой грекофильской партией, избравшей своим вождем зятя базилевса — Всеволода Ярославича, будущего переяславского князя.

Но кто же тогда составлял партию, враждебную грекам? Эта партия была влиятельна настолько, что смогла развязать войну из-за убийства в драке одного из своих членов, тогда как обычно в таких случаях было принято ограничиваться денежной компенсацией — вирой. Надо полагать, что греки предпочли бы отделаться уплатой виры хотя бы потому, что мобилизация армии и флота стоила дороже. Этот эпизод привлек к себе внимание А.А. Шахматова,[558] и Д.С. Лихачева[559] отметивших, что инициатива наступательных действий принадлежала не русичам, а варягам, которые и довели русское войско до поражения.

В числе варягов, спровоцировавших бессмысленную и безнадежную войну, назван Ингвар Путешественник. После поражения он покинул русов, выброшенных бурей на берег, и отправился в «Серкланд»,[560] т. е. Серир на Кавказе, очевидно, решив, что там грабить легче. Около 1043 г. 3 тыс. варангов поднялись с моря по р. Риони и были разбиты грузинами — эриставом Липаритом и царем Багратом IV.[561] Там ли погиб Ингвар Путешественник или в другом месте — несущественно. Важно другое: с этого времени киевские князья перестали верить в непобедимость варягов и стали избегать конфликтов с греками.

---

[556] Михаил Пселл. Хронография / Перевод, вступительная статья и примечания Я.Н. Любарского. М., 1978. С. 95.

[557] Сведение сохранилось в летописи Длугоша. Цит. по: Берлин И. Указ. соч. С. 159.

[558] См.: Шахматов А.А. Разыскания… С. 226—228.

[559] См.: ПВЛ. Ч. II. С. 378—379.

[560] См.: Мельникова Е.А. Экспедиция Ингвара Путешественника на восток и поход русских на Византию в 1043 г. // Скандинавский сборник. Т. 21. 1976. С. 74—88.

[561] См.: Папаскиви З.В. «Варанги» грузинской «Летописи Картли» и некоторые вопросы русско-грузинских контактов в XI в. // История СССР. 1981. № 3. С. 164—172.

Но были на Руси люди, не любившие ни греков, ни немцев. И было их немало. Но так как без друзей жить нельзя, то они обращали взоры на Восток, где тоже были христиане, и не только несториане. В Мерве в 1048 г. находилась резиденция православного митрополита,[562] которому подчинялись православные Средней Азии. Эта партия избрала своим знаменем Святослава Ярославича, впоследствии князя черниговского.

Великий раскол церквей 1054 г. изолировал русских западников от католических стран, ибо переход в латинство стал рассматриваться в Киеве как вероотступничество. Но Ярослав, его сын Изяслав и внук Святополк II, нуждаясь в деньгах, покровительствовали киевской колонии немецких евреев, осуществлявших связь киевских князей с католической Европой. Деньги, попадавшие в княжескую казну, евреи получали с местного населения, скорбевшего о том, что евреи «отняли все промыслы христиан и при Святополке имели великую свободу и власть, через что многие купцы и ремесленники разорили ся».[563] Тот же источник сообщает, что евреи «многих прельстили в их закон»,[564] но как интерпретировать это сведение, неясно. Скорее всего это навет, но сам факт наличия религиозных споров и дискредитации православия подтверждается древним автором — Феодосием Печерским, который имел обыкновение спорить с евреями в частных беседах, «поелику желал быть убитым за исповедание Христа».[565] Что его надежды были небезосновательны, мы увидим позже, но его роль в поддержке Изяслава и уважение народа спасли Феодосия от мученического венца.

Весь этот раскол на несколько партий, под которым крылись субэтнические различия, заслуживает внимания, ибо лишь при Владимире Мономахе наступило торжество православия на Руси. Православие сплотило этносы Восточной Европы, хотя этому духовному единению сопутствовало политическое разъединение, о котором и пойдет речь ниже.

79. Важные перемены

Ярослав Мудрый умер в 1054 г. киевским каганом — победителем ляхов, ятвягов, чуди и печенегов, законодателем, просветителем и освободителем Русской церкви от греческого засилья, но покоя стране он не оставил. Наоборот, и на границах, и внутри Русской земли события потекли по отнюдь не предусмотренным руслам.

Неожиданным было то, что, несмотря на грандиозность подчиненной Киеву территории, Ярослав не мог разгромить маленькое Полоцкое княжество. Наоборот, он уступил полоцкому князю Брячиславу, внуку Владимира, Витебск и Усвят, что не дало ему желанного мира. Только в 1066 г. дети Ярослава — Изяслав и его братья — разбили на р. Немиге Всеслава Брячиславича Полоцкого, а потом, пригласив его на переговоры в Смоленск, схватили и заточили в поруб (сруб без двери, т. е. тюрьма) в Киеве. Освобожденный восставшими киевлянами 15 сентября 1068 г., Всеслав семь месяцев княжил в Киеве, а потом под давлением превосходящих сил польского короля Болеслава II[566]

---

[562] См.: Бартольд В.В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. СПб., 1893. С. 11.

[563] Татищев В.Н. История Российская. Кн. II. М.; Л., 1962. С. 129. Ср.: Кузьмин А.Г. Статья 1113 г. в «Истории Российской» В.Н. Татищева // Вестн. МГУ. История. 1972. № 5. С. 79—89.

[564] Татищев В.Н. Указ. соч. Т. II. С. 129.

[565] Перевод архиепископа Филарета (Гумилевского) в «Записках II отд. Имп. Академии Наук». Кн. II. Вып. I. С. 174.

[566] Летопись, передавая общественное мнение современников о пленении Всеслава, осуждает Изяслава за предательство и рассматривает союз с поляками как измену родине (см.: ПВЛ. Ч. II. С. 399—400).

вернулся в Полоцк и после нескольких неудач отстоял независимость своего родного города.

Столь же неожиданно было появление на южной границе Руси в 1049 г. гузов, или торков, бывших союзников Святослава, ныне врагов. Война с торками затянулась до 1060 г., когда они были разбиты коалицией русских князей и отогнаны к Дунаю. В 1064 г. торки попытались перейти Дунай и закрепиться во Фракии, но повальные болезни и соперничество их заклятых врагов — печенегов заставили торков вернуться и просить убежища у киевского князя. Расселенные по южной границе Руси, на правом берегу Днепра, торки стали верными союзниками волынских князей против третьего кочевого этноса, пришедшего по их следам, — половцев. Об этих надо сказать подробнее, а пока рассмотрим внутриполитическую обстановку на Руси.

Правительство Ольги, Владимира и Ярослава, опиравшееся на славяно-росский субэтнос — потомков полян, собрало воедино огромную территорию — от Карпат до Верхней Волги и от Ладоги до Черного моря, подчинив все обитавшие там этносы. Со смертью Ярослава Мудрого оказалось, что киевская правящая кучка не может больше править единолично и вынуждена перейти к принципу федерации, хотя власть оставалась привилегией князей Рюрикова дома. Князья-наследники разместились в городах по старшинству: Изяслав — в Киеве и Новгороде, Святослав — в Чернигове и Северской земле, Всеволод — в Переяславле с «довеском» из Ростово-Суздальской земли, Вячеслав — в Смоленске, Игорь — во Владимире-Волынском. По закону, именуемому «Ряд Ярославль», наследование престола шло от старшего брата к следующему, а по кончине всех братьев — к старшему племяннику.[567]

Что здесь: повышение пассионарного напряжения системы или понижение оного? Разберемся.

Там, где уровень пассионарности растет, идет процесс оригинального становления культуры и формообразования, свойственного данному этносу. Там, где пассионарность на спаде, но инерция системы велика, обычны заимствования от соседей, а там, где инерция затухает, сохраняются привычные социальные институты, достаточные для удовлетворения потребностей систем с экстенсивными формами сельского хозяйства. Так и разделилась Восточная Европа на «городскую» — культурную колонию Византии — и «сельскую», постепенно перехватившую инициативу в политической жизни. С этой коллизией столкнулись Ярославичи.

Предположению, что количество пассионариев на Руси выросло настолько, что они не умещались в Киевском княжестве и поэтому разошлись по дальним городам, противоречит географическое распределение уделов. Все три главных города — Киев, Чернигов и Переяславль — расположены очень близко друг от друга, а периферийные области не стремятся к отделению от метрополии и принимают княжеских посадников безропотно. И еще, три ведущих князя связаны с киевскими партиями: с германофилами — Изяслав, с грекофилами — Всеволод и с русофилами — Святослав, а младшие — Вячеслав и Игорь — бесцветные фигуры, рано сошедшие с арены политической истории.

Как было показано выше, правители всегда ограничены в волеизъявлениях направленностью своего окружения. Успех правители имеют тогда, когда их приближенные талантливы и помогают им искренне, не жалея себя. А уж к удельным князьям это приложимо больше, чем к любым другим венценосцам. Дружину, как и князя, кормил город. Численность дружин измерялась сотнями людей, а княжеских армий — десятками тысяч. Следовательно, сила была на стороне горожан, которые могли диктовать князьям линию поведения. Значит, политика князя определялась интересами кормившей его группы. Князья на это шли, так как это был для них единственный способ существовать и работать «по

---

[567] См.: Соловьев С.М. Взаимоотношения между князьями Рюрикова дома. М., 1847; Пресняков А.Е. Княжое право в древней Руси: Очерки по истории X—XIII столетий. СПб., 1909; Гумилев Л.Н. Удельно-лествичная система у тюрок в VI—VIII веках // Советская этнография. 1959. № 3. С. 11—25.

специальности». Поэтому часто пассивность того или иного князя определялась не его личными качествами, а незаинтересованностью горожан и дружинников в ненужных им предприятиях, хотя личные качества при проведении намеченных акций, конечно, имели свое значение.

Теперь рассудим: если бы пассионарное напряжение в стране хотя бы кратковременно росло, то князья как военные специалисты разбирались бы нарасхват. Так и было в X в., когда новгородцы выпросили себе Владимира Святославича с Добрыней и дружиной. А 100 лет спустя появились безработные князья-изгои. Таковыми становились те несчастные, отцы которых умерли, не дождавшись очереди воссесть на золотом столе киевском. Для них не было места в жизни, ибо они не могли быть даже удельными князьями в маленьких городках иначе как по милости своих счастливых родственников. А если изгои не умели склонить своих братьев к любви и благости, им грозили изгнание в Византию или даже смерть. Таким образом, энергичные изгои волей-неволей становились врагами общества, их вскормившего и выбросившего с холодной жестокостью закоренелого эгоиста. Поэтому во второй половине XI в. на Руси стало беспокойно.

Буквальный текст статьи закона об изгоях: «Изгоев трои: поповский сын грамоте не выучится, купец одолжает, смерд от верви отколется, а есть и четвертое — аще князь осиротеет». Смысл закона — в удержании людей в состоянии своего социального слоя с угрозой лишить права жить (гоить) неполноценного. Однако если сын священника склонен к военной службе (Алеша Попович), или крестьянин решил посвятить себя борьбе с разбойниками (Илья Муромец), или купец, рискнув на далекое путешествие, потерпел кораблекрушение (Садко) и обанкротился, то он не доблестный неудачник, а изгой, которому незачем жить. Значит, чтобы пользоваться покровительством закона, надо сидеть и никуда не лезть. Но ведь это защита «золотой посредственности», и тут Ярослав Мудрый смыкается с Октавианом Августом.

А ведь и верно! Переход из фазы в фазу даже у разных этносов порождает сходные явления. В инерционной фазе этногенеза (при любом социальном строе) преобладают усталость и стремление избавиться от беспокойных элементов общества. Их выкидывают, но тем самым вынуждают сопротивляться и отвоевывать отнятое место в жизни. А так как одаренные пассионарии ищут иной судьбы, то они ее тем или иным способом находят, даже в героической гибели. Итак, стремление обывателя к покою привело его к постоянным волнениям, которых можно было бы избежать при некоторой эластичности законодательства.

Но самую жестокую участь закон уготовил князьям-сиротам. Попович, купец, крестьянин имели выбор: смириться или бороться, а эти никак не могли продлить жизнь отцам и тем самым изменить свою судьбу. Они могли либо стать подхалимами, с тем чтобы им что-нибудь из благ перепало, либо бороться вплоть до гибели или победы. И кровь обагрила Русскую землю.

Первыми изгоями оказались внуки Ярослава: Ростислав Владимирович, сын неудачливого военачальника похода на греков в 1043 г., скончавшегося в Новгороде в 1052 г., Борис Вячеславич, осиротевший в Смоленске в 1057 г., в возрасте одного года, и Давыд Игоревич, на год моложе Бориса, осиротевший двухлетним. Они были крайне несхожи по характеру, но все пассионарны и все участвовали в тьмутараканских событиях, потому что Тьмутаракань была самым удобным городом для неудачников, не имевших места в жизни на Руси.

Легко себе представить, что чувствовали эти юные князья, наблюдая, как живут и чего ждут их двоюродные братья: Мстислав и Святополк Изяславичи в Киеве; Глеб, Роман, Давыд, Олег и Ярослав Святославичи в Чернигове, Владимир и Ростислав Всеволодичи в Переяславле! У них было все: богатство, образование, связи, перспективы, а князей-изгоев кормили, пока они были детьми, да и то только потому, что на Руси тогда не было голодных. А что дальше?

И вот на этих-то лишенцев обратили внимание тьмутараканские евреи в 60-х годах

XI в., ибо ими управлял крутой и умный Святослав Ярославич через своего старшего сына Глеба, человека волевого, мужественного и решительного. Евреям гораздо больше подошел бы Изяслав, женатый на полячке, друг немцев, но им не повезло, и надо было что-то придумать. А тут как раз подвернулись половцы… и начался новый период истории западной окраины Великой степи.

80. Появление половцев

«Никогда ничего не кончается» — таково мнение современников любых исторических событий, потому что «начала» и «концы» всегда тесно переплетены друг с другом. Различать их можно только на большом расстоянии. Вот поэтому проникновение сельджуков в Иран и Малую Азию, а половцев — в Причерноморье казалось хронистам XI в. только очередными вариациями расстановки сил. Но этнолог, имея ретроспективу древней истории этих этносов и зная их последующую судьбу, может отыскать их место и определить степень их значимости для соседей и потомков на канве глобального культурогенеза и локальных процессов этногенеза.

Все тюркские этносы XI в. были «стариками». Появились они вместе с хуннами и сарматами в III в. до н. э., прошли все фазы этногенеза и превратились в гомеостатичные реликты. Казалось бы, они были обречены, но случилось наоборот. Персидский историк Раванди писал сельджукскому султану Кай-Хусрау в 1192—1196 гг.: «…в землях арабов, персов, византийцев и русов слово (в смысле преобладание. — *Л.Г.*) принадлежит тюркам, страх перед мечами которых прочно живет в сердцах»[568] соседних народов.

Так оно и было. Еще в середине XI в. бывший газневидский чиновник Ибн-Хассуль в своем трактате против дейлемитов перечисляет «львиноподобные качества тюрков: смелость, преданность, выносливость, отсутствие лицемерия, нелюбовь к интригам, невосприимчивость к лести, страсть к грабежу и насилию, гордость, свободу от противоестественных пороков, отказ выполнять домашнюю ручную работу (что не всегда соблюдалось. — *Л.Г.*) и стремление к командным постам».[569]

Все это высоко ценилось оседлыми соседями кочевников, ибо среди перечисленных качеств не было тех, что связаны с повышенной пассионарностью: честолюбия, жертвенного патриотизма, инициативы, миссионерства, отстаивания самобытности, творческого воображения, стремления к переустройству мира. Все эти качества остались в прошлом, у хуннских и тюркютских предков, а потомки стали пластичны и потому желанны в государствах, изнемогавших от бесчинств собственных субпассионариев. Умеренная пассионарность тюрок казалась арабам, персам, грузинам, грекам панацеей.

Но тюркские этносы отнюдь не ладили друг с другом. Степная вендетта уносила богатырей, не принося победы, ибо вместо убитых вставали повзрослевшие юноши. Победить и удержать успех могли бы пассионарные этносы, но проходили века, а их не было и не предвиделось.

Низкая пассионарность отнюдь не исключает войн и завоеваний. Важен не абсолютный уровень, а перепад, разность между уровнями. Так, если для тюрок был характерен поиск удачи, даже с риском для жизни, то для обленившихся потомков некогда пассионарных декхан Мавераннахра было достаточно стремления к благоустройству семьи и своего сада, а о риске не могло быть и речи. Еще хуже было в Иране и Ираке. Там численно преобладали субпассионарии, привыкшие жить на богатства, накопленные предками, и не способные не только к защите своей страны, но и к обузданию своих вожделений. Только дейлемиты

---

[568] Босворт К.Э. Нашествия варваров: появление тюрок в мусульманском мире // Мусульманский мир: 950–1150. М., 1981. С. 33.

[569] Там же. С. 24.

сохранили боеспособность, равную тюркской, но их было так мало! Поэтому богатый Саманидский эмират стал в 999 г. добычей тюркских племен ягма и чигиль, Хотан и Кашгар захватили карлуки, принявшие ислам, а Хорезмом овладели канглы (печенеги). Арабы и персы в своей стране (!) оказались на положении бесправного населения.

Но совсем иначе сложилась ситуация на западной окраине Великой степи, ибо русичи в XI в. находились в инерционной фазе этногенеза, т. е. были пассионарнее тюркских кочевников, стремившихся на берега Дона, Днепра, Буга и Дуная из степи, усыхавшей весь X век.

Как уже было отмечено, степь между Алтаем и Каспием была полем постоянных столкновений между тремя этносами: гузами (торками), канглами (печенегами) и куманами (половцами). До X в. силы были равны, и все соперники удерживали свои территории. Когда же в X в. жестокая вековая засуха поразила степную зону, то гузы и канглы, обитавшие в приаральских сухих степях, пострадали от нее гораздо больше, чем куманы, жившие в предгорьях Алтая и на берегах многоводного Иртыша. Ручьи, спадающие с гор, и Иртыш позволили им сохранять поголовье скота и коней, т. е. основание военной мощи кочевого общества. Когда же в начале XI в. степная растительность (и сосновые боры) снова начала распространяться к югу и юго-западу, куманы двинулись вслед за ней, легко ломая сопротивление изнуренных засухой гузов и печенегов. Путь на юг им преградила пустыня Бетпак-Дала, а на западе им открылась дорога на Дон и Днепр, где расположены злаковые степи, точно такие, как в их родной Барабе. К 1055 г. победоносные половцы дошли до границ Руси.[570]

Сначала половцы заключили союз с Всеволодом Ярославичем, так как у них был общий враг — торки (1055). Но после победы над торками союзники поссорились, и в 1061 г. половецкий князь Искал разбил Всеволода. Надо полагать, что обе стороны рассматривали конфликт как пограничную стычку, но тем не менее степные дороги стали небезопасны, сообщение Тьмутаракани с Русью затруднилось, и это повлекло за собой ряд важных событий.

XIV. Погребение эпохи (1062—1115)

81. У синего моря

В средневековой Тьмутаракани жить было отнюдь не скучно. По Черному морю плыли греческие корабли с расшитыми золотом тканями, сладким вином, отточенным оружием, с тем чтобы на обратный путь нагрузиться скифским зерном и кожами. Со стороны Азовского моря к пристани причаливали ладьи, полные серебристой рыбы. На востоке паслись стада коров и овец, и среди колков иногда пробегали осторожные волки. А над всем этим великолепием расстилался голубой шатер безоблачного неба.

И люди были разные. Те, кого называли «хазары», ходили в длиннополых одеждах и стягивали курчавые волосы золотыми обручами, спокойно входили в синагоги для свершения положенных обрядов и… ждали своего часа. На площади гарцевали на стройных конях касоги с Кубани, и степные ясы пригоняли овец на продажу. Выделялись из толпы немногочисленные русские с подстриженными светлыми бородами. Это были хозяева города, и церковь Богородицы, построенная еще Мстиславом, высилась на фоне прочих домов, как драгоценный камень в оправе.

Жители этого города не чуждались друг друга, но и не стремились смешиваться. По

---

[570] Половцы не все переселились на запад. Основные их поселения остались в Сибири и Казахстане, до берегов озер Зайсан и Тенгиз. Но, как всегда бывает, ушла наиболее активная часть населения, которая после побед над гузами и печенегами столкнулась с Русью.

мысли М.И. Артамонова, в Тьмутаракани XI в. сложились две политические партии: одна, состоявшая из воинственных туземцев, стремилась к политической самостоятельности города и окрестных территорий; другая, которую М.И. Артамонов неудачно назвал «русской», была заинтересована в развитии торговых связей с Византией и Русью. Основу этой партии составляли «хазары» иудейского вероисповедания.[571]

На Руси правили три князя, и хорошие отношения с одним означали порчу отношений с другими. Нелады между князьями начались еще в 1060 г. Никон, инок Киево-Печерской лавры, первый из русских летописцев, чье имя стало известно в истории, вынужден был бежать от гнева князя Изяслава в Тьмутаракань, к Глебу Святославичу.[572] Там он был в безопасности от гонений великого князя.

Здесь важно еще то, что под именем Никона, возможно, скрывался первый русский митрополит Иларион,[573] защитник Русской национальной церкви. Если это так, то начало борьбы «западничества» с руситством можно датировать 1060 г., но если это и не так, то дата будет близкой — 1073 год.

Какая партия в Тьмутаракани поддерживала Глеба Святославича? Ясно, что степняки, ясы и касоги при дружественном нейтралитете половцев. Значит, еврейская партия против Святославича. Так где же она приобрела претендента?

В 1064 г. князь-изгой Ростислав Владимирович «бежал» из Новгорода в Тьмутаракань. Что значит «бежал» и от кого — неясно, но, явившись в Тьмутаракань, он немедленно выгнал Глеба. Однако так как своих войск у него не было, а сопровождали его только два спутника,[574] то проделать это он мог лишь в том случае, если его поддерживала сильная партия внутри города, а так как партий было всего две, то нетрудно угадать какая. В 1065 г. Святослав явился с войском в Тьмутаракань и восстановил Глеба. Ростислав на время отступил за город, затем, по уходе Святослава, опять выгнал Глеба, а затем обложил данью касогов и иные племена. На этот раз иудеи выиграли партию.

Но тут вмешались греки, отнюдь не желавшие усиления евреев на Черном море. Кровавые гекатомбы Песаха еще не были забыты, а Ростислав был сыном того полководца, который всего лишь в 1043 г. шел громить Константинополь. Ситуация оказалась чрезмерно острой, но…

В 1066 г. котопан Херсонской фемы приехал в гости к Ростиславу и отравил его на пиру. Через семь дней князь Ростислав умер, а с его смертью исчезло еврейское преобладание в Тьмутаракани.

Летопись добавляет: «Этого же котопана побили камнями корсунцы»,[575] но не поясняет, за убийство ли князя или за что-либо другое.

Зато сказали свое слово тьмутараканские русские. Они умолили инока Никона помирить их со Святославом и вернуть им Глеба. Последний ознаменовал свое возвращение в Тьмутаракань научной работой — измерением по льду расстояния до Корчева — Керчи,

---

[571] См.: Артамонов М.И. История хазар. С. 442.

[572] См.: ПВЛ. Ч. II. С. 85.

[573] См.: Приселков М.Д. Указ. соч. С. 181—184.

[574] Их звали Порей, киевский воевода, и Вышата, сын Остромира, воеводы новгородского, внука посадника Константина, правнука Добрыни, дяди князя Владимира (см.: ПВЛ. Ч. I. С. 110; Ч. II. С. 393—394). Это были люди со связями, обеспечившими им поддержку среди русского населения Тьмутаракани, что и сделало князя-изгоя ценным союзником иудеев.

[575] ПВЛ. Ч. I. С. 111, 311.

которая тоже входила в состав Тьмутараканского княжества.[576]

В 1068 г. Глеб был переведен отцом в Новгород, а на его место назначен его младший брат Роман. На целых 10 лет воцарилась тишина в Тьмутаракани. Эту партию евреи проиграли.

82. На Руси

Правление князей-триумвиров на Руси осуществлялось беспрепятственно… до первого потрясения. В сентябре 10 68 г. отряд половцев в 12 тыс. сабель подошел к Киеву и обратил в бегство княжескую дружину. Неудачная стычка ни в коем случае не была бы решающей, если бы не отказ Изяслава выдать киевлянам оружие из арсенала для отражения половцев. Отказ вызвал восстание, бегство Изяслава в Польшу и его возвращение при помощи польского короля Болеслава II. За это время Святослав, имея всего 3 тыс. ратников, успел разбить половецкий отряд на р. Снови (1 ноября 1068 г.) и восстановить порядок на Руси.

Возвращение Изяслава в 1069 г. при военной поддержке поляков было ознаменовано жестокими казнями; 70 киевлян было убито в день капитуляции, затем начались аресты, казни, ослепления. Киевляне отвечали на это тайными убийствами поляков, разведенных на постой. Антоний, игумен Печерский, ночью убежал в Чернигов к Святославу.[577] По всей Русской земле появились волхвы, борцы против христианства. Народ верил их пророчествам, что вызывало убийства и ответные карательные экспедиции. Режим клики западников дал неблагоприятные результаты: Русская земля оказалась под угрозой даже при отсутствии внешних врагов.

А враги появились. В 1071 г. половцы напали на города Ростовец и Неятин, расположенные к юго-западу от Киева. На Черниговскую землю они после поражения у Снови не решались нападать. Тогда же был потерян Полоцк, куда Изяслав отправил последовательно двух своих сыновей. Первый умер при невыясненных обстоятельствах (1069), а второй — Святополк — выгнан Всеславом (1071). Попытка третьего сына великого князя разгромить Всеслава дала только бесплодную победу у Голотическа. Изяславу пришлось начать с мятежным полоцким князем переговоры, что весьма обеспокоило других членов триумвирата и вынудило их принять меры для восстановления порядка.

В 1072 г. (в летописи — 1073) Святослав и Всеволод вошли со своими войсками в Киев. Изяслав ушел в Польшу «с богатством многим», говоря, что «этим я найду воинов».[578] Поляки отняли большую часть богатства, но даже того, что Изяслав довез до Германии, было довольно, чтобы поразить воображение Генриха IV — императора Священной Римской империи германской нации. Тот сначала обещал оказать помощь Изяславу, но, будучи занят подавлением восстания саксонцев, ограничился посольством к Святославу. Когда же последний показал немецким послам еще большие сокровища, те посоветовали Генриху перестать поддерживать Изяслава. Тогда Изяслав обратился к папе Григорию VII, т. е. изменил православию. Папа в грамоте от 17 апреля 1075 г. признал право Изяслава на золотой стол киевский, а 20 апреля отправил письмо Болеславу II с требованием возвратить князю Дмитрию (крещеное имя Изяслава) отнятое имущество. Тот возвратил и, больше того, в 1076 г. отрядил войско, с которым Изяслав вернулся на Русь.

А за то время, пока великий князь всея Руси «ходил… по чужой земле, скитаясь»,[579]

---

[576] См.: Артамонов М.И. История хазар. С. 440. Примеч. 6.

[577] См.: ПВЛ. Ч. II. С. 82.

[578] ПВЛ. Ч. I. С. 122, 322.

[579] Там же. С. 132, 335.

Святослав в Киеве столкнулся с сопротивлением Феодосия, игумена Печерского. Феодосий Печерский не был членом никакого направления. Он трудился не во имя политических программ, а ради своей совести. Он был первый столп нестяжательства и аскетизма на Руси, но не был и фанатиком: разрешал есть мясо в среду и пятницу, если в эти дни были основные праздники. Будучи верным князю Изяславу, Феодосий боролся против «латинства», приравнивая католичество к антитринитарной ереси Савелия (III в.), и арианства.[580] Верность князю не мешала игумену отстаивать свою идеологическую линию. По сути, Феодосий стал главой особой политической линии, время которой пришло только в XIV в.

Княжение Святослава, т. е. торжество русской партии, исправило положение Руси. С Польшей был заключен союз, и русский экспедиционный корпус, во главе которого стояли Олег Святославич и Владимир Всеволодович Мономах, помогал полякам в войне с Чехией в 1076 г.,[581] правда безуспешной. Но, к несчастью, князь Святослав умер 27 декабря 1076 г. при неудачной операции опухоли (желвака), а сменивший его Всеволод счел за благо договориться с Изяславом и вернуть его на великое княжение, а себе взять опустевший Чернигов. В 1077 г. русская партия оказалась в оппозиции греко-западническому блоку. И тогда началось!

Но прежде чем идти дальше, посмотрим, почему проиграл Святослав. Он оказался без союзников! Пусть греческая поддержка Всеволоду и латинская Изяславу были эфемерны, но Святославу не помогал никто. Занятая им позиция повела к изоляции его партии, что обрекло на поражение его детей. Естественными союзниками Святослава были бы половцы, если бы их не привлек на свою сторону Владимир Мономах. В 1076 г. он повел их на Полоцк и разрешил пустошить волость, а Святослав остался один. Ему просто повезло, что он не дожил до крушения своего дела, что неизбежно вытекало из взятой им установки.

Но и грекофилы оказались в тяжелом положении. Мощь Византии неудержимо таяла из-за столкновения двух действующих сил, не оформленных в партии, но поступавших весьма последовательно: сторонников столичной служилой знати — синклита, с одной стороны, и провинциальных помещиков и воинов-пограничников — с другой.

Первые были богаты и нанимали для своей охраны варангов; вторые были воинственны, но сражаться им приходилось на два фронта: с наступающими сельджуками и с собственным начальством. И надо сказать, что накал войны гражданской был выше, нежели при обороне границ. И те и другие не отказывались от помощи противника, лишь бы одолеть соперника. На подкупы сторонников и оплату наемников были растрачены деньги, собранные бережливым Василием II, а роскошные имения и любовно возделываемые крестьянские участки были разграблены при постоянно возникавших мятежах, перечисление которых увлекло бы нас в сторону от нашей темы.

Коротко говоря, Византия с 1064 г. (падение крепости Ани, захваченной сельджуками) до 1071 г. (потеря Бари, последней византийской цитадели в Южной Италии, взятой французскими нормандцами, и разгром при Маницкерте Романа Диогена сельджуками) превратилась из сильнейшей державы Ближнего Востока в объект посягательств иноплеменников и иноверцев. Когда же вождь военной «партии» Алексей Комнин взял столицу, то его воины свирепствовали там, как в завоеванном городе: бесчестили женщин, грабили храмы, раздевали на улице синклитов. Ну как было ориентироваться на страну, которая не могла помочь даже самой себе?! Так думали главные русские князья, включая Всеволода Ярославича. И жестоко просчитались.

83. Святославичи

---

[580] См.: Введение христианства на Руси. С. 210—211.

[581] См.: Соловьев С.М. История России… Кн. 1. Т. II. С. 348.

Взяв власть, Изяслав и Всеволод объявили княжение Святослава узурпацией. Значит, его дети стали изгоями и были лишены всех своих должностей. Глеб, правивший дотоле в Новгороде, был заменен Святополком Изяславичем, бежал в Заволочье и был там убит. Давыд — полное ничтожество — сохранил жизнь, живя в безвестности. Но Олег Святославич, друг, кум и соратник Владимира Мономаха, 10 апреля 1078 г. бежал к своему брату Роману в Тьмутаракань, где жил Борис Вячеславич, князь-изгой, противник Всеволода, пытавшийся в 1077 г. возглавить сопротивление черниговцев новому порядку (продержался Борис всего восемь дней и вынужден был бежать). Так в Тьмутаракани собрались активисты русской «партии», надеявшиеся вернуть себе утраченные позиции на Руси. Шансы для этого были: Чернигов был за них.

Роман исправил просчет своего отца, заключив союз с половцами. Но время было упущено: Всеволод и Изяслав располагали несравненно большими силами, чем Святославичи. К тому же у последних не был обеспечен тыл: еврейская община Тьмутаракани была на стороне старших князей, особенно западника Изяслава. В августе 1078 г. Олег и Борис с дружиной изгнанников и половецким вспомогательным корпусом вошли в Русскую землю, разбили князя Всеволода и заняли Чернигов, оставив там гарнизон. Всеволод примчался в Киев к Изяславу за помощью. Из Смоленска быстрыми маршами привел рать Владимир Мономах. Свежие войска подступили к Чернигову и штурмовали город, но неудачно. А тем временем Олег и Борис привели подкрепление из Тьмутаракани. Изяслав и Всеволод сняли осаду и двинулись навстречу Олегу и Борису. Чернигов был спасен благодаря тому, что юные князья приняли удар на себя.

В октябре 1078 г. старшие князья встретились с князьями-изгоями на Нежатиной Ниве, недалеко от Чернигова, и одержали полную победу. Была сеча злая, в которой погибли Борис Вячеславич, юноша, искавший славной смерти, так как в жизни у него никаких перспектив не было, и великий князь Изяслав, старик, уже получивший все, что он мог пожелать. Его смерть открыла Всеволоду дорогу на золотой стол киевский, а его сыну Владимиру Мономаху — к фактической власти на Руси.

Всеволод был очень прозорливым политиком и весьма образованным человеком. Он знал пять языков и прекрасно разбирался в мировой политике. Решающую победу над Святославичами он одержал, не пролив ни капли крови. Когда в 1079 г. Роман Святославич с половцами и тьмутараканской ратью повторил поход на Чернигов, Всеволод договорился с половцами о мире, чем война и кончилась. На обратном пути Роман был убит в половецких кочевьях, но, видимо, Всеволод не был инициатором этого злодеяния. Из последующих событий видно, что виновниками гибели Романа были «козары»,[582] т. е. иудейская община Тьмутаракани.

И это естественно: они больше всех были заинтересованы в том, чтобы избавиться от Святославичей. Поэтому они схватили находившегося в Тьмутаракани Олега Святославича и отправили его за границу, в Константинополь, где император Никифор III держал русского князя под домашним арестом, очевидно желая угодить Всеволоду, который овладел и Тьмутараканью. Туда он направил не удельного князя, а простого посадника Ратибора. Грекофильская партия победила, так как наследник престола Святополк Изяславич сидел в Новгороде простым наместником великого князя Всеволода.

Вряд ли еврейская партия в Тьмутаракани была довольна греческим засильем, осуществляемым через русского воеводу Ратибора, но она выжидала, ибо время работало на нее. В Константинополе борьба бюрократов против стратиотов (воинов) считалась делом куда более важным, чем оборона границ. В результате в 1078 г. без сопротивления сдалась сельджукам Никея; в 1079 г. они взяли Хрисополь, на берегу Босфора. В эти же годы печенеги перешли Балканы и громили Фракию, а итальянские владения Византии были захвачены французскими норманнами.

---

[582] См.: Соловьев С.М. История России… Кн. 1. Т. II. С. 353.

И на этом мрачном фоне произошел инцидент, который имел большое значение для взаимоотношений между Киевом и Константинополем, а тем самым и для Тьмутаракани. На рубеже 1079 и 1080 гг. русские варанги без видимых причин ворвались в императорские покои, ломились в двери, стреляли в императора из луков. Все они были пьяны. Греческие воины задержали их, сбили с лестниц и заблокировали в какой-то крепостице. Опьянение варангов прошло, и они стали просить прощения, которое и получили, но инициаторы беспорядков были разосланы по гарнизонам разных крепостей, т. е. в ссылку.[583] В это же время был выслан из столицы Олег Святославич на остров Родос.

Эта глупая история оказала воздействие на, казалось бы, стойкий русско-греческий контакт. Русские перестали стремиться на службу в Константинополь, а греки предпочли заменить их англосаксами, во множестве покидавшими родину, захваченную французскими норманнами.[584] Позиции Всеволода в Причерноморье оказались неподкрепленными, и на этом немедленно сыграли тьмутараканские евреи.

Необходимо отметить, что в XI в. наиболее боеспособными войсками в Восточной Европе были княжеские дружины, так как они состояли из профессиональных воинов. Поэтому даже князья-изгои находили себе применение, если они имели средства оплатить известное число воинов, достаточное для проведения нужных операций. Так вот, в 1081 г. такие средства появились у двух изгоев: Володаря Ростиславича, сына отравленного князя (см. выше), и Давыда Игоревича. Оба они бежали с Руси в Тьмутаракань, выгнали Ратибора и сели на княжение. Очевидно, они были готовы на союз хоть с чертом, лишь бы добыть себе место под солнцем.

Всеволод не принял против этих князей никаких мер, ибо его руки были связаны войной с Полоцком. Кроме того, действовать на юге без поддержки греков было трудно, а император Алексей Комнин сам нуждался в помощи против печенегов и сельджуков. Эту помощь он обрел у половецких ханов Тугоркана и Боняка, с помощью которых он спас Византию и обеспечил ей век блеска (хотя и не процветания). А поскольку половцы продолжали пограничную войну с Русью, то союз Алексея и Всеволода стал фикцией, и наступило время князя-пленника Олега Святославича.

84. Приключения Олега Святославича

Четыре года томился князь Олег в Константинополе и в ссылке на острове Родос, но очередной переворот вернул ему свободу. В марте 1081 г. император Никифор III Вотаниат был свергнут с престола. Алексей Комнин провел много реформ, но в 1082 г. натолкнулся на сопротивление «манихеев», т. е. болгарских богумилов и павликиан, старых друзей иудейской Хазарии. Тогда в 1083 г. император выпустил Олега в Тьмутаракань вместе с женой, византийской патрицианкой Феофанией Музалон. Вернувшись, Олег «иссече» хазар, причастных к убийству его брата и умышлявших против него самого. Мотивы мести понятны, но как он сумел этого достичь?

Представим себе такую картину: князь Олег с женой сходят с византийского корабля на берег у стен города, где правят соперники Олега: Давыд Игоревич и Володарь Ростиславич, а наиболее влиятельная часть населения — хазары — имеет все основания ненавидеть вернувшегося изгнанника. У того же нет ни войска, ни денег. Его так просто убить, но вдруг этот человек один истребляет своих врагов и берет в плен двух князей! Каким образом он мог совершить такой государственный переворот?

---

[583] См.: Василевский В.Г. Варяго-русская и варяго-английская дружины в Константинополе // Труды. Т. I. С. 353—354.

[584] Норманны, осевшие в Северной Франции, постепенно превратились во французов-нормандцев — процесс, типичный для фазы пассионарного подъема.

Это означает, что за Олегом стояла мощная партия, очевидно, та, которую М.И. Артамонов окрестил «туземной». Черкесы, осетины и половцы стеклись к Олегу, обрели в нем вождя и «иссекли» торгашей и предателей. Приезд Олега был тем квантом энергии, который вызвал взрыв «перегретого пара». Нет оснований утверждать, что этот «взрыв» был исторически предрешен. Накал страстей мог ослабеть, если бы деятельность их носителей потекла по другому руслу, иначе говоря, если бы кавказские пассионарии нашли своим силам другое применение. Например, половцы пошли бы воевать с болгарами, а черкесы схватились с осетинами. Но этого не произошло. Вспышка ударила по стыку двух суперэтносов: местного — тюркско-яфетического — и пришлого, причем последний сгорел. И никто о нем не пожалел — ни былые союзники, ни соседи. Так закончилась история иудейской Хазарии.

А могло ли быть иначе? Могло, но это маловероятно. Контакты на уровне суперэтносов, как правило, ведут к аннигиляции. Исключением являются только краткие периоды пассионарных взрывов, но и тогда старые этносы исчезают, сливаясь в новый. В XI в. в Восточной Европе шли процессы этнокультурной кристаллизации на фоне спадающего пассионарного напряжения. Следовательно, шансов на творческое слияние суперэтносов было мало, на гибель одного из двух — много; и вот теория вероятности в этнической истории получила еще одно подтверждение. Жаль только, что лаконичность летописца, недолюбливавшего князя Олега Святославича, лишила потомков любопытных и наверняка драматических подробностей этого незаурядного события.

Оказавшись независимым государем Тьмутаракани, Олег проявил великодушие, которому не изменял до конца своей трудной жизни. Он отпустил на Русь своих соперников — Давыда Игоревича и Володаря Ростиславича. Давыд тут же занялся грабежом: отнял товары у купцов, торговавших с греками в городе Олешье, перевалочном торговом пункте в устье Днепра.[585] Этим поступком он лишил себя поддержки великого князя Всеволода Ярославича, который посадил его княжить в маленьком Дорогобуже.

Всеволод лишился союзника в борьбе с Олегом. А последний, будучи союзником Алексея Комнина, постепенно занял ведущее положение в рядах «русского» направления, ранее принадлежавшее его отцу, а затем постепенно утраченное его дядей. Несмотря на то что Всеволод правил всей Русской землей, на Тьмутаракань, прикрытую половецкими кочевьями, его власть не распространялась, ибо мир с половцами 15 лет не нарушался.

Поддержка, оказанная императором Алексеем Олегу, не могла не огорчить великого князя Всеволода. Он ответил на происшедшее тем, что переориентировался на Запад. Это выразилось в том, что Всеволод выдал свою дочь Евпраксию за маркграфа Генриха Длинного Штаденского. В 1083 г. юная княжна прибыла в Германию «с пышным посольством и верблюдами, нагруженными роскошными одеждами, драгоценными камнями и вообще несметным богатством».[586]

До 1086 г. Евпраксия воспитывалась в монастыре. Достигнув брачного возраста, она обвенчалась с маркграфом, вскоре овдовела и вернулась в монастырь. В 1088 г. в молодую вдову влюбился император Генрих IV и женился на ней. Княжна Евпраксия превратилась в императрицу Адельгейду, но брак этот не был счастливым: Генрих IV принадлежал к сатанинской секте николаитов, мистерии которой, как у всех сатанистов, заключались в надругательстве над церковными обрядами и таинствами. Он вовлек свою жену в участие в мистериях: на ее обнаженном теле служили кощунственную мессу.

Евпраксия была женщина русская. Она не выдержала немецких безобразий и сбежала от мужа к его врагам: графине Матильде и папе Урбану II. В 1094 г. она выступала на Констанцском соборе, а через год на соборе в Пьяченце с разоблачением мужа, получила

---

585 См.: ПВЛ. Ч. II. С. 413.

586 Пашуто В.Т. Внешняя политика… С. 125—128.

отпущение в невольном грехе и была отправлена через Венгрию на Русь, где кончила свои дни 9 июля 1109 г.

Эта история, включая брак православной княжны с католиком, который оказался сатанистом, врагом христианства и своего народа, скомпрометировала политику Всеволода и толкнула многих русских людей в ряды патриотической партии, что было на руку Олегу. Митрополит Иоанн II Продром категорически осудил связи с Римом. Сила общественного мнения, в котором кристаллизовалось этническое самоощущение, оказалась мощнее политических расчетов и сломала их.

Не то было в Германии. Казалось бы, разоблачение императора как преступного сатаниста должно было оттолкнуть от него всех христианских подданных, но этого не произошло. Генрих IV продолжал бороться со своими политическими врагами силами своих политических сторонников, а проблема совести, столь важная для Руси, не имела для участников этих событий существенного значения.

Казалось бы, романтическая трагедия княжны Евпраксии не могла иметь серьезных последствий ни для международных отношений, ни тем более для этногенеза восточных славян. Сколько подобных историй бесследно кануло в вечность! И тут могло бы случиться то же самое, если бы не обстоятельства времени и места.

По-видимому, несчастная княжна, став монахиней, не распространялась о своем тяжелом прошлом, но на Западе скандал был грандиозным и при оживлении торговых сношений Германии с Русью просто не мог не дойти до Киева, где торгово-ростовщический квартал немецких евреев с собственной каменной синагогой уже процветал. Евреи, конечно, влияли на общественное мнение в Киеве. На Западе евреи поддерживали императора, феодалы — папу. Поскольку евреи при покровительстве великих князей успешно конкурировали с русскими купцами и ремесленниками, симпатии последних были на стороне феодалов, которые в XI—XII вв. еще не лезли на Восток. Так началось втягивание Древней Руси в великую европейскую борьбу партий, которые впоследствии получили название гибеллинов и гвельфов. В начале XIII в. волынские князья были на стороне гибеллинов, а северские — гвельфов, но начало этой розни на Руси, поведшей к трагическим событиям, видимо, лежит в коллизии неудачного брака Евпраксии Всеволодовны, причем сама она в будущих бедах была неповинна.

Так или иначе, можно констатировать оживление грекофильских настроений и угрозу немецкой ориентации великих князей, сила которых была велика, но без симпатий широких слоев населения эфемерна.

Великий князь Всеволод правил Русью 15 лет (1078—1093), «скучал» в Киеве из-за притязаний племянников, просивших волостей, болел и на старости совершенно сдал. Золотой стол киевский, согласно лествице, перешел к его старшему племяннику Святополку Изяславичу, человеку бездарному, но лукавому.[587] Сын Всеволода Владимир Мономах сидел в Чернигове, опасаясь вызвать гнев своего двоюродного брата. Киевляне приняли нового князя с радостью. Но события приняли неожиданный оборот.

85. Эхо проклятого прошлого

Бесспорной заслугой князя Всеволода Ярославича был прочный мир на степной границе. Половцы не имели поводов для войны с Русью, к тому же располагавшей превосходящими силами. Те столкновения, которые предшествовали миру, были случайны и эпизодичны. А враги у половцев и русичей были одни и те же: торки и печенеги. Война с печенегами поглощала все силы половцев до боя при Лебурне в 1091 г., а торки за это время

---

[587] С.М. Соловьев пишет: «Святополк был жесток, корыстолюбив и властолюбив без ума и твердости» (История России… Кн. 1. Т. II. С. 363), а М.Н. Тихомиров относит к нему характеристику: «Унец» (бык) ярок и лют: у него «волостителеве злии и бояре лютии опалчивии» (Древняя Русь. М., 1975. С. 137).

подчинились киевскому князю.

Этот мир почти ликвидировал язву минувшего века — работорговлю. Кадры рабов пополнялись только на войне. Победитель продавал захваченных пленников купцам, а те везли их по проторенным путям, где местные правители обеспечивали каравану безопасность за долю в доходах. Такими купцами не могли быть ни русичи, ни половцы.

Половцы дружили с Византией, не покупавшей рабов-христиан, а сельджуки, родственники печенегов, были врагами половцев. Следовательно, южный путь для работорговли был закрыт. Русские после церковного раскола не наладили контактов с католическими королями. Поэтому тот, кто желал продать рабов, нуждался в посредниках, т. е. евреях-рахдонитах.[588] Затем изменился «адрес покупателя» рабов. Испанские арабы после падения Омейядов в 1031 г. и распадения халифата на мелкие государства не могли позволить себе такой роскоши. А после 1085 г., когда христиане взяли Толедо и эмир Севильи Мутамид призвал туарегов, отпала и нужда в рабах. Зато египетский халиф Фатимид Мустансир (1036—1094) готов был покупать любое количество «турок», и деньги у него были. Поэтому спрос на рабов в XI в. превысил предложение, но ненадолго.

Фатимидский Египет XI в. был своего рода аналогом Омейядской Испании X в. Там и тут арабы руками воинственных берберов покорили богатую страну с иноверческим населением. В Испании подданными мусульман-суннитов стали христиане; в Египте же подданными исмаилитов — мусульмане-сунниты. Оба государства лишились поддержки своей метрополии (Испания отпала от халифата в 756 г.; Ифрикия восстала против Фатимидов в 1041 г.) и вынуждены были нанимать или покупать себе воинов. Последнее было выгоднее. В Испании купленные на базаре воины назывались сакалиба, в Египте — мамлюки. Иметь рабов — воинов одного этнического состава было опасно. Они легко могли захватить власть, как это сделали турки в Багдаде в IX в. Поэтому воинов приобретали в Африке и Восточной Европе. Испанские халифы нанимали берберов, египетские — покупали суданских негров. При Мустансире, который сам был сыном негритянки, в Каире было 50 тыс. чернокожих рабов-воинов. Следовательно, надо было купить и было куплено столько же «турок», которые мгновенно «поссорились с неграми и победили их» в 1062 г.[589] А так как отношения Каира с Багдадом продолжали оставаться враждебными, то число мамлюков было необходимо увеличивать. Сюда и уходили деньги, получаемые от населения… и конца этому не было видно.

Вот на этом фоне благодаря «силе вещей» вожди сектантов, Фатимиды, переродились в обычных султанов заурядного государства, любивших весело пожить за счет казны. Они искренне полагали, что безопасность и комфорт им обеспечат рабы и купцы-посредники. В то время некоторые христианские государи были готовы продавать своих подданных за хорошую цену. Разыскать таковых предстояло еврейским работорговцам, свободно передвигавшимся по всему Средиземноморью, поскольку они не участвовали в войнах.

Само собой разумеется, что возвращения к «золотому веку» работорговли, т. е. к IX—X вв., хотели те, кто был уверен, что его-то самого не продадут. Это были жители городов укрепленных и торговых. В XI в. таких городов на территории Восточной Европы было два: Киев и Херсонес (Корсунь). Все прочие можно было взять средствами того времени, а эти были практически неодолимы. Поэтому и там и там возникали колонии евреев, посредничавших в работорговле, но положение их было различно.

В Херсонесе жили восточные евреи, которых не затронул разгром Хазарского каганата. В православной Византии они имели ряд ограничений в торговле, в частности им запрещалось продавать в рабство христиан. Но в смутное время переворотов и мятежей Херсонес был на время предоставлен сам себе, и там стал правителем еврей, принявший

---

588 См.: Босворт К.Э. Мусульманские династии. С. 80—81.

589 Мюллер А. История ислама. Т. II. С. 342—343.

крещение для карьеры.[590] Не порывая связи с общиной, этот правитель разрешил своим соплеменникам торговлю русскими пленниками, которых могли им дешево продать половцы. Но для этого была необходима война.

Война началась в мае 1093 г., и поток русских, скованных, босых и бледных, хлынул на корсунский невольничий рынок. Там их задешево покупали евреи для перепродажи и, судя по данным источника,[591] обращались с ними хуже, чем половцы. Подобно тому как в древности евреи покупали рабов — эллинов и христиан, чтобы убить, так и тут они иногда морили пленников голодом и жаждой, а один изувер распял на кресте монаха Киево-Печерской лавры Евстратия Постника, захваченного половцами в 1096 г. Но этот акт вызвал резонанс, дошедший до Константинополя. Алексей Комнин был человек решительный и приказал провести расследование, в результате которого выяснилась преступная деятельность эпарха (правителя) и всей общины. Базилевс Алексей приказал эпарха «зле убита» и провел репрессии против крымских евреев, а убийцу мученика Евстратия повесили «на древе», уподобив его Иуде.

Преследованиям подверглись не все крымские евреи, а только те, которые были связаны с работорговлей. Прочие изъявили желание креститься, после чего их оставили в покое. Искренность их решения более чем сомнительна, но работорговля в Корсуне была прекращена, и не случайно, что после 1097 г. русско-половецкая война приняла иной характер: смысл и цели ее были уже иные. Для того чтобы разобраться в эволюции русско-половецких столкновений за истекший период, необходимо обратиться к рассмотрению некоторых явлений древнерусской истории.

86. Возвращение Олега Святославича

В огромном и богатом Киеве положение было острым. Причина — интенсивный процесс этногенеза, т. е. смена стереотипа поведения в поколениях. Летописец отмечает, что старый и больной князь Всеволод «стал… любить разум молодых… они же начали настраивать его, чтобы он пренебрегал дружиной своей старой».[592] Тут налицо обычный конфликт «отцов и детей», сглаживаемый при спокойных фазах этногенеза, но крайне болезненный в переломные периоды. В таких ситуациях «старое» отбрасывается не потому, что оно «плохое», а потому, что молодое поколение жаждет самоутверждения и не гнушается ради этого никакими средствами. Иногда эта деятельность бывает полезной для всей этносистемы, а иногда наоборот. Однако современники событий руководствуются не далекими прогнозами, а своими насущными симпатиями и вожделениями. В данном случае молодые, пользуясь немощью старого князя, «начали… грабить и продавать людей»,[593] т. е. перечеркнули век героической борьбы своих предков за свободу и покой славянского населения Поднепровья.

На эту молодежь оперся князь Святополк Изяславич (в крещении — Михаил Дмитриевич), и свои интересы он не отделял от ее интересов. Сразу по вступлении на престол он арестовал половецких послов, пришедших к нему для подтверждения условий мира. Войну, им же развязанную, он провел крайне бездарно вследствие невероятного пристрастия к советам «молодых» и пренебрежения опытными боярами. Он сумел даже поссориться с Печерским монастырем, традиционно поддерживавшим антигреческую

---

590 См.: Киево-Печерский патерик / Под ред. Д.И. Абрамовича. Киев, 1931. С. 106—107.

591 См. там же. С. 107.

592 ПВЛ. Ч. I. С. 343.

593 Там же.

линию, потому что отнял у монахов соль, которой они снабжали киевлян. Великий князь пустил эту соль в продажу по повышенной цене и пытал монахов, якобы нашедших и утаивших клад.

Такая эгоистичная и беспринципная позиция великого князя и бессмысленная, неудачная война с половцами в 1093—1094 гг., несомненно, повели к возникновению недовольства на Руси, что и дало повод Олегу Святославичу решить, что его час настал. Старая вражда черниговцев и киевлян, политика Святополка II и надежда на обаяние русского патриотизма толкнули его на поступок, последствия которого были необратимы.

В 1094 г. Олег покинул Тьмутаракань навсегда. Он увел с собой всех сторонников — русских, местных и половецких, а княжество оставил своему благодетелю Алексею Комнину, который и присоединил Тьмутаракань к Византии. Поскольку в тылу у Олега не было тайных врагов, поход его был удачен. Мономах, осажденный в цитадели Чернигова, отбивался восемь дней, но против него стояли, кроме дружины Олега и половцев, сами черниговцы. Это видно из того, что у Владимира было всего около 100 человек, включая женщин и детей. Олег великодушно выпустил из западни, какой стал черниговский острог, своего бывшего друга, а тот признал за ним право княжить в Чернигове.

Чернигов считался вторым городом «империи Рюриковичей». Согласно лествичной системе, черниговский князь имел право по смерти старшего брата взойти на золотой стол киевский. Олег «сам хотя на великое княжение… занеже Святослав большей брат Всеволоду»,[594] но его легитимная позиция была слаба, так как у него был старший брат Давыд, сидевший в Смоленске под покровительством великого князя Святополка II и бывший его верным сподручником. Давыд, а потом его дети были постоянными противниками Олега и его потомков. А это открывало дорогу к престолу Владимиру Всеволодичу Мономаху, врагу половцев, недругу западников и вождю грекофилов. Объединенные силы Святополка и Владимира Мономаха превосходили силы Олега, но за последним стояла Половецкая степь, парализовавшая возможный контрудар из Киева. Поэтому Святополк и Владимир, стремясь изолировать Олега, развязали войну с половцами, отнюдь не нужную их подданным, даже боярам.

87. Апология Олега Святославича

История часто бывает несправедлива, особенно когда ее трактуют поэты. Автор «Слова о полку Игореве» руководствовался отнюдь не поиском истины, когда обозвал князя Олега Гориславичем за то, что он использовал союз с половцами для возвращения родного Чернигова.

Так-то оно так, но что сказать о Владимире Мономахе, который первым нанял половцев и разорил с их помощью Минск, да так, что там не осталось ни одной живой души? А затем он сам отмечает, что заключил с половцами «19 миров» и использовал половецких наемников в войне против Олега. Да и другие князья не брезговали половецкой помощью, так что дело было не в «крамоле», которую якобы Олег «ковал мечом»,[595] а в чем-то другом. Это «другое» мы и попробуем найти, используя только факты.

В начале 90-х годов XI в. в Константинополь пришел с востока бедный, одетый в овчину странник и объявил себя Львом, сыном императора Романа Диогена, ослепленного и умершего в 1072 г. Алексей Комнин сослал его в Херсонес. Псевдо-Лев сбежал, женился на

---

594 ПСРЛ. Т. IX. С. 153.

595 «Тъй бо Олег мечем крамолу коваше и стрелы по земле сеяше…» и «Тогда, при Олзе Гориславичи, сеяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Даждьбожа внука» (Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950. С. 15—16).

дочери Владимира Мономаха Марице[596] и увлек половецких князей Итларя и Кытана в поход на Византию для возвращения ему престола. В 1095 г. около Адрианополя сей Лев попал в плен к правительственным войскам, был ослеплен и кончил жизнь в темнице, а Итларь и Кытан пришли к Владимиру, тестю их друга, «на мир». Половцы настолько верили в святость гостеприимства, что Итларь с лучшей дружиной вошел в Переяславль и ночевал у боярина Ратибора, бывшего тьмутараканского наместника, на сеновале (Кытан же остановился за городом, получив в заложники сына князя Владимира и клятву о безопасности и мире[597]). Вспомним, что половцы еще недавно вышли из Сибири, народам которой было неведомо вероломство и гостеубийство.

На беду, в это время к Владимиру приехал из Киева боярин Славята по какому-то делу и организовал при помощи Ратиборовой дружины, некогда сражавшейся с половцами в Тьмутаракани, предательское убийство своих половецких ханов и их свиты. Владимир не хотел этого делать, но уступил нажиму посла великого князя Святополка и Ратиборовой дружины.

Чем было вызвано преступление, ясно из последующего. Святополк и Владимир потребовали, чтобы Олег выдал им на смерть сына Итларя, гостившего в Чернигове, а сам присоединился к их походу на ничего не подозревавших половцев. В этом походе они захватили «скот и коней, верблюдов и людей», не ожидавших внезапного нарушения мира.

Смысл этой операции очевиден. Святополк и Владимир хотели вовлечь Олега в преступление и тем самым поссорить его с половцами, благодаря которым Олег вернул Чернигову свободу, а себе родину и место под солнцем. Олег не поддался на провокацию и отказал. Тогда в 1096 г. его вызвали в Киев на суд епископа, игумена и горожан, т. е. на расправу. Он не поехал, и началась война, где часть половцев сражалась за Олега, а другая часть — за Владимира Мономаха. Олег потерял Чернигов, хан Боняк выжег окрестности Киева и в 1097 г. разорил Печерскую лавру.

Сколько бессмысленных бедствий! И из-за чего? Кому была выгодна война с половцами, которые просили мира? Ведь сила русских князей, обладавших неприступными для половецкой конницы крепостями, железным оружием в избытке, обученными дружинами и хоть и необученным, но многочисленным ополчением, не оставляла сомнений в результате войны. Но и русским война была не нужна. В ответ на предательские акции и прямые провокации великого киевского князя Святополка II половцы отвечали набегами, при которых гибли смерды и гридни. Олег был противником этой политики… и поплатился за это. Добытое им с таким трудом Черниговское княжество было передано его старшему, но ничтожному брату Давыду, верно служившему великому князю. Олег ушел в Муром; его поддержали Ростов и Суздаль и пытался принять Новгород. Но силы были неравны.

Два года Олег отбивался от превосходящих сил великого князя и его подручных; наконец после поражения на реке Колокше Олег явился на съезд князей в Любеч и принял то, что ему решили дать, — Новгород-Северский.

И вдруг ему повезло. Великий князь принял участие в гнусном преступлении — ослеплении Василька, князя Теребовльского. Тут даже Владимир Мономах «пришел в ужас и заплакал». Общественное мнение Руси осудило великого князя, и для Олега нашлось место в жизни, так как в 1100 г. князья, встретившись в Уветичах, «сотворили мир».

Главной проблемой на Руси было отношение к половцам. Купеческие круги Киева — работорговцы — были настроены крайне воинственно, потому что война их кормила. Но выиграть войну не удавалось, что констатировал сам Владимир Мономах, принимавший в ней участие.

В 1103 г. на княжеском съезде в Долобске Владимир Мономах противопоставил свою

---

[596] Или Марии (см.: ПВЛ. Ч. II. С. 388, 421).

[597] См. там же. Ч. I. С. 148.

программу программе дружины Святополка, которая желала продолжения затяжной войны, сулившей немалые выгоды. Мономах потребовал решительного наступления, дабы завершить войну, и добился своего. Наступление было произведено и победа одержана![598]

История этого похода позволяет отрешиться от предвзятой идеи, что половцы были кочевниками, подобно восточным монголам и приаральским казахам рода Адай. Таборное, т. е. круглогодичное, кочевание немыслимо в Приднепровье, где толщина снежного покрова превышает 40 см и, следовательно, зимой скот нуждается в сене, а весной — в длительной подкормке после голодной зимы.

Вот почему Мономах напал на зимовья половцев ранней весной и вынудил их к сражению, лишив возможности маневра. При встречном бое победа русских была предрешена. Не выдержав психической атаки, половцы побежали, а русские всадники на сытых конях рубили бегущих, не неся потерь, после чего были разграблены вежи, т. е. зимовья, где были захвачены половецкие женщины, дети, скот и нашедшие приют у половцев торки и печенеги.

На этом война не кончилась. Владимир Мономах казнил попавшего в плен хана Бельдюза, но этим только обострил положение: половцы перестали сдаваться. Сопротивление русскому наступлению возглавил хан Боняк, тот самый, который в 1091 г. спас Византию, в 1097 г. победил венгерского короля Коломана на реке Сан, после убийства Итларя ворвался в Киево-Печерскую лавру и теперь не сложил оружия.

На поход Владимира Боняк ответил набегами на Переяславль в 1105 и 1107 гг. Второй поход был отбит семью князьями. Эта победа не сулила покоя, и Владимир в 1110 г. попытался предпринять новый поход, но столь вяло, что половцев не встретил, зато те разграбили много сел в Переяславльском княжестве. Лишь в следующем году, снова весною, князья Святополк, Владимир и Давыд двинулись на юго-восток, и 27 марта 1111 г. в знаменитой битве на реке Сальнице (около совр. Изюма) русские войска одержали полную победу.

И наконец в 1116 г. был совершен последний поход на Дон, под которым понимался Донец. Там были взяты три аланские крепости и прекрасная княжна, на которой Ярослав Владимирович женился; но тут русское наступление захлебнулось.

В том же 1116 г. союзные с русскими торки и печенеги в двухдневном бою у Дона были разбиты половцами и бежали на Русь. Следом за ними в 1117 г. пришли русские жители Белой Вежи — крепости на левом берегу Дона.[599] А последующие события на самой Руси воспрепятствовали дальнейшему завоеванию Великой степи. Так она и превратилась из русской окраины в «землю незнаемую» и была возвращена лишь в XVIII в.

Впрочем, иначе и быть не могло. Силы Мономашичей были ограниченны, как и их популярность на Руси. Кочевья половцев тянулись от Днестра до Иртыша, а задонские степи, не говоря о заяицких, были недостижимы для киевских войск. Поэтому после решительной, но, увы, бесполезной победы основой степной политики Руси стала программа Олега Святославича. Олег, считая бессмысленными походы в Степь, заменял их мирными переговорами и династическими браками. Но, отказываясь участвовать в походах, он всегда соединял свои силы с другими князьями, когда дело шло о защите границ.[600] Это была политика, перенятая его наследниками — князьями Северской земли. И она принесла им успех.

Итак, Олег Святославич за прожитые им 60 лет не совершил ничего позорного.

---

598 Битва при Сугени 4 апреля 1103 г. (см.: ПВЛ. Ч. I. С. 183—185).

599 См.: Артамонов М.И. Указ. соч. С. 450—452.

600 См.: Голубовский П.В. Печенеги, торки, половцы до нашествия татар: История южнорусских степей IX—XIII вв. Киев, 1884. С. 110, 111.

Наоборот, если и был на Руси рыцарь без страха и упрека, так это был он — последний русский каган. Характеристика его в «Слове о полку Игореве» представляется пристрастной и несправедливой. После смерти Олега (1115) русско-половецкие отношения вступили в новую фазу.[601] Большая война кончилась, сменившись участием половцев в междоусобных войнах русских князей. А еще через столетие русские и половцы выступают как союзники в борьбе с внешними врагами: крестоносцами, сельджуками и монголами.

Русские и половцы одинаково страдали в бессмысленной войне, развязанной Святополком и его советниками. Так как сам Святополк лично не был врагом половцев и даже женился на половецкой княжне, то, видимо, вина за усобицу лежит именно на тех «молодых», которые окружали великого князя, используя его слабодушие и ограниченность. В угоду им был оболган Олег и сделаны в «Повести временных лет» сознательные купюры, а на месте пропущенных событий появились дидактические новеллы. Но кто же были эти «советники»?

88. Жуткий эпилог

Внешность явлений обманчива. Хотя поступки, совершаемые отдельными людьми, лежат в основе исторических событий, было бы неверно приписывать этим людям (персонам) решающее значение в крупных исторических явлениях. Поступки персон значимы лишь постольку, поскольку их поддерживают консорции, облекающиеся в социальные формы. Таковых в Киеве в конце XI в. было три: старое боярство, народная масса и «уные» (юные) сподвижники Святополка II. Первые были в оппозиции к политической линии великого князя,[602] вторые откровенно его не любили, а третьи жили за счет княжьих милостей и сами по себе силы не представляли. Но была в Киеве и еще одна реальная сила, дававшая Святополку деньги на оплату дружины и подкуп других князей. Это была еврейская колония, состоявшая не из предприимчивых и храбрых рахдонитов, а из хитрых ростовщиков, приехавших через Польшу из Германии.[603]

Пользуясь покровительством князей-западников, эти евреи приобрели в Киеве вес и значение, позволившие им отомстить врагам их восточных собратьев — Олегу Святославичу и его половецким друзьям.

После «перемещения» Олега в Новгород-Северский и разгрома половцев последним противником евреев на Руси оставалась православная церковь — Киевская митрополия, связанная с Константинопольским патриархатом. Был достигнут разрыв Святополка с митрополией, причем очень хитрым приемом: князь встал на защиту Печерского монастыря как Русской национальной церкви и доверил этому монастырю переделку летописания, каковая и была произведена в 1100—1113 гг.[604]

Казалось, что на берегах Днепра воскресла убитая химера Иудео-Хазарии, в жилы которой влилась обновленная кровь, принесенная с берегов Рейна и Роны. Западные евреи не повторили ошибок иранских и византийских иудеев. Они не захватили власть, а просто помогли законному великому князю в его предприятиях. Старая знать осталась на своих местах, но потеряла милость князя и влияние на государственные дела. Торговля и ремесла постепенно переходили в руки евреев, так как каждому из них помогала община, тогда как русские купцы и ремесленники действовали каждый на свой страх и риск. Вместе с тем

---

[601] См.: Плетнева С.А. Половецкая земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. С. 275.

[602] См.: ПВЛ. Ч. II. С. 99–101.

[603] См.: Тюменев А.И. Указ. соч.

[604] См.: ПВЛ. Ч. II. С. 102.

приток евреев из Германии был мотивирован тем, что там крестоносцы устраивали дикие погромы, которых не могли обуздать феодалы — правители прирейнских городов. А в Киеве Святополк II крепко держал власть при помощи «молодших», что означало не столько возраст, сколько политические симпатии. Так, во главе войска стоял тысяцкий Путята Вышатич, брат знаменитого Яна Вышатича. Ян Вышатич в 1071 г. усмирил движение волхвов в Ростово-Суздальской земле, проявив изрядное мужество и распорядительность. При Всеволоде I он был тысяцким, т. е. командующим войсками, но не поладил с князем, когда тот стал заигрывать с Германией. Святополк II вовсе отстранил его от государственных дел, а приблизил к своей особе брата Яна — Путяту, который сделал, без особых талантов, блестящую карьеру. Заметим, что сотоварищем его в походе 1106 г. был воевода Казарин, т. е. Хазарин, упомянутый и в летописи, и в эпосе.[605] Поскольку на характер социальных взаимоотношений деятельность еврейской общины не влияла, она осталась вне поля зрения большинства историков.

Политическая линия при Святополке была нацелена на личный подбор кадров. Князь старался избавиться от «смысленных», т. е. пассионарных, людей, обладавших совестью, способностями и энергией. Для этой цели он пускал в ход даже ослепление после крестоцелования, т. е. предательство, как было с Васильком Ростиславичем, и опалы, как с Владимиром Мономахом и Яном Вышатичем. Механизм управления стал крайне прост: еврейские ростовщики получали доходы с киевлян и делились с князем, который на эти деньги содержал войско и обеспечивал дальнейшее получение доходов. Недовольные этим порядком лишились вождей и казались правительству безопасными. В самом деле, что могли сделать разрозненные удельные князья, безоружные смерды и горожане, находившиеся под присмотром? Новый порядок казался крепким, несмотря на его непопулярность.

Увы, угасание пассионарности не влечет за собой уменьшения кровопролития. Субпассионарии, избавившись от пресса пассионариев, ломают созданную теми жесткую систему и открывают дорогу своим доселе задержанным инстинктам. Так было в Древнем Риме, а после Р.Х. — в Константинополе и Багдаде; так случилось и в Киеве, который в это время был третьим по богатству и населенности городом Европы. Пышнее Киева были только Константинополь и Кордова, но обе столицы уже клонились к упадку.

Киеву не угрожали внешние враги, а богатая природа щедро кормила его население, которое быстро увеличивалось, но не повышало уровня пассионарности. Наоборот, пассионарии уходили в дружины князей-изгоев или в полки варангов — в Царьград. А субпассионарии жили дома и вели себя тихо, ибо дружинники великого князя Святополка II могли навести ужас на кого угодно. В 1113 г. Святополк II умер, законным наследником его был князь черниговский Давыд, имевший некоторое количество сторонников среди сподвижников Святополка, но не имевший ни политических талантов, ни жажды власти. А в Киеве этническая дезинтеграция зашла так далеко, что инстинкты толпы оказались сильнее норм права и государственных перспектив. О том, что случилось, летописцы сказали лучше, чем смогу это сделать я, а сводку данных уже сделал В.Н. Татищев.[606]

В Киеве после смерти великого князя в полной мере проявилась непопулярность его политической линии. Начались народные волнения под лозунгом: «Святославичев не хотим!».[607] Сначала был разграблен дом Путяты, тысяцкого (командующего ратью), и дома

---

605 См.: ПВЛ. Ч. II. С. 20.

606 См.: Татищев В.Н. История Российская. Кн. II. С. 128—130. В Ипатьевской летописи сказано о том, что киевляне разграбили дома евреев (ПСРЛ. Т. II. М., 1962, стб. 275). Современные интерпретации этого события см.: Греков Б.Д. Киевская Русь. С. 496—498; Тихомиров М.Н. Древняя Русь. С. 131—138.

607 Эта мотивировка в летописных текстах отсутствует. Если это не домысел В.Н. Татищева, надо полагать, что Путята был сторонником Давыда Святославича, верного слуги Святополка II, но никак не Олега, помирившегося с Мономахом еще в 1104 г.

его друзей, потом гнев народный обратился на еврейскую колонию, обласканную покойным князем. Евреи собрались в синагогу и мужественно отбивались, надеясь на приход Владимира Мономаха из Переяславля. Киевские вельможи успели послать гонцов за князем, который пришел с дружиной, был принят «с честью и радостью великой» народом, боярами и митрополитом и сел на золотой стол киевский.

Желая получить опору в народе, Владимир созвал князей на совет, который состоялся у Выдобича. По предложению великого князя евреи были эвакуированы из Русской земли без конфискации имущества, но без права возвращения назад. Тайно возвращавшимся евреям было отказано в покровительстве закона, даже в случае ограбления и убийства вернувшихся. Зато в Польше и Венгрии евреи обрели симпатии королей. Но поле их деятельности заметно сузилось.

По поводу достоверности сведений В.Н. Татищева существует острая полемика. С.Л. Пештич называет приведенный им текст «фальсификацией»,[608] а Е.М. Добрушкин считает, что данными Татищева «невозможно пользоваться».[609] Обратную позицию защищают И.И. Смирнов,[610] Б.А. Рыбаков.[611] и А.Г. Кузьмин[612] Последний, увлекаясь полемикой, пытается отстоять даже заведомо устарелые мнения, например о славянстве иудео-хазар. Наиболее весомо мнение Д.С. Лихачева: считать В.Н. Татищева фальсификатором нельзя, а воспринимать его повествование следует критически,[613] что, впрочем, относится ко всем авторам исторических жанров.

Этому событию в России уделялось весьма мало внимания, потому что социальный строй не изменился, государственных переворотов не произошло и искусство по-прежнему воспроизводило образцы, подобные создаваемым в близкой по духу Византии. Но для этнической истории это событие имело огромное значение. Зигзаг истории, породивший этническую химеру, распрямился, и история этносов Восточной Европы вернулась в свое русло.

89. Исход

Обладание половиной Тьмутаракани после потери гегемонии на половине континента было отнюдь не заманчиво. Евреи не пытались наладить дружественные отношения с греками и степняками — куманами, ясами, касогами, а связи с некоторыми русскими князьями-изгоями оказались непрочными и закончились резней 1083 г., когда Олег Святославич «иссече» тьмутараканских хазар, как тогда называли восточноевропейских евреев.

Евреям пришлось искать «новую Хазарию»… и они ее нашли. Влиятельная колония евреев была в Испании, под крылом омейядских халифов, но в 1031 г. халифат распался на множество мелких династий, число которых доходило до двадцати трех. Династии эти

---

[608] Пештич С.Л. Русская историография XVIII в. Ч. I. Л., 1961. С. 250.

[609] См.: Добрушкин Е.М. О двух известиях «Истории Российской» В.Н. Татищева под 1113 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. III. Л., 1965. С. 290.

[610] См.: Смирнов И.И. Очерки социально-экономических отношений Руси XII—XIII вв. М.; Л., 1963. С. 252—265.

[611] См.: Рыбаков Б.А. В.Н. Татищев и летописи XII в. // История СССР. 1979. № 1.

[612] См.: Кузьмин А.Г. Статья 1113 г. в «Истории Российской» В.Н. Татищева // Вестн. МГУ. 1972. № 5.

[613] См.: Лихачев Д.С. Можно ли включить «Историю Российскую» В.Н. Татищева в историю русской литературы? // Русская литература. 1971. № 1.

различались этнически: арабские, берберские и сакалиба — воины из бывших невольников, но все они, за исключением султанов Гренады,[614] недолюбливали евреев. Но те не растерялись и предложили свою помощь кастильскому королю Альфонсу VI. Этот король взял Толедо и, поскольку мусульмане покинули город, пригласил евреев, дав им права, равные с христианами. Он использовал ученых-евреев в качестве дипломатов. Правда, это было не всегда удачно. В 1086 г. кастильский посол, еврей, так нагрубил Мутамиду Севильскому, что тот его казнил, и это вызвало войну Кастилии с Севильей. Война же повлекла, как следствие, вторжение африканцев — Альморавидов — и поражение христиан при Залаке.[615]

Кастильцы отстояли Толедо, но в 1108 г. потерпели новое поражение — при Уклесе. Битва была проиграна из-за того, что евреи, стоявшие на левом крыле кастильского войска, убежали с поля боя, а это позволило мусульманам нанести испанцам столь сильный урон, что погиб даже наследник престола. Разъяренный этим, толедский архиепископ Бернардо устроил погром, но король Альфонс заступился за евреев.[616] В 1134 г. король Арагона Рамиро II установил одинаковые права для христиан, евреев и мусульман в четырех крупных городах Арагона,[617] что спасло многих евреев от фанатиков-берберов, так называемых Альмогадов (махдистов).[618]

Этническая ситуация, сложившаяся в христианской части Испании, исчерпывающе охарактеризована в докладе Комиссии кортесов 8 декабря 1812 г. о причинах учреждения инквизиции. Привожу цитату: «Евреи (в Испании. — *Л.Г.*) пользовались свободой религии и особыми правами, имели своих судей и покровительство законов: переходя в католичество, роднились с грандами и занимали видные должности. Сбор налогов совершали, оставаясь евреями, и получали ордена. С другой стороны, по законам Альфонса X христианам запрещалось служить в домах евреев, ходить к ним в гости, пить и есть с ними, купаться в ванне, где купались евреи, и принимать их лекарства… это были два народа, разделенные законом и обычаями, а считалось, что это один народ. Крещение евреев было лицемерно!»

А каким оно должно было быть? Исповедание веры всегда отражает мироощущение этноса, исторически сложившееся в течение веков на основе определенных запретов и разрешений, причем те и другие воспринимаются как нечто естественное, само собой подразумевающееся и не подлежащее перепроверке. Это стереотип поведения; у каждого этноса он свой, не похожий на все иные стереотипы.

Но если у этносов одной группы стереотипы близки, то на уровне суперэтноса они практически несовместимы. А евреи, берберы и испанцы принадлежали к разным суперэтносам, пассионарное напряжение которых было одинаково или почти одинаково высоким, — ситуация, в которой ломка этнического стереотипа часто дает летальный исход.

Затею испанских королей можно рассматривать как эксперимент, поставленный неосознанно, но давший однозначный результат, зафиксированный в приведенной цитате научно, но несколько поздно. Принять какие-либо меры для предотвращения последствий «зигзага этнической истории» авторы документа уже не могли, поскольку в нем было описано завершение длительного процесса превращения Кастилии из этнической целостности в химеру. Занял он около 200 лет, за которые влияние евреев, и особенно евреек,

---

[614] См.: Мюллер А. История ислама. Т. IV. С. 167.

[615] См.: Лозинский С.Г. История инквизиции в Испании. СПб., 1914. Т. III. С. 9.

[616] Там же. С. 11.

[617] Там же. С. 6.

[618] Там же. С. 21.

на испанскую знать росло неуклонно.

Этот процесс наглядно изображен Л. Фейхтвангером в романе «Испанская баллада». Кастилия подменила Хазарию, с той лишь разницей, что короли ее не могли оставить христианскую религию, ибо их народ, переживавший акматическую фазу этногенеза, не допускал таких метаморфоз. И тем не менее попытка уничтожения аристократии была сделана королем Педро Жестоким, которого испанцы считали полуевреем.[619] Было ли это справедливо, сказать трудно, но во время гражданской войны еврейская община Кастилии поддерживала короля Педро, а после его гибели в 1369 г. антиеврейские настроения испанцев росли и вылились в грандиозный погром 1391 г.[620] Тогда еврейские массы спасались от разъяренных крестьян, принимая крещение. Однако они продолжали соблюдать свои обряды, что не могло быть долго скрываемо. Вследствие этого при Изабелле и Фердинанде, в 1478 г., для борьбы с систематическим обманом была введена инквизиция[621] — лекарство страшнее болезни[622] Но это уже не наша эпоха, и можно, покинув Кастилию, вернуться к нашей теме.

90. Две заслуги Владимира Мономаха

Народное возмущение привело на золотой стол киевский Владимира Мономаха, который был не только талантливым полководцем, но и прозорливым политиком. Он понял, что лучше и легче жить в согласии со своим народом, нежели вечно запугивать его силой дружинников и богатством иностранцев. Поэтому политика Киевской державы сменилась на обратную. Война с половцами, тяжелая и бесперспективная для обеих сторон, угасла, так как западный половецкий союз (по С.А. Плетневой) вошел в состав Русской земли, сохранив автономию, а задонские половцы в 1116 г. одержали победу над союзниками Руси — торками и печенегами, взяв реванш за поражение в 1111 г. В дальнейшем они выступают союзниками суздальских князей.

Этим закончилась утомительная война, и наступил новый период русско-половецких отношений, характеризующийся участием половцев в междоусобных войнах русских князей.[623] По сути дела, в XII—XIII вв. Половецкая земля (Дешт-и-Кыпчак) и Киевская Русь составляли одно полицентрическое государство. Это было выгодно обоим этносам, так как опасность грозила им как с юга, где активизировались туркмены-сельджуки, так и с запада, откуда и был нанесен неожиданный удар, причем, что удивительно, русскими руками.

Любой феодальный режим имеет противников. Порядок, установленный Мономахом, не был исключением. «Обиженными» оказались «уные» сподвижники Святополка II. Они лишились ведущей роли в управлении, программы — борьбы с половцами — и денежной поддержки князя, черпавшего средства у еврейской общины, подобно тому как это делали германские императоры франконской династии. Симпатии народа были не на их стороне, поэтому они стали искать поддержки на западе: в Польше и Венгрии, настраивая в этом смысле своего естественного вождя — Ярослава Святополчича, правившего богатой Волынью.

---

619 Там же. С. 17—19.

620 Там же. С. 21.

621 Там же. С. 430.

622 Злоупотребление тайным судопроизводством было таково, что королеве предложили передать дела религии епископам, но это не помогло, а дальнейшая история известна.

623 См.: Плетнева С.А. // Древнерусские княжества X—XIII вв. С. 275.

Трудно сказать, что подсказывали этому князю советники, бывшие друзьями его отца, а что исходило от него самого, но в общем это не так уж и важно. События говорят сами за себя.

Ярослав Святополчич в 1111 г. храбро воевал с половцами, а в 1112—1113 гг. — с ятвягами, был женат на внучке Мономаха и, казалось бы, утвердил свою лояльность к золотому столу киевскому, что не мешало ему дружить с врагами немецкого короля Генриха V, относительно лояльного к киевскому престолу, — венгерским Кальманом (Коломаном), тоже женатым на дочери Мономаха, и польским Болеславом III, союзником Венгрии. Германская империя стремилась покорить славян и венгров.[624] В 1110 г. разразилась война, в которой Чехия покорилась Германии, а венгры и поляки отразили немецкий натиск на восток. И вдруг… около 1117 г. венгерский король Кальман демонстративно отослал на Русь свою молодую беременную жену Евфимию Владимировну,[625] а Ярослав Святополчич — свою — внучку Мономаха.[626] Это был не семейный скандал, а вызов.

Мономах действовал быстро. Владимир-Волынский был осажден совокупными силами русских князей, и через 60 дней осады Ярослав принял прощение своего дяди. Но самое интересное было не это, а поведение народа. Пока длилась осада, волынские бояре доблестно защищали своего князя, но когда все обошлось и противник ушел, «бояре отступились от него», и народ последовал их примеру. Что произошло?

Можно предположить, что для волынского общественного мнения причина усобицы была неясна, но, когда был заключен мир и что-то стало понятно, повторилась киевская коллизия 1113 г. Волынянам, как и киевлянам, ориентация на католическую Европу была не нужна. Князю пришлось эмигрировать в Венгрию в 1118 г., т. е. сразу после удачного отражения противника. Волынские бояре пригласили на престол седьмого сына Мономаха, Андрея.

Этот эпизод — не простая междоусобица, каких было на Руси много, ибо он повлек за собой серьезную внешнюю войну с Польшей и Венгрией. В обоих королевствах выявились прорусские и пронемецкие партии,[627] так же как Ярослав пытался возглавить «западническую» партию, созданную его отцом. Будучи изгнан, он не сложил оружия. В 1121 г. он подошел с войском к городу Червеню, но был отражен. Зато в 1123 г. он привел под Владимир огромное войско из угров, чехов и ляхов. В походе приняли участие галицкие князья Володарь и Василько и сам венгерский король Стефан II (1115—1131).

Волыняне приготовились стоять насмерть, но им помог случай. Ярослав объезжал город, грозил гражданам наказаниями, предлагал сдачу и наткнулся на засаду: два ляха, служившие князю Андрею, внезапно выскочили из кустов, ударили Ярослава копьем в живот и скрылись в городе. После смерти князя войско разошлось, несмотря на уговоры короля Стефана продолжить осаду. Видимо, отсутствие потенциальных союзников на Руси делало дальнейший поход бесперспективным. На этом закончилась очередная попытка превратить Русь в лен империи и епархию папы.

Конечно, не следует думать, что случайный удар копья достаточен, чтобы изменить историю контакта на суперэтническом уровне, но иногда, хотя и редко, случай создает зигзаги исторического становления, а их последствия часто ощущаются долго. Такие зигзаги происходят тогда, когда противоборствующие силы на момент уравниваются. Вот тогда вступает в игру судьбы Его величество случай.

---

[624] См.: Вебер Г. Всеобщая история. Т. IV. С. 371.

[625] См.: Пашуто В.Т. Внешняя политика… С. 167.

[626] См.: Соловьев С.М. История России… Кн. I. Т. II. С. 391—392.

[627] См.: Пашуто В.Т. Указ. соч. С. 151, 167—168.

В 1123 г. был именно такой момент. Германскую империю ослабила длительная гражданская война за инвеституру между папами и императорами, или, что то же, между франконцами и саксонцами. Вормский конкордат 1122 г. ознаменовал чрезвычайное утомление всего немецкого этноса, вследствие чего нажим на восток приостановился. А в Венгрии и Польше не было и тени единодушия: часть поляков и венгров стояла за католическую веру, а другая, оставаясь католиками, хотела освободиться от немцев. Вот в этой обстановке разброда пламя возобновившейся борьбы «христианского мира» с восточным православием было перенесено на запад от Карпат, что дало возможность Руси укрепиться идеологически и экономически, а также достигнуть политического объединения. Недаром же сына Мономаха Мстислава назвали Великим!

При Владимире Мономахе и Мстиславе Русь окончательно утвердила себя в истории как союзная Византии держава и, более того, как единоверная и равноправная.[628] Владимира Мономаха стали именовать не просто великим князем, а царем. Но поскольку отношения между католиками и православными исправить не удалось, то неприятие «латинства» распространялось и на Русь, что, однако, не мешало волынскому князю Изяславу пользоваться помощью венгерской конницы, не вызывая на себя нареканий в вероотступничестве. Ведь это были политические союзы, а не этнические контакты.

Итак, Владимир Мономах справедливо считается самым крупным полководцем и политическим деятелем Древней Руси, но, увы, не за то, что он совершил. Война с половцами проходила в годы княжения Святополка II, а в годы правления Мономаха она угасла. Не был заключен оскорбительный мирный договор, а просто «степной пожар» к 1116 г. перестал полыхать, к 1125 г. почернели угли пожарищ, а после 1132 г. выросла новая трава и наступило время русско-половецкого симбиоза.

Да и можно ли гордиться победой над противником, у которого не было ни одного шанса на победу? Населения Руси было около 5—6 млн, а половцев — 300—400 тыс. Русь обладала неприступными крепостями и искусными кузнецами, ковавшими оружие для бойцов. Элемент риска в этой войне полностью отсутствовал, ибо у половцев не было тыла и союзников. Заслуга Мономаха — не в победе над слабым противником, а в заключении мира, обеспечившего на 130 лет русско-куманскую унию. А ведь это не мало!

Зато маленький эпизод 1123 г. — осада Владимира-Волынского венгеро-чешско-польской армией при наличии русских союзников, по сути дела агентов Ватикана, — сулил трагические последствия, что легко заметить, взяв для сравнения судьбу полабских славян. Резерв Ярослава Святополчича был неисчерпаем: все рыцарство Германии и купечество Италии, находившиеся в акматической фазе пассионарного напряжения. Для того чтобы выйти на рубеж Днепра, венграм нужны были только проводники и посредники с местным населением, но этого-то и лишил их дальновидный Владимир Мономах, умевший действовать в согласии с народом. Поэтому, когда он предложил массам программу союза с Византией, мира с половцами и неприятия Запада, она была принята общественным мнением соборно, т. е. как нечто самоочевидное.

Венгрия упустила время для удара, древнерусские западники рассыпались розно, а православие спасло Русь от оккупации, попытки которой повторились лишь через 100 лет. Именно за это Русь должна быть благодарна Владимиру Мономаху.

Как было упомянуто, война перекинулась на территорию Венгрии, но инициатива ее перешла к Византии. Сын короля Кальмана и внук Мономаха Борис, рожденный на Руси изгнанной женой венгерского короля, при дворе деда подрос, в 1129 г. перебрался в Константинополь и был отправлен императором Мануилом в Венгрию как наследник престола. Король Стефан II принял его по-братски и назначил наследником престола, но венгерские вельможи воспротивились и выдвинули кандидатом в короли ослепленного Кальманом принца Белу. Стефан и Борис опирались на греков и половцев, Бела — на немцев

[628] Там же. С. 186.

и чехов.

В 1131 г. Стефан умер, и запылала война. На помощь Борису пришли поляки и русичи, но были разбиты немцами в 1133 г. Лотарь саксонский примирил противников в 1135 г., но после смерти императора в 1137 г. бывшие враги Бориса — маркграф австрийский и герцог богемский — использовали его для вторжения в Венгрию и в 1146 г. понесли тяжелое поражение. Борис бежал в Византию, где был принят императором Мануилом, участвовал в его войне с Венгрией и был убит в одной из стычек с куманами, теперь сражавшимися под венгерскими знаменами. Князь стал жертвой суперэтнического контакта.

По сравнению со всеми описанными здесь странами Русь была самой счастливой. Конечно, и здесь шли частые междоусобицы, но это не мешало созидать дивную архитектуру и писать замечательные книги. Вплоть до 1200 г. Русская земля была страной изобильной, культурной и не угрожаемой ниоткуда, Византия, унаследовавшая от воинственных императоров династии Комнинов богатство и блеск образованности, дружила с единоверной Русью, не посягала на ее границы. На Западе росла мощь рыцарства и купеческой Ганзы, но барьер в лице литовцев, леттов, куров и эстов предохранял русские княжества от агрессии немецкой и датской. Половцы, разгромленные Владимиром Мономахом, искали дружбы русских князей, крестились в православную веру целыми родами и отражали набеги сельджуков — представителей «мусульманского мира», в это время раздробленного на многочисленные соперничавшие султанаты. При помощи половцев Грузия одержала победу над войсками сельджуков. Царство Давида Строителя, царицы Тамары и Георгия Лаша было, подобно Византии, союзником Руси. Казалось, что благоденствие «украсно украшенной» Русской земли будет продолжаться вечно, но эти слова извлечены из сочинения XIII в., называющегося «Слово о погибели Русской земли». Автор этого трактата знал, что описывает он «золотую осень».

Отвлечемся и внесем ясность. К XIII в. сила инерции первоначального взрыва этногенеза была на излете, что и отметил другой древнерусский автор в «Слове о полку Игореве», описывая княжеские усобицы. Усобицы — это феодальные войны. Они велись повсюду: между баронами во Франции и между эмирами в Сирии, в Индостане — между раджпутами (князьями), в Германии — между герцогами Священной Римской империи, в Японии — между знатными родами Минамото и Тайра, в Англии — между королями и принцами крови. Везде они имели разное значение для страны и народа, но только на Руси XIII в. повели к трагическому исходу.

Почему? Да и они ли?

91. Наследие Мстислава Великого

Старший сын Владимира Мономаха, Мстислав, был верным и талантливым помощником своего отца. Его воля и незаурядные способности правителя не только уберегли Киевское княжество от распада, но и позволили ему завершить политическое объединение Русской земли. В 1127 г. Мстислав присоединил к Руси Полоцкое княжество, а захваченных в плен полоцких князей выслал в Константинополь. Недаром летописец назвал его Великим, а православная церковь удостоила канонизации. Но после его смерти в 1132 г. силы этнического развития толкнули Киевскую Русь к развалу. Возникли усобицы, ужесточились расправы, наступил политический распад государства, но не этноса.[629]

Удельные князья XII в. после смерти Мстислава Великого стали суверенными государями своих княжеств потому, что их поддерживало население, тяготившееся зависимостью от Киева. Черниговские Ольговичи — Всеволод II и Игорь II — на время сели на золотой стол киевский, но киевляне тяготились ими. Заговорщики призвали на престол Изяслава Мстиславича, и когда он в 1146 г. подошел с войском к Киеву, горожане

---

[629] См.: Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. С. 472 и след.

переметнулись на его сторону. Игорь попал в плен и год спустя был разорван киевской толпой.[630] В 1157 г. в Киеве был отравлен законный наследник Мономаха, суздальский князь Юрий Долгорукий, зато в 1169 г. его сын Андрей взял Киев и отдал его войску на трехдневный грабеж: ранее так поступали только с чужими, а не своими городами.

Не пассионарное напряжение, а разнузданность инстинктов, характерная для инерционной фазы этногенеза, видна в этих и многих подобных событиях истории распада Киевской Руси. Хорошо еще, что на ее границах не было сильных врагов. Половцы, побежденные Владимиром Мономахом, предпочитали грабить Русскую землю не самостоятельно, а в союзах с враждующими князьями.[631] Западные славяне сдерживали немецкий «натиск на восток», а волжские болгары свели постоянную войну с Суздалем и Муромом к обмену набегами ради захвата пленниц. Болгары пополняли свои гаремы, а русичи восполняли ущерб. При этом дети смешанных браков считались законными, но обмен генофондом не привел оба соседних этноса к объединению. Православие и ислам разделяли русичей и болгар, несмотря на генетическую перемешанность, экономическое и социальное сходство, монолитность географической среды и крайне поверхностное знание догматики обеих мировых религий большинством славянского и болгарского населения.

Это странно: ведь кочевые половцы охотно крестились, а язычники-ятвяги христианства не принимали, предпочитая гибель или тяжелый плен. И сами русичи, при жестокости внутренних войн и утрате политического единства, сохранялись как этническая целостность. Очевидно, здесь необходимо, кроме этногенеза, учитывать и культурогенез; эти оба процесса хотя и сопряжены, но не идентичны друг другу.

Вспомним, что до X в. славянство, хотя и раздробленное политически, представляло собой единую суперэтническую целостность, постепенно воспринимавшую христианство, представлявшееся современникам тоже культурным единством. Но уже в IX в., когда для обоих суперэтносов наступила фаза надлома, положение стало меняться, медленно, но неуклонно.

На востоке, в Византии, где сохранились традиции эпохи Великих соборов V—VI вв. и церковная служба проводилась на общепонятном греческом языке, основой культурного единства было убеждение, для которого необходимо понимание. Поэтому в греческих городах шли постоянные споры на темы догматики, этики, апологетики и прочих теологических дисциплин. Духовенство практически не отделяло себя от паствы, поэтому светские образованные люди иногда становились патриархами: Тарасий, Никифор, Фотий.[632]

Потому-то, проповедуя православие, Кирилл и Мефодий перевели для славян священные книги. В их представлении обращение было неразрывно с просвещением и обучением. Славянам это нравилось, так как, крестившись, они переставали быть «варварами», а сравнивались с греками. Пройдя нужные христианские науки, способные славянские юноши, как, например, священник Иларион, могли становиться даже епископами и поучать свою паству, которая понимала язык литургии и проповеди. Поэтому православие укоренилось в царстве Болгарском[633] и каганате Киевском; однако в Моравии, соседке агрессивной Баварии, оно потерпело поражение.

---

630 Смерть Игоря II, пленника, зверски замученного чернью, была приравнена к мученической; Игорь канонизирован.

631 См.: Гумилев Л.Н. Миф и действительность // Проблемы реконструкций в этнографии. Новосибирск, 1984. С. 5–24.

632 См.: Флоря Б.Н. Сказания о начале славянской письменности. М., 1981. С. 35.

633 Там же. С. 51—52.

Совершенно иной была христианская проповедь в Западной Европе при Каролингах. Там возникла идея, что христианское богословие — тайная наука, доступ к которой должен быть открыт только духовенству. Это мнение бытовало уже в VIII в. потому, что в 794 г. франкфуртский синод осудил обязательность церковной службы только на одном из трех языков: еврейском, греческом и латинском, но это решение впоследствии было игнорировано. По бытовавшей на Западе традиции, на родном языке разрешались лишь индивидуальная молитва и проповедь.[634]

Обязательность «трехъязычия» фактически упраздняла христианское просвещение, потому что изучить еврейский язык можно было только в мусульманской Кордове, где обитала еврейская колония, а греческий — нигде, ибо в Византии правили иконоборцы, считавшиеся еретиками. Тем не менее в начале 30-х годов IX в. немецкое духовенство крестило Моравию. Однако после 846 г. князь Ростислав обратился в Константинополь с просьбой прислать ему епископа, который был бы и учителем, «чтобы… нам изложил христианскую веру».[635]

Дальнейшая история миссии Кирилла и Мефодия неоднократно описана, вплоть до ее трагического завершения. Племянник князя Ростислава Святополк предал Мефодия и его учеников в 879 г., объединился с немцами и оставил свой народ в жертву языческим венграм. Когда же в XI в. чешский король обратился к папе Григорию VII с просьбой о разрешении богослужения на славянском языке, папа ответил: «Бог всемогущий нашел угодным, чтобы Святое писание в некоторых своих частях осталось тайной, ибо иначе, если бы было полностью понятно для всех, слишком низко бы его ценили и утратили к нему уважение».[636]

Интересно, как относился сам папа к Писанию, которое он по должности обязан был знать? И понятно, что южные славяне — болгары и сербы, имея возможность выбора, предпочли веру греков, с которыми они воевали, латинской вере, которую им выдавали, как неполноценным, в урезанном виде. Чехам было некуда деваться, а поляки XI в. были столь простодушны и доверчивы, что не заподозрили оскорбительности в принципе «трехъязычия». Зато русичи, жившие по Великому пути «из варяг в греки» и искушенные в торговле и дипломатии, отвергли исповедание, ограничивавшее их свободу совести. Ольга и ее внук Владимир сознательно избрали греческую веру.

XV. Иноверие и инославие

92. Древние боги и новые демоны

Язычество многолико. Христианство быстро восторжествовало в Киеве, с трудом — в Новгороде и очень медленно — в Ростове и Муроме, где славянское население составляло незначительное меньшинство. Этническая пестрота северо-восточных окраин Киевского каганата способствовала политеизму, т. е. мировоззрению сверхтерпимости, когда почитают не только своего племенного бога, но и соседних, авось помогут.

Такой вид политеизма был известен на древнем Ближнем Востоке, где халдеи, арамеи и евреи стремились принести поклонение не только своему богу, но и соседним ваалам, молохам и астартам, чтобы заручиться их помощью и переманить их на свою сторону. Тогда процветал и генотеизм, т. е. поклонение своему богу. Единобожие проповедовали только

---

[634] Там же. С. 26—27.

[635] Там же. С. 26.

[636] Там же. С. 29.

некоторые пророки, имевшие за это большие неприятности.[637] Аналогичную картину можно видеть на окраинах Руси. Неизвестный автор XIV в. сообщает, что двоеверы «не христиане, но веруют в Перуна, Хорса, Мокошь, Сима, Регла, Вилы» — всего тридцать богов. «Они молятся огню и зовут его Сварожицем…»[638] Это перечисление показывает, что здесь не стройная иерархия олимпийского пантеона, а эклектическое сочетание нескольких полузабытых традиций. Перун — литовский бог, боровшийся с Христом до XIV в.[639] Хорс — солнце (*перс.* Хуршид) — наследие древнего митраизма. Вилы — духи покойников, а прочие вообще неизвестны, хотя, видимо, их в XI—XII вв. знали и почитали.

Но это были «споры в небесах», а материализовывались они «внизу», на нашей земле. В те годы, когда в Киеве, Чернигове и Новгороде поднимались золотые купола соборов Святой Софии, в Ростове, на Чудском конце, стоял идол Велеса, покровителя скота и широких пастбищ, — это было божество митраистского культа. Христианские епископы Феодор и Иларион бежали из Ростова от ярости мерян. Феодор имел успех только в поселении около славянского города Суздаля. Преемник беглецов св. Леонтий был схвачен во время проповеди. Его после долгих мучений убили около 1070 г., но его преемники св. Исай и пр. Авраамий достигли успеха, обратив в православие много мерян.

Столь же неохотно принимали православие славяне. В начале XII в. вятичи убили миссионера Кукшу. На юго-восточной окраине христианским городом был только Курск, а Мценск, Брянск, Козельск держались язычества, их обращение датируется, весьма приблизительно, серединой XII в.

Еще сложнее обстояло дело в Муроме, где православие спорило не только с упорным язычеством, но и с мусульманской пропагандой, шедшей из Великого Булгара. Лишь к 1092 г. около Мурома был построен Спасский монастырь, и затем в Муроме княжит линия черниговских князей. Но окрестная мордва оставалась враждебной христианству.

И наконец, на севере заволоцкая чудь, населявшая страну Биармию, или Великую Пермь, ревностно защищала капище Йомалы от норвежцев и от новгородцев. До 1318 г. язычество обороняло себя от христианской проповеди, и все изменилось лишь в XIV в. Тогда на месте былых жертвенных дерев возникла «Святая Русь».

В XI в. православие внезапно обрело нового неожиданного врага. Учение волхвов отличалось от синкретизма, распространенного в Северо-Восточной Руси до XIV в. Впервые волхвы появились в Суздале в 1024 г. Они возбуждали народ против женщин, приписывая им случившийся в то время голод. Затем с той же проповедью волхвы в 1077—1078 гг. прошли от Ростова до Белоозера и погубили много женщин. Последнее их выступление было в Новгороде в 1223 г., но народ схватил и сжег их, тогда как в XI в. именно народ защищал волхвов от князей.

Принцип учения волхвов был записан боярином Яном. Они говорили: «Бог, мывшись, отерся ветошкою и бросил ее на землю, а затем диавол сотворил (видимо, из ветоши. — *Л.Г.*) человека, а Бог вложил в него душу».[640] На вопрос: «Каковы ваши боги?» — волхвы показывали на чертей, изображенных на иконе, и утверждали, что эти боги открывают им тайны.

Любопытно, что лжемонах, встреченный Рубруком в Монголии в 1253 г., также считал

---

637 См.: Тураев Б.А. История древнего Востока. Т. II. СПб., 1913. С. 92–104.

638 Гумилевский Ф. Указ. соч. С. 45.

639 Последним защитником Перуна был великий князь литовский Ольгерд, но его дети и племянники приняли крещение (см. там же. С. 40—43).

640 Гумилевский Ф. Указ. соч. С. 53.

тело (т. е. материю) творением дьявола, а душу — вложенной в тело богом.[641] Этот дуализм в отличие от прочих дуалистических концепций восходит к манихейству, а скорее к богумильству, но не может быть сопоставлен с натуралистическими культурами — почитанием сил природы — и даже с культом предков. Нет, это кристаллизованная, продуманная антисистема, по психологии, но отнюдь не по догматике напоминающая действия инквизиторов Шпренгера и Инститориса, хотя последние стояли на позиции монизма, утверждая, что дьявол исправно служит престолу бога.[642]

93. Двоеверие

Византийская культура, т. е. православие и книжное образование, за XI в. сломила открытое сопротивление воинствующего язычества — учение волхвов в Новгороде и Ростовской земле, но только в городах и укрепленных монастырях. Народ умело уклонялся от обучения чужой вере. У него были свои религии, свои культы, свои божества. И именно потому, что их было несколько и они были непохожи друг на друга, итог идейной борьбы христианства с язычеством был предрешен.

Православие имело продуманную организацию, пользовалось поддержкой власти и давало своим адептам доступ к мировой культуре, пленявшей русских пассионариев, стремившихся к почестям и возвышению в структуре своей этнополитической системы — монолитного государства, созданного Владимиром Мономахом и его сыном Мстиславом Великим.[643] Ну а простым славянам — гармоничным по психике и уровню знаний — надо было и погадать, и избавиться от ночных привидений, и договориться с лешим, чтобы он не пугал пасущийся в лесу скот, и задобрить душу предков — навьев. Поэтому, одержав политическую победу, христианство в Древней Руси не смогло справиться с древним мировоззрением, хотя последнее было объявлено суеверием. Да ведь и сами русские священники верили в существование нечистой силы, отнюдь не отступая от принципов своей религии, ибо в Евангелии упомянуты и бесы, и сатана. Вследствие этого борьба с язычеством, т. е. народными верованиями, шла вяло, хотя и не без результатов.

Привычное, обывательское представление о славянском язычестве как жизнеутверждающем мировоззрении более чем неверно. Оно абсурдно! Б.А. Рыбаков убедительно показал, что под термином «язычество» произвольно объединяются три разных культа: древний культ предков-духов, враждебных живым людям, т. е. вампиров;[644] культ стихийных духов, вероятно вариант митраизма; культ Перуна, реформированный в IX в. в бассейне Балтийского моря. Этот последний культ был распространен среди бродячих воинов-варягов в Литве, у пруссов и полабских славян.[645] На Руси он не выдержал соперничества с христианством, значительно более древним, потому что готы приняли крещение в IV в., а на Западе святилище Святовита было уничтожено немцами в конце XII в. Следовательно, этот третий культ был эпизодом на фоне истории Восточной Европы, хотя его роль в событиях IX—XI вв. была отнюдь не малой.

Митраизм, религия действительно жизнеутверждающая и распространившаяся от

---

641 См.: Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. С. 157.

642 Шпренгер Я. и Инститорис. Молот ведьм. С. 159—161.

643 От съезда князей в Любече (1097) до смерти Мстислава и отпадения Полоцка (1132) (см.: История СССР. Т. I. С. 584).

644 См.: Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981. С. 15—17.

645 Там же. С. 19, 25.

Китайской стены до Атлантического океана, уступил место христианству, исламу и теистическому буддизму. История его — тема особая, которой мы касаться не будем. Гораздо важнее проблема древних верований, которая пока не решена и, видимо, не может получить удовлетворительного решения.[646] Однако пренебрегать ею недопустимо. И вот почему.

Население Восточной Европы в X в. было пестрым, но малоактивным, что дало возможность киевским князьям объединить путем завоеваний огромную территорию. Неспособность финских, угорских, балтских и даже славянских племен к сопротивлению показывает, что большая часть их была реликтами древних этногенезов, притершихся друг к другу. Образно говоря, эти этносы были не дети, а старички. Даже самые молодые из них — радимичи и вятичи — имели за плечами не менее 800 лет, а учитывая инкубационный период — 1000 лет. Поэтому и мировоззрения их, некогда оригинальные, стали похожими друга на друга, что и дало повод объединять их в нечто целое, а по сути дела — мозаичное.

Христианские авторы выдвинули гипотезу происхождения многоликого язычества от крушения Вавилонской башни и смешения языков.[647] Стремление найти способ сооружения устойчивых зданий якобы вызвало явление, получившее у фольклористов и этнографов название «строительной жертвы». Людей заживо замуровывали в фундаментах или стенах замков и городских крепостей.[648] Наши крестьяне еще в XIX в. при закладке дома или на новоселье убивали петуха, ягненка или другое животное.[649] в честь богини Земли[650]

Читая это, с благодарностью вспоминаешь римского императора Феодосия I, который запретил жертвоприношения, чтобы прекратить «убийства невинных животных».

Однако наши предки переплюнули греков и римлян. Они применяли в качестве «строительной жертвы»… детей! «Известно такое предание о Новгороде: когда Славянок запустел и понадобилось срубить новый город, тогда народные старшины, следуя древнему обычаю, послали перед солнечным восходом гонцов во все стороны с наказом захватить первое живое существо, какое им встретится. Навстречу попалось дитя; оно было взято и положено в основании крепости, которая поэтому называется Детинцем».[651] Такие же ужасы имели место в Германии и Британии,[652] а в России и Болгарии еще до XIX в. некрещеных младенцев хоронили под порогом избы.[653]

Это страшное верование, отголосок забытой религии, скорее всего одного из неведомых демонских культов древности, казалось бы, в наше просвещенное время не должно было иметь последователей. Но, увы, это очередная ошибка оптимиста.[654]

---

646 См.: Ветловская В.Е. Творчество Достоевского в свете литературных и фольклорных параллелей. «Строительная жертва» // Миф — фольклор — литература. Л., 1978. С. 103.

647 См.: Фрезер Дж. Фольклор в Ветхом Завете. М.; Л., 1931. С. 137—138.

648 См.: Зеленин Д. Тотемы-деревья в сказаниях об обрядах европейских народов. М.; Л., 1937. С.3.

649 См.: Никифоровский М. Русское язычество. СПб., 1875. С. 38.

650 См.: Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 2. М., 1868. С.83.

651 Цит. по: Ветловская В.Е. Указ. соч. С. 104.

652 См.: Веселовский А.Н. Из истории литературного общения. СПб., 1872. С. 305—307.

653 См.: Афанасьев А.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 113; Т. 3. М., 1869. С. 237, 799.

654 В.Е. Ветловская (указ. соч. С. 107—113) показывает, что Н.А. Некрасов стоял на почве язычества, когда писал: «Дело прочно, когда под ним струится кровь», а Ф.М. Достоевский отвечал, что благоденствие всего

94. «Навьи чары»

Христианство трудно приживалось на Руси Киевской, но еще труднее у славянских племен, покоренных киевскими князьями. Военная победа над славянскими язычниками — вятичами была одержана Владимиром Мономахом, но духовная, или, точнее, идеологическая победа заставила себя ждать до XIV в. На самой Руси в узком смысле слова (Киев, Чернигов, Переяславль) двоеверие существовало долго. Некий христолюбец писал: «Не могу терпеть христиан, двоеверно живущих и верующих в Перуна, в Хорса и других богов».[655] Но и с Перуном (молнией), и с Хорсом (солнцем) христианские миссионеры и князья справились, волхвов-чертопоклонников, приносивших женщин в жертву злым духам, перебили, но самый древний культ — почитание духов умерших — устоял вплоть до XX в.

Эти духи — навии — требовали от живых людей немного: угощения в Чистый четверг и вытопленной бани с приготовленными полотенцами; на полу бани рассыпали золу с пеплом, а на другой день находили на золе следы, похожие на куриные, в чем усматривали доказательство посещения бани покойниками — «приходили к нам навии мыться». Разумеется, священники утверждали, что приходили бесы, но, самое интересное, факт под сомнение не ставили. После того как баню готовили для навий и поддавали пару, люди не входили туда до следующего дня. Весь обряд был отнюдь не обременителен.

Угощения навии требовали, но тоже очень скромного: кувшинчик молока, тарелку с мясом и молоком, хлебца, соль. Все это надо было поставить под самой крышей двора, а лучше на крышу в строгом секрете. Навии были чрезвычайно довольны и говорили: «Мы же походили по болгарам, мы же по половцем, мы же по чуди, мы же по вятичам, мы же по словеном, мы же по иным землям, ни сяких людей могли есмы найти к сему добру и чести и послушанию, яко сии человецы».[656]

Исходя из подбора этнонимов публикатор текста «О посте к невежам в понеделок 2 недели», откуда взята данная цитата, датирует текст XI—XIII вв., хотя и указывает, что бескровные жертвы духам покойников продолжались до XX в. Христиане считали навиев бесами, а жертвователей — людьми необразованными (невежи или невегласы), но нам интереснее другое: разнообразие культов, которые мы объединяем под общим названием — язычество. Не только половцы, почитавшие Вечное Голубое Небо — Тенгри, болгары-мусульмане, финны (чудь), но и славянские племена — словене новгородские и вятичи — имели собственные культы, никак не объединявшие их перед лицом наступавшего православия. Потому-то христианство, имевшее в своем составе «жесткую систему» — церковную организацию, поддержанную властью, шло от победы к победе.

Однако это движение замедлялось неискренностью многих служителей церкви, о чем повествует «Слово о лжепророках», предположительно датируемое XIII в.,[657] Хотя сочинение является компиляцией[658] но сам факт констатации неблагополучия, а именно несоблюдения христианских запретов в поведении, увлечения гаданиями и волшебством и

мира не стоит гибели одного невинного ребенка. И, наконец, образ В. Белинского — Коля Красоткин строит либерализм на смерти Илюши Снегирева, невинной жертвы собственного врожденного благородства.

[655] Гальковский Н. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси // Записки Московского археологического института. Т. XVIII. М., 1913. С. 1.

[656] Там же. С. 5—7.

[657] Там же. С. 56.

[658] Ниже приводится выдержка из «Творений Иоанна Златоуста» Т. 8. Кн. 2. С. 706 (см.: Гальковский Н. Указ. соч. С. 56—58).

участия в оргиях, достаточно наглядно показывает, что кризис мировоззрения на Руси в XIII в. был явлением актуальным, а вера христианская соперничала с бытовым атеизмом.[659]

Фаза обскурации часто надвигается исподволь. То тут, то там возникают болезненные симптомы, свидетельствующие о недугах сначала легко излечиваемых, потом глубоко проникающих в социальный организм и, наконец, парализующих его. Наличие в одной государственной системе нескольких культов, т. е. стереотипов поведения, никак не вело к укреплению социальной системы, особенно при снижении пассионарного напряжения. Еще счастьем для Руси было то, что внедренное христианство не породило все-таки химеры; это был бы конец почище хазарского. А почему ее не возникло?

Разница между Хазарским и Киевским каганатами в плане этнического контакта заключалась в том, что в Хазарию приехали чужие люди, а на Русь пересадили чужие идеи. Этот вариант этнокультурного контакта Д.С. Лихачев назвал «трансплантацией» — пересадкой мыслей, знаний, представлений, соображений и т. п., но не людей! Отдельные ученые-греки, приезжавшие в Киевскую Софию и занимавшие там кафедру, терялись в массе русских, тоже давно крещеных и столь же умных. Обучение давалось русским легко, а родовые связи облегчали любой вид деятельности. Епископы и священники были такими же местными жителями, как и язычники — волхвы, колдуны, знахарки, воины, купцы, князья. Этническое становление православных и язычников шло синхронно, вследствие чего синкретизм — явление социосферы — не повлиял на природный процесс этногенеза. Общий спад пассионарности сначала снизил напряженность религиозных конфликтов, а затем привел к взаимной терпимости, тем более что язычество и христианство на Руси проросли друг в друга. Создался своеобразный вариант идеологии, называемый двоеверием, но удержавшийся в течение веков благодаря потере антагонистических противоречий. Ну, стали навиев называть бесами, а ничего в быте и мировоззрении славян не изменилось!

Хотя, пожалуй, нет; внедрение греческой веры и культуры привело к некоторому усложнению системы, т. е. сыграло роль негэнтропийного импульса. Там, где язычество устояло — у полабских славян, — победили немцы в конце XII в. А там, где создались сложные системы — на Руси, в Польше, Чехии, — немецкий натиск был остановлен. Таким образом, «навьи чары» сыграли для славянского этногенеза хоть и небольшую, но положительную роль. Поэтому церковники махнули на них рукой, уничтожив лишь те культы, которые практиковали кровавые жертвоприношения, т. е. разновидности сатанизма.

Что же касается бытовых нужд населения, то обращение к колдунам было иногда разрешено, например для излечения от частых болезней. Однако тогдашний врач именовался не колдуном, а знахарем, т. е. знающим, специалистом.

Строже церковь относилась к ворожбе и гаданиям, ибо существование бесов считалось столь очевидным, что общение с ними рассматривалось не как суеверие, а как двоеверие. «Аще кто к волхвам ходить ворожения деля или узлы емлеть повторения — опетимия прежде 40 дни, а поклон 300 на день, а потом 2 лета о хлебе и воде, понеже оставил Вышнего помощь, идет к бесам, веруя в чары, бесам угожая».[660] Мотив наказания ясен, но вспомним, что во Франции и Германии за те же поступки виноватого ждал костер.

Так и пережили бытовые верования и навыки, наследие забытых культур, всех своих противников: богословие, схоластику, позитивизм и научный атеизм. Ныне различие с древностью, пожалуй, лишь в том, что колдунов стали называть экстрасенсами.

Демонология — явление постоянное, не зависящее от формаций и уровня цивилизации. Был случай, когда одна служащая женщина отпросилась с работы, чтобы навестить могилу

---

[659] «…а сами крещеные в Христа не веруют» (там же. С. 67).

[660] «Правила святых отец» (см.: Прохоров Г.М., Розов Н.Н. Перечень книг Кирилла Белозерского // ТОДРЛ. XXXVI. Л., С. 376—377).

близкого родственника на Новодевичьем кладбище в Москве. Пока она отпрашивалась у начальства, покупала цветы и ехала через всю Москву, сгустились сумерки. Она, показав документ, пошла на могилу… и заблудилась. Ей навстречу попался гражданин, она спросила у него дорогу. Он объяснил, но путано. Она попросила его проводить ее к могиле: «Уже темновато, а я покойников боюсь». Он ее любезно повел по дорожкам и тупикам и вдруг, через плечо, спросил: «А вы не сможете мне объяснить, почему люди нас боятся?» — «Ах!..»

Миф это или событие — для нас не важно. Прошу читателя представить себя на месте этой дамы; тогда он поймет, что такое «демонология». Ведь эти рассказы независимо от их достоверности и есть этнография нашего времени, которая роднит нас, людей XX в., со всеми предками, современниками предков и тем самым со всем человечеством. Этнография — наука гуманитарная. Она описывает не то, что существует в действительности, а то, что человек воспринимает и на что реагирует. А описанный случай не оставит равнодушным даже члена профсоюза, уплачивающего взносы в срок.

95. Одиночество

Итак, сосуществование двух мировоззрений, казалось бы непримиримых, в обычной жизни не влекло трагичных последствий благодаря терпимости, характерной для старых, т. е. утративших избыточную пассионарность, этносов. Наличие разнообразных взглядов и вкусов не мешало двоеверам пахать землю, строить терема, ковать мечи и кольчуги. Русь XII в. была страной богатой, культурной и относительно многолюдной, а политические задачи, возникавшие перед князьями, были столь просты, что те легко решали их с помощью своих толковых советников — бояр и епископов, обучавшихся в Константинополе не только богословию, но и дипломатии. А там обучать умели.

Но если все обстояло так благополучно, то почему через 100 лет Русская земля исчезла с политической карты мира?

Близость и даже идентичность господствующей идеологии этносов не ведет к их слиянию, хотя и сближает их культурный облик. Православие не сделало греков русскими, как и наоборот, но расположило их друг к другу. Кровавые войны на Черном море прекратились в XI в., а попытка Владимира Мономаха в 1116 г. вернуть старые земли уличей в устьях Дуная кончилась полной неудачей, причем трудно сказать, были ли там военные столкновения или воевода Иван Войтишич оттянул свои войска без боя, установив, что греки гораздо сильнее его.

Когда же Киевский каганат перестал объединять Русскую землю, суверенные княжества стали вступать в европейские коалиции. В 40-х годах Киев вступил в союз с Венгрией против Византии, а Галицкое и Ростово-Суздальское княжества — с греками против Киева и Венгрии. В 60-х годах Киев вступил в союз с Византией, а Ярослав Осмомысл Галицкий совместно с Венгрией поддержал знаменитого авантюриста Андроника Комнина. Но все это была дипломатическая игра, а не разрыв культурных связей, потому что на Афоне русских монахов становилось все больше, а в Константинополе возник русский квартал. Русские и греки жили дружно, но порознь.

Принято считать эпоху Комнинов золотым веком Византии. Внешне оно действительно так. Войны выигрывались, культура была в расцвете, Константинополь, по словам крестоносного хрониста, сосредоточил в себе 3/4 богатств всего мира, а остальная четверть была рассеяна по всем странам. Но с позиций этнологии все было куда хуже. Три великих Комнина побеждали и пировали за счет накопленных богатств. Они не мобилизовывали своих соотечественников на оборону границ, а нанимали в пехоту варягов и франков, в конницу — печенегов и куманов, а во флот — генуэзцев и пизанцев. Императора Мануила окружали французские рыцари и дамы. Даже императрица была француженка — Мария Антиохийская.

Поэтому связи Руси с Византией к концу XII в. приобрели несколько иной характер. Ссориться было не из-за чего, а дружить ни к чему. Контакт стал не эмоциональным, а

умозрительным. Но ведь это тоже закономерно при спаде пассионарного напряжения в обеих странах.

Еще хуже стало в эпоху Ангелов. Эти бездарные правители утратили не только Болгарию, но и уважение православных славян. В XIII в. остались только воспоминания об идее общности греко-русской культуры, утраченной в 1204 г.

Несколько иначе сложился контакт Руси с единоверной Грузией. В 1185—1186 гг. царицу Тамару выдавали замуж за сына Андрея Боголюбского Юрия, которого дядя, Всеволод Большое Гнездо, лишил удела и компенсировал его роскошным династическим браком. Но князь Юрий Андреевич, человек энергичный, талантливый, но грубый, проявив отвагу и талант полководца, одновременно совместил русский порок — пьянство — с восточным, противоестественным. Тамара не стерпела и выслала мужа в Константинополь, богато его обеспечив. Однако Юрий Андреевич деньги быстро пропил, вернулся в Грузию через Эрзерум и поднял восстание. Самое удивительное в том, что почти половина Грузии стала на его сторону; значит, они считали претендента своим. Тамара победила. Грузинские князья сдались и привели самого Георгия Руси. Тамара отпустила его на Русь, но суздальские князья были непреклонны и не приняли Юрия. Тогда он женился на половецкой хатун, в 1193 г. приехал в Арран и при помощи местного атабека снова вторгся в Грузию, но был разбит и пропал без вести. Этнический контакт не состоялся.

Сложнее обстояло дело с романо-германскими католическими странами, включая славянскую Польшу. Здесь даже дружба на уровне этноса не могла осуществиться, несмотря на политические союзы, упомянутые выше. Русские считали своими греков, грузин, карелов, ижору, но не шведов, немцев, французов, итальянцев, несмотря на незначительность различий в теологической догматике, в тонкостях, недоступных подавляющей массе народа, да и знати. Ощущение преобладало над философским пониманием, как, впрочем, и на Западе.

Католики не считали греков, болгар и русских за единоверцев, причем это отчуждение, впервые проявившееся в 858—867 гг., через 300 лет превратилось в религиозную войну против православных. Пользы от этой войны не было ни той, ни другой стороне; смысл ее был неясен даже ученым — современникам событий.

Митрополит Иоанн IV (1080—1089) писал папе Григорию VII (1073—1085): «Не знаю, как произошли соблазны и преткновения на божественном пути и отчего они не исправляются? Не могу довольно надивиться, какой злой дух… враг истины и противник единодушия, отчуждает братскую любовь вашу от целого христианского стада, внушая, что мы не христиане. Но мы сначала всегда почитали вас христианами… хотя вы во многом от нас отличаетесь».[661]

Папа же в 1075 г. утвердил «королем русским» Изяслава на каких-то особых условиях, которые он не рискнул доверить пергаменту. Он писал, что его два посла «на словах изъяснят вам, что есть и чего нет в письме».[662] Вряд ли можно сомневаться в том, что тайная речь шла о подчинении папскому престолу и разрыве с греческой патриархией. Но Григорий VII умер в изгнании, а Изяслав после смерти брата-соперника вернулся в Киев в 1077 г. Надобность в западной помощи отпала.

А что было бы, если бы немцы, венгры и поляки посадили на золотой стол киевский своего ставленника, показывает пример Галича, захваченного венграми, где в короткое правление венгерского короля Коломана был выгнан православный епископ, церкви обращены в костелы, а народ принуждали к латинству.[663] Только смелое нападение князей

---

[661] Гумилевский Ф. Указ. соч. Т. I. С. 97.

[662] Там же. С. 101.

[663] Там же. С. 103.

Даниила и Мстислава Удалого вернуло Галичу и политическую, и религиозную свободу. Контакт с папством явно не удавался.

По сути дела, неудачи католической пропаганды среди славян происходили от двух причин: латинская Библия была непонятна славянам и пруссам, а переводы ее не допускались; поэтому убеждение заменялось принуждением, а о последнем прекрасно сказал Адам Бременский в своей «Истории церкви», написанной около 1070 г.: «Прибалтийские славянские племена, без сомнения, давно были бы обращены в христианскую веру, если бы не препятствовало тому корыстолюбие саксонцев, душа которых чувствует больше охоты к десятинам, чем к обращению язычников. Они новообращенных христиан в Славонии сперва возмутили корыстолюбием, потом, покорив, довели до бунта жестокостью и теперь, домогаясь только денег, не радят о спасении тех, кто и захотел бы уверовать».[664]

Вот и ответ на письма митрополита Иоанна IV к папе Григорию VII, героически исправлявшему нравы Западной церкви, но бессильному против явлений природы, в том числе этногенеза. В XII в. пассионарное напряжение романо-германской Европы достигло акматической фазы, а славянская и греческая Европа уже растеряла былую энергию, миновала даже инерционную фазу и жила только за счет накопленных богатств и традиций. Однако богатства растрачивались, а традиции забывались; близилось падение Константинополя и основание Риги.

Руси повезло больше, чем западным славянам и грекам. Те и другие прикрывали ее своими телами, а князья Рюрикова дома могли спокойно сводить личные счеты и в усобицах опустошать свою собственную страну; что же касается теологических диспутов с католиками, то русичи от них уклонялись, прекрасно понимая, что дело не в богословии, а в войне. И она началась в XIII в., когда против православия был объявлен Крестовый поход (см. гл. XXII).

Европейцы наступали планомерно. В 1204 г. французы и венецианцы взяли и разграбили Константинополь и Фессалоники, но в 1205 г. были остановлены болгарами и куманами, после чего Латинская империя и «Заморская земля» (Палестина) перешли к обороне и в конце XIII в. были ликвидированы.

Немцы и шведы тянулись к богатому Новгороду, но его спас Александр Невский в 1240—1242 гг. За эти полвека новорожденная Монголия справилась со своими степными противниками: меркитами, куманами и болгарами, но не сделала даже попытки закрепиться в Русской земле. Из Руси монгольские войска ушли в 1241 г. Хронологическое совпадение католического нажима на православие и пассионарного толчка в Монголии случайно.

Двадцать лет Русская земля, распавшаяся на восемь «полугосударств», по существу суверенных государств, — суперэтнос, основанный на постепенно забываемой традиции, — находилась в одиночестве, окруженная врагами и утратившая друзей. Но мало этого, большая часть населения Руси была настроена враждебно к тому порядку, который был основан на православии, княжеском авторитете и общерусском патриотизме. Это были упорные язычники и лицемерные двоеверы. Подати они платили, но любви к государственным началам не питали. Без них князья не могли существовать, но опираться на них было более чем опасно. Монголы и немцы находили среди них помощников, не считавших себя предателями, ибо князьям они подчинялись поневоле. И неудивительно, что Русская земля в XIV в. развалилась на части. Новгородская республика выделилась в неполноправного члена Ганзы, Киевскую землю забрали, почти без сопротивления, литовцы, а Залесская окраина обрела спасение в союзе с Золотой Ордой, защищавшей своих подданных. Одиночество — самый верный путь к исчезновению. Но начался этот процесс этнической обскурации после разгрома Киева, за 33 года до похода Батыя, а не вследствие монгольского набега, размеры коего преувеличены в последующей историографии.

Но был ли возможен тот выход, о котором задним числом мечтали либеральные

---

[664] Там же. С. 61.

историки XIX в., — сближение с Западом и тамошней культурой, развивавшейся весьма бурно? Для ответа надо дать обобщение европейской мысли XII в., хотя бы крайне лаконичное. Только этим способом можно уловить различие строя мысли Востока и Запада, породившее великий раскол XI в.

96. Недоумение

Положение западного христианства в IX в. было куда более сложным, чем восточного. На Востоке всю философию можно было выучить или обойтись без нее, а на Западе в качестве инструмента познания предлагался разум, т. е. собственное мнение, а его не так просто составить. И даже если составить, то еще сложнее согласовать с мнением соседа или своего кюре, а любое несогласие грозит неприятностями. И потом, уже составленное мнение требует увязки с каждым поступлением новой информации. Информация же в те времена поступала постоянно, хотя и была чаще всего недостоверной. Рассказы путешественников противоречили привычным представлениям об устройстве мира, легенды — Библии, христианская проповедь — привычному языческому культу. Проще всего было от всех этих сюжетов отмахнуться, но растущая пассионарность толкала людей IX в. на поиски мировоззрения, поиски, которые никогда не одобряются и именуются богоискательством. Но это занятие не блажь, а индикатор пассионарного напряжения эпохи.

Средневековые богоискатели находили разгадки тайн бытия, не покидая родных городов, потому что восточная мудрость сама текла на Запад. Она несла ответ на самый больной вопрос теологии: Бог, создавший мир, благ; откуда же появились зло и сатана?

Для подавляющего большинства людей, входивших в христианские этносы Средневековья, сложные теологические проблемы были непонятны и не нужны. Однако потребность в органичном, непротиворечивом мировоззрении была почти у всех христиан, даже у тех, кто практически не верил в догматы религии и, уж во всяком случае, не думал о них.

Характер и система мировоззрения имели практический смысл — отделение добра и зла и объяснение того, что есть зло. Для средневекового обывателя эта проблема решалась просто: противопоставлением Бога — дьяволу, т. е. путем элементарного дуализма. Но против этого выступили ученые-теологи, монисты, утверждавшие, что Бог вездесущ. Но коль скоро так, то Бог присутствует в дьяволе и, значит, несет моральную ответственность за все проделки сатаны.

На это мыслящие люди возражали, что если Бог — источник зла и греха (пусть даже непосредственным исполнителем является черт), то нет смысла почитать его. И они приводили тексты из Нового Завета, где Христос отказался вступить в компромисс с искушавшим его дьяволом. На это сторонники монизма отвечали теорией, согласно которой сатана был создан чистым ангелом, но возмутился и стал творить зло по самоволию и гордости. Но эта концепция несовместима с принципом всеведения Бога, который должен был предусмотреть нюансы поведения своего творения, и всемогущества, ибо, имея возможность прекратить безобразия сатаны, он этого не делает. Поэтому теологи выдвинули новую концепцию: дьявол нужен и выполняет положенную ему задачу, а это, по сути дела, означало компромисс Бога и сатаны, что для людей, безразличных к вере, было удобно, а для искренне верующих — неприемлемо. Возникли поиски решения, а значит, и ереси.

В 847 г. ученый-монах Готшальк, развивая концепцию Блаженного Августина, выступил с учением о предопределении: одни люди были «обречены» на спасение в раю, а другие — на осуждение в аду вне зависимости от их поступков, а по предвидению Божию в силу его всеведения. Это мнение было вполне логично, но тогда отпадала необходимость что-либо делать ради своего спасения и, наоборот, можно было творить любые преступления, ссылаясь на то, что и они предвидены Богом при Сотворении мира. Проповедь Готшалька вызвала резкое возмущение. Кельнский епископ Рабан Мавр заключил его в монастырь. В 849 г. по этому поводу возникла полемика, в которой принял участие Иоанн

Скот Эригена, заявивший, что зла в мире вообще нет, что зло — это «мэ он» (греч.), т. е. отсутствие бытия,[665] следовательно, проблема добра и зла вообще устранялась из теологии, а тем самым упразднялась не только теоретическая, но и практическая мораль.

Мнение Эригены было осуждено на поместном соборе в Балансе в 855 г. Собор «с презрением отверг шотландскую кашу», т. е. учение Эригены, которое квалифицировали как «тезисы дьявола, а не истины веры».[666] Но ведь в обоих вариантах зло, как метафизическое (сатана), так и практическое (преступления), реабилитировалось. Готшальк считал источником зла божественное предвидение, а Эригена предлагал принимать очевидное зло за добро, так как Бог зла не творит.

Итак, теоретически проблема добра и зла зашла в тупик, а практически Римская церковь вернулась к учению Пелагия о спасении путем свершения добрых дел. Такое решение было отнюдь не сознательным отходом от взглядов Блаженного Августина, а скорее инстинктивным, воспринимаемым интуитивно и дававшим практические результаты — естественную мораль. Но если пелагианство удовлетворяло запросам массы, то не снимало вопроса о природе и происхождении зла и сатаны, упомянутого в Новом Завете неоднократно. Неопределенность тревожила пытливые умы молодых людей всех наций и сословий.

Не то чтобы они искали в философии и теологии способы обогащения или социального переустройства, нет, им требовалось непротиворечивое мировоззрение, которое объединило бы их жизненный опыт с традицией и уровнем знаний того времени.

Это был как раз тот редкий случай, когда широкие слои населения, заблудившиеся в идеологических противоречиях, обращаются к ученым, чтобы получать от них ответ на волнующие их вопросы. Это своего рода «роковое мгновение», часто длящееся десятилетиями, когда этнос делает для себя выбор пути, с которого он уже не сходит долго, иногда до самого своего распада или надлома. Тогда философское знание приобретает общественное звучание, и если не всем понятна сложная богословская аргументация, то всем ясны выводы.

Но эти творческие периоды всегда опасны, потому что поиски истины часто могут завести в тенета лжи. В такие эпохи соседи с установившейся культурой и идеологией пускают свои идеи прорастать сквозь тело созревающего, но неокрепшего этноса. Идейные метастазы порождают химеры, в которых часто возникают антисистемы, справиться с коими всегда трудно. Такая ситуация возникла в Каролингской империи в IX в. и оказалась чревата серьезными последствиями.

97. Догматы, мысли и деяния в западном мире IX—XII вв

Официальная церковная теология долгое время была крайне пассивной, видимо просто не зная, как и что возразить поборникам предопределения. К концу IX в.[667] духовное и светское общество Европы, от верха до низа, находилось в состоянии полного нравственного упадка. Так, папа Иоанн XII (955—964) устроил в своем дворце гарем из продажных женщин, охотился, волочился, пьянствовал и даже давал пиры с языческими обрядами, возлияниями в честь древних богов и сатаны[668] Классические традиции не были еще полностью забыты, но это не помогло. Многие священники были безграмотны, прелаты

---

[665] См.: Арсеньев И. От Карла Великого до Реформации. С. 62.

[666] Там же. С. 64—65.

[667] Н.А. Осокин (указ. соч. Т. 11. С. 167) дает точную дату — 891 г.

[668] См.: Вебер Г. Всеобщая история. Т. 6. С. 79—80.

получали назначения благодаря родственным связям, богословская мысль была задавлена буквальными толкованиями Библии, соответствовавшими уровню невежественных теологов, а духовная жизнь была скована уставами клюнийских монахов, настойчиво подменявших вольномыслие добронравием. В ту эпоху все энергичные натуры делались или мистиками, или развратниками.[669] А энергичных и пассионарных людей в то время было много больше, чем требовалось для повседневной жизни. Поэтому-то их и постарались сплавить в Палестину освобождать Гроб Господень от мусульман с надеждой, что они не вернутся. Однако это был выход политический, но не идейный.

Описанная здесь диалектическая контроверза за пределами «христианского мира» была неактуальна. Православные греки, мусульмане — арабы и берберы, язычники — славяне и балты — решали проблемы совести либо на основе традиции, либо путем нравственной интуиции. Они были не похожи на западноевропейцев и не хотели быть похожими на них. Поэтому на востоке Европы возникали совершенно иные коллизии. Оттуда пришли на Запад манихеи-катары.

Катары отождествляли злого бога — создателя мира с богом Ветхого Завета — Яхве, переменчивым, жестоким и лживым, создавшим материальный мир для издевательства над людьми.[670] Но тут средневековый христианин сразу задавал вопрос: а как же Христос, который был человеком? На это были приготовлены два ответа: явный для новообращаемых и тайный для посвященных. Явно объяснялось, что «Христос имел небесное, эфирное тело, когда вселился в Марию. Он вышел из нее столь же чуждым материи, каким был прежде… Он не имел надобности ни в чем земном, и если он видимо ел и пил, то делал это для людей, чтобы не заподозрить себя перед сатаной, который искал случая погубить Избавителя». Однако для «верных» (так назывались члены общины. — *Л.Г.*) предлагалось другое объяснение: «Христос — творение демона: он пришел в мир, чтобы обмануть людей и помешать их спасению. Настоящий же не приходил, а жил в особом мире, в небесном Иерусалиме».[671]

Довольно деталей. Нет и не может быть сомнений в том, что манихейство в Провансе и Ломбардии — не просто ересь, а антихристианство и что оно дальше от христианства, нежели ислам и даже теистический буддизм. Однако если перейти от теологии к истории культуры, то вывод будет иным. Бог и дьявол в манихейской концепции сохранились, но поменялись местами. Именно поэтому новое исповедание имело в XII в. такой грандиозный успех. Экзотической была сама концепция, а детали ее привычны, и замена плюса на минус для восприятия богоискателей оказалась легка. Следовательно, в смене знака мог найти выражение любой протест, любое неприятие действительности, в самом деле весьма непривлекательной. Кроме того, манихейское учение распадалось на множество направлений, мироощущений, мировоззрений и степеней концентрации, чему способствовали в равной мере пассионарность новообращенных, позволявшая им не бояться костра, и оправдание лжи, с помощью которой они не только спасали себя, но и наносили своим противникам губительные удары.

Ради успеха пропаганды своего учения катары часто меняли обличье, проникая в города и села то как пилигримы, то как купцы, но чаще всего как ремесленники-ткачи, потому что ткачу было легко попасть на работу и завязать нужные связи, самому оставаясь незамеченным. Это не классовое антифеодальное движение масс, а маскировка членов организации, объединенной «властью манихейского „папы“», жившего, как говорили, в Болгарии.

---

[669] См.: Осокин Н.А. Указ. соч. Т. I. С. 170—173.

[670] Арсеньев И. Указ. соч. С. 87.

[671] Осокин Н.А. Указ. соч. С. 194—195.

Альбигойское учение для массы допускало коварство и обман в вопросах веры и не предписывало страданий за религиозные убеждения. То сливаясь с католиками, то выделяясь из них, катары не давали выследить себя… Потому-то в католических институциях потребовалось отдельное учреждение, которое давало бы возможность отличить католиков по необходимости от католиков искренних.[672]

Пока дуалистическое учение, точнее — натурофобия, было пищей для умов крайне высокого уровня, оно оставалось безвредным для географической среды. Мечтатели и мыслители, пытавшиеся найти непротиворечивое понимание бытия, вызывают у читателя искреннее сочувствие. Когда мы читаем о том, что в 1022 г. клирики католической церкви в Орлеане — духовник короля Роберта и королевы Констанции Стефан, схоластик Лизой и капеллан одного нормандского дворянина, Арефаста, Гериберт — были преданы упомянутым Арефастом, который, притворившись сторонником ереси, обманув доверие мыслителей, донес на них королю и выступил на суде свидетелем обвинения, наши симпатии лежат на стороне жертв предательства. Доверчивые мечтатели были сожжены, но эта жестокая мера была осуждена многими князьями церкви. Епископ люттихский Вазон высказался по поводу репрессий так: «Бог не хочет смерти грешника, но его раскаяния в жизни. Он не спешит судить его, но ожидает с терпением. Епископы должны подражать примеру Спасителя… Вместо того чтобы предавать еретиков смерти, следует ограничиться тем, чтобы исключить их из общения с верными, а этих последних охранять от их влияния» (1043—1062).[673]

Последнее осуществить не удалось. Гностическое учение привлекло на свою сторону многих французских и бельгийских аристократов и массу простолюдинов. В XI в. моральное разложение церковников сопрягалось с веротерпимостью, хотя последняя была плодом отнюдь не милосердия, а лени и равнодушия к делу служения. Стремление прелатов иметь помощниками людей бездумных и безынициативных вело к тому, что многочисленные пассионарии искали прибежища в сектах, а субпассионарии были для церкви тяжелым балластом. Ничем хорошим это кончиться не могло.

Когда под влиянием соседних культур в этнической системе происходит раскол поля, то в образовавшуюся щель, как в открытую рану, вползают вредоносные «бактерии» и мешают естественному заживлению. Это общее правило, и так было в Европе XI—XII вв.

Началось с Испании. В 1031 г. пал Омейядский халифат, оплот иудеев на Западе. Сменившие арабских халифов «вожди племен» (Мулюк аттава’иф) отнюдь не были расположены к фаворитам низвергнутой династии. Исключением была лишь Гренада (Гранада), которую тогда называли «еврейским городом»,[674] а от прочих мусульманских правителей евреи бежали в Кастилию. Там их охотно приняли, ибо Реконкиста была в разгаре и испанцы нуждались в пополнении войск и городского населения. Евреям были предоставлены многие важные привилегии, в том числе право гетто. Это была очень большая уступка, ибо на кварталы, имевшие право гетто, законы королевства не распространялись: жившие в гетто евреи судились по своим законам, своими судьями, что давало им фактическую безнаказанность за преступления против христиан и за пропаганду скептицизма, подрывавшего веру в христианские догматы.

Примеру кастильских королей последовали французские — Людовик VII и Филипп Август, а вслед за ними арагонские, английские, сицилианские и другие венценосцы. В результате общее настроение тогдашнего общества было «далеко не христианским, а скорее

---

672 Там же. С. 23.

673 Арсеньев И. Указ. соч. С. 77.

674 Мюллер А. История ислама. Т. IV. 1896. С. 167.

скептическим и индифферентным».[675] Сопротивление властям оказывали только свободные крестьяне, сельское духовенство и мелкие феодалы, но руки их были связаны нависшей над ними ересью, представители которой в XII в. перешли от слов к делам, пользуясь поддержкой королей.

С X по XIII в. учение катаров и патаренов развивалось беспрепятственно. В Италии, где феодалы были в угнетении, патарены держались в городах. Около 1163 г. в Милане патаренов было больше, чем католиков, да и активность их была выше — так, в соборе во время проповеди был убит архиепископ. В 1184 г. Верона была полна патаренов, так что изгнанный папа Лючай II не нашел в ней убежища, а в городе Сполето преобладали католики, кричавшие: «Смерть патаренам и гибеллинам!»,[676] Из городов, где этот лозунг удавалось осуществить, патарены бежали во Францию или в Тулузу, потому что у графов Тулузы все высшие должности находились в руках евреев[677] оказывавших покровительство катарам. И не надо забывать, что к XII в. дворянство Лангедока и Прованса состояло из потомков крупных землевладельцев, купивших латифундии в IX—X вв., т. е. богатых еврейских работорговцев-рахдонитов, своевременно перешедших в католичество. Обратившись в новую веру, эти дворяне, потомки купцов, называвшие себя ткачами, вели себя все более активно. В «Анналах» Барония под 1183 г. описаны «котерелли», действовавшие во Франции таким образом: «Они поджигали храмы, ловили священников и благочестивых людей, водили их с собой, мучили и при этом со смехом им говорили: „Пойте, пойте, певцы!“ Эти слова сопровождали оплеухами и ударами толстыми палками. Те же „котерелли“ грабили церкви, со злобой выкидывали тело Господне из золотых сосудов на землю и растаптывали эту святыню ногами».[678] По существу, в этой записи содержится описание инкубационного периода альбигойской войны, которая началась задолго до того, как был объявлен призыв к Крестовому походу на еретиков. И как всегда, поиски виновного в развязывании войны не дают результата.

Итак, Западная Европа в XI—XII вв. была куда менее монолитна в культурном, религиозном, политическом плане, нежели в веке XIX. Удивляться нечему. Развитие цивилизации — это процесс уравнивания, подобный тому, что осуществлял в Древней Элладе покойный Прокруст. На популяционном уровне этот процесс затягивается до 1200 лет. Так, если отбросить от нашего времени 800 лет, легко представить мозаичность средневековой Европы. Это был «век самоуправства и беззакония».[679]

Ну вот и ответ на вопрос, поставленный выше. Чтобы примкнуть к Западу, надо было решить: к какому? К альбигойцам Тулузы? К папам Рима и их союзникам, вскоре названным вельфами (в Италии — гвельфы)? К императорам, копившим награбленные богатства в замке Трифельс? Вот каков был выбор, ибо такие провинциальные городки, как Париж, Лондон, Толедо, Барселона, в счет не шли.

Но ведь контакты должны быть обоюдными. Разве можно было уговорить папу отказаться от приоритета во всех автокефальных церквах и права разрешать от клятв, прощать грехи за деньги и владеть богатыми землями? Написты были беспощадны к грекам и к полабским славянам — лютичам. Идти на контакт с ними было смерти подобно! Но ведь это была половина Европы!

---

[675] Арсеньев И. Указ. соч. С. 144—145.

[676] См.: Осокин Н.А. Указ. соч. С. 175—178.

[677] См.: Шиппер И. Указ. соч. С. 175—178.

[678] Арсеньев И. Указ. соч. С. 103.

[679] Вебер Г. Указ. соч. Т. IV. С. 383.

А немецкие императоры франконской и швабской династий и их сторонники — гибеллины? Эти талантливые и жестокие полководцы опирались на бессовестных авантюристов, оплачивая их еврейскими деньгами, получаемыми с богатых гетто прирейнских городов. Их режим был основан только на силе и отчасти на дипломатии. С еретиками они расправлялись еще более жестоко, чем паписты, а при захвате Сицилии вероломство и свирепость Генриха VI скомпрометировали немецкую нацию в глазах итальянцев и французов. И Тевтонский орден, только что захвативший Пруссию и грозивший стать передовым отрядом «натиска на восток», был созданием императорской партии, как тамплиеры — папской. А кто из них для соседей был хуже — сказать не берусь.

Ну, уж об альбигойцах и говорить нечего. Их целью была аннигиляция «злого мира», а христиане и язычники равно хотели его сохранить и украсить. Поэтому проповедь негативизма могла иметь успех в тогдашней Болгарии, но не на Руси.

98. Беспощадность

Акматическая фаза этногенеза, иначе говоря, пассионарный перегрев системы, — эпоха тяжелая и трагичная не только для тех, кто находится внутри суперэтноса, но и еще более для их соседей. То, что рыцари и латники стремились к завоеваниям, расценивая их как подвиги, понятно, но и мыслители — схоласты и ересиархи — преследовали аналогичные цели, с той разницей, что политическую агрессию они совмещали с интеллектуальной. Трудно сказать, что было тяжелее для порабощаемых славян, кельтов, а вскоре и греков: потеря имущества и свободы или насилие над душами? Поэтому сопротивлялись они отчаянно. Покорить Ирландию смог только Генрих VII в XV в.; до этого же времени продержалась Византия, которая предпочла чалму султана папской тиаре. А русская культурная традиция устояла, несмотря на внутренний распад и преображение этноса. Как и почему? Об этом подробно будет сказано ниже.

Однако грандиозное устремление романо-германского суперэтноса к мировому господству, уничтожившее все этносы, которые не могли защищаться, не могло не оказать влияния на те, которые сумели устоять. Вся история русско-европейского (в этнологическом смысле) контакта за тысячу лет сводится к проникновению «цивилизации»[680] в «культуру». В политическом аспекте это было стремление к территориальным захватам, отбитое русскими, а в идеологическом — распространение идей, воззрений, оценок, вкусов, короче говоря, ментальности. Отражение его проходило не всегда удачно, ибо наступление Запада шло неуклонно, планомерно и бескомпромиссно.

И наконец, да простит автору читатель хронологическое отступление… Когда в конце XVII в. западничество, усвоенное династией Романовых, восторжествовало в России, то произошло жестокое столкновение между направлениями: Софья и Голицын были очарованы Европой католической — Австрией и Польшей, а Петр — протестантской — Голландией.

И то и другое не принесло ничего хорошего. Голицын, услужая Австрии, был разбит на Перекопе, а Петр, будучи союзником протестантской Саксонии, потерпел поражение под Нарвой, из-за чего война затянулась вместо двух-трех лет на 21 год.

Семилетняя война, начатая Россией в союзе с Францией и Австрией, оборвалась со смертью Елизаветы Петровны. Поворот на 180° при Петре III ликвидировал все плоды побед русского оружия. А потом в Россию поползли идейные потомки средневековых «ткачей» — «каменщики». Здесь нет места для подробного анализа, а тем более оценки этих явлений контакта на суперэтническом уровне, но для династии такая свобода в выборе политических симпатий по вкусу оказалась трагичной.

---

680 Под этим термином в начале XX в. понимались механические знания (не только технические), не формирующие этнопсихологический склад (mentalitet).

Нет, не глупы были княгиня Ольга, Юрий II и Александр Невский, выславшие из Русской земли немецких миссионеров, чтобы не вступать с ними в бесполезный диспут. Но было ли конструктивно общение с мусульманским и степным Востоком в XII в.? Не будем спешить с выводами.

99. Разложение в мусульманском мире

Если христианский Запад при всех вышеописанных неурядицах сохранил возможности дальнейшего развития, то мусульманский Восток в подобном положении их утратил, ибо в конце XI в. превратился в этническую химеру. Аббасидский халифат был спасен от собственных еретиков иноземцами — туркменами-сельджуками, восстановившими преобладание правоверного исповедания — суннизма — в завоеванных ими Иране, Сирии, Месопотамии и Малой Азии.

Но это процветание длилось недолго. Сельджукский султанат развалился от внутренних войн сначала на западе, а потом в Иране, тюрки же, поселившиеся среди арабов и персов, не слились с ними в единый этнос. Поэтому мусульманский мир XII в. следует рассматривать как химерную целостность. Население там было объединено грубой силой, а не системными связями комплиментарности. Власть перешла в руки гулямов, преимущественно тюркского происхождения, но оторвавшихся от тюркского степного мира. Само собой разумеется, что сила мусульманского прозелитизма упала до нуля. Обращение в ислам перестало казаться кочевникам желанным, а поэтому мусульманам пришлось отступать перед кыпчаками и огузами. Кара-китаи (кидани) овладели среднеазиатским междуречьем, грузины одержали целый ряд побед над сельджукскими эмирами. Фаза надлома, т. е. снижения пассионарного напряжения системы, к началу XIII в. привела мусульманский мир к преждевременной старости, или фазе обскурации, выход из коей был непредсказуем.

Но вот что любопытно: в то время когда кочевые тюрки и православные греки, грузины и русичи отталкивали мусульманскую культуру, ее жадно впитывали крестоносцы, хотя, казалось бы, именно они должны были быть злейшими врагами мусульман. С точки зрения этнологии этот факт легко объясним. Византийская культура успела кристаллизоваться и не нуждалась в изменениях. Это особенность инерционной фазы этногенеза. Кочевники, потомки и наследники хуннов, уже растратили творческие силы, даруемые людям избыточной энергией. Этносы состарились, т. е. дошли до гомеостаза, а это состояние консервативное и враждебное любым изменениям. Сломать его может только новый пассионарный толчок, что и произошло в XIII в., когда появились монголы. А французы, итальянцы и испанцы были в акматической фазе, т. е. в постоянном пассионарном перегреве, делавшем их поведенческую структуру пластичной и толкавшем их на получение не только военной добычи, но и знаний, навыков и философских концепций. Запад проиграл войну в Палестине, но обогатил свою духовную культуру, расширил свои горизонты, вышел из войны с прибылью.

А кочевники, побеждавшие и мусульман, и крестоносцев, не смогли в XIII в. воспринять высокую культуру, потому что в ней не нуждались. Они обходились натуральным мировоззрением, которое в это время перестало быть религиозным, но и атеистическим его назвать нельзя. Самое подходящее название — демонология, но этот термин нуждается в расшифровке.

100. Демонология

Уровень религиозного сознания — культа — и уровень пассионарного напряжения этнической системы взаимообусловлены. Для создания оригинальной системы мировоззрения требуется не только доктрина, но и способность воспринять ее, а это доступно не всем членам этноса. Однако пассионарная элита, восприняв то или иное учение,

вводит его в стереотип поведения, тем самым вовлекая в принятый настрой массы обывателей, принимающих доктрину без критики. Это относится не только к оседлым этносам, обладающим письменностью, но и к кочевникам, передающим ценную информацию устно для запоминания, что, пожалуй, более эффективно.

Но уже в конце акматической фазы (в начале надлома) интерес простых людей, т. е. слабопассионарных, к сложным мировоззренческим проблемам слабеет, и наконец остается только набор воззрений, имеющих, с точки зрения обывателя, практическое значение. Теология превращается в натурфилософию, а религия — в демонологию, ибо каждый нормальный лесовик боится встречи с лешим или водяным, а степняк — с кара-чулмусом и албастом — духом-убийцей, давящим спящих в степи у костра или пронзающим их длинными медными ногтями (джезтырнак).

Это духи природы, не покоренной человеком, но еще более страшен дух покойника: у русских — русалка, у тюрок — убур (упырь), высасывающий кровь у людей, бывших при жизни близкими покойнику. И поскольку многие люди либо видели этих чудовищ, либо ощущали их, не успев погибнуть благодаря заклинаниям или внезапному вмешательству соседей, то никакого сомнения в наличии болезнетворных существ, вызывающих то инфаркты, то анемию, то паралич, не возникало. Но ведь и мы недавно перестали сомневаться в существовании вирусов, хотя их можно видеть только через электронный микроскоп на экране, а не непосредственно.

Естественно, признание наличия многочисленных вредных существ вызывало стремление оборониться от них, что было не под силу простым охотникам и скотоводам. Для борьбы с враждебными и невидимыми демонами требовались специалисты. По-тюркски их называли «бахсы», по-славянски — знахари, на современном академическом жаргоне — шаманы. Последнее название действительно имеет место у тунгусо-маньчжуров, но значение его иное, равно как и происхождение, принесенное из Индии, да и учение шаманизма — сложная система мистического атеизма (теория многослойности вселенной и божественного избранничества.[681]) — не связано с мировоззрением западносибирских тюрок и угров, равно как и с политеизмом бурятской «черной веры»[682] Язычество многообразно даже более, нежели теизм, но эта проблема увела бы нас в сторону от нашей темы, поэтому оставим ее.

Важнее другое — в древности эти народы имели религии: иногда оригинальный дуализм, в основе которого лежал не антагонизм, а синтез, взаимодополнение, а иногда заимствованные у проповедников. Хормуста подарен уйгурам манихеями. Митра пришел от саков к монголам, Уч Ыдук (Троица) — наследие несториан.[683] Но эти культы интересовали степняков в то время, когда акматическая фаза переходила в инерционную, а при торжестве гомеостаза тот, кто хотел искать себе веру, обращался либо в православие, либо в ислам, либо — на восточной окраине Степи — в буддизм и бон (древнетибетскую религию). Культура тюрок X—XII вв. размывалась так же, как их былая государственность; и было это прямым следствием этнической энтропии — естественной утраты пассионарности.

Но демонологии этот упадок не касался. Для человека, находящегося в гомеостазе, важны не сложные построения теологов и философов, а окружающая его действительность, даже если он понимает ее не научно. Для него ошибка — в пределах законного допуска; уточнения для него — чаще всего бессмысленные помехи. Поэтому столь устойчивы приметы, восходящие к древнему забытому знанию, хотя и искаженному губительным

---

681 См.: Штернберг Л.Я. Избранничество в религии // Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936.

682 См.: Банзаров Д. Черная вера. СПб., 1891; Гумилев Л.Н. Древнемонгольская религия // Доклады ГО СССР. Вып. 5. Л., 1968. С. 31—39.

683 См.: Гумилев Л.Н. Несторианство и древняя Русь // Доклады по этнографии Географического общества СССР. Л., 1967. С. 8.

Хроносом, но сохранившемуся в осколках даже в урбанизированном мире.

И не менее значительно другое: локализованность демонологических систем. Страшные демоны внутренней части Евразийского континента неизвестны в Англии, где нежить называется «маленький народец» — эльфы и феи, пляшущие лунными ночами в зарослях вереска, а духи убитых не высасывают кровь, а пугают обитателей старинных замков. Скандинавы боятся троллей, способных, по древней мифологии, победить богов Валгаллы. Китайцы различают пять степеней демонов: яр — привидение, мо — аморфная злая сила, туй — дух покойника, гуай — дух стихии, шен — аналог олимпийских божеств. И оборотни на окраинах континента разные: в Китае — лисы, в Германии — волки.

Отсюда ясно, что демонология не имеет точек пересечения ни с теологией, ни с философией, а поэтому не может быть проповедана этносу, живущему в ином ландшафтном регионе, и, следовательно, для проблемы межэтнических контактов не актуальна. Демонологические концепции усваиваются лишь переселенцами от аборигенов, как любые навыки адаптации в новом ландшафте.

XVI. Золотая осень

101. Шаг по пути прогресса

Владимир Мономах и Мстислав Великий умело координировали политику подручных княжеств, руководствуясь исключительно интересами своей страны. Но с 1132 г. стали заметны признаки грядущего упадка: вокняжение Всеволода Ольговича в Киеве, фактическое обособление Новгорода от Руси и превращение уделов в самостоятельные государства, что повлекло ужесточение конфликтов и вовлечение княжеств в европейскую политику. Русская земля стала постепенно терять самостоятельность, сначала частично — путем заключения политических союзов в чужих интересах, а потом и полностью. Обскурация хоть и медленно, но неуклонно надвигалась.

Неравномерность развития и разнообразие элементов являются обязательными условиями устойчивости любой системы, в том числе и этнической. Следовательно, полиэтничность и разноукладность не разрушали, а укрепляли древнерусскую суперэтническую целостность, так ярко и красочно описанную автором XIII в. в «Слове о погибели Русской земли».[684] Но к середине XIII в. все переменилось. События второй четверти XIII в. рассматривались современниками как «погибель». В чем же дело?

Междоусобицы княжеств в XI—XII вв. мы должны рассматривать как «болезнь роста», определенную фазу этногенеза, мучительную, но не угрожающую жизни этноса. Но столкновения с иными суперэтническими системами сулили куда более грозные последствия. В начале XIII в. вмешательство Запада в русские дела ограничивалось установлением военных союзов. Поскольку Польша и Венгрия находились в гвельфском блоке, Волынь выступила за гибеллинов, причем князь Роман в 1205 г. пал в бою, а его соперники, черниговцы и суздальцы, установили контакты с папой и поддержали Новгород в его борьбе с Ливонским орденом, стоявшим на стороне Гогенштауфенов. Папа, воспользовавшись ситуацией, послал на Русь доминиканских миссионеров, но Юрий II выслал их за пределы своего княжества, так что от этих союзов большого вреда не было.

Людям подобных фаз этногенеза всегда кажется, что они подошли к порогу счастья, что они около завершения развития, которое в XIX в. стали называть прогрессом. И в какой-то мере это правильно. Если понимать под прогрессом движение вперед по ходу времени, то после вечерней зари наступают голубые сумерки, а за ними надвигается черная ночь. Однако эта последняя фаза современниками из виду упускается, вероятно, по причинам

---

[684] См.: Бегунов Ю.К. Памятники русской литературы XIII века. М.; Л. 1965. С. 154—155, 182—184.

эмоциональным. Древние русичи исключением не были. Им, как римлянам эпохи Каракаллы, византийцам — современникам Исаака Ангела, китайцам династии Южная Сун и древним персам, благоденствовавшим в империи Ахеменидов, представлялось, что «украсно украшенная» Русская земля будет процветать до скончания мира, причем для поддержания этого благополучия от обитателей ее не потребуется никаких усилий.

И как легко они забыли жуткий разгром Киева в 1203 г., уничтожение земли Рязанской, которую великий князь Всеволод в 1208 г. «положил пусту», и девять с лишним тысяч трупов на берегах реки Липицы! Все это им казалось прошлым, о котором можно не вспоминать, чтобы не портить себе настроения. Жить стало легко и приятно, а главное — свободно, потому что Руси ничто не угрожало, а значит, можно было расслабиться и не думать о судьбе своего Отечества. Это блаженное состояние продолжалось 20 лет. За это время рязанские князья, пришедшие на выручку своим союзникам — половцам, дабы отразить сельджукский десант в Крыму в 1222 г., потерпели сокрушительное поражение. Снижение пассионарного напряжения этнической системы, конечно, не благо, но при наличии достаточной материальной базы и обилии природных ресурсов можно поддерживать процветание страны и народа очень долго. Ведь продержались же Комнины в Византии, окруженной с трех сторон врагами, целый XII век! Но, правда, там было одно обстоятельство, крайне важное для финальных фаз этногенеза, — отработанная и слаженная духовная культура — православие, очищенное от ересей и пережитков древних культов, поэтому византийский утес принимал удары бурных волн: с востока — сельджуков, с запада — норманнов, с севера — печенегов и венгров — и устоял.

На Руси византийская культура одержала победу, захватила командные позиции, но укорениться в массах не успела. Да и сами князья и их бояре не забыли верований своего народа и собственного детства. Культура Древней Руси была блестящей, но рыхлой, а вокруг Руси клубились чужие и враждебные вероучения. Короче, кризис пассионарности и кризис мировоззрения в XII в. на Руси совпадали. Пассионарность этноса — это двигатель корабля, а культура этноса — это руль. Кораблю необходимо и то и другое.

Больше всего отозвалась дивергенция на славянском мире. Его разорвало на две части. Западные славяне слились с «христианским миром» Европы, южные подчинились Византии, а восточные вобрали в себя разноэтничное население от Карпат до Волги, смешались с ним и сделались вторым центром православия, а точнее — двоеверия, оказавшегося цементом, скрепившим многие этносы в суперэтническую систему, культура которой до сих пор вызывает восхищение.

Итак, вследствие раскола этнического поля славянство как этноисторическая целостность исчезло, оставив потомкам реликт — славяноязычие — и воспоминания о былом. В XII в. Русская земля сама превратилась в суперэтнос, где славянский элемент был ведущим, но не исключительным.

102. В лучах вечерней зари

Славянская Древняя Русь и Византия были ровесниками, ибо возникли от одного пассионарного толчка. Находились они в разных географических зонах, имели разных соседей, и хозяйственная база у них была разной, но фазы этногенеза совпадали с расхождением в пределах законного допуска. В первой трети XII в. Владимир Мономах и его сын Мстислав Великий, подобно Алексею и Иоанну Комнинам, решили все политические задачи, стоявшие перед Киевским государством. Древнее язычество было сокрушено как у вятичей на Оке, так и у половцев на Донце и Днестре. Полоцк был присоединен к Киевской державе. С Византией пришлось заключить мир, так как последнее столкновение на Нижнем Дунае закончилось очередным поражением. Выяснилось, что гораздо выгоднее иметь друзей, нежели врагов. Блестящая культура, спасенная в Византии Комнинами, широкой струей текла на Русь. Она легко воспринималась, и могло показаться, что Киев стал культурной колонией Константинополя. Однако дело обстояло куда сложнее.

Политические успехи были достигнуты не вследствие пассионарного избытка в Киеве, а за счет спада пассионарности в прочих городах, из которых Киев высасывал энергичную молодежь, но, конечно, не всю. А в столице, как в любом большом городе, темпы аннигиляции были гораздо выше. Такой энтропийный процесс неизбежно должен был привести к сближению энергетических уровней столицы и уделов, и тогда преимущество столицы исчезало, поводы для единения страны терялись, что сулило в недалеком будущем распад политической системы даже при сохранении этнического и идеологического единообразия. В социальном аспекте этот процесс называется «феодальной раздробленностью», но при рабовладении и капитализме было бы то же самое. Старость системы — явление природы, и от нее никуда не деться. А этнос — система, как организм или сверхновая звезда, и так же подвластен законам природы. Несколько сложнее проблема культуры — феномена антропогенного. Не пожалеем сил, чтобы прояснить и этот вопрос.

Принято считать, что византийская культура, полученная вместе с христианством, противопоставлялась «примитивности и анархии строя славянских племен предшествующего доисторического периода».[685]

Так, П. Муратов в 1923 г. писал: «В ряду других народов мы взяли на себя историческую роль ученичества. Как ученики цивилизации, мы приняли христианство и, как ученики индустриальной Европы, стараемся теперь усвоить социальный материализм (! — *Л.Г.*). Две русские художественные истории также обусловлены двумя страдами нашего ученичества: древнего — у Византии и нового — у Европы XVIII в. …И древняя Русь, и новая Россия приняли, каждая в свой черед, чужеземное искусство в тот момент, когда оно достигло высшей точки развития (Византия Комнинов) или стало даже клониться к блистательному упадку (Европа XVIII в.). Русская художественная история никогда не знала поэтому веяний искусства архаического, иначе говоря, искусства, завоевывавшего свою форму и свои средства выражения. Русь древняя и новая Россия не участвовали в сложении некоей возникающей художественной традиции, но как та, так и другая жили великой, уже сложившейся вне их традицией».

Здесь изложена концепция, которая в начале XX в. представлялась столь несомненной, что стоял вопрос о том, можно ли вообще говорить о «русском искусстве», а не об «искусстве в России», так как по этой концепции в ней всегда развивалось только чужое, заимствованное от других народов искусство, лишь преломляемое по-своему местной средой.[686]

Киевская Русь в X—XII вв.

Наиболее четко выражена эта точка зрения Н.П. Кондаковым, доказывавшим «необходимость изучения русско-византийских древностей на основе древностей Византии как источника важнейших форм личного церемониального убора и связанных с ним общественных отношений… Самое важное явление русско-византийской среды есть внутреннее отношение варварского мира к цивилизации, связь внешняя и внутренняя русской жизни с византийской культурой и ее гражданским обществом. Эти отношения мы называли внутренними в том смысле, что их не сразу видно, их открываешь лишь изучением, но раз они доказаны и приняты в принципе, они ведут, так сказать, внутрь всего этого внешнего мира вещей, дают нам постигнуть его внутреннее содержание… Несомненно,

---

[685] Гущин А.С. Памятники художественного ремесла Древней Руси X—XIII вв. М.; Л., 1936. С. 11. Сам А.С. Гущин эту концепцию не разделяет.

[686] Никольский В. История русского искусства. Берлин, 1923. Аналогичные высказывания см.: Буслаев Ф.И. Сравнительные взгляды на историю искусства в России и на Западе // Соч. Т. 1. СПб., 1880. С. 3–41; Новицкий А.П. История русского искусства Древней Руси. М., 1924; Сычев Н.П. Искусство средневековой Руси // История всех времен и народов. Вып. 4. Л., 1929.

жизнь свежей, по своему варварству, национальности в соседстве с гражданским обществом направляет всю чуткую ее восприимчивость в сторону заимствования, усвоения, а затем соперничества, и все эти отношения проникают глубоко во всю народную жизнь, разносимые из города, быта высших сословий в жизнь села и простонародья. Таково было влияние Византии на Древнюю Русь, пока Византия была ее непосредственной соседкой в Херсонесе, Тьмутаракани (в XI в.) и пока византийское влияние на Русь приносили православная Грузия, Галич, берега Дуная, свободные торговые сношения и сообщения с Цареградом…».[687] Исходя из этих соображений Н.П. Кондаков называет вторую половину великокняжеского периода — XI—XII вв. — периодом русско-византийского искусства.[688]

Возражая против изложенной концепции, А.С. Гущин справедливо пишет: «Никем не может быть, конечно, оспариваем тот факт, что христианское искусство в Древнюю Русь пришло вместе с новой официальной религией из Византии во вполне сложившемся виде и что на новой почве оно развивалось из этих заимствованных извне художественных основ… Но есть ли какие-либо основания рассматривать это заимствованное искусство христианской церкви как искусство, сразу же определившее общий процесс художественного развития Древней Руси, и связывать с моментом его появления начало всего русского искусства? Какова была та среда, в которую оно попало и развивалось в дальнейшем? Насколько обоснованно утверждение о полном подавлении этим богатым и пышным искусством местного процесса художественного развития?.. Наконец, имеем ли мы право рассматривать процесс развития раннефеодального искусства в России как процесс сложения „древнерусского“ искусства, т. е. считать, как делалось до сих пор, это искусство продуктом художественного творчества одной только восточнославянской национальности? Не является ли этот общий художественный процесс в такой же мере делом финских, хазарских, кочевнических, тюркских, как и собственно славянских, народов? Вот вопросы, на которые… необходимо искать те или иные ответы».[689] Ниже он указывает, что поиски в этом направлении производились,[690] но основные черты древнеславянского искусства остаются в сфере «интересных предположений, не более». Пусть так, но нас занимает не культура, а этнос.

Фазы этногенеза византийского и славянского совпадали, но судьбы обоих этносов разнились. Византия была могучая страна, выдержавшая удары с востока, севера и запада и сохранившая ядро своего ландшафтного региона в Анатолии и Фракии. Поэтому культурные ценности в ней до XIII в. накапливались, а этнос только обогащался включением южных славян, армян, грузин и готов. Иначе говоря, Византия — яркий пример ортогенного, ненарушенного развития. А судьба восточных славян, как мы видели, сложилась менее благоприятно, и хотя золотая осень у обоих этносов наступила одновременно, богатые интеллектуальными и эстетическими ценностями греки имели возможность поделиться избытком их с храбрыми, сильными и энергичными восточными славянами, сбросившими с себя аварский, хазарский и варяжский гнет и сумевшими вобрать в свою этническую стихию потомков россомонов — русов, восточных балтов — голядь, финнов — вепсов и угров Верхнего Поволжья.

Предметы искусства создают художники, а воспринимают массы, вкусы коих зависят

---

687 Кондаков Н.П. Русские клады. Т. I. СПб., 1896. С. 81. Он же. О научных задачах древнерусского искусства. СПб., 1899.

688 См.: Гущин А.С. Указ. соч. С. 13.

689 Гущин А.С. Указ. соч. С. 13—14.

690 См.: Павлинов А.М. Доисторическая пора искусства на почве России // Вестник изящных искусств. 1887. Т. V. Вып. 1 и 4.

от этнической традиции и фазы этногенеза. Древние русичи не приходили в восторг от мусульманских арабесок, католических изваяний и витражей и от античной скульптуры, еще сохранившейся в Малой Азии. А вот византийское искусство было им комплиментарно. Оно отвечало их духовному складу, но не обязывало к изменению стереотипа поведения. Поэтому цементом, скреплявшим Византию и Русь, была бескорыстная симпатия. Это и определило сходство обеих культур.

103. «Унылая пора, очей очарованье»

Эпоха, созданная волей и мужеством Владимира Мономаха, считается порой расцвета древнерусской культуры. И для этого есть много оснований. Но в плане этногенеза это инерционная фаза, когда накопленные богатства обеспечивают комфорт и даже роскошь, после чего приобретения сменяются утратами. Однако сколько же можно тратить, не восполняя ущерба?

Опыт этнической истории показывает, что такие расцветы бывают недолгими, потому что ведущее место в жизни достается людям потребительской психологии, не умеющим и не желающим заглядывать вперед. И Русь, несмотря на исключительно благоприятные условия, не избежала общей участи всех этносов.

Последним успехом Киева был захват Полоцка в 1127 г. Сын Мономаха Мстислав Великий захватил полоцких князей и выслал их в Византию. Но уже в 1132 г. князья вернулись, и Полоцк освободился. Вслед за Полоцком от Киева отделился Новгород и обособилась Ростово-Суздальская земля, а в 1 139 г. Всеволод Ольгович Северский взял Киев, оттеснив Мономашичей. С 1146 г. началась война за Киев между суздальцами и половцами, с одной стороны, и волынянами, уграми и ляхами — с другой, а тем временем обособилась Галицкая земля. Киевляне не любили суздальцев настолько, что законный князь Юрий Долгорукий был ими отравлен. За это его сын Андрей в 1169 г. отдал Киев на разграбление своей рати. Эти факты показывают, что единство Руси было утрачено. Русь превратилась из этноса в суперэтнос, политически раздробленный, как Западная Европа.

Но пока столкновения происходили между отдельными княжествами или только между князьями, целостность Русской земли не вызывала ни у кого сомнений. Но к началу XIII в. эти войны изменили свой характер: из внутриэтнических они стали межэтническими. И произошло это не вследствие усиления провинций, а из-за ослабления центра, растерявшего пассионарный элемент, скопившийся в Киеве при Владимире и Ярославе.

Русь перестала быть каганатом.[691] В процессе этнической дезинтеграции она из монолитной державы закономерно превратилась в конфедерацию восьми «полугосударств»,[692] в которых византийская культура более или менее успешно вытесняла языческие славянские традиции, в том числе принесение волхвами людей и животных в жертву темным богам.[693] О потере таких традиций жалеть не стоит, но соперничество Мономашичей и Ольговичей тоже древняя традиция. И дело не в характере князей, а в настроениях этнических групп. Давидовичи (дети Давыда Святославича) предали Ольговичей, но те удержались, потому что, видимо, черниговцы не хотели Мономашичей. Но если так, то тут не только феодальная война, а и соперничество двух субэтносов: киевско-волынского и чернигово-северского, причем в основе тех и других лежат разные этнические

---

[691] Последним «каганом» был князь Олег Святославич. Так он назван в «Слове о полку Игореве». Его современник и соперник Владимир Мономах фигурально именовался царем — прозвище заимствовано у византийского императора Константина IX.

[692] См.: Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951.

[693] См.: ПВЛ. Ч. I. С. 117; ср.: ПВЛ. Ч. II. С. 402—405.

субстраты, т. е. былые племена, насильно объединенные в древнерусский этнос киевскими князьями, а теперь стремящиеся к самостоятельности.

Конечно, приравнивать киевлян XI—XII вв. к полянам, а черниговцев к северянам нелепо, но нельзя не заметить, что на месте племен, т. е. этносов, исчезнувших вследствие этнической интеграции в единый древнерусский этнос, возникают субэтносы с территориальными наименованиями, но ведут они себя так же, как до этого племена. Пусть суздальцы сложились из кривичей, мери и муромы, новгородцы — из кривичей, веси и словен, рязанцы — из вятичей и муромы, полочане — из кривичей, ливов и леттов, но эти новые этносы, даже утратив традиции предков, поддерживали целостность большой этнической системы — Руси — способами, им ведомыми, в том числе междоусобицами.

Звучит это парадоксально, но вдумаемся. Постоянное вмешательство в дела друг друга исключает равнодушие, а только последнее ведет к отчуждению. Именно благодаря постоянному взаимодействию, по тем временам не мыслившемуся без борьбы, изолированные этнические группы поддерживали свой этнос, а на базе его и суперэтнос, ибо понятие «Русская земля» включает угорские, финские, балтские (голядь) и тюркские племена, являвшиеся компонентами суперэтнической целостности. Например, союз с торками был традицией киевских и волынских князей, а союз с половцами — князей черниговских. Последних осуждает за это не летописец, а поэт — автор «Слова о полку Игореве». Это он назвал Олега Святославича Гориславичем и приписал ему вину за «обиду» Русской земли. Думается, что его мнение было пристрастным.[694]

Обратим внимание на то, что во второй половине XII в. традиционная вражда Мономашичей и Ольговичей отступает на второй план, а обособленное Полоцкое княжество почти не принимает участия в «феодальных войнах», хотя там княжила линия потомков Рогнеды и ее сына Изяслава, не входившая в «ряд Ярославль». Если бы дело было в симпатиях самовольных князей, то для них было бы естественно вмешаться в распри своих соперников, но столь же очевидно: не будь у полоцких князей тесного контакта с согражданами — гнить бы им у Золотого Рога, питаясь милостыней и объедками.

В других землях и городах шли те же процессы. Попытка Ольговичей овладеть Киевом в 1135 г. кончилась катастрофой 1146 г., ибо киевляне заявили: «Ольговичей не хотим». Игорь был зверски убит. За этим последовала полувековая война, выигранная черниговцами. Они дважды взяли Киев и подвергли его жестокому разгрому.

104. Повод для огорчения — неуверенность

На Руси наряду с разделением славянской целостности происходило сближение новых славянских субэтносов с инородцами. Когда они не сливались, то дружили, а это иногда бывало даже выгоднее.

Новгородцы против шведов выступали совместно с «корелой», ижорой, весью (вепсами), а полочане дружили с воинственной водью. Рати суздальских князей умножали меря и мурома; завоеванная Ярославом голядь — балтское племя, жившее около Можайска и Гжатска, — без остатка слилась с русскими.

Итак, с местными племенами, не обязательно славянскими и совсем не православными, древние русичи отлично уживались. Но этнические контакты бывают двух видов: 1. Соседство двух и более этносов, живущих на своих родных землях и «вписавшихся» в ландшафты, их вмещающие, обычно осуществляется с пользой для обеих сторон (симбиоз). 2. Встречи с мигрантами, для которых и страна с ее природой, и народ, сложившийся в этих условиях, только поле деятельности, почти всегда эгоистичной и корыстной. Вот этих последних невзлюбили древние русичи. И отдали свои симпатии Мономашичам в Киеве и Ольговичам в Северской земле.

---

[694] См.: Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства.

«Западники» в XII в., потеряв популярность в широких слоях общества, не получили поддержки от католического «христианского мира». От немецкого «натиска на восток» Русь защищал надежный барьер — полабские славяне, пруссы и эсты; от Польши, принявшей в 965 г. латинскую веру, — ятвяги; от Швеции — карелы; а от «востока», столь же чуждого, хотя и менее агрессивного, — половцы. Передовой отряд борцов за ислам — хорезмийцы, захватившие Хазарию в 977—985 гг., — так и не вышел на границу каганата Владимира и Ярослава.

Динамика этнокультурных систем евразия I—XII вв.

Когда нет избытка энергии, наступает равнодушие ко всему, в первую очередь к историческим традициям. Защищать их или даже просто беречь представляется неважным и ненужным. Тогда на месте ярко выраженных этнокультурных типов появляется серая безликость, покорная и однообразная. Так на месте этнической мозаики IX в. к концу XII в. образовался этнический монолит с редкими и несущественными вкраплениями реликтов, политически раздробленный и пассионарно опустошенный. Но жить в нем было легко. Итак, после 1113 г. все внешнеполитические задачи были решены с потрясающей легкостью. За два года нетяжелой войны Владимир Мономах подчинил половецкие коши до Черного моря и Дона, а с задонскими кочевниками заключил почетный мир. Вятичи были покорены, присоединен Полоцк, воинственные ятвяги, досаждавшие и полякам, и русским, побеждены и рассеяны, что обеспечило безопасность границ.

Экономика страны развивалась, культура и грамотность распространялись, дивные соборы и хоромы возносили свои каменные венцы в городах, а деревянные, но не менее роскошные — на берегах рек и озер. Наступила «прекрасная пора, очей очарованье», т. е. золотая осень цивилизации, век блеска и обаяния, заслуженный древнерусским этносом, героически выдержавшим страшные испытания.

И нет ничего удивительного в том, что за золотой осенью идет осень дождливая, а после тихого вечера наступают сумерки этноса. В таких на первый взгляд печальных эпохах есть глубокий смысл, который кроется во всех природных процессах и не заслуживает ни одобрения, ни порицания, ибо нелепо хвалить или осуждать Природу, не ведающую ни добра, ни зла.

Зато понять явление — просто: то, что легко горело, выгорело, а то, что уцелело, превратилось в остывающие угли и пепел. В XIII в. надвинулась обскурация — старческая болезнь каждого этноса. И только новый пассионарный толчок, проявившийся в XIV в., позволил не оборваться культурной традиции, унаследованной от Византии. Но для того чтобы пассионарный взрыв мог вызвать долгоидущее горение, необходимо, чтобы имелся в наличии «горючий материал», т. е. здоровое и разнообразное население. К счастью, оно уцелело.

Это были реликтовые славянские племена, сохранившие самобытность в XII в.[695]

Почему же летописец под 1132 г. написал: «И раздася вся Русская земля…»? После смерти Мстислава Великого все княжества Руси вышли из повиновения Киеву. Казалось бы, сложившееся положение никак нельзя считать прогрессивной эволюцией, однако есть и такое соображение: «Феодальная раздробленность являлась, как это ни парадоксально на первый взгляд, результатом не столько дифференциации, сколько исторической интеграции» — и пояснение к нему: «Киевская Русь была зерном, из которого вырос колос,

---

[695] Города вятичей упомянуты под 1146 г. (см.: Соловьев С.М. История России… Кн. 1. Т. II. С. 434). Земля южных дреговичей отнята Юрием Долгоруким у Изяслава Давыдовича в 1149 г. (см.: Соловьев С.М. История России… Кн. 1. Т. II. С. 447). Краниологический тип древлян, а не полян и северян лег в основу современного украинского типа (см.: Алексеев В.П. В поисках предков. М., 1972. С. 299—300).

насчитывавший несколько новых зерен-княжеств»,[696] но никак нельзя считать это раздроблением, распадом, регрессом, движением вспять,[697] хотя Владимир I строго следил за единством Руси.[698] Видимо, он поступал «не прогрессивно», ибо уже «для эпохи Юрия Долгорукого единство Руси — лишь дальняя историческая традиция».[699]

Нет, видимо, более прав летописец XIII в., с болью в сердце констатировавший естественный развал Русской земли как ее упадок, чем академик XX в., желающий видеть во всем только прогресс, хотя факты, им же приведенные, говорят против его концепции. Называть распад «интеграцией» вряд ли целесообразно.

105. Сумерки

Древняя Русь этнокультурной целостностью была, но зато в ней бурно шли этнические процессы, влияние коих на социально-политическую историю государства Рюриковичей до сих пор не рассматривалось. А жаль, ибо многое оставалось неясным. Стремясь восполнить этот пробел, мы вынуждены отступить от принятой повествовательной манеры изложения, чтобы не писать заново историю России, в чем нет надобности. Проще и легче описать процесс этногенеза в инерционной фазе при постоянном снижении пассионарного напряжения этносоциальной системы Древней Руси, вплоть до нового пассионарного взрыва XIV в. И пусть изложение станет сухим и лаконичным — смысл значительнее изысков формы.

В XI в. Русь преодолела последствия внутреннего надлома, справилась с варяжским проникновением и встала на ноги, выиграв войну с Хазарией. Ослабление восточных соседей Руси и отдаленность западных сводили внешние конфликты к минимуму. Подлинным бичом страны были в XII и особенно в XIII в. междоусобицы, которые мы теперь называем феодальными войнами. Но, к несчастью, они были не только феодальными.

Война всегда дело дорогое, а удельные князья собственных доходов имели мало. Для того чтобы содержать 50-тысячную армию, и в более позднее время требовались ресурсы большой страны.[700] А с таким войском Андрей Боголюбский шел на Киев в 1169 г., и столько же выставил против него Мстислав Волынский. Эта большая война была немыслима без участия населения Суздальской земли и Волыни. И не случайно, что в историографии спор старшей и младшей линий Мономашичей считался началом разделения Руси на Северо-Восточную и Юго-Западную. Однако дело обстояло еще сложнее.

А.И. Насонов описывает Русь XI—XII вв. как систему «полугосударств»,[701] стоящих

---

[696] Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 472. Цитированный автор приводит следующие данные: в середине XII в. — 15 княжеств, в начале XIII в. — около 50, в XIV в. — примерно 250 княжеств. У современников возникали иронические поговорки: «В Ростовской земле князь в каждом селе», «В Ростовской земле у семи князей один воин» (там же. С. 469—470).

[697] Там же. С. 470.

[698] Там же. С. 404.

[699] Там же. С. 65.

[700] Эдуард III высадился в Нормандии в 1346 г., имея тысячу рыцарей, 4 тыс. всадников и 10 тыс. англосаксонских и валлийских стрелков. С этими силами он выиграл битву при Креси (Maurois A. Histoire d’Angleterre. Paris, 1937. P. 222). Генрих V в 1415 г. повторил операцию, имея 2,5 тыс. латников и 8 тыс. стрелков, с обслугой и транспортом — около 30 тыс. человек… и выиграл битву при Азинкуре (Ibid. P. 262). А ведь это крупнейшие операции Англии — целого королевства.

[701] См.: Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства.

на порядок ниже, нежели «Русская земля». Это: 1) Новгородская республика с пригородами; 2) Полоцкое княжество; 3) Смоленское княжество; 4) Ростово-Суздальская земля; 5) Рязанское княжество; 6) Турово-Пинская земля; 7) Русская земля, включавшая три княжества: Киевское, Черниговское и Переяславское; 8) Волынь; 9) Червонная Русь, или Галицкое княжество (в начале XIII в. объединившееся с Волынью). К этому списку надо добавить завоеванную Владимиром Мономахом Половецкую степь между Доном и Карпатами. Великий Булгар, задонские кочевья половцев, аланские земли на Северном Кавказе и Хазария лежали за границей Руси.

Если в XI в. князья вели военные действия силами своих небольших дружин,[702] то во второй половине появились грандиозные армии, которым взятые города отдавались на разграбление. Это показывает, что «феодальные» усобицы сменились межгосударственными войнами, а это, в свою очередь, означает, что Русь из моноэтничного государства превратилась в полиэтничное.

Такая дезинтеграция указывает на спад пассионарности этнической системы, начавшийся в середине XII в. и повлекший катастрофу XIII в. Боевой дух упал, и потребовалось восполнять его недостаток, набирая воинов из населения городов.[703]

Но если так, то инициаторами междоусобиц были не князья Рюрикова дома, а их окружающие, кормящие их и требующие с них за это вполне определенной работы, т. е. войны с соседями! А ведь так оно и было! И не только в Новгороде и Галиче, где подчиненное положение князей зафиксировано историей, но и во всех других полугосударствах Древней Руси. Андрея Боголюбского убили бояре, а предали холопы; толпа киевлян растерзала Игоря Ольговича; смоляне не дали Ростиславичей в обиду киевлянам и вместе с черниговцами расправились с «матерью городов русских», отдавшей предпочтение волынянам. Вот как описывает этот факт летописец: Рюрик 2 января 1203 г. в союзе с Ольговичами и «всею Половецкою землею» взял Киев. «И сотворися велико зло в Русстей земли, якого же зла не было от крещенья над Киевом… Подолье взяша и пожгоша; ино Гору взяша и митрополью святую Софью разграбиша и Десятинную (церковь)… разграбиша и монастыри все и иконы одраша… то положиша себе в полон». Далее говорится, что «союзники Рюрика, половцы, изрубили всех старых монахов, попов и монашек, а юных черниц, жен и дочерей киевлян увели в свои становища».

Конечно, это ужасно, но кто виноват? Половцы, которым вместо платы позволяли грабить, князь Рюрик Ростиславич или его вдохновитель Всеволод Большое Гнездо? И ведь, кроме половцев, Киев брали черниговцы, приведенные Ольговичами; так что же, они… не грабили?!

И самое неожиданное тут то, что создание антикиевской коалиции, дипломатическую подготовку войны, наем половцев на службу за обещание разрешить им разграбить «мать городов русских» осуществил сам Игорь Святославич (ставший из новгород-северского князя черниговским), герой «Слова о полку Игореве».[704] Этот факт говорит, что древняя традиция межплеменной вражды полян и северян, переросшая в соперничество Киева и Чернигова, оказалась еще в XIII в. настолько живучей, что в сравнении с ней померкли пограничные счеты русичей и половцев.

И с другой стороны. Роман Мстиславич для защиты Киева привлек торков, которые мужественно отстаивали столицу Руси, сражаясь со своими заклятыми врагами — половцами. Это показывает, что Русь и завоеванная ею Степь составляли единое, хотя и не

---

[702] Святослав Ярославич в 1068 г. разбил половцев на р. Снови, имея всего 3 тыс. ратников против 12 тыс.

[703] В.В. Каргалов оценивает численность русских военных сил в начале XIII в. в 110 тыс. человек (см.: Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М., 1967. С. 79).

[704] См.: Рыбаков Б.А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. С. 288—290.

централизованное государство, находящееся в состоянии глубокого кризиса, выражавшегося в ожесточении междоусобных войн, принявших в конце XII — начале XIII в. характер межгосударственных конфликтов.

Здесь я опираюсь на книгу Б.А. Рыбакова, анализирующего текст «Слова о погибели Рускыя земли по смерти великого князя Ярослава» — «А в ты дни болезнь крестянам…» Эта «болезнь», по мнению Б.А. Рыбакова, «не связана ни с половецкой угрозой, ни с татарским нашествием; болезнь, ведущая к погибели, — внутренний разлад, разъедающий „светло-светлую и украсно украшенную землю Русскую“. Кризис наступил уже в XIII—XIV вв.

Проблема этнических упадков потому сложна, что нынешнее истолкование истории находится на уровне начала XIX в. В то время во всех науках господствовал прямолинейный механистический эволюционизм, ныне отброшенный даже в зоологии и замененный мутагенезом. Поскольку с таких позиций были необъяснимы летальные исходы огромных «цивилизаций», то виноватыми в гибели, например, Римской империи считали то варваров, то христиан, то рабов и рабовладельцев, но никак не самих римлян. А ведь причина гибели Римской империи и ее культуры гнездилась в них, хотя считать их виноватыми тоже неправильно: ведь нельзя же обвинять старика в том, что он не занимается боксом или альпинизмом, ссылаясь на больное сердце.

Римляне в IV в. разучились воевать и даже защищаться. Достаточно вспомнить, что после разорения Рима вандалами в 455 г. римляне обсуждали не как восстановить город, а как устроить цирковое представление; на большее они уже не были способны. А вождю герулов Одоакру они подчинились в 476 г. без сопротивления.

Римский пример — не единственный способ гибели «цивилизации». Византия погибла мужественно и трагично. Следовательно, смерть можно выбирать, хотя сам выбор всегда бывает подсказан ходом событий далекого прошлого. Все системы, возникшие при негэнтропийном взрыве — пассионарном толчке, распадаются, но каждая по-своему. Напомнив это читателю, вернемся к нашей теме и посмотрим, куда девалась «украсно украшенная» Древняя Русь? И каким образом это произошло? И как на ее месте появилась молодая и могучая Россия?

Часть четвертая
Деяния монголов в XII веке

XVII. Фон и действующие лица

106. Друзья и недруги великой степи

Суперэтнос, условно названный нами «хуннским»,[705] включал не только хуннов, сяньбийцев, табгачей, тюркютов и уйгуров, но и многие соседние этносы иного происхождения и разнообразных культур. Мозаичность этнического состава отнюдь не препятствовала существованию целостности, противопоставлявшей себя иным суперэтносам: древнему Китаю (IX в. до н. э. — V в. н. э.) и Китаю раннесредневековому — империи Тан (618—907 гг.), Ирану с Тураном (250 г. до н. э. — 651 г. н. э.), халифату, т. е. арабо-персидскому суперэтносу, Византии (греко-армяно-славянской целостности[706]) и романо-германской Западной Европе; особняком стоял Тибет, который, в сочетании с Тангутом и Непалом, тоже следует рассматривать как самостоятельный суперэтнос, а не

[705] См.: Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Вып. IV. М., 1987.

[706] Включая Грузию.

периферию Китая или Индии. Все эти суперэтнические целостности взаимодействовали с Великой степью, но по-разному, что весьма влияло на характер культуры и вариации этногенеза как степных, так и окрестных суперэтносов. В чем было различие этих контактов? Решать поставленную задачу традиционными приемами просто, но бесполезно. Можно перечислить все войны и мирные договоры, а также межплеменные распри, что, кстати, уже сделано, но это будет описание ряби на поверхности океана. Ведь воюют государства, т. е. социальные целостности, а не этносы, целостности природного происхождения, вследствие чего они более консервативны. Войны часто идут внутри этнической системы, а с чужаками сохраняется «худой мир», который не всегда лучше «доброй ссоры». Поэтому целесообразно избрать иной путь. Комплиментарность — вот тот механизм, на базе которого не просто проходят, но осуществляются судьбы взаимодействующих этнических систем, а иногда и отдельных персон. Уточним сие понятие.

Положительная комплиментарность — это безотчетная симпатия, без попыток перестроить структуру партнера; это принятие его таким, каков он есть. В этом варианте возможны симбиозы и инкорпорации. Отрицательная — это безотчетная антипатия, с попытками перестроить структуру объекта либо уничтожить ее; это нетерпимость. При этом варианте возможны химеры, а в экстремальных коллизиях — геноцид. Нейтральная — это терпимость, вызываемая равнодушием: ну и пусть его, была бы только польза или хотя бы не было вреда. Это означает потребительское отношение к соседу либо игнорирование его. Этот вариант характерен для низких уровней пассионарного напряжения. Комплиментарность — явление природное, возникающее не по приказу хана или султана и не ради купеческой прибыли. То и другое может, конечно, корректировать поведение контактирующих персон, руководствующихся соображениями выгоды, но не может изменить искреннего чувства, которое хотя на персональном уровне и бывает столь же разнообразным, как индивидуальные вкусы, но на популяционном приобретает строго определенное значение, ибо частые уклонения от нормы взаимно компенсируются. Поэтому установление взаимных симпатий и антипатий между суперэтносами правомерно. Легче всего запутаться в мелочах и потерять нить Ариадны — единственное, что может вывести из лабиринта противоречивых сведений, вариаций и случайных совпадений. Эта нить — селекция политических коллизий и зигзагов мировоззрений на персональном уровне, ибо источники составляли авторы, т. е. люди, а суперэтносы — системы на три порядка выше.

Древние китайцы относились к хуннам с нескрываемой враждебностью.[707] Это особенно четко проявилось в IV в., когда хунны, теснимые засухой, поселились в Ордосе и Шаньси, на заброшенных земледельцами иссушенных полях. Китайцы так издевались над степняками, что довели их до восстания. Так же китайцы относились к тибетцам и сяньбийцам; не щадили они и метисов, но поскольку тех было много, то они уцелели около развалин Великой стены, на границе степного и китайского суперэтносов.

Пассионарный толчок VI в. обострил эту неприязнь, превратив ее во вражду. Обновленные китайцы династий Бэй-Ци и Суй истребляли последних потомков степняков, а те подняли на щит династию Тан и сохранили старое племенное название — табгачи, хотя говорить стали по-китайски.[708]

Империя Тан аналогична царству Александра Македонского, но не по фазе этногенеза, а по идее. Как Александр хотел объединить эллинскую и персидскую культуры и создать из них единый этнос, так Тай-цзун Ли Шиминь попытался совместить «Поднебесную», т. е. Китай, Великую степь и Согдиану, уповая на обаяние гуманной власти и просвещенного буддизма. Казалось бы, этот грандиозный эксперимент должен был удасться, так как уйгуры, тюрки и согдийцы, которых теснили арабы, готовы были искренне поддержать империю. Но

---

[707] См.: Гумилев Л.Н. Хунну; он же. Хунны в Китае.

[708] См.: Гумилев Л.Н. Древние тюрки.

китайская лояльность была лицемерной, вследствие чего династия Тан пала в 907 г., а этнос табгач был истреблен менее чем за одно столетие (X в.).[709]

Но традиции пережили людей. Эстафету «третьей силы», равно чуждой и Китаю, и Степи, подхватили на востоке кидани, а на западе, точнее, в Ордосе — тангуты. Те и другие многократно громили Китай и жестоко сражались на севере: кидани — с цзубу (татарами), тангуты — с уйгурами, «так, что кровь текла, как журчащий поток».[710]

Однако когда пассионарный толчок XII в. вознес монголов над Азией, покоренные тангуты, кидани и чжурчжэни уцелели и стали подданными монгольских ханов, а уйгуры и тибетцы получили привилегии и разбогатели. Когда же победили китайцы династии Мин, тангутов не стало, а западные монголы — ойраты — еле отбились в XV—XVI вв.

Но нельзя считать китайцев злодеями! Они считали свою историческую миссию цивилизаторской, принимая в свой суперэтнос тех, кто был согласен превратиться в китайца. Но в случае упорного сопротивления комплиментарность становилась отрицательной. Тюркам и монголам приходилось выбирать между потерей жизни и утратой души.

Иранская группа этносов — персы, парфяне, хиониты, аланы, эфталиты — постоянно воевали с хуннами и тюркютами, что, разумеется, не располагало их друг к другу. Исключение составляли враги сарматов — скифы, у которых, как показали открытия П.К. Козлова и С.И. Руденко, хунны заимствовали знаменитый звериный стиль — изображение хищных зверей на охоте за травоядными. Но, увы, детали истории столь древнего периода неизвестны.

В VI в. союзниками и настоящими друзьями тюркютов стали хазары, но падение Западно-Тюркютского каганата и переворот в Хазарии не позволили хазарам реализовать благоприятную возможность и развивать победу над персами и хионитами, благодаря чему и те и другие успели оправиться.

И тем не менее влияние персидской культуры на Великую степь имело место. Зороастризм — религия не прозелитическая, она только для благородных персов и парфян. Но манихейство, гонимое в Иране, Римской и Китайской империях и в раннехристианских общинах, нашло приют у кочевых уйгуров и оставило следы на Алтае и в Забайкалье. Высшее божество сохранило свое имя — Хормуста (отнюдь не Агурамазда), что в сочетании с другими деталями указывает на конгениальность древних иранцев и древних тюрок. Победа арабов-мусульман сменила цвет времени, но до XI в. иранские этносы — дейлемиты, саки и согдийцы — отстаивали свою культуру и традиции в борьбе с тюрками. Погибли они героически, ничем не запятнав своей древней славы: арабы и тюрки сохранили к персам глубокое уважение, поэтому счесть тюрко-персидскую комплиментарность отрицательной нет ни повода, ни основания.

Несколько по-иному сложились отношения тюрок с арабами на Ближнем Востоке. Мусульмане требовали смены веры: это в те времена означало, что Кок-Тенгри (Голубое Небо) надо было называть Аллахом (Единственным). Тюрки охотно принимали такую замену, после чего занимали важные должности, если они были рабами-гулямами, или получали пастбища для овец, если они оставались свободными скотоводами. В последнем случае возникал симбиоз, со взаимной терпимостью и даже уважением, хотя культурные персы находили тюрок «грубыми».

Острые коллизии возникали лишь в крайних случаях, например при подавлении восстаний зинджей или карматов, при войнах с дейлемитами и при дворцовых переворотах. Но и тут многие арабы и даже персы предпочитали тюрок сектантам и грабителям. А уж когда туркмены-сельджуки загнали греков за Босфор, а куманы-мамлюки сбросили крестоносцев в Средиземное море, взаимопонимание восстановилось, и обновленный

---

[709] См.: Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства.

[710] Кычанов Е.И. Звучат лишь письмена. М., 1965.

суперэтнос нашел в себе силы для самоутверждения.

Византия взаимодействовала с кочевниками двояко: на своей родине греки пользовались помощью тюркютов в VII в., печенегов — в X в., половцев — в XI—XIII вв., на чужбине, где эмигрировавшие из Византии несториане обратили в христианство много монгольских и тюркских племен, часть оседлых уйгуров и часть хорезмийцев, а православные миссионеры крестили Болгарию, Сербию и Русь, возникал уже не сдержанный симбиоз, а инкорпорация: крещеных тюрок принимали как своих. Убежище от монголов последние половцы, преданные венграми, нашли в Никейской империи.

Видимо, аналогичная положительная комплиментарность должна была иметь место в Древней Руси. Так оно и было, как мы вскоре увидим.

В отличие от восточных западные христиане — католики — относились к евразийским степнякам совсем иначе. В этом они напоминают скорее китайцев, а не персов, греков и славян. При этом важно, что политические конфликты между обоими суперэтносами были эпизодичны и куда менее значительны, чем войны гвельфов с гибеллинами. Просто существовало убеждение, что гунны и монголы — грязные дикари, а если греки с ними дружат, то ведь восточные христиане «такие еретики, что самого Бога тошнит». А ведь с испанскими арабами и берберами в Сицилии европейские рыцари воевали постоянно, но относились к ним с полным уважением, хотя африканцы заслуживали его не более, чем азиаты. Оказывается, сердце сильнее рассудка.

И наконец Тибет. В этой горной стране бытовали два мироощущения: древнеарийский культ Митры — бон — и разные формы буддизма — кашмирская (тантризм), китайская (чан-буддизм созерцания) и индийские: хинаяна и махаяна. Все религии были прозелитическими и распространялись в оазисах бассейна Тарима и в Забайкалье. В Яркенде и Хстане утвердилась махаяна, быстро вытесненная исламом, в Куче, Карашаре и Турфане — хинаяна, мирно уживавшаяся с несторианством, а в Забайкалье симпатии обрел бон — религия предков и потомков Чингиса. С христианством бон ладил, но китайских учений монголы и тибетцы не принимали, даже чан-буддизма. Это не может быть случайным, так что с Тибетом у степняков комплиментарность была положительной.

Как видим, проявление комплиментарности не зависит от государственной целесообразности, экономической конъюнктуры или от характера идеологической системы, потому что сложная догматика недоступна пониманию большинства неофитов. И все же феномен комплиментарности существует и играет в этнической истории если не решающую, то весьма значительную роль. Как же его объяснить? Сама собой напрашивается гипотеза биополей с разными ритмами, т. е. частотами колебаний. Одни совпадают и создают симфонию, другие — какофонию: это явно явление природы, а не дело рук человеческих.

Конечно, можно игнорировать этнические симпатии или антипатии, но целесообразно ли это? Ведь здесь кроется ключ к теории этнических контактов и конфликтов, и не только III—XII вв.

Тюрко-монголы дружили с православным миром: Византией и ее спутниками — славянами. Ссорились с китайскими националистами и по мере сил помогали империи Тан, или, что то же, этносу табгачей, за исключением тех случаев, когда при императорском дворе в Чанъани брали верх китайские грамотеи.

С мусульманами тюрки уживались, хотя это и вело к образованию химерных султанатов, больше среди иранцев, чем среди арабов. Зато агрессию католической романо-германской Европы тюрки остановили, за что до сих пор терпят нарекания.

На этих невидимых нитях выстраивалась международная обстановка вокруг берегов Каспийского моря перед выступлением монголов. Но и после монгольских походов констелляция изменилась лишь в деталях, отнюдь не принципиальных, что может проверить любой читатель, знакомый с элементарной всеобщей историей.

107. Неполноценных этносов нет!

Теперь, когда весь арсенал этнологической науки в наших руках и мы знаем о невидимых нитях симпатий и антипатий между суперэтносами,[711] настало время поставить точки над «i» в вопросе о «неполноценности» степных народов и опровергнуть предвзятость европоцентризма, согласно которому весь мир — только варварская периферия Европы.

Сама идея «отсталости» или «дикости» может возникнуть только при использовании синхронистической шкалы времени, когда этносы, имеющие на самом деле различные возрасты, сравниваются, как будто они сверстники. Но это столь же бессмысленно, как сопоставлять между собой в один момент профессора, студента и школьника, причем все равно по какому признаку: то ли по степени эрудиции, то ли по физической силе, то ли по количеству волос на голове, то ли, наконец, по результативности игры в бабки.

Но если принять принцип диахронии — счета по возрасту — и сравнить первоклассника со студентом и профессором, когда им было тоже по семь лет, то сопоставление будет иметь не только смысл, но и научную перспективу. Так же обстоит дело в этнологии. Диахрония всегда напомнит, что цивилизованные ныне европейцы стары и потому чванливы и гордятся накопленной веками культурой, как и все этносы в старости, но она же напомнит, что в своей молодости они были дикими франками и норманнами, научившимися богословию и мытью в бане у культурных в то время мавров.

Этнология не ставит вопросов, кто культурнее: хунны или древние греки, тюрки или немцы, ибо культурные и творческие сегодня через 300 лет вдруг оказываются равнодушными обывателями, а еще полторы тысячи лет назад и имени-то их никто не знал. Она беспристрастна, так как единственным мерилом является уровень пассионарного напряжения, проявляющийся в частоте событий, последовательность которых образует плавную мелодию чередования эпох и, наконец, заметную смену фаз этногенеза. Можно до бесконечности выяснять, что лучше — войлочная юрта, деревянная изба, мраморная вилла или каменный замок, и так и не прийти к выводу, ибо критерий такого сравнения отсутствует, но, сопоставляя хуннов, эллинов и немцев, например, по их жертвенности и накалу страстей, легко убедиться, что в «юные лета» они одинаково «загорались», готовые отдать жизнь за свои идеалы, в «зрелости» — боролись за свободу, равно блистая умом и выдержкой, а в «старости» их чувства одинаково остывали и силы ослабевали.

«Но как же можно сравнивать каких-то хуннов с культурными эллинами и цивилизованными немцами? — возмутится иной читатель. — Ведь хунны — это дикари, жестокие и грубые, а эллины — носители самых высоких идей, учителя всех позднейших философов, поэтов и художников!» К этой оценке мы привыкли настолько, что задумываться над ее правильностью стало казаться кощунством. А если все-таки подумать? Вспомним, как часто привычные мнения опровергались научным анализом, начиная с вопроса о форме Земли и кончая законом сохранения энергии.

Об извечной «дикости» хуннов и их сверстников — степных народов мы уже говорили в других работах.[712] Повторяться не будем. О цивилизованности средневековых немцев и французов говорить особенно нечего. В эпоху Гогенштауфенов и «кулачного права» Германия, как и Франция в конце Столетней войны, была еще весьма неуниверситетской страной. А какими они станут в эпоху обскурации, мы можем только гадать. Поэтому сравним Хунну, Германию и Элладу по одинаковым возрастам, отсчитывая последние с момента «рождения» (как самостоятельных этнополитических систем), зафиксированного историей. Мы знаем, что этим датам предшествовал относительно короткий инкубационный период, но его мы опустим, потому что хронология в рамках этого периода всегда неточна. Зато моменты выхода на арену истории всегда ярки и выпуклы. Для Хунну это 209 г. до н. э., для Германского королевства — Верденский договор 841 г. — образование на территории

---

711 См.: Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.

712 См.: Гумилев Л.Н. Хунны; он же. Хунны в Китае; он же. Древние тюрки.

«Священной Римской империи германской нации» Арелатского, Французского, Ломбардского, Аквитанского королевств, а для Эллады дата расплывчата[713] — VII в. до н. э. Это «Великая греческая колонизация» и образование государств с записанными законами. Чтобы дать уточнение, изберем эталоном Афины. Тогда аналогичной датой начала становления будет 621 г. до н. э., т. е. Драконтовы законы. Спарта возникла несколько раньше, но этой неточностью можно пренебречь.

Все три этноса прошли фазу пассионарного подъема и вступили в фазу перегрева (акматическую) за период около 250—300 лет. Хунну — от создания родовой державы в 209 г. до н. э. до 46 г. н. э. — распада на Северную и Южную державы. Германия — от 841 до 1147 г. — неудачных Крестовых походов императора Конрада III в Малую Азию и герцога саксонского Генриха Льва против вендов (полабских славян). Афины (ведущий субэтнос) — с 621 г. до н. э. до 449 г. до н. э. — конца греко-персидской войны. В фазе перегрева хунны, составлявшие с сяньби единую суперэтническую систему, с 46 по 181 г. хотя и воевали между собой, но одерживали победы над всеми соседями: империей Хань, усунями, динлинами и аланами. В Германии Гогенштауфены в борьбе с папами держатся до 1268 г. и гибнут, оставив страну в полном распаде. Зато война за Прибалтику выиграна. Афины и Спарта, растратив силы в Пелопоннесской и Фиванской войнах, стали жертвами Македонии (в 337 г. до н. э.), входившей в суперэтническую систему греко-римского мира. В фазе надлома, которая в Азии была осложнена Великой засухой III в., происходит распад степной империи на мелкие химерные государства. В Германии — Междуцарствие и «кулачное право», нажим чехов, вылившийся в Гуситские войны, и блестящее Возрождение на фоне всеобщего вырождения. И так тянулось до 1436 г., т. е. до конца Гуситских войн. А что Эллада? Благодаря господству Македонии идет «распыление» греков вплоть до Индии, сооружение Александрии и Антиохии, расцвет эллинизма. Но сами эллины и македоняне завоеваны жестокими римлянами. Последний оплот эллинства — Коринф разрушен в 146 г. до н. э. В инерционной фазе хуннов приветили тюркюты, воссоздавшие степную империю (546—745). В Германии навели порядок Габсбурги (1438—1918), а эллинистические государства были завоеваны Римом (Пергам — в 130 г., Понт — в 63 г., Сирия — в 62 г. и Египет — в 30 г. до н. э.) и переживали эту фазу вместе с ним, так же как и следующую — фазу обскурации. Последние хунны — тюрки-шато — в обскурации еще совершили последние подвиги и вошли в гомеостаз как реликт — онгуты, или белые татары. Грекам и римлянам это не удавалось.

Даже при очень беглом сравнении, которое можно при желании провести с еще большей точностью, чтобы обнаружить сходство и в отдельных деталях, видно, что повода считать хуннов неполноценнее европейцев, как современных, так и древних, нет.

Скорее наоборот, надо отдать должное уму и такту хуннов, табгачей и тюрок. Они относились к окрестным народам как к равным, пусть даже непохожим на них. Идеологии периферийного варварства они не создали. И благодаря этому при неравенстве сил они устояли в вековой борьбе и победили, утвердив как принцип не истребление соседей, а удержание своей территории — родины — и своей культурно-исторической традиции — отечества. И потому они просуществовали свои 1500 лет и оставили в наследство монголам и русским непокоренную Великую степь.

Монголы не были продолжением хуннов и тюрок ни в генетическом, ни в этнокультурном аспекте. Общее у них было только в этноландшафтном аспекте — лесостепь и степь, что определяло особенности их хозяйства. Но этнический взлет их был связан с новым пассионарным толчком. Значит, они были не продолжатели, а зачинатели, а причина их взлета — очередная флуктуация биосферы. Не описать этот феномен, когда это возможно и легко, — непростительный грех перед Наукой. Поэтому обратимся к темному периоду

---

[713] Дату первой Олимпиады — 776 г. до н. э., равно как и дату основания Рима — 753 г. до н. э., следует считать легендарной. Может быть, здесь начало инкубационного периода, но доказать это трудно. Обойдемся без этих дат.

истории Азии, дабы с помощью географии пролить на него свет.

108. Восточная окраина

А теперь, описав фон, представим читателю действующих лиц, которыми в нашем случае будут не персоны, а этносы, каждый из которых обитал на строго ограниченной территории. На правом берегу Аргуни кочевали татары, носившие косу, подобно своим предкам — табгачам.[714] Р. Груссе относит их к тунгусской группе,[715] но монголы объяснялись с ними без переводчиков. Рядом с татарами жили хонкираты — этнос, образованный смешением древних тюркских племен и монголов, большая группа которых распространилась от Керулена до Онона. В центральной части Великой степи, на берегах Толы и окраинах Гоби, жили кераиты, самый культурный народ среди кочевников, а к западу от них — найманы, осколок державы кара-китаев (киданей), уведенных на запад Елюем Даши. Основная часть этого этноса заняла Джунгарию и Семиречье. Кара-китайским гурханам подчинялись ыдыкуты Уйгурии и султаны Средней Азии до Амударьи, за исключением Хорезма. От Алтая до Карпат раскинулась Кыпчакская степь, в XII—XIII вв. отнюдь не напоминавшая пустыню. Реки были многоводны, террасы речных долин покрыты зарослями тальника, на водораздельных массивах нередки были сосновые боры и рощи ольхи и березы. Сухолюбивая растительность ковыльных и полынных степей чередовалась с более влаголюбивой — злаковой. С севера эту степь замыкала стена леса, а с юга — цепочка оазисов.

Но эти благодатные места потому и были так прекрасны, что население в них было очень редким: там жили куманы, т. е. половцы, потомки западной ветви динлинов — кыпчаков. Прямые потомки динлинов, енисейские кыргызы, продолжали жить в благодатной Минусинской котловине, занимаясь поливным земледелием и оседлым скотоводством. Они еще хранили богатое культурное наследие своих предков, но отказались от былой воинственности, толкнувшей их в IX в. на завоевание просторов Великой степи. Теперь к югу от них расположилось многочисленное монгольское племя ойратов.

На северных склонах Саянских гор жили малочисленные и разобщенные «лесные народы», среди которых были и угры, родственные обским остякам, и палеоазиаты, близкие к енисейским кетам, и тюрки, и даже, возможно, самодийские реликты, которых можно видеть в загадочных меркитах. От последних остались только «осколки» среди телесов, телеутов, киреев, башкир и торгоутов.[716] Уже в XIV в. потомков меркитов называли монголами, но до покорения они в число монголов не входили.[717] Их причисляли с равной степенью вероятности к тюркам и к самодийцам; последнее представляется более вероятным, но прямых доказательств нет.

С юго-востока Великую степь ограничивали два могучих государства: чжурчжэньская империя Кинь (Цзинь) и тангутское царство Си-Ся. Южнее лежала китайская империя Сун, потерявшая в войнах с тангутами и чжурчжэнями исконные китайские земли бассейна Хуанхэ и превратившаяся в государство изгнанников, правивших на землях, некогда завоеванных у народов Юго-Восточной Азии, над уцелевшими остатками этих народов. С этими, подлинными, китайцами монголы до XIII в. не сталкивались и, по-видимому, даже не

---

714 См.: Гумилев Л.Н. Хунны в Китае. С. 41.

715 GroussetR. Histoire de L'Extreme-Orient. Paris, 1929. P. 404.

716 См.: Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия… Т. II. С. 425.

717 См.: Рашид-ад-Дин. Сборник летописей (далее: Рашид-ад-Дин). Т. I. Кн. 1 / Пер. Л.А. Хетагурова. М.; Л., 1952. С. 77.

знали об их существовании, ибо это не было им интересно. Зато с чжурчжэнями и тангутами все кочевники Великой степи были в очень дурных отношениях. А от былой мощи Тибета не осталось и следа. Каждое племя, каждый монастырь, каждая крепость береглись своих соседей, но анархия не была там «матерью порядка». Такова была Восточная Азия в середине XII в., когда монголы вышли на арену истории.

109. Монголы и татары в XII в

Северо-восточную часть Монголии и примыкающие к ней области степного Забайкалья делили между собой татары и монголы. По поводу племенного названия «монгол» существуют два мнения: 1. Древнее племя мэн-гу жило в низовьях Амура, но, кроме того, так назывался один из родов татар, обитавший в Восточном Забайкалье. Чингисхан происходил из забайкальских мэн-гу и, следовательно, принадлежал к числу татар; название же «монгол», вошедшее в употребление только в XIII в., произошло от китайских иероглифов «мэн-гу», что означает «получать древнее». Эта гипотеза, принадлежащая акад. В.П. Васильеву, не является общепризнанной. 2. Племенное название «мэн-гу» (монгол) очень древнего происхождения, но встречается в источниках очень редко, хотя отнюдь не смешивается с «дада» (татарами). В XII в. монголы выступили как самостоятельный народ. В 1135 г., когда чжурчжэньские войска дошли до Янцзы и громили китайскую империю Сун, монголы разбили чжурчжэньскую армию и после двадцатилетней войны добились уступки им прав на земли севернее р. Керулен и уплаты ежегодной дани скотом и зерном. Вождем монголов был Хабур-хан, прадед Тэмуджина. Это, наиболее доказательное, мнение высказано Г.Е. Грумм-Гржимайло.

Южные соседи монголов, татары, были многочисленнее и не менее воинственны. Между монголами и татарами постоянно возникали войны, но в середине XII в. монголы добились перевеса в силах. Тот антропологический тип, который мы называем монголоидным, был свойствен именно татарам, как и язык, который мы называем монгольским. Древние монголы были, согласно свидетельствам летописцев и находкам фресок в Маньчжурии, народом высокорослым, бородатым, светловолосым и голубоглазым. Современный облик их потомки обрели путем смешанных браков с окружавшими их многочисленными низкорослыми, черноволосыми и черноглазыми племенами, которых соседи собирательно называли татарами.

Для понимания истории монголов следует твердо запомнить, что в Центральной Азии этническое название имеет двойной смысл: 1) непосредственное наименование этнической группы (племени или народа) и 2) собирательное для группы племен, составляющих определенный культурный или политический комплекс, даже если входящие в него племена разного происхождения. Это отметил еще Рашид-ад-Дин: «Многие роды поставляли величие и достоинство в том, что относили себя к татарам и стали известны под их именем, подобно тому как найманы, джалаиры, онгуты, кераиты и другие племена, которые имели каждый свое определенное имя, называли себя монголами из желания перенести на себя славу последних; потомки же этих родов возомнили себя издревле носящими это имя, чего в действительности не было».[718]

Исходя из собирательного значения термина «татар» средневековые историки рассматривали монголов как часть татар, так как до XII в. гегемония среди племен Восточной Монголии принадлежала именно последним. В XIII в. татар стали рассматривать как часть монголов в том же широком смысле слова, причем название «татары» в Азии исчезло, зато так стали называть себя поволжские тюрки, подданные Золотой Орды. В начале XIII в. названия «татар» и «монгол» были синонимами потому, что, во-первых, название «татар» было привычно и общеизвестно, а слово «монгол» ново, а во-вторых,

---

[718] Рашид-ад-Дин. Т. I. Кн. 1. С. 102.

потому, что многочисленные татары (в узком смысле слова) составляли передовые отряды монгольского войска, так как их не жалели и ставили в самые опасные места. Там сталкивались с ними их противники и путались в названиях: например, армянские историки называли их мунгал-татарами, а новгородский летописец в 6742 (1234) г. пишет: «Том же лете, по грехам нашим придоша языци незнаеми, их же добре никто не весть: кто суть, и откеле изыдоша, и что язык их, и которого племени суть, и что вера их: а зовут я татары…» Это была монгольская армия.

Средневековые историки делили восточные кочевые народы на «белых», «черных» и «диких» татар.

«Белыми» татарами назывались кочевники, жившие южнее пустыни Гоби и несшие в империи Кинь (чжурчжэньской) пограничную службу. Большую часть их составляли тюркоязычные онгуты и монголоязычные кидани. Они одевались в шелковые одежды, ели из фарфоровой и серебряной посуды, имели наследственных вождей, обучавшихся китайской грамоте и конфуцианской философии.

«Черные» татары, в том числе кераиты и найманы, жили в Степи, вдали от культурных центров. Кочевое скотоводство обеспечивало им достаток, но не роскошь, а подчинение «природным ханам» — независимость, но не безопасность. Постоянная война в Степи вынуждала «черных» татар жить кучно, огораживаясь на ночь кольцом из телег (курень), вокруг которых выставлялась стража. Однако «черные» татары презирали и жалели «белых», потому что те за шелковые тряпки продали свою свободу чужеземцам и покупали плоды цивилизации унизительным, на их взгляд, рабством.

«Дикие» татары Южной Сибири промышляли охотой и рыбной ловлей: они не знали даже ханской власти и управлялись старейшинами — бики, власть которых была основана на авторитете. Их постоянно подстерегали голод и нужда, но они соболезновали «черным» татарам, вынужденным ухаживать за стадами, слушаться ханов и считаться с многочисленными родственниками. Монголы жили на границе между «черными» и «дикими» татарами как переходное звено между ними.[719]

А теперь небольшое, но необходимое пояснение. В предваряющей работе («Поиски вымышленного царства») целью была критика данных источников для установления последовательности событий. Это было чисто гуманитарное исследование, и, следовательно, оно является ступенью к историко-географическому «эмпирическому обобщению», ставящему проблему описания локальной флуктуации биосферы — пассионарного толчка в Монголии. Поэтому, хотя упомянутая книга и предлагаемая глава построены по хронологическому принципу, они не дублируют, а дополняют друг друга.

Первая позволила установить ход событий, вторая дает естественно-научное объяснение. Первая не исчерпала темы, вторая была бы невозможна без первой, как дом без фундамента. Такова иерархичность науки. Без нее наука беспомощна, а при использовании ее — могущественна.

110. Перетасовка

История редко стоит на месте. Два новых этноса, перекроивших карту Азии, — маньчжуры и монголы — возникли в XII в. от пассионарного толчка — мутации, изменившей стереотип поведения потомков расселившихся по тайге земледельцев и скотоводов. Предки этих воинственных народов были миролюбивы, и такими же остались их северные соседи в Сибири и на Амуре. Ареал толчка был невелик — от Приморья до берегов Селенги, на меридиане Байкала. Следовательно, если бы этого толчка не было, то восточная полоса окраины тайги и Великой степи была бы этнографическим продолжением Алтая, Сибири и Приамурья. Там были бы храбрые, добрые, честные, но нетворческие и

---

[719] Мэн-да Бэй-лу (пер. и коммент. Н.Ц. Мункуева. М., 1975. С. 46—48.

безынициативные люди. Их участие в глобальном этногенезе сводилось бы к отражению пришельцев, обычно неудачному, потому что оборона — худший способ самозащиты.

В отличие от западной окраины Евразийского континента, где четыре суперэтноса были тесно связаны друг с другом и своими культурными традициями, и способом ведения хозяйства, и социальными отношениями, и даже религиями, ибо христиане считали Аллаха арабским названием Первого лица Троицы, а мусульмане почитали Ису и Мариам — Иисуса и Марию — как пророков, предшественников Мухаммеда, на восточной окраине положение было принципиально иным. Китайцы Срединной равнины и кочевники Великой степи столь разнились между собой, что не перенимали культуры друг друга. Кидани были исключением. Это-то и привело их как этнос к гибели.

Секрет хода событий, влекущих за собой утяжеляющие последствия, заключался, пожалуй, не в сфере экономики или политики, а в феномене этнологии, воздействовавшем на поведение людей. Китайцы и кочевники настолько различались по стереотипу поведения, что не хотели, не могли и не пытались наладить между собой контакт и не искали поводов к нему, считая контакты вообще лишенными смысла. Тут были важны некоторые подробности быта.

Прежде всего китайцы не употребляли молочных продуктов, основной пищи кочевников, и взаимопонимание отсутствовало из-за презрения к такой пище одних и непонимания и раздражения по поводу такого неприятия у других. Для китайца все жены отца — его матери. Для хунна, например, или тюрка мать только одна, наложницы отца — подружки, а вдова старшего брата становится законной его женой, которую он обязан содержать, причем чувства роли не играют.

Женщина в Китае в те века не работала, она рожала и нянчила детей и никаких прав не имела. В Великой степи женщина выполняла все домашние работы и была владелицей дома; мужу принадлежало только оружие, ибо ему полагалось умереть на войне. В армиях Китая обязательно полагался штат доносчиков, а тюрки, находившиеся на китайской службе, этого не терпели и раскрытых доносчиков убивали. Представители двух великих суперэтносов никак не могли ужиться рядом. Оптимальным решением для осуществления контактов было жить мирно, но порознь. А это-то не всегда удавалось. Поэтому кочевники заимствовали культуру и мировоззрения с Запада, а вовсе не из Китая.

Из Ирана уйгуры позаимствовали манихейство, из Сирии кочевники приняли несторианство, из Тибета — теистический буддизм. Правда, буддизм был воспринят позже, но принцип заимствования оставался прежним. Из Китая же заимствовался только шелк, а помимо него — печенье и в некоторых случаях фарфоровая посуда. Исключение составляли только кидани в Маньчжурии, часть которых восприняла китайскую культуру искренне и увлеченно. Другая часть упорно соблюдала свои, степные, традиции. И вот что из этого вышло.

Кидани были народом древним, появившимся одновременно с хуннами, сарматами и куманами. Они достигли фазы гомеостаза — мудрой и крепкой старости, но, увлекшись чужой, китайской, культурой, в самом деле очаровательной, превратили свое ханство в химерную империю Ляо.

В XII в. произошел новый взрыв этногенеза. Чжурчжэни, обитавшие на равнине Уссури и Сунгари, в 1115 г. восстали против киданей и к 1125 г. сокрушили империю Ляо. Культурные кидани подчинились победителям. А отсталые, т. е. необразованные, но не утратившие степной доблести отступили с боями в Семиречье и там столкнулись с сельджуками, с самим великим султаном Санджаром! Между 1134 и 1141 гг. шли упорные сражения между киданьским гурханом Елюем Даши и султаном Санджаром. Гурхана поддерживали «отсталые» степняки. Султана — лучшие воины из Хорасана, Седжестана, Гура, Газны и Мазандерана — еще не растраченные силы мира ислама — всего 100 тыс. воинов. Гурхан победил! Султан бежал, покинув семью и 30 тыс. храбрых соратников, убитых в честном бою. Сельджукский султанат после этой битвы распался, но кидани проявили удивительную умеренность: обложили города Средней Азии небольшой данью и

стали пасти скот в Семиречье и Джунгарии.

Итак, наглядно устанавливается соотношение уровней пассионарности, проявляющейся в степени боеспособности (нисходящий ряд): чжурчжэни > кидани > сельджуки > греки и крестоносцы > арабы.[720] Но когда появился этнос еще более пассионарный — монголы, то произошли события, о коих пойдет речь ниже.

XVIII. Невзгоды

111. «Желтый пес»

Путем сравнительной этнологии удалось установить приблизительную продолжительность периода, отделяющего момент пассионарного толчка от эпохи видимого начала этногенетического процесса. Этот инкубационный период длится вообще около 150 лет, но наша осведомленность о «началах» разных народов столь различна, что часто мы фиксируем «начало» истории этноса с запозданием. Именно это имеет место в истории монголов, весьма мало известных китайским географам до XIII в. Те просто отметили в VII—IX вв. южнее Байкала племя мэнъу (мэн-гу), а потом гору Мэньшань. В X—XII вв. монголы были друзьями киданей и, следовательно, противниками татар и врагами чжурчжэней, от коих монголов отделяла река (?! — *Л.Г.*).[721]

По поводу древнейшего периода истории и этногенеза монголов есть несколько мифологических версий. Монгольских историков интересовала только генеалогия, а политические события, социальные ситуации, культурные сдвиги были вне сферы их внимания. Поэтому необходимые историку XX в. даты, являющиеся скелетом исторической науки, неустановимы. Но с середины XI в. начинается второй полуисторический, т. е. легендарный, период монгольского этногенеза, ознаменованный появлением легенды, в правдивости которой сами монголы сомневались. Прародительница монгольского этноса Алан-Гоа родила двух сыновей от мужа и трех от светлорусого юноши, приходившего к ней в полночь через дымовое отверстие юрты и уходившего с рассветом, словно желтый пес. Зачатие якобы происходило от света, исходившего от юноши и проникавшего в чрево вдовы. Обыкновенное чудо.

От этого странного, даже для современников, союза родился Бодончар, судя по описанию — типичный пассионарий, сначала считавшийся… дурачком. Ему приписано и изобретение охоты с прирученным соколом, и подчинение какого-то соседнего племени, т. е. установление неравенства, и введение некоего родового культа, описанного крайне расплывчато. К Бодончару возводили свою генеалогию многие монгольские родовые подразделения, в том числе Борджигины, что значит «синеокие». Считалось, что голубизна глаз и рыжеватость волос были следствием происхождения от «желтого пса».

Попробуем интерпретировать легенду. В ней констатированы факт этнического смешения двух субстратов и повышенная активность возникшей популяции. До этого на берегах Онона жили племена, не обращавшие на себя ничьего внимания, т. е. находившиеся в фазе этнического гомеостаза. Хозяйство их было натуральным, формы общежития — традиционными, воззрения — унаследованными от предков и постепенно забываемыми. Даже общение между исходными этническими субстратами шло вяло. Ради желанного покоя они предпочитали не встречаться, а тем более ничего не знать друг о друге. Но при внуках Бодончара, родившегося не раньше 970 г.,[722] начался процесс формообразования этноса.

---

[720] См. синхронистическую таблицу.

[721] См.: Кычанов Е.И. Очерки истории тангутского государства. М., 1968. С. 253—256.

[722] Лубсан Данзан. Алтай тобчи («Золотое сказание»). Пер. с монг. (далее: Алтан тобчи). М., 1973. С. 18.

Появилось деление на новые родовые группы, возникшие из чресл Алан-Гоа, — нирун — и древние — дарлекин. Внезапно стали известны имена вождей, еще не ханов. Буквальное название их — «сидящие во главе», т. е. «председатели».[723] Одним из таковых был Хайду, правнук Бодончара, отец основателей самых видных родов (ноянкин, тайджиут, аралуд, куят-гергес, хабурход, сунид, хонгхотан и оронар). Монгольских родов становилось больше, росла и их численность.

За это время внутри монгольских родов произошла оригинальная социальная дифференциация. К именам тех или иных монголов присоединяются своеобразные эпитеты: багадур (батур) — богатырь; сэчэн (сэцэн) — мудрый; мэргэн — меткий; бильге — умный; бохо (боко) — сильный; тегин (*тюркск.*) — царевич; буюрук (*тюркск.*) — приказывающий; тайши (*кит.*) — член царского рода; сёнгун (*кит.*) — наследник престола; а жены их величаются — хатун и беги.[724]

Нетрудно заметить, что основная часть этих эпитетов, являющихся титулами, связана не с аристократическим происхождением, ибо все монголы происходили от Алан-Гоа и Буртэ-Чино (лани и волка), и не с богатством, то появлявшимся, то исчезавшим, а с личными деловыми качествами. Из аморфного гомеостатичного состояния иргэн (племя или подплемя) перешел в новое, активное состояние — превратился в систему, где все способности членов мобилизованы. Человек как таковой стал элементом, составляющим иргэн, что налагало на него определенные обязанности, но и давало ему защиту и место под солнцем. За обиду члена иргэна должен был вступиться весь иргэн; за его преступление тоже отвечали все сородичи. Понятие коллективной ответственности стало для монголов поведенческим императивом. На этой основе кристаллизуются права, определяемые степенями и градациями родственных отношений, и обязанности, исчисляемые в связи со способностями члена племени. Это типичный случай становления первой фазы этногенеза, столь похожий на появление феодализма в государстве Каролингов, что даже была сделана попытка назвать организацию монгольского общества кочевым феодализмом.[725]

Обычно для захвата чужих земель нужна крепкая военная организация, чтобы преодолеть сопротивление аборигенов. Но монголам помогла сама природа. Великая засуха X в. кончилась, и граница ковыльных степей поползла от берегов Шилки на юг, к Онону и Керулену.[726] На месте былых пустынь, оживлявшихся кустами эфедры, снова, как в эпоху Тюркютского каганата, стали пастись стада сайгаков и дзеренов, забегали крупные зайцы-русаки, вырыли себе норы сурки и суслики. Жить здесь стало легко и сытно, а первыми, кто освоил степные пространства вплоть до пустыни Гоби, были предки монголов.

На берегах бурной Селенги поселились кераиты; к югу от Керулена — отуз-татары, т. е. тридцать родов; южнее Байкала, на склонах Хамар-Дабана, — воинственные меркиты, а западнее их — многочисленные ойраты; самым западным монголоязычным племенем в Западной Монголии были найманы, пришедшие сюда не из Сибири, а из Семиречья и Джунгарии.[727] Это была северная ветвь кара-китаев, вытесненных в 1125 г. со своей

---

[723] Пэрлээ Х. Собственно монгольские племена в период Киданьской империи (907–1125). Труды XXV Международного конгресса востоковедов. Т. V. 1962. С. 314.

[724] См.: Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Л., 1934. С. 74.

[725] Там же. С. 74.

[726] См.: Гумилев Л.Н. История ритма кочевой культуры Срединной Азии. Опыт историко-географического синтеза // Народы Азии и Африки. 1966. № 4. С. 85—94; он же. Изменения климата и миграции кочевников // Природа. 1972. № 4. С. 44—52.

[727] См.: Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. С. 136—139. Л.Л. Викторова (Монголы. М., 1980. С.

восточной родины пассионарными чжурчжэнями. Из-за различия в происхождении, культуре и исторической судьбе найманы весьма отличались от восточных монголов, в том числе кераитов. Судьба этих северных племен, задетых пассионарным взрывом и прошедших в XI в. свой инкубационный период, сложилась иначе.

Но ведь ничего подобного не было во времена Бодончара, т. е. первого поколения потомков Алан-Гоа и «желтого пса». Братья обобрали Бодончара и выгнали его. Чтобы подчинить себе пришлое племя, Бодончар только уговаривал своих братьев, так же как и мать, на время прекратить ссоры. Никакого общественного императива не заметно — только близорукий эгоизм и личные капризы, без понимания общих задач. И это в конце X века!

К этому необходимо добавить, что прирост населения в XI в. резко увеличился. В начале XII в. монголам уже мало долины Онона. Они распространяются на запад — к Хилку и Нижней Селенге, где наталкиваются на храбрых и воинственных меркитов, мало затронутых пассионарным толчком, но хранящих традиции предков — самодийцев.

Монголам становится тесно в своей стране, и они делают то, что в таких случаях обычно предпринимается, — выбирают верховного владыку — хагана (хана). Им стал Хабул — представитель восьмого поколения потомков Алан-Гоа и «желтого пса». Он царствовал в 30–40-х годах XII в. Именно тогда закончился инкубационный период монгольского этногенеза и началась монгольская история.

Теперь вернемся к проблеме «желтого пса». Вряд ли стоит толковать миф буквально. Антропоморфизм и зооморфизм всего лишь метафоры, свойственные устному творчеству. Сами монголы и тибетцы считали светоносного юношу, преображающегося в пса, литературным образом, иносказанием. Значение же его ясно: монголы отметили и датировали путем счета поколений дату рождения своего этноса, или смену эпохи. Рождение Бодончара было для них исторической вехой, как для арабов — хиджра, с той лишь разницей, что они вели отсчет не по астрономическому, а по биологическому календарю. Ныне так считают своих мух генетики.

И, наконец, пассионарный толчок описан как облучение плода в утробе. Это именно тот феномен, который порождает мутации. Выдумать такое невозможно, а поверить женщине, утверждающей это, трудно. По-видимому, сами монголы X в. относились к рассказу Алан-Гоа скептически. Но когда ее потомки захватили сначала влияние, а потом власть, стало безопаснее не спорить. А еще позднее легенду стали воспринимать как сказку, потому что фольклористика и биофизика еще более несовместны, чем гений и злодейство.

Но мутационный импульс не может изменить только один, да еще поведенческий, признак. Разброс признаков обязателен… и он действительно имел место. Об отличии внешности Борджигинов от прочих кочевников говорят два автора: китаец Чжао Хун и тюрк Абуль-Гази. «Татары не очень высоки ростом. Самые высокие… 156—160 см.[728] Нет полных и толстых. Лица у них широкие, скулы большие. Глаза без верхних ресниц. Борода редкая. Тэмуджин высокого и величественного роста, с обширным лбом и длинной бородой. Личность воинственная и сильная. Этим он отличается от других».[729] У Борджигинов глаза «сине-зеленые (pers)…» или «темно-синие, где зрачок окружен бурым ободком».[730] Итак, мутация сказалась не только на психике, но и на деталях наружности Борджигинов, что снимает сомнение в ее наличии. А какова была ее роль — увидим.

---

5) относит найманов к тюркам, но не приводит доказательств. Поясняю: казахский род наймам одноименен с найманами XII в., но не идентичен им.

[728] Буквально: «пять чи и три цуня» (пересчет мой. — Л.Г.).

[729] Мэн-да Бэй-лу. С. 48.

[730] Histoire de Mogols et des Tatares par Aboul Ghazi Bahadour Khan, publiйe, traduite et annotйe par Baron Demaison. SPb., 1874. T. II. P. 72; Cahun L. Introduction a l’histoire de l’Asie. Paris, 1896. P. 201.

Ареал пассионарного толчка охватил Приамурье, Уссурийский край и Восточное Забайкалье. Восточные соседи монголов — чжурчжэни — овладели Северным Китаем до р. Хуай. Западные соседи монголов в долинах Селенги и Ангары оказались вне пределов действия толчка, захватившего монголов и татар в междуречье Онона и Керулена. Приняв этот тезис, мы можем легко объяснить подъем активности восточных кочевников, обитавших в степях менее обильных, чем западные. До сих пор этот факт не находил объяснения в литературе, но без введения понятия «биосфера» удовлетворительного объяснения и нельзя было найти.

Перейдем к истории монголов. Темп ее был поразительно быстрым. Хабул родился около 1100 г., восемь поколений прожило и умерло за 130 лет. Это значит, что монголы воспроизводили потомство в 16—18 лет, после чего быстро уступали место молодежи. Конечно, тридцатилетних воинов не списывали в запас по старости, но, видимо, редкие мужи доживали до этого возраста. Они гибли в постоянных войнах, успевая лишь зачать сыновей, тоже обреченных на раннюю гибель. И если при столь неблагоприятных условиях монгольский этнос не исчез и не стал подневольным племенем у сильных соседей, то, значит, монголы имели силы и способности к сверхнапряжению, благодаря чему они шли от победы к победе. Именно эти качества мы определяем как последствия возникшей пассионарности в инкубационном периоде возникающего этноса. В начале XII в. монгольский этнос стал уже фактом всемирной истории, так что жертвенность юных предков, имена которых не сохранились, принесла свои плоды.

112. Возникновение разнообразия

Происшедший в XI в. пассионарный толчок коснулся не только чжурчжэней и монголов. Он не мог не затронуть их соседей, обитавших в ареале толчка. Татары, жившие южнее Керулена, и кераиты, кочевавшие по берегам Толы, также испытали подъем пассионарного напряжения. На беду, географическое положение их было не столь благоприятно, как у монголов. У них был мощный и неприятный сосед — киданьская империя Ляо. В 1100 г. в Степи шла постоянная война между кочевниками (кидани их называли цзубу)[731] и регулярными войсками, причем последние, имея тылы и базы, не могли не победить.

В этой войне многие народившиеся татарские пассионарии сложили головы, но успели перед этим оставить потомство, которое дождалось часа гибели ненавистного Ляо. Следуя принципу «враги наших врагов — наши друзья», татары подружились с чжурчжэнями, победившими киданей. Это была крайне близорукая политика, потому что чжурчжэни унаследовали политическую линию киданей — борьбу с Великой степью. Чжурчжэньские «алтан-ханы» (титул, обозначавший «золото» и эквивалентный китайскому Кинь) не любили татар, но использовали их против кераитов и монголов, которых татары рассматривали как естественных соперников в борьбе за право господствовать над Степью.

К политической вражде добавилась еще религиозная. В 1109 г. кераиты приняли христианство по несторианскому исповеданию. Несколько раньше монголы обратились в тибетскую религию бон — почитание солнечного божества Митры, покровителя верности и доблести.[732] А татары, подобно своим союзникам чжурчжэням, полюбили индийское учение шаманов, которых они называли тюркским словом «кам». Энергия пассионарного напряжения, одинаковая во всем своем ареале, повела к образованию трех оригинальных систем, война между которыми была неизбежна.

Религиозная принадлежность сама по себе не ведет к военным столкновениям, но при

---

[731] См.: Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. С. 101—102.

[732] См.: Гумилев Л.Н., Кузнецов Б.И. Бон. С. 72—90.

наличии конфликтной ситуации она является подобием лакмусовой бумажки, определяющей наличие кислот и щелочей. Несторианское христианство было «белой верой», противостоявшей «желтой вере» — буддизму, несмотря на то, что царевич Сиддарта, или Шакьямуни Будда, был признан святым царевичем Иосафом.[733] Дело было не в сложностях догматики, а в «ментальности», или характере мироощущения. Ментальность буддистов и несториан была различна, но христианство не шокировало последователей религии бон (от инд. «пунья» — небо). Митра (по-монгольски Мизир) был для верующих и неверующих как любой закон природы. Он карал не за военные уловки, хитрость и жестокость, а только за обман доверившегося, т. е. за нарушение договора. Христиане, отнюдь не одобрявшие поступок Иуды, хотя он просто донес властям, где искать «преступника», не имели противоречий с митраистами по этому самому главному в тех условиях вопросу. Почитание не самого Митры, а его принципа совпадало с христианской моралью. Поэтому «белая» и «черная» (точнее, темно-синяя) веры не вступали в идеологические конфликты.

Зато шаманизм — учение о трех мирах: среднем, где живут люди и звери, верхнем и нижнем, обитатели коих воспринимаются нами как духи, — принципиально отличался от теистических религий. Но поскольку шаманы умели лечить больных, чего не могли делать ни священники, ни ламы, то их услугами пользовались, хотя это иногда вело к конфликтам, если лечение было неудачным. А случалось и такое.

Однако для нас сейчас важно отметить принцип избирательности в принятии религии. При низких уровнях пассионарности люди индифферентны. Они либо сохраняют привычную идеологию, либо принимают ту, которую им навязывают силой. Но в данном случае никто не имел силы, достаточной для внедрения новой веры в среду свободных кочевников. Те отвечали просто: «Не будь ты нашим благодетелем, оставь в покое наши души». Принимали же они то исповедание, которое им искренне нравилось. А так как вкусы входят в поведенческие стереотипы как компоненты, то наличие трех разных исповеданий, принятых в одну эпоху, указывает на рост пассионарности этнических систем в XI в., после которого различия веры стали постепенно сглаживаться и образовался тот монгольский политеизм, который был описан в XIX в.[734] Однако это была не исходная форма генезиса духовной культуры монголов и бурят, а конечная, финал напряженной до высокого трагизма истории монгольского взлета 1201—1370 гг. Почему так быстро? То, что горит ярко, сгорает быстро! Но сейчас нам важно посмотреть на то, как начинался процесс этногенеза, давший такой небывалый, хотя и кратковременный эффект.

113. Война в степи

Хотя само по себе различие идеологических систем не вызывает войн, но такие системы цементируют группы, готовые к войнам. Монголия XII в. не была исключением.

Уже в 1122 г. господство в восточной части Великой степи делили монголы и татары, а победоносные на других фронтах чжурчжэни заняли наблюдательную позицию.[735] Затем в 1129 г., когда чжурчжэньский корпус, преследовавший отступавших на запад киданей, выдвинулся в Степь, монгольский глава Хабул-хаган объявил чжурчжэням войну, чем остановил их войска и принудил их вернуться в Китай, чтобы избежать столкновения.

---

[733] Легенда о царевиче Сиддарте — Будде в христианском варианте — апокриф, игнорирующий хронологию (см.: Настольная книга священнослужителя. М., 1978. Т. II. С. 297). Буддисты считают Иисуса Христа бодисатвой, воплощением Авалокиты.

[734] Банзаров Д. Черная вера; ср.: Гумилев Л.Н. Древнемонгольская религия; Веселовский Н. О религии татар по русским летописям // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. № 1. Отдел 2. Пг., 1916.

[735] См.: Палладий (Кафаров). Старинное монгольское сказание о Чингисхане (Юань-чао-ми-ши) // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине (далее: Палладий). Т. IV. СПб., 1866. С. 172—173.

Осторожный император Укимай предпочел не приобретать врага на севере в то время, когда его лучшие войска сражались с китайцами и тибетцами.[736] Он даже попытался договориться с Хабул-хаганом и пригласил его в свою столицу. Но монгольский вождь вел себя грубо и неуступчиво: не доверяя чжурчжэням, он во время дипломатического пира постоянно выходил из зала, чтобы отрыгнуть пищу, потому что боялся отравы. Тем не менее Укимай запретил арестовывать его, справедливо считая, что нового хана монголы найдут, а войско их от потери нескольких человек не станет менее грозным.[737]

Но после смерти Укимая в 1134 г. на престол вступил Холу, человек несдержанный и злопамятный. Он послал в Степь лазутчиков, чтобы поймать Хабул-хагана, что они и сделали, застав его в пути. Но пока они везли хана на расправу, его родственник, у которого лазутчики остановились на отдых, заподозрил недоброе и сменил лошадь Хабул-хагана на белого жеребца. Хабул нашел удобный случай, пустил свежего скакуна в мах и ускакал домой, а преследователей убили его родичи.[738]

И тогда в 1135 г. пошла настоящая война. В 1139 г. монголы наголову разбили чжурчжэней при горе Хайлинь,[739] местоположение которой неизвестно. В 1147 г. чжурчжэни вынуждены были просить мира и согласились уплачивать монголам дань. Но договор не был соблюден, а мир не был долог.

Одновременно шла война на западной окраине монгольских земель. Там неукротимые меркиты отвечали набегом на набег, ударом копья на удар.[740] Эта война, где обе стороны руководствовались понятиями кровной мести и коллективной ответственности, не могла кончиться, пока хоть один из сражающихся сидел в седле. Забегая вперед, скажем, что она затянулась на 80 лет.

Но еще хуже оказалось на юго-востоке, с татарами. Случилось, что к тяжело заболевшему шурину Хабул-хагана вызвали кама (шамана) от татар. Тот не смог вылечить больного и был отправлен назад. Но родичи покойного решили, что кам лечил недобросовестно, поехали за ним и избили до смерти. Так возникла новая вендетта: кровь за кровь… и война до последнего истребления противника.[741]

Читателю может, да и должно показаться странным, что монголы, меркиты и татары меньше всего руководствовались соображениями экономической выгоды. Но и монголам XII в. показалось бы удивительным, что можно отдавать жизнь ради приобретения земель, которых так много, ибо население было редким, или стада овец, потому что их следовало быстро зарезать для угощения соплеменников. Но идти на смертельный риск, чтобы смыть обиду или выручить родственника, — это они считали естественным и для себя обязательным. Без твердого принципа взаимовыручки малочисленные скотоводческие племена существовать не могли. Этот принцип лег в основу их адаптации к природной и

---

[736] Васильев В.П. История и древности восточной части Средней Азии (Чжао Хун) // Труды Восточного отделения Имп. Археологического общества. Ч. 4. СПб., 1857. С. 96.

[737] Рашид-ад-Дин. Т. 1. Кн. 2. / Пер. О.И. Смирновой. С. 35—36.

[738] Даты этих событий у Рашид-ад-Дина нет. Приурочивая их к началу войны, мы руководствуемся логикой событий.

[739] См.: Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена: В 2 т. Т. I. М.; Л., 1950. С. 378.

[740] Рашид-ад-Дин. Т. I. Кн. 2. С. 37—40.

[741] Там же. С. 41; вариант сообщения см. там же. Т. I. Кн. 1. С. 104. Об особенностях составления «Сборника летописей» см.: Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. С. 239—240.

этнической среде в условиях растущего пассионарного напряжения. Не будь его, монголы жили бы относительно спокойно, как, например, эвенки севернее Байкала. Но пассионарность давила на них изнутри, заставляла приспосабливаться к этому давлению и создавать вместо дискретных, аморфных систем новые этносы и жесткие общественные формы родоплеменных организаций, или улусов, нуждающихся в правителях-хаганах. Началось рождение государств.

Создание государства, даже когда необходимость его очевидна, — процесс диалектический. Одни тянут вправо, другие — влево, третьи — вперед, четвертые — назад. И каждый недоволен соседом. Однако постепенно варианты устремлений интегрируются и поддаются обобщению историка. Так было и в Монголии XII в., где сложились две линии развития, исключающие друг друга. Без учета этого внутреннего противоречия понять развитие дальнейших событий невозможно.

114. «Люди длинной воли»

В XII в. основным элементом древнемонгольского общества был род (обох), находившийся на стадии разложения. Во главе родов стояла степная знать. Представители ее носили почетные звания: багатур, нойон, сэчэн и тайши. Главная забота багатуров и нойонов была в том, чтобы добывать пастбища и работников для ухода за скотом и юртами. Прочими слоями были: дружинники (нухуры), родовичи низшего происхождения (харачу, или черная кость) и рабы (богол), а также целые роды, покоренные некогда более сильными родами или примкнувшие к ним добровольно (унаган богол). Эти последние не лишались личной свободы и, по существу, мало отличались в правовом отношении от своих господ. Низкий уровень развития производительных сил и торговли, даже меновой, не давал возможности использовать подневольный труд в кочевом скотоводстве. Рабы употреблялись как домашняя прислуга, что не влияло на развитие производственных отношений, и основы родового строя сохранялись.

Совместное владение угодьями, жертвоприношения предкам, кровная месть и связанные с ней межплеменные войны — все это входило в компетенцию не отдельного лица, а рода в целом. В монголах укоренилось представление о родовом коллективе как основе социальной жизни, о родовой (коллективной) ответственности за судьбу любого рода и об обязательной взаимовыручке. Член рода всегда чувствовал поддержку своего коллектива и всегда был готов выполнять обязанности, налагаемые на него коллективом. Но в такой жесткой системе пассионарность отдельных родовичей не только не нужна — она ей прямо противопоказана, ибо подрывает авторитет старейшин, а тем самым и родовые порядки.

Но монгольские роды охватывали все население Монголии только номинально. На самом деле постоянно находились отдельные люди, которых тяготила дисциплина родовой общины, где фактическая власть принадлежала старейшим, а прочие, несмотря на любые заслуги, должны были довольствоваться второстепенным положением. Те богатыри, которые не мирились с необходимостью быть всегда на последних ролях, отделялись от родовых общин, покидали свои курени и становились «людьми длинной воли», или «свободного состояния», в китайской передаче — «белотелые» (байшень), т. е. белая кость.[742] Судьба этих людей часто была трагична: лишенные общественной поддержки, они были принуждены добывать себе пропитание лесной охотой, рыбной ловлей и даже разбоем, за что их убивали. С течением времени они стали составлять отдельные отряды, чтобы сопротивляться своим организованным соплеменникам, и искать вождей для борьбы с родовыми объединениями. Число их неуклонно росло, в их среде рождались идеалы новой жизни и нового устройства общества, при котором их бы перестали травить, как волков.

---

[742] См.: Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. (далее: Сокр. ск.). М.; Л., 1941.

Этими идеалами стали: переустройство быта на военный лад и активная оборона родины, т. е. Великой степи, от чжурчжэньских вторжений, недвусмысленно названных в империи Кинь «уменьшением рабов и истреблением людей».[743] Эти истребительные походы повторялись раз в три года начиная с 1161 г. Девочек и мальчиков не убивали, а продавали в рабство в Шаньдун. «Татары убежали в Шамо (пустыню), и мщение проникло в их мозг и кровь».[744] Те, кому удавалось спастись из плена, пополняли число «людей длинной воли», которое увеличивалось в течение 20 лет. Но не будем забегать вперед, а сосредоточим внимание на середине XII в. — фазе этнического становления монгольского этноса.

Закономерно поставить вопрос: на чьей стороне должно оказаться сочувствие читателя или кто был прав: родовичи или «люди длинной воли»? Вопрос этот лежит скорее в сфере эмоций, нежели в области научного анализа. Однако эмоции и рациональный анализ так переплетены друг с другом, что размежевание их было бы искусственно и бесперспективно.

Конечно, вопрос надо формулировать несколько иначе: не кто прав или симпатичен, а кто мог обеспечить монгольскому этносу возможность существования и развития? Кто мог организовать оборону от истребительных походов чжурчжэней и сохранить наследие предков — верность ближним, святость очага, нерушимость произнесенных клятв и уважение к обычаям, заменявшим монголам законы? Казалось бы, что поборниками обычного права и законов гостеприимства должны были оказаться не бездомные бродяги с «длинной волей», а родовичи, связанные с традициями и родными угодьями, консерваторы по принятому принципу. Но посмотрим, как эти приличные люди вели себя в десятилетия своего безраздельного господства.

115. Забвение древних обычаев

Хотя в 1147 г. монголы победоносно окончили войну с чжурчжэнями и заключили почетный, выгодный и желанный мир, в Великой степи было неспокойно.

Мир был непрочен. Будучи шаманистами, а не митраистами, чжурчжэни клятв не соблюдали. А еще хуже, что они развратили своих соседей — татар. Эти последние использовали свой престиж степного народа для того, чтобы получать от Алтан-хана империи Кинь мзду за наигнуснейшие преступления, главным образом предательства.

Старший сын Хабул-хагана, Окин-Барха, красотой и изяществом напоминал девушку.[745] Люди поражались его круглому открытому лицу с полным подбородком.[746] У него был женатый сын, но внука своего, Сэчэн-беки, Окин-Барха не увидел. Окин-Барху подстерегли татары и выдали Алтан-хану, т. е. чжурчжэньскому монарху Холу. Несчастного царевича приколотили железными гвоздями к деревянному ослу и дали умереть медленной и мучительной смертью. Это случилось еще при жизни Хабул-хагана, т. е. до 1147 г., но и потом было не лучше.

В 1150 г. новый император Кинь, Дигунай, приказал напасть на непокорных кочевников,[747] несмотря на мир, заключенный в 1147 г. На этот раз жертвой предательства татарского вождя Нор-Буюрук-хана оказался хан кераитов Маркуз, т. е. Марк (несторианин). Его тоже выдали на смерть, и он погиб на том же деревянном осле. Его вдова, красавица

---

743 Васильев В.П. История и древности… С. 227.

744 Там же.

745 Окин — девушка (монг.)

746 Рашид-ад-Дин. Т. I. Кн. 2. С. 32—33.

747 Палладий. С. 173.

Кутуктай-херикун («волнующая своей красотой»), нашла способ, столь же вероломный, убить несколько татарских вождей во время пира,[748] но это, хоть и удовлетворило ее чувства, ничего не изменило.

После смерти Хабул-хагана и гибели Маркуза монгольскими родами стал ведать племянник Хабула Амбагай-хаган, которого покойный предпочел семи своим сыновьям. Его также заманили к себе татары,[749] с которыми у монголов был в это время мир, скрепленный помолвкой сына Амбагая с дочерью вождя племени «белых (чаган) татар». По монгольскому обычаю, между помолвкой и свадьбой должно пройти несколько лет, иногда даже пять-шесть.[750] За эти годы политическая ситуация изменилась, о чем Амбагай не знал.

Пока в империи Кинь правил изверг и самодур Дигунай, убивавший своих приближенных и стремившийся покорить Южный Китай, в Степи было относительно спокойно. Но в 1161 г. Дигунай был убит своими приближенными, и новый император Улу издал манифест, в котором говорилось о войне с монголами.[751] Был задуман большой карательный поход против ничего не подозревавших монголов, и чжурчжэньские дипломаты привлекли на свою сторону татар. Именно в эти роковые дни Амбагай-хаган поехал в гости к «белым татарам», чтобы привезти к себе домой невесту с приданым. Спутниками его были его младший брат Тодоен-отчигин и советник Чинтай-нойон. Последний, будучи человеком умным и предусмотрительным, пытался уговорить Амбагая вернуться, ссылаясь на неблагоприятные приметы, но тот отказался считаться с суевериями и прибыл на пир, устроенный в его честь.

Вождь соседнего племени байат-дуклат Мунка-чаутхури пригласил к себе Тодоен-отчигина вместе с советником и тоже угощал на славу. Через десять дней, в разгар пира, прибыл гонец от татар и сообщил, что Амбагай схвачен, татары просят доставить и Тодоена, а самим выступить в поход на монголов.

Однако дуклаты не предали гостя. Мунка по совету своих старшин дал ему коня и рекомендовал не медлить в пути. Тодоен спасся, но татары разграбили становище дуклатов.[752]

Привезенный к чжурчжэньскому «алтан-хану» Улу, Амбагай был пригвожден к деревянному ослу, но перед смертью велел одному из своих нухуров (дружинников) передать императору: «Ты не полонил меня своим мужеством, доблестью и ратью, а другие… привели меня к тебе. Убивая меня так позорно, ты делаешь своими врагами Хадана-тайши, Хутула-каана и Есугей-багатура, старших и младших родичей улуса монгольского… Нет сомнения, они подымутся для мщения тебе за мою кровь. Убивать меня неблагоразумно». В ответ на это Улу рассмеялся и дал дружиннику несколько коней, чтобы тот уведомил монголов об убийстве Амбагая. Тот, добравшись до кочевий племени дурбан, попросил сменить усталого коня, но те вопреки степному обычаю отказали. Бедняга загнал своих лошадей насмерть и дошел домой пешком.[753]

---

[748] Рашид-ад-Дин. Т. I. Кн. 2. С. 129.

[749] Сокр. ск. § 53.

[750] См.: Козлов П.К. Монголия и Кам. М., 1947. С. 83—84.

[751] В манифесте указано, что монголы и татары ранее нападали на северные границы империи Кинь, а ныне вступили в союз с киданями и тангутами (Си-Ся). Палладий считает эти сведения выдумкой чжурчжэньских дипломатов, уловкой для дезориентации империи Сун, против которой готовили главный удар (Палладий. С. 173).

[752] Рашид-ад-Дин. Т. I. Кн. 2. С. 23—24.

[753] Там же. С. 42—43.

Как же встретили монголы эту трагическую весть? Они, сославшись на волю покойного, поставили ханом Хутулу. «И пошло у монголов веселие с пирами и плясками… вокруг развесистого дерева на Хорхонахе (у берега Онона). До того доплясались, что выбоины образовались по бедро, а кучи пыли по колено».[754] Да, в каждом из нас достаточно сил, чтобы перенести страдания ближнего!

Новый хан был могуч и свиреп, как медведь, но еще более глуп. Поход на чжурчжэней, в отмщение за кровь Амбагая, не состоялся потому, что хан не мог его организовать.[755] Вместо этого он затеял охоту с соколами и был застигнут в степи дурбанами. Нухуры разбежались кто куда, а хан с конем увяз в небольшом болотце. Тут-то он себя проявил. Врагов, подъехавших к другому краю болота, он отогнал выстрелами из лука, потом схватил коня за холку и вытащил из грязи, затем, решив, что возвращаться без добычи стыдно, украл у дурбанов жеребца с табуном кобылиц и наконец наполнил сапоги (ибо другой тары у него не было) яйцами дикой утки. После этих подвигов он вернулся домой, где по нему шли поминки. Как он погиб — неизвестно, но вскоре его сменил Хадан-тайши, который только за 1161—1162 гг. проиграл татарам тринадцать сражений.[756]

Особенно трагичным для монголов было поражение при озере Буир-Нор в 1161 г., после чего Монгольское ханство распалось, так как часть племен отказалась класть жизнь за бездарного предводителя и выполнять приказы, неисполнимость которых была очевидна.

Чжурчжэньское правительство, узнав о таком сверхудачном для него обороте дел, приостановило готовившийся поход.[757] ради экономии средств, которые понадобились новому императору Улу для подавления восстания киданей. Кидани продолжали ненавидеть своих поработителей. Узнав об убийстве кровожадного Дигуная, они сочли 1162 г. моментом, благоприятствующим восстанию. Однако чжурчжэньские ветераны снова одержали победу. Захваченных в плен воинов предали казни, а женщин обратили в наложниц[758] Эта неожиданная диверсия спасла монголов от полного истребления.

С другой стороны, китайская война поглощала большие силы чжурчжэней вплоть до 1165 г., когда китайцы были наголову разбиты при Хуай-Яне. После этой битвы был заключен выгодный для чжурчжэней мир, но время для войны с монголами оказалось упущено.

Но даже при столь благоприятном стечении обстоятельств Монгольское ханство находилось на краю гибели. Зажатые татарами с юго-востока, а меркитами — с северо-запада, монголы должны были найти союзника, который помог бы им даже не победить, а хотя бы уцелеть. Тогда Хадан обратился за помощью к кераитскому принцу, сыну погибшего Маркуза, носившего титул «гурхан» (глава межплеменного объединения). По-видимому, они договорились, но перед отъездом кравчие гурхана угостили монголов, согласно обычаю, тарасуном (молочной водкой). Нухуров вырвало, и они уцелели, а Хадан, пивший последним, вскоре скончался. Видимо, чжурчжэньские шпионы проникли и сюда. После гибели Хадана Монгольская держава распалась, но поскольку защищаться от врагов было

---

[754] Сокр. ск. § 57.

[755] Вопреки тому, что утверждает Рашид-ад-Дин (Т. I. Кн. 2. С. 43—44). Китайские и монгольские источники не подтверждают его беспочвенных сентенций, направленных на угождение тщеславного заказчика — хана Олджейту, в ущерб исторической истине.

[756] Сокр. ск. § 58.

[757] См.: Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. С. 154 (приведен разбор литературы вопроса).

[758] См.: Окладников А.П. Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959. С. 236.

нужно, то военным предводителем стал один из внуков Хабул-хагана — Есугей-багатур.

116. Есугей-Багатур

В то самое время, когда татары везли связанного Амбагай-хагана на смертную муку в Китай, его молодой племянник Есугей забавлялся охотой на птиц на зеленом берегу светлого Онона. Навстречу ему попался возок, в котором сидела молодая очень красивая девушка, а рядом ехал ее новобрачный — Еке-Чиледу из племени меркит. Есугей немедленно съездил домой и вернулся с двумя своими братьями. Чиледу понял, что он один не справится с тремя богатырями, и, хлестнув коня, пустил его полным галопом, пытаясь скрыться за холмом. Монголы помчались за ним, но отстали настолько, что Чиледу, обогнув холм, вернулся к возку. Умная девушка быстро сказала ему: «Разве ты не понял, что дело идет о твоей жизни? Найди себе другую жену, но назови ее моим именем — Оэлун. Спасайся». Трое преследователей уже показались из-за сопки и подлетали к Чиледу. Снова хлестнул своего скакуна меркит и помчался вверх по Онону. Монголы долго гнались за ним, но отстали. Тогда они вернулись к возку и повезли плачущую пленницу к себе в становище. Они не были злыми и утешали Оэлун тем, что теперь, мол, все равно ничего вернуть нельзя.

Да, по тем жестоким временам это было обыкновенное умыкание невесты, хотя все-таки даже и тогда полагалось спросить ее мнение и получить согласие. Но с такой мелочью не посчитались, и Оэлун стала первой женой Есугея.

Трудно было найти лучшую подругу, и столь же трудно было нажить более непримиримых врагов, чем воинственные меркиты, которые не забывали ничего. Таким образом, монголы, которым предстояла война с южными соседями — татарами, снова поссорились с северными соседями — меркитами, причем в самый неподходящий момент. Медовый месяц Есугея оборвался в самом начале — разгорелась война с татарами за кровь Амбагая.

В этой войне наибольший успех выпал на долю Есугей-багатура. В 1162 г. ему удалось захватить в плен нескольких татарских богатырей как раз в то время, когда Оэлун подарила ему первенца. Растроганный отец назвал его Тэмуджином, по имени пленника, убитого при рождении сына. Таким образом, новорожденный сразу стал кровным врагом могучего татарского племени. Это в дальнейшем весьма осложнило его жизнь.

Как ни странно, брак Есугея и Оэлун оказался счастливым. Она родила еще трех сыновей: Хасара — в 1164 г., Хачиуна — в 1166 г., Тэмуге — в 1169 г. и дочь Тэмулун — в 1170 г. От второй жены у Есугея было два сына: Бектер и Бельгутей. За эти годы Есугей-багатур сделался сильным и влиятельным вождем, хотя и не был выбран в ханы. Впрочем, это не мешало ему весело жить, а в свободное время заниматься политикой. Серьезная политика началась около 1170 г.

Естественным союзником монголов в борьбе с чжурчжэнями были кераиты, но в этой могучей орде не было порядка.

Многолюдное, богатое и культурное Кераитское ханство было окружено со всех сторон врагами, а родовичи вместо того, чтобы крепить державу, вступали в сделки то с найманами, то с меркитами, то с татарами. Сам хан был неприкосновенным, но его сыну Тогрулу пришлось плохо. В семилетнем возрасте он попал в плен к меркитам, и его заставляли толочь просо в ступе, т. е. использовали ханского сына как домашнюю прислугу. Спас его отец, совершивший набег на меркитское становище, чтобы вернуть сына. Через шесть лет Тогрула вместе с матерью захватили татары. На этот раз он помощи из дому не дождался. Будучи человеком смелым, царевич бежал сам и вернулся к отцу, наследником которого он был.

Эти события указывают на крайнюю напряженность отношений в Ставке кераитского хана. Дважды пленить царевича враги могли лишь при пособничестве ханских родственников и вельмож. И неудивительно, что, вступив на престол, Тогрул казнил нескольких своих родственников. Но уцелевший дядя, носивший титул «гурхан», возмутил

народ и сверг Тогрула.

Вспомним, что в ставке этого самого гурхана был отравлен Хадан-тайши. Пусть даже сам гурхан был в этом неповинен, но ведь он не принял мер к охране особы союзника и гостя. Поэтому симпатии монголов оказались на стороне Тогрула. В 1170 или 1171 г. с берегов Онона на берега Толы пришел с верным войском Есугей-багатур и вынудил гурхана бежать за Гоби, к тангутам, а Тогрул снова сел на престол.

После такого подвига Есугей вернулся к личным делам: он помолвил своего девятилетнего сына Тэмуджина с десятилетней Бортэ из племени хонкират. Искренний и добродушный Дай-сэчэн, отец невесты, очень хорошо принял будущего зятя. «Во взгляде его — огонь, а лицо — что заря», — сказал он Есугею. А тот, оставляя сына в кочевье хонкиратов, только об одном просил свата: «Побереги моего мальчика от собак. Он их очень боится». Это последнее было несколько необычно. Страшные волкодавы, охраняющие овец, никогда не трогают детей. Монгольский мальчишка одним взмахом широкого рукава запросто разгоняет лающую свору псов. Предупреждение Есугея говорит о повышенной нервозности Тэмуджина, часто сопутствующей развитому воображению и предприимчивости. С годами такая нервозность подавляется волей и рассудком, благодаря чему не приносит ущерба.

Возвращаясь домой, Есугей заметил группу людей, пировавших среди степи. Так как он устал и томился жаждой, то подъехал к ним и… увидел, что это татары. Те его тоже узнали, но пригласили на пир как гостя. Есугей поел и выпил, но, уезжая, почувствовал себя плохо. С трудом добрался он до дому, будучи уверен, что его отравили за старые обиды. С этой уверенностью он и умер.

Трудно утверждать, что Есугей поставил себе правильный диагноз. Все-таки после пира он провел в седле три дня, хотя и очень плохо себя чувствовал. Болезнь обострилась лишь на четвертые сутки, когда он был дома. Тут возможна любая инфекция. Важно другое: его уверенность, что степные обычаи гостеприимства могут быть попраны и забыты. Твердый стереотип поведения монголов ломался на глазах.

Перед смертью Есугей-багатур позвал к себе одного из своих нухуров, Мунлика, поручил ему заботу о семье и просил скорее вернуть домой Тэмуджина. Мунлик оказался достойным оказанного ему доверия: немедленно поехал к хонкиратам, сказал, что отец скучает о сыне, и привез мальчика домой. Узнав о потере, Тэмуджин упал от горя на землю и бился в судорогах. Отец Мунлика, старый Чарха, сказал ему: «Что ты, бедняга, бьешься, как пойманный таймень? Позови своих турхаудов (стражу)». Совет был мудр, но неисполним. Тэмуджин был сыном не царя или феодального сеньора, а богатыря, все богатство которого заключалось в его энергии и незаурядных организаторских способностях.

Соплеменники Есугея эти способности ценили, ибо им было удобно переложить ответственность за военные действия, которые производились ежегодно, на плечи человека не чужого и не очень близкого. Но, как часто бывает, они не испытывали к своему вождю ни любви, ни привязанности, а уважение — не гарантия верности, особенно в случае внезапной беды. Юный наследник погибшего богатыря был никому не нужен и не интересен.

Однако среди монгольских знатных родовичей нашлись люди добросердечные. Таким оказался глава племени тайджиутов Таргутай-Кирилтух. Он посетил кочевье Есугея и привел к себе юного Тэмуджина, чтобы «учить его, как учат трехлетнего жеребенка». Таргутай-Кирилтух помог ему перенести горечь потери, не помышляя о том, что это через много лет избавит его от мучительной смерти. Но Таргутай-Кирилтух был не хаганом, а лишь нойоном в своем племени. Он мог советовать, а не повелевать; советы же, даже если их выслушивают, редко принимают к исполнению. Именно такую свободу обеспечивал древний родовой строй, при котором общественное мнение направляется не политическими расчетами мудрых старейшин и энергичных вождей. Подчас решающее значение приобретает мнение капризных женщин и их слуг. Они могут безнаказанно совершать безответственные поступки, отнюдь не задумываясь над их последствиями.

Так было и в этом случае. Прошла зима, память о заслугах Есугея померкла… и тогда

началось.[759]

XIX. Утраты

117. Горечь сиротства

Весной 1172 или 1173 г. вдовы Амбагай-хана Орбай и Сохотай, согласно обычаю, поехали на кладбище — в «Землю предков», чтобы совершить традиционную тризну. Оэлун поехала тоже, но случайно запоздала и крайне огорчилась, увидев, что ее не подождали. Она обратилась к женщинам с упреками; те ответили, что она не заслуживает приглашения и что они не желают иметь с нею никаких отношений. Казалось бы, это пустяк, но, как ни странно, именно женская ссора оказалась выражением настроений масс, которые не замедлили воспользоваться случаем. Они откочевали вниз по реке Онон, покинув семью Есугея на произвол судьбы.

По сути дела, поступок монголов-тайджиутов был не только гнусной неблагодарностью, но и преступлением. Остаться в степи без помощи и защиты — это перспектива медленной смерти, с ничтожными шансами на спасение. Друг Есугея, старик Чарха, попытался уговорить уходивших людей… и получил удар копьем в спину. Оэлун подняла бунчук Есугея и призвала народ не покидать знамя. Многие усовестились и вернулись, но ненадолго. Вскоре они опять ушли вслед за остальными.

Но каков же был мотив у ушедших? Он был крайне прост и подл. «Ключ иссяк, бел-камень треснул», — сказал Тодоен-Гиртай, ударивший копьем верного Чарху. Эта монгольская пословица означала крах чего-либо. А поддерживать ослабевшего и нуждающегося в помощи обывателю противопоказано. Обыватель, степной или городской, будет ползать на животе перед богатырем, но расплатится за свое унижение с его вдовами и сиротами. Так семья Борджигинов превратилась в «людей длинной воли», хотя и вопреки своей воле.

То, что дети Есугея остались живы, — заслуга Оэлун. Ведь старшему ее сыну в это время было только 11 лет, а младшей дочке — один год. Скот Есугея тайджиуты угнали, единственной пищей, которой Оэлун и вторая жена Есугея, Сочихэл, кормили своих сыновей, были мучнистые клубни саранки и острые, похожие на чеснок, корни черемши. Когда дети подросли, они стали ловить рыбу в Ононе и из детских луков стрелять дроф и сурков. Но для того чтобы прокормиться таким образом, приходилось забыть слово «отдых», потому что на зиму надо сделать запас. И этот кошмар продолжался пять или шесть лет.

Можно только приблизительно вычислить, что около 1178 г. (плюс-минус 2 года), когда Тэмуджину было 16 лет, а его брату Хасару — 14, у семьи Борджигинов уже было 9 соловых меринов, луки и достаточное количество стрел. К этому времени подросли и дети Сочихэл, Бектер и Бельгутей, ровесники Тэмуджина и Хасара.

Источники не сообщают об отношениях семьи Борджигинов с другими монгольскими племенами. Но ведь долина Онона не планета в космосе, и, следовательно, дети Есугея были

---

[759] Хронология последующих событий приблизительна. Чжао Хун сообщает, что в XII в. монголы еще не имели 60-летнего цикла, а отсчитывали «один год, когда зеленеют травы» (Мэн-да Бэй-лу. С. 49). В «Тайной истории» первая точная дата — год курицы — 1201 г., тогда как тюрки применяли циклический календарь уже в VIII в. (см.: Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 320—321). Это говорит о полном разрыве традиции, т. е. о начале нового этногенеза. Фенологический календарь употребляется этносами, непосредственно связанными с природой, но игнорирующими историю. Для этого восприятия времени достаточна постоянная повторяемость, а не линейная протяженность (См.: Гумилев Л.Н. Этнос и категория времени // Доклады Географического общества СССР. Вып. 15. Л., 1970. С. 143—157). Но как только людям требуется осознание себя во времени, с последовательностью событий, они вводят либо линейный счет по правителям, либо циклический календарь. То и другое говорит о переходе от гомеостаза к динамическому развитию. У монголов этот переход состоялся в конце XII в.

не совсем одиноки. Так, в 1173 г. одиннадцатилетний Тэмуджин играл в альчики (бабки) на льду Онона с Джамухой, членом знатного рода племени джаджиратов. Весной того же года они обменялись стрелами и поклялись друг другу в верности, как анды-побратимы. Трогательный обычай побратимства, унаследованный монголами от далеких предков и ставший в XII в. почти анахронизмом, заключался в крепкой и постоянной взаимовыручке. «Анды — как одна душа» — эти слова были ими услышаны от стариков, и они их запомнили на всю жизнь.

118. Братоубийство

И вот начинается пора загадок. В 1178 или 1179 г. Тэмуджин и Хасар убили своего сводного брата Бектера. И главное, из-за чего? Из-за пустяков! Вот на это-то и следует обратить внимание.

Бектер был самым сильным из братьев и, пользуясь своим влиянием на Бельгутея, обращался с Тэмуджином и Хасаром безобразно. Он отнимал у них то пойманную рыбу, то подстреленную птицу, а когда братья жаловались матери, та ханжески укоряла их за то, что они не могут жить в мире с обидчиком.

Однажды Тэмуджин и Хасар подкрались к Бектеру, сторожившему табун, с луками наготове. Бектер, понимая, что обречен, будто бы сказал: «Думаете ли вы о том, с чьей помощью можно исполнить непосильную для вас месть за обиды, нанесенные тайджиутскими братьями? Зачем вы смотрите на меня, будто я у вас ресница в глазу или заноза в зубах?.. В минуты, когда у нас нет друзей, кроме своих теней, нет плети, кроме бычьего хвоста. Не разоряйте моего очага, не губите Бельгутея» (Сокр. ск. § 77) — и, сев на корточки, дал себя застрелить.

Речь эта тем более удивительна, что в ней даже не упомянута причина ссоры — отнятая рыба. Перед лицом смерти обычно говорят то, что думают, и то, что может спасти. Бектер о рыбе и птице забыл, но вспомнил о «тайджиутских братьях», месть которым «непосильна». И вряд ли здесь можно видеть «факт, свидетельствующий о мстительности и жестокости характера будущего Чингисхана», который будто бы видел в Бектере соперника.[760] Эту концепцию старательно навязывал читателям автор «Тайной истории», тенденциозность которой несомненна.[761] О каком соперничестве можно говорить, когда речь идет о четырех мальчиках, против которых настроено могучее племя? Нет, тут что-то иное, гораздо более серьезное.

Судя по словам Бектера, если только они переданы историком правильно, он вполне понимал, что убить его есть за что. Но за неуживчивость не убивают, особенно когда можно просто разъехаться. И еще более странно, что в повествовании нет ни слова о реакции матери Бектера, но приведено древнее проклятие, обрушенное на голову Тэмуджина и Хасара их собственной матерью Оэлун, которая была Бектеру мачехой и не могла любить злого мальчишку, постоянно обижавшего ее сыновей.

Оэлун почему-то все время защищала Бектера, даже когда он был заведомо не прав, и только причитала: «Ах, что мне с вами делать? Что это вы так неладно живете со своими братьями! Не смейте так поступать!» (Сокр. ск. § 76). Похоже на то, что она боялась Бектера и стремилась избежать ссоры любым путем.

Но когда убийство свершилось и Оэлун по выражению лиц сыновей узнала о происшедшем, она обрушила на них проклятие, смысл коего был в том, что нельзя убивать родственника, когда «нет друга, кроме своей тени, нет плети, кроме конского хвоста» (Сокр. ск. § 77—78). Укор сам по себе циничный и, пожалуй, не по существу.

---

[760] См.: Кычанов Е.И. Жизнь Тэмуджина, думавшего покорить мир. М., 1973. С. 30.

[761] См.: Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. С. 237—261.

Теперь попробуем разобраться, откуда автор источника мог знать о последних словах Бектера? Только от его убийц. Последние же не были заинтересованы ни в чем, кроме самооправдания. Значит, они передали потомству то, что считали нужным. Однако если доверять тексту, то Хасар поступил дурно, выстрелив в грудь брата, а Тэмуджин еще хуже, стреляя ему в спину. Полно, так ли просто все это дело? И вряд ли Бектер, доведший своих братьев до исступления, вдруг оказался столь робким и тихим! И почему его брат Бельгутей так спокойно перенес его предательское убийство, что даже не испортил отношений с Тэмуджином? Не слишком ли много вопросов, на которые автор источника не дает ответов?

Можно предложить два варианта истолкования этого странного братоубийства: один — основанный на доверии к источнику, второй — скептический.

Допустим, что Тэмуджин и Хасар убили Бектера за постоянное издевательство, а Оэлун отругала их за то, что они сами лишили себя военного товарища. Но разве можно идти в бой рука об руку с человеком, который даже пойманную рыбу у тебя отнимает? А ну как в бою он выкинет что-нибудь подобное? Ведь это может стоить жизни.

Затем: имеет ли право человек, стремящийся к власти, допускать, чтобы им помыкали? Такая уступчивость обязательно вызывает презрение тех, кто должны были бы быть его последователями. А так как Бектеру ничего нельзя было внушить, то возникает мысль, что его поведение было нарочитым. Тэмуджин подрос и, очевидно, уже стал проявлять способности, которые впоследствии доставили ему престол. Бектер полагал, что ему ничего не грозит. Значит, у него были сильные защитники.

И тут возникают веские основания для скепсиса. А что, если автор источника знал только то, что ему сознательно внушили и чему он искренне поверил? Не было ли скрытой причины для братоубийства, которой не знала даже Оэлун? Такой веской причиной могла быть только измена. Этого монголы не прощали не только в силу характера, но и по догмату своей религии. Врагами Тэмуджина были тайджиуты; следовательно, именно они были заинтересованы в том, чтобы в стане Борджигинов был их лазутчик. Но откуда мог это узнать Тэмуджин? Только от Бельгутея, человека искреннего, простодушного и болтливого. Вот поэтому-то Бельгутей и не негодовал после убийства брата, а Тэмуджин любил его всю жизнь больше, чем родных братьев.

Но если наша догадка правильна, то смерть Бектера не могла остаться неотомщенной. Таков был древний монгольский обычай. Так что же случилось после смерти Бектера или, точнее, из-за нее?

119. Охота на человека

События разворачивались быстро. Оэлун причитала недаром. Глава тайджиутов Таргутай-Кирилтух со своими тургаутами (стражей) нагрянул на становище Борджигинов, но не застал их врасплох. Матери и дети бросились в тайгу и укрылись в укреплении из поваленных деревьев, которое быстро соорудил Бельгутей. Хасар, стреляя из лука, удерживал неприятеля на расстоянии, но тайджиуты не обращали на него внимания и кричали: «Выдайте нам Тэмуджина. Других нам не надо!» (Сокр. ск. § 79). Если до этого могли быть сомнения в том, что Бектер занимался шпионажем, то теперь для них места не осталось. И следил он не за всей семьей, а только за Тэмуджином, потому что на Хасара, также принимавшего участие в убийстве шпиона, тайджиуты внимания не обращали, хотя он стрелял в них. Незаурядность Тэмуджина открылась слишком рано, а это ничего, кроме неприятностей, не приносит.

Тэмуджину оставалось только одно — бежать в горный лес. Чащи на монгольских горах до того густые, что, не зная звериных тропинок, пройти в лес нельзя. Но есть в лесу нечего. И хотя Тэмуджин девять дней переносил голод, ему пришлось спуститься в долину. А там его ждали дозоры тайджиутов, которые привели пленника к Таргутаю-Кирилтуху. Но этот добрый человек опять спас жизнь сыну своего друга. Он «подверг его законному наказанию» (Сокр. ск. § 81), т. е. заменил смерть колодкой на шее и запрещением ночевать

более одного раза в одной юрте. Несчастный мальчик должен был скитаться из юрты в юрту, вымаливая, чтобы его покормили и напоили, потому что колодник не может есть и пить без посторонней помощи.

Тайджиуты полагали, и не без оснований, что юноша, попавший в плен, обязан потерять самообладание и надежду на спасение. Так бы оно и было, если бы Тэмуджин был как все. Но ведь тогда его не стоило бы преследовать.

16-го дня первого летнего месяца, в полнолуние, тайджиуты справляли очередной праздник и, как водится, выпили изрядно. Тэмуджина в этот день сторожил какой-то слабосильный парень, который не принял участия в общей выпивке. Тэмуджин подождал, пока пирующие разошлись спать, и тогда, развернувшись, ударил своего стража по голове той самой колодкой, которая сжимала его шею. Тот упал, а Тэмуджин бросился бежать, сначала в лес на берегу Онона, а потом к реке, где лег на мелком месте, пустив колодку по течению. Парень, сторoживший пленника, очухавшись, закричал: «Упустил я колодника!», и тайджиуты бросились искать беглеца. Луна освещала лес, и было светло как днем. И вот Тэмуджин увидел, что прямо над ним стоит человек и смотрит ему в лицо. Это был Сорган-Шира из племени сулдус, находившегося в подчинении у тайджиутов. Некоторое время они смотрели друг другу в глаза, а потом Сорган-Шира сказал: «Вот за то-то тебя и не любят твои братья, что ты так сметлив. Не бойся, лежи так, я не выдам» — и уехал дальше.

Не найдя беглеца, тайджиуты стали советоваться. Сорган-Шира предложил пройти каждому по своему пути обратно, тщательно осматривая местность, и, проходя мимо Тэмуджина, бросил ему: «Твои братцы тут точат на тебя зубы, но не бойся, лежи» — и проехал.

Нетрудно понять, что поиски результата не дали. Тайджиуты разошлись спать, решив, что человек в колодке далеко не уйдет.

Когда преследователи разошлись по юртам, Тэмуджин вылез из воды и пошел искать юрту Сорган-Ширы. Он легко ее обнаружил по шуму от мутовки при сбивании кумыса. Сорган-Шира был напуган до полусмерти, но его сыновья Чимбай и Чилаун сказали: «Когда хищник загонит пташку в чащу, то ведь и чаща ее спасает». Они сняли колодку с шеи узника и сожгли ее в огне очага, а самого Тэмуджина спрятали в повозке, нагруженной шерстью, поручив заботу о нем своей сестренке Хадаан, наказав ей не проболтаться.

Три раскаленных летних дня и три душные ночи лежал Тэмуджин под грудой шерсти. На третий день тайджиуты, обыскивая все становище, пришли к юрте Сорган-Ширы и стали раскидывать шерсть на телеге. Но Сорган-Шира, побуждаемый вполне понятным страхом, сказал им: «В такую жару разве можно вытерпеть, лежа под шерстью?» Это показалось столь убедительным, что тайджиуты спустились с телеги и ушли.

Поведение тайджиутов как нельзя лучше характеризует образ жизни монгольского кочевья старого типа: полное отсутствие дисциплины и вялое отношение к общественным задачам. Тайджиутские мужи не могли не понимать, что беглец таится где-то близко и убежать пешком не может. Стоило им выставить дозоры, которые бы взяли под наблюдение окрестности кочевья… и пленник был бы пойман. Но вместо этого они вернулись к своим привычным делам, а скорее всего разошлись по домам отдыхать. И не нашлось вождя, который заставил бы воинов преодолеть привычную лень. Это спасло Тэмуджина.

Сорган-Шира постарался как можно скорее отделаться от гостя, который «чуть было не погубил его, словно ветер, развеивающий пепел». Для Сорган-Ширы, как, впрочем, и для всей его семьи, был единственный способ остаться живым: помочь Тэмуджину спастись. Поэтому Сорган-Шира привел яловую саврасую кобылицу, сварил полуторагодовалого ягненка, наполнил водой бурдюк и добавил к этим дарам лук и две стрелы. Но ни седла, ни огнива он не дал Тэмуджину, хотя великолепно знал, насколько нужно в пути то и другое.

Последнее показывает, насколько рискованно было в те времена хранить чистую совесть. Тэмуджина могли настичь на дороге, но тогда Сорган-Шира от своего участия в побеге мог отпереться. Лошадь беглец мог поймать на пастбище, мясо и бурдюк — украсть, потому что малоценные предметы часто оставляли вне юрты. Лук вообще запрещалось

вносить в чужой дом: его клали на верхний карниз входной двери. Утащить лук оттуда не составляло никакого труда. Но седло хранили дома, а огниво носили при себе: обе эти вещи имели вполне индивидуальный облик, что делало их неоспоримыми вещественными уликами. Поэтому Сорган-Шира оставил Тэмуджина без огня и седла, но Тэмуджин никогда этого не ставил ему в вину и даже, став ханом, запретил произносить упреки по адресу своего спасителя.

Сначала Тэмуджин добрался до места, где стояла его разрушенная юрта, а потом по следам нашел свою семью, не чаявшую увидеть его живым. Борджигины двинулись дальше и укрылись на южном склоне хребта Бурхан-Халдун, где их не смогли отыскать тайджиуты. Одно это уже показывает, что Бектер был убит не напрасно: некому стало доносить врагам о местопребывании семьи.

В этом эпизоде привлекает внимание не столько авантюрный сюжет, сколько четкая разница поведенческих стереотипов старого и молодого поколений. Пожилые — Таргутай-Кирилтух, Сорган-Шира и их сверстники — люди добродушные, отзывчивые и довольно инертные. Им легче не сделать, нежели совершить, а начав дело, они его до конца не доводят: убежал Тэмуджин неизвестно куда — ну и пусть его, а нам искать некогда. Это типичная психология обывателя: в деревне, в городе, в степи она одна и та же.

Молодежь этого поколения совсем иная. Не только Тэмуджин и его братья, но и дети Сорган-Ширы инициативны, верны своим принципам, упорны и без страха идут на смертельный риск. Если бы такими были соратники Амбагай-хана, то он не умер бы пригвожденным к деревянному ослу. Его бы либо выручили, либо так отплатили бы чжурчжэням, что отбили бы у них охоту к завоеваниям. И то, что это не единичные случаи, которые бывают постоянно, но редко, мы увидим из дальнейшего описания, посвященного тем годам, когда эти юноши подросли и начали действовать самостоятельно. А пока они питаются тарбаганами да сусликами и копят силы, вернемся к биографии Тэмуджина, единственной освещенной источниками. Это еще не жизнеописание, а рассказ о жизни небогатого монгольского юноши, лишенного поддержки и заступничества, но полного энергии и мужества.

120. Первый дружинник

Мирное и одинокое существование семьи Борджигинов было нарушено внезапной бедой: грабители угнали восемь соловых меринов и скрылись. Тэмуджин бросился в погоню на последней лошади, уцелевшей потому, что Бельгутей ездил на ней охотиться. Погоня по следу продолжалась семь дней, т. е. пришлось проехать около 200 км. В пути Тэмуджин встретил молодого пастуха Боорчу, сына Наху-Байана, вполне состоятельного монгола. Боорчу дал Тэмуджину свежего коня и отправился с ним. Когда же они обнаружили стойбище похитителей и уведенных коней, пасшихся поодаль, Боорчу вместе с Тэмуджином отогнали их. Похитители бросились вдогонку, но друзья скрылись под покровом наступившей ночи.

Добравшись через трое бессонных суток до стойбища Наху-Байана, Тэмуджин предложил Боорчу взять за помощь несколько спасенных коней, но тот отказался. Столь же бескорыстным оказался Наху-Байан. Он даже разрешил сыну присоединиться к Тэмуджину и стать его нухуром, т. е. дружинником. Пока же он снабдил гостя на дорогу бараниной и кумысом. Тэмуджин спокойно достиг кочевья Борджигинов, где его мать и братья извелись от беспокойства: ведь Тэмуджин отсутствовал целых две недели. Боорчу приехал к Тэмуджину на службу некоторое время спустя.

Этот эпизод излагался в литературе неоднократно и гораздо более подробно, с воспроизведением диалогов, которые, в свою очередь, были плодом литературной фантазии автора «Тайной истории», но вне поля зрения комментаторов остались некоторые обстоятельства, на которые следует обратить внимание.

В источнике не названо племя грабителей, хотя невозможно, чтобы оно было

Тэмуджину неизвестно. Кочевье конокрадов отстояло от становища Борджигинов на семь дней пути. Это слишком далеко для случайного вора. Видимо, здесь была целенаправленная акция, но чья? По источнику, Боорчу бросился помогать Тэмуджину только под обаянием его личности. Это допустимо, но странно, что старый Наху-Байан проявил такое бескорыстное участие и отпустил единственного сына в услужение случайному знакомому. Тут что-то не так.

Напрашивается мысль, что личные качества Тэмуджина, вызвавшие ненависть тайджиутов, были известны и представителям других родов. Боорчу принадлежал к племени арулат, считавшемуся одним из коренных монгольских племен. Арулаты происходили от младшего сына Хайду и, таким образом, были в родстве с тайджиутами и Борджигинами (Сокр. ск. § 47). Это обстоятельство дало повод Б.Я. Владимирцову зачислить Боорчу в разряд «аристократов».[762] Однако в перечислении активно действовавших в XII в. племен раздела нирун.[763] арулатов нет. Они упоминаются только в числе родовых подразделений племени урут[764] Поэтому можно предположить, что древность происхождения не означала процветания, скорее наоборот.

Предположение переходит в уверенность при описании становища Наху-Байана: он живет одиноко, аилом, а не куренем. Значит, это один из «людей длинной воли», что куда больше определяет его вкусы и симпатии, нежели туманная генеалогия. Для людей, предоставленных самим себе, знатное происхождение может быть обузой, но никак не подспорьем. Общность судьбы арулатов и Борджигинов была очевидна. Видимо, именно это толкнуло их потомков друг на друга, тем более что Тэмуджин уже стал известен в Великой степи.

А теперь посмотрим на неизвестных врагов Тэмуджина — конокрадов. Они живут куренем — значит, это большое, организованное племя. Они хорошо одеты: красный халат — не овчина, его надо купить. Но доблесть их относительна. Как только они увидели, что в них может попасть стрела, они отстали и прекратили погоню, несмотря на численное превосходство. Либо они не были лично заинтересованы в сохранении украденных коней, либо просто трусоваты, а скорее и то и другое. Главное здесь то, что родоплеменная организация выступает против «людей длинной воли», причем последние только защищаются. Но до каких пор можно обороняться? Рано или поздно придется перейти в наступление.

Что же касается безымянности грабителей, то здесь вина автора «Тайной истории». Умолчание не случайно. Скорее всего это были его родные или очень к нему близкие. Поэтому он решил предать их имя забвению, дабы обеспечить их потомкам покой. Но если так, то это было коренное монгольское племя, ибо иноплеменников автор источника не щадит.

Выходит, что внутренняя борьба раздирала монгольское общество, но партии создались не на основе имущественного ценза или знатности, а вследствие выделения «людей длинной воли» — пассионариев, выброшенных из жизни своими более удачливыми собратьями. Но если это так, то именно такое явление следует именовать пассионарным толчком.

121. Первая жена

---

[762] См.: Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов… С. 77. Обратное мнение см.: Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия… Т. II. С. 408.

[763] См. выше — III. Желтый пес.

[764] Рашид-ад-Дин. Т. I. Кн. 1. С. 184.

Следующим шагом Тэмуджина был его брак с нареченной невестой Бортэ. Когда жених приехал на берег Керулена к хонкиратскому Дай-сэчэну, тот удивился тому, что Тэмуджин еще жив, так как ненависть тайджиутов к нему получила широкую огласку. Но хонкираты были достаточно самостоятельны, чтобы не считаться с тайджиутами. Они были другой «иргэн», т. е. субэтнос монгольского этноса, столь же древний и столь же сильный, как и тайджиуты.[765] А так как соперничество соседей — явление обычное, то Дай-сэчэн еще и «обрадовался» (Сокр. ск. § 94). Обручение состоялось по всем правилам, мать невесты проводила ее в семью мужа и подарила ей соболью доху. А это и по тем временам была огромная ценность.

Вряд ли можно осуждать Тэмуджина за то, что он тут же отобрал у молодой жены эту доху и повез ее кераитскому хану Тогрулу в подарок. Тэмуджин знал психологию своих современников. Неблагодарность не была свойством монголов, но услуги, оказанные Тогрулу, успели забыться, а покровительство молодому отверженцу было крайне необходимо. Расчет оказался правильным. Тогрул растрогался, вспомнил былую дружбу с Есугеем и обещал Тэмуджину собрать его рассеянный улус (Сокр. ск. § 96).

Поддержка и покровительство самого сильного хана Монголии сразу изменили положение Тэмуджина. К нему пришел старый кузнец из рода Урянхадай и привел сына в услужение. Это был второй нухур Тэмуджина, Джэлмэ. Ему не пришлось пожалеть о поступке своего отца.

Но не только Боорчу и Джэлмэ умножили число сторонников Тэмуджина, хоть автор «Тайной истории» больше никого не упомянул. За два года (1179 и 1180) сторонниками Тэмуджина стали около 10 тыс. воинов. Они группировались вокруг его Ставки в верховьях Онона,[766] по-видимому, рассеянно, как подобало «людям длинной воли». Как только весть о милости кераитского хана к Тэмуджину распространилась по Великой степи, эти люди объявили себя сторонниками нищего царевича. Соболья доха окупилась сверх меры.

По сути дела, Тэмуджин не стал ни ханом, как Тогрул, ни вождем племени, каким был его отец, ни даже богатым человеком, потому что никто из новоявленных сторонников не был его данником или слугой. Тэмуджин стал знаменем создававшейся, но еще не оформившейся партии, человеком, от которого ждали многого, но не давали ему ничего. Положение его стало еще более острым. И неприятности не замедлили воспоследовать.

122. Степная вендетта

Обычно беда приходит неожиданно и не оттуда, откуда ее ждут. Тэмуджин и его родня летом 1180 г. ожидали нападения тайджиутов. Поэтому они откочевали с Онона на истоки Керулена, подальше от своих недругов. Но это не помогло.

Однажды ранним утром, «когда начинает желтеть воздух» (Сокр. ск. § 98), Хоахчин, служанка «матушки» Оэлун, услышала, как от конского топота дрожит земля. Решив, что это едут тайджиуты, она немедленно разбудила хозяев. Те подготовились встретить именно их: поймали девять лошадей, пасшихся неподалеку, и сели: Оэлун с дочкой Тэмулун на одну лошадь, Тэмуджин на другую, затем Хасар, Хачиун, Тэмугэ, Бельгутей, Боорчу и Джэлмэ, а одну лошадь оставили заводной, так что Бортэ лошади не досталось.

Остановимся и подумаем, не слишком ли помыкал Тэмуджин молодой женой? И доху он у нее отнял, и во время набега врагов покинул. Хорошо ли это? И если это было так, то

---

765 См.: Владимирцов Б.Я. Указ. соч. С. 79.

766 Джамуха упоминает одну тьму из «людей анды» (Сокр. ск. § 106). Тогрул не был андой Джамухи, следовательно, имеется в виду Тэмуджин. В «Алтан-Тобчи» это упоминание опущено. Так как «люди анды» упомянуты без племенной принадлежности, то ясно, что это были отщепенцы, т. е. «люди длинной воли». Онон берет начало на восточных склонах Хэнтэя, покрытых лесом, — удобное укрытие для тех, кто вынужден прятаться.

почему именно Тэмуджин снискал в столь молодые годы преданность и симпатии одних и зависть и ненависть других? В чем тут дело?

Напомним, что Борджигины ждали набега тайджиутов, своих соплеменников и даже родичей. В те времена в семейных стычках женщине из чужого иргэна ничто не грозило. А Бортэ была хонкиратка по крови, на что факт замужества не влиял. Если бы нападавшие были тайджиутами, то Бортэ вместе со старой Хоахчин и матерью Бельгутея, Сочихэл, пересидела бы набег в юрте, но напали не тайджиуты, а меркиты. Они проделали путь свыше 300 км,[767] чтобы захватить Борджигинов врасплох, и своей цели почти достигли. Однако настороженность и привычка быть преследуемыми сказались… и Борджигины скрылись на горе Бурхан, в лесистом Хэнтэе. Предусмотрительная Хоахчин решила, что хотя тайджиуты Бортэ не убьют, но молодые воины для красивой женщины всегда опасны. Поэтому она скрыла Бортэ в крытом возке, запрягла в него пестрого быка и поехала к бору, темневшему на склонах долины в первых лучах рассвета. Однако воины обыскали возок, нашли Бортэ и увезли всех трех женщин, говоря, что это воздаяние за похищение Оэлун Есугеем.

Похищения меркитам было мало. Они бросились искать Тэмуджина. Но в лесной чаще, «где сытому змею не проползти» (Сокр. ск. § 102), меркиты оказались бессильны. Бросив бесплодную погоню, меркиты повернули коней домой.

Тэмуджин послал на разведку Бельгутея и Боорчу. Те следили за меркитами трое суток и выяснили, что это были три племенных вождя: Тохта-Беги, Даир-Усун и Хаатай-Дармала — во главе трехсот всадников. Набег их был интерпретирован как месть за похищение Оэлун, но уж очень она запоздала: на целых 20 лет! И почему меркиты так искали в лесной чаще Тэмуджина? Видимо, им было нужно его убить, но для чего?

То, что непонятно нам, было ясно современникам событий, и в первую очередь самому Тэмуджину. В молитве или речи, произнесенной им после ухода меркитов, звучат трагические ноты: «Бурханхалдуном (название горы, поросшей лесом в Хэнтэе) изблевана жизнь моя, подобная жизни вши… защищена жизнь моя, подобная жизни ласточки. Великий ужас я испытал» (Сокр. ск. § 103). И он повелел потомкам поклоняться этой горе как святыне.

Самое удивительное, что никто из монголов XII—XIII вв. не расценил поведение Тэмуджина как трусость или слабодушие. Наоборот, бегство в горы рассматривалось как подвиг, а пленение покинутой жены — как неприятность, не более. Видимо, была немалая разница между племенной борьбой внутри монгольского этноса и войной с меркитами, которые монголами не были, но соперничали с монголами за место под солнцем. Для того чтобы уяснить разницу между войной на уровне этноса и войной на уровне суперэтноса, вспомним судьбу двух Наполеонов — III и IV. Первый после капитуляции в Седане был освобожден и коротал конец жизни в Англии, второй, попавшись зулусам, был тут же заколот ассегаями.

Но даже не просто опасность для жизни, а что-то большее имело значение для Тэмуджина. Это будет видно из того, что похищение Бортэ вызвало те же последствия, что и похищение Елены Спартанской Парисом. Только монголы оказались куда оперативнее ахейцев, и война не затянулась.

123. «Троянская война» на селенге

Тэмуджин не терял ни минуты. Сразу же после набега меркитов он поехал к Тогрулу в его Ставку Темный Бор, на берегу Толы, рассказал о случившемся и просил помощи. Доха и тут решила дело. Тогрул ответил, что в благодарность за черную доху он предаст огню всех меркитов, возвратит Бортэ, выставит для этой цели две тьмы (20 тыс. сабель), но предложил

---

[767] От среднего течения Селенги до истоков Керулена (восточный склон Хэнтэя) — 300 км по прямой. Но если учесть неизбежные изгибы дороги, то будет в 1,5—2 раза больше.

немедленно обратиться к Джамухе, вождю джаджиратов, побратиму Тэмуджина, чтобы тот привел тоже 20 тыс. всадников для образования левого крыла, и назначил место встречи (Сокр. ск. § 104).

Кажется удивительным и то, что против 300 меркитов, участвовавших в набеге, мало 20 тыс. кераитов, и то, что Тогрул ставит выполнение своего обещания помогать Тэмуджину в зависимость от позиции вождя джаджиратов Джамухи. Джаджираты входили в раздел нирун, так как происходили от сына одной из жен Бодончара, которую тот захватил беременной. Бодончар ребенка усыновил. Потомком этого мальчика был Джамуха-сэцэн.

Юридически джаджираты считались равноправными с другими монгольскими племенами, но оттенок неполноценности из-за сомнительной генеалогии родоначальника лежал на них нетяжелым, но противным бременем. И вот теперь от позиции их вождя зависела судьба военной операции, по масштабу равновеликой среднему Крестовому походу. Приходится признать, что прямые данные источников по нашей проблеме создают у читателя не только неполное, но и искаженное представление о действительной расстановке сил в Монголии XII в.

Тэмуджин послал к Джамухе Хасара и Бельгутея напомнить о принадлежности к одной большой семье, передать обращение Тогрула и просить выставить 20 тыс. воинов для освобождения Бортэ. Все это выглядит похожим на мобилизацию ахейских базилевсов для возвращения Елены Прекрасной, с той лишь разницей, что Елену спасали вопреки ее желанию.

Мотив, по которому Джамуха должен был поднять в поход свой народ, — только общемонгольский патриотизм. Однако этого оказалось достаточно. Джамуха согласился привести одну тьму, а вторую составить из «людей анды», т. е. Тэмуджина (Сокр. ск. § 106). На том и порешили.

Тэмуджин послал уведомление кераитам и через некоторое время соединился с Тогрулом и его братом Чжа-гамбу (тибетский титул, присвоенный этим принцем). Как ни странно, войска Тэмуджин не привел, но когда союзники с трехдневным опозданием прибыли к месту встречи, то Джамуха их ждал во главе двух тумэнов — своего и тэмуджиновского. Видимо, влияние джаджиратского вождя среди монголов было больше, чем у кого бы то ни было. И когда Джамуха взял на себя составление диспозиции и командование, то против такой инициативы никто не возразил.

Тумэн (букв. 10 тыс. воинов) — число условное: часто эти дивизии были в неполном составе. Даже в этом случае монголов и кераитов было около 30 тыс., т. е. в 100 раз больше, чем напавших меркитов. Но и при таком численном перевесе монголы стремились использовать фактор внезапности. Надо думать, за спиной у меркитов были большие силы из людей, настроенных к монголам дурно, и монголы это знали. Видимо, меркиты были не монголы или тюрки, а тогда остается только самодийская группа, к коей их и следует причислить.[768]

И ведь вот что любопытно: огромная армия, равная тем, с которыми Чормагун завоевал Иран, а Батый прошел насквозь через Русь, была приведена в действие не для покорения меркитов, а, согласно официальной версии, для возвращения трех пленных женщин. Хотя Джамуха и заявляет, что «налетим и в прах сокрушим… весь народ до конца истребим» (Сокр. ск. § 105), но это похвальба. Ниже мы увидим, что никто из четырех воевод к достижению этой цели не стремился. Наоборот, к походу готовились чрезвычайно тщательно, но крайне быстро, чтобы сохранить преимущество внезапности.

А меркиты почему-то контрудара не ждали. Трудно объяснить это легкомыслие их вождей, потому что впоследствии Тохта-Беги и Даир-Усун проявили себя как незаурядные полководцы. Они рассредоточились, очевидно не предполагая, что Тэмуджин сможет поднять против них своих соплеменников. Это их погубило.

---

[768] См.: Грумм-Гржимайло Г.Е. К вопросу о разделении монголов на восточных и западных. Л., 1933.

Монголо-кераитская армия выступила из урочища Ботогон-Борчжи (с верховий Онона), когда полынь пожелтела, рыбаки приступили к осеннему лову, а охотники — к промыслу соболя (Сокр. ск. § 105, 109). Быстро добравшись до реки Хилок, монголы были вынуждены переправляться не вплавь, что было бы скорее, а на плотах, чтобы промокшие люди не застыли на ветру. Здесь они потеряли темп наступления, а меркитские рыбаки и охотники, завидев подходившего к реке врага, бросили свои занятия и поскакали, чтобы предупредить своих соплеменников. Благодаря этому Тохта-Беги и Даир-Усун, а также весь меркитский улус в панике бежали вниз по долине Селенги. Счастливым удалось спастись в «Баргуджин», т. е. за Байкал.[769]

Отставшим пришлось плохо. Монголы настигли убегавших меркитов в лесистых низовьях Селенги ночью. Кераиты и монголы «гнали, губили и забирали в плен беглецов» (Сокр. ск. § 110). Исключение составил сам Тэмуджин. Он обогнал толпу бегущих и громко кричал: «Бортэ, Бортэ!» Она услышала его крик, соскочила с телеги вместе со старухой Хоахчин, и обе женщины ухватились за поводья Тэмуджинова коня. Тут Тэмуджин послал нухуров к Тогрулу и Джамухе с просьбой прекратить преследование. Это спасло многих меркитов. Видя, что резня прекращена, они тут же расположились на ночлег.

Меркитам в ту ночь угрожали не только монгольские сабли. Осенняя тайга сулила старикам и детям смерть от утомления и холода (развести костер и обогреться, чтобы не выдать себя врагу, нельзя). Поэтому прекращение преследования было равносильно помилованию: те, кто мог и хотел бежать, получили эту возможность. Среди последних был богатырь Чильгир, которому отдали плененную Бортэ в наложницы. Его не преследовали. Как ни странно, от монголов бежала мать Бельгутея — Сочихэл. Она не пожелала даже увидеть сына, который нашел ее дом. Когда Бельгутей открыл правую дверь, его мать, накинув рваный тулуп, вышла в левую, только чтобы не видеть сына. Разъяренный Бельгутей стал стрелять в сдавшихся меркитов и перебил тех, что сделали набег на гору Бурхан. После того как его уняли, родственниц убитых разделили победители: миловидных — в наложницы, прочих — в домашнюю прислугу.

А потом, как некогда ахейские цари ушли от развалин Трои, монгольские вожди разошлись по домам. О территориальных приобретениях не было и речи.

124. Первенец

Испытание, посланное Тэмуджину судьбой, не окончилось с возвращением любимой жены. Бортэ вернулась беременной и вскоре родила сына — Джучи. Тэмуджин признал его своим сыном и заявил, что Бортэ попала в плен уже беременной. Но сомнения грызли и отца, и сына. В семье и Ставке роились сплетни, которые преследовали Джучи до самой смерти. Даже родной брат Джагатай в присутствии отца назвал царевича «наследником меркитского плена»[770] (Сокр. ск. § 254), чем вынудил того отказаться от претензий на наследие престола в пользу младшего брата, Угэдэя.

Официальная история монголов, версия которой воспроизведена Рашид-ад-Дином, не могла обойти молчанием этот общеизвестный факт, который к тому же показывает, сколь беззащитен был в молодости будущий великий завоеватель. Для нас, людей XX в., такой подъем от бедности до вершины власти кажется замечательным явлением, но для людей

---

[769] Г. Ксенофонтов в своем замечательном труде «Уранхай-сахалар» (Иркутск, 1937) поясняет, что «Баргуджин» означало Забайкалье. Для монголов, шедших с востока, это была земля западнее озера — Балаганская степь у верховий Ангары. Е.И. Кычанов ошибочно полагает, что победители закончили свой поход у слияния рек Орхона и Селенги (см.: Кычанов Е.И. Жизнь Тэмуджина… С. 39); тогда им не пришлось бы форсировать Хилок.

[770] Палладий переводит: «Принесен от рода Мерки» (Палладий. С. 143); С. Калужинский пишет: «Merkickiej podrzutok» (KaluzynskiSt. Tajna historia mongolow. Warszawa, 1970. S. 165).

XIV в. трудно было признать, что народ не ценил своего будущего вождя и не помогал ему. Поэтому Рашид-ад-Дин опускает пленение Бортэ и ее спасение из истории подвигов хана Чингиса, но вводит этот эпизод в биографию Бортэ, являющуюся примечанием к его книге. Делает он это крайне осторожно, употребляя оборот, с помощью которого в персидской историографии намекают на отсутствие достоверности сказанного: «Утверждают следующее», а ответственность за переданное пусть лежит на тех, кто «утверждал».

Якобы меркиты увели в плен беременную Бортэ и отдали ее кераитскому хану, а тот вернул ее вместе с новорожденным сыном Чингису.[771] Тенденциозность версии очевидна.

В этих сложных обстоятельствах Тэмуджин показал то величие духа, которое затушевали и официальная, и «тайная» истории. Первая лакировала образ Тэмуджина, пока не превратила его в куклу, а вторая собирала сплетни и сдабривала ими повествование.

Вдумаемся не в слова, а в суть дела. Тэмуджин проявил великодушие, пощадив меркитов, за исключением одного из трех вождей набега, Хаатай-Дармалы, которому надели колодку и увезли судить на место преступления, т. е. на гору Бурхан. Сына признал, жену не попрекал, друзей — Тогрула и Джамуху — поблагодарил и, самое главное, не велел разыскать обидчика Чильгира и свою мачеху Сочихэл. Вопрос с последней очень сложен. Будто бы она мотивировала свое бегство от любящего сына Бельгутея тем, что ей стыдно «смотреть в глаза детям», которые «поделались ханами», а она мается с простолюдином, который только месяц прожил с ней. Ой, врет баба! Ни Бельгутей не сделался ханом, ни она не успела бы привыкнуть к похитителю за столь краткий срок. А стыдно ей действительно было потому, что без помощи кого-то из Борджигинов меркиты не смогли бы найти их Ставку. Но если Сочихэл приняла миссию своего старшего сына, Бектера, то понятны и целенаправленный набег меркитов, и ее привязанность к новому мужу, и бегство в тайгу, потому что она боялась — не раскрыта ли ее предательская роль? Но честный и искренний Бельгутей не подозревал свою мать, поэтому он был в отчаянии, потеряв ее.

Да, тяжела была доля Тэмуджина, окруженного лжецами и предателями! И с каким достоинством он ее нес, не дав понять Бельгутею, которого он любил, чем занимались его брат и мать! Такая выдержка ради стремления к цели и есть характерная черта пассионарного человека.

125. Смена поколений

А теперь поставим вопрос иначе: что думали меркитские вожди, бросая 300 всадников в набег на целый народ? Как могли они не ждать контрудара? А ведь они не приняли никаких мер предосторожности. Простительно ли такое легкомыслие?

Однако вспомним, как вели себя монголы 20 лет назад, когда они потеряли Амбагай-хана, предательски выданного татарами на казнь. Выбрали нового хана и напились. А после смерти Есугей-багатура разграбили имущество его сирот. Сирот! Таких врагов меркиты не опасались.

Но прошли годы, и число пассионариев в популяции возросло — соответственно изменился и характер этноса. Равнодушие перестало быть нормой поведения. Более того, оно стало презренным. За обиду одной монголки 40 тыс. воинов сели на коней, и уговаривать их было не нужно. Конечно, не все они искали выхода обуревавшей их энергии. Наверно, многие из них могли бы, подумав, остаться дома и есть жирную баранину, но думать им было некогда. Энергичные и горячие энтузиасты в их среде создали такое настроение (или такое напряжение биополя этносоциальной системы), что оставаться в юрте стало позорно. А после того как воины встали в строй, их вовлекла лавинообразная инерция системы, приведенной в движение, остановить которое до достижения цели мог только равновеликий встречный удар.

---

[771] Рашид-ад-Дин. Т. I. Кн. 2. С. 68—69.

Могли ли предвидеть это меркиты? Конечно, нет! Ведь сами они жили северо-западнее ареала пассионарного толчка, и у них молодое поколение воспроизводило стереотип поведения старого. Меркиты были храбры, выносливы, метко стреляли из луков, были верны старейшинам, но этого мало для того, чтобы успешно сражаться с противником, способным на то же самое плюс сверхнапряжение.

Итак, пассионарность Тэмуджина была созвучна настрою многих его сверстников. Благодаря стечению обстоятельств — сочетанию происхождения и таланта, мужества и ума — Тэмуджин стал нравиться людям нового склада, а те, в свою очередь, были симпатичны ему. Но для того чтобы привести инертную систему в иное состояние, нужно было хоть маленькое потрясение. Так иной раз не закипает перегретая вода, пока кто-нибудь не помешает ее: тогда кипение идет бурно.

Таким «помешиванием» оказался поход на меркитов. «Люди длинной воли» вдруг поняли, что поддержать симпатичного царевича можно, только рискуя жизнью. Риск же был их стихией. И тогда начался процесс, который стимулировали кераитский хан и джаджиратский вождь, видимо не предполагая, к чему это приведет. Но они были не одиноки. Есть аутентичное сведение, хотя и анонимное, но заслуживающее доверия: «В то время существовал некий мудрый и проницательный старец из племени баяут. Он сказал: Сэчэ-бики из племени кият-юркин,[772] имеет стремление к власти, но это дело не его. Джамуха-сэчэну, который постоянно сталкивает друг с другом людей и пускается в лицемерные ухищрения различного рода[773] чтобы продвинуть свое дело вперед, это также не удается. Джучибэра, иначе говоря, Джучи-хасар, брат Чингиса, тоже имеет такие же стремления. Он рассчитывает на свою силу и искусство метать стрелы, но ему это также не удастся. У Алак-Удура из племени меркитов, обладающего стремлением к власти и проявившего известную силу и величие, также ничего не получится. Этот же Тэмуджин, т. е. Чингисхан, обладает внешностью, повадкой и умением для того, чтобы главенствовать и царствовать, и он, несомненно, достигнет царственного положения.

Эти речи он говорил, согласно монгольскому обычаю, рифмованной иносказательной прозой».[774]

Старец из племени баяут перечислил далеко не всех претендентов на исключительное положение в монгольском обществе конца XII в. Был еще кераитский царевич Илха-сенгун; был жрец «черной веры» Кокочу, присвоивший себе титул Тэб-Тэнгри — Образ Неба,[775] чуть было не осуществивший государственный переворот в 1206 г.; был найманский принц Кучлук, биография которого могла бы стать сюжетом приключенческого романа; был Тохта-беги, меркитский вождь, отдавший свою жизнь и жизнь своих сыновей за свободу своего племени; были Джэбэ — искусный стрелок, Субутай — замечательный стратег, Шики-Хутуху — первый монгольский грамотей и многие другие, имена коих не сохранила история. Это показывает, что не личные способности Тэмуджина, добрые или злые, послужили причиной грандиозных событий, связанных с его именем. Больше того, когда Чингис очутился в чжурчжэньском плену,[776] видимо около 1185—1196 гг., процесс нарастания пассионарности не прекратился и в 1201 г. перешел в решительную борьбу, гораздо более ожесточенную, чем феодальные и межгосударственные войны. Это было начало

---

[772] Это был предок Мамая, а его род соперничал с Борджигинами.

[773] О двойственности поведения Джамухи см.: Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. С. 261 и след.

[774] Рашид-ад-Дин. Т. I. Кн. 2. С. 119.

[775] В персидском переводе — Бут-Тэнгри.

[776] Мэн-да Бэй-лу. С. 49.

монгольской истории.

XX. Яса и борьба с ней

126. Год свершения

После набега на меркитов полтора года не происходило никаких заметных событий, потому что энергия закономерностей набухала. Прошу простить применение этого отнюдь не научного термина, но он наиболее адекватно отражает направление процесса, описать который наконец необходимо.

Весной 1182 г. анды Тэмуджин и Джамуха почему-то рассорились и разъехались.[777] Смысл этой размолвки, оказавшейся роковой для всей Евразии, был неясен даже автору «Тайной истории монголов». Он сообщает об этом эпизоде сбивчиво и невнятно.[778] Ясно одно: через сутки после того, как побратимы поссорились, к Тэмуджину стали стекаться монгольские богатыри, как будто они этого момента специально ждали, а Джамуха остался нойоном своего племени, пребывая в дружбе с нойонами соседних племен.[779]

Очевидец перечислил поименно 29 батуров (Сокр. ск. § 120), из коих пять привели своих сыновей и братьев. Если этих родственников было по 5—6, то окажется 50—60 человек — число недостаточное для организации державы. Однако это было ядро будущего государства, т. е. первичная консорция, из которых вырастают суперэтносы. У Мухаммеда в начале его деятельности было всего 43 последователя,[780] а у Игнатия Лойолы — 6. При этом нельзя утверждать, что 29 богатырей были пассионарны. Субпассионарии тоже трудно уживаются в жестких системах родовых общин — куреней, но так как бежать из них рискованно, то они терпят унижения ради покоя. Когда же создалась Орда,[781] пусть небольшая, они стали примыкать к ней, сознательно предавая своих родственников. Образцом такого психического склада был старец Хорчи, отделившийся от Джамухи вопреки всем моральным нормам (Сокр. ск. § 121) и предрекший Тэмуджину царскую власть.[782] За это он потребовал обещания не только поставить его нойоном-темником, но и дать ему в жены тридцать красавиц и слушать его советы. Это никакой не пассионарий, а предатель, подхалим и шкурник, и, вероятно, он был не один. Но когда начинается лавинообразный процесс, то он неизбежно втягивает в свое русло разных людей.

А как же «тьма (тумэн) из улуса анды», т. е. Тэмуджина? Очевидно, это племя, связанное с Борджигинами, их можно было пригласить для похода на меркитов как

---

[777] Сокр. ск. § 118.

[778] См.: Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. С. 156—157.

[779] Спор о классовой природе внутренней борьбы в Монголии (1183—1218 гг.) был между В.В. Бартольдом, считавшим Тэмуджина аристократом, Г.Е. Грумм-Гржимайло, отрицавшим это, и С.А. Козиным, видевшим вождя аристократии в Джамухе (см.: Якубовский А.Ю. Из истории изучения монголов периода XI—XIII вв. // Очерки по истории русского востоковедения. М., 1953. С. 31—95; Гумилев Л.Н. Указ. соч. С. 161 и след.).

[780] См.: Мюллер А. Указ. соч. Т. I. С. 67.

[781] Слово «орда» значит «ставка хана», но в переносном смысле это эквивалент латинскому «ordo» — орден, т. е. упорядоченный стан (см.: Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 60).

[782] Хорчи утверждал это, ссылаясь на видение, даже не сон. Якобы рыжая корова рогами раскидала юрту Джамухи и хотела забодать его самого, а комолый вол, везший юрту Тэмуджина, мычанием предрек Тэмуджину царство. Хорчи ему поверил и покинул родственника — Джамуху.

ополчение: после похода они расходились по домам. Драться они могли, но войском не были. Именно отсутствие войска делало монголов беззащитными перед регулярной армией чжурчжэней. Здесь же мы обнаруживаем хоть и небольшой, но дисциплинированный отряд. Это поняли главы некоторых куреней, которые пожелали примкнуть к орде Тэмуджина. Таких нашлось 6, в том числе потомки ханов: Алтан-отчигин, сын Хутула-хана, Хучар-беки, сын Некун-тайджи, Даритай-отчигин, сын Бартан-багатура и главы племени чжурки, считавшегося одним из самых сильных в Монголии: Сэчэ-бики и Тайчу. Вспомним, что Сэчэ-бики назван выше одним из претендентов на престол.

Шестым был Ханум из рода Гэнигэс. «Посоветовавшись между собой, Алтан, Хучар, Сэчэ-бики и прочие» поставили Тэмуджина ханом, обещав ему за это выделять половину военной и охотничьей добычи и соблюдать воинский устав, согласно которому за непослушание в военное время полагалась смертная казнь, а в мирное — ссылка на север, в Сибирь. Титулом хана было избрано имя — Чингис. Этносоциальная система усложнялась.

Примечательно, что здесь не было еще народа-войска, собравшегося на курултай. Чингис воспринимался как первый между равными. Однако нойонам пришлось считаться с тем, что особу хана окружали не они, а богатыри. Тэмуджин последних явно предпочитал и больше им доверял. Что же толкнуло нойонов от былой независимости к добровольному подчинению — источник не сообщает. Видимо, Джамуха чем-то вызвал у них недоверие и вражду, но у него осталось еще много сторонников, а детали взаимоотношений между монгольскими нойонами нам неизвестны. Ясно одно: с обеих сторон были и аристократы, и народные массы.

127. Образование ханства

Государство — институт не этнический, а социальный. Возникая при первобытно-общинном строе, оно может охватить один этнос целиком, или несколько соседних этносов, или часть своего этноса, так как две системы отсчета — социальная и этническая — не совпадают.[783] «Аристократы» и «демократы»-багатуры, которых объединяло только стремление к смене старого, прогнившего родового строя на более справедливый, предложили Тэмуджину стать их предводителем с титулом «хаган» (хан), подразумевая под этим только несение военно-административных обязанностей.

Эти люди были аналогией тюркских беков, военных вождей «черной кости» (кара-сеок)[784] у средневековых казахов, унаследовавших чингисовскую военную систему, сложившуюся именно в конце XII в. и отнюдь не повторившую ни хуннскую, ни тюркютскую, ни уйгурскую; хотя некоторые титулы тюрков были заимствованы найманами, кераитами и монголами, однако они приобрели у них иные смысловые оттенки, потому что наряду с обывателями в Орде жили степные богатыри — «люди длинной воли», наиболее близкие к хану. Именно благодаря им Тэмуджин стал Чингисом, а термин «хан» получил новое значение — государь.

Термин «кауау» зафиксирован в истории Восточной Азии сравнительно поздно — в III в. н. э. Хунны и южные сяньби называли своего правителя шаньюй, а слово «хан» отмечено китайскими географами у народа тоба, или табгач. Значение этого титула — военный вождь и первосвященник — по смыслу и звучанию совпадает с дакотским словом «waqan» и, видимо, является отголоском американо-сибирских связей, имевших место на рубеже н. э., до того как эскимосы пресекли общение индейцев с сибирскими народами,

---

[783] См.: Гумилев Л.Н. Гуманитарные и естественнонаучные аспекты исторической географии // Экономическая и социальная география. Л., 1984. С. 51.

[784] Черный цвет отнюдь не считается унизительным. Бон — черная вера, точнее, темно-синяя, ибо в высоких горах небо кажется почти черным; Кара-будун — черный народ в смысле «весь, целый».

причем прослеживалось проникновение американоидов через Берингов пролив в Сибирь, а не наоборот.

В I тысячелетии титул «каган» (или хан) распространился по всей степной зоне Евразии. Так именовались правители тюркютов, действительно бывшие царями-жрецами; уйгуров — до принятия ими манихейства, ограничившего власть хана; хазар, пока еврейская община не перехватила инициативу и не превратила хана в марионетку. Ханами были правители авар, болгар, венгров и даже русов: этот титул носили Владимир Святой, Ярослав Мудрый и, наконец, его внук — Олег Святославич. Но при таком широком распространении смысловые нюансы неизбежно варьировали. В начальном виде значение термина помнили, пожалуй, только монголы, хотя, как было показано выше, не придавали титулу «хан» большого значения. Потому они избрали ханом человека небогатого и невлиятельного, хотя из знатного рода. Это была их ошибка, за которую они заплатили жизнью.

Теперь можно вернуться к вопросу о том, чьи интересы представлял Чингис: аристократии (по В.В. Бартольду) или демократии (по С.А. Козину),[785] но прежде поставим другой, предваряющий, вопрос: а были ли в Монголии XII в. «аристократы» и «демократы»? По происхождению все монголы были равны, ибо предками их были Пестрая Лань и Серый Волк. Богатство преходяще: оно то есть, то потеряно. Влияние в племени зависит от личных качеств, а не от социальной принадлежности. Думается, что сама постановка вопроса неправомерна. Она как бы механически переносит коллизии Западной Европы, где действительно была аристократия из победоносных франков и демократия из покоренных галло-римлян во Франции и саксов в королевствах Германии и Англии, на Великую степь. Стоит ли отказывать этносам в праве на оригинальное развитие? Нужно ли подгонять их историю под рамки тех периодов, которые привычны для немца или француза? Именно это пытались проделать над историей Византии и Руси немецкие историки и их русские последователи в XIX в. Гордые греки с презрением отвергали сопоставление своей высокой культуры с диким Западом, а наши предки робко, но упрямо заявляли: «Мы хотим по-своему пахнуть».

Надо полагать, что целесообразнее не искать сходство Монголии с Францией, а учитывать их различия, особенно очевидные в аспекте географии времени, или палеогеографии голоцена, куда входит и этносоциальная история как необходимый компонент.

Поскольку в Чингисовой Орде, не традиционной, а возникшей вопреки традиции, главную роль играли добровольцы, то им было необходимо объяснить цель и смысл дела, за которое надо было отдавать «труды и силы». Иными словами, им была нужна простая и желанная программа. Тэмуджин, испытавший на себе половину тягот своих соратников — вторую половину ему еще предстояло испытать, — великолепно понимал, что они хотят двух вещей: справедливого вознаграждения за заслуги, без учета родового старшинства, обычно сводившегося к непотизму (покровительству родственникам за счет героев), и мира! Да-да, вселенского мира,[786] при котором можно было бы жить не в тесных куренях, а в аилах, выпускать скот ночью на пастбище и спокойно спать в герах (юртах), не ожидая внезапного нападения чжурчжэньских или меркитских головорезов, а также их наемников — татар.

Первое желание было выполнено, потому что всецело зависело от характера хана, но второе порождало диалектическое противоречие: мира должны хотеть обе стороны, в противном случае он недостижим.

Меньшим, но все же существенным препятствием к установлению мира на границах была принятая в то время форма дипломатических посланий. Этикет требовал, чтобы хан

---

785 См.: Якубовский А.Ю. Указ. соч. С. 65—88; Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. С. 238—239.

786 См.: Вернадский Г.В. О составе Великой Ясы Чингисхана. Брюссель, 1939. С. 13.

выступал как миродержец и диктовал народам свою волю. Так же составляли свои ноты все тогдашние суверенные государи: германские императоры, греческие базилевсы, арабские халифы и китайские «сыны Неба». Когда эта манера выражения воспринималась буквально, возникали эксцессы, часто кровавые. Послов убивали, а за гостеубийство монголы шли в карательные походы. Да и не могли не идти, ибо их этническая психология была основана на принципе взаимовыручки и признания юридической ответственности коллектива за все поступки его членов. Хан не мог поступать вопреки сложившемуся стереотипу поведения, даже если бы он этого желал. Но ведь он сам был членом этого коллектива, думал и чувствовал так же, как его ратники, а следовательно, неизбежно вступал в войны ради обеспечения приемлемого мира. Увы, незнание соседей и невнимание к их особенностям иногда дорого стоили легкомысленным правителям и их невежественным подданным, полагавшим, что их задача — только подчинение султанам, королям, царям и князьям. Но об этом пойдет речь ниже, а пока отметим, что члены разных этносов реагируют на одинаковые возбуждения разнообразно. Если монголы XIII в. не мыслили, что предательство может остаться безнаказанным, и справедливости ради уничтожали население городов, где были убиты их послы, то переднеазиатские мусульмане считали убийство посла пустяком, из-за которого не стоило волноваться, а «франки» — европейцы, пошедшие в Крестовые походы, — не считали нужным кормить своих воинов, из-за чего последние голодали, будучи вынуждены покупать пищу у венецианцев по повышенным ценам, в то время когда их герцоги давали роскошные пиры и балы. А южные китайцы — чиновники и помещики — так прижали своих подчиненных, что вынуждали их бежать в джунгли и составлять банды, жертвами коих становились сами. Доказательство последнего читатель найдет в популярном романе «Речные заводи» (XII в.). Скажу только, что для ликвидации этих банд потребовалась военная операция, которой руководил лучший из китайских полководцев, Йо Фэй, позднее казненный не за неудачи, а за победы, вызвавшие зависть придворных интриганов. Таков был мир перед началом Монголии.

128. Программы

Какова была позиция Тэмуджина, после того как его избрали ханом с громким титулом «Чингис», можно судить только по его предсмертным заявлениям, приведенным в официальной истории и опущенным в «тайной». Чингис, по словам Рашид-ад-Дина, высказывался так: «У степных народов, которых я подчинил своей власти, воровство, грабеж и прелюбодеяние составляли заурядное явление. Сын не повиновался отцу, муж не доверял жене, жена не считалась с волей мужа, младший не признавал старшего, богатые не помогали бедным, низшие не оказывали почтения высшим, и всюду господствовали самый необузданный произвол и безграничное своеволие. Я положил всему этому конец и ввел законность и порядок».[787]

Это очень важная характеристика того перелома, который по нашей системе отсчета означает начало нового витка этногенеза. Инерция хуннского толчка иссякла, новый можно назвать монголо-маньчжурским или, как принято у французских ориенталистов, татарским, хотя тюркские этносы были втянуты в него благодаря переносу генофонда. Однако вспомним, что этноним «татар» относился к монголоязычному народу, обитавшему на берегах Керулена. Он стал сначала прозвищем всех кочевников, входивших в империю Чингисидов, и лишь в XV в. закрепился за группой поволжских, крымских и тюменских тюрок, сохранивших верность потомкам Чингиса. Поэтому расширенное применение

---

[787] Г.Е. Грумм-Гржимайло доверяет этому тексту, даже допуская, что он содержит преувеличение (см.: Западная Монголия… С. 437). А.Ю. Якубовский оспаривает его мнение, полагая, что во всех бедах виноваты нойоны-эксплуататоры (см.: Указ. соч. С. 79—80). Прежде чем принять ту или другую точку зрения, целесообразно проследить ход событий далее.

термина «татар» для XIII—XIV вв. правомерно.[788]

Сам факт широкого распространения древних «татар» от Хингана до Алтая показывает, что наиболее актуальную политическую проблему — защиту от агрессивных соседей — разные группы кочевников решали различно. У самых культурных и сильных — кераитов и найманов — были ханы и религиозные системы: у кераитов — несторианство, у найманов — буддизм, в меньшей степени несторианство. Ну и что? Ни те ни другие не сумели возглавить кочевой мир для обороны против империи Кинь, Хорезмийского султаната и Тангутского царства, потому что внутри этих ханств шла борьба придворных клик, парализовавшая их силы.

Большая часть монголов: тайджиуты, сальджиуты, хатагины, дурбэны и икирасы (отрасль хонкиратов), а также их союзники — отуз-татары, ойраты и меркиты — стремилась к созданию племенной конфедерации, где власть хана была бы номинальной, а фактическая власть принадлежала бы главам племен. Назвать эту программу «аристократической» было бы неверно, потому что без поддержки «черного» народа вожди племен были бы бессильны, чего на самом деле не было. Недостатком этой политической программы была легализация права на самоуправство, безнаказанные грабежи соседей, угон скота и убийства. Поэтому эта программа, проводившаяся последовательно, потерпела крах.

Но какая-то часть монголов поступилась свободой ради безопасной жизни и гарантированных прав. Эти избрали ханом Тэмуджина и добровольно приняли обременительный закон — Ясу. Любопытно, что большая часть их были «люди длинной воли».

Интересно и очень важно, что Тэмуджин, избранный ханом, сам воспринимал себя столь же обязанным нести службу, как и все те, которые его избрали. Хотя его обращение к Алтану и Хучару, старшим родственникам, датируется 12 03 г., оно отражает программу, принятую в 1182 г.:

«Я высказал лишь свое мнение, что земли по Онону не должны оставаться без главы. Я убеждал каждого из вас стать этим главой, но вы отказались. Я был этим несказанно огорчен… Разве я домогался власти? Я был избран ханом единогласно, дабы оградить от неприятельских покушений земли, занятые нашими предками в области трех рек. Избранный ханом, я подумал, что обязан обогатить тех, кто был мне предан. И все, что я приобретал: скот, юрты, женщин и детей, — все это я отдавал вам. Облавой я сгонял вам животных степи. С гор гнал горных животных. А теперь вы служите Ван-хану. Но разве вы не знаете, как он непостоянен?!»[789]

Итак, здесь зафиксировано не безоговорочное подчинение власти, основанной на силе, а острая необходимость обрести силу для самообороны, жертвуя при этом привычной независимостью и личной свободой. Вряд ли все монголы были столь предусмотрительны, что в ожидании будущих благ были готовы проститься с привычным укладом. Поэтому можно думать, что и «аристократы», выбравшие Тэмуджина ханом, и «демократы», послушавшие своих беков, были одинаково ненадежны. Искренними могли быть только «люди длинной воли».

Но кто были эти последние? Класс? Нет! Ибо они не сменили способа производства и производственных отношений. Сословие? Сословием предстояло стать их потомкам в отдаленном будущем. Партия? Тоже нет! Ведь внутренней структуры, организации у них не было.

Это были люди особого поведенческого настроя, отличавшиеся от своих предков и большинства соплеменников большей энергичностью, предприимчивостью, способностью к самопожертвованию, короче говоря — пассионарным напряжением. Все они заражали этим

---

[788] Палладий. С. 169—172. Примеч. 47.

[789] Цит. по: Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия… С. 405. Ср.: Сокр. ск. § 179; Палладий. С. 94.

духом тех, кто случайно к ним примкнул. И те вели себя аналогичным способом, видя в послушании хану высшую цель своей жизни. Не произволу хана подчинялись они, а закону, которому подчинялся сам хан. Назывался этот закон Яса.

Разумеется, далеко не все монгольские пассионарии объединились вокруг Чингиса. Многие стали его заклятыми врагами. Они оставались в своих племенах, готовые отстаивать свободу, но… рядом с ними, в одних куренях, жили их субпассионарные и гармоничные родственники, связывавшие инициативу своих защитников.

Такова была расстановка сил в момент избрания Тэмуджина ханом. Она позволила небольшой консорции его сторонников уцелеть и за 20 лет вырасти в самостоятельный субэтнос. Но в эти решающие десятилетия в Монголии не было покоя. Начался тот период фазы пассионарного подъема, который в этнологии характеризуется как раскол этнического поля.

129. Друзья и недруги

Когда Тогрул, хан кераитов, узнал, что монголы избрали ханом Тэмуджина, сына его анды и в этом смысле его племянника, он проявил полное удовольствие. Послам, уведомившим его об избрании Тэмуджина, он сказал: «Дело справедливо, что посадили на ханство сына моего Тэмуджина! Как можно монголам быть без хана? Не разрушайте же этого своего согласия… не обрезайте собственного ворота» (Сокр. ск. § 126).

Думается, что он был прав. Кераитское ханство было зажато между чжурчжэньской империей Кинь и найманским ханством, которое поддерживали воинственные меркиты. Внутри державы существовала мощная оппозиция хану. Монгольская подмога была необходима как воздух. А договариваться с каждым родовым старейшиной было трудно и бесперспективно: один согласится помогать, а другой откажет из-за лени, тупости или вражды к первому. Легче иметь дело с ханом, сыном лучшего друга и спасителя.

Иначе воспринял весть об избрании Тэмуджина Джамуха. Он ответил не ему, своему анде, а Алтану и Хучару: «Зачем вы, Алтан и Хучар, разлучили нас с андой, вмешиваясь в наши дела?.. И почему вы не возводили в ханы моего друга Тэмуджина в ту пору, когда мы были неразлучны? И с каким умыслом вы поставили его на ханство теперь?.. Блюдите же данное вами слово покрепче! Получше служите анде моему!» (Сокр. ск. § 127).

Так вот где причина разлуки двух вождей монгольского народа! Просто интриги, которые на личном уровне дали последствия, на первый взгляд пустяковые. Но когда дело перешло на уровень субэтноса, эта размолвка выросла в нечто грандиозное, а при образовании этноса — в трагичное.[790]

Мефистофель, уговаривая Фауста расписаться на договоре кровью, говорил: «Кровь — сок совсем особенного свойства». Это подтвердилось в Монголии XII в.

Брат Джамухи, Тайчар, вздумал отогнать у чингисовцев табун. То ли это было легкомыслие, желание проявить удаль, то ли он хотел за что-то насолить Чингису, но, так или иначе, он пустился на баранту, угнал коней, был настигнут и застрелен. Хотел ли табунщик его убить? Вряд ли! Но стрела пробила Тайчару хребет, и он умер. Это был повод к войне, хотя отнюдь не причина ее. Три тумэна (30 тыс.) монголов сели на коней ради мести за жизнь конокрада. Джамуха во главе их пошел на своего анду (Сокр. ск. § 129).

У Чингисхана было тринадцать куреней,[791] которые он тоже вывел в поле. Джамуха опрокинул строй чингисовцев, но те отошли в ущелье Цзерен при Ононе. Джамуха не штурмовал ущелье, но безжалостно расправился с пленными. Семьдесят юношей из рода

---

[790] См.: Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. С. 158—159.

[791] По Рашид-ад-Дину — 13 тыс. воинов против 30 тыс. По «Тайной истории» силы противников были равны (см.: Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. С. 162).

Чонос.[792] он велел сварить в котлах, а своему бывшему соратнику — Чахан-Ува — отрубил голову и привязал ее к хвосту коня. После этих сомнительных подвигов он вернулся домой[793]

Нарочитая непоследовательность Джамухи вызвала среди его соратников такое недовольство, что два наиболее храбрых и воинственных племени — уруты и мангуты — покинули Джамуху и перешли к Чингису. Они сочли Джамуху хитрым и лукавым, а надо сказать, что отношение к этим качествам в Западной Европе и в Сибири диаметрально противоположно. Немцы говорили: «Конунг думает за нас». Французский сенешаль давал проходимцу луидор, говоря: «Любезный, возьми это и говори всем, что наш герцог — добрый герцог». А в Сибири и в Великой степи обман доверившегося считался худшим из возможных поступков. Монголы были готовы рисковать жизнью ради избранного ими предводителя только при условии, что он с ними искренен и откровенен. То, что считалось в Европе талантом политика, в Сибири вызывало отвращение. Этнопсихологические структуры всегда различны.

Появление в Орде урутов и мангутов усложнило систему, а тем самым изменило расстановку сил внутри ее. Если раньше под знаменем Чингиса сражались пассионарные «люди длинной воли» и субпассионарные потомки Хабул-хана и Хутул-хана, то теперь к ним добавились люди с гармоничной психологией, близкие к гомеостазу, но индуцированная пассионарность повысила их энергетический уровень. Благодаря этому они стали подлинной опорой Тэмуджина, а субпассионарии оказались в оппозиции, что повлекло цепь непредвиденных событий, в которых главную роль сыграли капризные женщины.

На пиру, устроенном по случаю избавления от Джамухи, кравчий ошибся в очереди наливания вина: молодой жене Сэчэ-бики налил раньше, чем старшим. За это разъяренные старухи его избили. В то же время Бельгутей поймал вора, хотевшего украсть оброт (узду и повод) с коновязи. Чжуркинец Бури-Боко вступился за вора и нанес Бельгутею рану, правда неглубокую. Чингис рассердился… и началась драка, где чжуркинцев побили.

Кончилось дело миром, но, пожалуй, лучше бы была добрая ссора, чем худой мир, ибо «как раз в это время» (Сокр. ск. § 132) пришла весть, что чжурчжэньский карательный отряд преследует татар на р. Улзе,[794] гоня их прямо в руки монголам. Тэмуджин вспомнил старую вражду с татарами, пригласил кераитского хана Тогрула принять участие в походе и приказал чжуркинцам присоединиться к нему. Кераиты пришли вовремя, а чжуркинцев прождали зря.

Тэмуджин и Тогрул разбили татар до прихода чжурчжэней, убили их предводителя, а командиру чжурчжэньского отряда послали извещение о победе. Тот обрадовался и наградил неожиданных помощников титулами.[795] Это ему ничего не стоило, так как власти они не получили, но свою роль это пожалование в дальнейшем сыграло, и важную.

А чжуркинцы, воспользовавшись отсутствием монгольских воинов, напали на остававшихся дома стариков и детей, ограбили их донага и убили десять человек. С их точки зрения, в этом поступке не было ничего зазорного — просто они рассчитались за проигранную драку. Но Тэмуджин был человеком нового склада, с иным стереотипом

---

[792] Племя с таким названием нигде не упомянуто. Есть предположение, что в рукописи описка: правильно читать «Чорос» — один из ойратских родов. Непонятно лишь, как ойраты попали на Онон.

[793] О странностях поведения Джамухи см.: Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. С. 261 и след.

[794] Улза (у С.А. Козина — Ульджа) — приток Онона. Событие произошло в среднем ее течении, южнее совр. Читы.

[795] Тогрулу был дан титул «ван» (царь), а Тэмуджину — «чаутхури» (что-то вроде военного комиссара). Кроме того, было обещано доложить «алтан-хану», т. е. императору, об услуге с просьбой утвердить пожалование. Тот и утвердил, что имело большие последствия.

поведения. Он повел свое дисциплинированное войско на чжуркинцев и разгромил их кочевье. Сэчэ-бики и Тайчу пытались бежать, но были пойманы и казнены. При этом оба не понимали, что заслужили казнь: ведь до Чингиса межплеменные столкновения были в порядке вещей, а нового порядка, Ясы, они просто не могли вообразить.

Племя чжурки (юркины) перестало существовать, но не как масса людей, а как система. Пленные получили пощаду и даже милость! Например, некий Гуун-Ува предоставил Тэмуджину двух своих сыновей для службы. Один из них стал впоследствии известным полководцем; прочие пленники были зачислены в монгольское войско, и многие дослужились до офицерских чинов (Сокр. ск. § 137).

Любопытно, что детей из враждебных племен монголы не обижали. Но поскольку те становились сиротами, их отдавали на воспитание женщинам. Так, мать Тэмуджина Оэлун воспитывала четверых найденышей: Кучу, подобранного в кочевье меркитов; Кокочу из рода Бесуд, жившего у тайджиутов; татарского мальчика Шикикан-Хутуху, впоследствии воеводу и первого татарина, выучившегося грамоте, и чжуркинца Бороула. Она стала для них матерью (Сокр. ск. § 138). Надо полагать, что другие монгольские женщины подражали ханше. А когда через 20 лет эти дети выросли, они умножили число сторонников Чингиса.

А в эти годы в Европе готовился Третий Крестовый поход, руководимый Фридрихом Барбароссой, Ричардом Львиное Сердце и Филиппом Августом. История его известна, но вот некоторые детали этнопсихологического значения. Прибыв в Палестину и овладев Аккой, Ричард оставил у себя 2 тыс. заложников-мусульман, а потом велел их убить. У Салах-ад-Дина тоже было много пленных христиан, ждавших, что их разменяют, — теперь их ждала смерть. Но Салах-ад-Дин не казнил пленных, а повел своих воинов к месту, где лежали трупы заложников. После этого мусульмане стали драться как львы. Наступление английских рыцарей к 1192 г. захлебнулось.

Показали себя и немцы. Сын Барбароссы Генрих VI в 1194 г. захватил Сицилийское королевство, разграбив по дороге город Салерно, где всех жителей убивали или брали в рабство. Палермо открыл ему ворота, регентша-королева Сибилла договорилась передать ему власть, с тем что ее сыну будут оставлены наследственные владения. Генрих на все согласился, а потом начал расправу над беззащитными подданными. Он ослеплял, сажал на кол, вешал, сжигал, зарывал живыми в землю. Сибиллу с тремя дочерьми отвезли в Эльзас и там держали в темнице. Король-ребенок был ослеплен, оскоплен и умер в подземелье замка Гоэнемс, а тела его сторонников были вырыты и преданы поруганию.

Французский король Филипп Август просватал датскую принцессу Ингеборг, а когда она приехала в Париж, забрал ее приданое, а ее прогнал «под предлогом неодолимого отвращения». Это возмутило папу и парижан, но король, даже отлученный от церкви, был непреклонен.

В Константинополе Андроник Комнин осуществлял немыслимые по своей жестокости казни. Осужденный Исаак Ангел сумел вырваться из рук палача и возмутил народ. Пойманный Андроник был повешен за ноги и медленно замучен.

Вот какова была в XII в. рыцарская цивилизация!

Но не ко всем чжуркинцам была проявлена такая милость. Богатырь Бури-Боко, силач и боец, во время пьяной ссоры на пиру ранивший Бельгутея, тоже оказался в числе пленных, но пользовался свободой наряду с прочими. Чингис на празднике велел ему бороться с Бельгутеем, так как состязания в борьбе были постоянным развлечением монголов. Бури-Боко решил поддаться Бельгутею, чтобы не гневить хана. Он сделал вид, что побежден, и лег на землю, а Бельгутей оседлал его и по знаку хана сломал ему хребет.

Неблаговидный поступок был совершен на глазах у всех. Автор «Тайной истории» не сообщает реакции общественного мнения, но… дальше идет хронологический пропуск в 15 лет.

Где оказался Чингис, сообщает только один китайский источник «Мэн-да Бэй-лу». Он

провел 11 лет в чжурчжэньском плену. А как он туда попал? Остается только догадываться.

Оказаться в неволе Тэмуджин мог, только будучи преданным. Видимо, у Сэчэ-бики и Тайчу были верные друзья, отомстившие за их казнь. Конечно, когда Чингис пользовался полным уважением и симпатией в Орде, схватить его было трудно. Но предательское убийство улусного борца уронило авторитет хана. Тогда заговорщики осуществили свой замысел, полагая, что Тэмуджина, как и его предков, прибьют гвоздями к деревянному ослу. Но Тэмуджин имел важный чин за помощь против татар, и, может быть, поэтому его задержали, но не казнили. Это домысел, но версия не противоречит известным фактам. Остается неясным только, в каком году это произошло и насколько сближены описанные здесь события.

130. Хронология

При описании хода перечисленных событий наибольшую трудность представляет отсутствие хронологии. Автор «Тайной истории» отмечает только последовательность событий, а о промежутках между ними, видимо, сам имеет крайне приблизительное представление. Пишет он невнятно: «Вскоре после того» (Сокр. ск. § 128), «затем» (Сокр. ск. § 129), «как раз в это время» (Сокр. ск. § 132), а далее идет пропуск до 1201 г. Что-то тут не так. Но ведь сочинение писалось в 1240 г. Автор мог многое забыть или просто не знать.

Попробуем применить «живую хронологию» по возрасту детей Тэмуджина. Первенец, Джучи, родился сразу после освобождения Бортэ из меркитского плена, т. е. в 1182 г. Третий сын, Угэдей, умер в 1241 г. 56 лет. Значит, он родился в 1185 г., его старший брат, Джагатай, — между 1183—1184 гг., а последний сын, Тулуй, — в 1193 г., о чем есть точное указание китайского источника.[796]

Зато другое указание китайского автора Чжао Хуна говорит, что Тэмуджин пробыл в чжурчжэньском плену «десять с лишним лет», пока не убежал.[797] Когда он попал в плен, неизвестно, но в 1198 г. Тэмуджин опять стоит во главе своей Орды и выручает несчастного Тогрула, в 1197 г. выгнанного из кераитских земель найманами.[798] Значит, он был захвачен в 1186 г., а Тулуй — единственный брюнет среди Борджигинов — появился на свет в отсутствие отца, который, однако, признал его сыном. Предлагаемая версия непротиворечива и объясняет лакуну в изложении событий источниками. Писать о десятилетнем рабстве миродержца, видимо, было неудобно.

За время отсутствия Чингиса его Орда пережила тяжелый период. Хасар был прекрасный стрелок, атлет и храбрец, но талантов правителя у него не было. Больше того, он оказался противником Тэмуджина и сторонником Тогрула, которому он подчинил Орду. В этом его поддерживали Алтан и Хучар. Народ, видя бездарность правителя, видимо, стал разбегаться, потому что, когда Тэмуджин вернулся из плена, у него вместо 13 тыс. воинов оказалось всего 2600 человек. Все надо было начинать заново.

Однако этнический рост шел. Это сказалось и на хронологии. Сезонный счет времени — по зазеленению травы — с 1201 г. сменился на 12-летний звериный цикл, т. е. каждый год носил название зверя. Этот отсчет был заимствован у китайцев,[799] которые усовершенствовали его, введя пять названий стихий: огонь (красный), земля (желтый), вода (черный), металл (белый) и трава (сине-зеленый), а прибавив к ним мужской и женский род,

---

[796] См.: Мункуев Н.Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. М., 1965. С. 103.

[797] Мэн-да Бэй-лу. С. 49.

[798] См.: Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. С. 151 (разбор датировок Р. Груссе и К. Витфогеря).

[799] Мэн-да Бэй-лу. С. 117—118.

получили 120-летний цикл, вполне достаточный для бытовых потребностей и для записей в летописи: ведь ошибка на 120 лет практически невозможна.

Монголам, поскольку их история была короткой, оказалось достаточно 12-летнего цикла, а позднее они усовершенствовали его удвоением: желтый и желтоватый, синий и синеватый и т. д.[800] Но эта система отсчета в наших источниках не применяется.

Циклический календарь удобен для пользования в быту. Мы ведь не отказались от семидневного цикла по планетам, заимствованного у шумеров, — недели.[801]

Тема календаря имеет для нас еще одно значение — она относится к той грани культурогенеза, которая тесно смыкается с этногенезом. Тюрки и уйгуры, былые хозяева Великой степи, не являются предками монголов. Между этими двумя витками этногенеза лежит разрыв, пропасть, не заполненная живой этнической памятью. Религии у тюрок и монголов были разные. Сходство приемов хозяйствования объясняется одинаковой адаптацией к одним и тем же природным условиям. Направление социального развития не совпадает именно в тех деталях, которые важны и заметны для народных масс. Энергия этнического развития у потомков хуннов и табгачей иссякла к X в., а монгольская — вспыхнула в XII в. Короче говоря, хунно-тюркюты и монголы — два разных суперэтноса, как римляне и германо-романская Европа или эллино-римляне начала новой эры и византийцы, которые называли себя ромеи.

Известно, что природные явления неизбежно изменчивы, а плоды человеческих рук и умов, т. е. культура, лишены саморазвития.[802] Они могут либо заимствоваться, либо разрушаться. Материальная культура из нестойких материалов существовала недолго, хотя и оставляла реликты: осколки посуды, надписи на камнях, погребения, а такие изобретения, как календарь, заимствовались, когда в этом возникала потребность. У монголов она возникла тогда, когда хан и народ стали вместе «создавать государство». Это произошло в 1201 г., и, видимо, работа в этом направлении шла два-три десятилетия в конце XII в. Одновременно шел пересмотр норм и морали, религии и системы воспитания.

131. Закон против обычая

Казалось бы, введение нового закона, Ясы, вместо некодифицированного обычного права — явление, не имеющее никакого касательства к этногенезу, но вдумаемся: установление новых законов, отменяющих привычные нормы взаимоотношений, совершается тогда, когда изменяется стереотип поведения, т. е. при перерождении этноса, или, в меньшей степени, при смене фаз этногенеза. Второй вариант может быть связан с изменением способа производства, но скот пасся на тех же пастбищах, охота шла привычным порядком, предметы быта изготавливались местными мастерами из местных материалов. Значит, появление закона, позднее записанного, было результатом изменения не окружающей среды, а самих людей, и не всех, а той этнической подсистемы, пассионарное напряжение которой резко повысилось. Такой системой стала мозаичная Орда хана Чингиса.

Новое законодательство формировалось десятилетия, с одной стороны, долго, а с другой — моментально. Для всех монгольских племен Чингисова улуса Яса была опубликована на Великом курултае в 1206 г., одновременно с провозглашением Тэмуджина

---

[800] См.: Катанов Н.Ф. Восточная хронология // Известия Северо-Восточного археологического и этнографического института. Вып. 1. Казань, 1920.

[801] См.: Гумилев Л.Н. Этнос и категория времени. С. 143—157.

[802] См.: Колесник С.В. Проблема географической среды // Вестн. ЛГУ. 1968. № 12; Гумилев Л.Н. О соотношении природы и общества согласно данным исторической географии и этнологии // Вестн. ЛГУ. 1970. № 24. С. 39.

Чингисханом всей Великой степи. Но и после этого Яса дополнялась и расширялась. Это произошло в 1218 г., перед войной с Хорезмийским султанатом, и в 1225 г., перед завоеванием Тангутского царства.[803] Но элементы нового стереотипа поведения начали слагаться, надо полагать, до 1206 г., что вызвало резкое сопротивление всех ревнителей старины.

В самом деле, зачем создавать новые законы, вместо того чтобы кодифицировать старые, привычные? Только для того, чтобы обеспечить существование новому стереотипу поведения, непривычному, но целесообразному. Это значит, что каждый закон запрещает то, что раньше считалось допустимым или извинительным. Яса была новым законом.[804]

Законы Чингисхана карали смертью за убийство, блуд мужчины и неверность жены, кражу, грабеж, скупку краденого, сокрытие беглого раба, чародейство, направленное ко вреду ближнего, троекратное банкротство, т. е. невозвращение долга и невозвращение оружия, случайно утерянного владельцем в походе или в бою.[805] Так же наказывался тот, кто отказал путнику в воде или пище.[806] Неоказание помощи боевому товарищу приравнивалось к самым тяжелым преступлениям.

Более того, Яса воспрещала кому бы то ни было есть в присутствии другого, не разделяя с ним пищу. В общей трапезе ни один не должен был есть более другого.[807]

Наказанием за тяжелые преступления была смертная казнь; за малые преступления полагались телесные наказания или ссылка в отдаленные места (Сибирь). Иногда за конокрадство и убийство на монгола накладывалась пеня: за мусульманина больше, чем за китайца.

Можно подумать, что новое законодательство не содержит ничего нового: мол, а как же иначе? Однако вспомним, что сам Тэмуджин за убийство Бектера казнен не был, что ему же пришлось признать Джучи своим сыном, дабы оградить обожаемую им Бортэ от обвинения в неверности, что конокрад Тайчар был застрелен согласно новому закону, что вызвало поход ревнителей старого и битву, весьма кровавую.

Но самым значительным нововведением надо считать закон о взаимопомощи, точнее — взаимовыручке. Обыватель, городской, деревенский или степной, охотно признает запреты, ограничивающие его свободу, но не может даже представить, что он кому-то чем-либо обязан, особенно если он не видит в этом выгоды. В этом принцип конвиксий.

Зато члены консорций — группы космонавтов, экипажа корабля, экспедиции в безлюдные места, банды разбойников, батальона солдат и т. п. — имеют диаметрально противоположный стереотип поведения. Без взаимовыручки они обречены на гибель и должны быть уверены, что боевой товарищ их не бросит. Чингис сделал из своих подчиненных организацию фазы этнического подъема с общественным императивом: «Будь тем, кем должен быть». Называть эту фазу этногенеза «крепостным правом»[808] неточно, ибо

---

[803] См.: Вернадский Г.В. О составе Великой Ясы… С. 6—7.

[804] Там же. С. 32—33.

[805] См.: Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия… С. 438—439.

[806] «Если кто-нибудь, нападая или отступая, обронит свой вьюк, оружие или часть багажа, то находящийся сзади его должен сойти с коня и возвратить владельцу упавшее; в противном случае он предается смерти» (Макризи; см.: Березин И.Н. Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева // Труды Восточного отделения Имп. Археологического общества. Ч. 8. СПб., 1864. С. 440).

[807] См.: Вернадский Г.В. Указ. соч. С. 18.

[808] Там же. С. 17—18.

«закрепощены» были все, включая хана. Здесь отчетливо представлена начальная фаза любого этногенеза, выраженная столь же четко в походах викингов, джихаде ранних мусульман, жертвенности первых христиан, послушании зулусов вождю — Чаке. Смысл Ясы как источника в том, что появление ее знаменует не инкубационный, а очевидный пассионарный подъем нового этноса — монголов.

132. Самое главное

Как бы значительно ни было изменение норм поведения внутри новорожденного этноса, но решающим было не это, а отношение с соседями, т. е. этническим окружением. Большая часть монголов категорически предпочитала старые, привычные формы быта. Военно-демократический строй их не манил; напротив, он вызывал у них отвращение. Меркиты, стрелометное племя, были врагами Чингиса, воинственные татары — тоже. Чжурчжэни противились любому упорядочению степняков. Найманы сами претендовали на первенство в Степи, причем их поддерживали ойраты — лесной этнос в Западной Монголии.

Единственным союзником Монгольской Орды был кераитский Тогрул, получивший от императора Золотой империи (Кинь) титул «ван». Монголы называли его Ван-хан. Однако Тогрул не пользовался в своем царстве популярностью. Многие подданные настолько ненавидели своего хана, что предпочитали поддаться найманам. Тогрул держался только благодаря помощи монголов — сначала Есугея, потом Тэмуджина. Естественно, противники Тогрула стали врагами Тэмуджина. Поэтому поддержка кераитов была ненадежна.

Но и внутри Орды было неспокойно. Субпассионарии не любят подчиняться дисциплине. Поэтому за время отсутствия Тэмуджина численность воинов его орды, которой управлял его брат Хасар, значительно сократилась. Верными остались лишь нухуры Чингиса и племена урут и мангут. Лучшим выходом был бы мирный договор, но в те времена договариваться было трудно, ибо понятия дипломатической неприкосновенности не существовало во всем мире. Если посол передавал неприемлемое предложение, его убивали. Иногда за этим следовала война, но не всегда, и рассматривалась она не как воздаяние за преступление, а просто как решение проблемы, о которой не удалось договориться.

Новый общественный императив монголов — взаимовыручка — включал в себя гарантию, даваемую боевому товарищу, ставшему жертвой предательства. Если его не могли спасти, то за него следовало отомстить нарушителям закона гостеприимства. Противники монголов на это возражали, что и на войне убивают, и что обман, ныне называемый дезинформацией, дозволен, и что те, кто не убивал посла, не виноваты, а следовательно, не несут за чужой поступок ответственности.

На это монгольское правосознание возражало, что смерть на войне действительно естественна, ибо «за удаль в бою не судят». Более того, самым доблестным противникам, попадавшим в плен, предлагалась не только пощада, но и прием в ряды монгольского войска с правом на выслугу. Дезинформацию монголы, как митраисты, делили на обман противника, который должен воспринимать обстановку критически, и на предательство или обман доверившегося клятве, т. е. договору или обычаю гостеприимства. Предателей и гостеубийц уничтожали беспощадно вместе с родственниками, ибо, считали они, склонность к предательству — наследственный признак.

И, наконец, истребление населения городов, где были убиты послы, с точки зрения монголов было тоже логично. Народ, поддерживающий своего правителя, должен делить с ним ответственность за его поступки. Для классовых обществ, где народ угнетен, такое мнение нелепо, но монголы такого безобразия, как классовый гнет, не могли вообразить. Города, в которых были убиты парламентеры, монголы называли «злыми городами» и громили их, считая, что это справедливо. Так были разрушены Балх и Козельск, причем последнему никто не оказал помощи, хотя рядом были Смоленск, Киев и Чернигов, а владимирский князь Ярослав ходил с войском на Литву. Видимо, они знали, из-за чего гибнет Козельск. И отнюдь ему не сочувствовали.

Позднее из-за убийства послов погибла империя Сун и была разорена Венгрия. Католические и мусульманские авторы приписывали эти разрушения особой кровожадности монголов, забывая, а вернее, умалчивая о причинах этих войн. А ведь в прочих случаях дело обстояло по-иному. «В конце февраля 1221 г. монголы взяли Мерв, якобы частью перебив, частью уведя в плен его население; в конце того же года Мерв восстал, был взят, и погибло свыше 100 тыс. человек… а через несколько месяцев Мерв выставил 10 тыс. воинов для войны с монголами. Очевидно, сотни тысяч человек, будто бы избивавшихся монголами в Закаспии и Иране, существовали только в воображении восточных авторов».[809]

Нет, конечно, монголы не были добряками! Иначе они не могли поступать, ибо на всех трех фронтах — китайском, переднеазиатском и кумано-русском — против них стояли силы, значительно превышавшие их по численности и вооружению. Побеждали они благодаря дисциплине и мобильности, но ведь и то и другое возможно только при высокой пассионарности, а эта последняя, в свою очередь, порождает оригинальную ментальность и стереотип поведения. Монгольские воины не рассчитывали последствий своих поступков, потому что на войне думать некогда. Они вели себя так, как им подсказывала их природа, изменившаяся из-за пассионарного толчка. Им и в голову не приходило спрашивать себя: правы ли они или в чем-то виноваты? На популяционном уровне действия этноса запрограммированы окружающей средой, культурой и генетической памятью. На персональном — они свободны. То, что среди монголов, как, впрочем, и среди их противников, были люди добрые и злые, жадные и щедрые, храбрые и слабодушные, для статистической закономерности этногенеза не имело никакого значения. Важно другое: столкновение разных полей мироощущения всегда порождает бурную реакцию — гибель избыточных пассионариев, носителей разных традиций.

Но то, что остается, уже не похоже на исходные компоненты процесса. Уцелевает серая посредственность, прозябающая до очередного пассионарного взрыва. А поскольку здесь описан природный процесс, то моральные оценки к нему неприложимы.

133. Вера и закон

Выше были перечислены три параметра, формирующие стереотипы поведения: географический — среда, биологический — наследственность признаков, психологический — культура, в которую входят идеологические концепции, как религиозные, так и атеистические. Атеизмов на Земле было не меньше, чем религий, а различия между ними часто бывали глубже, чем между религиями. Так, конфуцианство, рекомендующее не тратить времени на бесполезные размышления; чанбуддизм, предлагавший только созерцать собственные фантазии и не расстраивать себя, наблюдая окружающие безобразия; гностицизм, признающий материю несуществующей (мэ он), а источником существования считающий безличную Плерому (полноту) и ее эманации — зоны; шаманизм — способ общения нашего, «среднего» мира с «верхним» и «нижним», вполне аналогичным «среднему»; исмаилизм, отрицающий Аллаха, но проповедующий антимир, обратный нашему миру, — все это виды безбожия, хотя на научный атеизм они и многие другие отнюдь не похожи.[810]

Зато теистические идеологические системы — христианство, ислам, индуизм и митраизм — имеют четкие черты сходства и менее глубокие различия. Однако культуры, с ними связанные, оригинальны, что указывает на невозможность однозначного сведения этнологических проблем к теологическим: хотя учет последних имеет значение при изучении этнических контактов, но только как своеобразный индикатор культур.

---

[809] Грумм-Гржимайло Г.Е. Указ. соч. С. 430; приведена литература.

[810] Подробнее см.: Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. С. 279—304.

А в Монголии XII в. был подлинный стык исповеданий. Кераиты были несторианами, найманы — несторианами и буддистами, татары и чжурчжэни — шаманистами, тангуты исповедовали «красный» буддизм, уйгуры — буддизм Хинаяны и несторианство, «лесные народы» Сибири имели свои родовые культы, а древние монголы исповедовали религию бон — восточный вариант митраизма. В Риме митраизм был воспринят как культ Непобедимого Солнца и распространялся главным образом среди легионеров, потому что Митра осуждал нарушение клятв, обман доверившегося и предательство. На Востоке Митра выступал как Бог Белый Свет — космическое божество, Небо, для которого Солнце — только «Глаз Митры». Но мировую справедливость он соблюдал и в Монголии. И поскольку самым страшным, непрощаемым грехом митраисты считали предательство, в том числе убийство гостя, то воздаяния за убийство послов были вызваны не только практическими соображениями, но и глубоким убеждением или наследием древнего мировоззрения, впитанного монголами в плоть и кровь.

Надо сказать, что закон о неприкосновенности послов монголы выполняли столь последовательно, что позднейшие дипломаты должны были скинуться на памятник Чингисхану и его закону, потому что в древности и в Средние века убийство чужеземца преступлением не признавалось. Поэтому люди XIII в. искренне обижались на монголов, забывая причину, вызвавшую репрессии.

Хунны и древние кочевники не сумели достигнуть таких результатов. В этом одно из принципиальных отличий хуннов и уйгуров, легко воспринимавших чужие религии, от монголов, соблюдавших Ясу. Другие монголы, противники Ясы и враги Чингиса, верные старым обычаям, добавили наклонности к грабительским набегам, практику предательства друзей и гостей.

Венгерский монах Юлиан, совершивший два путешествия в Великую Венгрию (Заволжье), в 1235 и в 1236 гг.,[811] описал этнос, сменивший самоназвание «измаэлиты» на «татар».[812]

Будто бы государь татар Гургута[813] имел воинственную сестру, которая, совершая набег на соседнее племя, попала в плен. Вождь этого племени изнасиловал ее и казнил. Гургута счел несправедливым двойное наказание и объявил этому вождю войну. Убийца «со своими» бежал к султану Орнаха (Ургенч[814]).

А после этого,[815] в стране куманов «вождь с реки Буз»[816] Гурег, напал на другого вождя, Витута, победил его и ограбил. Витут с двумя сыновьями бежал к султану Орнаха, но тот, приняв его, повесил на воротах. Сыновья успели бежать обратно, но Гурег схватил старшего и разорвал его конями. Младший бежал к Гургуте и умолял о помощи и справедливости. Гургута согласился и победил и Гурега, и султана города Орнаха, после чего, «подчинив себе царство персидское», напал на куманов и подчинил себе их страну.

---

811 См.: Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. III. М., 1940. С. 71—94.

812 Там же. С. 83. Смена названия суперэтноса знаменует коренное различие эпох: плавный переход от фазы к фазе сменяется разрывом традиции и началом нового витка этногенеза.

813 Видимо, осведомитель Юлиана был персоязычен, почему и заменил имя монгольского предка — Бурте-Чино — «серый волк» — на персидское «гург» (волк) с монгольским суффиксом мн. ч. — «ут». Следовательно, Гургут — этноним (означающий «волки», т. е. монголы), а не собственное имя хана — Тэмуджин.

814 См.: Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. С. 209.

815 Дата не установлена: видимо, между 1208 и 1216 гг.

816 Южный Буг, см.: Аннинский С.А. Указ. соч. С. 84.

Оттуда они (татары) воротились в Великую Венгрию и через 14 лет покорили ее.

134. А могло ли быть иначе?

Конечно, могло! Тэмуджин мог погибнуть от случайной стрелы или от болезни, находясь в чжурчжэньском плену. Его брат Хасар был храбр и силен, но других талантов у него не было. Пассионарные люди были среди противников Чингиса в не меньшем числе, чем в его Орде. Сам Чингис талантом полководца не обладал. Зато он умел находить и привлекать на свою сторону талантливых людей, становившихся прекрасными полководцами. И они ни разу его не подвели. Но так как эти нойоны и нухуры оставались верны потомкам Чингиса, выбираемым самими воинами на курултаях, то, надо думать, они служили не персоне Тэмуджина, а тому правопорядку, выражением которого была Яса.

Но коль скоро так, то можно предположить, что создание мировой империи было запрограммировано пассионарным толчком и она просто не могла не возникнуть. Отнюдь нет! Огромной империи могло и не быть, если бы в 1201—1206 гг. монголы Чингисхана не одержали несколько побед над своими соплеменниками и соседями. Только тогда процесс стал лавинообразным, хотя и тут полный детерминизм неуместен: египетские мамлюки, чехи и японцы отразили монгольский натиск.

Но ведь то же самое могли сделать меркиты, кераиты, татары, найманы и, наконец, талантливый полководец Джамуха. Верно, но что от этого изменилось бы? Было бы меньше побед в борьбе с чжурчжэнями: в Средней Азии и Иране вместо монголов свирепствовали бы печенеги и карлуки, а на Руси… но об этом потом. От того, что малочисленная Орда Чингиса перестала бы существовать, не возникла бы Яса, а продолжало бы действовать обычное право. И все!

Однако одержать полную и окончательную победу над обычаями Ясе не удалось, так же как принцип «народ — войско» возобладал над принципом «народ — союз племен» лишь временно, до трагических событий конца XIV в.

В Китае монгольские воины, находившиеся на постое в домах китайцев, были зарезаны в одну ночь, после чего уцелевшие монголы с ханом в 1369 г. вернулись в Степь, обезлюдевшую и обескровленную, и перешли к обороне, крайне неудачной. Тогда защиту Степи от китайской агрессии возглавили ойраты — отсталые племена, сохранившие начальный пассионарный потенциал и старые обычаи. Они не были «добрее» монголов, но ареал их военных операций был уже. Из-за этого европейские ученые не удостоили их созданием очередного мифа.

В Золотой Орде, после того как она стала мусульманским султанатом, возникла «великая замятня», за которой последовал политический распад государства и этническое разделение на татар казанских, крымских, астраханских, сибирских, ногайских и казахов. Все они вернулись к обычаям предков и в ряде случаев восстановили республиканский строй — племенные союзы, или джусы.

В Средней Азии и Иране возникла мусульманская реакция на засилье кочевников. Возглавил ее отюреченный монгол (барлас) Тимур, восстановивший было Хорезмийский султанат, разрушенный монголами. Здесь Ясу заменил шариат, нухуров — гулямы, хана — эмир, свободу вероисповедания — мусульманский фанатизм. Монголы в этих странах, завоеванных их предками, сохранились лишь как реликт — хэзарейцы в Западном Афганистане. Вместе с Ясой исчезли стереотип поведения, способность к сопротивлению и собственная культура. Часть потомков завоевателей мира стала буддистами, часть — мусульманами, часть, смешавшаяся с русскими, — христианами. И все это преображение кочевого мира совершилось всего за 200 лет. Как это могло произойти так быстро?

Обывателю свойственны две крайности, часто совмещающиеся при игнорировании логики: фатализм и волюнтаризм. Он считает, что либо все происшедшее было неизбежно, либо оно произошло благодаря доброй или злой воле тех или иных деятелей. Первый вариант удобен потому, что он избавляет от необходимости думать и искать причинно-

следственные связи, второй — потому, что он дает разгуляться чувствам и заменить анализ симпатиями или антипатиями. Так, один современный автор озаглавил свою книгу так: «Жизнь Темучжина, *думавшего покорить мир* »[817] (выделено мною. — *Л.Г.*). Вот уж кто не мог даже мечтать о престоле, когда он таскал на себе тайджиутскую колодку, когда его молодую жену увезли меркиты, когда его покинули родные дядя и брат, предал спасенный им Ван-хан и когда на него навалилось огромное войско найманов. В эти годы Тэмуджин думал, как спасти жизнь своей семьи и свою, а то, что ему удалось одержать победы над могучими и безжалостными врагами, — это вопрос, который следует ставить корректно.

Конечно, все можно свалить на судьбу, которую нынче называют «исторической закономерностью». «Они, мол, победили потому, что не могли не победить» — это часто можно слышать, но не стоит слушать. Ход событий статистичен, но в нем всегда бывают зигзаги, определяемые вероятностью уклонений. Для истории человечества это мелочи, а для живых людей — отнюдь нет.

После этих событий история Азии пошла так, как будто Чингисхана и его завоеваний не было. От них осталась лишь память. «Но, — спросит читатель, — для чего же написана эта книга, если она не дает простых ответов и оценок?»

А вот для чего. Этносы возникают как природные феномены вследствие пассионарных толчков — мутаций. Надо показать, как это происходит. Этнические системы теряют энергетический заряд вследствие энтропии, из-за чего молодые этносы потенциальнее старых. Это объясняет успехи монголов в XIII в. и их быстрый упадок в XIV в. Объяснение кровавых событий путем сопоставления их с натуральными катаклизмами снимает стремление к дискриминации отдельных этносов, переживающих фазу подъема пассионарного напряжения. Это протест против расизма и европоцентризма, ибо каждый ныне спокойный этнос пережил свою буйную молодость. И, наконец, монголы, тюрки, хунны, сарматы и скифы ничем не хуже эллинов, римлян, арабов, французов, немцев, англичан, потому что закономерности этногенезов глобальны. А то, что каждый этнос имеет право на свою культуру, свой строй мыслей и свои идеалы, увы, приходится доказывать. И кочевники Великой степи не исключение. Для этого написана книга.

135. Схема хода событий

В XII в. на Западе и на Дальнем Востоке сохранялось политическое равновесие. Силы крестоносцев, византийцев и мусульман оказались почти равными, и Иерусалимское королевство могло благодаря этому поддерживать существование. На берегах Желтого моря мирно сосуществовали киданьская империя Ляо и тангутское царство Си-Ся. Уйгурия жила спокойно, богатея за счет караванной торговли. Ханство кимаков безмятежно разваливалось, разъедаемое враждой с племенами гузов и канглов, а Великий Сельджук — султан Санджар — содержал в порядке Среднюю Азию и Восточный Иран. На этом фоне Древняя Русь, уже превратившаяся из каганата в конфедерацию восьми «полугосударств»,[818] могла не опасаться ни восточных, ни западных соседей. Но беда пришла, все перепуталось, кровь потекла и засохла на опустелой земле, города вспыхивали, как костры в ночи, а жены и матери Южной Сибири оплакивали своих мужей и сыновей. На Дальнем Востоке, от Уссури до Селенги, произошел пассионарный толчок.[819]

В роковое двадцатилетие (1115—1135) на границе тайги и степи две группы разрозненных сибирских племен сплотились в два могучих этноса: чжурчжэней и монголов,

---

[817] Кычанов Е.И. М.: Востокиздат, 1973.

[818] См.: Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства.

[819] См.: Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.

схватившихся насмерть друг с другом. Военное счастье улыбнулось монголам. Это позволило им решать насущные задачи внешней политики. Если еще в прошлом веке историки не сомневались в том, что монгольский улус Чингиса и его потомков был плодом их стремления покорить мир, что монгольские завоевания были совершены многочисленными скопищами, которые двигались подобно саранче, уничтожая на своем пути культурные, просвещенные и почему-то бессильные оседлые государства, то в наше время накоплены знания и о монголах, и об их соседях, противоречащие концепциям, существующим только вследствие привычности.

Существует ходячее мнение, что кочевники — дикари, уничтожавшие культурные города и безжалостно истреблявшие оседлое население. Действительно, в театре военных действий разрушения происходили как всегда и везде на войне, но дело было не в оседлости или культуре. Древние города Уйгурии — Турфан, Харашар, Куча, Кашгар, Яркенд и Хотан — не пострадали, а монголов были разрушены тюркскими наемниками хорезмшаха Мухаммеда в 1212 г., Газна — в 1215 г., а Тбилиси — теми же войсками Джеляль ад-Дина в 1225 г., и тогда же ими же разорена Грузия. Монголы шли по руинам. Ясно, что истинный преступник скрыт от суда истории, а деяния его приписаны тому, кто не умел защищаться от клеветы и, видимо, даже не предполагал, что его можно в чем-то обвинить. Попробуем разобраться.

Монголия вела войну на три фронта в течение 80 лет. Главным ее противником был Северный Китай, перед тем завоеванный чжурчжэнями. Победа над ними далась монголам лишь в 1234 г., когда пала последняя чжурчжэньская крепость — Кайфын, и тогда уже началась война с Южным Китаем — империей Сун, после того как китайцы убили монгольских послов.

Вторым по значению был юго-западный фронт, где в 1219 г. монголы вели войну с мусульманами. Там они держали постоянно действующий корпус численностью от 30 до 60 тыс. всадников против туркменов-сельджуков. Северо-западный (восточноевропейский) фронт стоял на третьем месте, причем основным объектом ярости монголов были не русские, а половцы, союзные с русскими князьями. Кроме того, монголы были вынуждены то и дело совершать отдельные походы то в Тибет, то в Сибирь, то против камских болгар, то на мордву. Монголы нигде не могли иметь численного перевеса, а равно и перевеса в технике, потому что своего производства железа у них не было. Однако они до 1260 г. везде одерживали победы, а к 1279 г. закончили завоевание Южного Китая.

Как это могло произойти?

Видимо, в грандиозных успехах монголов «повинны» не только победители, но и побежденные. Только исключительно слабым сопротивлением китайцев можно объяснить победу монголов над Чжурчжэньской империей. Но это можно понять: чжурчжэни в Китае были такими же завоевателями, как и монголы, и еще более жестокими правителями. Китайцы не стремились поддерживать ни тех, ни других. Они искали спасения в горных лесах и были не воинами, а жертвами войны. Зато в Южном Китае они сопротивлялись отчаянно, война там затянулась, и только изменение соотношения сил решило ее в пользу монголов, привлекших на свою сторону племена мань: мяо, ицзу, яо, лоло и др.

Китайцы завоевывали территорию южнее Янцзы медленно и планомерно. Племена, обитавшие в джунглях Гуаньдуна и Гуаньси, сопротивлялись мужественно, иной раз переходя в контрнаступление. Однажды они создали свое самостоятельное царство — Наньчжао (649—902), но при династии Сун, к 972 г.,[820] большая часть этих племен подпала под власть империи, отнюдь не по доброй воле. Появление монголов они использовали для освобождения, и их помощь сыграла роковую роль в гибели империи Южная Сун. Виноваты ли монголы в том, что обрели союзников?

---

[820] См.: Эпические сказания народов Южного Китая. М.; Л., 1956. С. 149. Ср.: Итс Р.Ф. Этническая история юга Восточной Азии. Л., 1972. Карты на с. 176, 278.

Самая долгая и упорная война протекала внутри Великой степи. Она началась в 1201 г. с образованием коалиции племен: татар, ойратов, найманов и меркитов, к которым примкнули пять монгольских родов: тайджиуты, сальджиуты, хатагины, дурбэны и икирасы. Эти племена противопоставили Орде (военной организации.[821]) принцип конфедерации — гур — и выбрали гурханом Джамуху. Любопытно, что собственное племя Джамухи — джаджираты — не вошло в состав античингисовской коалиции, равно как и хонкираты, родственники икирасов[822]

Из рассмотрения племенного состава коалиции видно, что в ней сконцентрированы этносы старого типа, не затронутые пассионарным толчком. Они-то и боролись против нового, пассионарного объединения «людей длинной воли», сплотившихся вокруг Чингиса.[823] Особую позицию занимали кераиты, сначала поддержавшие Чингиса, а потом, в 1203 г., выступившие против него и разбитые. Но в среде самих кераитов происходил раскол. Часть их сочувствовала Чингису. А он видел в кераитах противников, но не врагов. Дочь погибшего хана Тогрула стала женой любимого сына Чингиса — Толуя, кераитские богатыри — нойонами монгольского войска, а народ «влился» в монгольскую Орду.[824] Через год пало Найманское ханство, и снова побежденные были приняты в состав Орды.

Тем не менее родовой строй имел еще много защитников, сражавшихся и в тайге, и в степи против Чингиса и его Орды. Только в 1206 г. возникло общемонгольское государство, но многие племена продолжали сопротивление. Наиболее неукротимы были меркиты.

С 1182 г. монголы воевали с меркитами и в 1208 г. вытеснили их в долину Иргиза. Обитавшие там куманы приняли беглецов, тем самым став врагами монголов. В 1216 г. монголы истребили остатки меркитов[825] и вступили в войну с куманами, которая им была совсем не нужна.

Война монголов с куманами затянулась надолго потому, что между ними существовал этнический барьер — Великая Венгрия, ныне именуемая Башкирией. Эта страна располагалась на р. Белой, которую башкиры называли Ак-Идель. Монголо-башкирская война тянулась 14 лет, т. е. значительно дольше, чем война с Хорезмийским султанатом и Великий западный поход. Столько же сопротивлялись монголам только чжурчжэни империи Цзинь, пассионарность которых не уступала монгольской; но результаты башкирской и чжурчжэньской кампаний были различны. Башкиры неоднократно выигрывали сражения и наконец заключили договор о дружбе и союзе,[826] после чего монголы объединились с башкирами для дальнейших завоеваний.[827]

Рассчитаем даты этой войны. В 1216 г. монголы на р. Иргиз были отбиты хорезмийцами. Возобновить наступление они смогли, лишь победив Хорезм и обезопасив

---

[821] Орда — народ-войско; см.: Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 60.

[822] См.: Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия… Т. II. С. 409.

[823] Подробнее см.: История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970. С. 205—218.

[824] См.: Грумм-Гржимайло Г.Е. Когда произошло и чем было вызвано распадение монголов на восточных и западных? // Известия Государственного Географического общества. 1933. Вып. 2. С. 168—177.

[825] Имеется в виду только правящая семья, члены коей были казнены. Остальные меркиты были рассеяны по всей Монгольской империи и как «кость» (сеок) встречаются у телесов, телеугов, киреев, торгоутов, башкир (см.: Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия… Т. II).

[826] См.: Аннинский С.А. Указ. соч.

[827] Там же. С. 85.

свой левый фланг, т. е. в 1220—1221 гг. Куманов монголы разбили впервые у Саксина в 1229 г.; в 1236 г. венгерский монах Юлиан встретил в Башкирии татарского посла; значит, война шла с 1220 по 1234 г., после чего монголо-башкирское войско в 1235 г. покорило «пять стран»:[828] Сасцию (Саксин), Фулгарию (Камскую Болгарию), Меровию (страна севернее Волги, между Ветлугой и Унжей), Ведин (севернее Меровии до р. Сухоны), Пойдовию (?) и «царство морданов».

Итак, монгольское войско вышло из этой тяжелой войны не ослабленным, а усиленным. Юлиан отмечает, что у заволжских «венгров», т. е. башкир,[829] не было ни земледелия, ни религии, даже идолов, но при этом они были гостеприимны и воинственны. То и другое указывает на высокий уровень пассионарности, значительно превышавший пассионарность соседних этносов. Видимо, она связана с хуннами, которые 200 лет жили в симбиозе с уграми и интенсивно мешались. Хунно-угорскую смесь принято называть «гуннами». Так хуннская пассионарность попала к уграм и была использована монголами. Прошлое часто воскресает в сердцах потомков.

Одновременно с началом войны против куманов монголам пришлось столкнуться с хорезмийцами. Хорезмшах Мухаммед, имея в войске канглов и карлуков, напал на монгольский отряд. Сражение не было особенно кровопролитным, но монголы отошли назад, а куманы получили короткую передышку.

Чингисхан был крайне удивлен таким оборотом дела. Переговоры монгольского хана с хорезмшахом начались в июне 1215 г., когда в только что взятый монголами Пекин прибыло посольство из Гурганджа. Чингис сказал послу: «Передай хорезмшаху: я владыка Востока, а ты владыка Запада! Пусть между нами будет твердый договор о мире и дружбе, и пусть купцы обеих сторон отправляются и возвращаются, и пусть дорогие изделия и обычные товары, которые есть в моей земле, перевозятся ими к тебе, а твои… ко мне».[830]

Среди даров, отправленных ханом хорезмшаху, был самородок золота величиной с верблюжий горб (его везли на отдельной повозке); караван — 500 верблюдов — вез золото, серебро, шелк, собольи меха и другие ценные товары. Видимо, война не планировалась.

Любопытно, что в 1218 г. хорезмшах направил в Монголию торговый караван, очевидно не придавая значения битве при Иргизе. Чингисхан снова послал хорезмшаху драгоценные подарки, дабы установить «отношения мира, дружбы и добрососедства».[831] Договор был заключен и тут же нарушен хорезмийцами, точнее, тюркскими сардарами (офицерами) хорезмшаха, который, однако, одобрил их самоуправство в 1219 г. А за эти три года произошло следующее.

Найманский царевич Кучлук, убежавший к своим соплеменникам — кара-китаям, воспользовавшись благоприятной ситуацией, в 1211 г. захватил власть и использовал ее для того, чтобы ударить в тыл монголам. В 1218 г. монгольский корпус рассеял его войско. Кучлук бежал на Памир и там погиб, а кара-китаи, уйгуры, хотанцы, кашгарцы и тюрки без сопротивления признали монгольскую власть, за что были награждены разнообразными привилегиями, особенно торговыми.

Все степные правители властвовали над народами, жившими натуральным хозяйством.

---

[828] Там же. С. 85—86.

[829] Слова «Баскардия» (Башкирия) и «Сибур» (Сибирь — область около Тюмени) употреблялись уже в XIV в. (Аннинский С.А. Указ. соч. С. 92—93).

[830] Буниятов З.М. Государство хорезмшахов — Ануштегинидов. М., 1986. С. 132.

[831] Там же. В послании Чингисхана говорилось: «Поддержание мира с тобой я считаю своей обязанностью. Ты мне как самый дорогой сын» (Ан-Насави Мухаммед. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манк-бурны / Пер. с араб. З.М. Буниятова. Баку. 1973. С. 77—78). Вот на обращение «сын» хорезмшах и обиделся.

Поэтому с подданных взять было нечего. Средства, необходимые для ведения мировой политики, доставляли купцы, водившие караваны из Китая до Испании. Торговали они шелком и другими предметами роскоши,[832] так что их деятельность более походила на валютные операции, нежели на торговлю в современном смысле.

Правители получали с этих купцов большие доходы за гарантию безопасности. И вдруг в 1219 г. караван, прибывший в город Отрар из монгольских владений, был разграблен правителем города, а купцы и их слуги убиты по обвинению в шпионаже, явно вымышленному.[833]

Чингис послал к хорезмшаху посольство для выяснения обстоятельств преступления. Хорезмшах часть послов казнил, а некоторых выгнал голыми в степь. Они погибли не все, и Чингис получил весть о происшедшем, после чего война стала неизбежной.

Силы были неравны. У хорезмшаха было 400 тыс. регулярного войска против 200 тыс. монгольского ополчения. Но монголы победили. Хорезмшах погиб во время побега на острове, где находилась колония прокаженных, но его сын Джеляль-ад-Дин продолжал войну до 1231 г., когда был разбит и затем убит каким-то курдом. Тогда войну продолжили туркмены-сельджуки и курды Эюбиды, потомки Салах-ад-Дина. Но монголы и тут обрели союзников: их поддерживали армяне и сирийцы, а также грузины, которые затем выступили против, но были подавлены.

Передняя Азия превратилась в кровавый ад. Остатки разгромленных хорезмийских войск — канглы, карлуки и гузы — свирепствовали в Сирии и Палестине, где взяли в 1244 г. Иерусалим, уступленный египетским султаном Камилем императору Фридриху II Гогенштауфену. Хорезмийцы пытались найти службу в Египте, но их своеволие и жестокость вынудили египетского султана перебить их.

Исмаилиты из своих неприступных горных замков посылали убийц-фанатиков против неугодных им людей. Ни мусульманин, ни христианин ни минуты не был спокоен за свою жизнь.

Халиф, избавившись от хорезмийской угрозы, объявил священную войну против монголов, справедливо полагая, что союз степных несториан с армянами-монофизитами угрожает всему исламу. На это монголы ответили «желтым крестовым походом», который смел с лица земли исмаилитов, халифат и сирийских Эюбидов. Но могли ли они поступить иначе?

В военной науке есть понятие «развитие успеха». Остановка, потеря темпа всегда грозят поражением, особенно если у противника есть численное превосходство. У мусульман оно было, а, кроме того, монголы воевали на трех фронтах, и войска их были распылены. Было у мусульман преимущество в материальной и духовной культуре, причем последнее было более важно, так как пропаганда ислама шла среди самих монголов, даже ханского рода Борджигинов. Поэтому у мусульманского суперэтноса шансы на победу имелись.

Однако спасли мусульманскую культуру не создатели ее — арабы, не учителя их — персы, не потомки древних египтян — копты и феллахи, тогда еще бывшие христианами, а половцы, купленные на невольничьих базарах, родные братья тех, что, оставшись в родных степях, не смогли отстоять свою родину от монголов. Как это могло случиться?

Гомеостатичный этнос, как всякая популяция с усредненным стереотипом поведения, стремится избавиться от экстремальных особей, выделяющихся из посредственности благодаря уровню пассионарности. Римляне бросали мечтателей (христиан) на арены цирков, немецкие инквизиторы их сжигали, обвиняя в колдовстве, византийцы принуждали эмигрировать в Персию и Китай, китайские легисты закапывали живьем читателей Конфуция и Цюй Юаня, а гуманные половцы продавали их в Египет. Так, там на берегу

[832] См.: Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 42—52.

[833] См.: Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. С. 187.

одного из протоков Нильской дельты, широкого, как море (бахр), скопилась колония пассионариев, остатки носителей древней динлинской доблести. По сравнению с этими реликтами монголы были мальчиками, а крестоносцы — юношами. У тех и других было будущее, а у мамлюков-бахритов — только неумолимая энтропия, протянувшаяся до 1382 г., когда их сменили мамлюки-бурджиты — черкесы и грузины, лагерь которых помещался в цитадели Каира.

«Желтый крестовый поход» в 1260 г. кончился катастрофой, обстоятельства которой весьма примечательны. Простодушные монголы, двинувшись из завоеванного Багдада на освобождение Иерусалима, полагали, что все христиане должны стать их союзниками. Таковыми оказались армяне и сирийцы, сочувствующими — греки и немецкие гибеллины, а злейшими врагами — паписты-гвельфы, в том числе влиятельный орден тамплиеров. Все они принесли монголам вред, но различный.

Восточные христиане, крайне озлобленные против мусульман, стали применять жестокие способы казни пленных — это возбудило в мусульманах волю к сопротивлению. Греки были заняты освобождением Константинополя от крестоносцев и не помогли монголам завершить поход. Антиохийский князь Боэмунд выступил в поддержку монгольской армии… и был отлучен от церкви. Крестоносцы в Сидоне, Тире и Газе снабдили египетских мамлюков провиантом и фуражом, чем подарили им победу при Айн-Джалуде, так как монгольские кони устали от длительных переходов по пустыням, а в те времена состояние лошадей значило очень много. Разбитые монголы откатились за Евфрат, и эпоха монгольских побед окончилась. Правда, крестоносцы «Заморской земли» заплатили за свое предательство сполна. Мамлюки взяли все крепости христиан в Палестине и убили всех сдавшихся в плен, вырезали восточных христиан в Сирии и Армении, а феллахов Египта и Нубии обратили в ислам.

Мусульманский суперэтнос вступил в инерционную фазу этногенеза, нарушенную в XIV в. новым пассионарным толчком — возникновением этноса турок-османов.

Монгольская власть удержалась в Иране, но лишь благодаря вероотступничеству. В 1295 г. ильхан Газан принял ислам, что означало капитуляцию перед большинством населения страны. Помощи ждать ему было неоткуда. В Монгольском улусе с 1259 г. полыхала жестокая гражданская война узурпатора Хубилая с ревнителями традиций кочевой старины — западными монголами, которых поддерживали ханы Золотой Орды. Война закончилась в 1304 г. вследствие предельного утомления обеих сторон.[834] В Монгольском улусе наступила фаза надлома. Интеграция кочевых этносов в «монголосферу» сменилась дезинтеграцией, вследствие которой возникли новые самостоятельные этносы.

Интенсивное течение процесса этногенеза в этот период отличает широкую меридиональную полосу — от Пскова до Бурсы и далее на юг, в Абиссинию: то же повышение активности в популяциях, перемешивание этносов, появление новых социальных форм — короче говоря, очередной взрыв этногенеза, с той лишь разницей, что ареалы меридиональных толчков всегда шире, чем широтных, видимо, из-за того, что происходит размывание границ за счет вращения Земли.

Этот феномен имеет столь большое значение для нашей Родины, что мы имеем право перенести внимание с востока на запад Евразии и перейти к описанию упадка и подъема России.

Часть пятая
От зенита к надиру

---

[834] Подробнее см.: там же. С. 209—229.

XXI. Поиски виновных

136. Что значит «погибель русской земли»?

Это странное заглавие одной древнерусской рукописи, от которой сохранился только фрагмент. Она предположительно датирована XIII веком. Считается, что она написана по поводу одного из вторжений монголов — в 1223 или 1238 г.[835]

Но оставим этот спор филологам — этнологу важнее другое: автор трактата не только предполагает возможность «погибели» большого, сильного и богатого этноса, но и уверен в том, что это в XIII в. произошло. Почему он мог так считать, даже учтя, что во Владимирском княжестве войсками Батыя зимой 1238 г. было сожжено всего 14 деревянных городов (из общего числа около 300), да и эти были весной отстроены заново? Вместе с тем его пафос, эрудиция и патриотизм вне всякого сомнения. Надо думать, что в утраченной части текста было нечто столь важное, что в наше время и представить трудно.

Мы, люди XX в., так привыкли к эволюционной теории, что дискретность (разрывность) исторических процессов нами не воспринимается. В наше время кажется, что русские происходят если не прямо от питекантропов, то как минимум от скифов, конечно пахарей, а древние русичи XII в. совсем свои, вроде двоюродных дедов. Поэтому все разговоры о старении этноса, о культуре «золотой осени», о потере традиций и обновлении стереотипов поведения оскорбительны для наших великих предков. В этом уверены все обыватели, многие ученые и даже писатели, кроме А.К. Толстого, показавшего в своих балладах глубину различия между Древней, Киевской, и Московской Русью. Оно не меньше, чем между Римом цезарей и Римом пап: и там, и тут оно не в культуре, а в нравах и обычаях, т. е. в поведенческих стереотипах, значит, в этногенезе, а не в модификациях институтов: государства, церкви, сословности, архитектуры и т. п. Не замечать глубокий кризис XIII в. ученые-историки не могли, хотя объяснить его с позиций эволюционизма было сверхтрудно. Но выход все-таки нашелся и был многими принят. Этот кризис и последовавшую за ним «погибель» долгое время приписывали южным соседям Русской земли. Только в XX в. эта концепция подвергнута критике. Попробуем разобраться в проблеме, сделав экскурс в историографию.

В русских источниках XII—XIII вв. Половецкая степь именуется «Землей незнаемой». Это удивительно потому, что до 1093 г., а тем более в X в. русские свободно ездили в Тьмутаракань и в Крым и даже через степи Северного Кавказа до берега Каспийского моря, и вдруг в Лаврентьевской летописи под 1252 г. про Андрея Ярославича Владимирского сказано: «Побеже в неведому землю». И то же в «Слове о полку Игореве» и в «Повести временных лет». Д.С. Лихачев поясняет, что это название употребляется не в качестве точного географического термина, а в качестве эмоционального определения Половецкой степи.[836] Но это тем более странно, так как название утвердилось за южной степью после победоносных походов Владимира Мономаха и резкого сокращения русско-половецких столкновений. Напрашивается мысль, что знания древнерусских географов в XIII в. уменьшились и половецкие степи, ранее прекрасно знакомые, стали неизвестными землями. Такой регресс в науке иногда наблюдается. Познание и забвение меняются местами.

137. Была ли «борьба леса со степью»?

---

[835] См.: Бегунов Ю.К. Памятники русской литературы XIII в. С. 110 и след.

[836] См.: Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950. С. 394. Это не совсем так. В «Повести временных лет» под 1093 г. неизвестная страна (в смысле «чужбина») — действительно эмоциональный оборот. А в текстах XIII в. то же слово звучит как географический термин.

Итак, в XII в. бывшая степная окраина Киевской Руси превратилась сначала в «Землю незнаему», потом в «Большой луг» и наконец в «Дикое поле», завоеванное русскими и их союзниками-калмыками лишь в конце XVIII в. Но тогда изучение этой страны пришлось начинать заново. Степные просторы Северного Причерноморья всегда были удобны для развития скотоводства. Поэтому в Восточную Европу переселялись азиатские кочевники. Разумеется, эти миграции вызвали столкновения с местным населением — славянами, хозяйство которых было связано с лесными массивами и речными долинами. Однако кочевое хозяйство не может существовать вне связи с земледельческим, потому что обмен продуктами одинаково важен для обеих сторон. Поэтому мы наблюдаем наряду с военными столкновениями постоянные примеры симбиоза. Печенеги после разгрома при Лебурне осели в Добрудже и стали союзниками Византии; торки поселились на правобережье Днепра и поставляли пограничную стражу для киевских князей; куманы, сильный и воинственный народ, после первых столкновений с русичами сделались союзниками Черниговского княжества.

И это не случайно. Экономико-географическое единство региона, в котором сочетались зональные и азональные (речные долины) ландшафты, определяло необходимость создания целостной хозяйственной системы, где части не противостоят друг другу, а дополняют одна другую.[837] Разумеется, это не исключало столкновений, подчас кровавых, и это-то бросалось в глаза современникам событий. Авторы XIX—XX вв. создали концепцию извечной борьбы «леса со степью». Начало этой идее положил С.М. Соловьев, считавший, что поток славянской колонизации шел по линии наименьшего сопротивления — на северо-восток, где Ростовская земля, населенная финнами, без сопротивления покорилась славянам, тогда как воинственные кочевники были для славянских земледельцев неодолимой преградой. Эту концепцию некритично приняли В.О. Ключевский, П.Н. Милюков, А.Е. Пресняков, Г.В. Вернадский и Б.А. Рыбаков, не говоря уже об историках «украинского» направления, таких, как, например, Н.И. Костомаров, В.В. Антонович, М.С. Грушевский, В.Г. Ляскоронский и др. Однако, прежде чем согласиться с этой концепцией, взглянем на факты исторические и географические, учитывая, что последние были вне поля зрения С.М. Соловьева.

138. Северные и южные соседи Руси

Бросим взгляд на ближайшее минувшее. Мира на границах Руси не было. Ярослав Мудрый совершал походы на север: в 1030 г. — на чудь (на их земле он построил город Юрьев, утраченный в 1224 г.), на ятвягов — в 1038 г., на Литву и Мазовию — в 1040—1041 гг., снова на Мазовию — в 1047 г., а сына своего, Владимира, посылал на ямь в 1042 г., наконец, в 1058 г., уже после смерти Ярослава, была завоевана голядь — литовское племя юго-западнее Москвы.

Владимир Мономах двумя походами покорил вятичей — последний оплот славянского язычества, но мордва победила князя Ярослава Святославича в 1104 г. у Мурома и остановила продвижение русичей. Мстислав Великий поднял новгородцев и псковичей против чуди в 1116 г. и ходил на Литву в 1131 г., но после смерти этого последнего на Древней Руси единовластного князя латышское племя земигола в 1166 г. разгромило полоцких князей. Потери русской дружины исчислялись в 9 тыс. ратников. Наступление на север было остановлено. Этот краткий список показывает, что особое внимание, уделяемое историками военным столкновениям на южной границе, подсказано литературными реминисценциями, а не трезвым сопоставлением фактов на широком историческом фоне.

На юге: в 1036 г. — разгром печенегов у Киева, в 1060 г. — победа над торками и их

---

[837] См.: Гаель А.Г., Гумилев Л.Н. Разновозрастные почвы на степных песках Дона и передвижение народов за исторический период // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1966. № 1.

подчинение в 1064 г., в 1068 г. — поражение от половецкого князя Шарукана на Альте и через месяц реванш — разгром его при р. Снови Святославом Черниговским. С 1092 по 1117 г. — война против половцев по инициативе великого князя Святополка II и полное подчинение их западных кочевий Владимиром Мономахом. Восточные «дикие» половцы добровольно вступают в союз с суздальскими князьями. Затем, за 120 лет, с 1116 по 1236 г., половецких набегов на Русь — всего 5; русских походов на Степь — тоже 5, случаев участия половцев в усобицах — 16. И ни одного крупного города, взятого половцами! Зато в 1088 г. лесовики-болгары взяли Муром!

Перейдем к географии хозяйства. Вмещающим ландшафтом древних русичей были не столько лесные массивы, сколько лесостепи, ополья и речные долины. При крайне редком населении Руси в XII в. (около 5,5 млн) в ней практиковались переложные системы земледелия, требовавшие неполной оседлости; не исключалось и полукочевничество на основе скотоводческого хозяйства, особенно в степной зоне.[838]

Не были кочевниками и тюрки (см. выше), около зимников развивалось земледелие, как у казаков — донских и запорожских — и у ногайцев. Разница между «лесом» и «степью» была не так уж велика, тем более что в XII в. степь была покрыта островками леса: рощами и борами. Их истребили люди в XIX в.[839]

И наконец в XIII в. русские и половцы совместно отражают сельджукский десант в Крым и монгольский рейд на Дон и оба раза делят горечь поражения. Нет, дело обстояло не так просто! Однако, прежде чем принимать решение, рассмотрим историю вопроса, но не в микроскоп, чтобы не потерять перспективы, а в телескоп, чтобы увидеть картину мнений и сомнений целиком, за все 200 лет постановки проблемы.

139. «Государственная точка зрения» в XIX в

А теперь нам придется на время оторваться от изложения хода событий и уяснить проблему взаимоотношений половцев и русичей. Эта проблема имеет два решения, из которых может быть правильным только одно. Поэтому целесообразно отступить от хронологического принципа, чтобы учесть весь необходимый материал и избавиться от переходящих ошибок, причиняющих немало вреда науке и повседневной жизни. Ведь то, что при обывательском подходе кажется простым, на самом деле сложно и совсем не так, как представляется на первый и невнимательный взгляд.

В XIX в. аксиоматически предполагалось, и даже вошло в гимназические учебники, что «рыцарственная Русь и тревожная недобрая степь, разлившаяся безбрежным морем от Волги до Дуная»,[840] были извечными антагонистами. В наше время это мнение оспаривается как предвзятое и не соответствующее фактам, зафиксированным строго и беспристрастно.[841] В самом деле, оптимальные условия для становления культуры и процветания хозяйства имелись не в глухих лесах Заволжья и Сибири и не в солнечной пустыне Казахстана, а на ландшафтной границе лесной и степной зон, а также в азональных ландшафтах — речных долинах. Аборигены леса и степи научились жить в этническом симбиозе, обменивались

---

[838] См.: Шенников А.А. Земледельческая неполная оседлость и «теория бродяжничества» // Этнография народов СССР. Л., 1971. С. 88—89.

[839] См.: Грибанов Л.Н. Изменение южной границы ареала сосны в Казахстане // Вестник с.-х. науки (Алма-Ата). 1965. № 6. С. 78—86.

[840] Рыбаков Б.А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. С. 8.

[841] См.: Белявский В.А. По поводу «извечного антагонизма» между земледельческим и кочевым населением Восточной Европы // Славяно-русская этнография. Л., 1973. С. 101—108.

излишними продуктами труда и не образовывали химер, несмотря на частые смешанные браки. При этом оба этноса — русичи и куманы — жили каждый за счет природных ресурсов своего региона и потому были ограничены пределами своих ландшафтов. Но тогда почему появилась и укрепилась концепция извечного антагонизма Руси и Степи и насколько она соответствует несомненным фактам истории? Этому вопросу придется уделить особое внимание.

Для русских историков (не только летописцев) в XVI—XVII вв. половецкая проблема была неактуальна. Война на юго-восточной границе шла беспрестанно, но противниками России были государства, входившие в мусульманский суперэтнос, — Крым, Казань и Османская империя, ибо уже во время «великой замятни» в Золотой Орде степной суперэтнос в Западной Евразии распался на составные части и исчез как целостность. Когда же появились мигрировавшие из Джунгарии калмыки, истинно степной этнос, Россия заключила с ними союз и с их помощью завоевала Крым.

Поэтому, когда в конце XVIII в. интерес к прошлому заставил обратиться к древности, историки столкнулись с летописной традицией и приняли ее как материал для собственных теоретических построений в духе своего времени.

Дореволюционная русская историография — от В.Н. Татищева до Г.В. Плеханова, за редкими исключениями, решала проблему русско-половецкого контакта единообразно, не смущаясь очевидными противоречиями в самих источниках и несоответствием своих выводов с географией и всемирной историей.

В.Н. Татищев писал: «Половцы и печенеги более как через много сот лет русским пределам набегами, пленя и грабя, великие вреды наносили… чему несогласие и междуусобие русских князей немалою причиной было…» Владимир Мономах решил женить своих сыновей на половецких княжнах, «но весьма мало покоя и пользы исчемой чрез то приобрел».[842]

Сам Владимир Мономах писал, что заключил с половцами «19 миров». Думается, что ему было виднее, где польза, тем более что именно он первый привел половецкую рать на Русь для разгрома Полоцкого княжества.

Н.М. Карамзин называл половцев «неутомимыми злодеями» и утверждал, что «мир с такими варварами мог быть только опасным перемирием».[843] Зачем же русские князья в 1223 г. пошли выручать половцев на Калку?

Н.Г. Устрялов, хоть и приводил факты участия половцев в междоусобицах как наемного войска, именует их «лютыми злодеями».[844] Менее эмоциональный С.М. Соловьев считал, что «Россия …должна была вести борьбу с жителями степей, с кочевыми азиатскими народами…».[845] Эту идею развивал вслед за Соловьевым В.О. Ключевский. Они придавали этой войне характер «борьбы леса со степью»,[846] чем тезису «извечного антагонизма» Руси и Степи придавался как бы географический смысл, но соль была в ином: создатели этой концепции считали своим долгом оправдать «отсталость» России от стран Западной Европы и доказать неблагодарным европейцам, что «Русь своей степной борьбой прикрывала левый фланг европейского наступления».[847] То есть исторической заслугой Древней Руси перед

---

[842] Татищев В.Н. История Российская… Кн. 1. С. 271—274.

[843] Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1892. Т. 1. С. 159; Т. 2. С. 46—47.

[844] Устрялов Н.Г. Русская история. СПб., 1837. Ч. 1. С. 143—144.

[845] Соловьев С.М. История России… Кн. 1. С. 57.

[846] Там же. С. 647; Ключевский В.О. Курс русской истории: Соч. в 9 т. Т. 1. Ч. 1. М., 1987. С. 68—84.

[847] Ключевский В.О. Указ. соч. Т. 1. Ч. 1.

мировой цивилизацией является то, что русичи, не жалея себя, прикрывали католические монастыри, в которых наших предков предавали анафеме за принадлежность к схизме; рыцарские замки, откуда феодалы выходили грабить единоверную нам Византию; городские коммуны, торговавшие славянскими рабами, и пройдох-ростовщиков, изгнанных народом из Киева. И самое смешное, что это искреннее преклонение перед Западом почему-то называлось патриотизмом!

140. Еще одна точка зрения

Несколько по-иному представлял южнорусскую ситуацию Н.И. Костомаров, считавший украинский народ если не вечным, то очень древним и всегда не похожим на великороссов. По его мнению, в основе русской истории лежала борьба двух начал — удельно-вечевого и монархического. Республиканским был Юг, монархическим — Великороссия. А кочевники задерживали развитие цивилизации в Древней Руси, даже торки и берендеи, смешавшиеся со славянами и сражавшиеся под знаменами киевских князей. «Русь была окружена чужеземцами, готовыми вмешаться в ее дела. С Востока, как тучи, одна другой мрачнее, выходили полчища степных кочующих народов Азии, жадных к грабежу и истреблению»,[848] и, даже помогая южнорусским князьям, кочевники приносили вред, ибо из-за смешанности населения «в Руси не могло образоваться ни прочной княжеской власти, ни родовой аристократии, ни… народоправления», а частые половецкие набеги вынуждали «южнорусов» переселяться на север, где они, видимо, превращались в великороссов. Последний удар Киеву нанесло монгольское нашествие.[849] Но почему-то Южную Русь покорили не татары, а литовцы!

Взгляды Н.И. Костомарова появились в 60-х годах XIX в. и нашли последователей среди украинских националистов, например М.С. Грушевского и др.,[850] но 120 лет спустя этот воинствующий провинциализм представляется несерьезным. Ведь русичи были куда сильнее степняков: Олег Святославич половцев использовал, а Мономах разгромил их. Однако психология Н.И. Костомарова понятна: в собственных бедах приятнее обвинить соседа, нежели себя.

Оба направления — государственное и «областное» — казалось бы, непримиримые, имеют одну общую черту: их представители рассматривали многочисленные и разнообразные степные этносы Евразии как однородную серую массу варваров, враждебных всякой и, главное, европейской цивилизации. Для Западной Европы это давнее традиционное мнение. Туркмены-сельджуки и мамлюки Египта остановили крестоносные войска и выгнали рыцарей из «Заморской земли», или Палестины. Половцы нанесли смертельный удар Латинской империи, после чего полвека шла ее агония, и изрядно потрепали авангард католического Запада — Венгрию. Поэтому антипатия европейцев к степной Азии понятна. Но почему русские историки болеют за государства, организовавшие в XIII в. Крестовый поход против Руси?

Натиск на восток, начавшись в XI в., продолжался в XIII в., и в XIV в., когда были завоеваны литовцами Киев и Чернигов, и в XVII в., когда поляки сожгли Москву; в XIX в. то же самое проделали французы и в XX в. хотели учинить немцы. А половцы только просили мира или защищались от победоносных дружин Владимира Мономаха. Но историки XIX в., при прекрасном знании летописей, делали вид, что «лес борется со степью» и это

---

848 Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования. СПб., 1903. С. 112.

849 Там же. С. 112, 116, 133, 158.

850 См.: Мавродина Р.М. Киевская Русь и кочевники. Л., 1983. С. 19—20.

закономерно.

Наконец в 1884 г. П.В. Голубовский убедительно доказал, что в южнорусских степях жили три разных тюркских народа, враждебные друг другу, и каждый из них имел свою историю и свою судьбу. Это были печенеги — потомки канглов, торки — ответвление гузов и половцы, или куманы, — народ древней культуры. Половецкие красавицы были матерями многих русских князей, в том числе Александра Невского.

И тем не менее П.В. Голубовский писал: Русь «на своих плечах вынесла эту борьбу (с куманами) и грудью прикрыла Европу».[851] Он повторял тезисы Н.И. Костомарова и своего учителя В.Б. Антоновича. Вот что дает гипноз предвзятых мнений.[852]

И все-таки основателем научной куманологии следует считать П.В. Голубовского. С.А. Плетнева вполне справедливо указывает, что «труды о половцах, выходившие до работы П.В. Голубовского, как правило, написаны крайне тенденциозно, иногда просто по-дилетантски и свидетельствуют только о том, что научный интерес к половцам возник еще в первой половине XIX в.».[853] Но этот «интерес» характеризовал не столько предмет изучения, сколько вкусы и настроения самих историков. П.В. Голубовский не выступил против господствовавшего предвзятого мнения о служебной роли России по отношению к Западной Европе, зато его исследования дали возможность историкам XX в. открыть серию подлинно научных исследований, без ненужной и навязчивой тенденциозности.

Достоинство научной монографии определяется степенью полноты достоверного материала по данной теме и на заданном уровне исследования. Одному человеку такая задача не под силу. Поэтому вполне законна преемственность, при которой эстафета научных достижений передается от поколения к поколению. Ныне синтез археологии с историей, после многократных попыток разных исследователей, наиболее полно осуществлен С.А. Плетневой и Г.А. Федоровым-Давыдовым.[854]

Но пока суд да дело, спекулятивная историософия в предреволюционные годы развернулась на новой основе, заимствуя идеи, еще носившиеся в воздухе лондонских туманов, парижских бульваров и тихих улиц немецких университетских городков. Наши историки, проявив славянскую непосредственность, иной раз догоняли, но иногда опережали европейскую философскую мысль, что не всегда шло на пользу делу.

141. «И старым дышит новизна»

Повышенное внимание к русско-половецким отношениям породило много частных концепций, более или менее остроумных и всегда противоречивых. Разбор их увел бы нас из этнологии в область историографии.[855] Но это дает повод для характеристики не славян и тюрок, а славистов и тюркологов, что не входит в задачи нашего исследования. Поэтому можно ограничиться анализом двух концепций: политологической и экономической. Первую

---

851 Голубовский Л.В. Печенеги, торки, половцы до нашествия татар. Киев, 1884.

852 См.: Мавродина Р.М. Указ. соч. С. 23—24.

853 Плетнева С.А. Половецкая земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. С. 260.

854 См.: Плетнева С.А. Печенеги, торки, половцы в южнорусских степях // Материалы и исследования по археологии СССР. 1958. № 62; Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.

855 Обилие исследований русско-половецких контактов имело двоякие последствия. С одной стороны, был накоплен богатый фактический материал, с другой — отдельные построения, пересекаясь, поневоле становились эклектичными (см.: Мавродина Р.М. Указ. соч. С. 25—39).

сформулировал А.Е. Пресняков,[856] тем самым предвосхитив теорию «вызова и ответа» А. Тойнби,[857] вторую — Н.А. Рожков,[858] продолжением взглядов коего явилась теория «торгового капитала» и борьбы за торговые пути М.Н. Покровского.[859] Эта сторона воззрений Покровского не связана органически с другими его высказываниями, хотя и те и другие были отвергнуты в ходе дальнейших исследований.[860]

При объяснении крупных исторических явлений, например возникновения или исчезновения той или иной «цивилизации» (у нас ее называют «культура»), всегда возникает вопрос «почему?». А. Тойнби отвергает все природные воздействия, биологические и географические, и предлагает свою оригинальную концепцию: «Человек достигает цивилизации не в результате высшего биологического дарования (наследственность) или географического окружения (имеются в виду легкие условия для жизни), но в качестве ответа на вызов в ситуации особой трудности, которая воодушевляет его сделать беспрецедентное усилие» (Op. cit. P. 570). Поэтому одна из глав его труда названа «Достоинства несчастья».

Что это за вызовы? Иногда плохие природные условия: болота по берегам Нила, тропический лес в Юкатане, море вокруг Эллады, а в России — снега и морозы. Да-да, а может быть, причина расцвета Англии — лондонский туман? Об этом автор молчит.

Вторая группа вызовов — нападения иноземцев, что, по мнению А.Тойнби, тоже стимулирует развитие цивилизаций, потому что нападения надо отражать. Как пример фигурирует Австрия, которая будто бы потому обогнала Баварию и Саксонию, что на нее в XVII в. напали турки. Но, как известно, турки напали сначала на Болгарию, Сербию, Венгрию, Византию, на что те ответили капитуляцией. А от Вены турок отогнали гусары Яна Собеского, которых турки в тот момент «не вызывали». Пример не подтверждает концепцию, а противоречит ей.

Это длинное отступление вызвано тем, что А.Е. Пресняков независимо от Тойнби и даже ранее его (1907—1908 гг.) дал такое же объяснение расцвета Киевского княжества: угроза со стороны кочевников из южных степей вызвала создание в Киеве «военной княжеско-дружинной организации… Но за свое служение делу европейской культуры Киевщина заплатила ранним надрывом своих сил…»[861] Еще один вариант концепции «извечной борьбы леса со степью».

В интерпретации А.Е. Преснякова непонятно многое, если не все. Киев был захвачен не печенегами, а варягами, печенеги долгое время были союзниками Игоря и Святослава, трагическая смерть которого является эпизодом, заслуживающим отдельного исследования. И потом, печенеги поддерживают Ярополка и Святополка против Владимира и Ярослава,[862]

---

[856] См.: Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. Т. 1. М., 1938; Т. 2. М., 1939.

[857] Toynbee A.T. A Study of History. Abridgement of volumes I—VI by D.C. Somervell. N.Y.; Toronto, 1946. P. 570. Критику теории «вызова и ответа» см.: Гумилев Л.Н. Об антропогенном факторе ландшафтообразования («Ландшафт и этнос», VII) // Вестн. ЛГУ. 1967. № 24. С. 104—105.

[858] См.: Рожков Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики), 4-е изд. Л.; М., 1930. Т. 1.

[859] См.: Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1933.

[860] См.: Греков Б.Д. Киевская Русь и проблема происхождения русского феодализма у М.Н. Покровского // Против исторической концепции М.Н. Покровского. М.; Л., 1939. Ч. 1. С. 112.

[861] Пресняков А.Е. Указ. соч. С. 143.

[862] Там же. С. 145

т. е. участвуют в усобицах, не более. Нападение на Киев в 1036 г. связано со сменой религии, а в то время это означало смену политической ориентации.

Торки просят у Всеволода I союза и места для поселения. Половцы через месяц после случайной победы на р. Альте разбиты наголову Святославом Черниговским при Снови, причем 3 тыс. русичей оказалось достаточно против 12 тыс. куманов. Война 1093—1116 гг. произошла по инициативе русских, а в XIII в. русские идут на Калку спасать половцев от монголов. С чего бы это?

Да и сам принцип?! Если одной необходимости достаточно, чтобы создать сильное государство, то почему они создаются так редко? Почему не было создано такое же государство в XIII в., когда нужда в нем была еще острее? И почему киевские князья то и дело покоряли не печенегов и половцев, а славян? Да еще как жестоко! Видимо, славянам сильная держава в Киеве была не нужна, хотя Киев был центром торговли с Европой. Из Киева и через Киев везли меха и драгоценные изделия, дорогие ткани, вина и пряности.[863] А что попадало в Киев?

Тут вступает в диспут экономическая концепция Н.А. Рожкова, принимаемая А.Е. Пресняковым без критики.[864] Это не осуждение. Рожков, видимо, вполне прав, когда пишет: «Внешняя торговля того времени характеризовалась двумя отличительными и имеющими первостепенную важность чертами: во-первых, торговая деятельность была занятием исключительно одних общественных верхов — князей, их дружинников и небольшой группы состоятельных горожан; масса же населения не принимала в ней никакого участия, потому что не продавала, а отдавала даром, в виде дани, продукты охоты и пчеловодства; во-вторых, внешняя торговля не затрагивала… насущных… потребностей даже этих, руководивших ею, высших классов населения; все необходимое они получали натурой, отправляя на внешний рынок лишь избыток и выменивая там только предметы роскоши».[865]

Да, но это похоже на «торговлю» с индейцами Канады и зулусами Южной Африки. Это способ порабощения страны путем обмана и спаивания аборигенов. Это программа колонизаторов эпохи «первоначального накопления капитала», губительная для народов, становившихся ее жертвами. И ее разделяет Н.А. Рожков. Он, подобно всем перечисленным авторам, утверждает, что «в XI в. с падением Хазарского царства и торжеством половцев в южных и юго-восточных степях торговля с арабами слабеет и наконец совершенно прекращается, потому что половцы перерезывают и уничтожают существовавший раньше путь для этой торговли».[866] Отсюда Н.А. Рожков делает вывод, что половцы представляли наибольшую опасность для Древнерусского государства.[867]

Рожкову следовало бы поинтересоваться делами халифата, который в X—XI вв. поделили карматы, дейлемиты и сельджуки. Война там шла непрестанно. Некому было торговать и нечем! Надо бы знать, что купцы в Степи, от Китая до Германии, пользовались неприкосновенностью, за что платили пошлины.

Но главное не это, а то, зачем русским была дефицитная торговля? Это уж не «лес и

---

863 Там же. С. 146.

864 Там же. С. 65.

865 Рожков Н.А. Обзор русской истории с социологической точки зрения. Ч. I. Киевская Русь. 2-е изд. М., 1905. С. 24—25.

866 Рожков Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики). Т. 1. С. 152.

867 Там же. Т. 2. С. 5—6.

степь», а поклонение мамоне.

С началом XX в. преклонение перед дефицитной торговлей у ряда историков превращается в навязчивую идею, унаследованную некоторыми советскими историками от минувшей эпохи историографии проблемы. П.И. Лященко усматривал в кочевниках «диких степей юга» причину замедленного исторического развития восточных славян.[868] Как это понять? Неужели восточным славянам так было нужно бесплатно, в виде дани, отдавать свои меха через князей купцам и ростовщикам?! С.В. Юшков оплакивает разгром Хазарского каганата — государства хищных работорговцев и спекулянтов — как «отрицательное» явление в экономическом развитии Руси.[869] П.П. Толочко указывает, что оборона и «охрана торговых путей возглавлялась киевскими князьями и велась в интересах всей Руси».[870] А почему же Киев был подвергнут разграблению — сначала суздальцами в 1169 г., а потом черниговцами в 1203 г.?

Даже В.В. Каргалов, весьма недоброжелательно относившийся к малым народам нашей Родины, пишет, что в XII в. «редкая усобица обходилась без того, чтобы тот или иной князь не приглашал к себе на помощь поганых».[871] Следовательно, половцы и русские уже составляли единую этносоциальную систему, причем число русских достигало 5,5 млн, а половцев — несколько сот тысяч.[872] Ну и конечно, торговые отношения Руси с Востоком в XII в. приостановились: из инвентаря древних погребений исчезли восточные бусы.[873] Жаль, конечно, но ведь на Восток перестали поступать русские меха. Да и иноземные купцы лишились большей части доходов. Но зато сократился налоговый пресс на население: прокормить князя с дружиной славянским мужам было легко, а вот насытить мировой рынок, пожалуй, не под силу. Поэтому в XII в. на Руси были люди, симпатизировавшие половцам, а были и ненавидевшие их.

А ведь если подумать, то эта точка зрения не так уж оригинальна. Выше было показано, что черниговские и северские князья научились находить общий язык с половцами. Владимир Мономах говорил с половцами с позиции силы. С одной стороны, он подавил их самостоятельность и включил западные кочевья в состав Русской земли, с другой — заключил с половцами «19 миров», т. е. использовал их как союзников против других русских князей. Обе позиции исключили несправедливость в отношении половцев. С ними князья умели договориться, и даже, пожалуй, лучше, чем между собой. Современникам Мономаха интерпретация событий XII в. историками XIX—XX вв. показалась бы нереальной.

Но, как было указано выше, была и третья программа, правда только в Киеве, при дворе великого князя Святополка Изяславича. Ее проводили «уные» (юные) сподвижники Святополка II. Название не говорит об их истинном возрасте; это просто название партии, опиравшейся на купеческий капитал и имевшей польско-немецкую ориентацию. Именно эта партия толкала великого князя на войны, потому что пленных продавали в рабство купцам, увозившим их в Регенсбург и Венецию для дальнейшей перепродажи в Египет. Греки были

---

[868] См.: Лященко П.И. История русского народного хозяйства. М.; Л., 1927. С. 25, 60.

[869] См.: Юшков С.В. Феодальные отношения и Киевская Русь // Учен. зап. Саратов. гос. ун-та. Т. 2. Вып. 4.1924. С. 9–10.

[870] Толочко П.П. Киевская земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. С. 6.

[871] Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. С. 49.

[872] См.: Попов А.И. Кыпчаки и Русь // Учен. зап. ЛГУ. Серия исторических наук. Вып. 14. 1949. С. 98.

[873] См.: Каргалов В.В. Указ. соч. С. 58.

конкурентами этих купцов, и потому митрополия была в оппозиции Святополку II, а Киево-Печерская лавра, соперница митрополии, Святополка поддерживала. В Лавре же работал Нестор — ориентация летописца очевидна.[874]

Так вот, куманофобия XII в. была программой заграничных купцов и их прихлебателей в Киеве. Им она была выгодна, и их позиция объяснима. Историки XVIII—XIX вв. еще не успели изучить историю Великой степи и фантазировали на ее счет. А вот для науки XX в. эти фантазии неуместны. Взгляды именно этой партии повторяют перечисленные авторы.

Нельзя сказать, что русская наука предреволюционного периода была отсталой, но и передовой она не была. Юридическая школа сомкнулась с экономической в самом остром вопросе истории Древней Руси — проблеме восточных соседей. И вывод обеих школ был один: «Бей дикарей!». Как это совпадает с известным решением индейской проблемы: «Хороший индеец — мертвый индеец!». И как это решение омерзительно ныне! Сами американцы стыдятся того, что их предки выдавали премии за скальп индейца, как за хвост волка. У нас, к счастью, нет причин стыдиться прошлого. Наши предки дружили с половецкими ханами, женились на «красных девках половецких», принимали крещеных половцев в свою среду, а потомки последних стали запорожскими и слободскими казаками, сменив традиционный славянский суффикс принадлежности «ов» (Иванов) на тюркский — «енко» (Иваненко).

Этносы возникают и пропадают в историческом времени; поэтому, для того чтобы разобраться в географической проблеме этногенеза, надо изучить историческую науку — историю событий в их связи и последовательности. Историю не текстов, не институтов, не культурных влияний, а деяний, и только тогда можно получить достоверный материал, который не шокировал бы читателя, умеющего понимать прочитанное и критически его воспринимать.

142. Выслушаем и другую сторону

Нельзя упрекнуть перечисленных выше историков в том, что они были невнимательны к летописным сведениям, к актам, глоссам и древнерусской литературе. Нет, они все это прекрасно знали, и их исследования не теряют своей ценности… при одном непременном условии: надо помнить, что летописцы сами были людьми своего времени и фиксировали свое внимание на событиях экстраординарных, посвящали им яркие страницы. Но было бы ошибкой не замечать общего фона, который для летописцев и их читателей был настолько очевиден, что они не уделяли ему внимания.

Именно поэтому самое пристальное, детальное изучение летописных сведений может дать только искаженную картину событий. Однако привлечение широкого материала из истории окрестных стран позволило А.Ю. Якубовскому отнестись критически к банальному пониманию истории Руси и Половецкой степи как вечной войны не на жизнь, а на смерть. Еще в 1932 г. он писал: «Историография, заполненная рассказами о военных столкновениях с половцами (куманами), не сумела заметить того факта, что для отношений между русскими княжествами и Половецкой степью более характерными и нормальными являются не войны и набеги, а интенсивный товарообмен».[875]

С еще большей уверенностью высказались по этому поводу другие исследователи, компетентность которых не вызывает ни малейшего сомнения.

«Идея извечной принципиальной борьбы Руси со степью — явно искусственного,

---

[874] См.: Гумилев Л.Н. // Русская литература. 1974. № 3. С. 171—172.

[875] Якубовский А.Ю. Феодальное общество Средней Азии и ее торговля с Восточной Европой в X—XV вв. // Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Вып. 3. Ч. I. Л., 1932. С. 24.

надуманного происхождения», — пишет В.А. Пархоменко.[876] В.А. Гордлевский еще более категоричен: «…официальное, навеянное церковью представление о народе, живущем не в городах, где утвердилась христианская вера, а в степи, идет… с Запада… через католических миссионеров; культурные связи между Киевом и Западом принесли и взгляд на половцев как на „батог бога" — бич божий».[877] В.А. Гордлевский указывает, что по мере взаимного привыкания шло изменение политических взаимоотношений между половцами и русскими; в XII в. они становятся все более тесными и дружественными, «врастают в повседневный быт», особенно путем смешанных браков во всех слоях общества.[878] Итак, перед нами две взаимоисключающие концепции, с обеих сторон солидно аргументированные, вследствие чего проблема остается открытой. Попробуем решить ее «панорамным» методом, так как разбор летописных текстов нами проделан в специальной работе,[879] благодаря чему отслоена достоверная информация, на которой можно базировать широкие выводы.

Куманофобия основана на безусловном доверии к оценкам автора «Слова о полку Игореве». Однако хотя гениальность и древность поэмы не подлежат сомнению, критическое восприятие ее, как и всякого источника, обязательно. Оценки часто основаны на личных симпатиях автора, его связях, вкусах и целях, которые нам, потомкам, неизвестны. Достоверность информации может быть установлена только соотношением суждения древнего автора с бесспорно установленными фактами. Достаточно проделать такое сравнение, чтобы убедиться, что автор «Слова о полку Игореве» был пристрастен.[880]

Зато вторая концепция соответствует несомненным фактам. С X по XIII в. невозбранно функционировали торговые пути из Киева к Черному и Азовскому морям и посреди степи стояли русские города: Белая Вежа на Дону и Белгород в низовьях Днестра, что было бы невозможно при постоянных военных столкновениях, которые имели место внутри самой Руси (княжеские междоусобицы).

Что же касается политического единства степных народов, якобы способного противостоять Киевской державе в X—XII вв., то это миф. Постоянные столкновения из-за пастбищ усугублялись институтом кровной мести, не оставлявшей места для примирения, а тем более объединения. Степной хан скорее мог договориться с русским князем, считавшим, что «за удаль в бою не судят», нежели с другим степняком, полностью связанным родовыми традициями. Поэтому-то покинули родную степь венгры, болгары и аланы, уступившие место азиатам — печенегам и торкам, которых в сибирских и аральских степях теснили куманы именно в то время, когда в Русской земле креп могучий Киевский каганат. Так можно ли думать, что этому суверенному государству могли угрожать разрозненные группы беглецов, тем более что кочевники не умели брать крепости? А набеги и контрнабеги — это малая война, характерная для Средневековья.

Когда же Владимир Мономах навел порядок на Руси и в 1111—1116 гг. перенес войну в степь, половцы были разбиты, расколоты на несколько племенных союзов и нашли себе применение в качестве союзников тех князей, которые нанимали их за плату. Независимые, или «дикие», половцы остались за Доном и стали союзниками суздальских князей.

---

876 Пархоменко В. Следы половецкого эпоса в летописях // Проблемы источниковедения: Сб. 3. М.; Л., 1940. С. 39.

877 Гордлевский В.А. Что такое «босый волк»? // Избранные сочинения. Т. II. М., 1961. С. 487.

878 Там же. С. 487. Ср.: Кшибеков Д. Кочевое общество: генезис, развитие, упадок. Алма-Ата, 1984. С. 38.

879 См.: Гумилев Л.Н. Нужна ли география гуманитарам? // Славяно-русская этнография. Л., 1973. С. 92–100.

880 См.: Гумилев Л.Н. Может ли произведение изящной словесности быть историческим источником? // Русская литература. 1972. № 1. С. 73—82.

Действительно, если бы половцы не капитулировали своевременно, а продолжали войну против Руси, то они были бы начисто уничтожены. Телеги, запряженные волами, движутся по степи со скоростью 4 км в час, а по пересеченной местности еще медленнее. Зато русская конница на рысях могла проходить 15 км, а хлынцой (быстрым шагом) — 8–10 км. Значит, кочевья были фактически беззащитны против русских ударов, тем более что легкая половецкая конница не выдерживала натиска тяжеловооруженных русских, а маневренность не имела значения при обороне жен и детей на телегах. Наконец, половецкие зимовья не были ни мобильны, ни укреплены, тогда как русские крепости надежно защищали их обитателей, а лес всегда удобное укрытие для беглецов. Половецкие ханы были бы неразумны, если бы они не учитывали всех этих обстоятельств. Но они были умны и предпочитали союзы с князьями черниговскими, галицкими и суздальскими против киевских, поскольку те опирались на торков, враждебных половцам. Именно поэтому киевское летописание столь неблагосклонно к половцам. Надо полагать, что черниговские летописцы писали то же самое про торков и «черных клобуков», но их сочинения, к сожалению, не сохранились.

Заселенная половцами степь разрезана широкими речными долинами, где сохранилось местное население, не подчинившееся пришельцам и не слившееся с ними. Это были потомки христианских хазар — бродники. Наличие их лишало половцев надежного тыла и делало их положение крайне неустойчивым. Да и сами порядки, которые половцы принесли с собой из Сибири, не соответствовали той ситуации, в которую они попали в Европе.

Решающую роль в ослаблении куманов сыграло, с одной стороны, их слишком широкое распространение — от Алтая до Карпат, а с другой — широко практиковавшаяся эмиграция, например в Грузию, куда по приглашению Давида IV в 1118 г. уехал хан Атрак с 45 тыс. воинов. Не реже появлялись куманы в Болгарии, Венгрии и Византии, а множество их продавалось на невольничьих базарах Ирана и Египта, где их превращали в гулямов — гвардейцев-невольников мусульманских султанов. У пассионарных, неукротимых тюрок дома шансов на успех не было, ибо для воинствующей посредственности талант — главный враг. Степной обыватель в психологическом плане не отличается от деревенского или городского. Поэтому неудивительно, что в числе кочевников находились люди, предпочитавшие быть проданными в рабство скучной и бесперспективной жизни на своей родине. Вот пример, один из многих.

В XII в. половцы продавали рабов партиями по 20 голов и купившему партию давали еще одного бесплатно, в качестве приза. Примерно в 1137 г. купцу, покупавшему товар, предложили как премию мальчика, худосочного и невзрачного, по имени Ильдегиз. Купец отказался и отпустил ребенка на волю, но тот попросил купца взять его как раба. Добрый купец исполнил просьбу мальчика и посадил его на телегу, так как он ехал из донских степей в Иран. Ехали подолгу, от источника до источника. Ильдегиз устал, заснул на одном из переходов и свалился сонный с телеги. Его подобрали, но, когда он второй раз упал, купец велел не останавливаться и ехать до места привала.

Доехали до источника, устроили привал, развели огонь и стали варить пищу для себя и для рабов. И тут из темноты появился Ильдегиз. Купец удивился, рассмеялся и приказал накормить мальчика. Так мальчик приехал в Азербайджан. Купец выгодно для себя продал мускулистых плечистых половцев везиру этой страны Сиджируми, но тот отказался покупать Ильдегиза. Ильдегиз взмолился и сказал: «О, добрый господин, купи меня, я пригожусь». «Ты сам просишься? — спросил везир. — Ну, тогда я покупаю». И за гроши купил ненужного ему раба.

Ильдегиз попал поначалу на кухню и стал так хорошо готовить плов, что, когда султан Масуд ибн-Мухаммад пришел к своему везиру в гости и попробовал половецкий плов, он попросил продать ему повара, который так хорошо готовит еду, и зачислил его к себе воином на общих основаниях.

Оказавшись при дворе султана, Ильдегиз нашел способ снискать благосклонность матери султана и благодаря ей получил назначение в войско, уже как сипахсалар. Ему

удалось разбить войско Грузии, после чего он стал правителем Аррана, значительной части Азербайджана, и важным вельможей — атабеком, т. е. опекуном и воспитателем сына султана. С 1161 г. Ильдегиз и его потомки правили Северо-Западным Ираном, умело и порой успешно ведя дворцовую политику, интриги и внешние войны. Низложены они были лишь в 1225 г. хорезмшахом Джеляль ад-Дином, опиравшимся на врагов куманов — канглов.

Вывод напрашивается сам собой: «мусульманская» цивилизация 300 лет вытягивала из гомеостатичной Степи свободную энергию и гасила ее внутри себя. Процесс был стихийным, неуправляемым и неочевидным для современников аберрации близости. Однако он ослабил оба суперэтноса и сделал их жертвой монголов, находившихся в XIII в. в фазе подъема.

А сами половцы? Этнос, прошедший все фазы развития и не потерявший первозданной целостности, «не рассыпавшийся розно», оказывается в состоянии гомеостаза, неустойчивого равновесия с вмещающим ландшафтом, нарушающегося за счет столкновений с соседями, воздействий колебаний климата или стихийных бедствий. Но если такие воздействия не влекут гибели этноса, то он восстанавливает присущий ему характер жизни и борется со всеми попытками его изменить. В стабильных условиях тянуть так можно долго, но при появлении хищных соседей такой этнос обречен. Так произошло и с половцами.

143. Обоснование

Вряд ли стоит сомневаться, что Русь была сильнее половецких союзов, но она удержалась от ненужного завоевания. Все шло само собою.

В условиях почти ежегодно заключавшихся миров и брачных договоров многие половцы начали уже в XII в. переходить (часто целыми родами) в христианство. Даже сын и наследник Кончака Юрий был крещен. В.Т. Пашуто подсчитал, что, несмотря на рознь русских князей, половецкие набеги коснулись лишь 1/15 территории Руси,[881] тогда как русские походы достигали Дона и Дуная, приводя половецкие становища к покорности.

Процесс этнического старения проходил у куманов неуклонно, но медленно. Это оставляет возможность найти их место в расстановке политических сил. Враги куманов — печенеги в XI в. охотно принимали ислам и дружили с сельджуками. Значит, куманы оказались в контроверзе с мусульманским миром, а тем самым были вынуждены искать союза с Византией и Русью. До середины XIII в. половцы выполняли роль барьера против натиска сельджуков с востока и, кроме того, были на стороне Руси в столкновениях с венграми и поляками (все изменилось лишь в XIV в.).

При подборе сведений о русско-половецких столкновениях по Лаврентьевской летописи оказывается, что за 180 лет (1055—1236 гг.) половцы нападали на Русь 12 раз, русичи на половцев — 12 раз, а совместных русско-половецких операций в междоусобных войнах было 30.

Но если мы рассмотрим период после походов Мономаха, завоевавшего степи от Дона до Карпат, то характер столкновений изменится значительно, причем уместно разобрать и проверить примеры, приводимые как доказательство «жестокой вражды» между «своими погаными» и русскими князьями.[882]

1120 г. «Ярослав ходи на половци за Дон и, не найдя их, вернулся» (стб. 292). Так можно ли пройти по вражеской земле 1000 км без столкновения с неприятелем?

---

881 См.: Пашуто В.Т. Внешняя политика… С. 213; а также: Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России. М., 1982. С. 19—23.

882 См.: Дмитриев Л.А. К спорам о датировке «Слова о полку Игореве» (по поводу статьи Л.Н. Гумилева) // Русская литература. 1972. № 1. С. 83—84.

1125 г. «Битва с половцами Ярополка» (стб. 285—296) — на самом деле набег половцев «на торкы проклятыя», кровных врагов половцев, которым Ярополк Владимирович оказал помощь.

1152 г. «Тогда же Мстиславу Изяславичу поможе Бог на половци: самех прогна, а веже их пойма, и коне и скоты их зая и множество душ христьянсх отполони» (стб. 339). Это «тогда же» происходило во время похода Юрия Долгорукого на Изяслава, когда в 1149 г. Юрий призвал на помощь половцев (стб. 331, 323—324, 328). В 1152 г. сын Изяслава Мстислав нанес удар союзникам своего противника, т. е. налицо обычное участие половцев в междоусобице (стб. 330—335).

1153 г. «Посла Изяслав сына своего Мстислава на половци к Песлу, зане пакостяхуть тогда по Суле, он же не дошед до них и възвратися вспять» (стб. 340).

1154 г. «Тое же весны пришедше половци воеваша по Роси» (стб. 345). На самом деле их привел Глеб Юрьевич, «вборзе» разбил волынских князей (стб. 342—343), но берендеи разбили половцев, которые поссорились с Юрием Долгоруким и уехали в степь.

1169 г. «Поход половцев на Киев и Переяславль» (стб. 357—361). Не было похода! 3 тыс. половцев пришли заключать договор с Глебом Юрьевичем, но часть их по пути произвела грабежи и была разгромлена 1500 берендеями. Учтем, что средние армии того времени — до 50 тыс.; значит, половцев в этот раз было 6 % от нормального войска.

1171 г. «Тое же зимы придоша половци на Киевскую сторону и взяша множество сел» (стб. 362). При отходе половцев изрубили торки и берендеи и освободили полон — 400 человек (стб. 363).

Историками правильно отмечается жестокость половцев как активной силы в междоусобицах. Не буду их оправдывать, но были ли русские дружинники добрее? И имеет ли это отношение к политическим коллизиям, когда русские князья использовали не только половцев, но и торков, ливов, ятвягов как наемные войска? Надо думать, что вопрос об их добросердечии князей не интересовал. Ведь в 1216 г. в Ростово-Суздальской земле, без участия половцев, «пошли сыновья на отца, отцы на детей, брат на брата, рабы на господина, а господин на рабов».[883] И на берегах Липицы за один день 21 апреля легло 9233 русских воина, убитых русскими же. Обскурация — фаза жестокая. Это этническая старость, а ничто так не старит, как возраст.

144. Приговор по делу половцев

Попробуем найти причину переходящей научной ошибки. По-видимому, привычная для обитателей Московской Руси ситуация, продлившаяся с XIV до конца XVIII в., т. е. до завоевания Крыма, была экстраполирована в древность. Трехсотлетняя война на юго-восточной границе России заслонила явления совсем иного характера, ибо Крым и ногайские орды могли держаться так долго только потому, что за ними стояла могучая Османская империя. А ведь у половцев и торков такой заручки не было.

Даже в гимназических учебниках, формировавших мышление будущих историков, фигурировал выдуманный термин «степняки-кочевники», хотя на самом деле этносы, населявшие Великую степь, различались между собой и по способу хозяйства, и по быту, и по религии, и по историческим судьбам. Достаточно было этого не учесть, чтобы верный вывод стал недостижим.

Да и вялая Древняя Русь XII—XIII вв. мало походила на Московскую, энергичную, трудолюбивую, набухавшую новой пассионарностью. Нам, людям XX в., привычны ритмы акматической фазы — молодость и зрелость этноса. Поэтому нам трудно представить, что наши предки, уступившие нам место в жизни, «дожили до глубокой старости», в которой тоже есть свое очарование, но не то, которого мы ждем.

---

[883] Соловьев С.М. История России. Кн. 1. Т. II. С. 592. Примеч. 411. С. 710.

Дискретность этнических процессов трудно представить людям, воспитанным на эволюционизме, но ведь и тем было трудно преодолеть средневековые представления об истории как простой смене правителей. Однако, если победить врожденную косность мышления, нам удастся избавиться от многих недоумений, избежать многих натяжек и приблизиться от ответа на вопросы «что?» и «как?» к ответу на вопросы «почему?» и «что к чему?» и на Руси, и в Половецкой степи.

Все авторы, упомянутые выше и опущенные, рассматривали проблему с одной стороны — русской, т. е. предвзято. А если бы то же самое и таким же способом написал чудом уцелевший половецкий историк? Все получилось бы наоборот и столь же неполноценно! Вот, например, В.В. Каргалов перечисляет операции суздальских и черниговских князей, в которых участвовали половцы…[884] и делает вывод, что половцы — плохие люди. А М.С. Грушевский пишет о губительных походах суздальцев и смолян на Киев…[885] и осуждает «кацапов». Что это: два равноценных подхалимажа или Наука?

А ведь можно обойтись без профанации проблемы. Б.Д. Греков предложил отказаться от традиционного упрощенного взгляда на кочевников как на чисто «внешнюю силу» по отношению к Руси.[886] Могущество Руси по сравнению с разрозненными ордами было несомненно, и поэтому те выступали то наемниками, то федератами, постепенно обрусевая и втягиваясь в общую жизнь Киевского государства.[887]

Большой вклад в решение проблемы внесла С.А. Плетнева, введя периодизацию половецкой истории.[888] Действительно, если бы кто-то захотел сопоставить отношения России с Францией и написал бы, что они всегда дружили, вряд ли бы его одобрили. Отношения государств меняются, и закономерности перемен не просты. Огрубление же дает не только научную ошибку, но и повод к шовинизму и расизму, что уже совсем глупо и дурно. Поэтому попробуем предложить решение, исключающее нарушения научной историографической методики.

Переход трех пассионарных групп, выделившихся из трех степных народов: канглов (печенеги), гузов (торки) и куманов (половцы), при столкновении с Киевским каганатом создал ситуацию этнического контакта. Но поскольку и степняки, и славяне имели свои экологические ниши, химера не возникла, а создался симбиоз, породивший очередной зигзаг истории.

Смешение на границе шло, но как метисация, т. е. процесс, протекающий не на популяционном, а на организменном уровне. Дети от смешанных браков входили в тот этнос, в котором они воспитывались. При этом расовые конфликты исключались, а конфессиональные благодаря бытовавшему тогда двоеверию разрешались безболезненно.

Слияние народов, т. е. интеграция этносов, было никому не нужно, так как русичи не хотели жить в водораздельных степях, без реки и леса, а половцам в лесу было бы слишком трудно пасти скот. Но в телегах, топорищах, посуде половцы нуждались, а русским было удобно получать по дешевым ценам мясо и творог. Обменная торговля, не дававшая наживы, связывала степняков и славян лесостепной полосы в экономико-географическую систему, что и вело к оформлению военно-политических союзов, характерных для левобережных княжеств и Рязани. Зигзаг исторического процесса к XIII в. постепенно распрямился.

---

[884] См.: Каргалов В.В. Указ. соч. С. 49—54.

[885] См.: Грушевский М.С. Киевская Русь. СПб., 1911.

[886] См.: Греков Б.Д. Киевская Русь и проблема происхождения русского феодализма у М.Н. Покровского.

[887] См.: Греков Б.Д. Киевская Русь. С. 462—466.

[888] См.: Плетнева С.А. Половецкая земля… С. 260—300.

Этнический возраст, или фаза этногенеза, у русичей и половцев был различным. На Руси, ровеснице Византии и полабского славянства, шло старение, а у древнего народа кыпчаков, ровесников скифов, наступил гомеостаз. Что лучше или, точнее, что хуже? Чтобы ответить на этот вопрос, вернемся на Русь.

145. На излете этногенеза

Накануне Батыева похода «полугосударства», составлявшие Древнюю Русь, были многолюдны (в целом около 6 млн) и богаты, особенно Новгород. Население состояло из здоровых, мужественных людей. Эти люди были способны к восприятию византийской культуры: живописи, музыки и этики. В отличие от Западной Европы на Руси было много грамотных, так как религиозные книги на понятном славянском языке были доступны читателям; а на Западе для тех же целей требовалось знание латинского языка. И тем не менее люди Запада в XIII в. шли в Крестовые походы, добивались от королей хартий, обеспечивавших горожанам права, а феодалам — несменяемость, спорили в университетах о сущности идей: реалии они или просто названия, имена. Государства расширяли границы, т. е. шли локальные процессы этнической интеграции, и, несмотря на непрекращавшиеся войны, целостность суперэтноса была для всех очевидна независимо от того, кто сможет его возглавить: император или папа. А русские, как мы уже видели, тратили силы на усобицы, ослабляя собственную военную мощь. Католическая Европа в XIII в. была страшна православной Руси, а Русь была не в состоянии ответить на удары, наносившиеся ей с тех пор, как папа объявил Крестовый поход против схизматиков — греков и русских. Французский дипломат XIII в. Вильгельм Рубрук писал, что «братья Тевтонского ордена… легко покорили бы Россию, если бы принялись за это».[889] (Но, как известно, этого не произошло.)

Рубрук произнес эту сентенцию в 1253 г., через 13 лет после падения Киева, но надо думать, что его оценка расстановки сил отражала ситуацию предшествовавшей эпохи — от Батыева похода до гибели Гуюка в 1248 г. Монгольский рейд и в XIII в., и позже производил сильное впечатление на всех историков, считавших «нашествие татарских полчищ» столь опустошительным, что страна, подвергшаяся ему, оправиться не могла.

Доказать это было легко, даже слишком легко. На наиболее обобщенном уровне исследования констатировалось внезапное возникновение огромной державы, просуществовавшей 240 лет. Отсюда следовала декларация: злые монголы всех убили и торжествовали на трупах.

На «мелочеведческом» уровне — подборе цитат из первоисточников — получается сходный вывод, так как можно подобрать любые цитаты, а противоречащие опустить. Этим способом можно «доказать» все, что хочет историк или его заказчик, а заказы были разные, от восхваления до поношения, с многими градациями.

Научным методом следует признать «средний путь» — применение системного подхода к истории. В системологии рассматриваются не отдельные факты-элементы и не предвзятые оценки, а связи между событиями, невидимые очевидцу и неизвестные позднему интерпретатору. Зато они видны историку широкого профиля, обобщающему не цитаты, а факты, отслоенные от эмоций информаторов и интерпретаторов. Конечно, при этом исследователь «наступает на горло собственной песне», но это надо делать для получения достоверного результата, да и ради исторической справедливости.

XXII. Вереница бед

---

[889] Путешествия в восточные страны… С. 108.

146. Беда первая. 1201 г

Почти столетие (1115—1201) славная Древняя Русь не испытывала нашествий иноплеменников. Князья, граждане и смерды так к этому привыкли, что даже вообразить не могли, чтобы их кто-то мог затронуть, а тем более обидеть. Поэтому они перестали интересоваться разнообразным миром, окаймлявшим Русскую землю, и сосредоточили внимание на внутренних склоках, постепенно перераставших в межгосударственные войны.

А тем временем романо-германский католический Запад переполнялся силой пассионарности, выливавшейся через край в Палестину, Андалузию и Прибалтику. Если первые два театра агрессии были далеко от Руси, то третий имел для нее самое непосредственное значение. Однако пока героические бодричи, свирепые лютичи, предприимчивые поморяне и стойкие финны-суоми сдерживали железный натиск на Восток, в Новгороде, Пскове, Полоцке и Смоленске люди чувствовали себя спокойно и уверенно, полагая, что события на Балтике их не касаются. Ах, как легкомысленны они были!

В 1184 г. бременский архиепископ Гартвик II послал на Двину каноника Мейнарда, чтобы учредить на русских землях.[890] архиепископство. Ливы отказались от крещения, и тогда папа Целестин III (1191—1198) провозгласил Крестовый поход, «дав отпущение грехов тем, кто пойдет на восстановление первой церкви в Ливонии»[891]

Немцы на 23 кораблях ворвались в устье Двины, захватили Земгольскую гавань и построили крепость Ригу. Чтобы иметь постоянную опору, архиепископ Альберт в 1202 г. учредил военно-монашеский орден меченосцев. И завоевание Прибалтики немцами началось.

Сами по себе Рижское архиепископство и орден меченосцев для огромной Руси опасности не представляли. Но Рига стала плацдармом для всего североевропейского рыцарства и купеческой Ганзы, а это уже не могло не быть угрозой для Руси. Однако полоцкий князь был предоставлен самому себе. Хуже того, ссорясь с владельцами волостей Кукейнос и Ерсике, полоцкий князь Владимир оставил эти земли без помощи, после чего немцы без труда их захватили. Само Полоцкое княжество уцелело, но через два десятилетия подчинилось Смоленскому княжеству. Это развязало руки немцам.

Казалось бы, богатая и буйная Новгородская республика должна была не пожалеть сил для того, чтобы остановить немецкий натиск. Видимо, новгородские бояре это понимали, но действовали вяло, что дало возможность немцам привлечь на свою сторону ливов и сломить сопротивление эстов. Прочие же сильные князья — владимирский, смоленский, черниговский — вели себя так, будто вторжение немцев в Прибалтику их не касается.

А что, если они были правы? Ведь из этого следует, что Русская земля как единство перестала существовать. Это значит, что субэтносы XI в. в XIII в. превратились в отдельные этносы, утратившие политические связи и этническую целостность, сохранив только одну силу, еще сдерживавшую разложение, — православную церковь и ее культуру. Однако такое положение вещей характеризует скорее суперэтнос, инерции коего хватило еще на полтора столетия. Хорошо еще, что немцы наступали медленно, а эсты сопротивлялись доблестно, а то натиск на Восток мог бы увенчаться успехом.

147. Беда вторая. 1204 г

Единственным естественным и потому искренним другом Руси была Византия. Сами греки русичам не нравились. Их считали «льстивыми», т. е. обманщиками, и корыстолюбивыми. Но культура Константинополя не зависела от пройдох, торговавших в

---

[890] См.: Алексеев Л.В. Полоцкая земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. С. 237—238.

[891] Пашуто В.Т. Внешняя политика… С. 228.

Херсонесе, и от латифундиалов Никеи и Фессалии. С этими русичи и не общались, а философию, литературу и искусство получали от образованных и талантливых людей, которых, впрочем, в Византии XIII в. оставалось немного.

Как уже было отмечено, эта культура служила цементом, кое-как скреплявшим Русскую землю даже при спаде пассионарного напряжения системы. Только благодаря общности культуры новгородцы беседовали с суздальцами, черниговец щадил киевлянина, а не продавал его в рабство половцам, галицкий боярин отстаивал свой город от венгров и поляков, а смоленский витязь отражал ятвягов. Источником этой целительной культуры был Константинополь… и в страшный день 13 апреля 1204 г. он пал, захваченный французско-итальянскими крестоносцами, врагами православия. Эта потеря воспринималась на Руси как внезапная смерть близкого человека. Всем мыслящим людям было ясно, что ни от гибеллинов (в Риге), ни от папистов (на Босфоре) милости ждать нечего. Русь перестала быть частью грандиозной мировой системы, а оказалась в изоляции; схваченная в клещи двумя крестоносными воинствами, с севера и юга, она могла вот-вот погибнуть… но тут вмешались половцы. Они пришли на помощь болгарскому царю Калояну и в 1205 г. разгромили крестоносцев при Адрианополе. Реальная опасность исчезла, но чувство горького одиночества осталось и стало толкать отдельных деятелей на поиски выхода… в тупик. Они пытались найти общий язык с католической Европой.

Отвлечемся от изложения событий и поговорим о культурах. Культуры разных стран и веков разнообразны. Они влияют друг на друга, то привлекая, то отталкивая тех людей, с которыми носители той или иной культуры находятся в контакте, ибо всех людей привлекают идеалы истинности, добра и красоты, проявляющиеся у разных этносов по-своему. Сила этого влечения — аттрактивности[892] — зависит от уровня пассионарного напряжения этнической системы и комплиментарности, позволяющей делать выбор между разными культурами.

Так, в X в. русичи преклонились перед опытной красавицей — Византией, а в XIII в., когда она состарилась, они обратили внимание на юную романо-германскую Европу, конечно, исключая тех, кто смел хранить верность прошлому. Так начался раскол этнической системы Древней Руси, а закончился он в XIV в., когда на месте былого единства возникли два братских этноса, «родных по матери» — Древней Руси — и потому в XVIII в. потянувшихся друг к другу. Но прежде чем единство было восстановлено, пришлось пережить пять трудных веков, и в 1205 г. никто не мог угадать, чем этот начавшийся разлом кончится. А беды пошли одна за другой.

148. Беда третья. 1205 г

Роман, князь Волынский и Галицкий, родился от брака Мстислава Изяславича с дочерью короля польского Болеслава Кривоустого и воспитывался в Польше при дворе Казимира Великого. Это обстоятельство определило многое в его судьбе. Роман был храбр, энергичен, жесток, вероломен и весьма предприимчив. Всю жизнь он воевал «против», но не «за», исключая самого себя. Начал он с княжения в Новгороде и одержал блестящую победу над суздальцами и их союзниками в том самом 1169 г., когда Андрей Боголюбский взял Киев у его отца и отдал «мать городов русских» своим ратникам на трехдневный грабеж.

В 1173 г. новгородцы «показали путь» князю Роману. Ему пришлось уйти на Волынь, по дороге женившись на дочери Рюрика Ростиславича Смоленского. С этого времени он не знал ни покоя, ни верности слову, ни успеха. Он то участвовал в усобицах своих польских родственников, то, захватив Галич, бежал из него от венгров, то ссорился со своим братом Всеволодом из-за Волыни, то воевал с соседями Руси — литовцами, ятвягами и половцами или с русскими князьями Ольговичами, со своим тестем Рюриком и в 1197 г. с галицкими

---

[892] См.: Гумилев Л.Н. Биосфера и импульсы сознания // Природа. 1978. № 12. С. 97–105.

боярами. Здесь он запятнал себя такими жестокостями, что русский летописец предпочел не упоминать эти факты. Сведения о них сохранились только в польских летописях.[893] Но сам Роман по этому поводу говорил: «Не передавивши пчел, меду не есть». Единственными искренними друзьями его были торки. Они помогали ему в январе 1203 г. отстаивать Киев от черниговцев, смолян и половцев. Но Роман потерпел неудачу и здесь; после этого он обратил взор на Запад.

А Западная Европа по-прежнему обливалась кровью. В Германии гибеллинов возглавлял Гогенштауфен, Филипп Швабский, опиравшийся на Восточную и Южную Германию, а его противник, Оттон IV, сын Генриха Льва и племянник Ричарда Львиное Сердце, был популярен на Нижнем Рейне и в Вестфалии; его поддерживал папа Иннокентий III. Силы были равны, и война шла напряженно.

В этой ситуации любая поддержка была кстати. В 1204 г. папа предложил Роману королевскую корону, но Роман предпочел договориться с гибеллинами. Французский хронист XIII в. написал: «Король Руси, по имени Роман, выйдя за пределы своих границ и желая пройти через Польшу в Саксонию (на соединение с Филиппом)… по воле Божьей убит двумя братьями, князьями польскими, Лешком и Конрадом, на реке Висле».[894] Лешко и Конрад посвятили алтарь в Краковском соборе святым Гервасию и Протасию, в день памяти которых был убит Роман.[895] Одно это показывает, какое значение придавалось вмешательству русского князя в немецкие дела.

В 1208 г. Филипп был убит в Бамберге пфальцграфом Оттоном Виттельсбахом. Убийца был казнен, но победа досталась Оттону IV, и события потекли по другому руслу; то же русло, которое питало Гогенштауфенов, постепенно иссохло, несмотря на активность Фридриха II и его наследников.

Проиграла и Юго-Западная Русь. Сыну Романа Даниилу по смерти отца было четыре года. Темп развития политической мощи Галицко-Волынского княжества был потерян.

А теперь перейдем к этнологическому анализу. Социальный аспект: и в Европе, и на Руси шли феодальные войны. Но фазы этногенеза были различны: Европа прожила к 1205 г. меньше трети нормального цикла. Там пассионарность была в акматической фазе. Все воевали за что-нибудь. Одни — за престол св. Петра, другие — за императорский венец, третьи — за свободу своей городской коммуны, четвертые — за право считать мир творением сатаны, пятые — за Гроб Господень, шестые — за лилии Франции и т. д. А славянские князья воевали друг против друга, и Роман Мстиславич — яркий тому пример. Он «устремлялся на поганых, как лев, сердит был, как рысь, губил, как крокодил, проходил землю их, как орел, а храбр был, как тур».[896] Но эти «поганые» были соседние литовцы, ятвиги и половецкие женщины, которых Роман полонил в то время, когда их мужчины пошли на помощь болгарскому царю Иоаннице, стремившемуся заключить с греками пристойный мир (1201 г.). Набег Романа был совершен в 1202 г., очевидно, в угоду его верным союзникам и заклятым врагам половцев — торкам.

Всю остальную жизнь он проливал русскую кровь, от Новгорода до Галича, предавал друзей и родных и никогда не щадил слабых. Роман был больше похож на римского солдатского императора III в. или на тюркского эмира XV в., чем на графа Аквитании, Ломбардии или Саксонии. Но его тянуло к ним, и если бы ему удалось установить контакт с

---

[893] См.: Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. III. Примеч. 105 и 106; цит. по: Погодин М. Азбучный список русских князей до монгольского ига. 1854. С. 291.

[894] Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950. С. 444—445.

[895] См. там же.

[896] Ипатьевская летопись, под 1201 г.

Гогенштауфенами, Волынь превратилась бы в европейское королевство вроде Богемии или Польши. Но тогда переход в католичество был бы неизбежен, а потеря древнерусской культуры предрешена, как оно впоследствии и произошло в Галиции.

149. Беда четвертая. 1208 г

В первой половине XIII в. на территории Восточной Европы развернулась ожесточенная борьба за политическое преобладание между Ростово-Суздальской землей со столицей во Владимире-на-Клязьме и Северской землей со столицей в Чернигове. Всеволод III Большое Гнездо распространял свою власть на Киев, а сферу влияния — до Новгорода.[897] Однако за долгую войну (1206—1210 гг.) он не смог справиться со Всеволодом Черным Черниговским. И во время этой войны произошло следующее.

Рязань находилась между враждующими сторонами, и, следовательно, там были сторонники обоих княжеств. Поскольку этническим субстратом рязанцев были вятичи, часть коих обитала в Черниговском княжестве, то симпатии рязанцев были скорее на стороне Чернигова, а также его союзников — половцев. Еще в 1177 г. рязанский князь Глеб Ростиславич сделал набег на князя Всеволода III, сжег Москву, но был разбит на р. Колокше и взят в плен вместе со многими рязанцами; половцев суздальцы в плен не брали. По требованию народа[898] Всеволод вынужден был ослепить некоторых рязанских князей, но, рискуя собой, отпустил младших рязанских князей, что повлекло дальнейшие беды. Казнь совершилась после повторного мятежа. Разве это похоже на феодальные стычки? Здесь застарелая вражда, уже не на субэтническом, а на этническом уровне, причем, как ни странно, князь гуманнее народа.

В 1187 г., после очередного восстания рязанцев, суздальцы «землю их пусту створиша и пожгоша всю».[899] Рязань ослабела, и некоторое время рязанские князья поддерживали Всеволода III, но в 1207 г., в разгар войны с черниговскими Ольговичами, выяснилось, что рязанцы собрались его предать и только ждут удобного случая. Всеволод арестовал шестерых рязанских князей, а в Рязань послал княжить своего сына Ярослава с отрядом суздальцев. Рязанцы присягнули Ярославу, но потом стали хватать и ковать в цепи его людей, а некоторых заживо закопали в землю. В 1208 г. Всеволод подошел с войском к Рязани, вывел жителей из города, а город сжег. Это очень ослабило Рязанское княжество, что сказалось даже через 19 лет, когда к Рязани подошли татары.

Вряд ли можно осуждать Всеволода за жестокость. Он кратко изложил свою программу защиты русского единства. «Услыхав, что Ольговичи с погаными воюют землю Русскую, он пожалел об ней и сказал: „Разве тем одним отчина — Русская земля, а нам уже не отчина?“[900] Но этот последний паладин древнерусского единства не мог противостоять процессу надвигавшегося политического распада. И когда 14 апреля 1212 г. умер Всеволод III Большое Гнездо, на Русской земле стало еще хуже.

150. Беда пятая. 1211 г

---

[897] См.: Насонов А.Н. Монголы и Русь. М.; Л., 1940. С. 6.

[898] «…Бысть мятеж велик: всташа бояре и купцы рекуще: Княже! мы тебе добра хочем и за ти головы свои складываем, а ты держишь вороги свои просты; а се ворози твои и наши, суждальцев и ростовцев» и потребовали либо ослепления, либо казни пленных князей. Глеб умер в порубе.

[899] ПСРЛ. Т. I. См. под 1187 г.

[900] Цит. по: Соловьев С.М. История России… Кн. 1. Т. II. С. 570—571.

При Романе Волынском Галичина была передним краем Руси, но после его гибели она стала поприщем борьбы Венгрии, Польши и Черниговского княжества, а местное население — князья, бояре, горожане — вынуждены были примыкать то к той, то к иной стороне. Подробное изложение хода событий увело бы нас далеко от темы — смены фаз этногенеза, а к тому же оно сделано на высоком уровне и не требует пересмотра.[901] Ограничимся кратким рассказом и опытом интерпретации.

В 1205—1206 гг. черниговские и польские войска при помощи половцев и берендеев попытались овладеть Галичиной, но были отражены венграми. Но как только венгерский гарнизон покинул Галич, местные бояре изгнали вдову Романа княгиню Анну и маленького князя Даниила в Краков и пригласили трех сыновей Игоря Черниговского, героя прославленного «Слова» и инициатора разгрома Киева, до которого он не дожил только месяц. Его дети оставили по себе недобрую память.

Они немедленно перессорились друг с другом. Роман Игоревич при помощи венгров выгнал из Галича своего брата Владимира. Потом сам был изгнан в 1210 г. Ростиславом Рюриковичем Смоленским и восстановлен венгерским королем Андреем II. Однако Андрей II затем послал войско, пленившее Романа и захватившее Галич. А в это время поляки предприняли завоевание Волыни.

Режим венгерских захватчиков вызвал в Галиче возмущение горожан и части бояр. Книжник Тимофей именовал коменданта города — паладина Бенедикта Бора антихристом, ибо он «томил» бояр и граждан, бесчестил их жен и даже монахинь. Роман Игоревич бежал из Венгрии в родной Путивль к брату Владимиру. Туда же прибыл из Польши третий брат — Святослав, и братья приняли приглашение галичан освободить их от венгерского господства, «поидоша ратью», без труда заняли Галич… и тут показали себя.

«Освободители», взяв власть, истребили свыше пятисот «великих» бояр, имущество их разграбили, а владения роздали своим сторонникам. Уцелевшие бояре бежали в Венгрию и просили короля Андрея дать им в князья Даниила. Андрей согласился и отправил в Галичину большое войско, которое заняло Звенигород и Галич, захватив при этом Романа и Святослава Игоревичей. Галицкие бояре выкупили из венгерского плена Игоревичей и торжественно повесили тех в Галиче с их родственниками.

Расправа над Игоревичами вызвала возмущение княгини Анны, призвавшей венгерские войска и волынских князей. Бояре были схвачены, но один из них — Володислав — был увезен в Венгрию, другие откупились, волынские князья вернулись домой защищать свою землю от краковского князя Лешка. Власть в Галиче осталась в руках бояр, и в 1213 г. Володислав «вокняжися и сел на стол». Это была наглая узурпация, чего до тех пор на Руси не бывало.

И наконец венгры заключили союз с поляками, в 1214 г. заняли Галич, провозгласили королевича Коломана королем, вернули уже упомянутого паладина Бенедикта Бора и в следующем, 1215 г. начали гонения против православного духовенства, так как папа Иннокентий III благословил унию церквей. Плохо стало русским в Галиче.

Галичину спас Мстислав Удалой в 1219 г. Первое его наступление захлебнулось, но когда он пригласил на подмогу половцев, венгерские войска были разбиты, Галич освобожден, король Коломан взят в плен, а венгерские воины перебиты горожанами и поселянами, никому из них не удалось убежать. Однако бояр Мстислав не только пощадил, но и привлек на свою сторону. Благодаря этому он удержался в Галиче, который только в 1234 г. вернулся к законному князю Даниилу Романовичу, до этого сидевшему во Владимире-Волынском. Но это уже иной период истории.

Теперь попробуем разобраться в галицкой трагедии, кульминацией которой был роковой 1211 год. Трудно сказать, кто здесь был виноват, скорее можно заключить, что никто из пострадавших не был прав. Галичина находилась на окраине Руси и уже поэтому

---

901 См.: Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 194—203.

должна была считаться с проблемой контакта на суперэтническом уровне. Поляки и венгры XIII в. поддерживали гвельфов, т. е. сторонников папы Иннокентия, благословившего расправу с Византией и создание Латинской империи. Князь Роман погиб как сторонник противоположной партии, но какое дело русским людям до германо-итальянских склок? Однако они были втянуты в эту грандиозную войну и жестоко пострадали от венгров, хотя и пытались в 1208—1210 гг. с ними ладить. Когда же стало ясно, что компромисс неосуществим, галичане пригласили своих — черниговцев, православных потомков Владимира и Ярослава Мудрого. А те вместо обороны страны начали расправу над неугодными им боярами, чем вынудили их искать защиты у иноплеменников. Победив, бояре казнили князей «мести ради», что повело к разделу Галичины между венграми и поляками в 1214 г. и гонениям на русскую культуру.

Логика событий была неумолима и необратима, но ни князья не могли щадить бояр, ни бояре — князей, ибо все были слабы. Выяснилось, что Русь не в состоянии оборонять свои границы, хотя до этого она расширяла свои владения. Деяния сменились делишками, патриотизм — близоруким эгоизмом, геройство — шкурничеством, благородство — жестокостью. Это показывает, что сменилась фаза этногенеза, что наступила обскурация.

Конечно, на Руси в XIII в. еще были доблестные витязи, но не они определяли ход событий, так как их парализовало вялое большинство князей, дружинников и смердов. Мстислав Удалой вынужден был пригласить половцев, так как гомеостаз лучше, чем обскурация, ибо нуль больше отрицательных величин.

Та же картина наблюдалась в Константинополе, в позднем, императорском Риме и в Китае на закате империи Хань, а потом при падении династии Мин. Прожив более тысячелетия, любая этническая система слабеет, как на организменном уровне благородная старость, эквивалентная фазе инерции, сменяется дряхлостью, т. е. обскурацией.

Разница между этнической системой и особью лишь в том, что этнос может стать реликтом, а человек — только трупом. Разветвленная система большого этноса, а тем более суперэтноса, охраняется культурой, накопленной за былые века, и потому закат Рима украшен именами Аммиана Марцеллина, Сидония Аполлинария и Юлиана Апостата, а в Византии в XIV в. проповедовал Григорий Палама, несмотря на все ужасы, окружавшие его. Так и на Руси XIII в. культура, как материальная, так и интеллектуальная, продолжала сиять золотом на мрачном фоне политического распада.

151. Беда шестая. 1223 г

Снижение уровня пассионарного напряжения этнической системы сказывается прежде всего на поведенческом стереотипе не народных масс, а правящей элиты. В нашем случае индикатором процесса было многолюдное потомство Рюрика, точнее — Ярослава Мудрого. Ушли в прошлое витязи, бросавшиеся в сокрушительные атаки под Бердаа и Доростолом, а вслед за ними провалились в небытие дисциплинированные ратники Владимира Мономаха. Через столетие после кончины объединителя Русской земли наступил распад, а боеспособность русских воинов заметно снизилась. Армии стали в 5 раз многочисленнее,[902] но встречи с противниками показали их слабость. И причина была не в рядовых, а в полководцах.

До тех пор пока русские князья с половецкой помощью воевали друг против друга, наступление новой, конечной фазы этногенеза игнорировалось современниками и позднейшими историками. Но в 1222 г. возникли два неожиданных конфликта на южной окраине Половецкой земли: в Крыму и на Кавказе. Русичи вмешались в оба как союзники половцев. И тогда вскрылась «болезнь христианам», как ее назвал автор «Слова о погибели земли Русской».

---

[902] См.: Пашуто В.Т. Внешняя политика… С. 283.

В 1221 г. сельджукский султан Ала ад-Дин Кейкобад принял жалобу одного купца, ограбленного «у хазарской переправы». Султан решил навести порядок и послал в Крым войско, которое у Судака разбило половецко-русскую рать. Когда же появился русский князь с подкреплением, ему пришлось ограничиться переговорами о выкупе русских пленных; половцы были покинуты на смерть. Судак пал.[903] Кто был «русский князь», установить не удалось, но важно не это, а проявленные им беспринципность и неверность союзникам. Раньше князья вели себя иначе.

Долгое время половцы воевали с монголами на рубеже Яика, удерживая при помощи башкир монгольские войска за Эмбой и Иргизом. Степная война обычно состоит из набегов и стычек, вследствие чего она, как правило, безрезультатна. Но тут у монголов появилась возможность ударить по половцам с тыла. Разбив в 1219—1221 гг. хорезмшаха Мухаммеда, владевшего всем Ираном, монголы вышли на Кавказ, нанесли поражение грузинам, и в 1222 г. в обход неприступного Дербента три тумэна[904] прошли на степные просторы Северного Кавказа, населенные в то время аланами.

Аланы, или ясы, — предки осетин и потомки воинственных сарматов — были народом многочисленным, но очень старым. В фазе этнического подъема роксаланы остановили римские легионы в Паннонии; в фазе надлома аланы были разбиты гуннами и частью отступили в Испанию, частью рассеялись по предгорьям Кавказа и переждали там тяжелое время; в инерционную фазу аланы приняли греческое христианство и за это пострадали от хазарских царей; в XII—XIII вв. у них, вполне естественно, наступила фаза обскурации, которую описал венгерский монах-путешественник Юлиан, посетивший Прикаспий в 1236 г. в поисках прародины венгров. В Алании «сколько селений, столько и вождей… Там постоянно идет война… села против села».[905] «На пахоту идут все односельчане при оружии, также и на жатву, и на любую другую работу, кроме воскресений, когда убийства соседей не производятся. Вообще же человекоубийство у них не влечет ни кары, ни благословения… Кресту они оказывают такое почтение, что бедные люди, местные или пришлые… безопасно ходят и среди христиан, и среди язычников, если водрузят на копье со знаменем крест и будут его нести, подняв кверху».[906]

Даже из этого краткого описания видно, что аланы утеряли пассионарность предков настолько, что не могли удержать бывшую у них культуру и государственность, сохранив почитание креста не как символа, а как амулета. Потому они не могли ни быть угрозой для соседей, ни организовать оборону при вражеском вторжении. Надо полагать, что среди них сохранялись геноносители, потому что какая-то часть алан, отошедшая на склоны Кавказского хребта, сохранилась доныне.

Аланы не имели никакой государственной организации и потому не были способны к сопротивлению. Монгольская армия прошла до Дона, естественно забирая у местного населения все необходимое для себя. В Средние века так вели себя все наступающие армии. Половцы на выручку к аланам не пришли, так как, очевидно, рейд монголов застал их врасплох.

На Дону монголы обрели союзников. Это был этнос бродников, потомков православных хазар и предков низовых казаков.[907] Бродники населяли пойму Дона и

---

[903] Там же. С. 276.

[904] Командовали этими тумэнами Джэбэ, Субутай и Тугарач (кунграт). С учетом потерь за время войны в тумэнах было около 20 тыс. бойцов.

[905] Аннинский С.А. II Исторический архив. Т. 3. М.; Л., 1940. С. 79.

[906] Там же. С.79.

[907] См.: Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. С. 176—177.

прибрежные террасы, оставив половцам водораздельные степи. Оба эти этноса враждовали между собою, и потому бродники поддержали монголов. Благодаря помощи бродников монголы ударили по половецким тылам и разгромили Юрия Кончаковича, а хана Котяна, тестя Мстислава Удалого, отогнали за Днестр.

Половцы стали умолять русских князей о помощи. Хотя у Руси не было повода для войны против монголов и, более того, те прислали посольство с мирными предложениями, князья, собравшись «на снем» (совет), решили выступить в защиту половцев и убили послов.

Остальное было описано неоднократно: русско-половецкое войско численностью около 80 тыс. ратников преследовало отступавших монголов до р. Калки, вынудило их принять бой, было наголову разбито, после чего монголы пошли на восток, но при переправе через Волгу потерпели поражение от болгар. Немногие смогли вырваться из окружения и вернуться домой. Разведка боем дорого стоила монголам.

Причины поражения русско-половецкого войска также выяснены. Оказывается, у русских не было общего командования, потому что три Мстислава — Галицкий (Удалой), Черниговский и Киевский — находились в такой ссоре, что не могли заставить себя действовать сообща. Затем отмечена нестойкость половцев, кстати давно известная. Наконец, в предательстве обвинен атаман бродников Плоскиня, уговоривший Мстислава Киевского сдаться монголам, чтобы те его выпустили за выкуп. Допустим, князь выкупился бы, а его воины, у которых денег не было?! Что стало бы с ними? Их бы непременно убили, что в действительности и произошло.

Но для характеристики фазы этногенеза важны детали, на которые не было обращено должного внимания. Об убийстве послов историки, кроме Г.В. Вернадского,[908] упоминают мимоходом, точно это мелочь, не заслуживающая внимания. А ведь это подлое преступление, гостеубийство, предательство доверившегося! И нет никаких оснований считать мирные предложения монголов дипломатическим трюком. Русские земли, покрытые густым лесом, были монголам не нужны, а русские, как оседлый народ, не могли угрожать коренному монгольскому улусу, т. е. были для монголов безопасны. Опасны были половцы — союзники меркитов и других противников Чингиса. Поэтому монголы искренне хотели мира с русскими, но после предательского убийства и непровоцированного нападения мир стал невозможен.

Однако монголы не ко всем русским стали проявлять враждебность и мстительность. Многие русские города во время похода Батыя не пострадали. «Злым городом» был объявлен только Козельск, князь которого Мстислав Святославич Черниговский был среди тех «великих» князей, которые решали судьбу послов. Монголы полагали, что подданные злого правителя несут ответственность за его преступления. У них самих было именно так. Они просто не могли себе представить князя вне «коллектива». Поэтому пострадал Козельск.

А сам Мстислав Святославич 31 мая 1223 г. вместе с черниговской ратью бежал с поля боя. Разумеется, и сам он был убит, и его сын, и «богатырь Александр Попович с семьюдесятью собратьями».[909] Русские потери достигали 90 % бойцов.

Мстислав Мстиславич Удалой еще до битвы захватил в плен раненого татарского витязя Гемябека, которого татары оставили «в кургане»,[910] так как он не мог сесть на коня. Ну уж ладно, убил бы его сам; нет, он выдал его половцам на муки! А после битвы, добравшись до Днепра и сев в ладью, он велел рубить прочие ладьи, вместо того чтобы

---

[908] См.: Вернадский Г.В. Были ли монгольские послы 1223 г. христианами? // Seminarium Kondakovianum. 3. Praha, 1929; Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. С. 324.

[909] Соловьев С.М. История России… Кн. 1. Т. II. С. 642.

[910] Там же. С. 641.

организовать переправу соратников, скакавших за ним следом. Паника? Да! Но и безответственность, и безжалостность… Хорошо ли это?

Каждый «деятель» исторического процесса — плод своего времени, или фазы этногенеза. В наше время таких полководцев судят, но ведь мы не в фазе обскурации. Конечно, можно приписать эти безобразия феодализму, но ведь не все феодалы вели себя таким образом, и отнюдь не феодалы — новгородцы показали через год, на что способна патриархальная республика, находящаяся в той же фазе этногенеза.

152. Беда седьмая. 1224 г

Гораздо более грозным был железный натиск крестоносного Запада на Прибалтику. Храбрые и вольнолюбивые эсты с 1210 г. — после мира ливонцев с полоцким князем Владимиром — испытали на себе всю мощь крестоносного рыцарства. Это было прямое покушение на зону влияния Новгородской республики, которая до 1216 г. была занята борьбою с владимирско-суздальскими князьями. Новгородцы уничтожили 9233 русских воина на р. Липице, а немцы в том же году захватили часть Южной Эстонии и построили крепость Оденпе. В 1217 г. новгородско-эстонское войско отбило Оденпе, где было заключено перемирие, но орден получал постоянное пополнение из католической Европы. Эсты были разбиты под Веденом, а русская помощь в 1218 г. ничего не дала.

И тут вмешалась Дания. В 1219 г. датчане, захватив кусок Эстонии, построили крепость Ревель. Эсты были взяты в немецко-датские клещи. В 1220 г. датчане захватили северную часть Эстонии и в 1221 г. соединились с немцами, наступавшими с юга, от Риги. В 1222 г. эсты восстали, русские пришли к ним на помощь. В 1223 г. датский король Вольдемар II заключил союз с орденом «против русских и против язычников». Рыцари разбили эстов на р. Имере и взяли Феллин, причем русских пленников «всех повесили перед замком на страх другим русским».[911]

Эсты просили подмоги у русских, и князь Юрий Всеволодович осенью 1223 г. отправил в Прибалтику 20-тысячное войско во главе со своим братом Ярославом.[912] Епископ Адальберт, поддержанный ливами, в 1224 г. взял русский город Юрьев, причем не пощадил ни одного русского. Этот этап войны немцы выиграли и вышли на рубеж коренной Руси.

Падение Юрьева, на месте которого был построен Дерпт, имело меньшую известность, но большее значение, чем битва при Калке. Было даже высказано суждение, что поражение трех Мстиславов отразилось на положении в Прибалтике и, следовательно, «объективно монголы сыграли роль союзников крестоносцев в Прибалтике».[913] Думается, что это мнение неверно.

В самом деле, виновник поражения Мстислав Удалой командовал новгородским войском при Липице, где полегли отборные отряды Юрия и Ярослава Всеволодовичей. Именно здесь в 1216 г. была подорвана мощь Великого княжества Владимирского, единственного союзника Новгорода в войне с крестоносцами. И вряд ли Мстислав Удалой пришел бы на помощь своим врагам Всеволодовичам. А если бы он появился с войском на берегах Наровы, то при его характере он только усилил бы разлад, и, может быть, повторилась бы резня, подобная той, что была на Калке.

Нет! Причины бедствий, перенесенных Русью в XIII в., лежат глубже, чем их обычно ищут. Они не в ошибках правителей, а в природе вещей. Поэтому, изучая ход событий, мы

---

[911] Пашуто В.Т. Внешняя политика… С. 228—234.

[912] См.: Шаскольский И.П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII—XIII вв. Л., 1978. С. 123—124.

[913] Пашуто В.Т. Внешняя политика… С. 233.

обнаружим в нем дыхание биосферы.

На счастье Новгорода, немцы тоже не были единодушны. Орден поссорился с рижским епископом, ставленником папы, и отказал ему в повиновении. Фридрих II в мае 1226 г. дал рыцарям грамоту, освобождавшую орден от подчинения епископу рижскому и ставившую его в непосредственное подчинение немецкому королю.[914] Таким образом, борьба гвельфов с гибеллинами, из-за участия в которой погиб Роман Волынский, дала Новгороду и Пскову важную передышку, может быть, даже спасение. За 10 лет успели активизироваться литовцы, которые нанесли ливонским рыцарям поражение при Мемеле, вынудившее ливонских меченосцев просить помощи у Тевтонского ордена в Пруссии. Магистр тевтонов Генрих Зальца долго не хотел принимать к себе этих буйных людей, но в 1237 г., уступая желанию папы, согласился на объединение. Над Русью нависла постоянная угроза, отсрочиваемая лишь геройским сопротивлением пруссов и литовцев. Новгород, зажатый шведами, датчанами и немцами, ждал своей участи.

153. Беда восьмая. 1235 г

Рассматривая положение, сложившееся на Русской земле после смерти великого князя Всеволода III, приходится сделать два печальных вывода: 1) русского государства как целого в это время не существовало и 2) противопоставление Русской земли Половецкому полю потеряло смысл. Наследники могучего Всеволода, Юрий II и его брат Ярослав, не пользовались никаким авторитетом ни в Новгородской республике, ни на юге, где потомки погибших на Калке князей продолжали бессмысленные войны, перекупая помощь половецких ханов. Последние охотно «торговали своими саблями», ибо пассионарное напряжение у них уже было не то. Они научились избавляться от всех соплеменников, нарушавших традиции воинствующей посредственности, той, что была идеалом половецкой этики. А это означало, что из общества изгонялись не только трусы, воры, предатели, дураки, но и гении, инициативные храбрецы, мечтатели, честолюбцы, т. е. все те, кто мог или хотел нарушить гармонию половца с его любимой степью.

Но с соседями, населявшими опушку лесной зоны, половцы установили контакты, как экономические — обмен излишками натуральных продуктов, так и династические — ханы женились на русских боярышнях, а мелкие удельные князья — на «красных девках половецких». И вот в 1235 г. эти метисы, одинаково близкие к половцам и русичам, под знаменами северского князя Изяслава Владимировича, внука знаменитого князя Игоря, взяли и еще раз разграбили Киев, причем основательно. Соперник Изяслава — Даниил Романович Волынский — тоже умел ладить с половцами. После победы черниговский князь Михаил хотел развить успех на Волыни, но половцы «невосхотеша» идти на Даниила. Видимо, их больше устраивало политическое равновесие на Руси, ибо в это десятилетие русские князья без посторонней помощи воевать не решались.

Итак, в XIII в. русичи считали половцев «своими», особенно крещеных; половцы перестали выступать как противники, чего нельзя сказать о мордве и тем более камских болгарах, захвативших в 1219 г. Устюг и отбитых при Унже.

Болгары, принявшие ислам, вошли в систему другого суперэтноса и долгое время старались оттеснить русских от Волги. В этих войнах половцы сражались на стороне русских. И, как мы видели, русские князья в 1223 г. выступили в защиту половцев и сложили свои головы на Калке. Злейших врагов не защищают ценой своей жизни.[915]

И наоборот, столкновения между осколками Киевской державы носили куда более

---

[914] См.: Вебер Г. Всеобщая история. Т. VII. С. 237.

[915] См.: Белявский В.А. По поводу «извечного антагонизма» между земледельческим и кочевым населением Восточной Европы.

жестокий характер, причем к свирепости часто добавлялось вероломство. Так, пострадал в 1178 г. Торжок от буйства воинов Всеволода III вопреки княжеской воле, так как ратники заявили, что осажденным нельзя верить, потому что «новгородцы на одном дне целуют крест и нарушают клятву».[916] За это новгородцы отплатили резней суздальцев на р. Липице в 1216 г. Омерзительно было убийство Глебом Владимировичем Рязанским шести своих братьев, приглашенных на пир, а также сопровождавших их бояр и слуг (1217 г.). Убийца бежал к половцам и там умер в безумии. Но откуда взялась такая патология, если не от воздействия социальной среды? Ведь в убийстве гостей виноват был не только сумасшедший князь, но и все его пособники.

Итак, запустение и «погибель Русской земли» произошли не по вине злых соседей, а вследствие естественного процесса — старения этнической системы, или, что то же, снижения пассионарного напряжения. К аналогичному заключению пришел С.М. Соловьев, давший блестящую характеристику последнему паладину Киевской Руси — Мстиславу Удалому: «…князь, знаменитый подвигами славными, но бесполезными, показавший ясно несостоятельность старой, Южной Руси, неспособность ее к дальнейшему государственному развитию: Южная Русь стала доживать свой век в бесконечных ссорах Мономаховичей с Ольговичами, Ростиславичей с Изяславичами».[917]

А Северная Русь, называвшаяся Залесской Украиной, «отстала» от Южной Руси в процессе разложения. Она еще сохранила элементы инерционной фазы, ибо пассионарность, как рецессивный признак, отодвигается на окраины ареала и исчезает позже, чем в центре. Благодаря этой закономерности Великое княжество Владимирское продлило свое существование до середины XIII в., т. е. до инкубационной фазы нового пассионарного толчка, проявившегося в XIV в. Здесь сохранилась культура, материальная и духовная, унаследованная от Древней Руси, ибо культурогенез всегда отстает во времени от этногенеза, что делает возможным передачу эстафеты новому этносу. Но последний усваивает свое наследие лишь настолько, насколько оно ему подходит; многое остается утраченным и вскрывается только науками — археологией и филологией.

Период безвременья, точнее — межвременья, всегда тяжел!

154. Беда девятая. 1237—1240 гг

Осенью 1236 г. монгольские войска взяли Великий Булгар, а весной 1237 г. напали на алан и кыпчаков. В дельте Волги погиб «храбрейший» из половецких вождей — Бачман, а войска хана Котяна отступили за Дон. Впрочем, фронтальное наступление монголов на запад захлебнулось.

Тогда монголы применили тактику обхода и окружения. Не ослабляя нажима на половцев в северокавказских степях, они двинули отряд на север и осенью 1237 г. подчинили буртасов, эрзю и мокшу, подойдя к границам Рязанского княжества. Начался поход на Русь. Во главе монгольского войска стоял внук Тэмуджина Чингисхана — Бату (Батый), а южной армией командовал его двоюродный брат — Монкэ (Мункэ).

Поход Батыя был описан неоднократно, с разных точек зрения и с различной степенью детализации. Поэтому повторение здесь излишне. Достаточно отметить, что Батый разгромил войско Рязанского княжества, взял в Великом княжестве Владимирском 14 городов и разбил войско князя Юрия II на р. Сить, затем, после двухнедельной осады 5 марта 1238 г., взял Торжок. Батый повернул на юг и семь недель осаждал Козельск, помощи которому не подали ни смоленские князья, ни Михаил Черниговский, ни Ярослав Всеволодович, наследовавший во Владимире своему погибшему брату Юрию II, хотя у всех

---

[916] Соловьев С.М. История России… Кн. 1. Т. II. С. 577.

[917] Там же. С. 606.

этих князей войска были; например, во время осады Козельска Ярослав Всеволодович совершил победоносный поход на Литву. Летом 1238 г. Батый перешел в степь и соединился с южной армией, после чего половцы стали отходить в Венгрию. В 1239 г. монголы взяли Чернигов, а в 1 240 г. — Киев; попутно были разгромлены «черные клобуки» (каракалпаки). Кроме того, значительная часть монгольского войска была оттянута на Кавказ и в Крым. В 1241 г. монголы напали на Венгрию, потратив на путь через Волынь всего 4 месяца. Так закончился русский этап войны, но монгольский поход продолжался до 1242 г. Разница лишь в том, что девятый вал бедствия прокатился уже по Венгрии и Польше.

Монгольский «западный поход» — феномен необычный, а потому интерпретация его была разнообразна. В XIX в. считалось, что героическое сопротивление Руси монгольским «полчищам» ослабило и обескровило их, чем спасло Западную Европу от разорения, за что эта «Европа» должна быть Руси благодарна. Однако благодарности не последовало, зато папа благословил Крестовый поход против схизматиков (православных). Как ни странно, современниками это мероприятие не было расценено как предательство. Видимо, русские политики от папы ничего доброго и не ждали.

Советские историки, глубоко изучившие проблему, приводят интересные подробности. «Несмотря на непосредственную опасность нашествия, в Южной Руси не было заметно никаких попыток объединиться для отражения врага. Продолжались княжеские усобицы; летописец рядом с рассказом о разгроме монголами Переяславля и Чернигова спокойно рассказывает о походе Ярослава, во время которого тот „град взя Каменец, а княгыню Михайлову со множеством полона приводе к своя си“. Продолжались усобицы в самом Киеве. Киевский князь Михаил Всеволодович бежал „пред Татары в Оугры“, и освободившийся киевский стол поспешил захватить один из смоленских князей, Ростислав Мстиславич, но был вскоре изгнан… Даниилом Галицким, ничего не сделавшим для подготовки города к обороне; он даже не остался в Киеве, оставив за себя „тысяцкого Дмитра“… Никакой „помощи от других южнорусских княжеств Киев не получил“.[918] Принято винить за поражение феодалов-князей, однако богатые приволжские города, находившиеся в составе Владимирского княжества, — Ярославль, Ростов, Углич, Тверь и другие, — вступили в переговоры с монголами и избежали разгрома.

Согласно монгольским правилам войны, те города, которые подчинились добровольно, получали название «гобалык» — добрый город; монголы с таких городов взимали умеренную контрибуцию лошадьми для ремонта кавалерии и съестными припасами для ратников. Но и другие города, не успевшие вовремя сдаться, страдали недолго. Так как монголы нигде не оставляли гарнизонов, то «подчинение» носило чисто символический характер; после ухода монгольского войска жители возвращались домой, и все шло по-старому.[919]

Несчастный Торжок пострадал лишь потому, что жители его ждали помощи из Новгорода, из-за чего не успели капитулировать. Но по монгольскому закону, после того как была выпущена первая стрела, переговоры прекращались и город считался обреченным. Видимо, на Руси были толковые и осведомленные люди, успевшие растолковать согражданам «правила игры» и тем уберегшие их от гибели. Но тогда причиной разгрома Владимира, Чернигова, Киева и других крупных городов была не феодальная раздробленность, а тупость правителей и их советников-бояр, не умевших и не стремившихся организовать оборону. Когда же тупость становится элементом поведенческого стереотипа, то это симптом финальной фазы этногенеза — обскурации, после которой этнос переходит в гомеостаз, даже если он не раздроблен на части и не подчинен противником. А Русь монголами не была ни подчинена, ни покорена.

---

[918] Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Библиографию см. с. 378—415.

[919] См.: Насонов А.Н. Монголы и Русь. С. 36—37.

План монгольского командования заключался в том, чтобы в то время, когда половцы держали оборону на Дону, зайти к ним в тыл и ударить по незащищенным приднепровским кочевьям. Черниговское княжество было в союзе с половцами, следовательно, надо было пройти еще севернее — через Владимирское княжество. Думается, что Батый не ожидал активного сопротивления от Юрия II, но, встретив таковое, сломил его и проложил дорогу своему войску.

Примечательно, что монгольские войска были распылены на мелкие отряды, которые в случае активного сопротивления были бы легко уничтожены. Батый пошел на столь рискованный шаг, очевидно зная, что этим отрядам серьезная опасность не грозит. Так оно и оказалось.

Да и в самом деле, зачем бы русские люди, не только храбрые, но и сметливые, стали подставлять головы противнику, который и сам уйдет? Это сообразил даже брат и наследник Юрия — Ярослав. Он не пришел к нему на Сить, хотя имел достаточно войска, которое он употребил в походах на литовцев и черниговцев, о чем говорилось выше. Затем в 1240—1242 гг. эти полки понадобились ему для спасения Новгорода от шведско-немецких крестоносцев, а в 1243 г. он явился на поклон к Батыю и получил от хана ярлык на великое княжение. По сути дела, это был союзный договор, обставленный по этикету того времени. Дипломатическая гибкость Ярослава Всеволодовича уберегла Северо-Восточную Русь от лишних бедствий и от запустения, которому подверглась Киевская Русь. Но все-таки неясно, почему на юге стало так плохо? Принято считать, что из-за татар. Так ли это?

155. О «запустении» Киевской Руси

Банальные версии имеют ту привлекательность, что они позволяют принять без критики решение, над которым трудно и не хочется думать. Так, бесспорно, что Киевская Русь XII в. была страной очень богатой, с великолепным ремеслом,[920] и блестящей архитектурой[921] а в XIV в. эта страна запустела настолько, что в XV в. стала заселяться заново выходцами с севера, т. е. из Белоруссии.[922] В промежутке между эпохами расцвета и упадка через эти земли прошла армия Батыя — значит, она во всем и виновата.

Это как будто безупречное решение при подробном изучении стало вызывать сомнения. М.Н. Покровский.[923] и Б.Д. Греков[924] весьма обоснованно считали, что упадок Киевской Руси начался во второй половине XII в. или даже в XI в., когда торговый путь «из варяг в греки» утратил значение вследствие Крестовых походов, открывших легкую дорогу к богатствам Востока. А татарское нашествие только способствовало запустению края, начавшемуся 200 лет назад. Важные дополнительные сведения по этой теме дал украинский археолог В.О. Довженок, изучивший ряд древних городищ на берегах Среднего Днепра[925]

Справедливо отметив, что монголы были жестоки на уровне своего времени и отводили Среднему Поднепровью роль тыла, в котором возможность военных выступлений должна

---

920 См.: Рыбаков Б.Л. Ремесло Древней Руси. М., 1948. С. 521.

921 См.: Каргер М.К. Древний Киев. Т. 1. М.; Л., 1958. С. 238.

922 См.: Ключевский В.О. Сочинения. Т. 1. С. 282—286.

923 См.: Покровский М.Н. История России с древнейших времен. Т. 1. С.120.

924 См.: Греков Б.Д. Киевская Русь. С. 500.

925 См.: Довженок В.О. Среднее Поднепровье после татаро-монгольского нашествия // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 76—82.

была быть исключена, и что летописец говорит о городах, взятых татарами, — «им же несть числа» (Ипатьевская летопись), автор, знающий физическую географию своего края, указывает, что татары не могли останавливаться у каждого города, чтобы его разрушить. Многие крепости они обошли стороной, а «леса, овраги, реки, болота укрывали от татарской конницы и деревни, и людей». Конечно, было уничтожено «много материальных и культурных ценностей… и погибло много народа, но жизнь продолжалась». И в доказательство он приводит ряд селищ, на которых есть следы пожарищ, датируемых 1240 г., но нет людских костяков, да и ценных вещей. По мнению В.О. Довженка, люди ушли из этих городов, забрав с собой ценный скарб, а по миновании опасности вернулись и восстановили свои жилища. Прятаться же им было где: Днепровская пойма изрезана великим множеством озер и болот, протоков и рукавов да еще покрыта лесом и кустарником. Отнюдь не все русские города погибли во время Батыева набега, как «принято считать», принято потому, что «в этом сказалось господствующее представление историков о судьбах края», т. е. предвзятое мнение, самая жестокая язва науки.

Зачем было утомленной армии Батыя, имевшей целью нападение на половцев с тыла, терять время и людей на разрушение хорошо укрепленных замков, которых в источниках упомянуто 113 (а это далеко не все), а всего на Руси их отмечено 209?[926] Нет, если бы даже монголы стремились к поголовному истреблению русских, это было бы им не по силам.

Больше того, дальнейший поход татар был нацелен на Венгрию, где укрылась отступившая орда хана Котяна, и «Алеманию», т. е. Германскую империю. Для того чтобы действовать в столь удаленных от их родины странах, им был нужен обеспеченный тыл и снабжение. Поэтому они всеми способами искали в Южной Руси не врагов, а друзей и нашли их в Болоховской земле, что в Верхнем Побужье. Эти мелкие князья, как будто не Рюриковичи, а реликт древнего славянства, поддерживали галицких бояр в борьбе против Даниила Романовича, а с татарами договорились быстро. Татары освободили их от набора в свое войско при условии, что болоховцы будут снабжать их войско пшеницей и просом. Оказалось, что ссориться с татарами вовсе не обязательно.[927]

Судьба этой старинной и богатой земли была печальна. Даниил Галицкий, заигрывавший в 1256 г. с папством, уничтожил галицких «бояр-изменников»,[928] разрушил города и опустошил древнюю славянскую землю.[929] Этим он подорвал снабжение монгольских войск, а заодно и своего Галицкого княжества, ставшего легкой добычей Польши. Однако кого следует считать «изменником»: тех ли, кто искал компромисса с татарами, или тех, кто подчинял русские земли папе, немцам и их сателлитам? Мнения по этому поводу расходятся. Наука же должна базироваться не на личных мнениях и вкусах, а на непротиворечивой версии, которую следует отыскать.

156. Беда чужая. 1241—1242 гг

Ураган, поднявший с востока «девятый вал», докатился до Адриатики. По пути он смёл Польшу и Венгрию — лены Германской империи. Эти европейские страны потерпели куда более сокрушительное поражение, нежели русские князья. Те, обладая солидными военными

---

926 См.: Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1959. С. 12—42.

927 См.: Насонов А.Н. Монголы и Русь. С. 24—25.

928 Пашуто В.Т. Указ. соч. С. 286.

929 Автор, участвуя в археологической экспедиции проф. М.И. Артамонова в 1946—1947 гг., обнаружил в Подолии доскифские, скифские и раннеславянские городища, после которых на пустом месте были построены польские замки, ныне служащие музейными помещениями. Даниил опустошил славянскую землю на 300 лет.

силами, умело уклонились от решительных боев с монголами, очевидно соображая, что чем меньше сражений, тем меньше опустошений, а монголы все равно уйдут и все будет идти по-прежнему. Они были благоразумны и правы.

Те же князья, которые хотели воевать с монголами, еще более благоразумно убежали на запад, где польско-немецкая армия Генриха Благочестивого встретила монголов при Лигнице 9 апреля 1241 г., а венгеро-хорватское войско Белы IV решило поразить другой корпус монголов при Шайо 11 апреля 1241 г. Оба войска были разбиты наголову, и население, особенно в Венгрии, сильно пострадало.

Возникает вопрос: зачем было Батыю вторгаться в Венгрию? Этот поход был совершен по монгольскому принципу: «Друзья наших врагов — наши враги». Можно ли считать этот принцип недальновидным?

Бела IV принял к себе половецкую орду хана Котяна. Половцы, согласно договору, крестились в католичество и составили крепкую силу, подчиненную королю. Но венгерские магнаты, обеспокоенные усилением короны, предательски убили в Пеште Котяна и других неофитов. Узнав об этом, половцы восстали и ушли на Балканы. Позднее уцелевшие половцы поступили на службу к императору Никеи Иоанну III Ватацу.

Так же негостеприимно были встречены русские князья, просившие Белу IV о помощи и брачном союзе, — Михаил Всеволодович Черниговский и Даниил Романович Галицкий. «Не бы бе любови межа има».[930]

Бела IV избавился от многих союзников, которые были ему и его магнатам несимпатичны. За это расплатился венгерский народ, покинутый королем на расправу монгольским воинам, разъяренным гибелью своих боевых товарищей в боях и при осадах городов. «Многие были убиты в Польше и Венгрии», — сообщает посол папы к монгольскому хану, Плано Карпини.[931]

Крупные города Венгрии — Пешт, Варадин, Арад, Перег, Егрес, Темешвар, Дьюлафехервар — пали. Затем подверглись разгрому Словакия, Восточная Чехия и Хорватия. Западная Европа была в панике, страх охватил не только Германию, но и Францию, Бургундию и Испанию и повлек за собой полный застой торговли Англии с континентом.

Исключение составлял только император Фридрих II, который вел с Батыем переписку, явную и тайную. Батый, выражаясь согласно принятому тогда этикету, потребовал от Фридриха покорности, что в переводе на деловой язык означало пакт о ненападении. Фридрих сострил и ответил, что, как знаток соколиной охоты, он мог бы стать сокольничим хана.[932]

Однако наряду с шутками между гибеллинами и монголами велись тайные переговоры, результатом которых были изоляция гвельфской Венгрии и ее разгром и победы Фридриха II в Ломбардии, повлекшие бегство папы Иннокентия IV в 1243 г. в Лион, где он смог предать анафеме императора и хана.[933]

Итак, христианская Европа разделилась пополам. Гибеллины и Никейская империя искали союза с монголами; по их следу пошли Ярослав Всеволодович, великий князь Владимирский, и Гетум, царь Малой Армении (Киликии). Гвельфы, возглавляемые папой

---

930 См.: Пашуто В.Т. Монгольский поход в глубь Европы // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970. С. 204—206.

931 Путешествие в восточные страны… С. 47.

932 См.: Пашуто В.Т. Внешняя политика… С. 287.

933 «Пять скорбей» католической церкви: 1) татары; 2) православные; 3) еретики-катары; 4) хорезмийцы; 5) Фридрих II (см.: Осокин Н.А. Первая инквизиция и завоевание Лангедока французами. С. 222).

Иннокентием IV, и южнорусские князья Даниил Галицкий и Михаил Черниговский всеми силами старались создать антимонгольскую коалицию, но неудачно.

Так же разделился мусульманский мир. Сунниты встали против монголов, шииты относились к ним лояльно, вследствие чего не пострадали при наступлении монголов на Багдад и Иерусалим (1258—1260). Зато были беспощадно истреблены исмаилиты, которых все — христиане, мусульмане и язычники — считали носителями злого начала, убийцами.

На фоне этой сверхсложной обстановки 11 ноября 1241 г. скончался верховный хан Угэдэй, военные действия на фронтах были приостановлены до выбора нового хана. Батый, констатировав уничтожение Половецкой орды, счел свою задачу выполненной и ушел со всем своим войском через Боснию, Сербию и Молдавию на берега Нижней Волги. С 1243 г. начался новый период истории, т. е. сложилась новая расстановка сил и целей.

Причина такого быстрого окончания войны объясняется различно, так же как и ее последствия и «оценки». Наибольшая неясность коренится в крайне поверхностном представлении историков о характере, возможностях и культуре Монгольского улуса XIII в., о фазе монгольского этногенеза и целях его правителей. Этому сюжету придется уделить особое внимание.

XXIII. Поиск непротиворечивой версии

157. Неясности

Существует мнение, видимо правильное, что в военном столкновении побеждает сильнейший, если нет никаких привходящих обстоятельств. Допустимо внести поправку на случайность военного счастья, но только в пределах одной битвы или стычки; для большой войны это существенного значения не имеет, потому что зигзаги на долгом пути взаимно компенсируются.

А как же быть с монгольскими завоеваниями? Численный перевес, уровень военной техники, привычка к местным природным условиям, энтузиазм войск часто были выше у противников монголов, чем у самих монгольских войск, а в храбрости чжурчжэни, китайцы, хорезмийцы, куманы и русичи не уступали монголам. Конечно, у монголов было несколько талантливых полководцев, но Ваньян Хада, Джеляль ад-Дин, Евпатий Коловрат и многие другие не уступали в способностях Джэбэ, Мухули, Бурундаю, Эльчидаю, Чормагану и всем прочим, кроме разве что Субутая; но ведь одна ласточка весны не делает. Помимо этого, немногочисленные войска монголов одновременно сражались на трех фронтах — китайском, иранском и половецком, который в 1241 г. стал западноевропейским. Как при этом они могли одерживать победы в XIII в. и почему они стали терпеть поражения в XIV в.? По этому поводу имеются разные предположения и соображения, но главными причинами считались какая-то особая злобность монголов и гипертрофированная наклонность их к грабежу. Обвинение банальное и к тому же явно тенденциозное, потому что оно предъявляется в разные времена разным народам. И грешат этим не только обыватели, но и некоторые историки.[934]

Как известно, мы живем в изменчивом мире. Природные условия регионов земной суши нестабильны. Иногда место обитания этноса постигает вековая засуха, иногда — наводнение, еще более губительное. Тогда биоценоз вмещающего региона либо гибнет, либо меняется, приспосабливаясь к новым условиям. А ведь люди — верхнее звено биоценоза. Значит, все отмеченное относится и к ним.

Но этого мало. Историческое время, в котором мы живем, действуем, любим, ненавидим, отличается от линейного, астрономического времени тем, что мы обнаруживаем

---

[934] См.: Гумилев Л.Н. Апокрифический диалог // Нева. 1987. № 3, 4.

его существование благодаря наличию событий, связанных в причинно-следственные цепочки. Эти цепочки всем хорошо известны, их называют традициями. Они возникают в самых разных регионах планеты, расширяют свои ареалы и обрываются, оставляя потомкам памятники, благодаря чему эти потомки узнают о неординарных, «странных» людях, живших до них.

А где начала этих цепочек? Ведь не в нижнем и даже не в верхнем палеолите? Как мы видели, началом процесса является мутация, не любая, а определенная, вызывающая взрыв пассионарности, которая затем медленно гасится энтропией, после чего остается этнический реликт. Таковы три параметра этногенеза. Это как бы теоретический фон, на котором развиваются исследуемые события. И все сказанное относится к монголам XIII в.

Неоднократно отмечалось, что монголы представления не имели о своих предшественниках в Великой степи, но объяснения этому не было. Теперь можно его предложить. Засуха X в. сделала Степь необитаемой: хуннская традиция, начавшаяся в III в. до н. э., в X в., состарившись, угасла, а у монголов произошел взрыв этногенеза, т. е. они вступили в мировую историю молодым этносом. И случилось это в XI в., когда предки монголов пришли в зазеленевшую степь из Сибири.

158. Переломные эпохи

Принятая нами методика различения уровней исследования позволяет сделать важное наблюдение: этническая история движется неравномерно. В ней наряду с плавными энтропийными процессами подъема, расцвета и постепенного старения обнаруживаются моменты коренной перестройки, ломки старых традиций, вдруг возникает нечто новое, неожиданное, как будто мощный толчок потряс привычную совокупность отношений и все перемешал, как мешают колоду карт. А после этого все улаживается и тысячу лет идет своим чередом.

При слишком подробном изложении хода событий эти переломные эпохи увидеть нельзя; ведь люди не видят процессов горообразования, так как, для того чтобы их обнаружить, требуются тысячелетия, а мотыльки не знают о том, что бывает зима, ибо их активная жизнь укладывается в несколько летних дней. И тут приходит на помощь Наука, синтезирующая опыт поколений и работающая там, где личная и даже народная память угасает под действием губительного времени.

Переломные эпохи не выдумка. В Великой степи их было три, и обо всех уже говорилось. Первой эпохой, самой древней и потому расплывчатой, надо считать X—XI вв. до н. э. Тогда появились скифы и возник Древний Китай. Вторая эпоха — III в. до н. э. Эту мощную вспышку этногенеза можно проследить до излета, т. е. до полной потери инерции, когда остаются только «остывшие кристаллы и пепел». Третья вспышка — монгольский взлет XII в. Инерция его еще не иссякла. Монголы живут и творят, свидетельство чему — их искусство.

По сути дела, в изложенном тезисе нет ничего нового. Это просто диалектико-материалистическое толкование этнической истории. Факты скачкообразного развития наблюдаются многими науками и нигде не вызывают недоверия, так же как и плавное становление в промежутках между скачками.

И ведь во всех странах и у всех этносов наблюдается та же картина. В VIII в. до н. э. так возникли этносы — создатели и носители античной культуры — Рим и Эллада и затем, почти одновременно (в исторических масштабах), погасли. В I—II вв. готы начали Великое переселение народов, даки погибли в борьбе с Римом, а крошечные христианские общины выросли в «золотую Византию»; и тоже инерции хватило на 1200 лет, кроме тех случаев, где процесс был оборван внешними силами. В VI—VII вв. заявили о себе арабы, раджпуты (этнос, состоявший из аборигенов и мигрантов: саков, согдийцев, эфталитов), тибетцы, средневековые китайцы и японцы. В IX в. в Западной Европе начались походы викингов, феодальные войны, Реконкиста и образование «наций», из которых лишь немногие дотянули

до XX в. В XIV в. появились великороссы, турки, абиссинцы — ныне это молодые народы, перед ними будущее. Прочие примеры опускаем, ибо мысль ясна: этногенные взрывы — одно из явлений природы, изучением коих и занимается диалектический материализм.

Для ответа на интересующий нас вопрос о взаимоотношениях Руси и Великой степи необходимо уяснить, что представляла собой в XIII в. Степь, объединенная Монгольским улусом. События там развивались стремительно, источники разноречивы, подробности многочисленны. Видимо, для решения поставленной задачи нужно лаконичное обобщение, сопоставимое с хорошо изученной историей Европы. Поскольку предварительное исследование было нами уже проведено,[935] ограничимся кратким резюме.

159. Опыт анализа и исторической критики

Как говорилось выше, Русь представляла собой суперэтнос из восьми «полугосударств», неуклонно изолирующихся друг от друга и дробящихся внутри себя. Новгородская республика, Полоцкое, Смоленское и Турово-Пинское княжества не были затронуты татарами. Сильно пострадала Рязань, но больше от суздальцев, чем от татар. Северная часть Великого княжества Владимирского уцелела благодаря своевременным переворотам и капитуляции с предоставлением наступающей татарской армии провианта и коней. Пострадавшие города, в том числе Владимир и Суздаль, были быстро отстроены, и жизнь в них восстановилась. Резня 1216 г. на Липице унесла больше русских жизней, чем разгром Бурундаем Юрия II при Сити. Эта битва 4 марта 1238 г. удостоена особого внимания лишь потому, что там был убит великий князь.[936]

Да и были ли у монголов средства для того, чтобы разрушить большую страну? Древние авторы, склонные к преувеличениям, определяют численность монгольской армии в 300—400 тыс. бойцов. Это значительно больше, чем было мужчин в Монголии в XIII в.[937] В.В. Каргалов считает правильной более скромную цифру: 120—140 тыс., но и она представляется завышенной[938] Ведь для одного всадника требовалось не менее трех лошадей: ездовая, вьючная и боевая, которую не нагружали, дабы она не уставала к решающему моменту боя. Прокормить полмиллиона лошадей, сосредоточенных в одном месте, очень трудно. Лошади падали и шли в пищу воинам, почему монголы требовали у всех городов, вступивших с ними в переговоры, не только провианта, но и свежих лошадей.

Реальна цифра Н. Веселовского — 30 тыс. воинов[939] и, значит, около 100 тыс. лошадей. Но даже это количество прокормить было трудно. Поэтому часть войска, под

---

[935] См.: Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства.

[936] В.В. Каргалов приводит сведения, интересные для характеристики Юрия Всеволодовича. Узнав о поражении при Коломне, князь покинул в столице свою семью, хотя мог ее своевременно эвакуировать. Гарнизон был недостаточен, а сбежавшиеся в город люди не использованы для обороны. Из-за этого 7 февраля 1238 г. неприступный город пал. На Сити Юрий стоял «не имеющоу сторожии» и был захвачен врасплох. Русские полки не успели даже построиться и «побегоша пред иноплеменниками». Сами монголы не придавали этой битве большого значения. Рашид-ад-Дин считает, что это была просто погоня за бежавшим и скрывавшимся князем. Факт психологического вырождения на фоне этнической обскурации налицо (см.: Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы… С. 94–100).

[937] См.: Мункуев Н.Ц. Заметки о древних монголах // Татаро-монголы. М., 1970. С. 367 и след.

[938] См.: Каргалов В.В. Указ. соч. С. 73.

[939] Общая численность монгольского войска для войны на трех фронтах была 129 тыс. человек (Рашид-ад-Дин. Т. 1, кн. 2. С. 266) и еще 2 тумэна: чжурчжэньский — для обслуживания боевых машин — и кара-киданьский. На Русь были присланы тысяча чжурчжэней (хины), тысяча мангутов и вспомогательные войска.

командованием Монкэ, вела войну в Половецкой степи, отбивая у половцев зимовники с запасами сена.

С той же проблемой связано поступление подкреплений из Монголии, где из каждой семьи был мобилизован один юноша.[940] Переход в 5 тыс. верст с необходимыми дневками занимал от 240 до 300 дней, а использовать покоренных в качестве боевых товарищей — это лучший способ самоубийства.

Действительно, монголы мобилизовали венгров, мордву, куманов и даже «измаильтян» (мусульман), но составляли из них ударные части, обреченные на гибель в авангардном бою, и ставили сзади заградительные отряды из верных воинов. Собственные силы монголов преувеличены историками.

Так же преувеличены разрушения, причиненные войной. Конечно, войны без убийств и пожаров не бывает, но масштабы бедствий различны. Так, весной 1238 г. Ярослав Всеволодович вернулся в пострадавшее свое княжество, «и бысть радость велика христианам, и их избавил Бог от великая татар», действительно ушедших в Черниговское княжество и осаждавших Козельск. Затем Ярослав посадил одного брата в Суздаль, якобы стертый с лица земли, другого в Стародуб, а мощи убитого брата положил в церковь Богородицы во Владимире-на-Клязьме[941] (вопреки распространенной версии, после нашествия этот памятник остался цел).

И ведь войско у него было немалое. Он тут же совершил удачный поход на Литву, а сына своего Александра с отборной дружиной направил в Новгород, которому угрожали крестоносцы: немцы, датчане и шведы.

Г.М. Прохоров доказал, что в Лаврентьевской летописи три страницы, посвященные походу Батыя, вырезаны и заменены другими — литературными штампами батальных сцен XI—XII вв.[942] Учтем это и останемся на почве проверенных фактов, а не случайных цитат.

Больше всех пострадало Черниговское княжество. В 1238 г. был взят Козельск — «злой город», а население его истреблено. Михаил Черниговский не пришел на выручку своему городу, отверг мирные предложения монголов, бросил свою землю и бежал в Венгрию, потом в Польшу, в Галич, а по взятии Киева вернулся в Польшу. Когда же пришла весть, что иноплеменники «сошли суть и(з) земле Русское», он вернулся в Киев. По возвращении монголов из похода в 1243 г. Михаил через Чернигов убежал в Венгрию. В 1245 г. он появился в Лионе, где просил у папы и собора помощи против татар, за что по возвращении на Русь был казнен. А брошенное им княжество подвергалось постоянному разорению и запустело.[943]

В 1240 г. Батый взял Владимир-Волынский «копьем» и народ «изби не щадя», но церковь Богородицы и другие уцелели, а население, как оказалось, успело убежать в лес и потом вернулось.[944] То же самое произошло в Галичине; там во время этой войны погибло 12 тыс. человек,[945] почти столько же за один день полегло на р. Липице. Но на Липице

---

[940] См.: Веселовский Н. Золотая орда // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и А. Ефрона. СПб., 1894. Т. 24. С. 633—635.

[941] См.: Мункуев Н.Ц. Указ. соч. С. 369.

[942] См.: ПСРЛ. Т. 25. С. 130.

[943] См.: Прохоров Г.М. Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1972. С. 77–104; он же. Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи // ТОДРЛ. Т. XXVIII. Л., 1974. С. 77—98.

[944] См.: Насонов А.Н. Монголы и Русь. С. 23.

[945] См.: Пашуто В.Т. Очерки… С. 229.

погибли воины, а число изнасилованных женщин, ограбленных стариков и осиротевших детей не учтено. Исходя из этих данных следует признать, что поход Батыя по масштабам произведенных разрушений сравним с междоусобной войной, обычной для того неспокойного времени. Но впечатление от него было грандиозным, ибо выяснилось, что Древняя Русь, Польша, поддержанная немецкими рыцарями, и Венгрия не устояли перед кучкой татар.

Если поведение русских князей оставляло желать лучшего, то, может быть, народ проявил стойкость в борьбе с иноплеменниками? Отнюдь нет!

Мой покойный друг профессор Н.В. Тимофеев-Ресовский рассказал мне по детским воспоминаниям, что около Козельска есть село Поганкино, жители которого снабжали провиантом монголов, осаждавших «злой город». Память об этом была в XX в. настолько жива, что козляне не сватали поганкинских девиц и своих не отдавали замуж в Поганкино.

Монгольская армия нуждалась в пополнении, поэтому монголы предлагали захваченным в плен купить свободу ценой вступления в их армию. В хронике Матвея Парижского приведено письмо двух монахов, где сообщается, что в монгольской армии «много куманов и псевдохристиан» (т. е. православных. — *Л.Г.*). Первый набор среди русских был произведен в 1238—1241 гг.[946]

Такое снижение патриотизма указывает на спад пассионарности древнерусского этноса даже ниже нулевой отметки — гомеостаза.[947] Пришла пора отрицательных значений — обскурация, которая должна была привести народ к вырождению и гибели, как древних римлян, или к порабощению иноплеменниками, как полабских славян и пруссов. Но не случилось ни того, ни другого; наоборот, новая Россия добилась большей славы, чем Древняя Русь. Но между этими двумя витками этногенеза лежало темное столетие, которое надо было пережить. И это удалось… благодаря гению Александра Невского.

160. Второе дыхание

В те страшные годы (1239—1241), когда кости куманов устилали причерноморскую степь, когда горели Чернигов, Переяславль, Киев и Владимир-Волынский, а Польша и Венгрия уже ощутили первый сокрушительный удар татар, папа, поддержанный своим смертельным врагом — императором, благословил Крестовый поход на Балтике.

С точки зрения разумной политики союз гвельфов и гибеллинов был бессмыслицей. Экономически объединение купеческих городов Северной Германии с Данией и Швецией было крайне невыгодно для обеих сторон. В аспекте религиозном набожные русские не заслуживали осуждения, чего нельзя сказать о Фридрихе Гогенштауфене, заявившем, что «было три великих обманщика: Моисей, Христос и Магомет». Но, согласно этнологическому осмыслению антропосферы, страны Западной Европы составляли суперэтническую целостность, противостоящую другим суперэтносам: мусульманскому, православному и монгольскому, объединившему всю Великую степь. И когда речь шла о столкновении на суперэтническом уровне, то гвельфы объединялись с гибеллинами, сунниты с шиитами, монголы с татарами, кераитами, найманами и даже с меркитами. За бортом оставались только антисистемы: катары-альбигойцы, карматы-исмаилиты, богумилы-манихеи и злые колдуны Сибири, которых монголы удостаивали смертной казни; так же относились и русские к волхвам. Но изловить всех их было трудно, вследствие чего они существовали по всему континенту, стараясь не попадаться на глаза ни начальству, ни историкам.

На этом фоне начался Крестовый поход против восточного православия.

---

[946] См. там же. С. 138.

[947] См.: Насонов А.Н. Указ. соч. С. 54—55.

Политическая разведка в королевствах Западной Европы была поставлена неплохо. Немецкие и скандинавские дипломаты получили сведения о полном разгроме Русской земли татарами в 1238 г. …и поверили им (как позднее историки, базирующиеся на источниках без критической оценки их). Поэтому естественно, что они сочли Новгород беззащитным и решили взять его в клещи: со стороны Финского залива — шведы, а со стороны Чудского озера — немцы. Задача казалась им легковыполнимой.

Ошибка их была лишь в том, что Великое княжество Владимирское, пропустившее через свои земли татарское войско, сохранило свой военный потенциал и смогло оказать помощь Новгороду. Этого немцы, шведы и датчане не учли.

Организатором и координатором антирусского похода был папский легат Вильгельм, получивший от папы Григория IX (графа Уголино ди Сеньи, 1227—1241) задание принудить Новгород перейти в католическую веру.[948] Шансы для этого были немалые. Среди новгородцев и псковичей были германофилы, сохранившие ненависть к «низовцам» и предпочитавшие выгодную торговлю с Ганзой кровопролитной войне. Большая часть чуди, води, ижоры сопротивлялась введению у них православия, а сумь и емь (финны) уже подчинились шведам.

Не следует думать, что в той или иной фазе этногенеза все люди одинаково активны или инертны. Фаза — понятие статическое, это фон, на котором не только возможны, но и неизбежны яркие искры пассионарности. Такой «искрой» был Александр Ярославич, назначенный новгородским князем и прибывший в Новгород «в мале дружине». Он собрал небольшое число добровольцев, пополнил его новгородскими пассионариями и проявил древнюю русскую доблесть 15 июня 1240 г.

Шведское войско на многих кораблях (шнеках) вошло в устье Невы и высадило десант, но ярл Биргер, уверенный в победе, не спешил с наступлением, из-за чего потерял темп. Князь Александр успел сплавить пешую рать по Волхову к Ладоге, а конную — по берегу до устья Ижоры, где был расположен шведский лагерь. Шведы удара не ждали. Поэтому внезапное нападение русских войск не встретило должного сопротивления. Шведам не помог даже численный перевес, потому что отборные русские дружины не упустили инициативу боя, продолжавшегося с утра до наступления темноты. Под покровом ночи русские отошли, а шведы похоронили убитых, частью в земле, частью погрузив трупы на ладьи. Эти ладьи сплыли по Неве и потом потонули в море.

Битва у Ижоры была выиграна не столько тактически или тем более стратегически, сколько морально: воинский дух шведов был подорван. Немногочисленная рать Александра, тоже понесшая потери «суздальцами и новгородцами», не могла бы сдержать планомерного наступления шведов, если бы оно осуществилось. Но русское мужество, хотя и «в мале дружине», снова преодолело скандинавскую силу, как было в 1023 г. при Листвене, а потом в 1709 г. при Полтаве.

А в это время немецкое наступление развивалось успешно. В 1240 г. ливонские рыцари взяли Изборск и Псков, ворота которого им отворил глава германофильской партии боярин Твердила Иванкович.[949] Новгородцы же зимой 1240 г. «отблагодарили» князя Александра, выгнав его.

Вот это и есть фаза обскурации — упрощения системы — со всеми характерными

---

[948] Факт внутренней перестройки этносистемы определяется либо накоплением, либо растратой биохимической энергии живого вещества биосферы, а устойчивость неоднородной системы — законом единства и борьбы противоположностей. Дискретность этногенезов и этнической истории, или, что то же, существование «начал» и «концов», есть прямое проявление закона отрицания, согласно которому рождение и смерть любой системы неразрывно связаны друг с другом.

[949] О координации военных действий немцев и шведов см.: Шаскольский И.П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII—XIII вв. Л., 1978. С. 156—157. Пронемецкая, западническая группа во Пскове существовала с 1229 г. (см.: Пашуто В.Т. Внешняя политика… С. 294).

симптомами — эгоизмом, неблагодарностью, жадностью, своеволием и политической близорукостью. На организменном уровне такое изменение приписывается склерозу, а на этническом это первый признак маразма.

В 1241 г. ливонцы с отрядами наемных литовцев, эстов и всегда готовых к драке ливов заняли Копорье, Тесов на р. Оредежь и приблизились к Новгороду. Уже в 30 верстах от новгородских стен ливонские разъезды захватывали купцов, отнимали у населения скот и не давали крестьянам пахать.

Тут новгородские власти одумались и поехали к Ярославу за помощью. Александр вернулся в Новгород с «низовой» ратью и показал себя мастером маневренной войны. Немедленно он взял Копорье, где перевешал изменников из води и чуди. В начале 1242 г. он освободил Псков, а 6 апреля одержал знаменитую победу на Чудском озере. Затем в результате ряда удачных операций в 1245 г. Александр Невский победил литовцев и выгнал их отряды с Руси. Тогда же бежал из Финляндии епископ Томас (англичанин) от восставшей еми, поддержанной русскими. Крестовый поход на Балтике захлебнулся.

А теперь, изложив ход событий, приступим к анализу, чтобы вскрыть механизм процесса.

Новгородская земля, не затронутая татарским нашествием, показала полную неспособность к отражению внешнего врага, и даже были люди, готовые к государственной измене. А ведь за 30 лет до этого новгородцы на р. Липице проявили несомненный героизм. Что же произошло за эти годы? А ничего! Впрочем, нет, сменилось поколение, или, иначе говоря, сработал фактор исторического времени: внуки стали не похожи на дедов, а этническая система, сохранив (в пределах допуска) внутреннюю структуру, утратила большую долю энергии.

Новгород был спасен «низовыми» полками, пришедшими из Владимирского княжества — страны, якобы выжженной и вырезанной татарами. Уже сам факт такого похода заставляет думать, что рассказы о полном разрушении Руси в 1238 г. страдают преувеличением.

И вот еще что странно. Русские княжества, не затронутые татарами, — Полоцкое, Смоленское, Турово-Пинское — никакой помощи Пскову и Новгороду не оказали, как и за год до этого Козельску. Чем объяснить такую инертность населения исконных областей Древней Руси?

Не вижу иного объяснения, кроме того, что это закономерность этногенеза. Ровесники восточных славян — византийцы вели себя в XIII в. не лучше. Исключение составляли субэтносы, обитавшие на окраинах ареала и потому не растерявшие древней пассионарности, — никейцы (аналог суздальцев) и эпироты (подобие карпатских горцев). При продолжении сравнения станет ясно, что эти исключения (на субэтническом уровне) подтверждают правило.

161. В Карпатах

Сравнительно с Северо-Восточной Русью Юго-Западная (Галицко-Волынское княжество) пострадала от татар гораздо меньше.[950] Ряд городов татары не смогли взять, а захваченные ими города были разрушены мало, и население их успело укрыться. Более того, население юго-восточных земель — из Путивля, Рязани и др., лишенное защиты разгромленных княжеских дружин и страдавшее от анархии, обычной для пограничных регионов, бежало на Волынь, где Даниил Романович после ухода татар установил порядок. Но, увы, галицкое боярство продолжало оппозицию княжеской власти. Это унесло больше крови, чем внешняя война.

---

[950] М.В. Владимирский-Буданов, М.С. Грушевский, А.Е. Пресняков, Б.Д. Греков; см.: Пашуто В.Т. Очерки… С. 229.

Галицкие бояре были наиболее реакционной силой на Руси. Они несли самую древнюю традицию — старинную славянскую племенную раздробленность. Для бояр Рюриковичи были узурпаторами, тогда как для горожан — естественными защитниками от боярского произвола. Политическим идеалом галицкого боярства как персистентной конвиксии была слабая власть, пусть даже иноземная; для горожан, наоборот, сильная власть, почему они поддерживали волынских Мономашичей. Но те, на свою беду, оказались естественными противниками князей владимирских и черниговских, а потому и галицкие бояре, и волынские князья искали союзников среди соседей.

В 1243—1244 гг. возникла сложная расстановка сил. Ростислав Михайлович Черниговский после долгих хлопот женился на дочери Белы IV и привлек к борьбе за Галичину малопольского короля Болеслава Стыдливого; Даниил объединился с Конрадом Мазовецким и литовским князем Миндовгом.[951] А про татар, уходивших через Болгарию и Молдавию на Волгу, обе стороны… просто позабыли.

Напряженная и весьма жестокая война, окончившаяся победой Даниила над польско-русско-венгерской армией под стенами города Ярослава 17 августа 1245 г., описана достаточно обстоятельно,[952] но место ее в истории требует дополнительного анализа. Война на Карпатах принципиально отличалась от войны в Прибалтике. Александр Невский защищал свой суперэтнос и его культуру от железного натиска католической Европы, или, что то же, от колониального порабощения. Поэтому он отказывался от любого культурного обмена с Западом, даже от дозволения религиозных диспутов.

На юге-западе война носила другой характер. Бела IV Венгерский, Болеслав Стыдливый Малопольский и примкнувший к ним Ростислав Черниговский состояли в гвельфском блоке. Конрад Мазовецкий призвал на свою землю Тевтонский орден, стоявший на стороне Гогенштауфенов; Даниил Романович продолжил традицию своего отца, ставшего союзником гибеллинов, а Миндовг, язычник, готов был бить католиков где только возможно.

Таким образом, очевидно, что в Карпатах решался вопрос не о защите православия от католичества, разумеется не в религиозном, а в этническом плане, а об участии Южной Руси в западноевропейской политике, осью которой была борьба императоров против пап. Черниговские князья примкнули к папистам и приняли участие в Лионском соборе 1245 г., а Даниил Галицкий оказался союзником Фридриха II, отлученного бежавшим папой Иннокентием IV. А Русь? Она в этой войне была ни при чем.

И тут внезапно к князю Даниилу пришло от хана Батыя короткое письмо: «Дай Галич».

Победитель венгров, поляков и крамольных бояр пришел в ужас. Война с татарами была весьма невыгодна, даже безнадежна, потому что волынское войско одерживало победы путем крайнего напряжения сил и, естественно, было утомлено. Воины не фигуры на шахматной доске, где, выиграв одну партию, можно начинать другую.

Выход был один — ехать на поклон к хану, и Даниил отправился в Сарай, предварительно заручившись охранной грамотой. Хан принял князя ласково, разрешил ему пить на пиру вместо кумыса вино, что было высшей любезностью, и выдал ему ярлык[953] на власть в его княжестве, сделав Даниила своим «мирником». Для обоих это был большой политический успех.

Батый обеспечил свою западную границу от внезапного нападения крестоносцев, ибо папа Иннокентий IV на Лионском соборе 1245 г. объявил Крестовый поход против татар, а Даниил после поездки в Сарай заявил свои права на преемство киевских князей, назначил

---

[951] См. там же. С. 230—231.

[952] См. там же. С. 231—234.

[953] Ярлык — это пакт о дружбе и ненападении. Реальной зависимости он не предполагал. Батый посылал ярлыки к правителям Рума, Сирии и других стран, от него независимых.

своего «печатника» (хранителя печати) митрополитом, в 1246 г. отправил его на утверждение к патриарху в Никею и заключил мир с Венгрией, отказавшейся от поддержки Ростислава.

Казалось бы, Даниил должен быть доволен, но он был человеком своего времени и его настроений, которые на Волыни были прозападническими. Поэтому летописец написал роковую фразу: «О, злее зла честь татарская», определив тем самым будущее своего народа, своей страны, своей культуры. Удачный договор на Волыни вызвал «плач об обиде князя».[954] Против такой категорической антипатии к татарам князь не мог ничего предпринять, даже если бы он этого хотел. Но, по-видимому, он был заодно со своим народом.

162. Поиски выхода

Компромиссная политика Даниила Романовича не дала тех положительных результатов, которых можно было бы от нее ожидать. Не будем забывать, что правитель небольшой державы зависит от своих подчиненных не менее, чем они от него. Приказ можно не выполнить, из рядов войска сбежать, дипломатическую миссию исказить, князя не восхвалять, а осуждать или высмеивать. Феодальная оппозиция многообразна и неуловима; важно только, чтобы у людей была возможность выбора между политическими программами и направлениями, а тут их было целых три.

В Ростово-Суздальской земле к татарам отнеслись положительно. Удельные князья поехали в ставку Батыя, где их пожаловали их же владениями и с миром отпустили по домам. В Великороссии согласились с тем, что Русская земля стала земля «Канови и Батыева», т. е. признали сюзеренитет монгольского хана (хотя престол в это время был вакантным) и Батыя как старшего в роде Борджигинов, и что «не подобает на ней жити не поклонившися им».[955]

Такое решение было оправдано внешнеполитической обстановкой. На западной границе шла жестокая война, и ливонцы вешали русских пленников. Сила была на стороне крестоносцев, имевших неограниченные ресурсы в европейском рыцарстве, снабжаемом купеческой Ганзой и руководимом опытными политиками — прелатами католической церкви. Подчинение папскому престолу было обязательным условием мира. Для Владимирского княжества второй фронт в этих обстоятельствах был бы этническим самоубийством. И наоборот, Батый хотел установить с русскими князьями искреннюю дружбу.

Монголы имели квалифицированную разведку из числа иноплеменников, принятых в войско. Венгерский монах Юлиан рассказывает о татарском после, знавшем венгерский, русский, куманский (тюркский), тевтонский (немецкий), сарацинский (арабский) и, естественно, татарский (монгольский) языки.[956] Татарский предводитель, взятый в плен чехами при Ольмюце, оказался английским тамплиером по имени Питер. Монголы знали о настроениях «христианского мира» и поддерживали православные страны — Никею, Грузию, Уйгурию, монофизитскую Малую Армению и Русь — против католиков, начавших Крестовый поход против монголов и «схизматиков».

А на Руси великий князь Юрий II запретил доминиканским монахам проповедовать язычникам католичество и зимой 1237/38 г. изгнал их из своей земли.[957] Эта

---

[954] Соловьев С.М. История России… Кн. II. Т. III. М., 1988. С. 170.

[955] Насонов А.Н. Монголы и Русь. С. 10—11.

[956] См.: Аннинский С.А. Указ. соч. С. 81.

[957] Там же. С. 89.

принципиальная политическая линия поддерживалась не только народными массами суздальцев, не желавших менять исповедание и терять усвоенную и воспринятую культуру, но и крупными деятелями. Бывший «печатник» (канцлер) Даниила, митрополит Кирилл, «не согласился с политическим курсом холмского двора и в 1250 г. примкнул к политике Александра Невского»,[958] наиболее последовательного борца за Русь. За эту линию он был канонизирован в 1547 г., хотя почитание его как святого началось сразу после кончины.

Итак, древнерусский настрой раскололся, а вместе с ним раздробился и этнос. При этом деление прошло на основе комплиментарности, т. е. каждый русский человек мог выбрать ту культуру, которая ему больше подходила: западную, католическую, или восточную — православную, несторианскую и монофизитскую, в Центральной Азии слившуюся в 1142 г. с несторианской.[959] Ясно, что ведущая роль принадлежала не догматике, а мироощущениям, симпатичным друг другу.

Но было и третье направление — стремление к безоговорочному объединению с Западной Европой в ее гвельфском варианте. Михаил Всеволодович Черниговский, отец уже упомянутого Ростислава, владея очень короткое время Киевом, поставил митрополитом своего человека — игумена Петра Акеровича. Даниил Романович сверг его и разогнал его епископов, после чего Ростислав провел неудачную войну с Даниилом и остался жить в Венгрии, а Петр Акерович по повелению своего князя отправился в Лион просить у папы Иннокентия IV помощи против татар.

Михаил жил некоторое время в Венгрии, но, обиженный пренебрежительным отношением к себе, вернулся в Чернигов. Очевидно, он предполагал, что его переговоры с папой останутся татарам неизвестны. Не тут-то было! Батый имел достаточную информацию об изменнической деятельности черниговского князя. Однако он дал ему возможность оправдаться. У татар был своеобразный «детектор лжи»: подозреваемый должен был пройти между двумя большими кострами, а колдуны наблюдали за огнем и тем самым устанавливали правдивость показаний.

Насколько этот способ эффективен — сказать трудно, но князь Михаил от процедуры отказался и был казнен. Конечно, князя жаль, но какое правительство не наказало бы лицо доверенное, занимающее ответственный пост и уличенное в изменнических связях с врагом!

Это была трагедия не только князя Михаила, но и всего Черниговского княжества, которое с этого времени прекратило самостоятельное существование.[960]

163. Надир[961]

Одновременно с Черниговом стал клониться к упадку Полоцк. Проиграв войну с немцами за Подвинье, Полоцкое княжество стало жертвой литовских набегов, длившихся с 1216 по 1246 г. История этого периода может быть восстановлена крайне отрывочно, но видно, что уже в 1258 г. полочане выступают против Смоленска совместно с литовцами, а потом Полоцкая земля рассматривается как часть наследства Миндовга.

Дольше всех из западнорусских городов держался Смоленск, но и он в 1274 г.

---

958 Пашуто В.Т. Очерки… С. 271.

959 См.: Бартольд В.В. О христианстве в Туркестане… С. 11; Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. С. 133.

960 См.: Зайцев А.К. Черниговское княжество // Древнерусские княжества X—XIII вв. С. 117.

961 Надир — точка небесной сферы, диаметрально противоположная зениту. См.: Алексеев Л.В. Полоцкая земля // Там же. С. 239.

предпочел добровольное присоединение к Золотой Орде литовской оккупации. А ведь татары даже близко не подходили к Смоленску.

На этом всеобщем грустном фоне разложения некоторое время высилась фигура Даниила Романовича Волынско-Галицкого, ставшего вождем русских «западников». Даниил понимал, что зависимость от католической Европы обязывает ко многому, даже опасному и неприятному, но, видимо, общественное мнение на юго-западе было непреклонно. Не случайно же в 1254 г. Даниил принял от папы корону и скипетр и «воздвиже рать противу татар».[962]

В 1246 г. в Каракоруме проходили торжества по случаю избрания нового хана. На этот раз был избран Гуюк, сын Угэдэя и меркитки Туракины, злейший враг Батыя.

Еще в 1238 г., когда Гуюк и его юный племянник Бури (внук Джагатая) служили под командой Батыя, они вздумали с ним поссориться: на пиру, когда Батый поднял первую чашу, они оскорбили его. Батый выслал их из войска к отцам. Хан страшно разгневался на сына, посмевшего нарушить войсковую субординацию, но благодаря заступничеству приближенных простил его и отправил обратно в армию к Батыю.[963] Отношения между царевичами не улучшились.

И вот Гуюк стал ханом, вождем 130 тыс. воинов, а у Батыя и его братьев было всего 4 тыс. всадников. Ярослав стал выбирать сюзерена и союзника. С ним заигрывали, на пиру он занимал первое место. Гуюк был друг православия и враг папизма.[964] Казалось бы, все складывалось хорошо для Ярослава, а значит, и для Руси. Но вдруг оказалось, что великий князь умер от яда, будто бы данного ему вдовствующей ханшей Туракиной, получившей донос от боярина Федора Яруновича, сообщившего, что Ярослав вступил в контакт с папой Иннокентием IV и Лионским собором.

Туракина была сибирячка, т. е. она была доверчива и импульсивна. Но даже при этом обвинение ее в отравлении гостя не было подтверждено. Сообщил об этой версии Плано Карпини, папский агент, т. е. лицо заинтересованное.[965] Но так или иначе, князь умер, а его дети Александр и Андрей убили доносчика.

Итак, попытки великих князей вывести страну из тяжелого кризиса ни к чему не привели, да и не могли привести, так как причиной создавшегося положения был естественный процесс старения системы, снижения уровня пассионарности, в чем никто из русских людей не был виноват, хотя им всем было от этого не легче.

Железный натиск Запада и неожиданный ураган с Востока столкнулись на территории Киевской державы, и она перестала существовать. Почему эта богатая, здоровая, прекрасная страна не оказала должного сопротивления соседям, не превосходившим ее ни в технике, ни в экономике, ни в культуре? Ответ на этот вопрос содержался в перечислении вереницы бед, далеко не полном. Впрочем, увеличивать количество упомянутых фактов не нужно. Приведенное необходимо и достаточно. Теперь можно констатировать, что инерция пассионарного толчка затухла и система распалась, причем часть ее вошла в западноевропейский суперэтнос, другая часть предпочла союз с Великой степью, объединенной Монгольским улусом.

Больше выбирать было не из чего, ибо возрождение Византии ни в кого не вселяло надежд, а «гниение» Аббасидского халифата шло неуклонно.

---

[962] Цит. по: Пашуто В.Т. Очерки… С. 259.

[963] Сокр. ск. § 275, 276.

[964] «Он пригласил к себе священников из Шама (Сирии), Рума (Византии), Осов (Осетии) и Руси» (Рашид-ад-Дин. Т. II. С. 121); ср.: Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. С. 330.

[965] См.: Путешествия в восточные страны… С. 7.

Казалось бы, Русь должна была стать добычей хищных соседей или, в лучшем случае, распасться на реликты, кое-как сопротивляющиеся ударам извне и внутреннему разложению. А вместо этого произошел взрыв пассионарности и начался новый виток этногенеза. Как и где это произошло?

И вот здесь намечается переход от истории — науки о событиях — к этнологии — науке о меняющихся поведенческих стереотипах. До сих пор мы отмечали политический и государственный упадок Древней Руси, распад единой системы на восемь «полугосударств», ослабление общерусского патриотизма и т. п. Но импульсы, породившие эти явления, были еще позитивными, хотя и недостаточными для процветания всей страны и культуры. Теперь же появились негативные феномены: предательство, хуже чего не бывает, и продажность, при которой наладить управление страной невозможно.

Приписывать внедрение этих качеств монголам несправедливо. Во-первых, они сами ими не обладали, а следовательно, и не могли никого им научить. Во-вторых, они были заинтересованы в верности русских князей, а не в изменах и обманах. Поскольку папа объявил Крестовый поход против татар, то союз с православными монголам был нужен как воздух.

И наоборот, католикам было выгодно поднять русских против татар, чтобы вести войну на русской территории и русскими руками. Поэтому ясно, что заинтересованы в гибели князей от рук татар были именно папские дипломаты. А потом можно было расправиться с проклятыми «схизматиками» и построить на Русской земле вторую Латинскую империю.

Так и случилось в XIV в. во всей Западной Руси, а Восточная Русь уцелела благодаря оригинальной расстановке сил, которая обеспечила Руси полувековую передышку. Этого оказалось достаточно для спасения самого ценного наследия — культурной традиции.

Часть шестая
Путем зерна

XXIV. В улусе Джучиевом

164. Смена этнической доминанты

Патриотизм — это искренняя любовь к этнической или суперэтнической традиции, с той разницей, что на уровне этноса лежит общность, основанная на сигнальной наследственности, а на уровне суперэтноса — общность культуры, пусть даже заимствованной, но принятой искренне и добровольно.

На рубеже XIII—XIV вв. русские, несмотря на политическую раздробленность страны, осознавали свое системное единство по отношению к полякам, шведам, венграм, немцам, но не к грекам, болгарам, грузинам. Католичество было индикатором одного суперэтноса, а православие — другого. Конечно, суздальцы или волыняне знали, что они не византийцы или болгары, различие с ними было на порядок больше, чем между русскими в разных княжествах, но различие с католиками и мусульманами было на два-три порядка больше. Этническая симпатия (положительная комплиментарность) вызывала на Руси сочувствие к грекам в 1204 г., к болгарам в 1205 г., к половцам, породнившимся с русскими, в 1223 г. и к ижорянам в 1240 г.

И наоборот, победы Александра Невского в 1242 г. на Чудском озере и Даниила Галицкого под крепостью Ярославом в 1245 г. воспринимались как радость всей Руси постольку, поскольку инерция пассионарного напряжения этнической системы еще не затухла.

Но перечисленная выше вереница бед указала направление этнического процесса. К 1252—1257 гг. энтропия восторжествовала. Хотя войны не прекращались, но они шли уже не

за Русь,[966] превратившуюся на целый век в арену борьбы трех разных и враждебных друг другу суперэтносов: католического, мусульманского и степного; основной доминантой последнего была не религия, а Яса Чингисхана.

Грандиозный поход Батыя в 1237—1242 гг. произвел на современников ошеломляющее впечатление. Но ведь это был всего лишь большой набег, а не планомерное завоевание, для которого у всей Монгольской империи не хватило бы людей. В самом деле, монголы ни на Руси, ни в Польше, ни в Венгрии не оставляли гарнизонов, не облагали население постоянным налогом, не заключали с князьями неравноправных договоров. Поэтому выражение «завоеванная, но непокоренная страна» полностью неверно. Завоевание не состоялось, потому что оно и не замышлялось. Батый имел задание рассеять половцев, что он и сделал, и заключить приемлемый мир с оседлыми соседями, от которых можно было бы не ждать контрудара. А это ему не удалось.

Католическая Европа находилась в акматической фазе этногенеза. Пассионарный перегрев рвал ее на части, что мешало завоеваниям, хотя те все-таки происходили. В 1250 г. умер глава гибеллинов — император Фридрих II, империя распалась, и папа Иннокентий IV смог счесть себя главой «христианского мира». Тогда-то Даниил Галицкий принял из рук папы королевскую корону Малой Руси. За это он должен был воевать против монголов и осторожно подготавливать унию с папизмом. Галиция превратилась из цитадели православия в небольшое европейское королевство, в вассала Престола святого Петра.

Иными словами, Малая Русь вынуждена была воевать не за свои, а за чужие интересы. Кончилось это разгромом 12 59 г., когда монгольский нойон Бурундай принудил Даниила срыть свои крепости и дать свое войско как подкрепление для похода на Польшу.

Союз с Западом привел Галицию и ее народ к катастрофе. Через 80 лет, т. е. в 1339 г., польский король Казимир Великий «без единого выстрела» присоединил Галицию к Польше.

Насколько независимо чувствовала себя Северо-Восточная Русь, видно из того, что в 1248 г. законный наследник Великого княжества Владимирского Святослав Всеволодович, брат погибшего Ярослава, утвержденный на престоле Батыем, был выгнан Михаилом Ярославичем Тверским, прокняжив меньше года. Дни свои он закончил в Орде, тщетно добиваясь справедливости. Но в его судьбе был виноват не Батый, а центральное правительство в Каракоруме, где правила вдова Гуюка — найманка Огуль Гаймыш. Она отдала власть на Руси детям отравленного Ярослава: Александру — великое княжение и разрушенный Киев, а Андрею — богатое Владимирское княжество.[967]

Этот раздел был основан на очередном женском легкомыслии. Андрей был «западник». Он породнился с Даниилом Галицким и готовил союз с Европой против монголов. Для Руси это означало, даже в случае победы, разорение, так как на ее территории должна была пройти война, введение унии, т. е. уничтожение национальной культуры, а в конце концов завоевание Владимирской и Новгородской земли рыцарями-крестоносцами, подобное тому, что произошло в Прибалтике.

Трудно сказать, понимал ли князь Андрей неизбежность последствий своей политики. Но золотой венец Даниила ослепил его. Зато князь Александр, правивший в Новгороде, великолепно разбирался в этнополитической обстановке, и он спас Россию.

В 1251 г. Александр приехал в орду Батыя, подружился, а потом побратался с его сыном Сартаком, вследствие чего стал приемным сыном хана и в 1252 г. привел на Русь татарский корпус с опытным нойоном Неврюем. Андрей бежал в Швецию, Александр стал великим князем, немцы приостановили наступление на Новгород и Псков.

---

[966] Имеется в виду древнерусская этническая целостность.

[967] По монгольскому праву владетелем отцовского улуса считался младший сын, хотя он должен был в политических делах подчиняться старшему брату. Предполагалось, что старший брат успеет обрести имущество, а младшего следует обеспечить.

Помогая Александру, Батый был отнюдь не бескорыстен. У него самого была сверхсложная ситуация. В 1253 г. в Монголии должен был собраться курултай — общевойсковое собрание — для выборов нового хана. Страсти накалились настолько, что проигравшая сторона не просто рисковала головой, а должна была ее потерять. Силы были почти равны, и каждый лишний друг мог склонить чашу весов в ту или иную сторону. Батыю был нужен надежный тыл. Даниил его обманул. Александру он поверил, и тот его не предал. Батый выиграл: его друг Мункэ стал великим ханом, а Батый — главой рода Борджигинов. Фактически эти двое разделили империю: Батый правил на западе, Мункэ — на востоке. А Александр?

Напрашивается вывод, что Даниил и Александр стоят друг друга. Один обожал немцев, другой — татар. А кто же был за русских?

Были в это время и княжества с древнерусскими традициями — между Днепром и Западным Бугом, между Припятью и Двиной. Эти так называемые Белая и Черная[968] Русь не подчинялись ни немцам, ни татарам. А что они сделали, чем прославили свое имя, как защищали свою свободу от соседей-литовцев? Да никак! Гомеостаз сохраняет людей, которых принято считать нормальными. Потомки кривичей, дреговичей, радимичей каждый год пахали землю, собирали урожай, ткали рубахи, а иногда и порты и не допускали мысли, что их жизнь может измениться. Так они и дожили до XIV в., когда произошло событие, положившее начало новому витку этногенеза.

165. То же на уровне массы

В те десятилетия, когда правители выбирали себе выгодных союзников, их народы выбирали себе друзей, с которыми они могли бы совместно жить и не вести бесконечных и ненужных войн. Наиболее актуальной эта проблема была для монголов, одержавших победу, но не сумевших ею воспользоваться. Большая часть победителей вернулась домой, и уже в 1243 г. силы Батыя были ничтожны.[969]

По завещанию Чингисхана, его старший сын, Джучи, получил 4 тыс. монгольских воинов,[970] с разрешением пополнять армию за счет населения покоренных стран. Старший сын Джучи-хана, Орда-Ичэн, имел ставку на берегах Иртыша и по закону получил одну тысячу воинов. Это была Белая, т. е. старшая, Орда. От власти Орда-Ичэн отказался. Третий сын — Шейбан — кочевал от Тюмени до Аральского моря с Синей Ордой, в его распоряжении была еще одна тысяча. На долю Батыя, главы Большой, или Золотой, Орды пришлось всего 2 тыс.: хины (мобилизованные чжурчжэни)[971] артиллерия, т. е. обслуга военных машин, и мангуты.

К этому ядру добавлялось ополчение, число коего Н. Веселовский определил, видимо, правильно в 25 тыс.[972] Ясно, что без верных друзей такой улус просуществовать 240 лет не мог. Кто же были сторонники ханов Золотой, Синей и Белой Орды? — Кыпчаки.

Наиболее тонким и умным надо признать краткое описание улуса Джучиева Эль-

---

968 Белая Русь — территория Полоцкого и Турово-Пинского княжеств; Черная Русь, т. е. завоеванная соседями, — окрестности Гродно.

969 См.: Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды (далее: Тизенгаузен). Т. I. 1884; Т. II. 1941.

970 См.: Тизенгаузен. Т. II. С. 33.

971 См.: Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. С. 313—314.

972 Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 24. С. 633—635.

Омари: «В древности это государство было страной кыпчаков, но когда им завладели татары, то кыпчаки сделались их подданными. Потом они смешались и породнились с кыпчаками, и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их, и все они стали точно кыпчаки, как будто одного с ними рода».[973] Это можно назвать географическим детерминизмом, но ведь жесткая связь этноса с ландшафтом через способы хозяйства бесспорна.

Будучи в абсолютном меньшинстве, золотоордынские монголы не имели возможности создать деспотический режим. Поэтому Орда возглавляла конфедерацию местных этносов, удерживаемых в составе государства угрозой нападения. «Черкесы, русские и ясы не в силах сопротивляться султану этих стран и потому (живут) с ним как его подданные, хотя у них и есть цари. Если они обращались к нему с повиновением, подарками и приношениями, то он оставлял их в покое, в противном же случае делал на них набеги и стеснял их осадами».[974]

Гораздо круче расправлялись монголы со своими азиатскими противниками, жившими по обе стороны Уральского хребта. Юлиан, венгерский монах, бывший свидетелем покорения Приуралья в 1236 г., сообщает: «Во всех завоеванных царствах они убивают князей и вельмож, которые внушают им опасения. Годных для битвы воинов и поселян они, вооруживши, посылают против воли в бой вперед себя. Других… оставляют для обработки земли… и обязывают тех людей впредь именоваться татарами».[975] Так этноним «татар» получил расширенное, суперэтническое значение.

Столь жестокие меры, видимо, объясняются тем ожесточением, которое сопутствует любой затяжной войне. Меркиты беспрерывно воевали с монголами с 1201 по 1216 г., а башкиры — с 1220 по 1235 г., всего 34 года, тогда как поход через Русь занял только 3 года, и уже в 1243 г. был достигнут мир, приемлемый для обеих сторон. Начались частые поездки в Золотую Орду русских князей,[976] откуда те привозили жен-татарок. Пресечение Александром Невским попытки перехода в стан враждебного Запада повело к той системе этнического контакта, которую следует назвать симбиозом. Эта фаза продолжалась до 1312 г. — до принятия ханом Узбеком ислама как государственной религии.

Из самых разных мест ездили в Орду и поступали там на службу, чтобы сделать военную карьеру, которая была недостижима для простых ратников и смердов на своей родине.[977] В Золотой Орде все время шли интриги, а в 1273—1299 гг. пылала внутренняя война между узурпатором Ногаем и законными ханами — Чингисидами. Русские князья принимали в ней самое живое участие. Один сын Александра Невского, Дмитрий, и сын Даниила Галицкого, Лев, поддержали Ногая,[978] а Андрей Александрович и его дядя Василий Ярославич — законных ханов. В условиях этой напряженной войны русские княжества имели возможность оторваться от Орды, но они этого не сделали.[979] Наоборот, независимый Смоленск просил принять его в состав улуса Джучиева, чтобы получать помощь против посягательств Литвы, и на время стал щитом России. Татарская помощь

---

[973] Цит. по: Тизенгаузен. Т. I. С. 325.

[974] Там же. С. 231.

[975] См.: Аннинский С.А. Указ. соч. С. 87.

[976] См.: Полубояринова М.Д. Русские в Золотой Орде. М., 1978.

[977] См.: Гумилев Л.Н. Указ. соч. С. 398—399.

[978] См.: Пашуто В.Т. Очерки… С. 296—297.

[979] См.: Насонов А.Н. Монголы и Русь. С. 69—75.

остановила натиск с запада.

Но и на востоке было непросто. В XIII в. Волга еще не была «русской рекой». Пограничным городом Руси в 1220 г. стал Нижний Новгород, воздвигнутый на месте мордовской крепости, взятой приступом. От устья Оки до Дербента и Хорезма простиралась мусульманская страна, завоеванная монголами. Блестящая культура ислама обольщала многих монгольских ханов и батуров, что весьма влияло на политику улуса Джучиева. Первым мусульманином на троне Сарая стал брат Батыя — Берке, вступивший в войну со своим двоюродным братом — ильханом Ирана Хулагу. Однако он не рискнул поссориться с Александром Невским и даже разрешил в 12 60 г. учредить в Сарае православную епископию. Зато несториан он притеснял беспощадно.

Сменивший его Менгу-Тимур был последователем традиционной монгольской религии бон, так же как Телебуга и Тохга — противники Ногая, бывшего тайным мусульманином. Карьеру Ногай сделал благодаря тому, что хан Туда-Менгу, вступивший на престол в 1280 г., был настроен мистически и в 1283 г. превратился в суфийского дервиша,[980] выпустив власть из рук.

Наконец, царевич Узбек отравил хана Тохту в 1312 г., победил хана Белой Орды Ильбасмыша (1313—1320) и объявил ислам государственной религией Золотой Орды. Царевичи и нойоны, отказавшиеся предать веру отцов, были казнены. Обязанность сменить религию не распространялась на русских, что говорит об известной самостоятельности Руси. Язычники, жившие в русских княжествах, тоже не принуждались к принятию ислама. Из всего этого следует, что военную победу одержали монголы — степной суперэтнос, а идеологическую — мусульмане.

Трудно переоценить значение реформы Узбека. Он превратил степной улус в купеческий султанат; таким образом, поволжские этносы вошли в мусульманский суперэтнос. Опорой Узбека было население, покоренное Батыем, горожане, которых в XIII в. называли «сартаульский народ», и уцелевшие от резни половцы, составившие войско Ногая. Конечно, новому режиму подчинились не все. Пассионарная часть монголов заявила Узбеку: «Ты ожидай от нас покорности и повиновения, а какое тебе дело до нашей веры и исповедания и каким образом мы покинем закон и ясак Чингисхана и перейдем в веру арабов?»[981] В ответ на это последовали казни нойонов, бахши и волшебников. Великая степь, никогда не знавшая религиозных преследований, столкнулась с этим омерзительным проявлением цивилизации, ибо в организации «инквизиции» мусульмане не уступали католикам.

Тот, кто хотел сохранить свободу совести, должен был бежать. Куда? В Иране Газан-хан принял ислам еще в 1295 г. В Египте и Сирии господствовали мамлюки — половцы, проданные туда монголами и захватившие власть, попасть к ним в руки для ордынского богатыря было хуже смерти. Западная Европа находилась в состоянии постоянной холодной войны с Ордой. Добраться до Китая, где правила веротерпимая династия Юань, было практически неосуществимо из-за дальности и трудности путей. Единственным местом, где татары — противники ислама могли найти приют и дружелюбие, были русские княжества,[982] с которыми ревнителей древней традиции (многие из них родились от смешанных браков) связали полвека совместной жизни. Так появились на Руси… Аксаков, Алябьев, Апраксин, Аракчеев, Арсеньев, Ахматов, Бабичев, Балашов, Баранов, Басманов, Батурин, Бекетов, Бердяев, Бибиков, Бильбасов, Бичурин, Боборыкин, Булгаков, Бунин,

---

[980] По сути дела, суфизм был совсем не похож на воинствующий ислам — суннизм, однако суфии называли себя мусульманами и были терпимы в странах ислама.

[981] Тизенгаузен. Т. I. С. 197, 385, 510; Т. II. С. 100, 104.

[982] См.: Гумилев Л.Н. Указ. соч. С. 401—402.

Бурцев, Бутурлин, Бухарин, Вельяминов, Гоголь, Годунов, Горчаков, Горшков, Державин, Епанчин, Ермолаев, Измайлов, Кантемиров, Карамазов, Карамзин, Киреевский, Корсаков, Кочубей, Кропоткин, Куракин, Курбатов, Милюков, Мичурин, Рахманинов, Салтыков, Строганов, Таганцев, Талызин, Танеев, Татищев, Тимашев, Тимирязев, Третьяков, Тургенев, Турчанинов, Тютчев, Уваров, Урусов, Ушаков, Ханыков, Чаадаев, Шаховской, Шереметев, Шишков, Юсупов.[983]

Этот перечень лишь отчасти отражает тот размах, который приобрела русско-татарская метисация. Много рядовых воинов поселились на юго-восточной окраине, были зачислены в пограничные отряды и составили сословие дворян-однодворцев[984] — подобие польской «застенковой шляхты». Только Екатерина II, упрощавшая систему Российской империи, перевела их в сословие государственных крестьян. Ареал однодворцев стал рубежом между двумя новообразовавшимися этносами — великорусским и татарским и, более того, между двумя суперэтносами — православным и мусульманским.

166. Факты и оценки

Перечисление событий в их связи и последовательности есть необходимый фундамент истории — без этого фундамента никакое здание стоять не может, но жить в фундаменте не будут даже мыши. Людям необходимы стены с окнами, крыша и внутренняя отделка комнат. В истории роль последних занимает анализ, т. е. обнаружение причин и следствий, и синтез — воспроизведение эпохи относительно нас — потомков, ее изучающих. А эти воспроизведения бывают разнообразны, хотя отнюдь не равноценны.

В середине XIII в. в зените находились две могучие системы: 1) теократия папы Иннокентия IV, победившего заклятого врага папства императора Фридриха II и добившегося распадения Германской империи, а потом покончившего с Сицилианским королевством — последним оплотом гибеллинов (1250—1266); 2) Монгольский улус потомков Чингиса, в 1260—1264 гг. расколовшийся на части от внутреннего пассионарного напряжения. А между этими гигантами возникли два маленьких этноса, которым принадлежало грядущее: Литва.[985] и Великороссия[986] С их даже не рождением, а зачатием связаны незабываемые имена: Миндовг и Александр Невский. Люди их помнят поныне, и не зря.

Полвека шло победоносное наступление крестоносцев на прибалтийские этносы и в 1250 г. увенчалось, казалось бы, решающим успехом: князь Литвы Миндовг принял крещение по латинскому обряду, что формально делало его союзником римского папы. В том же году принял от папы королевскую корону Даниил Галицкий, став из князя королем Малой Руси (Rex Russae minoris). Можно было подумать, что дорога на восток открыта;

---

[983] См.: Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979.

[984] См.: Кучеев А.М. Следы тюркского элемента у однодворцев (по данным языка и личной ономастики населения Усманского района Липецкой области) // Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. № 15. Л., 1970. С. 127—134.

[985] Литва — одно из племен балтской группы, распространенной от Балтийского моря до левобережья Днепра. Балты освоили этот регион сразу вслед за таянием ледника и, следовательно, являются древнейшими из аборигенов Восточной Европы. Долгое время они находились в гомеостазе и сохранили этнические черты, характерные для их предков.

[986] Великороссия ранее называлась Залесской Украиной и располагалась в Волго-Окском междуречье. Население — смесь мери и кривичей с включением вятичей и муромы, а с XIII в. — тюркских элементов. Малая, т. е. коренная, Русь лежала на правом берегу Днепра; здесь преобладали славянские и тюркский (половцы и торки) субстраты.

послы папы пытались склонить на свою сторону Александра Суздальского и Новгородского, но… все успехи оказались эфемерными. Крестившись и тем самым усыпив бдительность папы, литовский князь оказывал помощь языческой жмуди в войне с орденом, а после решительной победы над рыцарями у озера Дурбе в 1260 г. отрекся от католической веры и перебил католиков, бывших при его дворе.[987] Более того, Александр и Миндовг заключили союз против немецкого железного натиска на восток. Александр съездил в Орду и договорился о союзе с ханом Берке, братом Батыя и его наследником. Ливонскому ордену грозил разгром, но… в один и тот же год был зарезан 43-летний Миндовг и умер его ровесник Александр. Поход на орден не состоялся.

Да, видимо, у немцев была неплохая агентура. Кинжалы и яд сработали вторично, после гибели Ярослава Всеволодовича, и опять в нужный момент. Ливония уцелела, но вынуждена была перейти к обороне. Новгородцы под Раковором, а литовцы при Карузене выиграли битвы у крестоносных рыцарей. Немецкие феодалы стали отказываться ехать в Ливонию,[988] ибо война была опасной и бесперспективной. А тут еще в 1261 г. никейские греки вернули Константинополь, а египетские мамлюки стали брать крепость за крепостью в Палестине. Колониальная экспансия под знаменем латинского креста захлебнулась и на севере, и на юге.

Такой поворот событий, несколько неожиданный для современников, вызвал живой интерес у позднейших исследователей. Обзор литературы вопроса сделал В.Т. Пашуто, выделив две точки зрения: свою собственную и «неправильную». Среди защитников последней он отметил польского историка И. Уминского и немецкого — А.М. Амманна.

И. Уминский пишет, что папа Иннокентий IV «делал все, чтобы помочь Даниилу, — писал еще раз татарам, пытался использовать рыцарей меченосцев и крестоносцев, прекращал чешско-венгерские споры, крестил и короновал Миндовга Литовского, завязал переписку с Александром Невским Суздальским, проектировал Крестовый поход из Чехии, Моравии, земель полабских, Поморья и Польши, назначил специального легата для проповеди Крестового похода».[989]

А.М. Амманн считает, что Александр Невский совершил ошибку, когда отверг союз с папством и подчинился власти татар. Эта позиция «положила предел западному культурному влиянию на многие десятилетия». Амманн приписывает Александру «полное отвращение к Западу», а также нежелание того, чтобы «Россия стала предпольем европейской крепости в оборонительном сражении с татарами». Папа предполагал включить в оборонительный фронт всю Россию, а когда это не удалось, то он призвал всех, на кого он имел влияние, к борьбе с татарами и их союзниками, т. е. с русскими. Активная деятельность курии в 1230—1260 гг. привела к унии с Римом Литву с западнорусскими землями и Галицко-Волынскую страну. Затем произошел разрыв — ответный удар враждебного Риму Востока, который предопределил судьбу Северной России и земель, которые она впоследствии «будет собирать».[990]

Эту концепцию В.Т. Пашуто осуждает, справедливо указывая, что она антирусская. Но возникает законное недоумение: а чего было ждать русским от немецкого иезуита и польского националиста? Со своей точки зрения, они были вполне логичны, желая, чтобы последние русские богатыри сложили головы, защищая католическую идею; а случайно уцелевших можно было повесить, как уже было проделано в Эстляндии. В.Т. Пашуто не

---

[987] См.: Пашуто В.Т. Указ. соч. С. 248.

[988] Там же. С. 249.

[989] Там же. С. 239.

[990] Там же. С. 239—242.

верит в искренность папских легатов, соблазнявших русских князей принять бескорыстную помощь Запада,[991] и он прав! Но почему-то он осуждает и обратную концепцию, высказанную в 1925 г. Г. В. Вернадским, что «Александр Невский, дабы сохранить религиозную свободу, пожертвовал свободой политической, и два подвига Александра Невского — его борьба с Западом и его смирение перед Востоком — имели единственную цель — сбережение православия как источника нравственной и политической силы русского народа».[992]

Обе концепции логичны, но первую Пашуто называет «фальсификацией», хотя она откровенна до цинизма, а вторую — «мракобесием», очевидно, предполагая, что Александр Невский должен был выучить исторический материализм и сдать его при помощи «машины времени».

А сам Пашуто, подведя итоги, констатирует, что война Александра Невского с Западом — благо, с Востоком — была бы желательна, а лучше всего было бы, если бы Юго-Западная Русь играла ведущую роль в мировой политике.[993] Да, любопытно было бы увидеть Даниила Романовича главой страны от Желтого моря до Бискайского залива! Но лучше воздержимся от обсуждения этой перспективы.

В советской историографии теме католической агрессии на Востоке посвятил свое исследование Б.Я. Рамм. Как и следовало ожидать, его оценки диаметрально противоположны тем, которые мы встречали у католических историков. Обстоятельно разобрав множество отдельных высказываний в разнообразных источниках, Рамм приходит к выводу, что в 1245 г. «в папской курии был выработан план, в соответствии с которым решено вести переговоры в двух диаметрально противоположных направлениях: и с русскими, и с татарами».[994] Цель заключалась в том, чтобы подчинить Русь Риму, уговорив татар согласиться на такую сделку. Доказательства для своей гипотезы Рамм ищет в анализе переговоров, которые папские послы вели в Каракоруме в 1246 и 1253 гг.

Версия Рамма представляется несколько надуманной. То, что папские послы восхваляли папу и его церковь, естественно, но ни о чем не говорит. Просто они не имели права произносить что-либо иное. Монголы и русские это знали и не придавали значения попыткам проповеди. Ведь монголы сами, руководствуясь дипломатическим этикетом того времени, предлагали папе подчиниться Вечному Богу и его сыну — Чингису.[995] Понимать этот текст буквально не следует, ибо он был составлен в 1253 г., через 26 лет после смерти Чингиса.

Реальным было то, что ханы Гуюк и Мункэ и князь Александр Невский[996] отказались от контактов с Западом в лице папы, как они отвергли бы особу императора, если бы победа досталась ему. Комплиментарность романо-германского суперэтноса с восточными соседями была отрицательной. Монголы принимали православие, ислам и теистический буддизм, но не католичество. Выбор их был подсказан не поиском выгоды, а симпатией, лежащей в сфере подсознательного, т. е. в природе.

---

[991] Там же. С. 275.

[992] Вернадский Г.В. Два подвига Александра Невского // Евразийский временник. Т. IV. Берлин, 1925. С. 227, 335. Цит. по: Пашуто В.Т. Указ. соч. С. 276.

[993] См.: Пашуто В.Т. Указ. соч. С. 277.

[994] Рамм Б.Я. Папство и Русь. М.; Л., 1959. С. 151.

[995] См.: Путешествия в восточные страны… С. 171—173.

[996] Житие Александра Невского (см.: Бегунов Ю.К. Памятник русской литературы XIII в. С. 175—176).

167. Факты без оценок

Аксиологический, т. е. оценочный, подход принят многими историками, и очень давно. Он соблазняет легкостью интерпретации и подбора фактов, создает иллюзию полного понимания очень сложных проблем, ибо всегда в конфликтных ситуациях можно симпатизировать одной из сторон, а на вопрос: «Почему вы сделали именно этот выбор?» — ответить, что эта сторона лучше, прогрессивнее, справедливее, а главное — мне больше нравится. По сути дела, такой историк выражает себя через подобранный им материал и тем самым заставляет читателя изучать не Александра и Дария, а взгляд на них Белоха, Дройзена, Калистова или Арриана и Низами. Но ведь нам интересны не авторы, а причинно-следственные связи этнических процессов, а они не имеют категории ценности. Следовательно, аксиология не помогает, а мешает понимать суть природных явлений, таких, как этногенез.

Вернемся в XIII век. Восемь миллионов обитателей Восточной Европы подчинились четырем тысячам татар. Князья ездят в Сарай и гостят там, чтобы вернуться с раскосыми женами, в церквах молятся за хана, смерды бросают своих господ и поступают в полки баскаков, искусные мастера едут в Каракорум и работают там за высокую плату, лихие пограничники вместе со степными батурами собираются в разбойничьи банды и грабят караваны. Национальная вражда изо всех сил раздувается «западниками», которых на Руси всегда было много. Но успех их пропаганды ничтожен, ибо война продолжает идти: в Карпатах — с венграми, в Эстонии — с немцами, в Финляндии — со шведами.

Вот эту систему русско-татарских отношений, существовавшую до 1312 г., следует назвать симбиозом. А потом все изменилось…

Отрицательное отношение русских политиков и дипломатов XIII в. к немцам и шведам вовсе не означало их особой любви к монголам. Без монголов они обошлись бы с удовольствием, так же как и без немцев. Более того, Золотая Орда была так далека от главного улуса и так слабо связана с ним, что избавление от татарского «ига» после смерти Берке-хана и усобицы, возбужденной темником Ногаем, было несложно. Но вместо этого русские князья продолжали ездить кто в Орду, а кто в ставку Ногая и просить поддержки друг против друга. Дети Александра, Дмитрий и Андрей, ввергли страну в жестокую усобицу, причем Дмитрий держался Ногая, а Андрей поддерживал Тохту, благодаря чему выиграл ярлык на великое княжение.

До тех пор пока мусульманство в Золотой Орде было одним из терпимых исповеданий, а не индикатором принадлежности к суперэтносу, отличному от степного, в котором восточные христиане составляли большинство населения, у русских не было повода искать войны с татарами, как ранее — с половцами. Татарская политика на Руси «выражалась в стремлении… всячески препятствовать консолидации, поддерживать рознь отдельных политических групп и княжеств».[997] Именно поэтому она соответствовала чаяниям распадавшейся державы, потерявшего пассионарность этноса. Процесс этот, как было показано выше, начался еще в XII в. и закончился, как мы знаем из общедоступной истории, в XIV в., когда наступила эпоха «собирания» земель. Совершенно очевидно, что здесь дело было не в слабых татарских ханах Сарая, а в новом взрыве пассионарности.

Таким образом, заслуга Александра Невского заключалась в том, что он своей дальновидной политикой уберег зарождавшуюся Россию в инкубационной фазе ее этногенеза, образно говоря, «от зачатия до рождения». А после рождения в 1380 г. на Куликовом поле новой России ей никакой враг уже не был страшен.

И наконец, чтобы покончить с побочной, т. е. историографической, темой, необходимо развеять еще один миф. В Монголии после смерти Угэдэя создались две партии, крайне

[997] Насонов А.Н. Монголы и Русь. С. 5.

враждебные друг другу. Во главе первой стоял царевич, а с 1246 г. — хан Гуюк, вторую возглавляли Батый и дети Тулуя (Толуя), старший из которых — Мункэ — был другом Батыя. Мункэ поддерживали несториане, Гуюк искал союза с православными.

У Монголии было два сильных врага: багдадский халиф и папа.

Сила монголов была в мобильности. Они могли выиграть маневренную войну, но не оборонительную. Поэтому остро встал вопрос: на кого идти? На папу, в союзе с русскими и греками, или на халифа, при поддержке армян и персидских шиитов?

Батый обеспечил престол Мункэ, тем самым обратив силы Монголии на Багдад и освободив от угрозы Западную Европу. Он считал, что дружба с Александром Невским надежно защищает его от нападения с Запада, и был прав. Таким образом, ход событий сложился в пользу «христианского мира», но не вследствие «героического сопротивления русских», русским ненужного,[998] а из-за его отсутствия. Зато династия Аббасидов погибла, и если бы не вмешательство крестоносцев, предавших монгольско-христианскую армию, Иерусалим был бы освобожден.

На второй натиск у монголов не хватило пассионарности, растраченной в полувековой междоусобной войне (1259—1301). Итак, походы монголов 1201—1260 гг. есть история пассионарного толчка или, точнее, энергетического взрыва, погашенного энтропией. Поэтому поиски здесь правых и виноватых или добрых и злых бессмысленны, как любые моральные оценки природных процессов. Они только мешают разобраться в механизмах изменений причинно-следственных связей в сложных вариантах суперэтнических контактов.

168. Путем зерна

Диалектика природных явлений предполагает обязательное сочетание жизни и смерти. Согласно закону отрицания отрицания, смерть есть необходимое условие для продолжения любого процесса жизни, и когда в поле зрения наблюдателя находились короткие отрезки линейного времени, этот тезис не вызывал сомнений даже у древних греков.

Однако к длинным отрезкам времени они относились иначе. «Только горы вечны, да Полярной звезды никто не сдвинет», — говорил герой античной драмы, настолько умный, что даже Олимпийцев считал смертными или, точнее, возникшими и конечными. Римляне были проще и называли свою столицу «Вечным городом», а их культурные наследники, европейцы, полагают вечным линейный прогресс и очень сердятся на тех философов истории, которые говорят об упадках цивилизаций. Обыватель, даже в стенах академий, готов допустить, что исчезнет кто-то, но не он и его институт.

Тем не менее диалектика права. Для продолжения любого процесса, в том числе этногенеза, обрывы и перестройки — такой же элемент развития, как и периоды плавного накопления ценностей. Поскольку этносы таксономически находятся между биологическими категориями — видами и организмами, то срок их существования не может быть определен визуально — слишком долог, а в масштабах культурологии он слишком краток. Возникает вопрос: что является предметом конечным и смертным, если пирамиды и Акрополь пережили египтян и греков, а люди размножаются и человечество все время обновляется? Ответ прост: система этноса, исчезающая вследствие энтропии. А элементы ее — люди — иногда перестраиваются в новые системы, а иногда костенеют в состоянии реликтов.

Для определения и описания начальных и конечных фаз этногенеза нужен широкий охват «временных лет», длинные промежутки линейного времени, которое иным способом сливается в сплошные линии, разумеется, для нашего глаза. Как трудно бывает определить «начало» этноса, да и его «конец». С точностью до одного года это вообще невозможно; с точностью до одной жизни — тоже; но с точностью до полутора-двух веков можно, а этого достаточно.

---

[998] Там же, глава I.

Как говорилось выше, Византия и славянский мир были ровесниками. Значит, и старение их шло синхронно. В XIII в. Византия путем грандиозного усилия избавилась от французов и венецианцев, продлив свое существование до 1453 г. как персистент, а затем остаток византийцев — реликт — влачил существование в мусульманском Стамбуле, пока не был вырезан в 1827 г. по приказу султана в отмщение за восстание в Морее. Так кончилась этносоциальная система, хотя потомки уцелевших «ромеев» еще встречаются в Южной России.

Русичам грозила худшая судьба: они перемешались с мерей, мордвой, муромой, яхвягами и куманами, так что их ожидало превращение в этническую химеру, а затем и аннигиляция. Но на рубеже XIII—XIV вв. заметен, а потом стал очевиден (разумеется, для историков, а не для современников — по причине аберрации близости) мощный негэнтропийный импульс, или пассионарный толчок. Ось этого толчка прошла от Пскова до Бруссы и дальше на юг, до Абиссинского нагорья, где уже обратился в пыль древний Аксум. На беду для греков, ось толчка прошла восточнее Константинополя; в Малой Азии население, увлеченное мистическим учением Джеляль ад-Дина Руми (умер в 1273 г.), отошло от православия, так что его пыл и страстность пошли на защиту ислама. Удивляться не надо: пассионарность определяет силу, а доминанта (ментальность) — ее направление. Зато нашим предкам повезло: пассионарность, как катализатор, спаяла рыхлую массу в монолит — Россию.

Древним этносом можно и следует называть тот, который избег обновления, как бы оно ни шло, будь это пассионарный толчок, или импорт пассионарности от соседей, или метисация, при которой неизбежно теряются некогда живые традиции. Так, ось пассионарного толчка IX в. миновала Британию, но норманны и французы принесли туда пассионарные гены в XI—XII вв., и смешанный этнос под властью Плантагенетов смог провести тяжелую Столетнюю войну, покрыв себя славой.

Великороссия обновилась за счет христианских монголов и крещеных литовцев, Малороссия — за счет половцев, но «чистым» древнерусским племенем остались белорусы. Их не затронули ни ордынские чамбулы (отряды, совершавшие набеги), ни малочисленные литовцы, подарившие потомков своих витязей Москве и Варшаве, ни немецкие рыцари, отбитые при Грюнвальде в 1410 г. Белоруссия дожила, как древнерусский заповедник, до своей мемориальной фазы, и как таковую ее описал образованный белорусский писатель XX в. Верить ему можно, хотя он говорит от лица персонажа:

«И все же неприкаянный мы народ… Этот позорный торг родиной на протяжении семи столетий! Поначалу продали Литве, потом, едва народ успел ассимилировать ее, полякам, всем кому не лень… Несчастная Белорусь! Добрый, покладистый, снисходительный, романтичный народ в руках такой погани (шляхты. — *Л.Г.*)… Отдает чужакам лучших своих сынов, лучших поэтов, нарекает чужаками детей своих, пророков своих, как будто очень богат. Отдает на добычу своих героев, а сам сидит в клетке над миской с бульбой да брюквой и хлопает глазами».[999] Автор жалеет свой народ. И не зря!

В Восточной Европе пассионарный толчок поднял к исторической жизни два этноса: литовцев и великороссов. На старте они были в разных положениях. Древние балты находились в состоянии гомеостаза. Они, как североамериканские индейцы, мужественно защищались от колонизаторов, часто побеждали рыцарей, но победить организованную этносоциальную систему не могли. Их ждала участь пруссов и полабских славян, если бы в их среде не появились люди, способные на сверхнапряжение, подобные Гедимину, Кейстуту, Витовту, Ольгерду. Первым из людей этого нового склада был Миндовг, ровесник Александра Невского. Оба родились в 1220 г., и если допустить, что причина толчка сработала именно тогда, то для того, чтобы стать фактором этнической истории, требовалось больше 100 лет. Для Литвы так оно и было.

---

[999] Короткевич Вл. Дикая охота короля Стаха. Минск. 1984. С. 412—413.

Россия начинала не с нуля, а с отрицательных величин выродившейся цивилизации. Поэтому она отстала от Литвы, правда, на одно поколение, но этого оказалось достаточно, чтобы Гедимин, Ольгерд и Витовт стали господами всей бывшей Киевской Руси, за исключением Галиции, которой овладели поляки. Если бы литовцы сумели слиться с покоренным большинством культурного населения своего государства, то они стали бы великой державой. Но этому помешал сладкий соблазн — католическая Польша, уже вобравшая в себя изрядную долю европейской цивилизации. «Нет на свете царицы краше польской девицы», — писал Адам Мицкевич. Литовские витязи не устояли против очарования развитой культуры, уже достигшей эпохи Возрождения, — и половина Литвы втянулась в западноевропейский суперэтнос.

А Россия оказалась в изоляции. Культуру она унаследовала от Византии, но в единый суперэтнос с ней не слилась. Евразийские малые этносы были русским близки. Ландшафт, способы хозяйствования, демонология (ибо в тонкостях христианской догматики мало кто разбирался) роднили население единого лесостепного региона. Но победа соседнего мусульманского суперэтноса, овладевшего в 1312 г. Поволжьем и Причерноморьем, вызвала многовековую войну, которую многие историки пытались экстраполировать в прошлое.

Великороссия, чтобы не погибнуть, вынуждена была стать военным лагерем, причем былой симбиоз с татарами превратился в военный союз с Ордой, который продержался более полувека — от Узбека до Мамая. В этот период великоросский этнос переживал инкубационную фазу. Он на время потерял даже общее наименование. Тогда и долго после говорили: «Московиты, тверичи, рязанцы, смоляне, новгородцы», и только в 1380 г. на Куликово поле пошли русские. И хотя Москва, присоединив к своим владениям Великое княжество Владимирское в 1362 г., стала признанной столицей России, для того чтобы население ощутило себя этносом, понадобился подвиг, ставший моментом рождения и государства, и народности, и культуры, и воинского духа, позволившего потомкам витязей XIV в. жить и побеждать, ориентируясь на самих себя. Сил у русских людей хватало, потому что это были новые силы, новый запас энергии.

И любопытно, что аналогичный подъем наблюдается в Турции, за исключением восточной части Малой Азии, находившейся вне полосы пассионарного толчка. Туркмены Карамана, Диарбекра и Азербайджана не уступали туркам-османам ни в храбрости, ни в искусстве верховой езды, ни в верности шейхам, но они стали жертвой османов, которые в XIV—XV вв. были способны на большее.

Та же участь постигла Золотую Орду, в составе которой были древние этносы Среднего Поволжья и «вкрапления» в их среду из Монголии и Джунгарии. Они не были затронуты пассионарным толчком, так как находились восточнее его ареала. Поэтому они не слились в единый этнос, несмотря на социальную и языковую близость и даже единство культуры, воспринятой ими из мусульманских стран, с коими их связывала международная торговля.

Золотая Орда была химерой, тогда как Белая Орда стала ядром образования нового самостоятельного этноса — казахов.

Понимали ли это русские князья XIV в.? Возможно, потому что они за вносимую ими дань требовали и получали военную помощь против Запада и имели крепкий барьер, защищавший их от готовящихся ударов с Востока. За это заплатить стоило, и, что любопытно, после гибели «доброго царя Джанибека», когда в Орде началась «великая замятня» — серия убийств ханов и резня между их нухурами, русские князья продолжали ездить в Орду с данью, поддерживая установившийся и устраивавший их порядок.

Но этот «порядок» был неустойчив. Социальная структура без этнической основы кололась на отдельные этносы, суперэтническое название которых было «татары». Возникли татары казанские — потомки болгар, астраханские — потомки хазар, ногайские — потомки гузов, крымские — смешанный этнос из многих народов, сибирские — осколок Синей Орды, литовские — удальцы, завербованные Витовтом, и некоторые реликты: кумыки, аккерманские, очаковские и др. В Великороссии татары легко ассимилировались — взаимная комплиментарность была положительной — и помогали московским князьям в их

многовековой войне с Литвой, а хан крымских татар стал вассалом турецкого султана. Турция находилась в той же фазе подъема, что и Великороссия и Литва.

И ведь что важно и особенно интересно: пассионарный толчок XIII—XIV вв. прошел между Вильной и Смоленском, через Минск и Киев, причем Тверь и Москва находились на восточной периферии его ареала. Так почему же именно они проявились как регионы, наиболее способные к развитию, а коренные земли Древней Руси, не затронутые походом Батыя, стали жертвой сначала литовской, потом польской агрессии? Попробуем разобраться.

XIII век — фаза инкубации. Поэтому история XII в. не дает возможности выделить моменты будущего взлета. Они просто не фиксировались современниками, писавшими летописи. Но уже в начале XIV в. государство Гедимина называлось литовско-русским, и русское православие успешно соперничало с литовским язычеством. Исповедание той или иной религии подобно лакмусовой бумажке для описания процессов этногенеза.

И тем не менее в конце XIV в. языческая Литва с королем Ягайло примкнула к Западу, а оппозиция, возглавляемая князьями Витовтом и Свидригайло, потерпела поражение. Границы западного суперэтноса продвинулись до Полоцка и Смоленска, а политическое господство — до Вязьмы и Курска. Чрезвычайно слабое сопротивление русского населения Белой, Черной и Червленой Руси[1000] бесспорно, но почему через 80 лет после похода Батыя, кстати не затронувшего Западной Руси, в 1321 г. князь Гедимин у реки Ирпень разбил русских князей и взял Киев, а в 1339 г. польский король Казимир занял Галицию, не выпустив ни одной стрелы? Куда же девалась древняя русская доблесть и где новая пассионарность?

Преодолеть инерцию древней, пусть ослабевшей, системы всегда трудно. Поэтому новые этносы возникают на границах этнических ареалов, где исходные субстраты лабильны и неустойчивы. Значит, пассионариям надо было искать применения своим силам на границах родины. Одни из них отправились служить в полиэтничную Великороссию, сохранив веру и культуру, другие — в Польшу, потеряв религию, но оставив своим потомкам родную землю, третьи — на южную границу, опустошенную беспорядочными столкновениями между кучками степных тюрок и русских дружинников, оставшихся без князей. И там, перемешавшись с крещеными половцами, они создали новый этнос — малороссы (сохранившееся старое название), или козаки (тюркское наименование людей без начальства), или украинцы (так их звали поляки).

Этот этнос проявил невероятный героизм, ибо он вернул заброшенную землю — вывел ее из запустения, сохранил культурную доминанту и саблей добыл политическую свободу. Даже включившись в состав государства Московского, украинцы обрели в нем экологическую нишу, заняв должности от чиновников и офицеров до канцлера (Безбородко) и мужа царицы (Разумовский), так как общность, унаследованная от Древней Руси — книжная культура и византийское православие — не мешала северным и южным русским жить в симбиозе, а татарская примесь, равная у тех и других, только усложняла поведенческий стереотип новой России, что шло ей на пользу.

Итак, в смене суперэтносов наблюдается не преемственность, а, говоря языком математики, «отношение». Русские как этнос относились к древним русичам, как французы к галлам или итальянцы эпохи Возрождения к римлянам времен Калигулы, а «запустение» и «иго» — это «водораздел» между двумя этногенезами. Сделаем вывод: русские относительно Западной Европы — не отсталый, а молодой этнос.

XXV. Превращение Руси в Россию

169. Локальный этногенез и ойкумена

[1000] Червленая Русь — Галиция.

Весь мир в XIII в. потрясали поистине грандиозные события, но явления природы, в частности этногенезы, шли согласно запрограммированным закономерностям. Так во время бурных событий — войн, революций, смен стиля (в литературе, искусстве, нравах) и мировоззрения (реформации) — старик сидит на пороге своего дома, выслушивает новости и, кряхтя, удаляется на свое ложе, где он и испустит последний вздох. Этносы стареют, как люди, и так же слабеют. Только жизненный цикл у них много длиннее.

Византия, уже на «втором дыхании», изгнала латинян из Константинополя в 1261 г., но дальнейшее ее прозябание было наглядной картиной фазы обскурации, затянувшейся до 1453 г. Русь была в том же возрасте. Она все время теряла остатки общинно-родового быта, на котором некогда была основана сила славянских племен. Ощущение целостности этнической системы пропадало вместе с дроблением княжеств, превращавшихся из уделов в вотчины. Князья из государей становились крупными землевладельцами. Дошло до того, что правнук Всеволода III отдал Ярославль одному смоленскому князю в приданое за своей дочерью — пример, небывалый прежде. Значение столицы — сначала Киева, потом Владимира — все падает. Столица переходит из рук в руки соперничающих князей, решающих проблемы не законом, а мечом. Способность к сопротивлению иноземцам слабеет, снедаемая безудержным эгоизмом, характерным для субпассионариев, какими стали князья, бояре и смерды. Пассионариям оставалось только одно место применения своих сил — монастырь. Зато в монастырях они развернули такую деятельность, которая определила культурно-политическое развитие России более чем на 200 лет.

Итак, не Москва, не Тверь, не Новгород, а русская православная церковь как общественный институт стала выразительницей надежд и чаяний всех русских людей независимо от их симпатий к отдельным князьям.

170. Исповедания и этногенезы

Условимся о терминах.

Говоря о роли церкви в этнической истории, необходимо отметить три ее ипостаси: религиозную, социальную и ментальную. В аспекте религии церковь — хранительница догматов, место теологических прений и носительница традиций. Эта специфическая область является достоянием очень немногих мыслителей, эрудированных философов и людей, одержимых жаждой истины. Таких всегда немного, и роль их в истории непостоянна: в периоды высокой пассионарности они находят себе учеников и соперников, в фазе инерционной они одиноки, а при обскурации гибель их становится чрезвычайно вероятной.

В социальном аспекте место мечтателей занимают прелаты и ересиархи. Они руководят общинами уже обращенных, следят за порядком отправления культа и устанавливают отношения со светскими правителями, иногда присваивая себе их прерогативы. Так, светскими государями стали римский епископ — папа и наместник пророка — халиф; светские правители назывались иначе: король или султан. Обладая фактической властью и силой, светские государи считались с прелатами. Таким образом, средневековая церковь занимала определенное место в феодальной иерархии, что позволяло ей привлечь мыслителей и мечтателей, авторитет коих был таков, что с ним приходилось считаться даже королям, вынужденным давать деньги на школы и университеты, а не только на соборы, мечети и пагоды. Социальная ипостась обеспечивала устойчивость религиозного сознания, сохраняя Учение в книгах и картинах или, точнее, в библиотеках и музеях, без которых культура была бы недолговечна.

В эмоциональном аспекте каждая религия — форма определенного мироощущения. Ведь кроме ума и тела есть чувство, то самое, которое создает положительную или отрицательную комплиментарность. Подавляющее большинство искренне верующих не умеют разобраться в догматических спорах и руководить политикой своей общины. Они просто чувствуют феномен мироощущения той или иной религии и выбирают тот ее

вариант, который отвечает их психологическому настрою. Их нельзя переубедить логическими аргументами, которые им непонятны; приказ начальства они игнорируют, не вступая в пререкания, но оставаясь при своем, т. е. при том, что им кажется верным без доказательств. Исповедание — модус аттрактивности, неосознанного влечения к предметам обожания. И поскольку та или иная ментальность всегда воспитывается с детства, то она есть у всех этносов, что и зафиксировано этнографами.

Поэтому самые распространенные религии — христианство, ислам, буддизм, тенгрианство, или почитание Неба, митраизм — неизбежно вариабельны. Христианство в X—XIII вв. разделилось на римское и греческое исповедания и перестало представлять единство, хотя вряд ли проблема filioque была известна провансальским баронам или малоазийским акритам. Ведь латыни не знали ни те, ни другие. Непримиримость их лежала не в сфере теологии, а в этнопсихологии. Только поэтому так называемые религиозные войны приобретают такой трагический размах, и потому нет необходимости подыскивать для их объяснения мотивы денежной выгоды или политических расчетов, хотя те и другие имеют значение для конфликтов иного типа. «Верным сынам католической церкви» противопоставлены «схизматики» — православные и «язычники» — татары и литовцы.[1001] В Галиции папизм победил. В 1323 г. погибли последние князья-схизматики: в Галиче — Андрей, на Волыни — Лев.

Выше было показано, что функционирующие в истории системы обязательно имеют ту или иную социальную структуру. Чаще всего это государства, но в доклассовую эпоху структуры облекаются в формы племенных союзов, например казахские джусы, а в феодальную возникают купеческие союзы — рахдониты, ганзейцы — или даже духовные экстерриториальные полиэтнические целостности. Например, христианские церкви: римско-католическая, греко-ортодоксальная, несторианская, монофизитская, а в исламе — суннитская, несколько шиитских, хариджиты, карматы, исмаилиты и много мелких и недолговечных конфессиональных общин. Неоднороден и буддизм, причем там внутренних различий больше, чем в христианстве, мусульманстве и даже в так называемом язычестве.[1002]

Именно через такие структуры осуществляется взаимодействие между социальной и природной формами движения материи, а потому они для нашей темы отнюдь не безразличны.

Заметив это, остановим внимание на организации, а точнее — дезорганизации, христианской церкви XIII—XIV вв., поскольку, игнорируя ее, невозможно разобраться в коллизии смены уровней пассионарного напряжения на территории Евразийского континента, при том что формация всюду была феодальной, а различались только возрасты этносистем.

Первая вселенская структура христианской церкви сложилась, вернее, была установлена в 325 г. в Никее. Тогда на заседания собора был допущен еще не крещеный император Константин. Для того чтобы церковный канон был соблюден, императору был пожалован чин диакона, ибо миряне на собор не допускались. Так установился союз трона и алтаря: духовная власть заключала соглашение со светской.

Необходимость этой структуры была очевидна. Ереси и расколы потрясали Византию (Восточную Римскую империю), хотя очень слабо ощущались в Гесперии (Западной Римской империи), да и то только тогда, когда уроженцы Сирии и Египта переезжали в Рим или Карфаген, а восточные германцы — готы, вандалы, бургунды — переселялись в Галлию

[1001] Грамота папы Иоанна XII (1325). Цит. по: Шабульдо М.Ф. Земли юго-западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987. С. 31—33.

[1002] Славянское слово «языцы» — перевод греческого термина «этнос». Следовательно, «язычество» — культ племенных богов. При таком толковании в это «общество» попадает и «Бог Израелев» — Яхве, но не Элоим — культ, предшествующий почитанию еврейского племенного бога.

и Испанию. Не усмотреть связи между пассионарным толчком I в. и интеллектуальным бурлением на его оси невозможно.

Образовавшуюся структуру стали называть цезаре-папизмом, но именно она обеспечила Византии устойчивость, благодаря которой христианство восточной модели распространилось от Ирландии до Китая, где оно не удержалось, и до Уйгурии и Монголии. Но при распространении в пространстве структура церковной организации изменилась. Изменились отношения духовной и светской власти, ибо в большинстве случаев правители не были христианами, а христиане становились еретиками: несторианами и монофизитами.

Несторианский патриарх жил в Багдаде, монофизитский — в Александрии, армянский католикос — в Эчмиадзине: все это были мусульманские земли. Естественно, что помощи от халифов патриархи не получали, разве что терпимость. Значит, надеяться следовало только на свою паству и, следовательно, считаться с нею. Так сложился демократический вариант христианства, который в XVII в. сформулировал один московский боярин: «Богово выше царева!» И Алексей Михайлович, сам русский человек, с ним согласился.

Обратная ситуация сложилась на Западе, где папа считал себя вправе дарить и отнимать троны, разрешать преступления против закона и бросать народы в крестовые походы. Структура западной церкви была основана на монархическом принципе. Для войн с иноверцами, для стремления к расширению, характерному для акматической фазы, это было очень удобно, но для народов Европы тяжело. Рим требовал с паствы денег, а англичане, немцы и французы платить не любили. Тогда началась длительная война императоров с папами, гибеллинов с гвельфами, парламента с королем Англии и борьба за галликанскую церковь. Папы победили Гогенштауфенов, но стали «авиньонскими пленниками» французских королей. Эта смута спасла Москву от участи Иерусалима (1099), Константинополя (1204) и Киева (1340). Москва не осталась в долгу у истории: на московской земле Русь стала Россией.

Если ориентироваться исключительно на социальные структуры как направления политических доминант, то логично было бы предположить, что Древняя Русь была естественным союзником гибеллинов, но это было не так. Тевтонский орден пользовался поддержкой Фридриха II, одобрявшего его расправы с литовцами и западными славянами, а гибеллинский Арагон воевал с мусульманами и греками («Великая Каталонская компания»). Социальные противоречия имели значение внутри своего суперэтноса, а Литва и Русь находились за его пределами и рассматривались как объект экспансии. Поэтому им следовало самим заботиться о себе.

171. А почему Москва?

Согласно оценкам историков XIX в., в Великороссии около 1300 г. самым сильным княжеством было Тверское, самым воинственным — Рязанское, самым культурным — Ростовско-Суздальское, а самым богатым — Новгородская республика. К концу века положение изменилось радикально — главным городом Великороссии сделалась Москва, присоединившая в 1364 г. к своим владениям стольный город Владимир.

Причинам быстрого возвышения Москвы посвящена обширная литература, которую целесообразно свести к нескольким версиям, проанализировав каждую из них:

1. «Географическая» версия. Москва находилась практически в центре Русской земли, и через нее проходил торговый путь, а поскольку подмосковная земля была скудна, то здесь вырабатывались «железные характеры, практичные люди»;[1003] такими же были московские князья.

Не согласен! Москва лежала на границе Владимирского и Рязанского княжеств, постоянно воевавших друг с другом. Торговый путь по Волге удобнее, чем по Москве-реке,

---

[1003] Трайчевский А. Учебник русской истории. Ч. 1. СПб., 1900. С. 146—147.

вследствие чего приволжские города были много богаче Москвы. Видимо, не в деньгах счастье. «Бедность» природы Подмосковья — результат деятельности москвичей, которые 500 лет сводили лес, чтобы строить и обновлять город. В XIV в. природа там была не менее очаровательна, чем на Валдае и в Заволжье. И, наконец, если население Московского княжества состояло из приказчиков, спекулянтов и «скопидомов»,[1004] то каким же образом была выиграна Куликовская битва?!

Но мало этого, современная география в отличие от старинной учитывает вековые колебания увлажнения природных зон. Естественным гигрометром в Восточной Европе является Каспийское море, на 4/5 питаемое водой Волги. Следовательно, трансгрессия Каспия указывает на повышение увлажнения в бассейне Волги, в частности в Волго-Окском междуречье. В начале XIV в. уровень Каспия достиг абсолютной отметки минус 19 м, наивысшей за исторический период.[1005] Это означает, что вокруг Москвы очень часто выпадали дожди, мелкие, противные, заболачивающие низины, т. е. места, наиболее пригодные для хлебопашества, зимой были частые снегопады и оттепели, а весной обычны высокие паводки, при которых идет размывание берегов. В источниках фиксируются грозы, ливни и другие проявления сильной циклонической деятельности. И продолжалось это до конца XV в., после чего ложбина циклонов переместилась на север, Белое море растаяло, а уровень Каспия опустился до минус 23,83 м.[1006] Итак, в решающем для Москвы XIV веке географические условия там были предельно неблагоприятны; поэтому искать в них причину возвышения Москвы и ее экономики заведомо неправильно.

2. Социальная версия. Окончательный упадок родового быта… Право на великое княжение дается милостью сарайского хана… Владимир утратил значение стольного города, и за него соперничали Тверь, Кострома и Москва. Якобы в Москве не было усобиц, ибо княжеская семья была мала и было установлено прямое престолонаследие, почему духовенство и бояре предпочитали служить московским князьям как более сильным.

Историки прошлого века пришли к общему выводу по поводу вытеснения родовых отношений сначала вотчинными, а потом государственными. С.М. Соловьев, а за ним и В.О. Ключевский и С.Ф. Платонов считали, что «историк не имеет права с половины XIII в. прерывать естественную нить событий… вставлять татарский период и выдвигать на первый план… татарские отношения, вследствие чего необходимо закрываются главные явления»[1007] и их причины.

Мнение обывателей и дилетантов диаметрально противоположно: татары остановили прогрессивное развитие Руси; вот если бы культурный Запад… и т. д. А то, что Галиция и Белоруссия подчинились этому самому Западу, что Новгород стал неполноправным членом Ганзы и что литовцы дошли до Можайска, Вязьмы и Курска, отнюдь не осчастливив их жителей приобщением к высокой культуре, вообще игнорируется. Ведь нелепо, а спорить необходимо, ибо задача Науки — борьба с невежеством.

Слабость позиции ученых сравнительно с обывательско-дилетантской была в их совершенном знании источников XIII—XVI вв. А летописцы не знали слов «энергия», «энтропия», «адаптация в ландшафте» и «системный подход». Поэтому ученые описывали, «что произошло», но не отвечали на вопросы «почему?» и «что к чему?». В XX в. эта

1004 Там же. С. 146.

1005 См.: Гумилев Л.Н. // Вестн. ЛГУ. 1966. № 18. С. 87.

1006 На карте 1500 г. показан остров Чечень (см.: Аполлов Б.А. Колебания уровня Каспийского моря // Труды Ин-та океанологии. Т. XV. М., 1956. С. 227).

1007 Цит. по: Соловьев С.М. История России… Кн. 1. Т. II. С. 646—647; также см.: Платонов С.Ф. Лекции… С. 94.

проблема разрешима.

Разрешить ее позволяют диалектический метод с законом отрицания отрицания, системный подход и учение о биосфере. На практике они часто игнорируются, хотя и не оспариваются. По закону отрицания отрицания жизнь и смерть, а в истории — подъемы и упадки должны чередоваться; следовательно, понятие поступательного движения, или прогресса, к таким природным явлениям, как этногенез, неприменимо. Не то чтобы прогресса вовсе не было, но он имеет место только в социальной форме движения материи и в технике, обусловливающей развитие производительных сил. То и другое находятся вне природных воздействий и биосферных системных целостностей.[1008] Эти последние возникают вследствие микромутаций и неизбежно уничтожаются энтропией. Так исчезла Древняя Русь, захваченная Литвой, а на месте «Залесской Украины» в XIV в. возникла Россия.

3. Политическая версия. Известно, что Москва была противником Твери, Рязани, Суздаля (с Нижним Новгородом) и всей Юго-Западной Руси, т. е. древней Русской земли, которая предпочла подчиниться Литве и Польше. Новгородская республика вообще отделилась от Руси. Однако московские князья всех победили и объединили Русскую землю. Откуда у них взялась такая прыть — объяснению не поддается. Может быть, это была случайность?[1009]

Так ли? Но в любом случае это констатация факта, а не объяснение его. Чего-то здесь не хватает.

Может быть, князья — «собиратели» Русской земли обладали административными талантами, позволившими им победить и покорить все прочие княжества, даже более сильные и богатые? По этому поводу высказался очень добросовестный и знающий историк В. Сергеевич. По его оценке, основатель московского могущества Иван Данилович Калита был «лишен качеств государя и политика». Его предшественник Юрий Данилович проявил себя только в интригах и доносах на Михаила Тверского, казненного благодаря стараниям Юрия в 1318 г. в Орде. Симеон Иванович своей твердостью и принципиальностью заслужил прозвание Гордый, не совершив никаких военных подвигов, а его брат Иван Красный отличался только миловидностью. Политический успех был достигнут только при Дмитрии Ивановиче в 1362—1364 гг., когда Владимирское княжество стало вотчиной московских князей и были подчинены Ростов, Галич и Стародубовское княжество. Но Дмитрию в эти годы было 9–11 лет, так что, очевидно, дело не в нем.

Но коль скоро так, то можно было бы приписать успех Москвы, а значит, и объединение Руси счастливому случаю.[1010] Это решение М.Н. Покровский совершенно справедливо приравнивает к выдаче себе (т. е. исследователю) «свидетельства о бедности».[1011]

172. А в Москве ли дело?

Приведенные версии, а точнее — группы версий, свидетельствуют о пристрастии ученых XIX в. к детерминизму, будь он географическим, социальным или персональным. Это нельзя ставить им в вину, так как теория вероятности еще не проникла в гуманитарную науку. Если же применить учение об этногенезе, то сама постановка проблемы изменится и

[1008] См.: Колесник С.В. Еще несколько слов о географической среде // Изв. ВГО. 1966. № 3.

[1009] См.: Сергеевич В.И. Древности русского права. Т. III. СПб., 1909. С. 65 и 72.

[1010] Там же. С. 69.

[1011] Покровский М.Н. Русская история. Т. I. С. 173.

решение станет достижимо.

В ареале пассионарного толчка появились люди сверхэнергичные, жертвенные, инициативные. Литовские пассионарии нашли себе применение в войне с орденом. Доминанта была понятна и близка их слабопассионарным соплеменникам, готовым поддержать своих вождей. Поэтому Гедимин, Кейстут и Ольгерд не боролись с инерцией гомеостаза, а использовали природную воинственность для расширения государства. Объединение Литвы с Белой Русью усложнило этническую систему, а распространение культуры православия цементировало ее.

В Великороссии было хуже. Обветшалые традиции, унаследованные от Древней Руси, удовлетворяли большинство населения: от князей и бояр до смердов. Пассионарные люди не были нужны: они всем мешали. Поэтому они могли найти применение своим талантам только в системе православной церкви.

Во второй половине XIII в. численное соотношение христианского и языческого населения неуклонно изменялось в пользу православия. Тому было несколько причин. Так, монголы охотно принимали русских к себе на службу и комплектовали ими корпус, воевавший в империи Сун. Шли к ним язычники-пассионарии, которым сделать карьеру у православных князей было невозможно.[1012] И, наоборот, православные пассионарии оставались дома, защищая «Святую Русь». За 100 лет такой процесс дал плоды. Русская земля стала христианской с элементами двоеверия, не имевшими социально-политического значения. Даже такая цитадель угрофинского язычества, как Ростов, где еще в 1071 г. был убит толпой епископ Леонтий,[1013] превратилась в центр христианской образованности на северо-востоке Руси.

Немалое значение имели периферийное положение Ростова и смешанность в нем славян с мерей. Как уже не раз отмечалось, разнообразие ландшафтов и этносов в одном регионе способствует интенсивности этногенных процессов, образованию новой системы на стыке нескольких старых. Кроме того, Ростов ни разу не пострадал от татар. Постепенно он стал опорой ордынской торговли и влияния татар в Верхневолжье. Именно в Ростове нашел приют опальный племянник хана Берке, крещеный и принявший имя Петр; здесь в XIV в. хоронили умерших на Руси знатных татарок.[1014]

Появление татарских жен в княжеских теремах во второй половине XIII в. имело последствия важные, но никем не отмеченные. Все невесты по христианскому канону должны были быть крещены, а перед этим обучены началам христианского учения. Не зная русского языка, они учились у своих священников — несториан, с которыми в 1142 г. объединились якобиты[1015] (монофизиты). Носители обоих исповеданий не обращали внимания на догматические различия, но дружно ненавидели греческую церковь, изгнавшую их предков с родины. Однако передавать ученицам эти теологические тонкости было явно нецелесообразно. Поэтому вместе с татарскими женами на Русь пришло не несторианство, а новое мироощущение, укоренившееся благодаря сочетанию обстоятельств: упадку Византии и распадению Руси на суверенные княжества.

Первые русские иерархи усвоили византийский «цезарепапизм». Митрополит Иларион состоял при Ярославе, игумен Киево-Печерской лавры Феодосий был ярым сторонником Изяслава, а его современник Антоний — Святослава.[1016] Монахи и князья в стране,

---

1012 См.: Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. С. 399.

1013 См.: Хорошев А.С. Политическая история русской канонизации (XI—XVI вв.). М., 1986. С. 61.

1014 Там же. С. 125.

1015 См.: Бартольд В.В. О христианстве в Туркестане… С. 11—23.

1016 См.: Хорошев А.С. Указ. соч. С. 36—41.

пропитанной языческими культами, держались друг за друга. Но когда к XIV в. большинство населения сделалось православным, то сложилась новая ситуация, далекая от греческих прототипов.

173. Начало века

В 1299 г. закончилась «грозовая» эпоха в Причерноморье. Мятежник Ногай, «враг греков» и тайный мусульманин, вместе с улусом потерял голову. Победитель, законный хан Тохта, был веротерпим и доброжелателен. Подвластные ему страны наслаждались миром. На Руси после смерти великого князя Андрея Александровича ярлык на великое княжение был вручен в 1304 г. тверскому князю Михаилу Ярославичу, человеку правдивому и благородному. Эти качества Тохта оценил по достоинству.

Добивание последних сторонников Ногая на берегах Днестра и Буга затянулось потому, что это были потомки половцев — они были дома и защищали свою страну. Во время этих тревожных лет митрополит Максим, «нетерпя насилия татарского», покинул Киев и в 1300 г. перенес митрополию со всем клиром во Владимир. В Киеве остался митрополичий наместник, и, пожалуй, этот год следует считать «концом» Киевской Руси, хотя агония ее затянулась еще на полвека.

Перенос митрополии во Владимир был своего рода демонстрацией лояльности русской церкви к золотоордынскому хану потому, что митрополит Максим поддержал Михаила Тверского, у которого был активный соперник — Юрий Данилович Московский. Ханский ярлык и благословение владыки решили спор в пользу Твери. На следующий, 1305 г. Максим скончался, и вопрос о его преемнике приобрел небывалую остроту.

Союз «трона и алтаря» (греческая модель) показался князю Михаилу столь соблазнительным, что он выдвинул кандидатом в митрополиты своего приближенного — игумена Геронтия. В ответ на это волынский князь Юрий Львович послал в Константинополь игумена Ратского монастыря Петра, чтобы хоть как-нибудь компенсировать утрату Галицким княжеством церковной власти. Патриарх Афанасий и кесарь Андроник, не желавшие раскола русской церкви, поставили в митрополиты Петра. Если бы не это решение, то волынский князь, женатый на полячке, легко мог перейти на сторону папы и оторвать от православия Галицию и Волынь. Но великий князь Михаил меньше всего думал о далеких Карпатах, ибо Русская земля вообще перестала быть целостностью.

Митрополит Петр был скромен в быту, весьма добросовестен в несении обязанностей и принципиален в вопросах веры, проповеди его были доходчивы. Он не был властолюбив, алчность и сластолюбие также не были ему свойственны (любимым его занятием была живопись — в свободное время он писал иконы).

Поэтому понятно, что он не оправдал надежд политических деятелей, которые хотели его использовать. Им были недовольны и Михаил Тверской, и Юрий Волынский, и даже патриарх Афанасий, которому русский митрополит показался чересчур независимым. А коль скоро так, то доносам на Петра был дан ход.

Доносы были самые обычные: бессребреника и аскета обвиняли в грехе симонии, торговле церковными должностями. Надо полагать, что сами доносчики, будь у них возможность, постарались бы обогатиться, а что есть люди иного психического настроя, они просто не представляли. Успех интриги казался им несомненным.

И вот тут-то произошло неожиданное: в дело вмешался народ, потребовавший созвать собор для разбора обвинений, предъявленных митрополиту. Великий князь был вынужден согласиться с общественным мнением, хотя сам относился к митрополиту враждебно. Но народ теперь был не тот, что раньше. Внуки и правнуки крещеных татарок, а также их товарищи по детским играм, охотам и полевым работам усвоили азиатскую ментальность —

способ восприятия и оценки своей идеологии. Религия касалась их так же, как и епископов, ведь это было дело их совести, голос которой тем громче, чем выше пассионарность этнической системы. Вот по поведению русских людей Владимирского княжества в 1311 г. можно увидеть различие с тем, что было стереотипом 100 лет назад.

В Переяславле-Залесском был открыт собор, на котором тверской епископ Андрей и ростовский епископ Симеон выступили с обвинениями в адрес митрополита Петра. Вопреки канону на собор явились игумены, монахи, священники и даже светские лица. Последние проявили наибольшую активность. Пререкания были бурными и кончились полным оправданием Петра. Обвинители потеряли свои кафедры,[1017] а великий князь — авторитет. Это оказалось для него роковым, ибо через год, в 1312 г., умер его покровитель — хан Тохта, а царевич Узбек, фанатичный мусульманин, захватил престол Орды. Михаил Ярославич оказался в немилости, а его соперник, Юрий Данилович Московский, женившийся на сестре Узбека — Кончаке (в крещении Агафье), стал близким другом хана.

Именно этот брачный союз обеспечил Москве победу над более сильной Тверью. В одном из сражений, в котором Михаил победил Юрия, Кончака — Агафья попала в плен к тверичам и по неизвестной причине умерла. Конечно, тут же был пущен слух об отравлении ханской сестры, вряд ли соответствовавший действительности, но губительный для тверского князя, а как оказалось потом, и для всего Тверского княжества.

Отвлечемся на минуту и поставим вопрос: может ли случайная смерть одной женщины изменить ход исторических событий? Ответить на этот вопрос нельзя, потому что он поставлен некорректно. Любое событие, т. е. разрыв одной из системных связей, может либо пройти незамеченным, если система имеет достаточную инерцию саморазвития, либо сказаться на характере причинно-следственных связей, если две-три системы находятся в неустойчивом равновесии. Здесь наблюдается второй вариант. В Орде порядок был потрясен сменой государственной религии, а тем самым неизбежными изменениями как в стане союзников, так и среди врагов режима. Узбека, ставшего из степного хана мусульманским султаном, начали активно поддерживать купцы и горожане Среднего Поволжья, а степняки Белой Орды оказывали ему сопротивление, закончившееся с гибелью хана Ильбасмыша, после чего имена ханов становятся мусульманскими. А поскольку религиозная реформа не распространялась на Русь, то сохранить контакт Орды и Руси оказалось возможным. Узбек выдал митрополиту Петру ярлык с подтверждением иммунитета и привилегий церкви, а поскольку Петр, обиженный Михаилом Тверским, зачастил в Москву, то личная горечь от гибели сестры и политический расчет объединились. Выиграл от этого Юрий Московский.

Юрий чистоплотностью в политике не отличался. В 13 18 г. по его доносу был казнен в Орде Михаил Ярославич. Сын Михаила, Дмитрий Грозные Очи, зарубил доносчика и поплатился за это головой. После этого в Твери усилились антитатарские настроения, вылившиеся в погром ордынского посольства, за что Тверь была разрушена… но не татарами, а москвичами.

За это время литовский князь Гедимин (1316—1341) подчинил Полоцк, Туров, Пинск и Витебск, а Киев сделал зависимым владением. Литва стала противовесом Орде, а Тверь с 1327 г. стала ориентироваться на Литву. Так создались две коалиции: московско-татарская и литовско-тверская.[1018] Золотая Орда неуклонно слабела, Литовское княжество усиливалось. Преемник Гедимина, Ольгерд, захватил Северскую Русь, Новгород-Северский, Киев и поддерживал Тверь против Москвы. Даже в Новгороде сложилась пролитовская партия. Казалось, что Гедиминовичи, заменив Рюриковичей, возродят Древнюю Русь. Для этого им надо было только взять Москву, ибо суздальские и рязанские князья не имели ни силы, ни желания бороться с победоносными литовцами, а в Орде с 1359 г. началась «великая

[1017] Там же. С. 94.

[1018] См.: Покровский М.Н. Указ. соч. С. 186—187.

замятня» — смута, парализовавшая все силы этого химерного государства. Но так не получилось. Почему?

174. Неустойчивость

Начало пассионарного подъема неизбежно связано с ломкой устаревших структур и поведенческих стереотипов. Этого не избежала даже великолепно отлаженная административная система Диоклетиана, преемники которого вынуждены были капитулировать перед пассионарными консорциями.

На Руси процесс подъема прошел более плавно. Князья «держали свои вотчины», а люди свободно меняли места жительства, а тем самым и властителей. Правом «отъезда» пользовались не только смерды, купцы и бояре, но и князья, точнее — младшие братья великих князей. Рост пассионарности сделал подчинение делом добровольным, а понятие государственной измены — абсурдным, так как люди считали себя свободными, а правители не имели сил для обуздания вольнолюбивых русичей.

Однако была сила, которая цементировала складывающуюся систему, — православная церковь. Вероотступничество рассматривалось как выход из системы, как измена, и поэтому не случайно, что древнеарийское слово «смерд» (от персидского «мард» — муж) применительно к русским заменилось термином «крестьянин», т. е. православный христианин. Князья были вассалами «бесерменского» султана, следовательно, не могли котироваться как высший авторитет. Зато митрополит пользовался всеобщим признанием, в том числе и хана Золотой Орды, не облагавшего налогами церковные имущества. Поэтому церковь XIV в. иногда называют «корпоративным феодалом»,[1019] иногда — теократией, отнюдь не западной модели. Но тогда какой? Неужели кочевнической, несторианской?

А почему бы и нет? Легенда о царе-первосвященнике Иоанне была вымыслом крестоносцев XII в., но для степных кочевников-несториан она была мечтой. Ради этой мечты они поддержали царевичей Ариг-бугу (1260—1263) и Найана (1287) в Восточной Азии и Сартака, сына Батыя (1256), на Волге. Войну они проиграли, и те немногие, которым удалось спастись, принесли на Русскую землю свои идеалы. Конечно, простые вояки не разбирались в теологических нюансах, но это было даже хорошо, потому что не возникали религиозные диспуты. А вот их настроенность позволила им легко распространиться среди русских, раздробленных между отдельными княжествами. Единение, столь необходимое растущему этносу, осуществлялось путем общего почитания церкви, как сказали бы в XX в. — единства идеологии, которую уважал сам верховный правитель — хан Золотой Орды.

Да и хан поступал, со своей точки зрения, разумно. Князей было много, вели они себя различно и доверия не вызывали. Западная граница улуса находилась под постоянным давлением Литвы, куда князья спасались от ханской опалы. А позиция митрополии была твердой, поэтому с ней можно было договориться и ее стоило поддерживать.

Ошибка Михаила Тверского, незаслуженно обидевшего митрополита Петра, толкнула последнего на дружбу с московским князем Иваном, а тот был очень выдержан и тактичен. Петр уехал умирать в Москву, и его мощи освятили этот город. Так, совершенно неожиданно осуществилась мечта о царстве пресвитера Иоанна, которой добровольно служили князья и бояре, дружинники, горожане и поселяне, все, ставшие из «мужей» крестьянами.

Из такой постановки вопроса само собой вытекало решение проблемы границ: все земли, населенные православными, должны подчиняться великому князю Владимирскому, причем самоуправление не упразднялось, а взаимоотношения между княжествами определялись договорами. Ситуация типичная для возникающего суперэтноса.

Тонкая церковная дипломатия установила союз православной Руси с мусульманской

[1019] Хорошев А.С. Указ. соч. С. 108.

Ордой, оговорив взаимные обязательства, исключавшие военные конфликты. Восточная граница была спокойна до начала деятельности Мамая, но о нем речь пойдет ниже. Зато на западной границе было неспокойно. Активность Литвы возрастала и сдерживалась только постоянной войной с Ливонским орденом, непримиримым врагом и Литвы, и Руси. Молниеносные удары Гедимина и Ольгерда нанесли русичам больший урон, чем поход Батыя. Хуже всего было то, что в отличие от татар литовцы оккупировали завоевываемые ими территории и к концу XIV в. овладели всеми землями Киевской Руси, за исключением Новгорода, но и там создалась антимосковская, значит — пролитовская, партия. Связь Новгородской земли с Великороссией слабела. Идея православной теократии была в Новгороде отвергнута полностью.

И, наконец, не все русские княжества стремились к объединению ценой потери своей самостоятельности. Тверь и Рязань предпочитали союз с Литвой подчинению Москве. Суздаль готов был оспаривать право на Великий стол. Даже нижегородский князь Борис женился на дочери Ольгерда, уповая на помощь тестя. Древние обычаи сопротивлялись новой суперэтнической доминанте.

И вдруг в Историю вмешалась Природа: на Русскую землю навалилась «черная смерть» — чума.

175. Беда

Гнев Природы проявляется разнообразно. Наводнения, землетрясения, извержения, засухи могут представлять угрозу всему живому, но и сама биосфера создает не менее жестокие зигзаги, губительные для неподготовленных антропоценозов. В середине XIV в. слухи о чуме в Индии и Китае не вызвали в Европе пылких эмоций. Даже когда эпидемия проявилась в Сирии, Египте и Малой Азии, европейцы были уверены, что это их не касается. Но люди стали умирать в Крыму.

Говорят, что хан Джанибек, осаждая Кафу (Феодосию), приказал перебросить через стену этой генуэзской крепости труп человека, погибшего от чумы. Так зараза проникла в неприступную твердыню. Генуэзцы спешно эвакуировались и двинулись домой, но по дороге останавливались в Константинополе и в Мессине в 1347 г. Чума поразила Византию и Сицилию. В 1348—1349 гг. эпидемия опустошила Италию, Испанию, Францию, Венгрию, Англию, Шотландию, Ирландию, Данию, Норвегию, Швецию, Нидерланды, была занесена на кораблях в Исландию и в Пруссию, после чего в Западной Европе затихла, но в 1351 г. перекинулась во Псков. В 1353 г., опустошив Великое княжество Московское, злая зараза ушла на юг, в степи, не затронув Нижнего Новгорода. Москва и Подмосковье на время опустели.

Гибель от эпидемии, по непроверенным сведениям, достигала 30 % населения; в Париже в 1349 г. каждый день умирало до 800 человек. Но на одном месте эпидемия продолжалась от четырех до шести месяцев, после чего уцелевшие могли считать себя в безопасности и оплакивать погибших родственников. Впрочем, они предпочитали другие занятия: восстанавливали нормальную жизнь.

Как ни странно, эпидемия чумы обошла стороной Чехию и Польшу, а также, по-видимому, Литву. Население этих стран не сократилось; и потому они оказались самыми сильными государствами Европы на то время, пока демографический подъем не вернул военно-политическую мощь Франции, Англии, Кастилии и Германии.

Но за это время бывшие лены Германской империи превратились в королевства с французскими династиями: в Чехии правили Люксембурги (офранцуженные немцы), а в Польше — Анжуйцы — Людовик Венгерский и его дочь Ядвига. Немцы, пользуясь покровительством королей, стали селиться в городах Чехии и Польши и обучаться в университетах, основанных в Праге (1348 г.) и в Кракове (1364 г.). С немецким образованием в славянские страны пришли западные моды и магдебургское право, обеспечивавшее привилегии горожан. Чехи и поляки, за исключением вельмож, стали податным сословием в

собственных землях, а Силезия была заселена немцами полностью.

Трудно сказать, что оказалось более губительным: кратковременная чума, после которой быт и социальный строй восстанавливались, а демографический взрыв восполнял потери, или постепенное онемечивание, искажающее культуру и мировоззрение западных славян. Забегая вперед, скажем, что чехи ответили на это гуситскими войнами, а поляки нашли спасение в унии с пассионарной Литвой. Но для нашей темы важнее Русь и Орда.

176. Обновление

Губительный рейд чумы по Европе унес около четверти населения, но не повлиял ни на феодальную структуру общества, ни на блестящую культуру Средневековья. Это неудивительно. Природные факторы не влияют на социальную форму движения материи, а население, находившееся в акматической фазе этногенеза, быстро восстановилось. Наиболее пострадавшие страны — Франция и Англия — даже не прекратили Столетнюю войну.

Объяснимо и это. Оригинальная культура, развивавшаяся с IX в. (с каролингского Возрождения), цементировала суперэтническую систему, стройное здание которой было устойчиво и перенесло внезапный удар, как перенесло бы морозную зиму или ураган. Другое дело, если бы такое или сходное несчастье постигло этнос на стыке фаз, когда он уязвим, как меняющая кожу змея. Тут последствия были бы непредсказуемы.

На Русь чума пришла с Балтики, появившись в 1351 г. во Пскове. В 1353 г. от этой болезни умер великий князь Симеон Гордый со всей семьей, за исключением младшего брата — Ивана Ивановича Красного, не имевшего никаких политических и военных способностей, но весьма скромного и сговорчивого. Зная характер Ивана, Симеон завещал бразды правления не ему, а митрополиту Алексею, крестнику его отца — Ивана I Калиты. Митрополит Алексей возглавлял правительство до самой своей смерти в 1378 г. За истекший период ярких событий было мало, а перемен много. На месте конфедерации вассалов золотоордынского хана возникло государство Московское, зерно великой России, а Орда из Золотой стала Синей — это было не одно и то же.

Примечательно, что религия, культура, способ хозяйства, домашний быт и даже семейные связи за XIV в. не изменились, но двухсотлетний упадок, удачно названный «погибелью Русской земли», сменился подъемом, превратившим маленькое княжество в великую державу. Поскольку объяснения этого бесспорного феномена уже были нами рассмотрены и отвергнуты как неудовлетворительные, попробуем применить теорию этногенеза.

Как было отмечено, в начале XIV в. пассионарный толчок поднял литовцев, русских и турок-османов, но дальнейшие судьбы этих этносов имели существенные различия. Турки втянули в свой состав потомков удалых византийских акритов (пограничников), а потом пополнялись газиями из Анатолии и Диарбекра, янычарами из Македонии и Болгарии и наемными пиратами, которыми тогда кишело Средиземное море. Короче, они собирали под знамя полумесяца всех пассионариев, которые меняли веру на карьеру. Это определило быстроту и кратковременность их успехов.

Часть литовцев восприняла культуру покоренной Древней Руси, но другая часть была втянута в Польшу. Что произошло потом, известно.

Русским пассионариям больше всего мешали собственные субпассионарии, сковывавшие их инициативу. Но девать их было некуда, и потому поединок выигрывала Литва. И вдруг — «черная смерть», которая беспощадно косила людей всех пассионарных уровней. А потом, после 1353 г., — отчаяние от потери близких, от одиночества в вымерших деревнях, от безысходности. Преодолеть отчаяние могли только очень пассионарные люди. Они восстановили жизнь, рассеяли генофонд по популяции, и через 25 лет начался подъем.

Отметим, что этническая карта Волго-Окского междуречья XIV в. была пестрой. Тверичи, москвичи, суздальцы, рязанцы, смоляне, не говоря уже о новгородцах, различались друг с другом на этническом уровне, а меряне в Московском княжестве, мурома в Рязанском,

вепсы в Новгородской республике составляли субэтносы. Многочисленные крещеные татары и дети татарок ассимилировались в коренном населении, потому что высокая пассионарность повышает поведенческую пластичность. При этом разные этнические субстраты, включавшиеся в этногенез, являлись носителями различных мировоззрений, которые синтезировались в новое при пассионарном подъеме. Поэтому православные великороссы верили ортодоксально, ощущали принадлежность к религии оригинально и переносили сложившуюся ментальность на организационные функции церкви, уважая ее более, нежели государство.

На персональном уровне доминанта процесса совпала с доминантой этнической. Крестник Ивана Калиты учился у митрополита св. Петра и, став митрополитом после грека Феогноста, продолжил политическую линию своего учителя. Этому способствовали обстоятельства. В 1355 г. Киевскую митрополию получил «сын тферского боярина» Роман,[1020] сторонник Ольгерда и противник Алексея, поставленного в 1354 г. митрополитом «всея Руси».[1021] Фактически Константинопольская патриархия, т. е. Византия, этим назначением разделила русскую церковь и поддержала Литву. Алексей не признал разделения митрополии, но и не порвал с Константинополем, благодаря чему обошелся без церковного раскола. Однако различия греческого и русского мироощущения, порождающего оригинальный тип культуры, углубились.

Союз митрополии с Московским княжеством, управлявшимся «старыми боярами» — родственниками владыки Алексея,[1022] был равно необходим им обоим. Церковь посредничала между Владимирской землей и Золотой Ордой в те страшные годы, когда Ольгерд захватывал город за городом. «Добрый царь Джанибек» был единственным достойным противником Литвы, заинтересованным в отражении агрессии. Татары уже потерпели поражение на Синих Водах и потеряли низовья Днепра. Тверь и Рязань тянули в сторону Литвы. Москва была на очереди. Без мощного союзника у нее не было ни одного шанса уцелеть, но она не только уцелела, но и победила. Рассмотрим, как это могло произойти.

177. «Лев и агнец вкупе почиют»[1023]

Положение регента Великого княжества Владимирского было настолько трудным, что казалось безвыходным. Даже самая искусная дипломатия не восполнит отсутствия живой силы — людей, одушевленных этнической доминантой, государственной идеей, патриотизмом. Чума опустошила страну в 1353 г., и для воспроизводства населения требовалось не менее четверти века. В этот тяжелый период прошла деятельная жизнь владыки Алексея, бывшего для России тем же, чем был аббат Сугерий для Франции, Григорий VII — для Римской церкви, Солон — для Афин, Заратуштра — для Ирана и Цзонхава — для Тибета и Монголии. Такие деятели замечательны тем, что они умели найти выход из безнадежной ситуации, не погрешив ни против своей страны, ни против своей совести.

Хан Джанибек был правителем мудрым и волевым, но никто не может победить закономерность этногенеза. Резня, учиненная его отцом Узбеком, и введение вместо Ясы

[1020] Там же. С. 136.

[1021] Там же. С. 98.

[1022] Алексей (в отрочестве — Елеферий Плещеев) был сын черниговского боярина Федора Бяконта, поступившего на московскую службу в конце XIII в.

[1023] ПСРЛ. Т. IX. С. 33. Цит. по: Хорошев А.С. Указ. соч. С. 109.

туркменских обычаев наследования престола превратили улус Джучиев в химеру. Орда стала причудливым сочетанием поволжских городов, многочисленных «осколков» половцев, алан, черкесов и караимов — на западе и предков казахов, сибирских татар, башкир, камских болгар и чувашей — на востоке владений. Эти этносы были различны по культуре, религии (ибо обязательность ислама была относительной, а пропаганда его — непоследовательной), экономике и политическим устремлениям. Термин «татары» превратился из этнонима в политоним, а в XV в. потерял и это значение. Только воля хана удерживала этот конгломерат от распадения, но, как оказалось, ненадолго.

Самым трагическим последствием химеризации улуса Джучиева было изменение порядка престолонаследия. Яса предписывала выбор войском верховного хана, по сути, пожизненного президента, обязанного следовать закону и соблюдать обычаи. В феодальной Европе наследником считался старший сын. На Руси великое княжение давалось ханским ярлыком, из-за чего удельные князья истощали свои богатства на взятки влиятельным мурзам. А у западных тюрок все сыновья хана имели равные права на престол, что при каждой смене правителя вызывало братоубийства. Джанибек тоже перешагнул через трупы двух братьев. Он не мог поступить иначе, так как в противном случае был бы убит сам.

С точки зрения биологии этот обычай был противоестествен, ибо стимулировал отрицательный отбор, потому что, кроме царевичей, гибли их эмиры и нухуры. Он был асоциален, так как расшатывал государственную систему, вносил в нее нервозность и неуверенность в завтрашнем дне. Он был безнравствен, так как вел к гибели невинных людей. Этническая система становилась неустойчивой.

Джанибек все это отлично понимал, но ничего сделать не мог. Он старался угождать поволжским купцам и ради их интересов совершил поход в Персию, где власть захватил некий тиран, грабивший своих подданных и тем мешавший торговле. Джанибек его казнил, но обошелся без завоевания.

Союз с митрополитом был также выгоден ему, потому что он мог ему верить. Честность — лучшая политика! Но гибель пришла из родного дома: хан Джанибек заболел и лежал в шатре; к нему допустили старшего, любимого, сына — Бердибека, который убил отца, затем братьев и в 1357 г. стал ханом. Однако ярлык митрополиту на церковные имущества изверг выдал. Союз пока не был нарушен.

Отцеубийца Бердибек недолго сидел на престоле. Его убили, и началась «великая замятня» — смена ханов, многие из коих правили меньше года. Дружба «льва» с «агнцом» кончилась сама собой, потому что «лев» сдох и разлагался с 1357 по 1380 г. В этот период Орда политической целостности не представляла. На востоке хан Белой Орды Урус боролся с царевичем Тохтамышем, использовавшим поддержку эмира Тимура. К 1376 г. Тохтамыш победил и заявил свои права на остатки Золотой Орды, но встретил противодействие со стороны темника Мамая, командовавшего в Крыму и Причерноморье. Под началом Мамая были почти исключительно антиордынские улусы и этносы — половцы, ясы, касоги, крымские евреи, но особенно ценным для него был союз с Генуей, имевшей колонии в Крыму.

Считать Мамая ордынцем или даже союзником Орды никак нельзя. Он был мятежником, хотя и не демонстрировал этого, предпочитая изображать верноподданного, чтобы легче убивать тех царевичей, которые ему доверялись. А русские князья продолжали возить дань в Сарай, ибо ценили союз с государством, спасшим их от литовского натиска.

А за этот же период у «агнца» отросли рога. Митрополит Алексей присоединил к Москве Ростов, Галич, Соликамск и даже Владимир, одолев в 1362—1364 гг. претендента на великое княжение Дмитрия Константиновича Суздальского. Даже лишенная татарской поддержки, митрополия смогла превратить Москву в столицу обновленного государства, которое уже следует именовать Россией.

Итак, сама постановка вопроса о причинах возвышения Москвы в XIV в. некорректна. После «черной смерти» Москва стала точкой приложения сил митрополии, т. е. организованной пассионарной элиты Великороссии. Этому, как ни странно, способствовали

весьма посредственные способности московских князей, однако обладавших тактом, позволявшим их очень талантливым и волевым сотрудникам — боярам и монахам — вести тонкую и дальновидную политику приобретательства земель и привлечения умных и энергичных людей. Церковь как социальная организация дала этим пассионариям доминанту — защиту православия, которой можно было служить искренне, а не ради выгоды. Купленные друзья всегда ненадежны.

Сопротивление новой этносоциальной системе оказывали поборники сепаратизма — Тверь, Рязань, Нижний Новгород, попытавшиеся найти опору в языческой Литве. Князья были энергичны и храбры, но защищали себя и своих приближенных, а не идею; иначе говоря, они противопоставляли личные интересы «идеалу», т. е. далекому прогнозу. Поэтому после заключения мира Москвы с Литвой в 1371 г. все великорусские князья признали себя «подручниками» Москвы, т. е. митрополита Алексея.

Рассматривать политическую линию митрополита и руководимого им великого князя, друживших с Ордой, как капитулянтскую, соглашательскую и непатриотическую никак нельзя. Выход, или дань, платить приходилось, но обременителен этот налог не был. Было подсчитано, что даже в тяжелом 1389 г. Дмитрий Донской заплатил 5 тыс. рублей дани, что при пересчете на число населенных пунктов составляло полтину с деревни.[1024] Гораздо больше денег тратили наши князья на взятки татарским эмирам, ибо интриги без взяток были обречены. Но это явление не столько порядка, сколько беспорядка, и повинны в нем обе стороны.

Конечно, о слиянии двух народов в единый этнос после злодеяний Узбека не могло быть и речи. Да оно было и нецелесообразно, так как ареалы проживания русских и татар были различны, способы ведения хозяйства — тоже, а в идеологическом плане православные и мусульмане уживались друг с другом, но отнюдь не стремились объединиться. Это и называется симбиоз. Гораздо напряженнее был контакт с католиками. Его в полной мере ощутили западные русские спустя два века, хотя и в конце XIV в. им было несладко.[1025] Иначе к их числу присоединились бы Новгород, Тверь, Рязань и Суздальско-Нижегородское княжество, но этого ведь не произошло!

Наступившим развалом Орды воспользовался литовский князь Ольгерд. В 1362—1363 гг. он занял Подолию, Киев и Чернигов, открыв дорогу на Великую Русь, и в том же 1362 г., разбив татарских князей у Синих Вод (р. Синюха, левый приток Буга[1026]), вытеснил татар за Днепр и Дунай, в Добруджу. Литва получила такой козырь, который мог бы помочь ей выиграть гегемонию в Восточной Европе.

Но время работало против Ольгерда. Москва устояла, потому что… «московская политическая идеология была церковной… московский царь мыслился своими подданными не столько как государь национальный, сколько как царь православного христианства всего мира».[1027] Такое было возможно только в фазе пассионарного подъема, когда ведущая консорция растет как снежный ком, вбирая в себя все этнические субстраты, оставшиеся от увядающей старины. Митрополии служили тверичи, рязанцы, смоляне, суздальцы, киевляне, белорусы, крещеные татары и крещеные зыряне, карелы и ижоряне, новгородцы и псковичи. А Москве — только московиты. Но поскольку митрополит Алексей жил в Москве и руководил малолетним Дмитрием, все усилия язычника Ольгерда были тщетны. Литовцы

[1024] RoublevMichel. The periodicity of the mongol tribute as paid by russian princes during the fourteenth and fifteenth centuries // Forschungen zur osteurordischen Geschichte. Band 15. Berlin, 1970. S. 7.

[1025] Голобуцкий В.А. Запорожское казачество. Киев, 1957. С. 23—26.

[1026] См.: Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М., 1985. С. 51.

[1027] Покровский М.Н. Указ. соч. Т. I. С. 180—181.

побеждали часто, но всегда неокончательно. И даже когда умерли два великих соперника — князь Ольгерд (1377) и митрополит Алексей (1378), расстановка сил была такова, что о победе одной стороны не могло быть и речи.

178. Удар в спину

Здание православной теократии, воздвигнутое митрополитом Алексеем при помощи игумена Троицкой лавры Сергия Радонежского, стало крепиться еще при жизни владыки. Как часто бывает, причиной тому были не враги, а друзья.

В 1375 г. константинопольский патриарх Филофей восстановил Киевскую митрополию и поставил во главе ее болгарина Киприана. Этим актом русская церковь была разделена на великорусскую и литовскую, что с позиции церкви надо признать разумным. При постоянных столкновениях Литвы с Москвой управление обеими частями церкви было неосуществимо. Владыка Алексей воспринял свершившийся факт спокойно, но обратную позицию занял великий князь Дмитрий Иванович.[1028]

Этот, казалось бы, незначительный факт привлек внимание многих историков,[1029] но он небезразличен и для этнолога. Князь Дмитрий превратился из ребенка в инициативного политического деятеля; поколение, родившееся после чумы, тоже возмужало. Князь и его сверстники сочли себя способными решать государственные задачи лучше, чем старые монахи, ибо пассионарный уровень этноса возрастал, а значит, возникла вечная проблема «отцов и детей». Юноши шли уже не в монастыри, а на службу великому князю, потому что территориальный рост государства обеспечивал вакансии для желающих сделать карьеру. Во дворце князя это было легче, чем на подворье владыки.

Поскольку митрополит Алексей состарился, то возник вопрос о его преемнике. Дмитрий Иванович выдвинул кандидатуру своего духовника Митяя, в 1376 г. организовал его постриг и «стал нудить» митрополита благословить себе Митяя в преемники. Алексей отказал и перед кончиной 12 февраля 1378 г. надел свой крест с мощами на Сергия Радонежского. Сергий принял крест «во имя монашеского послушания», но от кафедры отказался, видя несогласие великого князя с его кандидатурой. В 1379 г. произошел разрыв церкви и светской власти: Сергий Радонежский и Дионисий, епископ суздальский, отвергли Митяя, нарушив волю великого князя. Союз трона и алтаря распался.[1030]

В эти же годы вспыхнул конфликт русской церкви с Мамаем. В Нижнем Новгороде по инициативе Дионисия Суздальского были убиты послы Мамая. Возникла война, шедшая с переменным успехом, закончившаяся Куликовской битвой и возвращением в Орду Чингисида Тохтамыша. В этой войне, которую навязала церковь, участвовали две коалиции: химерная держава Мамая, Генуя и Великое княжество Литовское, т. е. Запад, и блок Москвы с Белой Ордой — традиционный союз, начало которому положил еще Александр Невский. Тверь от участия в войне уклонилась, а позиция рязанского князя Олега неясна. Во всяком случае, она была независима от Москвы, потому что в 1382 г. он, подобно суздальским князьям, воюет на стороне Тохтамыша против князя Дмитрия.

[1028] См.: Прохоров Г.М. Повесть о Митяе. Л., 1978. С. 51.

[1029] См.: Хорошев А.С. Указ. соч. С. 111. Приведены цитаты из В.О. Ключевского, А.Е. Преснякова, С.В. Бахрушина, М.Н. Тихомирова, Д.С. Лихачева и Л.В. Черепнина, не расходящихся в оценке заслуг владыки Алексея.

[1030] Митяй умер по дороге в Константинополь. Посвященный в митрополиты Пимен, переяславский архимандрит, не был принят на Москве. Великий князь сослал Пимена, а в 1381 г. пригласил Киприана, которого поддерживал Сергий Радонежский (см.: Прохоров Г.М. Указ. соч. С. 137 и след.). Дмитрий, подозревая Пимена в отравлении Митяя, снял с него белый клобук и заточил его (см.: Трайчевский А. Учебник русской истории. Ч. 1. С. 161).

Таковы факты, которые нам предстоит интерпретировать.

С позиций государственной целесообразности изменение политической линии было глупо. Теократия за 20 лет сделала Москву столицей России, не пролив ни капли крови. В 1365 г. Сергий Радонежский одной угрозой закрыть церкви принудил Нижний Новгород к компромиссу, а через год «война двух Дмитриев» закончилась династическим браком Дмитрия Московского на дочери Дмитрия Суздальского. Новгородская республика подтвердила свое единение с Великороссией через митрополию. Когда в 1375 г. киевский митрополит Киприан захотел включить в свою епархию Новгород, ему было отказано. «Шли к великому князю на Москву, — отвечали новгородцы, — и если тя примет митрополитом на Русь, то ти и нам еси митрополит».[1031]

Казалось бы, менять выигрышную политику можно только на худшую, но пассионарии всегда деятельны, хотя и не всегда умны. Великокняжеская оппозиция[1032] мешала церкви объединить Русскую землю не потому, что она стремилась к иной цели, а потому, что ее представители не отдавали себе отчета в последствиях своих поступков. Митяй действовал против Сергия и Алексея просто потому, что они мешали его карьере; при этом он вряд ли думал о патриотизме и защите православия от язычников, басурман и латинцев; укреплению Русской земли и ее мощи Митяй только мешал, и от него избавились. Россия стоила того, чтобы ее спасать.

Но сам факт появления второй пассионарной консорции, светской и придворной, указывает на рост пассионарного напряжения на Руси. Система усложнилась, что, с одной стороны, увеличило ее энергетический (боевой и экономический) потенциал, а с другой — расшатало этносоциальную доминанту. Противники старого порядка не имели собственной политической программы, они просто старались поступать наоборот. Об этом прямо заявил Дмитрию Донскому митрополит Киприан: «Ныне же окружили тебя, как псы, многие, суетно и напрасно они стараются».[1033] А ведь эту позицию Киприана поддерживали Сергий Радонежский, Дионисий Суздальский, Федор Симоновский и почти все наследники идеи покойного митрополита Алексея. Идея эта была проста: православная теократия, опирающаяся на сочувствие народа и руководящая князьями. Та самая идея, которую описали крестоносные мифотворцы как грозную реальность, тогда как в Азии она была только мечтой о «царстве пресвитера Иоанна».

Учитывая свойства человеческой психики, можно не удивляться нелюбви Дмитрия к владыке Алексею. Перед походом на Мамая князь поклонился раке св. Петра, но прошел мимо гроба Алексея.[1034] Видимо, даже в этот критический момент он не мог простить того, что удар в спину владыки, замышленный его другом Митяем, прошел мимо цели. Православная церковь устояла и выправила политические просчеты молодого и не очень талантливого князя, но канонизация Алексея и Сергия была отложена надолго — до 1447 г.[1035]

При этом примечательно, что церковь ни материально, ни морально не пострадала и ход событий не изменился. Нелепый удар пришелся по политической линии — традиции Александра Невского. За легкомыслие князя расплатился народ тысячами русских трупов на Куликовом поле. Не будь интриг Митяя и ссоры Дмитрия с Алексеем, потери в войне были

1031 Хорошев А.С. Указ. соч. С. 112.

1032 Там же. С. 112; ср.: Прохоров Г.М. Указ. соч.

1033 Хорошев А.С. Указ. соч. С. 115.

1034 Там же. С. 114.

1035 Там же. С. 121.

бы меньше, а результат больше, ибо вряд ли Ягайло смог бы увлечь православных подданных на войну с чтимым ими митрополитом.

Нет, здесь не место в сотый раз рассказывать о дне рождения Великой России на берегах реки Непрядвы 8 августа 13 80 г. Повторения известного только уводят от понимания глобальных процессов.

Все знают, что русская рать победила скопище Мамая, но для того, чтобы осознать значение этого великого деяния, надо посмотреть на него с новой стороны, ибо в Истории все явления — это не противостояния, а многоугольники.

Здесь кончается сфера компетенции историко-филологического метода, наткнувшегося на непреодолимую преграду — дискуссию о войне против татар, за освобождение Руси. Этот спор не нужен и, более того, беспредметен, так как татарского единства уже не было. Талантливый и энергичный темник Мамай происходил из рода Кийян, враждебного Тэмуджину и проигравшего войну в Монголии еще в XII в. Мамай возродил причерноморскую державу половцев и алан, а Тохтамыш, возглавив предков казахов, продолжил улус Джучиев. Мамай и Тохтамыш были врагами. Традицией Руси был союз с Ордой, следовательно, с Тохтамышем, значит, оппозиция должна была искать союза с Мамаем, но если так, то и мира с Литвой, союзницей Мамая. Церковная партия должна была рассорить великокняжескую партию с Мамаем… и она проделала это с невероятным искусством. Мамай всеми силами стремился к союзу с Дмитрием и Митяем, пропустив последнего через свои владения кратчайшим путем — по Дону — в Константинополь. После гибели Митяя и ссылки другого члена великокняжеской группы, Пимена, Сергий и Дионисий вернули свое влияние, и сила вещей толкнула Дмитрия на Куликово поле, а Мамая — в лапы предателей-генуэзцев, отравивших ненужного друга.

Трагическая гибель Мамая весьма поучительна в аспекте этнологии. Мамай был степняк. Он считал, что убивать противников можно, а предателей нужно, но друзей обижать нельзя, потому что это так нехорошо, что даже в голову прийти не может. Это было мироощущение монголо-тюркского суперэтноса, пережившего в 1369 г. надлом и шедшего к распаду, потому что его разъедали чужие культурные воздействия: китайское, тибетское, мусульманское (иранское) и европейское.

У генуэзцев была иная этика. Они считали, что главное в жизни — выгода, что монголы и тюрки почти не люди, а объект для коммерческих операций. Когда они сильны, их надо использовать, когда ослабли — выкинуть. По сути, это была психология зарождавшегося капитализма.

Этика, базировавшаяся на капиталистических общественных отношениях, была несимпатична ни русским, ни татарам, ни византийским грекам. Экономические интересы, господствовавшие в условиях зародившейся в романо-германской Западной Европе формации, были им непонятны, проявления их вызывали отвращение. Даже хан Джанибек, узнав, что случившимся в причерноморских степях массовым падежом скота, вызвавшим голод, воспользовались генуэзцы, чтобы по дешевке покупать у татар детей для работорговли, возмутился и двинул войско на Кафу. Ему было просто непонятно, как можно использовать беду соседа для легкого обогащения. С его точки зрения, это было очень дурно.

С татарским войском в Крым пришла «черная смерть» — чума, опустошившая Европу. Сама Природа выступила против хищничества генуэзских торгашей.

Мамай не был столь предусмотрителен и стал союзником генуэзских купцов. Ему и в голову не приходило, что его считали неполноценным, не любили, а использовали. И он стал жертвой контакта на суперэтническом уровне. Зато его дети, успевшие уйти на литовскую Украину, уцелели.

Но, повторяю снова, моральные оценки для природного процесса — этногенеза — недействительны. В XIV в. Западная Европа находилась в финале акматической фазы, пассионарное напряжение которой породило колониальную экспансию. «Монголосфера», растратившая свою пассионарность в междоусобных войнах, вступала в фазу надлома. Распад ее был неизбежен, несмотря на наличие богатых земель, повышенное увлажнение

степей, позволявшее увеличить выпас скота, и множество доблестных богатырей, верных своим природным ханам.

Откуда пришли миазмы распада — пока неясно. Поэтому отступим на шаг по шкале линейной хронологии, дабы расширить диапазон обзора и увидеть явление (феномен) более полно, а тем самым и более точно.

XXVI. Панорама

179. Смена цвета времени

В начале XIV в., после смуты, владения потомков Чингисхана были самой обширной и самой могучей державой в ойкумене. Разделенная на четыре больших улуса: империю Юань в Китае и Монголии, царство ильханов в Иране, Джагатайское ханство в Средней Азии и улус Джучиев, включавший Золотую Орду, Белую Орду на Иртыше и Синюю Орду — кочевья от Тюмени до Аральского моря, она, казалось, не имела опасных врагов и достойных соперников. Но к концу XIV в. эта «монголосфера», как ее назвал Г.В. Вернадский, развалилась почти бесследно. Осколком, не потерявшим жизнеспособности, оказался небольшой этнос дурбэн-ойратов, продержавшийся до XVIII в. Он был истреблен китайцами в 1759 г.

Как исчезла «монголосфера»? И главное, почему? На первый вопрос ответила история, на второй должна ответить этнология. Поэтому целесообразно в историческом исследовании ограничиться обзором хода событий (не отвлекаясь на анализ деталей) и сосредоточить внимание на рассмотрении их связей, как системных, так и визуальных. Тут читателя ждут неожиданности, тем более существенные, что они подкреплены строгими доказательствами, полученными благодаря исследованиям, основанным на синтезе гуманитарных и естественных наук. В географии без истории, как и в истории без географии, «встречается протыкание», что отметил еще мыслитель XVIII в. И.Н. Болтин. Этнология — наука, заполняющая трещину между историей и естествознанием, дабы трещина не превратилась в пропасть.

Как уже говорилось, монгольский виток этногенеза начался в XI в. В фазе подъема монголы совершили свои завоевания и рассеяли свою пассионарность среди китайцев, тюрок, персов и русских, что способствовало, с одной стороны, ослаблению самой Монголии, а с другой — усилению окраин «монголосферы». Жестокая гражданская война 1259—1301 гг. унесла лучшую часть монгольских батуров, внуков «людей длинной воли», и в XIV в. политическое единство Монгольской империи держалось только на инерции. В самой Монголии появилось много персов, тюрок, русских и китайцев, как женщин, так и мужчин: ремесленников, торговцев и ученых, отнюдь не пассионарных, но перемешавшихся с монголами. Историк Омари отметил, что в улусе Джучиевом монголы растворились среди кыпчаков. В Иране монголы частично сохранились, но стали мусульманами и утратили ведущее значение. А в Средней Азии монгольская пассионарность стимулировала регенерацию утраченной в XII в. военной доблести и тюркоязычной литературы, т. е. мусульманской культуры. С.П. Толстов остроумно заметил, что держава Тимура стала копией султаната хорезмшахов, с той лишь разницей, что столица из Гурганджа была перенесена в Самарканд.[1036]

Евразия в XII—XIV вв.

А в том же XIV в. новый пассионарный толчок поднял на месте Византии османскую

[1036] См.: Толстов С.П. По следам исчезнувших цивилизаций. М.; Л., 1948. С. 318—319.

Турцию, а в Восточной Европе — Литву и Россию. Критическим периодом для смены «цвета времени» был конец века. Рассмотрим некоторые детали этого отрезка истории, связанные с нашей темой.

Тривиальная историография для изучаемого сюжета не просто бесполезна, а вредна. Углубленное изучение деталей лишает исследование необходимой перспективы и заслоняет события, косвенно, но органично связанные с деятельностью хана Тохтамыша. Поэтому, да не посетует читатель, приблизимся к теме постепенно. Сначала обозрение суперэтноса — всей «монголосферы», потом — этноса, т. е. улуса Джучиева и его контакта с Великим княжеством Владимирским — ядром рождающейся России, потом — субэтносов в сложных сочетаниях: распавшейся Золотой Орды и соперничавших русских княжеств, ибо в конце XIV в. ни татарской, ни русской самостоятельной этнической целостности, или нации, не существовало, и, наконец, перейдем на уровень персональный — рассмотрение деятелей этой эпохи применительно к событиям, в которых они принимали участие. Путь исследования сложен, но только он плодотворен.

Прежде всего надо избавиться от аберрации привычности. Западную Европу еще на студенческой скамье мы воспринимали как нечто пестрое и разнообразное, а Азию — как серую массу. На самом деле Европа западнее Вислы была единым суперэтносом, а ее многоцветность — результат большого приближения, когда фиксируются даже мелкие различия. И наоборот, Азию рассматривали издали, и потому детали разных культур сливались, что создавало иллюзию единства.

Если же принять единый масштаб, то в Азии существовал не один, а пять суперэтносов, условно называемых Китай, Япония, Индия (немусульманская), старый мусульманский мир, злейший противник османской Турции — новой целостности, возникшей от пассионарного толчка, как и Москва, и «монголосфера» — наследие Чингисидов. Кроме этих грандиозных целостностей, были химерные вариации окраинных этносов, а также реликты.

180. Треченто

В те же годы, точнее — десятилетия, когда «монголосфера» распадалась и ранее побежденные народы освободились в Иране (1353), Средней Азии (1364), Китае (1368) и Кыпчакской степи (1371—1372), на Западе шли иные процессы и этно — и культурогенеза. Так как оба суперэтноса столкнулись в 1399 г. и затем в 1402 г., то будет полезно уделить некоторое внимание Средиземноморью, хотя бы путем «бокового зрения».

Поскольку история Западной Европы и Малой Азии излагалась неоднократно и весьма подробно, то нет смысла повторять проделанные исследования. Для нашей цели следует поставить вопрос о соотношении этногенезов (на суперэтническом уровне) и развития культурных традиций, куда более консервативных и инертных. Оба типа процессов взаимодействуют в зависимости от фаз этногенеза и исходных принципов, наследуемых новым суперэтносом у той или иной предшествовавшей культуры. Такое обобщение позволяет обозреть сразу всю картину взаимодействий, составляющих содержание этноисторических процессов, или, что то же, палеогеографию этносферы, в стереоскопическом аспекте.

Наиболее старыми этносами в это время были греки и славяне. Они возникли во II в. н. э. и вступили в фазу обскурации, частью — в фазу регенерации. Романо-германцы, начавшие свой нелегкий путь в IX в., находились в конце акматической фазы. У них еще наблюдался избыток пассионарного напряжения, но они тратили свою энергию на взаимоистребление внутри своей этнокультурной системы, чем весьма облегчили рост молодых этносов: литовцев и турок-османов. Итальянцы воскрешали античность, греки — раннее христианство, а османы — суннизм, что вызывало их войны с шиитами Месопотамии и Азербайджана и не мирило с Тимуром, регенерировавшим старую мусульманскую культуру за счет инкорпорированной монгольской пассионарности.

В «христианском» (католическом) мире в XIV в. ведущим этносом были французы.

Французские династии правили как во Французском королевстве, так и в Англии, Неаполе, Венгрии, Чехии и Польше; французские феодалы боролись за Грецию с арагонцами и флорентийским банкиром Ачайоли, а в Кастилии помогли принцу-бастарду Генриху Трастамаре низвергнуть тирана Педро Жестокого. Императорами Германии были богемские короли, офранцуженные Люксембурги, а королями Наварры — потомки Жанны, внучки Филиппа Красивого. Но этническая близость не мешала войнам, одна из коих была названа Столетней.

181. Византия и славяне

В Константинополе правили Палеологи, унаследовавшие от Латинской империи (1204—1261) феодализм и обнищание страны, лишенной большей части исконного населения. Малая Азия — родина православия — была захвачена турками, Греция — французскими и каталонскими авантюристами. Внутри самой столицы располагалась генуэзская колония Галата. Фессалоники были опустошены зверствами секты зилотов, а Албания и Македония — воинственными сербами, господствовавшими на Балканском полуострове.

В этом безнадежном положении Палеологи искали помощи на Западе, но католики греков не любили, а использовали. Последней цитаделью православия оставалась не Константинопольская патриархия, а Афонский монастырь.

Казалось бы, православную империю должны были спасти южные славяне, но ведь они были в той же фазе этногенеза, что и греки. Усобицы дробили сербские племена, и даже попытка объединения, предпринятая сербским королем Стефаном Душаном около 1350 г., не спасла народ. После его смерти усобицы возобновились, и в 1389 г. сербское войско стало жертвой османов. Князья-туркофилы некоторое время сохраняли видимость самостоятельности, но в 1459 г. остатки Сербии были превращены в Турецкий пашалык. Закономерности этногенеза, как и всякого природного явления, неумолимы.

Историки, придерживающиеся эволюционной теории, или так называемой «религии прогресса», полагают, что сербы проиграли войну с турками вследствие своей отсталости. Сильные жупаны и властители проводили время в усобицах, что якобы являлось пережитком родового быта, а нравы отличались первобытной (?!) грубостью. На этом фоне царствование Стефана Душана было исключением, наподобие империи Карла Великого.[1037]

Так ли? В VII в. сербы-ободриты из гор современной Саксонии «передвинули» избыток своего населения в Иллирию и завоевали ее северную часть, оставив иллирийцам только неприступные горы современной Албании. В IX в., одновременно с болгарами, сербы приняли христианство, причем северная часть их — хорваты — попала в подчинение Риму, а большая часть была связана с Константинополем, не только в религиозном отношении. Политическую независимость сербы хранили и от Византии, и от Венгрии. «Первобытная грубость» им нисколько не мешала. Только в конце XII в. Мануил Комнин включил Сербию в состав Византийской империи, и то ненадолго. В XIII в. сербы освободились и начали борьбу за гегемонию на Балканском полуострове, закончившуюся в 1389 г. на Косовом поле.

Итак, сербы прожили все фазы этногенеза в составе славяно-византийского суперэтноса: надлом — завоевание Иллирии, инерционную фазу — приобщение к христианской культуре, обскурацию и попытку регенерации в XIII—XIV вв., оборванную внешним вторжением, и мемориальную фазу в Черногории (ибо все остальные сербские субэтносы были подчинены турками или австрийцами), просуществовавшую до XX в. Какая уж тут «отсталость»! И от кого?

Хуже было чехам. Тесное соседство с Германией, находившейся в конце XIII в. в политическом распаде, соблазнило последнего Премысловича — Оттокара II — на захват

[1037] См.: Трайчевский А. Указ. соч. С. 120.

Австрии, которую он сразу же потерял в 1272 г. вместе с жизнью и славянской традицией своего народа. Уже при нем королевство Богемия стало провинцией Германской империи. Немецкий язык стал господствовать не только в казенных бумагах, но и в литературе и в частной жизни. Престол перешел к фамилии Люксембургов, и Карл IV в 1348 г. основал в Праге университет, в ученом совете которого 3/4 мест принадлежало немцам. Православное причастие из чаши было категорически запрещено.[1038]

Такое же проникновение немецкой культуры наблюдается в Польше при последнем Пясте — Казимире III Великом. Он охотно привлекал в Польшу немцев, оседавших при дворе и в городах (они получили выгодное «магдебургское право»), и евреев, захвативших в свои руки экономику страны. Оппозиционную аристократию он подавил, покровительствуя хлопам и ученикам Краковского университета, основанного в 1364 г. Польша онемечилась подобно Чехии.

После его смерти в 1370 г. престол Польши перешел к Анжуйской династии, правившей в Венгрии, но уже в 1371 г. Людовик Анжуйский умер, и на польский престол взошла его дочь Ядвига, избранная «королем Польши». Запад втянул Польшу в свой суперэтнос, и ее ожидала судьба Чехии, если бы не неожиданное вмешательство природы: пассионарный толчок поднял Литву и османскую Турцию, и соотношение сил изменилось. До Москвы и остатков Киевской Руси немецкие «цивилизаторы» не успели добраться.

182. Литва

Последним мирным завоеванием западного мира было Великое княжество Литовское. Талантливые и волевые князья Гедимин, Ольгерд и Кейстут остановили агрессию Тевтонского ордена, чем оказали большую услугу папскому престолу. Тевтонский орден был переведен из Палестины в Пруссию Фридрихом II Гогенштауфеном и последовательно поддерживал гибеллинов, не стесняясь ссориться с Рижским епископатом. Поэтому папы никак не симпатизировали «божьим рыцарям».

Но и литовцы вели себя крайне независимо. В середине XIII в., когда на территории Восточной Европы обозначился подъем пассионарного напряжения, литовцы перешли от обороны к попыткам наступления на немцев. В 1250 г. Миндовг принял католическую религию, но «крещение его льстиво бысть», и к 1263 г. Александр Невский и Миндовг планировали совместный поход на орден. В том же году они оба умерли молодыми.

Полвека Литовскую землю раздирали смуты и братоубийства, что характерно для инкубационного периода этногенеза. Пассионарность растет, не находя выхода, потому что нет новой культуры, т. е. действенной системы запретов и целей, подсказываемых новым или обновленным мироощущением, ибо старое уже никого не вдохновляет, как любой культ без творческой догматики. Надо было принимать чужую культуру, а выбор был прост: православие или католичество.

Орден и Польша были готовы к сопротивлению литовским язычникам, тогда как русские князья предпочитали капитуляцию.

Гедимин, наследник князя Витеня, был типичный пассионарий фазы подъема. Еще при жизни Витеня он подчинил Берестейскую землю и начал наступление на Волынь и Галицию, где правили схизматики — князья Лев и Андрей Юрьевичи. К 1323 г. Волынь была завоевана литовцами, князья исчезли со страниц истории.

В 1321 г. Гедимин разбил коалицию русских князей у р. Ирпень и взял Киев, оставив там вассального князя. Но так как русские князья в случае необходимости обращались за помощью в Золотую Орду, то Гедимин решил уравновесить силы. Он дал согласие на

[1038] Насколько неприятна чехам была немецкая экспансия, показала гуситская война, вспыхнувшая в 1419 г. Об ожесточенности войны говорит тот факт, что население Чехии за 200 лет сократилось с 3 млн до 800 тыс. (Трайчевский А. Указ. соч. С. 120).

крещение Литвы в католичество и заключил мир с Ливонией, Ригой и Данией, а через год, под давлением папы, и с Тевтонским орденом.[1039] Этим он развязал руки Западу для наступления на Русь.

Тверь была соперницей Москвы и, значит, союзницей Литвы, но митрополит Феогност стал на сторону московско-татарского союза против Литвы. Около 1327 г. тверской князь Александр бежал в Литву.

Сын Гедимина Ольгерд (1341—1377) достиг больших успехов. Он подчинил Литве Киев, Брянск, Ржев, Северскую Русь, в то время как его брат Кейстут защищал от немецких рыцарей Жмудь и Литву. Так образовалась могучая держава с литовской династией, с преимущественно русским населением и причудливой смесью западной и древнерусской культур. Великороссы держались только при татарской поддержке.[1040] Но Ольгерд в 1358 г. сформулировал свою программу, заявив послам императора Карла IV Люксембурга: «Вся Русь должна принадлежать Литве», и сделал им неприемлемые предложения: возвращение Литве захваченных орденом земель, перемещение крестоносцев в степь для борьбы с Ордой и отказ ордена от «права на русских».[1041]

В ответ на это наглое заявление крестоносцы в 1362 г. осадили Ковно. Ведь орден был, по существу, плацдармом всего европейского рыцарства и мог найти пополнение во всех странах Европы. На Литву обрушились закованные в кольчугу немцы, французы, англичане и итальянцы.[1042] Ольгерд и Кейстут с литовско-русскими войсками пришли на выручку осажденной крепости, но не решились вступить в бой. Замок Ковно пал.

Этот эпизод показал, что даже такой воинственный этнос не может жить без друзей. В Литве были сторонники православной Руси и ее противники. Эти силы разорвали Литву, как две большие планеты разрывают комету, летящую между ними. Положение усложнялось еще активной политикой Орды. Там, где князь и город вступали в союз с татарами, литовцы не имели успеха, и наоборот, русские земли, объединившиеся с Литвой, по своей воле отвергли союз с Ордой. До тех пор пока в Орде был порядок, который умел поддерживать «добрый царь Джанибек», положение казалось прочным. Но социально-этническая система Золотой Орды была крайне неустойчива, и вот почему.

183. Народы и ханы

Не только среди дилетантов, но и среди профессионалов-историков бытует обывательское и вполне ложное мнение, что в XIII—XIV вв. воля хана определяла политику страны, как внешнюю, так и внутреннюю, а народ покорно следовал ханским капризам. Это было бы возможно, если бы у ханов — Чингисидов — была реальная сила, чтобы усмирить народные волнения, но таковой силы не было, да и взять ее было неоткуда. В улусах Джучи и Джагатая находилось по 4 тыс. воинов-монголов,[1043] преданных своему хану. А число воинов в одной только Большой, т. е. Золотой, Орде доходило до 200 тыс.[1044] всадников,

---

[1039] См.: Шабульдо Ф.М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. С. 10.

[1040] Там же. С. 38.

[1041] Там же. С. 9, 55.

[1042] Там же. С. 66.

[1043] Рашид-ад-Дин. Т. I. Кн. 2. С. 275.

[1044] В 1251 г. Батый послал в Монголию для поддержки своего двоюродного брата Мункэ-хана 30 тыс. воинов, а во время битвы между Тохтой и Ногаем в 1299 г. сражались якобы около 900 тыс. воинов (Рашид-ад-Дин. Т. II. С. 86) — это явное преувеличение (в 9–10 раз). См.: Мункуев Н.Ц. // Татаро-монголы в Азии и

при том что выходцы с Дальнего Востока — мангуты и хины (чжурчжэни) — насчитывали всего 2000 воинов[1045]

Очевидно, что ханы Золотой Орды могли управлять своей страной и сидеть на престоле только при лояльности подавляющего большинства своих подданных.

Конечно, всегда есть недовольные, но далеко не всегда они согласны рискнуть головой ради эфемерной выгоды при смене власти.

Однако монгольские походы перемешали все этнические общности, бытовавшие до XIII в. и казавшиеся такими целостными и устойчивыми. От некоторых остались только названия, а у других даже имена исчезли, заменившись собирательным термином — «татары». Так, татары казанские — это смесь древних болгар, кыпчаков, угров — потомков мадьяр и русских женщин, которых мусульмане захватывали в плен и делали законными женами — обитательницами гаремов. Впрочем, русские удальцы тоже ловили татарских красавиц и заводили с ними семьи, охраняемые церковным правом. Этническая принадлежность в зонах контакта определяется не происхождением, а стереотипом поведения, а в то время — и исповедания.

Крымские татары были совсем другим этносом. Ядром их были половцы, но смешивались они с разнообразными жителями Горного Крыма охотно, что весьма повлияло на их нравы и обычаи. Они крайне враждебно относились к поволжским татарам, особенно к золотоордынским.

Хотя в Золотой Орде правила монгольская династия, но монголы к началу XIV в. смешались с кыпчаками и забыли свой язык и нравы. Узбек перестал быть ханом, а стал «султаном монголов, кыпчаков и тюрок».[1046] Его оседлые подданные в городах на Волге были ярыми приверженцами ислама, усвоенного ими от болгар.[1047] Зато население Заволжья хранило свои древние верования. Верховное божество называлось Тэнгре. У человека было две души: первоначальная душа — «кот» и злая душа — «орэк». Земле поклонялись как матери, чтили Солнце и огонь. Почитали добрых духов: мать воды, хозяина леса, дома, хлева — и опасались злых духов: убуров и албастов.[1048] Ислам в этой системе был явлением административным, а не органичным. Его признавали и без него обходились.

Это резкое различие в этнической психологии было гораздо значительнее единства государственной власти. Переход Золотой Орды в ислам породил двоеверие, такое же, какое было на Руси и в Скандинавии, которое в Венгрии вызвало жестокие внутренние войны. Воины и советники, окружавшие хана Тохтамыша, по словам Шереф ад-Дина Йезди, были «неверными»,[1049] как, возможно, и сам хан. Числились-то они после грозного приказа Узбека в 1312 г. мусульманами, но отнюдь ими не стали. Наоборот, они возненавидели власть, принудившую их лицемерить и «не замечать» казней, произведенных ради торжества новой веры. Тогда они промолчали, но остались самими собой, хотя в XIV в. исламизация проводилась активно.[1050]

Европе. М., 1970. С. 370—371.

[1045] Половина регулярного войска находилась в ставках ханов Белой Орды (Орды-Ичэна) и Синей Орды (Шейбана).

[1046] Халиков А.Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1978. С. 90.

[1047] Там же. С. 90—91.

[1048] Там же. С.23.

[1049] Тизенгаузен. Т. II. С. 151.

[1050] См.: Халиков А.Х. Указ. соч. С. 99.

А в Средней Азии, т. е. в Джагатайском улусе, все пошло в обратном направлении. Монголы-язычники проиграли войну с тюрками-мусульманами, предки которых приняли ислам еще в 1000 г. Пассионарность, рассеянная по популяции монголами XIII в., влила в население дополнительную энергию, но не могла повлиять ни на культуру, ни на этническую доминанту. Жители Самарканда, Бухары, Мерва, Балха и Хорезма стали более энергичными и активными, но не превратились в монголов и кыпчаков. Наоборот, они с большей яростью бросались на кочевников, отмщая им разорение Отрара и Ходжента, равно как и своих городов.

Короче говоря, в 1383—1395 гг. повторилась война 1219—1231 гг., но с иными результатами. Эта война имела огромное значение не только для татар, но и для Русской земли, преобразившейся в Россию.

XXVII. Эмпирическое обобщение

184. Образы утраченного

Окинув описанное прошлое единым взглядом, мы заметим то, что в I тысячелетии, как, впрочем, и раньше, и позже, общечеловеческой культуры не существовало. Уходящая языческая Античность, торжествующая христианская Византия, бурно распространяющийся Мир Ислама, нарождающееся западное Средневековье и твердо стоящая на своей земле Древняя Русь, окруженная с запада древними балтами, с севера — финноуграми, а с востока — рассеянными кочевниками Великой степи, — все эти суперэтнические целостности были весьма непохожи друг на друга. Эта несхожесть способствовала не столько культурному обмену, сколько выработке оригинальных культур, от которых остались только фрагменты.

И это не случайно. Любой автор творит для определенного зрителя или читателя, т. е. для близких себе по духу. Чужим его шедевры непонятны и не нужны. Поэтому их бросают без внимания или ломают. Только в редких случаях, когда возникает созвучие этнических культур, возможно заимствование, но и оно локализуется лишь в нескольких субэтносах, не распространяясь на большую часть этноса. Так, византийская иконопись на Руси процветала за каменными стенами городов и монастырей, а кругом шли языческие пляски, колдовали старухи, приносили людей в жертву злым богам волхвы. Одна культура наложилась на другую, и слились они много позднее.

Судьба памятников, оставленных этими культурами, была различна. Фрески, хотя частично, уцелели, иконы и летописи были неоднократно переписаны и дошли до потомков, церковная музыка повторяла каждый год изумительные византийские мелодии. А то, что создавалось в степных и лесных урочищах, забывалось или гнило в земле. И долгое время пропавшее считалось несуществовавшим.

Наш окольный путь через историю событий показал, что описанная эпоха была творческой, напряженной и трагичной и что не бесплодие души и разума определило наблюдаемую пустоту, а, наоборот, горение сердец и страстей испепелило то, что могло сгореть. Но все же кое-какие обломки уцелели.

За последние 200 лет археологи сделали все, что могли. Собраны и изданы по нескольку раз многие фрагменты предметов искусства I тысячелетия от Китая до Атлантики. Однако общее представление по этим публикациям составить очень трудно.

И это не случайно! Взрыв пассионарности сначала выжигает место, на котором он возник. При этом гибнут не только слабые люди, способные лишь любоваться шедеврами, оставшимися в наследство от предков, но и сами шедевры. Мы видим это на примерах Рима и Парфии, империй Хань и Гупта, скифов, сарматов и хуннов.

Итак, археология (т. е. наука о памятниках) и история материальной и духовной

культуры создают заведомо неполное, а тем самым искаженное представление о прошлом человечества. Необходимое уточнение можно получить, обратившись к этнологии, где процессы этногенеза рассматриваются как статистические, являющиеся функцией затухающей пассионарности, понимаемой как локальная флуктуация биосферы. И даже если это не случайное возмущение, а феномен, имеющий каузальную основу, то дело не меняется: процесс возникает и затухает.

Статистика событий одного уровня — суперэтнического, этнического или субэтнического — оказывается более надежным материалом для сравнения эпох и народов, чем скрупулезное описание фрагментов памятников или обрывков текстов. Для интерпретации тех и других исследователь должен спуститься на уровень знаний человека, допустим, X в., т. е. отказаться от всех достижений науки за тысячу лет. Это явно нецелесообразно. Но, приняв за единицу изучения проверенное сведение о событии, достоверно датированном, и набрав их достаточное количество, можно получить, исследуя кучность событий, объективное представление о процессах этно- и культурогенеза. Проделав эту работу, можно поставить вопрос об объективной характеристике этих процессов. Ответ будет напрашиваться сам собой: процессы, идущие по ходу времени, энтропийны и инерционны, но так как они то и дело прерываются творческими вспышками, создающими новые этносы и культуры, то конец света не наступает. Следовательно, история культуры — это борьба Творческой силы (энергии) с Хроносом (энтропией); таково проявление второго закона термодинамики в историческом процессе.

Книги тоже смертны! В извечной борьбе энергии с энтропией Биосфера нашла выход в постоянном обновлении. Но Культура — творение рук и ума людей — стала жертвой статистического процесса энтропии, осуществляемого руками людей. Нагляднее всего этот процесс отражается на красивых вещах и книгах, ибо последним посвящено много серьезных исследований, показавших, что мнение о дикости наших предков, господствовавшее в XVIII—XIX вв., было предвзятым и ныне устарело. А ведь именно на этой предвзятости базировалось сомнение в подлинности «Слова о полку Игореве», так как факт его существования противоречил представлению о примитивности древних русичей сравнительно с петиметрами[1051] XVIII в. Это было своего рода зазнайство полуобразованных людей, некритически усвоивших концепцию прогресса, применимую отнюдь не ко всем явлениям в истории.

Согласно новым исследованиям, «по всей видимости, уцелели только доли процента былого книжного богатства Руси XI—XII вв.»,[1052] потому что в древних деревянных городах свирепствовали пожары,[1053] возникавшие то по неосторожности обывателей, то при междоусобных войнах, но немало поработали и иноземцы. В 1224 г. немцы сожгли Юрьев. В 1382 г. при нашествии Тохтамыша на Москву кремлевские церкви были полны «до строп», т. е. доверху, книгами и иконами; все сгорело! В 1547 г. пожар в Москве уничтожил много рукописей. В 1612 г. Москву дотла сожгли поляки, а в 1812 г. — цивилизованные французы. Это далеко не полный список пожаров, уничтожавших рукописи. А ведь так же гибли ценные вещи из устойчивых материалов, даже стальное оружие.[1054]

Войны и пожары можно рассматривать как стихийные бедствия. Но как назвать

1051 Эквивалентно нынешнему «щеголь», точнее, «пижон».

1052 Сапунов Б.В. Книга в России в XI—XIII вв. Л., 1978.

1053 См.: Свирин А.Н. Искусство книги Древней Руси XI—XVII вв. М., 1964. С. 11; ср.: Розов Н.Н. Книга Древней Руси XI—XIV вв. М., 1977.

1054 Русских мечей XI—XIII вв. сохранилось доныне всего 183, а шлемов — еще меньше, хотя их очень берегли (см.: СапуновБ.В. Указ. соч.).

поведение хранителей библиотек и архивов конца XVIII — середины XIX в.? Монахи, тогда считавшиеся «учеными», жгли рукописи как «ненужную дрянь», топили в Волхове, гноили в сырых подвалах.[1055] Писать здесь об этом слишком больно.

Уж если даже в России, где наличие каменных строений создавало благоприятные условия для хранения шедевров, шел неуклонный процесс утраты культурного наследия, то насколько более интенсивным он должен был быть в Великой степи, где Хронос, пожирающий своих детей, действовал без каких-либо ограничений.

Береста, на которой писали поэмы, менее устойчива, чем пергамент, меха и шелк ненадолго переживали своих владельцев, золотые и серебряные чаши с барельефами переливались в слитки, оружие погибавших воинов ржавело, память о прошлом и песни исчезали со сменой языка. И эту-то трагедию утрат европейские ученые объявляли «дикостью», ибо считали несохранившееся несуществовавшим. Такова логика мертвой эрудиции, бессмысленной, нетворческой науки.

Но даже при наличии такого заведомо неполноценного подхода можно сделать вывод. Люди берегут то, что считают «своим» в пространственном и временном аспектах. И пренебрегают тем, что для них было или стало чужим. Исключения из этого правила есть — это гуманисты XV в., собиратели рукописей и памятников искусства для Эрмитажа и Лувра, хранители списков Корана или Трипитаки и им подобные, но, увы, на общем фоне истории это единицы. Это те отдельные ласточки, которые весны не делают, ибо и их труды постепенно пожирает Хронос. А Жизнь идет, ибо только она умеет преодолевать Время.

185. Апокриф

Работая в Государственном музее этнографии народов СССР в 1949 г., автор наткнулся на странный текст, написанный уйгурским алфавитом на языке, автору незнакомом. К тексту был приложен перевод на русский язык на отдельном листе толстой бумаги, написанный чернилами с соблюдением дореволюционной орфографии. Текст и перевод находились в одной комнате музея, куда во время блокады было свалено много экспонатов, неописанных и незарегистрированных, — видимо, черновиков.

Автор успел списать перевод текста без соблюдения орфографии, надеясь потом найти время для детального изучения этого документа, но, вернувшись в Ленинград в 1956 г., обнаружил, что часть предметов была передана в Эрмитаж, причем некоторые экспонаты пропали. Таким образом, сохранилась только копия перевода, сделанная безымянным ученым до 1917 г., и несколько его примечаний, которые автор успел скопировать. Эти обстоятельства заставляют считать публикуемый текст недостоверным, но мысли древнего восточного автора столь незаурядны, что ознакомление с ними может заинтересовать современного читателя.

Неизвестный переводчик воспринял древний текст как ряд последовательных тезисов и пронумеровал их, чем облегчил чтение и понимание оригинала. Автор добавил к переводу краткий комментарий и несет ответственность только за него.

«Это странное учение сводилось к следующему:[1056]

1. Бог, который сотворил мир, — личность, но отнюдь не Абсолют. (Использованный термин является обобщением Плеромы.[1057] гностиков, Праджни[1058] махаянистов и Стихии

[1055] См.: Свирин А.Н. Указ. соч. С. 12—13.

[1056] Начальная фраза показывает, что русский переводчик дал не буквальный, а смысловой перевод, скорее пересказ, что понятно, ибо язык подлинника крайне сложен и малоизучен. Но откуда такие познания были у русского переводчика — неясно.

[1057] Плерома — полнота всего сущего, эманирующая эоны — частицы света, облекаемые «низкой материей», не имеющей самостоятельного бытия и по мере воспарения эонов обратно в Плерому

Света манихеев[1059] Следовательно, автор текста — противник этих трех доктрин,[1060] что позволяет определить очень приблизительную дату создания трактата — с III по XVI в.)

2. Бог, создав пространство вне себя, ограничил себя, ибо Сам находится вне созданного Им пространства. Следовательно, Бог не вездесущ.

3. Создав время, явление самостоятельное, Бог ограничил себя, ибо Он не может сделать бывшее небывшим. Следовательно, Он не всемогущ.

4. Создав души, наделенные свободной волей, Бог не может предугадывать их поступки, иначе воля была бы несвободной. Следовательно, Он не всеведущ.

5. Это так, потому что Он добр, ибо если бы Он был вездесущ, то Он был бы и во зле, и в грехе, а этого нет.

6. Это так, потому что Он милостив, ибо если бы Он был всемогущ и не исправил бы зла мира сего, то это было бы не сострадание, а лицемерие.

7. Это так, потому что если бы Он был всеведущ, то знал бы злые помыслы людей, готовых сознательно совершить грех, а люди не могли бы избежать греха и поступить иначе, дабы не нарушить волю Его. Но тогда за все деяния должен отвечать Он, а не люди, которые всего лишь исполнители.

8. Бог добр, а значит, мир, Им сотворенный, благ. И чередование рождения и смерти — не зло, а благо. Вечная душа (атман)[1061] перерождается, забыв обиды и горе, перенесенные ею в предшествующей жизни. Цепь перерождений непрерывна. Но тогда откуда возникает зло?

9. Если Бог неповинен в зле мира сего, то источник зла — сатана.[1062] Но если сатана сотворен Богом, то вина за его дела — на Боге. Так как этого не может быть (это противоречит первому принципу), то, значит. Сатана — порождение небытия и сам небытие (шуньята).[1063]

10. Сатана действует, значит, небытие может стать активным. Небытие облекает частицы Света (фотоны) и влияет на свободную волю людей через ложь, через необратимость времени и через разрывы в пространстве. Зло приходит в мир из небытия, и горе тем, через кого оно приходит.

11. Те люди, животные, демоны,[1064] которые свободным волеизъявлением принимали

превращающейся в ничто — мэ он.

[1058] Праджня — запредельная интуиция; учение, возникшее в рамках буддизма в I в. н. э. и широко использованное в махаяне, постулирующей иллюзорность мира, включая познающего субъекта.

[1059] Манихейство — вариант антиохийской школы гностицизма, признававшей две стихии: Свет и Мрак. Мир, по Сатурнилу и Мани, — разорванное тучами мрака тело Первочеловека (вероятно, Ормузда), страдающее в тенетах мрака. Свет приравнивается к Духу, Мрак — к материи; обе стихии безличны.

[1060] Все три учения пессимистичны, т. е. жизнеотрицающи, и атеистичны.

[1061] Атман, согласно философской системе Веданты, — бессмертная душа, подвластная карме — закону причинности.

[1062] Учение о сатане как о возмутившемся ангеле идет из книги Еноха и распространилось как попытка связать строгий, примитивный монизм с духовным опытом христиан и мусульман.

[1063] Шуньята — пустота, которую можно увидеть лишь в момент смерти, как «ясный свет чистой реальности», — учение тантрического буддизма.

[1064] В древности люди не считали себя «венцом творения» и «царями природы». Предполагалось, что они занимают промежуточное положение, а выше и ниже их есть существа, которых они называли «демоны». Существа на порядок ниже ныне обнаружены — это микроорганизмы и вирусы. Те, которые на порядок выше, не открыты и потому считаются несуществующими. Сведения о них присутствуют только в фольклоре и

обольщения сатаны, превращались в нежить и теряли высшие блага: смерть и воскресение; ибо тот, кто не живет, не может ни умереть, ни воскреснуть.

12. Бог-создатель (может быть, Ади-Будда или Брахма) спасает людей по их молитве тем, что дает им силу преодолеть зло и страдания, чем вытесняет сатану «во тьму внешнюю» (по отношению к материальному миру). Славьте Имя Его».

Интерпретация цитированной философемы крайне затруднительна. Ее нельзя назвать дуалистической, так как отсутствует симметрия двух начал и акт творения ограничивает возможности Создателя. Метафизическое зло рассматривается как воздействие постороннего фактора, но последний обретает эту возможность только благодаря контакту с материей. Отношение к гностицизму и махаяническому буддизму четко отрицательное, но сам жизнеутверждающий теизм напоминает сочетание «желтой веры» Тибета с несторианскими реминисценциями ранней Византии и восточными вариантами митраизма. В истории культуры Центральной Азии такая концепция неизвестна, хотя она логична и оригинальна.

По-видимому, приведенная философема была плодом индивидуального творчества какого-то турфанского вольнодумца, а текст попал в музей с материалами наших великих путешественников. Но это гипотеза, которую невозможно подтвердить. Нам остается считать концепцию неизвестного автора и анонимный перевод апокрифом, как в Средние века называли недостоверные тексты. Для книги по истории Великой степи данная публикация всего лишь вставная новелла.

186. Механизм пассионарного толчка

Пассионарный толчок, или микромутация, — условие, без которого не возник бы ни один этнос, как ныне живущий, так и древний, о котором даже имени не сохранилось. И теперь уместно поставить вопрос: общий ли здесь закон природы или ряд случайных сочетаний социальных флуктуаций? Второе предположение можно отбросить сразу, так как географическое распространение полос, где возникает пассионарность, никак не связано с уровнем развития производительных сил, кризисами производственных отношений, как и с вариациями этнического самосознания, что предполагает академик Ю.В. Бромлей, и даже с ландшафтами планеты, безразлично, природными или антропогенными.

Очевидно, следует искать аналогии на клеточном и молекулярном уровнях биосферы. Действительно, там роль мутаций несомненна и не требует дополнительных доказательств. Однако она прослеживается и на атомарном уровне. Здесь пассионарному толчку соответствует удар пучка нейтронов по массе вещества. Последнее может быть либо инертным, подобно монотонному ландшафту, с единообразным способом хозяйства и однородным населением, либо радиоактивным, содержащим изотопы урана или плутония, что сходно со стыком разнообразных кормящих, точнее — вмещающих, ландшафтов, со своеобразными формами быта и оригинальными приемами хозяйства, а следовательно, и культурными типами.

В первом случае начальный импульс затухает как на популяционном, так и на атомарном уровне, во втором — вызывает цепную реакцию, которая продолжается до тех пор, пока не иссякнет источник вторичных нейтронов и содержание изотопов не упадет до определенной нормы для данной массы и формы. Иногда это завершается взрывом, нарушающим структуру вмещающего вещества.

Заметив это, вернемся к интересующему нас популяционному уровню, лежащему на четыре порядка выше атомарного. Здесь будет обнаружена та же закономерность.

Облучение, вызывающее мутацию, проходит по разнообразным регионам. Редконаселенные, например пустыни, крайне слабо реагируют на мутагенный импульс, который затухает на уровне персон. Монотонные ландшафты, даже густонаселенные, гасят импульсы медленнее, но тоже радикально, потому что сами обладают инерцией покоя,

---

фантастической литературе.

вектор которой всегда не тот, что в мутагенном импульсе. Зато разнообразные ландшафты с разным этническим наполнением лабильны, вследствие чего на стыках их легко образуются новые этнические системы, имеющие много шансов на выживание.

Однако если этногенез идет очень быстро, он может разорвать непрочные системные связи; тогда процесс обрывается в акматической фазе. Происходит надлом, при котором этнос может либо погибнуть, «рассыпаться розно», либо сохраниться в оптимальном при данных условиях состоянии, при котором энтропия замедляется, хотя и не исчезает полностью. Лимит этногенеза — гомеостаз, характеризующийся отсутствием свободной энергии. В силу этого гомеостатические этносы не агрессивны, хотя достаточно резистентны.

Карта пассионарных толчков в Евразии с X в. до н. э. до XV в. н. э.

Таким образом, оказывается, что «начало» этнической истории реально как натуральный феномен. Поэтому оно несопоставимо с условными точками отсчета: основанием Рима, первой Олимпиадой, новой эрой, неправильно сопоставленной с рождением Христа, хиджрой и т. п. Равным образом не годятся для начала отсчета даты политической истории, например образование национального Французского королевства — избрание Гуго Капета. Ему предшествовал длинный, свыше 150 лет, процесс пассионарного подъема этносов, заселявших территорию нынешней Франции. В 986 г. этот процесс не начался и не завершился, но стал очевиден, не более того.

В определении начальной точки отсчета этногенеза не обязательно стремиться к точности до года. Нашими наблюдениями могут быть установлены только инкубационный период вызревания нового поведенческого стереотипа и организация новой структуры, ломающей обветшалые рамки старой. Этой степени точности достаточно, чтобы установить тождество мутаций атомарных, молекулярных, клеточных и популяционных. Но место организменных, т. е. персональных, норм поведения следует уточнить.

187. Законы природы и «полоса свободы»

Как непредсказуемо движение единичного атома в камере Вильсона или характер реакции одноклеточного организма на изменение вмещающей среды, будь оно термическим, химическим или электромагнитным, так вариабельно и поведение высших млекопитающих на организменном уровне, а людей — на уровне персональном. Во всех случаях в вероятностных изменениях существует «полоса свободы».

Для микроорганизмов свобода выбора из двух и более вариантов реакции на изменение среды является способом внутривидового отбора, потому что ошибка ведет организм к гибели. Для высших позвоночных дело обстоит примерно так же. На этом принципе основана охота хищников, истребляющих тех животных, которые дают себя поймать и съесть. Но если бы не появлялись время от времени «неуловимые» зайцы и олени, то их виды были бы давно уничтожены лисами и волками, после чего эти последние передохли бы от голода.

Этот феномен описан давно и исчерпывающе, но биографии отдельных животных изложил только Сетон-Томпсон в книгах «Жизнь гонимых» и «Животные-герои». По сути дела, этот замечательный натуралист применил к зоологии метод, которым пользуется история «великих людей», по какой-либо причине заслуживших внимание исследователя.

Однако теперь уже не нужно доказывать, что ряд биографий не объясняет крупных исторических перемен. Дела людей очень талантливых и энергичных включаются в деяния масс — крупных популяционных целостностей, и последствия подвигов сглаживаются общим этническим развитием, а это последнее — общечеловеческим становлением, запрограммированным в планетарных масштабах. При этом та часть исторической науки, которая изучает поступки отдельных людей — персон, — не бесплодна. Она дает уточнения,

которые позволяют понять, что линия этногенеза не плавная, а ломаная, состоящая из многих зигзагов, взаимно компенсирующихся на длинных отрезках времени.

Это наблюдение имеет большое практическое значение, потому что зигзаги развития соразмерны с биологической жизнью отдельных людей. А ведь человеку, тому или иному, совсем не безразлично, в какую эпоху он живет: в тихую, мирную или, как сказал поэт, «в минуты роковые». Как к тому, так и к другому применяться необходимо, но, оказавшись в «полосе свободы», человек может найти либо ошибочный, либо правильный выход. Конечно, мы знаем, что на результат грандиозного процесса индивидуальное решение повлиять не может, но для тех десятилетий, а иногда двух-трех веков отдельные поступки отнюдь не безразличны. Например, тот дурак, который выпустил в Австралию пару кроликов, нарушил биологическое равновесие целого континента, а Бертольд Шварц, открыв порох, дал возможность европейским королям расправиться с феодалами.

Можно сказать, что порох был бы все равно открыт и применен, что для глобальной истории техники дата его открытия не важна, но для людей XIV в. она была сверхзначима, ибо от нее зависели судьбы и столиц, и замков, а тем самым — деревень. Короче говоря, зигзаги, даже недолговечные, оставляют на теле человечества, да и всей биосферы, неизгладимые рубцы. Это нельзя назвать ни хорошим, ни плохим, ибо это закономерность природы.

Само собой понятно, что делить зигзаги на прогрессивные и реакционные бессмысленно. Если прогресс идет по ходу времени, как и этногенез, то конец этногенеза — затухание и распад — надо считать явлением прогрессивным, что логично, но противоречит общепринятому восприятию самого понятия прогресса. Выход из этой контроверзы предлагает закон отрицания отрицания. Например, на месте сгнившего дуба из опавших желудей появилась дубовая роща и стадо кабанов, поедающих желуди.

Но это не зигзаг, а просто дискретность систем одного порядка, направление же импульса, дающего зигзаг, будет перпендикулярно ходу развития. Поэтому вопрос о прогрессивности или реакционности зигзагов неправомерен. Однако общий интерес читающей публики именно к зигзагам истории оправдан. Число, вернее, плотность зигзагов показывает уровень пассионарного напряжения систем и характеризует их контакты на суперэтническом уровне. При отрицательной комплиментарности в результате зигзагов образуются химерные целостности, обычно нестойкие, а при положительной — слияние и образование новых этносов, ничуть не более «прогрессивных», чем прежние. Поэтому сам вопрос оценки, ныне именуемый аксиологией, здесь неуместен. Ученый вправе только констатировать, что дело обстоит так, а не как бы ему хотелось. Законы природы в одобрении не нуждаются.

Но более того, «полоса свободы» не освобождает ни биологическую особь, ни личность от природных воздействий. Специфика «свободы» только в том, что человек может делать выбор между решением правильным или ошибочным, причем в последнем случае его ожидает гибель. Значит, свобода выбора — отнюдь не право на безответственность. Наоборот, это тяжелый моральный груз, ибо, находясь в социуме, человек отвечает не только за себя и свое еще не родившееся потомство, но и за свой коллектив, своих друзей, соплеменников, наследие предков, благополучие потомков и, наконец, за идеи, формирующие его культуру и даже идеалы, ради которых стоит жить и не жаль умереть.

Хорошо лягушке, которая, отложив икру, больше не вспоминает о потомстве, а только ищет, где пожрать. Трудно павиану, охраняющему своих самок и детенышей от леопардов. Но тяжелее всех людям: груз ответственности, лежащий на них, столь тяжел, что его может облегчить только сознательный отказ от совести, или, что то же, разрыв естественной связи с природой, отказ от долга перед ней. Тогда он будет выбирать заведомо ошибочные решения, например употреблять наркотики, или практиковать психологические извращения, или убивать ради убийства, но тогда его существование будет недолгим, не более двух-трех поколений, потому что природа отлучит его от себя.

Этот способ использования права на выбор решения порождает антисистемы, такие как

катары, карматы, павликиане и им подобные. Они питаются той же пассионарностью, что и этносы, меняя только доминанту, или знак образуемых ими зигзагов.

Этническая история является, с одной стороны, функцией того или иного этногенеза, начавшегося с пассионарного толчка, а с другой — взаимопогашением энергии двух и более этносов при этническом контакте. Характер взаимопогашения зависит опять от двух факторов: фаз контактирующих этносов и комплиментарности — положительной или отрицательной.

За достаточно длинный отрезок времени устанавливается неустойчивое равновесие между этнокультурными системами. Современники этих «тихих» периодов считают их постоянными, а свою историю — устоявшейся. Когда же новый взрыв этногенеза потрясает очередной регион и вызывает волну причинно-следственных связей, они полагают, что в бурных событиях кто-то виноват и, значит, нужно искать преступника.

Таким бурным периодом был для всего Евразийского континента XIII век, когда крошечный сибирский народец вдруг произвел деяния, потрясшие все цивилизованные государства — от Желтого моря до Средиземного. А потом, в XIV в., этот этнос превратился в реликт, сколок с самого себя.

Для того чтобы понять это явление, необходимо рассмотреть, что ему предшествовало, как оно закончилось и чем сменилось, учитывая в то же время, что монголы были победителями. Тут уж потребуются индуктивный метод и большая точность. Так, чередуя степени приближения, можно обнаружить желанную цель — непротиворечивую версию.

188. Сила предвзятости

В.И. Вернадский, открывший биохимическую энергию живого вещества биосферы, отметил еще один феномен, как бы энергию с обратным знаком — «разум», точнее, «мысль», которая, не являясь формой энергии, тем не менее производит действия, как будто ей отвечающие.[1065] Производит-то производит, но какова совершаемая ею работа? Что она создает? И, наконец, каково ее соотношение с уровнем пассионарного напряжения системы, в которой она проявляется?

Ответить на это можно только с помощью этнологии, оперирующей понятиями суперэтносов и их контактов при изучении законченных процессов этнической истории, например того, каким является коллизия XIII в., когда романо-германский католический суперэтнос, находившийся в акматической фазе, стремился подавить ортодоксальное православие — Византию и Русь, инерция развития коих иссякла. Попытка крестоносцев создать Латинскую империю на месте Византии провалилась через год. Папские призывы подавить русских схизматиков были еще менее успешны, но в принятом нами аспекте важны не результаты, которые часто зависят от исторических случайностей, а тенденция деятельности, или доминанта выхода свободной энергии. А здесь она была выражена крайне отчетливо: папа призывал католиков к Крестовому походу против литовцев, русских и татар, руководствуясь не материальными расчетами и поисками выгод, которые легче было обрести в Тунисе и Андалузии, а чувством отрицательной комплиментарности к соседним культурам. А найти предлог для желанной войны всегда легко. Надо лишь выдвинуть свой тезис и заставить людей принимать его без критики. А дальше все покатится по инерции. И покатилось!

В XIII в. западноевропейская географическая наука, имевшая в то время громадное практическое значение, представляла бушующий фонтан мифов, легенд, безудержной фантазии и сознательной лжи. Это был доступный в то время уровень науки, которая базировалась не на опыте и наблюдении, а на деятельности свободной мысли, питаемой

[1065] См.: Вернадский В.И. Химическое строение биосферы… § 200.

легковерием народных масс и высших сословий.[1066]

Одна басня о царстве пресвитера Иоанна унесла в небытие несколько тысяч французов и немцев, пошедших во Второй Крестовый поход навстречу мнимому союзнику.[1067] А когда христианский союзник действительно появился из глубин Азии, была сознательно дана очередная дезинформация. Но эта ложь, произведение разума, стала привычной, т. е. стала фактором, формирующим стереотип поведения, и в этом качестве дожила до нашего времени. Предвзятое мнение превратилось в переходящую ошибку, исправить которую средневековая наука была бессильна.[1068]

Неисчислимы беды, происходящие от предвзятых мнений и переходящих ошибок. Заслуга науки в том, что она часто вскрывает застарелые предубеждения, никогда не доказанные и как будто не требующие доказательств. Чтобы опровергнуть ложное суждение, нужно вскрыть его корни.

Наши предки, жившие на Московской Руси и в Российской империи начала XVIII в., нисколько не сомневались в том, что их восточные соседи — татары, мордва, черемисы, остяки, тунгусы, казахи, якуты — такие же люди, как и тверичи, рязанцы, владимирцы, новгородцы и устюжане. Идея национальной исключительности была чужда русским людям, и их не шокировало, что, например, на патриаршем престоле сидел мордвин Никон, а русскими армиями руководили потомки черемисов — Шереметевы и татар — Кутузов.

В странах же Западной Европы предубеждение против неевропейских народов родилось давно. Считалось, что азиатская степь, которую многие географы начинали от Венгрии, другие — от Карпат, — обиталище дикости, варварства, свирепых нравов и ханского произвола. Взгляды эти были закреплены авторами XVIII в., создателями универсальных концепций истории, философии, морали и политики. При этом самым существенным было то, что авторы эти имели об Азии крайне поверхностное и часто превратное представление. Все же это их не смущало, и их взглядов не опровергали французские или немецкие путешественники, побывавшие в городах Передней Азии или Индии и Китая.

К числу дикарей, угрожавших единственно ценной, по их мнению, европейской культуре, они причисляли и русских, основываясь на том, что 240 лет Россия входила в состав сначала Великого Монгольского улуса, а потом Золотой Орды. Эта концепция была по-своему логична, но отнюдь не верна.

В XVIII в. юные русские петиметры, возвращаясь из Франции, где они не столько постигали науки, сколько выучивали готовые концепции, восприняли и принесли домой концепцию идентичности русских и татар как восточных варваров. В России они сумели преподнести это мнение своим современникам как само собой разумеющуюся точку зрения на историю.

Это лжеучение заразило даже А.С. Пушкина. Он написал: «России определено было высокое предназначение. Ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили нашествие на самом краю Европы: варвары не осмелились оставить у себя в тылу порабощенную Русь и возвратились в степи своего Востока».

А так ли это? Действительно ли существовала угроза монгольского овладения Европой? В XIX в. всеми учеными и публицистами предполагалось, что из Азии пришли неисчислимые полчища, давившие все на своем пути численностью. Теперь-то мы знаем, что монголов было около 600 тыс. человек, а армия их составляла всего 130—140 тыс. всадников, воевавших на трех фронтах: в Китае и Корее, в Средней Азии и Иране и в

[1066] См.: Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. С. 388.

[1067] Там же. С. 390—391.

[1068] См.: Гумилев Л.Н. Гуманитарные и естественные аспекты исторической географии. Л., 1984. С. 42—57.

половецких степях. В это время на Руси жило около 6 млн жителей, а в Польше и Литве — 1,6 млн. В Поволжье жило тогда не более 700 тыс. жителей, а в степи между Доном и Карпатами — 500 тыс. В это время население Франции приближалось к 20 млн. Столько же в Италии, Германии, а в Англии — 3 млн жителей.

В XIII в. опасность для Европы — полуострова, защищенного со всех сторон, — была скорее психологической, чем реальной. Но публицисты и мыслители XVIII—XIX вв. фантазировали о предмете, который занимал их, но которого они не знали.

Главное же в другом. Зачем было русским людям XIII—XIV вв., ради каких общих интересов защищать немецких феодалов, ганзейских бюргеров, итальянских прелатов и французских рыцарей, которые неуклонно наступали на Русь, либо истребляя, либо закабаляя «схизматиков греческого обряда», которых они не считали за подлинных христиан? Поистине теория спасения Русью Европы была непонятным ослеплением, к несчастью, не изжитым до сих пор.

Корни болезни, которую мы называем монголофобией, следует искать в том же XIII в., когда и происходили войны монголов. Могут возразить, что европейцы, а до них римляне и греки и раньше недолюбливали степных варваров — скифов, гуннов. Но раз речь идет о монголах, а не о гуннах, туркменах-сельджуках и даже туарегах Сахары, которые на время завоевали большую часть Испании, то причины монголофобии надо искать именно в XIII в. Ибо до этого времени о монголах не было слышно и их не было на исторической арене.

Каждое явление, наблюдаемое in situ, имеет свое начало в прошлом, иногда близком, иногда далеком, но никогда не бесконечном, якобы характерном для всех тысячелетий существования человечества. Но ведь любое описание прошлого — история. Следовательно, история любого процесса — это продолжение того мгновения, когда в силу тех или иных причин этот процесс начался. Именно поискам начала, происхождения «черной легенды» о несимпатичности народов Руси и Монголии, сливавшихся для средневековых западноевропейцев в нечто целое, посвящена наша работа. Эта работа похожа на диагноз грандиозной болезни — заблуждения, унесшего много жизней и породившего много ненужного и бессмысленного горя.

Надо отдать должное уму и такту наших предков. Они не создали обратную человекоубийственную систему мироощущения. Они относились к окрестным народам как к равным, пусть даже непохожим на них. И благодаря этому они устояли в вековой борьбе, утвердив как принцип не истребление соседей, а дружбу народов. Вот почему для русского читателя важно понять, с кем и как нашим предкам пришлось воевать и на Востоке, и на Западе.

Но было ли это существенно для идеологов XIII в., когда блестящие успехи крестоносцев, захвативших в 1204 г. столицу «схизматиков» Константинополь, уже через год кончились сокрушительным поражением при Адрианополе от болгар и половцев? Латинский император Балдуин был взят в плен; он умер в башне в столице Болгарии Тырнове, а война приняла самый жестокий характер. Куманы неистовствовали против латинян и греков, греческие горцы Эпира и Малой Азии истребляли рыцарей, а Данте сравнивал чертей «Ада» с пиратами и греками, свирепствовавшими на Средиземном море. Ожесточение росло.

Та же ситуация сложилась в начале XIII в. на Руси. После первых успехов шведы и крестоносцы Ливонского ордена были остановлены Александром Невским, а Даниил Галицкий отстоял свою землю от венгров и поляков. Это были, конечно, временные победы, но когда князья заключили военный союз с Ордой, стало очевидно, что натиск папистской Европы на Восток захлебнулся.

И вот тут «сфера разума» уступила место буйству чувства. Никто на средневековом Западе не винил своих бездарных королей, своевольных рыцарей, корыстолюбивых итальянских купцов, по вине которых была проиграна двухсотлетняя война. Винили противников, не давших себя победить, пытаясь обосновать свой вывод средствами науки, которая в то время была далека от совершенства. Увы, это не единственный пример торжества обывательской психологии над научной.

Часть седьмая
Тохтамыш и его время

XXVIII. Меркнущее величие
(Приближение первое — уровень суперэтноса)

189. В Иране

Вспомним, что монголы пришли в Иран как защитники христианской веры. Несториане и примкнувшие к ним якобиты (монофизиты) были в Центральной Азии весьма многочисленны и влиятельны. В 1260 г. они освободили от мусульман Сирию и были недалеко от стен Иерусалима, но предательство европейских крестоносцев и отрыв Золотой Орды, где воцарился мусульманин Берке-хан, повели к поражению при Айн-Джалуде (в Галилее), после которого монголы откатились за Евфрат и перешли к обороне.

Воевать пришлось на два фронта: с египетскими мамлюками и с Золотой Ордой, где подавляющее большинство населения составляли те же половцы, так что фактически война шла между тюрками и монголами. Помощи иранские монголы не могли получить, так как их единственный союзник, великий хан Хубилай, вел сорокалетнюю войну со своим народом — западными монголами, которыми правил его кузен Хайду. Поэтому Иран оказался в изоляции.

Монгольские ильханы держались только благодаря поддержке христиан — армян, айсоров, сирийцев — и мусульман-шиитов[1069] — дейлемитов и хорасанцев, которых в Персии было много. Но это была слабая поддержка. Попытка хана Аргуна (1284—1291) договориться с французским королем Филиппом Красивым[1070] не дала ничего, потому что Европа уже охладела к Крестовым походам. Монголам приходилось опираться на местное персидское население, а оно было мусульманским.

В XIII веке, переполненном кровопролитиями, монгольское могущество в Иране таяло постепенно и неравномерно. Принятие ислама Газан-ханом и его младшим братом, Олджейту, несколько смягчило отношения между правящей династией и народными массами, но не устранило своеволия эмиров как монгольского, так и персидского происхождения. Сыну Олджейту-хана Абу Сайду при вступлении на престол было 12 лет. Поэтому от его имени страной управлял наместник Хорасана эмир Чобан. Этому энергичному честолюбцу 11 лет удавалось подавлять восстания и интриги эмиров, завидовавших ему, но в 1327 г. этот последний монгольский пассионарий в Иране был убит своим ханом, тяготившимся его опекой. Судьбу Чобана разделили два его сына, а третий, успевший убежать в Египет, был убит там султаном Насиром по просьбе Абу Сайда, которого, в свою очередь, отравила в 1335 г. любимая жена, дочь эмира Чобана. Красавица хотела отомстить тирану за гибель отца и братьев. Вместе с мужем она погубила все государство, потому что все стало можно.

Через год после смерти ильхана в Хорасане вспыхнуло восстание против монголов под лозунгом: «Сар ба дар» («Пусть голова на воротах висит»), призывавшим к крайнему риску, отчаянности.

Было бы соблазнительно видеть в сарбадарах (сербедарах) наследников персов эпохи Сасанидов, но если бы это было так, то ни арабы, ни тюрки, ни монголы не смогли бы

[1069] См.: Буниятов З.М. Государство хорезмшахов — Ануштегинидов, 1097—1231. М., 1986. С. 137.

[1070] GroussetR. L’Empire des Steppes. P. 448—451.

захватить Иран. Видимо, субэтнос сарбадаров — новообразование в зоне монголо-персидского контакта, ибо за 100 лет монгольский генофонд был рассеян и среди персов.

Монголы не могли справиться с сарбадарской республикой, и наконец последний ильхан — Туга Тимур-хан, кочевавший в Гургане, пригласил сарбадарских вождей для переговоров. Те, придя в Орду, заподозрили предательство и решили опередить монголов. На пиру один сарбадар внезапно убил хана, прочие напали на пьяных монголов и тех, кто не успел убежать, убили. Так 13 декабря 1353 г. закончилось владычество монголов в Иране. Наследники ильханов, Джелаиры, хотя и были по происхождению монголы, но не Чингисиды, не защитники Ясы и не богатыри. Они не заслуживают внимания историка и этнолога.

190. На дальнем востоке

Несколько иначе шло освобождение Китая. В империи Юань монголы были ничтожным меньшинством, ибо они (вместе с собственно Монголией) составляли меньше 2 % населения империи. При таком соотношении удерживать власть можно было только при помощи каких-либо групп местного населения, поэтому правительство династии Юань не жалело денег для буддийской общины и привилегий для помещиков Северного Китая. Однако буддизм не столько организация (как, например, католицизм), сколько умонастроение (путь к спасению), и потому нашлась секта, относившаяся к монголам враждебно, — «Белый лотос». Эта организация в XII—XIII вв. слилась с тайными сектами «пришествия Майтреи» (будущего Будды — избавителя). Она вела постоянную войну против монгольской власти путем организации мелких восстаний, которые легко подавлялись и уносили много жертв. Этот латентный период освободительной войны не принес Китаю ничего, кроме горя и страданий. Положение изменилось лишь тогда, когда поднялись массы.

Надо сказать, что потомки Хубилая не отличались никакими государственными и военными способностями. Превратившись из смелых ханов в китайских императоров, они потеряли связь с отчизной, но не приобрели симпатий завоеванных китайцев и не приспособились к новой родине. Приближенные были не лучше правителей. Они не понимали, что такое экономика земледельческой страны и мелиорация долины такой грозной реки, как Хуанхэ. В 1334 г. от голода умерло около 13 млн душ, и такой же голод повторился в 1342 г.[1071] В 1344 г. воды Хуанхэ прорвали дамбу и затопили земли трех провинций. Лишь тогда правительство поняло, что чинить дамбу нужно. В 1351 г. на земельные работы было согнано 150 тыс. крестьян под конвоем 20 тыс. воинов. Крестьяне быстро договорились между собой[1072] И тогда началось!

Агенты «Белого лотоса» объявили мобилизованным землекопам добрые вести о «пришествии Майтреи» и о «рождении императора династии Мин». Те, измученные работой и оскорбленные произволом начальства, пошли за инициаторами, повязали головы красными платками, и в одну ночь во всей стране монгольские воины, находившиеся на постое в китайских домах, были зарезаны. Вскоре численность повстанцев достигла 100 тыс. человек, наэлектризованных фанатизмом. Восстание охватило весь Северный Китай. Лозунг повстанцев был прост и примитивен: восстановление империи Сун.

Каждая крестьянская война обречена. Восстание «красных войск» разделило судьбу Жакерии. Установить дисциплину среди крестьян оказалось невозможным. Создать единство командования — тоже. После первых успехов «повстанцы превратились в

[1071] См.: Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия… С. 508.

[1072] См.: Очерки истории Китая с древности до «опиумных войн» / Под ред. Шан Юз. М., 1959. С. 382.

разбойников»,[1073] что вызвало сопротивление им со стороны помещиков, создавших отряды «справедливости» — «ибин»,[1074] так как «красные» свирепствовали почище монголов. К 1363 г. восстание было подавлено.

Тогда вступили в игру южные помещики, чиновники и буддийские монахи, обретшие гениального вождя, выходца из беднейших крестьян, монаха и воина Чжу Юаньчжана. Он принял участие в восстании «красных», достиг воинского чина… но своевременно увел свой отряд на юг и там поднял восстание среди всех слоев населения. Сложная система устойчивее простой. Чжу Юаньчжан укрепил дисциплину, запретил грабежи и стал побеждать. Для пропитания воинов он ввел систему, близкую к военным поселениям, — заставил ополченцев работать на уборке урожая и следить за порядком; по отношению к помещикам и чиновникам он «соблюдал этикет».[1075]

Национальная консолидация сразу изменила течение войны, успех которой уже склонялся к монголам. За 20 лет беспорядков многие предводители «красных войск» договорились с монголами и стали бить своих. Предательство — явление, увы, повсеместное. Чжу Юаньчжану пришлось подавить изменников, использовать военные конфликты среди монгольских нойонов и распространить среди северных китайских крестьян прокламацию, обещавшую «прогнать варваров» и «избавить народ от тяжелой участи». После этих мероприятий в январе 1368 г. Чжу Юаньчжан провозгласил себя императором династии Мин, а весной двинул войско на север и овладел монгольской столицей Даду (Пекин), переименовав ее в Бэйпин.

В 1369 г. монголы были вытеснены из северных провинций Китая, но после этого война приняла затяжной характер. Набеги и бои продолжались до 1380 г., когда армия империи Мин проникла в глубь Монголии и разрушила Каракорум. Но окончательного успеха китайцы добились лишь в 1388 г., когда последний монгольский хан — Тогус-Тэмур — был разбит и пал в бою. После этой катастрофы в Монголии наступила длительная анархия, в результате которой ойраты отделились от монголов. Инерция пассионарного взрыва «людей длинной воли» иссякла, и начался новый период истории (1388—1688), о котором мы рассказывать не будем.

191. В Мавераннахре и Семиречье

Казалось бы, Джагатайский улус, расположенный в Средней Азии и не соприкасавшийся с враждебными государствами и непримиримыми этносами, должен был быть наиболее благополучным. Однако писатель XIV в. Омари сообщает: «…в Туркестане можно встретить только более или менее сохранившиеся развалины; издали кажется, точно впереди благоустроенное селение, окруженное пышной растительностью; приближаешься в надежде встретить людей, но находишь только пустые дома; единственные жители — кочевники, которые не занимаются земледелием».[1076]

Но и кочевникам там было несладко. За 70 лет XIV в. в Джагатайском улусе сменилось около двадцати ханов, при этом каждая смена сопровождалась кровопролитием. Но даже в этом калейдоскопе событий можно наметить ведущую линию причинно-следственных связей и закономерных разрывов.

[1073] Там же. С. 388.

[1074] См.: Боровкова Л.А. О борьбе китайского народа против монгольских завоевателей в середине XIV в. // Татаро-монголы в Азии и Европе. С. 426.

[1075] Очерки истории Китая… С. 398.

[1076] Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия… Т. II. С. 510.

Убивали друг друга мусульмане и христиане, которых тогда в Средней Азии было много: отюреченные монголы (джелаиры и барласы) и омонголенные тюрки, сторонники слабых ханов и нукеры могучих эмиров, сарбадары в Самарканде и кочевники-моголы[1077] — короче, у всякого человека в Джагатайском улусе было много врагов и очень мало верных друзей.

Попытку навести порядок в стране сделал хан Кебек (1318—1326). Он перенес столицу из Степи на юг, построил для себя не юрту, а дворец и провел административную реформу в пользу оседлого населения. Его убил брат, Тармаширин, совершивший грабительский поход в Индию. Но там он потерпел поражение от делийского султана Мохаммеда ибн-Тоглука, который гнал монголов вплоть до Пенджаба.[1078]

Любопытно, что оседлое население Ирана и Средней Азии, показавшее свою полную неспособность к самозащите от дейлемитов и гулямов Махмуда Газневи, от свирепых сельджуков, от безжалостных хорезмийцев и тем более от монголов, в XIV в. проявило изрядную энергию, воинственность и способность выбирать принципы, ради которых люди стали идти на смерть. Откуда вдруг такая прыть?

Сарбадары Хорасана стали врагами не только монгольских ильханов, но и соседних куртов, правивших в Герате. Сарбадары провозгласили шиизм, курты держались суннизма, но, разумеется, не догматические различия подвигли безграмотных афганцев и персов на войны, равно невыгодные тем и другим.

В Средней Азии свыше 500 лет уживались мусульмане, христиане, зороастрийцы и тюрки-тенгрианцы. И почему-то в XIV в. они вступили в борьбу друг с другом. Хан Тармаширин, в юности носивший буддийское имя Дармашила, обратился в ислам и стал называться Ала ад-Дин. Кочевники Семиречья и берегов Иссык-Куля не стерпели и в 1334 г. убили его.

Инициаторами восстания были несториане, опиравшиеся на города Алмалык и Пишпек,[1079] где они составляли большинство населения. Их хан, Дженкши, правил в 1334—1338 гг., его сын крещен Иоанном, но царствовать ему не пришлось. Мусульманская реакция повела к кровавым столкновениям, закончившимся в 1343 г. вступлением на престол хана Казана, жестокого тирана, боровшегося с эмирами.[1080]

В 1346 г. Казан потерпел поражение и погиб. Его победитель, эмир Казаган, в 1358 г. был убит на охоте по наущению монгольского хана Тоглук-Тэмура, который в 1361 г. попытался отвоевать Туркестан у мятежных эмиров. Война затянулась. На престол Могулистана вступил, по смерти отца в 1362 г., Ильяс-ходжа…[1081] и вдруг выдвинулся Тимур!

Тут настала пора приостановиться и разобраться в сложившейся обстановке. Могулистан был кочевым государством, а Туркестан — оседло-кочевой державой, причем большую часть населения в нем составляли таджики и оседлые тюрки. Ханы Туркестана хотели добиться мирного сосуществования этих народов, но им противодействовали их собственные эмиры, желавшие свободно воевать друг с другом, как европейские феодалы.

[1077] Моголы — условное название тюрок Джагатайского улуса, предков казахов Старшего джуса. Могулистан располагался в северо-восточных степях улуса: в Притяньшанье, Восточном Туркестане и Семиречье.

[1078] GroussetR. L’Empire… P. 414.

[1079] Ibid. P. 414—415.

[1080] Грумм-Гржимайло Г.Е. Указ. соч. С. 515.

[1081] У К.Э. Босворта (мусульманские династии. С. 197) смерть Тоглук-Тэмура ошибочно датирована 1370 г.

Опорой эмиров были тюркские всадники: противопоставить им ханы не могли никого. Но победа эмиров привела к анархии и открыла дорогу «джете», т. е. разбойникам, как называли моголов туркестанцы.

В свою очередь, моголы презрительно называли туркестанцев «караунасами», т. е. метисами.[1082] Этническая дивергенция в XIV в. стала очевидной.

Но была и третья сила — таджики. Когда в 1365 г. Ильясходжа, разбив эмиров Хуссейна и Тимура, подошел к Самарканду, его отразили местные сарбадары, боявшиеся грабежа своего города. Но вожди сарбадаров были заманены для переговоров эмиром Хуссейном и казнены. Затем настало время для борьбы за власть между Хуссейном, эмиром Балха, и Тимуром, эмиром Кеша. Тимур победил в 1370 г., а Хуссейн, сдавшийся на честное слово, был убит.

«Монголосфера» в конце XIV в.

Для того чтобы богатая и культурная страна за одно столетие превратилась в кровавый ад, нужно резкое изменение энергетического потенциала, а не плавное, как при подъеме и в инерции. Тут имел место мощный и внезапный прилив пассионарности, расшатавший слаженную систему и породивший несколько химерных субэтносов.

Пассионарность, как эффект биохимической энергии живого вещества, не имеет вектора, а направляется доминантой того этноса, который ее абсорбировал. Так, иранцы и тюрки мусульманского мира под знаменем Тимура хотя и обладали пассионарностью, унаследованной от монгольских юношей, рассеявших свой генофонд от Ферганы до Ирака, но сами о своем происхождении скорее всего не знали. Их прадеды были зачаты и рождены в огне страшной войны и традицию могли унаследовать от матерей, а не от случайных отцов. А если они даже и ощущали свою принадлежность к роду (как, например, Тимур был барлас, а Едигей — кунграт, и оба помнили это), то единичные случаи не имели значения; их поглощал стихийный поток вероятности.

Иными словами, монгольская пассионарность гальванизировала иссякавший мусульманский суперэтнос, но не нарушила его культурную неповторимость. Языки, религия, эстетические нормы сохранились, социальные — изменились меньше, чем в османской Турции, мощь которой была следствием пассионарного толчка, но сила напора, инициативность, вирулентность мусульманского мира возросли так, что этого хватило на целый период — XIV—XVIII вв.

В XIV в. быстрее всего падала пассионарность монголов Ирана и Средней Азии. Ярко горела она у сарбадаров Хорасана и Самарканда, но им не уступали тюрки, поселившиеся к югу от Амударьи, и афганцы. Не померкла она в Дейлеме и Гургане, короче говоря, на всех территориях бывшего царства ильханов — Ирана и Туркестана, как стало называться теперь междуречье Сырдарьи и Амударьи.

В эти годы положение в Средней Азии было как нестерпимо, так и безнадежно. Потомки Джагатая показали полную неспособность управлять этнической химерой, состоящей из монголов, тюрок, таджиков. Они правили только в степях Могулистана, т. е. в привычном для кочевников ландшафте. Эмиры, бывшие князья племен, умели воевать друг против друга, а вожди сарбадаров, изгнав из своих городов монголов, сводили личные счеты с согражданами, что трудно назвать классовой борьбой. Стране нужна была твердая власть, и Тимур создал ее, сделав шаг назад.

Твердая власть нуждается в поддерживающей ее силе. Эту силу халифы Багдада, султаны Газны и хорезмшахи обретали в лице гулямов — тюркских воинов, иногда рабов, иногда наемников. Гулямы не были связаны с классами и сословиями тех стран, где они жили. Это были «свободные атомы». Они охотно служили щедрому вождю, рискуя жизнью,

---

[1082] См.: Якубовский А.Ю. История Узбекистана. Ташкент, 1950. С. 337.

выполняли самые трудные задания, но, увы, очень дорого стоили: ведь они работали за плату, как легионеры времен римских императоров или «варанги» Комнинов и Палеологов. Короче говоря, Тимур стал «солдатским императором» со всеми вытекающими последствиями.

Своим главным врагом Тимур считал наследие Чингиса, который объединил степные племена в единый суперэтнос и опирался на народные массы, охотно служившие под его знаменами. Тимур же извлек из народа пассионарную элиту и оплачивал ее добычей из Персии, Грузии, Сирии, Индии и городов Поволжья. Он был последним паладином мусульманской культуры и продлил ее существование еще на столетие, но уж очень дорого стоили его успехи и мечты. После побед Тимура Иран уже не оправился.

Степные элементы развалившегося Джагатайского улуса оказались в Семиречье (лжете), Таласе, в окрестностях Иссык-Куля, на северных склонах Тянь-Шаня и в Кашгарии. Так создался Могулистан, с тюркским населением и монгольской династией, которая пресеклась в 1366 г., когда эмир Камар ад-Дин по смерти хана Тоглук-Тэмура убил его сына-наследника и узурпировал власть.

Как в Мавераннахре, так и в Могулистане монголы уступили власть тюркам, но это не прекратило жестокой войны, которая велась между Великой степью и мусульманским миром. Этническая принадлежность ханов на фоне столкновения суперэтносов уже не имела значения.

Именно против Камар ад-Дина Тимур совершил ряд набегов. Его гулямы разоряли беззащитные становища и отгоняли скот, обрекая кочевников на голод и нищету. Особенно жестоким был третий набег — через Талас и Токмак к верховьям Чу и берегам Или. Захваченной в плен оказалась дочь Камар ад-Дина, которую победитель поместил в свой гарем. Но Камар ад-Дин ответил мощным контрударом, заманив Тимура в засаду, из которой последний вырвался «копьем, саблей, воинами и арканом».[1083]

В ответ Тимур в пятом набеге вынудил Камар ад-Дина принять битву у Иссык-Куля и гнал его войска вдоль озера. Эта победа, видимо, мало что дала, потому что потребовался шестой поход в 1377 г., но и на этот раз Камар ад-Дин остался неуловим.

Зато на севере Тимуру повезло. В 1376 г. его ставленник Тохтамыш овладел Белой Ордой и предпринял завершающий поход против узурпатора Мамая. Казалось, что Тимур вот-вот подчинит себе Великую степь…

192. Золотая Орда

В 1235 г., покончив с войной в Китае, монголы совершили «Великий западный поход» и дошли до Адриатического моря. Однако в 1242 г. они оттянули свою армию назад и закрепились на берегу Нижней Волги, соорудив там город Сарай. Венгрия и Польша немедленно примкнули к романо-германскому суперэтносу, ибо монголы нигде не оставляли гарнизонов и отстаивать свободу венграм и полякам было не от кого. Русь оказалась в ином положении. Ее ожидала судьба Византии, захваченной в 1204 г. крестоносцами и разграбленной до нитки. Организованные рыцарские армии, с латной конницей и арбалетчиками, настолько превосходили раздробленные дружины русских князей, что выиграть можно было одну-другую битву, но не длительную войну. А такая война была неизбежна, потому что папа объявил Крестовый поход против православия.

В этих обстоятельствах князь владимирский Ярослав в 1243 г. собрал съезд князей и предложил им признать «каана» царем и заключить союз с главой рода Борджигинов — Батыем. Это признание ни к чему не обязывало — Ярослав просто вышел из войны, которую объявил монголам в 1245 г. на Лионском соборе папа Иннокентий IV. Сын Ярослава, Александр Невский, достиг большего, заключив с ханом Берке оборонительный союз.

[1083] GroussetR. Op. cit. P. 500—501.

Крестовый поход на Русь не состоялся. Так Русская земля вошла в состав улуса Джучиева, не потеряв автономии и без ущерба для культуры, унаследованной от Византии.

Улус Джучиев включал в себя три Орды: Белую, Синюю и Золотую,[1084] к которой примкнула Великороссия. Те же княжества, которые отказались от союза с татарами, были в XIV в. захвачены Польшей и Литвой. Татары их к присоединению не принуждали.

Монголы в этом улусе составляли незначительное меньшинство. Улус Джучиев был химерной целостностью в еще большей степени, чем Иран и Средняя Азия. До тех пор пока в Сарае правили волевые и энергичные ханы, Орда казалась могучим государством. Первая встряска произошла в 1312 г., когда население Поволжья — мусульманское, купеческое и антикочевническое — выдвинуло царевича Узбека, сразу казнившего 70 царевичей Чингисидов и всех нойонов, отказавшихся предать веру отцов. Вторым потрясением было убийство хана Джанибека его старшим сыном Бердибеком, а через два года, в 1359 г., началась двадцатилетняя междоусобица — «великая замятня».

Эта жестокая эпоха была неизбежной. Этносы, «затащенные» в единую систему путем завоевания, сливаются только при подъеме пассионарного напряжения, а тут был спад как среди монголов, утративших своих богатырей в междоусобице XIII в., так и среди аборигенов, уже превратившихся в реликты. Исключением была только Великороссия, вступившая в новый виток этногенеза и сумевшая использовать Золотую Орду для прикрытия от столь же пассионарного врага — Литвы.

Долгое время, за исключением войн с Хулагуидами, внешняя политика Золотой Орды была довольно мирной. Редкие стычки с литовцами, отдельные военные экспедиции для умиротворения распрей в Белой Орде и длительный бессмысленный конфликт с ильханами Ирана — вот и все, что нарушало мир. Но это не спасло ни династию, ни державу. В химерной системе связи неустойчивы настолько, что распадаются от собственной тяжести. Именно это произошло в Золотой Орде. И тогда выдвинулся на арену истории герой нашего повествования — хан Тохтамыш.

193. «Великая замятня»

Череда убийств в Сарае, поставившая Золотую Орду на край гибели, была воспринята русскими князьями весьма болезненно. В лице Джанибека они лишились надежного союзника. Отцеубийца Бердибек в 1359 г. был убит авантюристом Кульпой, выдававшим себя за сына Джанибека. Так угасла линия ханов дома Батыя и началась борьба за власть, превратившая сильнейшую державу Восточной Европы в объект захватов с востока и запада.

Кульпа правил шесть месяцев и был убит Наврузом, тоже выдававшим себя за сына Джанибека. По-видимому, Навруз стремился к наведению порядка, потому что русские князья «приходили к Наврузу и били челом царю о разделении княжений их».[1085] Каждый был утвержден на своей отчине, а Дмитрий Константинович, князь суздальско-нижегородский, весной 1360 г. сверх того получил великое княжение.[1086] Казалось, порядок восстановлен, но в том же 1360 г. из-за Яика явился потомок Шейбана (сына Джучи) Хызр (Хыдыр-бек) с войсками Синей Орды.

Навруз погиб, и, хуже того, была убита вдова Джанибека, ханша Тайдула,[1087]

[1084] К сожалению, в западной историографии принято деление не на три, а только на две орды: Синяя Орда необоснованно опущена (см.: Grousset R. Op. cit. P. 470).

[1085] Экземплярский А.В. Великие и удельные князья северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. II. СПб., 1891. С. 405.

[1086] Там же. С. 408.

[1087] Там же. С. 104.

покровительница митрополита Алексея, а тем самым всей России, очень в этом нуждавшейся. Золотая Орда стала Синей.[1088]

Хан Хызр, по мнению русских князей, был правитель «кроткий и смиренный».[1089] Он потребовал у русских только одного — выдачи ему новгородских ушкуйников, разбойничавших на Волге и грабивших и русских, и татар. Великий князь Дмитрий Константинович, Андрей Нижегородский и Константин Ростовский выполнили это поручение с охотой, так как грабежи касались их подданных.[1090] Но, к сожалению, сподвижники Хызра были иного склада, в том числе его сын Темир-ходжа, в 1361 г. убивший своего отца.

Через шесть дней негодяй был убит темником Мамаем, который возвел на престол некоего Абдаллаха. Напуганные русские князья бежали из Сарая, Мамай с Абдаллахом ушли на правый берег Волги, а в Орде (теперь уже не Золотой, а Синей) воцарился Орду-Мелик, вскоре смененный Кельдибеком, потомком Тука-Темура, младшего брата Батыя.[1091]

Но попытка реставрации оказалась неудачной. На престол вскоре сел брат Хызра, Мурид,[1092] царствовавший до 1364 г. Его сменил Шейх Азиз, погибший в 1370 г., когда Сарай был взят на короткое время Мамаем, успевшим сменить Абдаллаха на некоего Мухаммеда Булака, после чего Большая Орда распалась на семь независимых владений.[1093]

Затем наступила очередь Белой Орды, которая после развала Золотой Орды унаследовала первенство в степном мире. Энергичный Урус-хан отражал попытки Тимура распространить свое влияние на север от Сырдарьи. Урус-хан умело защищал южную границу Белой Орды, но, не ограничиваясь этим, он решил присоединить к своим владениям гибнущую Золотую Орду, чтобы восстановить единство улуса Джучиева.

Вероятно, этот план можно было осуществить, если бы правитель Мангышлака Туй-ходжа-оглан не отказал Урус-хану в военной помощи. Хотя Туй-ходжа-оглан был потомком Орды-Ичэна, его улус входил в состав Кок-Орды (Синей Орды), а хан больше зависел от своих беков, нойонов или эмиров, нежели они от него. Тем не менее расплачиваться пришлось правителю, причем собственной головой.[1094]

Сын казненного, Тохтамыш, убежал к Тимуру[1095] и предложил ему свои услуги. Тимур принял царевича, так как столкновение с объединенной степью не сулило ему ничего

1088 Синяя Орда, располагавшаяся между Тюменью и Мангышлаком, была менее затронута влиянием мусульманской культуры, нежели Золотая и Белая. Воины в ней сохранили древнюю свирепость и выступали как ревностные защитники традиционной степной культуры. Последним ханом Синей Орды был Тохтамыш.

1089 Экземплярский А.В. Указ. соч. С. 405.

1090 Там же.

1091 Грумм-Гржимайло Г.Е. Джучиды: Рукопись // Архив ГО.

1092 См.: Экземплярский А.В. Указ. соч. С. 104.

1093 В земле камских болгар правил Пулад-Темир; в земле мордвы — Тагай; в Сарае — Шейбаниды; в Астрахани, Сарайчике и Крыму — самостоятельные князья; в Причерноморье — Мамай, который попытался наладить через генуэзские колонии в Крыму контакт с Западом.

1094 См.: Якубовский А.Ю. Тимур и его время // История народов Узбекистана. Ташкент, 1960. С. 353.

1095 Захватив власть, эмир Тимур стал носить титул «его величество султан — воитель за веру» (Тизенгаузен. Т. II. С. 131. Примеч. 3).

доброго. Наоборот, он попробовал повести превентивную войну, но отдельные победы в боях не давали возможности закрепиться на широкой территории. Хуже того, его креатура Тохтамыш дважды потерпел сокрушительные поражения. После последней битвы он добежал до берега Сырдарьи и, сбросив одежду, попытался переплыть ее, но преследователи заметили пловца и пустили в него стрелы. Одна стрела вонзилась ему в плечо, но он все-таки пересек реку и скрылся в камышах, где упал без сил. Спас его случай. Один из сотников Тимур-бека, Едигей, обнаружил нагого и окровавленного беглеца, одел его и привел к себе в ставку. Там Тохтамыш поправился, был представлен Тимуру и получил от него помощь для продолжения войны с Урус-ханом.

В 1375 г. Урус-хан скончался, а его сын и наследник Токтакия умер через два месяца. На престол вступил брат — Тимур-Малик, который проявил исключительную бездарность и патологическую лень. Он умел только много есть и долго спать, чем вызвал разочарование своих беков и нукеров. В 1376 г. Тохтамыш снова выступил в поход и без труда овладел Белой Ордой. После этого он перенес удар на запад, на берега Волги, где ему предстояла серьезная борьба с Мамаем, правителем правобережья Волги.

Мамай не был потомком Чингиса и поэтому не мог стать ханом. Фактически Мамай вышел из улуса Джучиева, более того, он стал врагом Чингисидов. Левобережье Волги удерживали ханы Кок-Орды, а прочие владетели даже не пытались отстаивать свои княжества от этих титанов. Эту эпоху русские летописцы удачно назвали «великой замятней».

Это трудное для татар время использовал литовский князь Ольгерд. Осенью 1362 г. он напал на трех татарских мурз, кочевавших по Днепровскому правобережью, и нанес им поражение у Синих Вод.

Мамай отнесся к этому благосклонно — видимо, разбитые мурзы не были его сторонниками.[1096] Пользуясь договоренностью с Мамаем, Ольгерд занял Чернигов, Новгород-Северск, Трубчевск, Путивль и Курск,[1097] а в Киеве упразднил местное самоуправление и присоединил город к Литве.

Таким образом, «западничество», давно бытовавшее у русичей, привилось и у татар. Оно проникло в Степь по «экономическим каналам» — через итальянцев, а политически — через литовцев. Единственным сознательным противником Запада была Московская митрополия, управлявшая в то время Русью. Это делало Москву естественным противником Мамая и соответственно сторонником ханов Синей Орды — Чингисидов. Такова была расстановка сил перед Куликовской битвой.

XXIX. Синяя орда (Приближение второе — уровень этноса)

194. Мамай и Тохтамыш

В том, что Мамай был храбрым полководцем, способным администратором и искусным политиком, никаких сомнений нет. С Тохтамышем сложнее. Можно рассматривать его как последнего паладина степной культуры, а можно считать его жалким эпигоном, ничтожным потомком великих предков. Обе оценки представляются несостоятельными. Личное мужество Тохтамыша вне всяких сомнений, но ум государственного деятеля и талант военачальника, видимо, не соответствовали той ноше, которую он на себя взвалил. Если же мы учтем, что оба вождя татар были разбиты и

[1096] См.: Шабульдо Ф.М. Указ. соч. С. 66 (разобраны расхождения в датировках).

[1097] Там же. С. 60—62.

погибли, то очевидно, что постановка проблемы некорректна.

Попробуем вместо оценок дать описание этнических систем, во главе которых стояли Мамай и Тохтамыш, ведь окружение правителя не может не влиять на его соображения и поступки, а только последние известны и достоверны.

В царстве Мамая обитали потомки половцев, алан, ясов, касогов, крымские готы и евреи, а союзниками его были литовцы и генуэзцы; сам же он был по происхождению монгол. Вот типичная химера, богатая за счет местных ресурсов и международной торговли, многолюдная и управлявшаяся талантливым полководцем и дипломатом Мамаем. Но природный закон этногенеза был против державы Мамая, так как системные связи в его державе были искусственны.

Немногочисленные монголы находились в акматической фазе, потомки половцев — в гомеостазе, аланы и крымские готы — в глубокой обскурации, а ясы, касоги, как и итальянцы из Генуи, греки из Константинополя и евреи из Хазарии, были связаны с державой Мамая не органично, а административно. Итак, держава Мамая была не продолжением улуса Чингисова, а его антиподом — организованным государством, опиравшимся на аборигенов.

Победа Тохтамыша над Урус-ханом была не случайна. Так же как Мамай опирался на западный мир, получая от генуэзских негоциантов помощь деньгами и воинами, Тохтамыш нашел поддержку у Тимура — защитника купцов Самарканда и Бухары. Оба союза были неискренни. Экономические и культурные контакты разъедали степное натуральное хозяйство, быт и политическую систему «монголосферы», как ледяную глыбу одинаково уничтожают солнечные лучи и теплые дожди. Контакты на суперэтническом уровне действуют одинаково, как тепловые перепады в термодинамике.

Простодушные кочевники верили своим ханам, а ханы нуждались в толковых эмирах; те же были связаны с городским населением торговых городов и за 100 лет стали искренними мусульманами и, значит, врагами Чингисидов. Наиболее талантливым оказался Тимур, которому удалось победить Ак-Орду (Белую Орду) и Могулистан, но сибирская Синяя орда осталась вне его влияния, чему способствовали ее географическое положение и система хозяйства, консервировавшие местные традиции.

Синяя Орда не имела определенных, четких границ с иными этносами и культурами. Она была самой отсталой, и, значит, ее энергетический потенциал сохранился, тогда как в Золотой и Белой Ордах он был к концу XIV в. в значительной мере растрачен. До тех пор пока этого не произошло, Золотая, да и Белая Орда имела преимущество над жителями Сибири и Мангышлака. Поэтому последние вели себя тихо, но когда на Волге и на Иртыше пассионарное напряжение спало, то мощь Синей Орды оказалась значительно выше, что выразилось в том, что Тохтамыш смог овладеть левобережьем Волги. Это сделало конфликт с Мамаем неизбежным.

195. Литва и Москва

Ольгерд всю жизнь руководствовался одной целью: объединением Руси под властью Литвы. Противником его был митрополит Алексей, защищавший православие от язычников. От мусульман защищаться было не надо: близкие Руси татары, принявшие ислам, были неагрессивны.

«Первая литовщина» произошла в 1368 г. Ольгерд и Михаил Тверской так разорили Московскую землю, что «такого зла и от татар не бывало».[1098]

Отношения накалились. В 1370 г. митрополит отлучил от церкви Святослава Смоленского; черниговский князь Роман Михайлович, а с ним многие другие южные князья

[1098] ПСРЛ. Т. XV. С. 89—90.

перешли на сторону Москвы.[1099]

Следующим актом войны было литовское вторжение в апреле 1372 г., что повело только к разорению сел. Даже удивительно, что до сих пор никто не сравнил число литовских и татарских набегов! В XIV в. война с Литвой начала принимать национальный характер, даже если раньше ее можно было счесть феодальной. Это показывает, что, помимо личной воли и симпатии правителей, Литва стала втягиваться в западноевропейский суперэтнос.

Этим воспользовался Мамай, вернувший под свою власть в 1375 г. Подолию и Северскую землю,[1100] но уже в 1379 г. Дмитрий Московский одним походом восстановил власть Москвы над Киевом и Черниговом, поставив «в ряд» местных Ольгердовичей.[1101] Мамай ему за это не был благодарен. Впрочем, это было уже не важно: «розмирье» с Мамаем произошло в 1374 г.

Безусловно, на Москве не было единого мнения по поводу ордынских дел. Защита самостоятельности — государственной, идеологической, бытовой и даже творческой — означала войну с агрессивным Западом и союзной с ним этнической химерой Мамая. Именно наличие этого союза придало остроту ситуации. Многие считали, что куда проще было подчиниться Мамаю и платить дань ему, а не ханам в Сарае, пустить на Русь генуэзцев, предоставив им концессии, и в конце концов договориться с папой о восстановлении церковного единства. Тогда был бы установлен долгий и надежный мир. Любопытно, что эту платформу разделяли не только некоторые бояре, но и церковники, например духовник князя Дмитрия Митяй, претендовавший на престол митрополита. Мамай пропустил Митяя через свои владения в Константинополь, чтобы тот получил посвящение от патриарха. Но Митяй в дороге внезапно умер.

Сторонники этой платформы были по складу характера людьми спокойными — разумными обывателями. Им противостояла группа пассионарных патриотов, которых благословил на войну Сергий Радонежский.

Москва занимала географическое положение куда менее выгодное, чем Тверь, Углич или Нижний Новгород, мимо которых шел самый легкий и безопасный путь по Волге. И не накопила Москва таких боевых навыков, как Смоленск или Рязань. И не было в ней столько богатства, как в Новгороде, и таких традиций культуры, как в Ростове и Суздале. Но Москва перехватила инициативу «объединения», потому что именно там скопились страстные, энергичные, неукротимые люди. От них пошли дети и внуки, которые не знали иного отечества, кроме Москвы, потому что их матери и бабушки были русскими. И они стремились не к защите своих прав, которых у них не было, а к получению обязанностей, за несение которых полагалось «государево жалованье». Тем самым они, используя нужду государства в своих услугах, могли защищать свой идеал и не беспокоиться о своих правах, ведь если бы великий князь не заплатил вовремя жалованья, то служилые люди ушли бы добывать кормы, а государь остался бы без помощников и сам бы пострадал.

Эта оригинальная, непривычная для Запада система отношений власти и подчиненных была столь привлекательна, что на Русь стекались и татары, не желавшие принимать ислам под угрозой казни, и литовцы, не симпатизировавшие католицизму, и крещеные половцы, и меряне, и мурома, и даже мордва. Девиц на Москве было много, службу получить было легко, пища стоила дешево, воров и грабителей вывел Иван Калита… Но для того чтобы это скопище людей, живущих в мире и согласии, стало единым этносом, не хватало одной детали — общей исторической судьбы, которая воплощается в коллективном подвиге, в

[1099] См.: Шабульдо Ф.М. Указ. соч. С. 107.

[1100] См. там же. С. 105—106.

[1101] См. там же. С. 115.

свершении, требующем сверхнапряжения. Именно эти деяния знаменуют собой окончание инкубационного периода и начало этапа исторического развития этноса — фазы подъема.

Когда же народу стала ясна цель защиты не просто территории, а принципа, на котором надо было строить быт и этику, мировоззрение и эстетику — короче, все, что ныне называется оригинальным культурным типом, то все, кому это было доступно, взяли оружие и пошли биться с иноверцами: половцами, литовцами, касогами, генуэзцами (чья вера считалась неправославной) — и с отступниками — западными русскими, служившими литвину Ягайло. Только новгородцы уклонились от участия в общерусском деле. Они больше ценили выгодные сделки, контакты с Ганзой, несмотря на то, что немцы не признали новгородцев равноправными членами этой корпорации. Этим поступком Новгород выделил себя из Русской земли и через 100 лет подвергся завоеванию как враждебное государство. Но будем последовательны: Новгород сохранил черты культуры, присущие древнерусским городам, и, подобно им, пал жертвой отработанного близорукого эгоизма. А вокруг Москвы собралась Русь преображенная, способная к подвигам. Благодаря этим качествам Москва устояла против разноплеменных скопищ Мамая и Ягайло.

Отметим принципиальное различие этнической пестроты на Москве и мозаичности державы Мамая. На Москву приходили не этносы, а отдельные люди, «свободные атомы», оторвавшиеся от своих прежних этносов, где хан Узбек покусился на их совесть (веру отцов). Это были мужественные воины, умевшие натягивать длинный лук до уха и рубить саблей от плеча до пояса. Включение их в московское войско сразу выдвинуло его на уровень мировых стандартов, и внуки этих степных удальцов, ставшие благодаря бабушкам и матерям русскими, не забыли боевой выучки отцов и дедов, как показала атака засадного полка. А у Мамая был конгломерат разнообразных этносов, чуждых друг другу, не спаянных ничем, кроме приказов темника. Поэтому одна проигранная битва могла опрокинуть державу Мамая, как карточный домик.

196. Дипломатия и ее возможности

Суперэтнические конфликты сами по себе видны только издалека. Наблюдатель XIV в. видел даже не княжества и орды, а царей и ханов, да и то не непосредственно, а через поступки их бояр, алпаутов, графов и послов. Тем не менее он умел делать первичные обобщения, объясняя поступки правителей советами их приближенных. Так на научном уровне XIV в. объяснялись мотивы катастрофы, постигшей и татар, и русских в 1380 г. Ситуация в это время была действительно острой.

Литва овладела почти всей территорией Древней Руси, а Москва старалась вернуть России захваченные земли. В 1378—1379 гг. московские воеводы завоевали города Трубчевск и Стародуб, а князь Дмитрий Ольгердович Трубчевский не стал оборонять свои города, «но с великим смирением» перешел на сторону Москвы, где был принят «с честью великой и любовью».[1102] Перед этим двоюродный брат Ягайло, Витовт, убежал из тюрьмы к немцам. Трон Ягайло зашатался.

«Нечестивый и гордый князь Волжской Орды Мамай владел всей Ордой. Он уничтожил многих царей и князей и по своей воле оставил себе царя. Но и при этом он не чувствовал уверенности, а ему не доверял никто. И снова многих князей и алпаутов уничтожил он в своей Орде. Наконец и самого царя своего убил, который только именем у него в Орде был царь, а всем владел и все вершил Мамай сам. Ведь он понял, что татары любят своего царя, и побоялся, чтобы тот не отнял у него власть и волю, и потому убил царя и всех верных ему и любящих его».[1103]

[1102] Повесть о Куликовской битве / Под ред. Д.С. Лихачева, пер. О.П. Лихачевой. Л., 1980. С. 9.

[1103] Там же. С. 12.

Не проще было на Руси. Олег Иванович, князь Рязанский, предложил Мамаю покорность (войско Мамая только что ограбило Рязанское княжество) и отправил посла к Ягайло с такими словами: «Радостную весть сообщаю тебе, великий князь Ягайло Литовский! Знаю, что ты давно задумал изгнать московского князя Дмитрия и завладеть Москвой. Пришло теперь наше время: ведь великий царь Мамай идет на него с огромным войском. Присоединимся же к нему».[1104] Ягайло согласился.

Союзники предполагали, что одной военной демонстрации будет достаточно, чтобы Дмитрий сбежал в Новгород или на Двину, а они разделят Русскую землю, захватив без боя Москву и Владимир. Они рассчитали, что ни тверской, ни суздальский князья не пойдут на выручку Дмитрию. Но, не зная теории этногенеза, они забыли про народ.

Западные области Киевской Руси, впавшие в глубокую старость, пусть нехотя, но подчинялись литовским завоевателям, а вот обитатели былой «Залесской Украины», превратившейся в Великороссию, игнорировали взаимные антипатии своих князей. С берегов Верхней Волги пришли рати для защиты православной веры, ибо сознание единства уже вошло в души и сердца благодаря деятельности митрополитов Петра, Феогноста, Алексея и игумена Радонежского — Сергия. Монолитная этническая целостность выступила против химерных образований, подобно тому как за Уралом периферийная Синяя Орда перехватила инициативу у своих поволжских и прииртышских соплеменников. Столкновение произошло не из-за происков дипломатов, а как электрический разряд, который нельзя ни предотвратить, ни приостановить.

197. Столкновение

И вот эти две силы двинулись навстречу друг другу. На помощь Мамаю спешили литовско-русские войска Ягайло, на выручку Дмитрию законный хан Синей Орды Тохтамыш вел предков будущих узбеков и казахов. И все знали, за что они идут в бой.

Силы противников были равны. Союз Тохтамыша с Тимуром был столь же ненадежен, как и союз Мамая с Ягайло: ведь незадолго перед этим Ольгерд завоевал низовья Днестра и Буга, а Тимур нанес удар по кочевникам Могулистана. Воцарение Тохтамыша как союзника Тимура было принято в Белой Орде без восторга. Более того, царевич Араб-шах в 1376 г. увел большой отряд за Волгу и подчинился Мамаю. Обоим претендентам на престол нужны были союзники. Но поиски их — дело сложное.

В 1371 г. Мамай встретился с юным московским князем Дмитрием и вручил ему ярлык на великое княжение. Затем, в 1372—1373 гг. москвичи и татары комбинированным ударом опустошили Рязанскую землю. Но уже в 1374 г. союз был разрушен ловким архиепископом Дионисием Суздальским.

Трудно сказать, что толкнуло владыку Дионисия на гостеубийство. Был ли здесь политический или просто личный расчет или какая-нибудь внутрицерковная интрига? Но так или иначе, война была спровоцирована, и события покатились как лавина.

Мамай ответил ударом на удар. В 1377 г. Араб-шах напал на Русь, разбил на р. Пьяне не готовый к битве русский отряд, взял Нижний Новгород и сжег его. Но другое войско Мамая, под командой мурзы Бегича, в 1378 г. было наголову разбито Дмитрием Московским на р. Воже. Тем самым определилась позиция Москвы: она стала союзником хана Тохтамыша, вероятно, не из-за его достоинств, а вследствие «силы вещей», или логики событий.

Судьбу войны в 1380 г. более чем когда-либо определяла согласованность маневров. В мае 1380 г. Ягайло заключил мирный договор с орденом, чтобы освободить все свои войска для похода на Дон. Этим договором он предавал Кейстута, героически оборонявшего

[1104] Там же. С. 26.

Жмудь.[1105] Но идти ему пришлось через Киев, Чернигов и Северскую землю, за год до этого освобожденные московским князем Дмитрием и от татар, и от литовцев. Сопротивление населения этих земель задержало продвижение литовского войска.[1106] Оно опоздало на один переход… и это спасло Русь.

Дальнейшее известно. На Куликовом поле российская доблесть сокрушила разноплеменное войско Мамая. Спаслись только те, у кого были быстроногие и неуставшие кони (однако их, видимо, было немало, потому что в начале 1381 г. Мамай опять стоял во главе сильного войска и пытался остановить наступление Тохтамыша, перешедшего Волгу скорее всего по льду).

Русское войско понесло огромные потери, особенно ранеными. Их везли домой на телегах, а свежие литовские ратники (киевляне и белорусы) и рязанцы преследовали отставшие обозы, грабили их и добивали беззащитных раненых.[1107] Ожесточение росло, что указывает на невозможность русско-литовской унии, о которой мечтали Ольгерд и Кейстут. Этногенез — стихия, бороться с которой люди не научились.

В Литве отнюдь не все одобрили расправы, допущенные Ягайло. Кейстут, последовательный противник немцев, опираясь на русских, в 1381 г. отстранил от власти своего племянника и заключил союз с Москвой. Однако Ягайло, вернувший Литве Северскую землю, посадил в Новгород-Северском своего сторонника Дмитрия Корибута. Кейстут двинул на него войско, но оно не достигло цели. Вскоре Ягайло убил своего дядю и посадил в тюрьму своего двоюродного брата Витовта.[1108]

Витовта спасла храбрая литвинка, носившая ему пищу. Она позволила принцу переодеться в ее платье и бежать, за что заплатила жизнью.

Эта романтическая новелла говорит о многом. Известно, что в Литве имелась сильная русофильская партия, стремившаяся к объединению Литвы и Руси на почве православия. Московское правительство готово было пойти на сближение, но ставило условием подчинение государю московскому, что казалось для литовцев обидным. Поэтому одолела полонофильская партия, оформившая брак польской королевы Ядвиги с Ягайло в 1336 г.

То, что королем Польши стал малограмотный литвин, польских магнатов не смущало. Они великолепно понимали, что в их стране король должен подчиняться шляхте, а не наоборот. Зато католическая церковь приобрела большую и важную епархию, а граница романо-германского суперэтноса сдвинулась с Вислы на Днепр. Католическая Европа продвинулась на восток, а Россия отступила. Восстание князя Андрея Полоцкого в 1386—1387 гг. было разгромлено.[1109]

Скорее всего Мамай, ускакавший с Куликова поля, был расстроен не больше, чем Наполеон, переправившийся через Березину. Потери были большие, но погибли наемники, навербованные на генуэзские, т. е. чужие, деньги. Своя орда была цела. Надо было только дождаться, чтобы литовцы скинули Кейстута и вернули Ягайло, чтобы начать войну сначала. Надежда на успех была: ведь Москва потеряла много лучших бойцов, значит — ослабела.

Но тут началось непредвиденное. Когда Мамай встретил Тохтамыша на берегу Калки (близ совр. Мариуполя), его воины сошли с коней и принесли присягу законному хану

[1105] См.: Шабульдо Ф.М. Указ. соч. С. 134.

[1106] См. там же. С. 129.

[1107] См.: Бегунов Ю.К. Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище» // Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966. С. 506—509; Экземплярский А.В. Указ. соч. Т. II. С. 586—587.

[1108] См.: Шабульдо Ф.М. Указ. соч. С. 132.

[1109] См. там же.

Чингисиду.[1110] Они не схватили и не выдали своего вождя, что, по их воззрениям, было бы предательством. Они позволили ему уехать в Крым, где Мамая прикончили его союзники — генуэзцы, просвещенные итальянцы, полагавшие, что с диким татарином можно не считаться.

Сын Мамая, Мансур, избрал другой путь спасения. Он убежал в Литву, был там принят и жил на южной окраине, не теряя связи со Степью и своими родственниками. Его потомков ждала роскошная судьба: мало того, что они стали князьями, одному из них, по имени Иван, была суждена не только царская корона, но и долгая, хотя и недобрая память.

А для Тохтамыша эта бескровная победа оказалась его звездным часом. Он объединил улус Джучиев, правда, всего на 18 лет; в дальнейшем он не проявлял особых талантов, но сохранил популярность в своем народе до конца жизни, как Людовик XIV или королева Виктория. И не будь особых обстоятельств, может быть, он кончил бы жизнь на престоле, ибо посредственный хан любезен большинству подданных; но когда наплывает беда, посредственность порождает катастрофу.

198. Мерзавцы

«Великая замятня» 1359—1381 гг. показала, что наиболее лояльным к Золотой Орде и династии был Русский улус. Это неожиданно, но объяснимо. Камские болгары, мордва, хазары Волжской дельты, заволжские ногайцы и куманы степного Крыма, обретая свободу, не теряли ничего, так как никто из соседей им не угрожал. А великое княжество Владимирское, со столицей в Москве, граничило с воинственной Литвой, держалось за союз с Ордой, которая была противовесом Литве. Стоило любому русскому княжеству отказаться от союза с татарами — оно немедленно становилось добычей литовцев или поляков, как, например, Галиция в 1339 г. Поэтому 20 лет «великой замятни» воспринимались в Москве весьма болезненно. Терять союзника всегда неприятно, но случилось еще более страшное…

Военно-монашеский облик, приобретенный Москвой за время правления митрополита Алексея, нравился не всем. Богатые купеческие города на Волге — Тверь, Ярославль, Углич, Городец и особенно Нижний Новгород — предпочитали другую модель социального устройства, которая более походила бы на веселую, обильную старину.[1111] Они были богаты и могли позволить себе выбирать князей по своему вкусу. Их симпатии были на стороне суздальских князей потому уже, что те были соперниками Москвы. Дмитрий Константинович Суздальский даже воевал с Москвой в 1364 г., но уступил великое княжение и скрепил мир браком своей дочери и юного князя московского Дмитрия. Мятежные нижегородцы были принуждены к покорности не московской ратью, а Сергием Радонежским, который в 1365 г. отлучил нижегородцев от церкви и закрыл храмы, после чего мятеж утих. Но по смерти Дмитрия Константиновича его брат Борис использовал настроение умов для того, чтобы отложиться от Москвы. Разумеется, он был свергнут своими племянниками, Василием и Семеном, получившими поддержку Москвы, но оба брата вынуждены были считаться с симпатиями своих подданных, а те требовали разрыва с Москвой. Князья, превратившиеся в кондотьеров,[1112] были вынуждены искать способ угодить гражданам и не потерять голову. И они этот способ нашли, ибо им улыбнулась историческая судьба.

После Куликовской битвы, в которой участвовали тверские и суздальские ратники, но

[1110] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 141.

[1111] См.: Комарович В.Л. Китежская легенда. М.; Л., 1936. С. 83 и след.

[1112] См. там же. С. 84.

не князья,[1113] московское правительство, не теряя времени, пригласило в Москву митрополита киевского Киприана, тем самым ограничив влияние языческого князя Ягайло, потому что его православные подданные в делах веры стали подчиняться Москве. Это тонкое и умное деяние суздальские князья представили хану Тохтамышу как сговор Москвы с Литвой, союзницей его врага — Мамая.[1114]

Умный и образованный политик без труда усмотрел бы в таком примитивном доносе провокацию, но Тохтамыш был простодушный и доверчивый сибиряк, и потому навет имел успех. Впрочем, ради правдоподобия в доносе был упомянут и Олег Рязанский, который, спасая свою землю, не присоединился к противникам Мамая. Его тоже обвинили в симпатиях к Литве и тем обрекли уцелевших рязанцев на гибель, хотя они были противниками Москвы.

Тохтамыш поверил всему, несмотря на очевидную нелепость доноса. Он привык сражаться, а не размышлять, а среди его окружения уже не было опытных и разумных эмиров, погибших во время «замятни». Поэтому он поднял войско на коней, переправился через Волгу, конфисковал купеческие корабли, так как купцы могли подать весть на Русь, взял с собой суздальских князей в проводники и двинулся в набег «изгоном», т. е. на рысях и без обоза, обогнул с юга Рязанскую землю и вышел к Оке, где Олег якобы указал ему броды. 12 августа 1382 г. татарские войска подошли к ничего не подозревавшей Москве. Вот что могут сотворить сила лжи и охота к человекоубийству.

199. Слабость духа

Далее события пошли быстро и трагично. Великий князь уехал в Переяславль, а оттуда в Кострому «собирать войска». В Москве он оставил за себя митрополита Киприана, поручив ему город и всю свою семью. По-видимому, князь был уверен в том, что каменная крепость, снабженная всеми новинками тогдашней военной техники, неприступна для легкой конницы. В Москве уже были дальнобойные самострелы (арбалеты) и «тюфяки»[1115] — огнестрельное оружие, пригодное для отражения противника, лезущего на крепостную стену. Достаточны были и запасы пищи. Не хватало одного — силы воинского духа, потому что герои Куликова поля отдыхали в своих родных деревнях, а в столице жили немногие придворные с многочисленной дворней и ремесленники московского посада. Эта масса была отнюдь не пригодна к военным операциям и понятия не имела о воинской дисциплине. Зато склонность к грабежу и самоуправству, а равно и полная безответственность доминировали в их убогом сознании, как всегда бывает у субпассионариев.

Вместо того чтобы организовать оборону стен, «гражданские люди возмятошася и всколебашася, яко пьяны, и сотвориша вече, позвониша во все колоколы, и весташа вечем народы мятежники, недобрые человеки, люди крамольники: хотящих изойти из града не токмо не пущаху, но и грабляху… ставши на всех воротах городских, сверху камением шибаху, а внизу, на земле, с рогатинами и сулицами и с обнаженным оружием стояху, не пущающие вылезти вон из града».[1116] К этому надо добавить, что все эти «защитники»

[1113] См.: Экземплярский А.В. Указ. соч. Т. II. С. 415.

[1114] См. там же. С. 588, со ссылкой на В. Татищева.

[1115] «Тюфяк» — от персидского слова «тупанг» (трубка) — железный ствол, запаянный с казенной части; заряжался с дула пороховым зарядом, который был запыжен осколками железа. Содержал до пяти зарядов, сквозь которые был пропущен фитиль, поджигаемый с дула и стрелявший последовательно 5 раз, как картечь. Дальность поражения была мала, но для ближнего боя достаточна. «Тюфяк» был вытеснен пушкой (гарматой) в 1389 г.

[1116] Цит. по: Покровский М.Н. Указ. соч. Т. I. С. 177.

Москвы были пьяны, ибо разгромили боярские подвалы, где хранились бочки с медами и пивом.

Но при этом московские люди были непоследовательны. Они выпустили из города владыку Киприана и великую княгиню… после того как разграбили их багаж. Очевидно, татары не осаждали и даже не блокировали Москву, взять же столицу им было не по силам. Их разъезды кружили вокруг Москвы и грабили окрестные деревни. А тем временем бояре собирали ветеранов и готовились к отражению врага. Под копытами татарских коней стала гореть земля.

И тут снова инициативу взяли в свои руки суздальские князья. Они вступили в переговоры с москвичами, предложили им почетный мир при условии, что они впустят в крепость татарское посольство. Верить заведомым предателям было сверхглупо, но что понимает пьяная толпа?! Ворота отперли, не обеспечив их защиты; татарские послы въехали в город, а за ними ввалилось их войско, и началась резня. При последующем подсчете оказалось, что убито 24 тыс. москвичей[1117] и сгорела церковь, доверху набитая древними рукописями.

Чтобы прокормить свое войско, Тохтамыш рассеял его по всей территории княжества, запретив лишь вступать на Тверскую землю. Поэтому в Тверь устремились толпы беглецов, оборванных и голодных. Но герой Куликовской битвы Владимир Андреевич Храбрый с наскоро собранным отрядом разбил группу татарских грабителей. Этого было достаточно для того, чтобы Тохтамыш спешно покинул пределы Великороссии. Обратный путь его прошел через Рязань, которая вновь испытала ужас насилия свирепой голодной солдатни.

Теперь спросим себя: кто выиграл от этой безумной эскапады или, точнее, кому она была нужна? Это вопрос настолько существенный и для русской, и для татарской истории, что ему следует посвятить особый раздел и, отойдя от традиционного исторического повествования, изложить проблему в виде анализа соотношения суперэтнических целостностей и идеологических систем, бытовавших тогда в форме вероисповеданий.

Но и исповедание — недостаточный индикатор. В XIV в. католики — англичане и французы — резали друг друга безжалостно. Мусульмане — Тимур и Баязид — сражались друг с другом насмерть. Православные рязанцы «пограбили и поймали» отступавших московитян,[1118] а киевляне и белорусы из войска Ягайло настигали обозы с ранеными на Куликовом поле и добивали беззащитных.

Нет, надо не останавливать исследование, а искать причины этих явлений в нюансах этногенеза: сочетании фаз и этнопсихологических доминантах. А для этого необходимо спуститься еще на одну ступень — на субэтнический уровень, где особенно ярко проявляется роль отдельных личностей.

XXX. Неизбежность расплаты (Приближение третье — уровень субэтноса)

200. Социум и этнос в 1382 г

Издавна бытует мнение, что набег Тохтамыша был вызван стремлением Дмитрия Донского освободить Русскую землю от татарского ига, чему якобы предусмотрительный Тохтамыш воспрепятствовал. Кто был автором этой версии, теперь сказать трудно, да, пожалуй, уже и не нужно: ее столько раз повторяли, что все историки в нее поверили.

[1117] Там же. Указ. соч. Т. I. С. 176.

[1118] См.: Экземплярский А.В. Указ. соч. Т. II. С. 586—587.

Если Дмитрий действительно хотел избавиться от татар, то зачем ему было подавлять мятежника Мамая? Было бы целесообразно оставить его наедине с Тохтамышем и позволить им ослабить друг друга.

Затем, готовя отложение от Орды, ему следовало держать войско наготове, а не распускать на кормление по деревням, не мешало бы снабдить столицу гарнизоном, да и разведку надо бы мобилизовать. Но ведь ничего этого сделано не было, наоборот, в Москве царило благодушие, и нападение было полной неожиданностью.

А если бы Дмитрий Донской действительно собрался изменить Тохтамышу, то действия последнего были бы морально оправданны. Заслужил ли хан Синей Орды венок миротворца, предотвратившего неизбежную войну, выгодную только Литве? Еще можно допустить, что хана использовали враги Москвы, но и в этом случае ответственность с него не снимается. Надо соображать, кто друг и союзник, а кто интриган. Прежние ханы это умели, и поступки их были мотивированны.

Наконец, от кого бежали митрополит и княгиня с детьми? Оказывается, от своих сограждан, которые их перед отъездом ограбили и оскорбили. Это уже не этническая коллизия, а социальная трагедия, которую ни Дмитрий, ни Тохтамыш предусмотреть не могли.

В то время Москва была третьим (после Новгорода и Пскова) городом России. Из разросшейся княжеской усадьбы она превратилась в торгово-ремесленный центр. Но наиболее активной частью населения в ней были княжеские и боярские холопы.

В феодальном обществе холопы столь же необходимы, как и их господа. Они составляют единую систему. Не все холопы работали до изнурения и носили отрепья. Многие ездили за боярином в роскошных кафтанах, на аргамаках, с саблями и бердышами. Неволя для них была способом пропитания, и очень неплохим. Не хуже жилось и дворне — те ели ту же пищу, что и бояре, а их дочери донашивали сарафаны боярышень. Но купленные друзья всегда ненадежны, и принудительное сожительство тягостно. Обиды, неизбежные в быту, накапливались и ждали выхода, который вдруг объявился.

С приходом татар, в отсутствие бояр, социальная система упростилась. Холопы получили доступ к заветным винам и стоялым медам, соблазнились сами и поделились с мастеровыми Хамовников, Бронных, Хлебных и Скатертных переулков. Фактическая власть в городе перешла в руки пьяной толпы. Но, к сожалению, эти новые хозяева Москвы были не искушены в военном деле и в дипломатии, а ведь то и другое требует профессиональных навыков. Вот и результат: сгоревший город и 24 тыс. трупов, тогда как при наличии боевых командиров легко было отстоять Москву и отогнать татар.

Не всякое социальное движение дает положительный результат, и не всегда оно уместно. Но предусмотреть, а тем более предотвратить его бывает невозможно. Так возникают зигзаги истории, погашаемые статистической закономерностью этногенеза.

201. Сила и слабость татарского хана

В отличие от аристократических королевств Западной Европы и бюрократических империй Китая степные улусы существовали как военные демократии. Хан избирался на курултае, и власть его была пропорциональна его популярности. По сути дела, хан был не царем, а пожизненным президентом, с той лишь разницей, что он не переизбирался, ибо уступить престол мог только вместе с жизнью. Так осуществлялась ответственность власти перед обществом.

Окружавшие хана беки имели более надежную опору в своих дружинах. Нукеры, буквально «товарищи» (ср. с французским les comptes), верно служили уважаемому ими начальнику. По сути дела, каждая дружина была маленькой консорцией. Хан пользовался тем, что беки, которых в Средней Азии называли эмирами, постоянно соперничали друг с другом и предпочитали иметь малосильного правителя, иногда даже фиктивного. Так, Тимур, уже сосредоточив в своих руках фактическую власть, держал при себе хана из

потомков Джагатая, хранителя Ясы.

В этом-то и крылось принципиальное различие между древним и новым порядком. Чингис сумел использовать пассионарную элиту для объединения всего монгольского народа в единую сложную систему: ведь «люди длинной воли» были родственниками аратов, служивших под их знаменами. Это было возможно при высоком пассионарном напряжении, в фазе подъема, когда каждый член системы исполнял свою функцию и рисковал жизнью за общее дело. Но за 200 лет количество пассионариев в улусе Джучиевом сократилось, а субпассионарии в мирных условиях размножались; они стали диктовать свой стиль поведения и бекам, и самому хану, а противопоставить им было нечего.

Бедный Тохтамыш! Сев на престол Золотой Орды, он оказался на должности выше уровня его компетентности. При этом он не представлял себе всех трудностей, с которыми было связано управление полиэтничной страной, и не отдавал себе отчета в том, что ему грозит и что ему необходимо для спасения. Тохтамыш полагал, что, став во главе огромного улуса, он уже проявил талант правителя, хотя на престол его привели стечение обстоятельств и поддержка Тимура, врага его соплеменников. Победа над Мамаем им не была одержана потому, что битвы не было, да она и не нужна была, так как Мамай лишился войска, покинувшего мятежника ради законного хана, традиции Чингиса и Чингисидов. Свою личную отвагу и стойкость Тохтамыш счел достаточным для того, чтобы царствовать в чужих странах, в Поволжье и на Иртыше, и принимать решения, не обдумывая их. Вследствие этого он стал игрушкой в руках своих беков, которые были не умнее его и столь же необразованны. Большая часть их была не мусульмане, а язычники, и трудно сказать, был ли мусульманином сам Тохтамыш. Это важно не потому, что вера меняет характер человека, чего иногда и не случается, а потому, что приобщение к той или иной культуре расширяет кругозор правителя и помогает ему в решении политических задач, особенно тех, о существовании коих он ранее даже не подозревал. Короче говоря, Тохтамышу крайне навредил его воинствующий провинциализм, вследствие которого он, выйдя за пределы Западной Сибири, наделал столько глупостей, что в конце концов потерял и власть, и жизнь.

Вспомним, как осторожно вели себя по отношению к Руси ханы Золотой Орды. Сын Батыя Сартак побратался с Александром Невским и в 1252 г. обеспечил ему великое княжение Владимирское; в 1269 г. внук Батыя Менгу-Тимур прислал в Новгород войско для отражения ливонских рыцарей, причем одной военной демонстрации было достаточно для заключения мира «по всей воле новгородской». Тохта дружил с Михаилом Ярославичем Тверским, Узбек — с Иваном Даниловичем Московским, а Джанибек и его мать Тайдула покровительствовали митрополиту Алексею.

Во время «великой замятни» Русь легко могла оторваться от Золотой Орды, но даже попытки к тому не сделала. В 1371 г. Мамай при личном свидании выдал Дмитрию Московскому ярлык на великое княжение, а через два года опустошил владения Олега Рязанского, противника Москвы. Казалось, что союз крепок, так как он был основан на взаимовыгодной обороне от набирающей силу агрессивной Литвы. Ни Тверь, ни Рязань не имели сил для того, чтобы нарушить русскую системную целостность, но Суздальско-Нижегородское княжество, опиравшееся на купеческие города на Волге, сопротивлялось политической линии Москвы. Именно архиепископ суздальский Дионисий спровоцировал русско-татарский конфликт в 1374 г. Он не пожалел даже нижегородцев, ибо не мог рассчитывать на то, что за предательство не последует карательный поход татар, а тогда жертвами станут его прихожане. Это в 1377 г. и толкнуло русских на союз с Тохтамышем и на страшное побоище на Куликовом поле, очистившее хану Синей Орды дорогу на престол Сарая.

Социальное развитие в азиатской части улуса Джучиева шло особым путем. Впрочем, назвать жизнь в Белой и Синей Орде «развитием» можно только условно. Монгольская «капля» в кыпчакском «море» растворилась почти без следа. Осталась только династия, которая была принята населением без сопротивления, так как забайкальские и сибирские кочевники не видели друг в друге чужаков. Быт, одежда, нравы и демонология, игравшая

роль религии, у тех и других были сходны, пассионарность этой смеси была невысока, но уровни напряжения, близкие к гомеостазу, наиболее устойчивы.

Традиция подсказывала сибирским кочевникам задачу сохранения границ своего улуса и неприятие чуждых культур, в том числе мусульманской, которую ввел хан Узбек в 1312 г. в угоду горожанам купеческого Поволжья, но мусульманские обычаи в Степи соблюдались крайне вяло.

202. Друзья и враги синей орды

Существует, и весьма распространено, мнение, что расширение какого-либо государства связано с его экономическим или социальным подъемом. Однако часто бывает, что причина расширения — в ослаблении соседей этого государства, тогда как само оно находится в состоянии этнического гомеостаза и социальной стабильности. В обоих случаях соотношение сил меняется одинаково, и не абсолютные величины, а именно их соотношение определяет успехи или неудачи в длительных войнах как характерных проявлениях этнических и особенно суперэтнических контактов.

Синяя Орда была слабой державой с редким населением и экстенсивным хозяйством. Сто лет она существовала благополучно, будучи прикрыта с запада Золотой Ордой, а с востока — Белой. Когда же обе эти державы истратили запас пассионарности, переданный им монгольскими каанами, то Синяя Орда оказалась наименее слабой и овладела Поволжьем и берегами Иртыша. Но даже при этом Тохтамыш был вынужден прибегнуть к помощи Тимура и князя Дмитрия, которым он должен бы быть благодарен. Но обстоятельства вынудили его к другому: ради союза с суздальско-нижегородскими князьями он совершил легкомысленный набег на Москву в 1382 г., а затем в 1383 г. овладел Хорезмом только для того, чтобы тут же его потерять. Зато он приобрел разочарованного вассала в Москве и неумолимого врага в Кеше (Шахрисябзе) — эмира Тимура, уже ставшего правителем Джагатайского улуса.

Как ни странно, в 80-х годах XIV в. в Азии воскресла политическая коллизия XIII в. Против Монгольского улуса почти одновременно выступили Китай, обновленный династией Мин, и идейный наследник Хорезмийского султаната — Тимур. Но противники их, Тоглук-Тэмур в Монголии и Тохтамыш в Сибири, были эпигонами Чингисхана и его соратников. Несмотря на личную храбрость обоих ханов, беков и нухуров, их этносы не обладали тем высоким пассионарным напряжением, которое позволило монголам XIII в. не только отстоять свою жизнь и свободу, но и одержать победы, удивившие мир. Лучшие потомки «людей длинной воли» погибли в междоусобной войне 1259—1304 гг., а уцелевшие перестали быть степняками. Они предпочли древней традиции обаяние высокой мусульманской культуры и оплодотворили ее, пожертвовав собой в борьбе со своими собратьями, которые уже казались им «отсталыми» и «дикими». Именно это отчуждение позволило потомкам монголов объединиться с тюрками и таджиками, хотя создание такой химеры стоило всему Ближнему Востоку много крови. Тем не менее регенерация суперэтноса была осуществлена, и роскошная культура Тимуридов просуществовала в Средней Азии до XVI в., а в Индии — до XVIII в.

Неотвращенная, да и неотвратимая, война, начавшись в 1383 г., тянулась 15 лет. Тохтамыш после поражения пропал без вести. Тимур надорвался и вскоре умер. Воины обеих сторон проявили подлинный героизм, превзойдя мужеством литовских, польских и немецких рыцарей, с коими столкнулись в 1399 г. А выиграла в этой резне… Русь, получившая возможность превратиться в Россию.

А могли ли события пойти по-иному? Могла ли Синяя Орда устоять против ветеранов Тимура и уберечь своих жен и детей от горькой неволи на чужбине? Такие вопросы ставить не принято, ну а все-таки: что было бы?

Надо полагать, что исход войны не был предрешен. Тохтамышу не хватило верных союзников, которые были, но которых он оттолкнул от себя. Ну зачем ему было требовать

наследника московского престола Василия Дмитриевича в заложники в 1383 г., сразу после разгрома Москвы?

По крупному счету Литва была естественным противником и Руси, и Орды. Ягайло в 1380 г. шел на поддержку Мамая, а в 1381 г. предательски убил своего дядю Кейстута и бросил в тюрьму своего двоюродного брата Витовта. Витовт сумел убежать, переодевшись в женское платье, чем обрек на мучительную смерть спасшую его девушку. Достойны ли доверия такие люди? А в 1391 г. Тохтамыш искал в Литве укрытия и помощи. И то же он повторил в 1399 г. Ну разве могли православные русичи ему доверять?

Впрочем, у Тохтамыша была своя партия на Руси. Это были суздальские князья, набиравшие дружины на деньги нижегородских купцов, которым был дорог торговый путь по Волге, а не Русская земля. Эти не успели предать хана, так как раньше были преданы своими боярами. Нет, если общий ход этногенеза запрограммирован, то это не значит, что правитель может быть глупым и безответственным. Пусть из-за ошибок возникают только зигзаги, современникам событий от этого не легче.

203. Пассионарный перегрев и совесть

Победа над Мамаем одинаково возвысила Дмитрия и Тохтамыша, но не суздальских князей Василия, Семена и их дядю Бориса Константиновича, а следовательно, и не их окружение — богатых поволжских купцов, весьма умных и энергичных. Недаром такой тонкий исследователь, как В.Л. Комарович, называл суздальско-нижегородских князей «русские Медичи» и «кондотьеры».[1119] Военно-монашеская Москва была им ненавистна, и социальные противоречия сплелись с субэтническими, что немедленно повлекло за собой политические акции.

Подробности политической интриги не попали, да и не могли попасть, в летописи, иначе интрига не была бы тайной, а следовательно, не достигла бы успеха. Но логика событий говорит сама за себя. Татаро-московский конфликт был снова спровоцирован, причем хитрые нижегородцы использовали доверчивость Тохтамыша. Набег на Москву удался исключительно благодаря фактору внезапности и неподготовленности Дмитрия Донского к удару со стороны естественного союзника, которому самому война была невыгодна. Известно лишь, что суздальцы обвинили Дмитрия и Олега в тайных сношениях с Литвой, но что это была ложь, Тохтамыш не понял. Кто виновник провокации? Архиепископ или князья — неясно; возможно, они все. Повторение трагедии 1374 г. (убийство послов по наущению Дионисия) в 1382 г. (обман москвичей суздальцами) настолько разительно, что здесь, несомненно, один «почерк».[1120]

Да и цель преступления (ибо провокация с кровавыми жертвами — преступление) очевидна. Борис Константинович вокняжился в Нижнем Новгороде, стал приближенным хана Тохтамыша и даже получил от него ярлык на великое княжение, а Дионисий Суздальский в 1383 г., использовав опалу митрополита Киприана, отправился в Константинополь и был посвящен в митрополиты. Слишком удачная поездка его погубила, ибо это было искушение властью.

Дионисий поехал домой не обычным путем — через Азовское море и Дон, а через Днепр и соответственно остановился в Киеве. Там он был арестован литовским князем, наместником Витовта, посажен в тюрьму… откуда не вышел. Что его заставило изменить маршрут? Очевидно, на Дону его подстерегала большая опасность, о которой он знал. Это могли быть родственники Сарайки, посла, погубленного Дионисием в Нижнем Новгороде. За девять лет память об этом событии не умерла, а Дионисий знал, что татары предательства не

[1119] Комарович В.Л. Указ. соч. С. 84.

[1120] См.: Экземплярский А.В. Указ. соч. Т. II. С. 416—419.

прощают. Поэтому он рискнул… и проиграл, ибо литовцы руководились не эмоциями, а государственной необходимостью.[1121] Так все вернулось к исходному положению. В Литве правил церковью выгнанный из Москвы Киприан, в Москву вернулся из Чухломы Пимен, а фактическим церковным авторитетом был скромный монах Сергий Радонежский. И события потекли по своему руслу, смывая кровавый зигзаг истории.

Но если перейти с персонального уровня на популяционный, то напрашивается очень любопытный вывод. Население Русской земли в последние годы жизни Дмитрия Донского еще не представляло собой этнической целостности. А ведь Куликовская битва уже была в прошлом. Наоборот, русские люди, от князей до холопов, искали себе друзей и помощников на стороне, норовя заключить союз то с татарами, то с литовцами, то с поляками, то с немцами и шведами. Да и внутренние войны носили характер безжалостных расправ. Московские войска не раз «положили Рязанскую землю пусту», а каково ее было потом восстанавливать?! В Смоленске шла борьба партий: одну поддерживал Витовт, а другую — Олег Рязанский; побежденным пощады не давали. Тверь была зажата в тиски и уже не претендовала на самостоятельность, зато Новгородская республика выделилась в независимое государство.

Вся древняя Русская земля стала литовской, но наибольшая опасность для Москвы была в маленьком Суздале и его богатом «пригороде» — Нижнем Новгороде. Распад Золотой Орды, отношения с которой были налажены благодаря митрополиту Алексею и ханше Тайдуле, дал победу Синей Орде, а хан Тохтамыш благоволил к суздальскому князю, хотя не порывал отношений с Москвой. Положение было сверхострым, но судьбы мира сего быстротечны.

Жребий был брошен в 1383 г., когда свое слово сказал «железный хромец» — Тимур.

XXXI. Поединок гигантов

204. Проба сил. Столкновение суперэтносов

Тохтамыш хотел восстановить улус Джучиев в его законных границах. За время «великой замятни» Джучиды утратили в 1357 г. Азербайджан, покинутый Бердибеком, предпочтившим отцеубийство охране границ, и Хорезм, присоединенный в 1371 г. к империи Тимура. Синяя Орда взялась за исправление промахов Золотой Орды.

Вряд ли можно приписывать развязанную войну честолюбию Тохтамыша или его каким-либо несостоятельным расчетам. Как уже говорилось выше, хан должен был считаться с волей своих беков и нухуров, а те хотели, чтобы ими управлял не ставленник Тимур-бека, а независимый хан Чингисид, который бы не принуждал их менять древнюю веру и обычаи, которые были попраны еще в 1312 г. Узбеком. Иными словами, против внедрения мусульманской культуры выступила Сибирь, представленная группой мангутских «талба»,[1122] опиравшихся на «9 туманов, большей частью неверных», «…язычников, безжалостных и злобных, с 12 огланами Джучиева рода, во главе с Бек-Пуладом, с эмирами Иса-беком, Яглы-бием, Казанчи и другими нойонами».[1123]

Поскольку эмоциональность характеристик и оценок принадлежит мусульманским авторам, то нет сомнения, что победа Синей Орды означала отход от политики Узбека и

[1121] Покровитель Дионисия князь Борис Константинович был женат на дочери Ольгерда, но и это не помогло.

[1122] См.: Тизенгаузен. Т. II. С. 109. Слово «талба» оставлено без перевода.

[1123] Там же. С. 151.

Джанибека, опиравшихся на городское население Поволжья, в основном мусульманское. Этот отход означал войну с Тимуром, паладином ислама.

В 1383 г. в Хорезме восстановилась власть Тохтамыша, судя по тому, что стали выпускаться монеты с его именем. Подробности этого важного события, к сожалению, неизвестны, равно как и то, почему Тимур не реагировал на покушение на свою территорию. Это, видимо, вдохновило Тохтамыша на продолжение войны, на этот раз на Кавказе. Зимой 1385 г. татары прошли через Дербент к Тавризу, взяли его и безжалостно разграбили, причем уничтожили мечети и медресе, что уже говорит об их антиисламской настроенности.

Забрав добычу, войска Тохтамыша ушли назад, не пытаясь закрепиться в Закавказье. Победу им принес фактор внезапности, но, когда в 1387 г. татары попытались повторить набег, они были отражены войсками Тимура. Большая часть их успела уйти за Дербент, но многие попали в плен.

К удивлению своих эмиров и позднейших историографов, Тимур оказал пленникам милость (суюргаль). Он «спросил их о здоровье Тохтамыша и, проявив ласку и расположение, сказал: „Между нами права отца и сына. Из-за нескольких дураков почему погибнет столько людей? Следует, чтобы мы соблюдали договор и не будили заснувшую смуту“. Затем он дал тем пленным деньги, одежды и халаты и назначил конвой, чтобы их, отделив от войска, отправить в их государство».[1124]

Надо полагать, что Тимур опасался войны на два фронта. С 1381 по 1387 г. ему приходилось подавлять восстание сарбадаров в Хорасане, Рее, Кухистане и горцев Луристана. Там пленных заживо замуровывали в стены крепостей и складывали минареты из черепов. Оттягивать войска на северную границу было бы несвоевременно. Но логика событий сильнее политики царей.

Великодушие Тимура возымело совсем не то действие, на которое он рассчитывал. Тохтамыш не мог забыть, что только благодаря Тимуру он спасся и получил престол. Поэтому его агрессивность вроде бы должна быть расценена как черная неблагодарность. Однако вспомним, кто его окружал. За 200 лет потомки «людей длинной воли», богатырей, верных хану нойонов, превратились в беков и огланов, своевольных провинциалов с крайне узким политическим кругозором и безудержными эмоциями. Унаследованные ими традиции постепенно деформировались, уровень пассионарности снизился, и осталась лишь память об обидах, которые мусульмане нанесли их предкам в начале XIV в.

Насколько разделял эти настроения хан Тохтамыш — неясно, но даже если у него было собственное мнение, то оно не имело никакого значения в условиях лавинообразного спада пассионарности, достигшей равновесия с инстинктивными импульсами, формируемыми традиционной культурой Великой степи. Сподвижники хана были храбрыми, сильными, выносливыми, даже верными, но способность предвидения они утратили, как и их соседи ойраты — западные монголы, покоренные еще Чингисом, и семиреченские моголы — тюрки, отколовшиеся от Джагатайского улуса вследствие происходивших там беспорядков. Короче, степняки конца XIV в. достигли гармоничности этнопсихологической структуры и были убеждены, что ореол победы всегда будет окружать их бунчуки, каких бы гулямов ни набрал себе Аксак Тимур. Такая наивная самонадеянность характерна для обывательского уровня любой культуры. В данном случае она повела к трагичным последствиям.

205. Поиски друзей

Тохтамыш был отнюдь не глуп. Он правильно расценил характер своего бывшего благодетеля, Тимура, которого историческая закономерность превратила в злейшего врага его улуса. По существу, в 1388 г. повторились события 1225 г., причем Тимур был почти копией Джеляль-ад-Дина, но Тохтамыш отнюдь не походил на Чингиса, равно как и его

[1124] Там же. С. 110.

сподвижники не обладали талантами Джэбэ и Субутая. Но, поняв, что столкновение неизбежно, Тохтамыш постарался обзавестись союзниками.

С 1375 г. Тимур вел постоянную войну с Могулистаном и его эмиром Камар ад-Дином. Война эта заключалась в ежегодных карательных походах, проводившихся ничтожными силами, а потому и не достигавших поставленной Тимуром цели — присоединения к Джагатайскому улусу Тяньшаньского нагорья, между озером Иссык-Куль, Кучей и Кашгаром. Войска Тимура доходили до р. Или и ее притока Чарына, но вызывали только озлобление кочевников, семьи и имущество которых становились добычей безжалостных гулямов. Поэтому Камар ад-Дин заключил военный союз с Тохтамышем, чем обеспечил его левый фланг.

На правом фланге столь же упорная война шла в Хорезмском оазисе, население которого упорно уклонялось от присоединения к культурной державе Тимура, предпочитая контакты с сибирскими кочевниками. Наконец в 1388 г. Ургенч был взят приступом и разрушен, а Хорезмский оазис превращен в провинцию Джагатайского ханства. Это было прямым нарушением воли Чингисхана, завещавшего Хорезм потомкам Джучи. Одно это могло быть достаточным поводом для войны, но Тимур был последовательным врагом кочевнических традиций, так же как Тохтамыш — их паладином. В свете описанной контроверзы личные симпатии ее участников не могли иметь большого значения.

Редкое население южносибирских степей не могло бы противостоять богатой и многолюдной Средней Азии, если бы у улуса Джучидов не было мощного тыла — Великой Руси. К несчастью для Тохтамыша, традиционный союз Руси и Орды был нарушен легкомысленным набегом на Москву в 1382 г. Поэтому с 1385 г. Тохтамыш стал оказывать милость суздальскому князю Борису Константиновичу, несмотря на то, что тот был женат на дочери Ольгерда, врага татар.[1125]

Но дипломатия, не подкрепленная войском, малоэффективна. Москва была сильнее поволжских купеческих городов и быстро восстановила свое преимущественное положение. В 1386 г. Сергий Радонежский добился примирения Олега Рязанского с Дмитрием Донским,[1126] что позволило последнему оказать помощь суздальским князьям Василию и Семену Дмитриевичам, благодаря которой они в 1387 г. выгнали своего дядю — Бориса — из Нижнего Новгорода.[1127] Тому пришлось бежать к Тохтамышу и искать у него защиты.

Время для этой просьбы было крайне неудачным. Тохтамыш собирал войско «из русских, черкесов, булгар, кыпчаков, аланов, (жителей) Крыма с Кафой и м-к-с (мокша)»[1128] для похода на Тимура. В это войско был назначен Борис Константинович. А московское правительство копило силы, делая ставку на подрастающее поколение.

Положение Московского княжества при Синей Орде было куда более трудным, чем во времена Орды Золотой. Тогда русские великие князья — от Александра Невского до Симеона Гордого — пользовались заступничеством ханов и не боялись ни литовцев, ни нашествий с Востока. Поэтому даже во время «великой замятни» они продолжали возить «выход» ханам, надеясь, что порядок восстановится. Суздальская интрига и кровопролитие 1382 г. расшатали политические связи Москвы с Сараем. Тохтамыш знал, что в этом виноват он, и, как всегда бывает, не прощал обиженного им партнера. Вопреки вековой традиции он потребовал в заложники наследника московского престола Василия, но княжич, протомившись в Орде два года (1383—1385), сбежал и через Литву вернулся домой.

1125 См.: Экземплярский А.В. Указ. соч. Т. II. С. 416—417, 419.

1126 См. там же. С. 589.

1127 См. там же. С. 419.

1128 Тизенгаузен. Т. II. С. 156.

Тем временем на Западе произошло событие, изменившее соотношение сил, — уния Литвы с Польшей. Русские подданные Литвы оказались в подчинении у католиков, что повело за собой ряд правовых ограничений. Еще в 1370 г. смоленский князь Святослав подчинился Литве.[1129] Литовская угроза нависла над Москвой. Москве и русской митрополии неоткуда было ждать помощи, ибо Византия, естественный союзник Москвы, сама еле держалась против турок-османов и итальянских купцов.

Казалось, что к моменту кончины Дмитрия Донского у его государства нет никаких шансов выжить, однако Москва не только победила, но и объединила вокруг себя Великую Русь. Как это произошло? Для ответа необходима широкая историческая панорама. Поэтому вернемся на Восток.

206. Обмен ударами

На Востоке информация о событиях расходится быстро. Поэтому Тохтамыш получил сведения о жестокой войне Тимура с персидскими шахами Музаффаридами, владевшими Кирманом и Фарсом. В 1387 г. Тимур подошел к Исфагану, который сдался без кровопролития. Жителям была дана пощада за значительную контрибуцию, для обеспечения которой в городе был оставлен небольшой гарнизон — около 3 тыс. воинов. Однако победители вели себя столь безобразно, что однажды ночью вспыхнуло стихийное восстание и гарнизон был истреблен народом. Разумеется, город был взят и наказан. «По разнарядке» воины Тимура принесли 70 тыс. отрубленных голов, из коих были построены башни в разных кварталах города.

Вслед за Исфаганом был взят Шираз, где Тимур пощадил поэта Хафиза не только за дивные стихи, но и за остроумный ответ,[1130] но до полной победы было далеко, так как правитель Хузистана Шах-Мансур сумел организовать сопротивление захватчику. Как только сведения об этой войне дошли до Тохтамыша, он решил, что настала его пора.

Осенью 1387 г. войско Тохтамыша широким фронтом — от Хорезма до Семиречья, — «бесчисленное, как капли дождя», не встречая сопротивления, докатилось до Амударьи и достигло Термеза. Однако крепостные стены Бухары, Самарканда и Термеза спасли города от разграбления.[1131]

Тем временем весть о внезапном вторжении степного войска дошла до Тимура. Он немедленно прекратил войну с Шах-Мансуром и бросил 30 тыс. всадников[1132] к Самарканду, где доблестно оборонялся Омар-шейх, сын Тимура. Следом за авангардом в Самарканд прибыл сам Тимур во главе войск, оборонявших отдельные крепости, например Карши. Его прибытие вызвало панику среди степняков, которые рассредоточились на столь большом пространстве, что не могли быть организованы для боя. Поэтому они откатились на север.

Тохтамыш стал стягивать силы, но на пути к Ходженту Тимур настиг его, принудил

1129 За это митрополит Алексей отлучил Святослава (см.: Шабульдо Ф.М. Указ. соч. С. 107).

1130 Стихотворение Хафиза: «Если ширазская турчанка понесет руками мое сердце, за ее индийскую родинку я отдам и Самарканд, и Бухару». Взяв Шираз, Тимур велел найти Хафиза и грозно ему сказал: «О несчастный! Я потратил жизнь на возвеличение моих любимых городов — Самарканда и Бухары, а ты хочешь отдать их своей шлюхе за родинку!» Хафиз ответил: «О повелитель правоверных! Из-за такой моей щедрости я и пребываю в такой бедности». Тимур расхохотался, велел дать поэту халат и отпустил его. В Тимуре странным образом сочетались жуткая жестокость с великодушием и храбростью. Деятельность его была такова, что породила очередной зигзаг истории, распрямившийся только через 100 лет.

1131 См.: Тизенгаузен. Т. II. С. 154.

1132 См. там же.

принять бой и нанес ему жестокое поражение. Зима 1388 г. оказалась поворотным пунктом татарского военного счастья.

После того как Тохтамыш отступил за Яик, настала очередь Хорезма (1388) и Могулистана (1389). Хорезм был разрушен, жители его выведены в Самарканд, а пепелище засеяно ячменем. Только через три года Тимур разрешил восстановить этот древний город.

Столь же радикально рассчитались гулямы Тимура с семиреченскими моголами.[1133] Подробностям этой эпопеи стоит уделить внимание.

В 1389 г. Тимур сделал решительное усилие и бросил своих ветеранов на Семиречье. Эти отборные войска перешли Или и Иль-Имиль, обогнув Ала-Куль, достигли Тарбагатая, «сердца» Могулистана.[1134] Продолжая наступление, они дошли до района совр. Кульджи и Чугучака, а авангард достиг Черного Иртыша.

После этого броска тимуровские войска разделились: один отряд двинулся на восток, к озеру Баграш-Куль, и дошел до Турфанского оазиса, другой отряд перевалил отроги Тянь-Шаня и взял Карашар, чем решил не только военную, но и важную политическую проблему.

Среди царевичей Джагатайского дома был молодой Хызр-Ходжа. В момент переворота, учиненного Камар ад-Дином, ему удалось скрыться от убийц из Кашгара в горы Памира, там он пережил тяжелое время, а в 1390 г. вернулся в Восточный Туркестан, в Хотан и Лоб-Нор, где он основал самостоятельное государство, обратив местных уйгуров в ислам. Тимур, не колеблясь ни минуты, напал на этот последний оплот Чингисидов и разбил его. Бедный Хызр-Ходжа бежал в Гоби. Тимур отпраздновал победу в Карашаре и разделил добычу между своими воинами, после чего вернулся в Самарканд.

Но неутомимый Камар ад-Дин собрал верных соратников и освободил Семиречье. В 1390 г. Тимур снова послал против вождя кочевников войско, которое загнало Камар ад-Дина в Горный Алтай, «страну куниц и соболей», и с 1392 г. о Камар ад-Дине больше никто не слышал. Зато вернулся Хызр-Ходжа и при помощи монгольского племени дуклат восстановил погибавшее государство. Вместо возобновления войны Хызр-Ходжа послал свою дочь в гарем Тимура в 1397 г. и спокойно правил в Могулистане до смерти в 1399 г. Тимуру было не до него.

Единственным человеком, сумевшим извлечь пользу из этой неудачной войны, был суздальский князь Борис Константинович. Будучи мобилизован Тохтамышем в 1389 г., он сопровождал хана в походе 30 дней, «и потом царь пощаде его, отпусти его назад от места, нарицаемого Уруктана (?! — *Л.Г.*), и повеле ему дождать себе в Сараи, а сам шел воева…» (Воскресенская летопись).[1135]

Разбитый Тохтамыш, ожидая продолжения войны, искал союзников. Он попытался наладить союз с Египтом,[1136] что было бессмысленно из-за дальности расстояния, и с русским князем Василием Дмитриевичем. Но пока возобновление дружбы с Москвой было в перспективе, хан отдал богатый Нижний Новгород Борису, выгнавшему оттуда своих племянников. Василий Дмитриевич Кирдяпа получил крошечный Городец на берегу Волги, чуть выше Нижнего Новгорода, а Семен оказался вовсе без удела и стал служить татарскому хану ради пропитания.

Василий Дмитриевич в 1390 г. отправился в Орду и купил ярлык на княжество Нижегородское: «Умзди князей царевых, чтоб печаловались о нем царю Тохтамышу. Они же

[1133] См.: Мюллер А. История ислама. Т. III. 1896. С. 319.

[1134] GroussetR. L’Empire… P. 500—503.

[1135] См.: ПСРЛ. Т. 8. СПб., 1859; ср.: Никоновская летопись (ПСРЛ. Т. 11. С. 121); Рогожский летописец (ПСРЛ. Т. 15. Изд. 2. Вып. 1) и Симеоновская летопись (ПСРЛ. Т. 18. под годом).

[1136] См.: Грумм-Гржимайло Г.Е. Джучиды.

взяша много золото и серебро и великие дары, такоже и царь Тохтамыш…»[1137] (Никоновская летопись). Но думал ли Тохтамыш, что этим он подписал гибель своей державы? Видимо, нет!

19 января 1391 г. Тимур решил выступить против Тохтамыша. Тот прислал Тимуру посольство с мирными предложениями, объясняя минувшую войну «несчастной судьбой и советами злых людей».[1138] Если это была правда, что вероятно, то это только подтверждает предположение, что в улусе Джучиевом хан был марионеткой своих нойонов и беков, а эти последние унаследовали традиции отнюдь не «людей длинной воли», а завоеванных ими половцев, причем не пассионарных, а персистентных, пребывавших в гомеостазе. Как таковые, они обладали повышенной эмоциональностью и слабым воображением.

Тимур напомнил послам о благодеяниях, оказанных им Тохтамышу, и его черной неблагодарности, предательских вторжениях в Азербайджан и Среднюю Азию и закончил заявлением, что раз нельзя верить, то необходимо воевать. 21 февраля войско Тимура выступило в поход на север.

Действительно, неустойчивость Синей Орды в отличие от Золотой в соблюдении договоров и обещаний вызывала в соседях ответную неискренность. Князь Борис Суздальский был обманут, ибо, получив ярлык на Нижний Новгород, он тут же был лишен поддержки хана. В Москве не могли забыть резни 1382 г., происшедшей тоже вследствие гнусного обмана. Хотя русские не восстали против Тохтамыша и продолжали оказывать ему содействие,[1139] но делали это столь вяло, что их участие на ходе событий не отразилось. Война потекла по плану Тимура, а он умел продумывать кампании.

207. Вслед за весной

Главная трудность степной войны — это проблема снабжения не столько людей, сколько коней. Чтобы быть боеспособным, каждый воин наступающей армии должен был иметь трех коней — походного, вьючного и боевого, шедшего порожняком. Кроме этого, были обоз с запасом стрел и осадными машинами и личные кони полководцев и их жен. Запасти фураж на всех коней и, главное, везти его с собой было очень трудно. Именно поэтому китайцы эпох Хань и Тан ограничивали свои походы Внутренней Азией, а в Согдиану вторгались, лишь обеспечив склады по маршруту следования армии.

Тимур эту трудность учел и преодолел «путем фенологическим», используя подножный корм. Войско выступило в феврале, когда южная степь уже зазеленела, и продвигалось вместе с весенним теплом на север, находя талую воду в ямах и подкармливая коней свежей травой. Так за четыре месяца войска Тимура без потерь миновали степь между Тоболом и Эмбой. Так как у воинов кончались запасы, то по пути была устроена облава на зверей: оленей, сайгаков и лосей. Мяса добыли больше, чем могли съесть.

Форсировав Яик в его верховьях без помех, войско Тимура дошло до р. Ик (приток Камы). Там Тимур узнал, что Тохтамыш долго не знал о походе и, лишь когда джагатайские войска переправились через Яик (Урал), начал срочно собирать воинов. Численность татар и джагатаев была равна,[1140] но Тохтамыш ожидал подкрепления из Руси.

[1137] Цит. по: Соловьев С.М. История России… Кн. II. Т. IV. С. 660.

[1138] Тизенгаузен. С. 160.

[1139] «Того же лета (1391. — Л.Г.) поиде князь великий Василий Дмитриевич в орду, позван царем» (ПСРЛ. Т. III. 1841 — Новгородская I летопись).

[1140] Тизенгаузен. Т. II. С. 164. Примеч. 2; имеющуюся разноречивость текстов я понимаю так, что с прибытием подкреплений войско Тохтамыша было бы вдвое многочисленнее, чем у Тимура. Но подкрепления опоздали. «Князь Василий Дмитриевич отъехал от царя Тохтамыша за Яик (Ик. — Л.Г.)» (ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1.

Шереф ад-Дин сообщает, что из показаний пленных выяснилась полная неподготовленность Тохтамыша к вторжению Тимура. Татарский хан не мог представить себе, что войско из оседлых городских жителей может пересечь широкую степь и не погибнуть от голода.[1141] Поэтому он отступал, надеясь, что измотанные походом воины Тимура разбредутся в поисках пищи. Благодаря его ошибке Тимур имел время для того, чтобы развернуть свои силы и прижать татар к берегу Волги, форсировав р. Кондурчу (приток Волги) севернее р. Сакмары. 18 июня 1391 г. Тимур опрокинул героически сражавшуюся татарскую конницу и притиснул татар к берегу Волги, переправа через которую в это время года была неосуществима. Тохтамышу как-то удалось убежать, но войско его было разбито, а жены, дети и имущество достались победителям.

Однако вопреки трактовке события Шереф ад-Дином победа Тимуру досталась дорого. Это видно из того, что он не стал развивать успех, не переправился на правый берег Волги, а ограничился собиранием разбежавшихся татарок и скота.

Видимо, резня на Кондурче унесла в мир иной стольких победителей, что уцелевшие были рады увезти добычу на захваченных у местных жителей телегах. Теперь на войско Тимура наступала южносибирская осень, спасаясь от которой, он быстро пересек пустыню, в октябре достиг Отрара и вернулся в «райскую область Самарканда»[1142] для того, чтобы вскоре узнать, что война с Тохтамышем не кончилась.

В самом деле, все правобережье Волги не было затронуто противником. Василий Дмитриевич с московской ратью хотя и пришел, «позван царем», на помощь хану, но сумел уклониться от участия в битве на Кондурче и убежать за р. Ик.[1143] и за Волгу. Оттуда он в обход Рязанской и Суздальской земель бежал степью за Дон. Проводники его заблудились, и князь Василий попал в Киев. Чтобы выбраться оттуда, он женился на дочери Витовта Софье и привез ее в Москву[1144]

После победы на Кондурче к Тимуру обратились царевичи Белой Орды, находившиеся у него на службе, с просьбой поручить им сбор людей из своих бывших улусов для приведения их к покорности завоевателю. Тимур доверился им и выдал ярлыки на выполнение поручения. Те, «веселые и довольные, отправились отыскивать свой иль»[1145] и не вернулись. Это свело на нет успех похода.

208. Измены

Победа Тимура при Кондурче больно ударила по Суздальско-Нижегородскому княжеству. Борис Константинович, лишенный татарской поддержки, вынужден был просить верности у своих бояр, а они его предали. Старший боярин, Василий Румянец, уговаривал Бориса: «Не печалься, господин князь! Все мы тебе верны и готовы головы свои сложить за тебя и кровь пролить!» Сам же Румянец пересылался с великим князем Василием.

1925 — Новгородская IV летопись).

[1141] Тизенгаузен. Т. II. С. 15.

[1142] Софийский временник (ПСРЛ. Т. V. Ч. VI. СПб., 1851).

[1143] В опубликованном тексте — Яик, но это неверно (см.: Тизенгаузен. Т. II. С. 294, комментарий).

[1144] Устюжский летописный свод. М.; Л., 1950. См. под 1390 г. (6898): «Того же лета на Тактамыша приде ин царь силен ис Шамархийския (Самаркандской. — Л.Г.) земли, и бысть им сеча велика. Того же лета князь великий Василеи Дмитриевичь бысть во Орде в ту сечу у Тактамыша и за малым утече у сечи и за Волгу. И бежа за Дон, блюдяся погони, и вожи облудилися, и прибеже на Киев» (Архангелогородский летописец).

[1145] Тизенгаузен. Т. II. С. 171—172.

То, что Василий Дмитриевич не порвал с разбитым ханом, было мудро. Возвращаясь из Киева с литовской женой и татарским послом в 1392 г., он отправил этого посла вместе со своими боярами в Нижний Новгород. Борис не хотел впускать их в город, но поддался на уговоры Румянца, советовавшего князю избегать конфликта. Но как только ханский посол и московские бояре вступили в город, зазвонили колокола, народу было объявлено, что Нижний Новгород принадлежит московскому князю, а князю Борису боярин Василий Румянец заявил: «Господин князь! Не надейся на нас. Мы уже не с тобою, а на тебя». И они оковали Бориса, его жену, детей и сторонников. Их развели по московским тюрьмам, где они и умерли.

После смерти Бориса Константиновича в 1394 г. сопротивление Москве возглавили его племянники Василий и Семен Дмитриевичи, но им пришлось покинуть Суздаль вследствие инертности народа. Потомки древних русичей не могли и не хотели тягаться с Москвой, где пассионарная энергия кипела и бурлила. Князья оказались одинокими. Десять лет они надеялись на помощь хана Тохтамыша, но тщетно. В 1401 г. семья Семена была захвачена московскими воеводами, и тогда сам он сдался москвичам и через пять месяцев умер в Вятке. Василий умер в 1403 г. дома, в Городце, который затем отошел к Москве.

Приобретение Нижегородской земли сразу закрепило главенство Москвы в Великороссии. Но как оно смогло осуществиться? Суздальские князья не уступали московским в предприимчивости, энергии, способностях, но были преданы и боярами, и горожанами, и даже крестьянами, не оказавшими им необходимой поддержки. Не то чтобы нижегородцы противились суздальским князьям, но они вели себя так вяло, что их позицию вполне можно было счесть изменой, поскольку она открыла московской рати дорогу в Нижний Новгород.

Однако обвинение в измене своему народу могли кинуть и граждане князьям, которые стали использовать татар и мордву для защиты своих прав. В 1399 г. Семен Дмитриевич привел на Нижний Новгород тысячу татар. После трехдневной осады нижегородцы открыли ворота за обещание не грабить их и не брать в плен. Повторилась московская драма: нижегородцев ободрали донага, а князь снял ответственность с себя, ибо он-де «в татарах не волен».

Когда же московские войска пришли на выручку нижегородцам, татары убежали, а москвичи повоевали Булгарскую землю, то нижегородцы искренне стали верноподданными московского князя. Так кого же считать изменниками: бояр или князей?

Думается, что равно тех и других. Картина гибели Суздальской земли слишком напоминает трагедию Древней Руси, распавшейся на уделы, беспринципно и безжалостно расправлявшиеся друг с другом. Уже в XIII в. исчезла из сознания князей и бояр сама категория верности, что характерно для фазы обскурации. Массы, как всегда, следовали примеру правителей и становились год от году беспомощнее. Почему же Москва составила исключение?

Это тоже вытекает из теории этногенеза. В деревнях шел естественный отбор. Пассионарные юноши становились «отроками», обслуживающими в походах князей и бояр. Их тогда называли «боярские дети», что отнюдь не подразумевало родства.

Пассионарные девицы, как, впрочем, и непассионарные, стремились удачно выйти замуж. Но в то мятежное время героями их девичьей мечты были храбрые воины, а перспектива вдовства перед этой мечтой меркла. Так Москва постепенно аккумулировала пассионарный генофонд России.

Разумеется, «отроков» надо было кормить и одевать. Но богатая митрополия поддерживала Москву не только духовно, но и материально. Поэтому у великого князя Василия хватило денег не только на бытовые нужды, но и на «выход» татарскому хану. Тохтамыш это учел и изменил дружбе и честному слову: он не вступился за своего друга Бориса Константиновича, а дал в 1392 г. Василию Дмитриевичу ярлык на Нижний Новгород,

Городец, Мещеру и Тарусу.[1146] Этим хан обеспечил свой тыл в будущей войне с Тимуром, которой от него требовали его собственные беки и огланы. А то, что он этим деянием заложил основание будущего величия России, было ему невдомек. Поэтому за этот поступок он благодарности не заслуживает.

Не менее свирепствовал дух предательства в стане Тимура. Когда Тохтамыш овладел Белой Ордой, его враги — дети Урусхана Койричак-оглан и Темир-Кутлуг и их друзья Кунче-оглан и мурза Едигей (Идигу) — пришли к Тимуру и попросили принять их на службу. Тимур оказал им ласку и милость, одарил их, а с Кунче-огланом часто играл в нарды и шахматы.[1147]

Пока шли бои с Тохтамышем, царевичи показали себя героями, но в 1391 г., оказавшись в родных степях, они отпросились собирать разбежавшийся народ. Из них вернулся только Кунче-оглан. Темир-Кутлуг и Едигей предпочли заняться возрождением Белой Орды. Кунче-оглан вернулся, но когда услышал, что на престол Белой Орды сел Темир-Кутлуг, «сердце его раздвоилось», и однажды ночью он убежал в родную степь, а впоследствии даже перешел к Тохтамышу и участвовал в битве на Тереке против Тимура, ибо ненавидел Темир-Кутлуга.[1148]

Верным Тимуру остался только Койричак, за что был возведен в 1395 г. на престол улуса Джучиева, но «через некоторое время умер».[1149] Тем не менее Белая Орда возродилась, возглавил ее Темир-Кутлуг, слушавшийся своего советника мурзу Едигея. Это обстоятельство имело огромные последствия для мировой истории.

209. На Кавказе

В это самое время Тохтамыш вернулся в Орду и собрал вокруг себя огланов и беков. Такая формулировка характерна для традиционной исторической методики, но с учетом данных этнологии ее следует повернуть на 180 градусов. Огланы и беки Синей Орды призвали назад бежавшего хана, сплотились вокруг престола и заставили Тохтамыша вести их на ненавистных им джагатаев, убивших их братьев и уведших в неволю их прекрасных жен и дочерей.

Вряд ли ими руководил политический расчет. Тимур потерял так много людей во время победы на Кондурче, что ему было бы выгоднее одерживать победы в Передней Азии над туркменами Черного и Белого барана,[1150] нежели терять людей в бесперспективной степной войне. Его должно было удовлетворить возрождение Белой Орды, где царевичи (дети Урусхана) Койричак, Темир-Кутлуг, Кунче-оглан и мурза Едигей, будучи врагами Тохтамыша, составили барьер между Самаркандом и Сараем. Хотя Средняя Азия была надежно изолирована от Сибири, беки и огланы правобережья Волги нашли способ ударить по ненавистному врагу.

Они заставили Тохтамыша договориться с грузинским царем Георгием VII о пропуске татарских войск в Закавказье через Дарьяльское ущелье. Тимур, узнав об этом, бросил

[1146] См.: Экземплярский А.В. Указ. соч. Т. II. С. 420—421.

[1147] См.: Тизенгаузен. Т. II. С. 118.

[1148] Там же. С. 173. Примеч. 2.

[1149] Там же. С. 178, 212, 214.

[1150] Две конфедерации туркмен, оттесненных вторжением монголов (см.: Босворт К.Э. Мусульманские династии. С. 221).

войска на Грузию (1394),[1151] но не имел успеха. А за это время Тохтамыш провел войско через Дербент и дошел до низовий Куры.

Тимур немедленно оттянул войско из Грузии и, объединив его с иранским корпусом, двинулся против Тохтамыша. Татарское войско, не приняв боя, отступило за Дербент, что дало Тимуру передышку до весны 1395 г.

Эта война в данный момент была Тимуру не нужна. Поэтому он отправил Тохтамышу письмо-ультиматум: «Во имя Всемогущего Бога спрашиваю тебя: с каким намерением ты, хан кыпчакский, управляемый демоном гордости, вновь взялся за оружие? Разве ты забыл нашу последнюю войну, когда рука моя обратила в прах твои силы, богатства и власть? Образумься, неблагодарный! Вспомни, сколь многим ты мне обязан. Но есть еще время, ты можешь уйти от возмездия. Хочешь ли ты мира, хочешь ли войны? Избирай. Я же готов идти на то и на другое. Но помни, что на этот раз тебе не будет пощады».[1152]

По словам Шереф ад-Дина, Тохтамыш был готов на компромисс, но «эмиры его, вследствие крайнего невежества и упорства, оказали сопротивление, внесли смуту в это дело, и… Тохтамыш-хан вследствие речей этих несчастных… в ответе своем на письмо Тимура написал грубые выражения».[1153] Тимур разгневался и двинул войско на север через Дербентский проход.

Первой жертвой войск Тимура оказался народец кайтаки — племя, обитавшее на северных склонах Дагестана. Тимур приказал истребить «этих неверных». Это вызвало задержку наступления, и Тохтамыш успел послать авангард своего войска с заданием задержать Тимура на рубеже р. Кой-Су. Это было разумно, так как Кой-Су течет в очень глубоком ущелье и переправа через столь быструю реку трудна.

Но Тимур перевел отборный отряд выше по течению, к крепости Тарки, и отбросил татарский отряд за Терек. Преследуя противника, Тимур перешел через Терек, и туда же подтянул свое войско Тохтамыш. Там и произошел бой, решивший судьбу татарского этноса.

В истории иногда бывают роковые мгновения, которые определяют ход дальнейших событий на относительно короткий период. Эти зигзаги истории рано или поздно сливаются с главным направлением этногенеза или социогенеза, но участникам событий и даже поколениям они приносят либо славу, либо гибель, а последствия их тянутся десятилетиями или одним-двумя веками. Там, где царит вероятность, детерминизм неуместен.

Столкновение Тохтамыша с Тимуром было не случайной войной местного значения. Оно происходило на уровне суперэтническом, ибо великая степная культура защищалась от не менее великой городской культуры Ближнего Востока — мусульманской. Соперничество этих суперэтнических целостностей вспыхивало и затухало неоднократно, но описываемый нами период начался в XI в. (миграция куманов из Сибири в Причерноморье) и закончился в XVI в. (победа Шейбани-хана над Бабуром). В 1395 г. участники событий помнили о походах Чингиса, но никто из них не мог предугадать результатов войны, которой суждено будет изменить лик Евразии. Да это им и не казалось важным. Существенно было то, что либо Синяя Орда уцелеет и подавит мятежных эмиров Мавераннахра, либо она падет и рассыплется в прах, а гулямы Тимура привезут в Самарканд и Бухару золото, меха и волооких красавиц.

И можно вообразить, с каким трепетом ждали результатов этой битвы в Москве, Рязани, Твери и даже в Смоленске. Последний на время прекратил сопротивление литовцам и сдался Витовту, союзнику всей рыцарской Европы, мощь которой восхваляли менестрели и миннезингеры.

[1151] См.: Джанашиа С.Н. и др. История Грузии. Тбилиси, 1946. С. 293.

[1152] Цит. по: Грумм-Гржимайло Г.Е. Джучиды. С. 35.

[1153] Тизенгаузен. Т. II. С. 174.

На берегу Терека решалась судьба не только Синей Орды, но и «Святой Руси», опоры православия, собранной трудами митрополита Алексея и Сергия Радонежского. Русские люди XIV в. знали, как надо вести себя с татарами, вполне представляли, что такое эмир Аксак Тимур, так как сношения России с Грузией тогда были частыми, а эта многострадальная страна уже трижды испытала Тимуровы нашествия: в 1386 г. пал Тбилиси, в 1393 г. были разорены Самцхе и область Карс, в 1394 г. в Грузию была направлена карательная экспедиция за переговоры Георгия VII с Тохтамышем. На Руси знали, чего надо бояться…

В самом деле, победа над разноплеменным скопищем Мамая на Куликовом поле справедливо расценивается как подвиг, но заяицкие кочевники Араб-шаха были сильнее и боеспособнее войск Мамая, а их дети уже служили Тохтамышу. По логике событий на их долю выпало сдерживать гулямов Тимура; благодаря этой логике Русь была спасена от участи Хорасана, Индустана, Грузии и Сирии. Спасая себя, татары ограждали Русь от такой судьбы, о которой и подумать-то страшно.

210. Решительный бой

Во вторник 14 апреля 1395 г. оба войска сошлись и поставили окопные щиты, а в среду подняли знамена, и татары начали бой. Численность армий, видимо, была приблизительно равной, вооружение примерно одинаковым, но психологический настрой у каждого войска был свой.

Татары защищали свои душистые степи, табуны своих коней, круторогих баранов и, конечно, жен, которым грозил тяжелый, унизительный плен. Их не надо было гнать на войну; наоборот, они заставляли хана вести их в бой, так как большая часть их были «неверными», а мусульмане в их среде больше заботились о родине, чем о вере. Все они были прекрасными конниками, стрелками и владели кривой саблей с раннего детства. Но все же они больше привыкли к мирному скотоводству, чем к походам, командам и дисциплине.

А у Тимура служили профессионалы. Опытный всадник на полном скаку ловил копьем обручальное кольцо, стрелял из тугого лука, спешившись и укрывшись за окопный щит, а их командиры были обучены сложному маневру.

Оба вождя, хан и бек, сражались в рядах воинов в самой густой сече, но не были даже ранены, ибо рядом с ними были их верные друзья. Бой проходил как серия контратак, и к вечеру войска Тимура обратили врага в бегство. Тохтамыш бежал вместе со своими бойцами, а Тимур, развивая успех, назначил погоню.

Преследуя бегущих татар, Тимур достиг Нижней Волги, прижал к ней беглецов и расправился с ними беспощадно. Спаслись только те, кто успел сделать плоты и переправиться на левый берег Волги. Все города и поселки, уцелевшие в 1391 г., были разграблены теперь вплоть до Самарской излучины.

Тимур проявил себя не только полководцем, но и искусным политиком. Он собрал тех воинов Белой Орды, которые застряли в его армии еще с 70-х годов, когда они сражались против Тохтамыша, дал им в вожди сына Урус-хана Койричак-оглана и повелел последнему собрать народ и основать улус. Койричак перешел Итиль (Волгу) и стал выполнять поручение, но «через некоторое время умер».[1154]

В этом событии самое главное в том, что отряд Койричака назван «узбекскими храбрецами», находившимися среди «слуг высочайшего двора».[1155] Значит, это была консорция эмигрантов, противников Тохтамыша, впоследствии, в XVI в., овладевшая всем наследием Тимура и Тимуридов. Это не должно удивлять читателя: все этносы, даже самые

[1154] Там же. С. 212, 214.

[1155] Там же. С. 178.

могучие, вырастают из удачливых консорций, как дуб из желудя.

А вот внезапная и необъясненная смерть Койричака действительно удивительна. Надо думать, что степных патриотов было больше, чем видел сам Тимур. Однако его вскоре в этом убедили.

211. Между Днепром и Доном

Восточная часть улуса Джучиева досталась Тимуру легко. Тохтамыш убежал в «Булар» (на Каму, а не в Польшу). Но правое крыло, степь между Доном и Днепром, не собиралось покоряться завоевателю.

Тимур повернул на запад, к Днепру. Его авангард под командованием эмира Османа дошел до Днепра (р. Узи) и около Киева (Манкерман).[1156] разграбил стан Бек-Ярык-оглана, уже дважды сражавшегося с войском Тимура: при Кондурче и на Тереке. Улус Бек-Ярыка был уничтожен, а также пострадали люди из улуса, который назван «узбекским»[1157]

Бек-Ярык с немногими сподвижниками вырвался из окружения, но был снова окружен на берегу р. Тан (Дон). На измученных конях он с одним лишь сыном вышел из окружения и бежал, видимо, на Русь. Тимур взял под охрану семью Бек-Ярыка, одарил ее и отправил под конвоем вслед за убежавшим героем. Очевидно, потомки Бек-Ярыка живут среди русских, забыв о славе и горе своих предков.

Тимур по дороге на запад взял и разрушил пограничный город Елец. Был ли Елец тем самым «русским городом Карасу», где укрылся Бек-Ярык-оглан, — неясно.[1158] Но интересно то, что Шереф ад-Дин Йезди и Низам ад-Дин Шами повествуют о походе Тимура на Машкав, т. е. на Москву,[1159] которого не было. Тем не менее описание побед над «эмирами русскими… вне города» и перечисление захваченной добычи весьма подробно: «рудное золото и чистое серебро, затмевавшее лунный свет, и холст, и антиохийские домотканые ткани… блестящие бобры, несметное число черных соболей, горностаев… меха рыси… блестящие белки и красные, как рубин, лисицы, равно как и жеребцы, еще не видавшие подков. Кроме всего этого еще много других сокровищ, от счета которых утомляется ум».[1160]

«Между двух огней»
А. Походы Тимура и Тохтамыша
Б. Великое княжество Литовское в XIII—XV вв.

Как понять эту сентенцию? Вторжения на Русь не произошло, а следовательно, и перечисленная добыча, и «подобные пери русские женщины — как будто розы, набитые в

[1156] Там же. С. 37. Примеч. 17.

[1157] Принято считать, что фанатичные мусульмане Золотой Орды в конце XIV в. приняли имя узбеков в честь хана, обратившего их предков в ислам, что подтверждается сообщениями Шереф ад-Дина о большом числе «неверных» в окружении Тохтамыша. Это указывает на внутренний раскол улуса Джучиева, так как в это же время появляются «ногаи» — сторонники Едигея, а немного спустя — казахи, противники «узбеков». Современные узбеки — разноплеменные тюрки Средней Азии, принявшие имя своих завоевателей и слившиеся с ними в единый этнос.

[1158] Елец был единственным русским городом, разрушенным войсками Тимура.

[1159] Тизенгаузен. Т. II. С. 180, 121.

[1160] Там же.

русский холст»[1161] не могли быть добычей тимуровских грабителей. Чем же оправдать откровенную дезинформацию?

Предлагаю гипотезу: Шереф ад-Дин выдал желаемое за действительное. По-видимому, Тимур планировал поход на Русскую землю для вознаграждения своих воинов. Реклама добычи была уже составлена, но поход не состоялся. Ограблены были только степные племена, «смущенные и ошеломленные», после чего войска Тимура отошли на юг. Что спасло Русь на этот раз?

Силы Золотой Орды были надломлены, но не сокрушены. В низовьях Днепра, Дона и в Крыму было еще много храбрых воинов, а степи между Доном и Кубанью контролировали черкесы. Двигаться на север, оставив столько врагов в тылу, было бы безумием. Поэтому Тимур повернул войска на юг.

Один из его отрядов вторгся в Крым, другой спустился по течению Дона и взял Азов (Азак). Теперь война приняла характер джихада — захваченных мусульман щадили, а иноверцев истребляли. В Золотой Орде подобных религиозных гонений не было, но постоянные упоминания о том, что инициаторами набегов являлись «неверные», видимо, побудили Тимура прибегнуть к геноциду, по сравнению с которым практиковавшийся прежде террор казался детской забавой.

Приближалась осень, и трава высыхала. Черкесы спалили сухую траву между Доном и Кубанью, из-за чего скот, служивший провиантом тимуровской армии, погибал от бескормицы. Тем не менее авангард Тимура достиг Кубани и ограбил черкесов, кроме тех, которые убежали в горы.

Затем наступила очередь асов и горцев Дагестана. Гулямы брали их крепости, а защитников, связав, сталкивали в пропасть. Шла уже истребительная война.

Наступила зима, и очень суровая. О походе на Москву не могло быть и речи, а расплачиваться с воинами было надо. Тимур отдал им на разграбление Хаджи-Тархан (Астрахань) и Новый Сарай, после чего отправился домой через Дербент, где весной 1396 г. его воины занялись истреблением горцев Южного Дагестана, как «неверных», так и мусульман. Укрепив заново Дербент, Тимур сделал его границей своей державы,[1162] а Великая степь, окровавленная и опустошенная, получила нового хана из рук победителя.

Итак, в 1388—1396 гг. профессионалы победили дилетантов, что, впрочем, неудивительно. Дисциплина в войске — условие победы, но возможна она лишь при толковом полководце, справедливо награждающем своих солдат и командиров. Однако тут-то и кроется ущербность системы, построенной на использовании наемников, не жалеющих жизни ради награды, а не Отчизны. Такое войско стоило очень дорого, даже для богатой Средней Азии. Плату для солдат приходилось добывать путем завоеваний и ограбления побежденных, а из-за этого война становится перманентной. Территориальные приобретения наемникам не нужны, но победившее войско, уходя, оставляет пустыню, полную трупов неповинных людей. Это бедствие поразило сначала Иран и Семиречье, затем Поволжье и Кавказ, потом Ирак, Сирию, Турцию и остановилось только со смертью предводителя, победы которого оказались эфемерными, так как «сила вещей», или статистический ход событий выше возможностей одного человека.

Тимур был умным политиком. В 1397 г. к нему прибыли из Степи посол Темир-Кутлуга и человек эмира Едигея, а из Семиречья — посол Хызр-Ходжи-оглана.[1163] Они просили от имени своих правителей принять их подданство, что в переводе на язык современной дипломатии означало заключение союза слабого с сильным, дабы иметь

[1161] Там же.

[1162] Там же. С. 187.

[1163] Там же. С. 187—188.

помощь и защиту. Так Темир-Кутлуг, внук Урус-хана, был признан ханом улуса Джучиева при условии «покорности и подчинения». Фактически этот этикет ни к чему не обязывал хана, но давал ему могучую моральную поддержку Тимура, а она была ему очень нужна. С другой стороны, Тимур мог не охранять северную границу, так как за ней был не враг, а друг. Казалось, все утихло, но новые волнения возникли немедленно.

Хан Тохтамыш не сложил оружия. С кучкой соратников он отошел в Крым, но поскольку московское правительство перестало платить ему дань,[1164] то питаться самому, а тем более кормить войско ему было нечем. Пришлось искать объект для грабежа, и уже в 1396 г. Тохтамыш осадил Кафу.[1165] Это было безнадежное предприятие. Генуэзцы устояли, а с тыла ударили войска Темир-Кутлуга. Тохтамыш успел убежать в Киев, принадлежавший тогда князю Витовту.

Витовт принял Тохтамыша и оказал ему помощь. Летом 1397 г. литовско-татарское войско, оснащенное новым оружием — пищалями и пушками, выступило из Киева в Крым и 8 сентября у стен Кафы одержало победу над небольшими силами Темир-Кутлуга и Едигея.[1166] Тохтамыш возликовал и направил послов приглашать к нему верных татар. Но уже зимой 1398 г. Темир-Кутлуг нанес ему поражение и вынудил бежать обратно в Литву. Там Тохтамыш договорился с Витовтом о разделе Руси и уступке Литве Москвы, считавшейся ханским улусом. На этих условиях Витовт согласился вступить в войну с Темир-Кутлугом и Едигеем.

Во время похода в Крым в 1397 г. Витовт вывел из Бахчисарая потомков хазар — караимов — и поселил их в Троках (совр. Тракай) для пополнения легкой конницы. Там они живут и поныне.

XXXII. Белая орда

212. Ветры с запада и востока

«Покорность», изъявленная ханом Темир-Кутлугом эмиру Тимуру, не спасла его от беды. Храбрые и упорные темники, выходцы из Синей Орды, не могли радоваться тому, что их ханом стал тимуровский офицер, потомок их давнего врага Урус-хана, заключивший мир с жестоким победителем, разграбившим их юрты и скот и угнавшим в неволю их жен и дочерей. Прошел год… и возник заговор. В 1398 г. темники, опираясь на верные войска, пригласили на престол Тохтамыша, который немедленно оповестил мир о том, что он является единым правителем государства. Темир-Кутлуг бежал за Урал и там, в Белой Орде, обрел себе помощь среди врагов Синей Орды, а также поддержку Едигея, заклятого врага Тохтамыша. Последнему снова пришлось бежать, и зимой 1398/99 г. он оказался в Киеве, в гостях у великого князя Литвы и Руси Витовта.

Витовт в это время был одержим идеей объединения всей Восточной Европы в единое государство под своей властью. Смоленском он овладел уже в 1395 г., но затем началась война с Рязанью, ибо князь Олег поддержал национальную партию в Смоленске. В 1398 г. Витовт победил, но жестокие расправы над русскими вызвали в ответ не ужас, а волю к защите. Смоленск снова и снова восставал против Литвы, Москва изготовилась к войне, тверской князь Михаил заключил с московским князем Василием оборонительный союз «на

[1164] См.: Шабульдо Ф.М. Указ. соч. С. 142.

[1165] Там же. С. 145.

[1166] Там же. С. 147.

татар, на Литву, на немцев и ляхов».[1167] И все же Литва была сильнее России.

У Московского княжества не было союзников: ни искренних, ни корыстных. Искренними следует считать членов своего суперэтноса. Для уходящей Руси и рождающейся России друзьями были православные: греки, болгары, сербы, грузины, валахи. К сожалению, в 1385 г. турки взяли Софию, в 1389 г. победили сербов на Косовом поле, после чего через год оккупировали Болгарию, а с 1394 г. началась блокада Константинополя. В эти же годы (1386—1403) Тимур рядом походов обескровил Грузию. Искренних друзей не осталось, пришлось прибегать к помощи корыстных.

Латиняне, как именовали западноевропейских католиков, тоже страдали от турок, вытеснивших каталонцев из Средней Греции, но сила Европы была велика и папский престол нацелил ее на спасение Константинополя, полагая, что этой ценой он купит воссоединение Восточной церкви с Римом.

Наиболее сильным и энергичным среди государей Европы был Сигизмунд, король венгерский и богемский. Он возглавил Крестовый поход против турок в 1396 г. Карл VI послал на помощь Сигизмунду маршала Бусико, графа д'Эсского, графа Неверского, 1 тыс. рыцарей и 6 тыс. наемников. Из Германии пришли подкрепления под началом приора иоаннитов и других вельмож. В пути к 100-тысячному крестоносному войску присоединились валахи, и под Никополем (в Сербии) все это войско было наголову разбито турками, которых поддержали сербы, опасавшиеся Запада больше, чем мусульманского Востока. Корыстные «друзья» были опаснее врагов. Этническая система растущей пассионарности победила систему, стоявшую на рубеже надлома. Казалось бы, у Москвы было меньше шансов, чем у ее соседей. В 1353 г. по московской земле прокатилась чума, в 1380 г. произошло страшное кровопролитие на поле Куликовом, а в 1382 г. было похоронено 24 тыс. москвичей, зарубленных татарами. Откуда было взяться силам? Традиционная историография ответа не дает.

Обратимся к этнологии. Сила этноса прямо пропорциональна количеству пассионариев и обратно пропорциональна числу субпассионариев. Значит, как умножение пассионариев, так и сокращение субпассионариев дает одинаковый результат.

«Черная смерть» косила тех и других, но она «гостила» недолго. После эпидемии люди, потерявшие близких, были в шоке, но среди пассионариев реадаптация шла быстрее; они восстанавливали семьи и хозяйство, а субпассионарии оплакивали свою судьбу.

Во время любой битвы конница рубит только бегущих. Когда на широком Куликовом поле погиб передовой полк и «москвичи, яко непривычны к бою, побежаху», то ясы, касоги и ногаи гнались за ними. Те же, кто собирался в «ежики» и защищался, имели больше шансов на спасение, а засадный полк почти не имел потерь. И наконец в августе 1382 г. воины отдыхали в деревнях; тот же, кто оставался в Москве, старался выбраться, а не напиться граблеными медами. Они-то и уцелели. Так процент субпассионариев естественным образом снизился, и резистентность Московского княжества возросла настолько, что Витовт ограничился взятием Смоленска в 1395 г. и заключил мир с Василием I.

Но, несмотря на явное усиление, Василий Дмитриевич не порывал союза с Тохтамышем, ибо этот барьер разделял Россию с главным и страшным врагом — Тимуром, возродившим угасавшую культуру мусульманского суперэтноса. А призрак покойника всегда страшен, будь то призрак человека или суперэтноса.

И вот Тохтамыш не только разбит — такая беда может приключиться с кем угодно, но хуже того — он изменил вековой традиции союза Орды и Руси. Ведь только благодаря русской доблести он усидел на золотом престоле Сарая и без пролития татарской крови избавился от узурпатора Мамая. Русский город Елец был разрушен и разграблен. И вот Тохтамыш договаривается с Витовтом и предает ему белокаменную Москву!

Но, с другой стороны, враг Тохтамыша хан Темир-Кутлуг и его друг Едигей —

[1167] Соловьев С.М. История России… Кн. II. Т. IV. С. 357.

ставленники страшного Тимура, который может сотворить больше бед, чем Витовт и Тохтамыш. Что мог сделать великий князь Василий Дмитриевич? Только одно — выжить! И судьба, т. е. историческая закономерность, спасла Россию.

213. Роковое мгновение

Встретившись в Киеве, князь и хан нашли общий язык. Тохтамыш уступил Витовту права на Русь, а Витовт обещал помочь Тохтамышу вернуться в Сарай, чтобы потом жить в мире и дружбе. Осуществлению этого проекта мешали только Темир-Кутлуг и Едигей, которых надо было выгнать из Сарая, что представлялось несложным, потому что Тимур в 1398 г. увел своих ветеранов в Индию, а оттуда год спустя — в Грузию, Сирию и Ирак. Только в этих богатых странах «солдатский император» мог рассчитывать на обильную добычу, чтобы расплатиться с собственными воинами. В Сибири такие средства собрать было невозможно, а вести измотанное боями и переходами войско на Русь было слишком рискованно. Поэтому Темир-Кутлуг и Едигей были предоставлены своей судьбе, а великий князь Василий Дмитриевич вообще оставлен без внимания и пребывал в нейтралитете. Ничего другого ему не оставалось, так как для православной Москвы католический и мусульманский суперэтносы были равно враждебны, а сибиряк Тохтамыш оказался изменником.

Темир-Кутлуг не мог не ощущать нестойкость своего престола. Сторонников Тохтамыша в Поволжье было много, и если бы он вернулся на берега Волги с мощным литовским союзником, то они бы охотно сбросили марионеточного хана, участвовавшего в разгроме их страны. Поэтому Темир-Кутлуг применил тимуровскую стратегию: он повел свое небольшое войско на Днепр, условившись с Едигеем о встрече перед решающей битвой.

Витовт отнесся к предполагаемой операции с полным вниманием и предусмотрительностью. Литовско-белорусское войско было усилено польской шляхтой и отрядом немецких рыцарей из Пруссии. Всего около 100 тыс. воинов. Бунчуки сибирских татар, прибывших в Литву с Тохтамышем, терялись в общей массе стягов, знамен и рыцарских значков. Однако только татары представляли возможности своих противников.

Темир-Кутлуг послал Витовту ультиматум: «Выдай мне беглого Тохтамыша! Он мой враг, не могу оставаться в покое, зная, что он жив и у тебя живет, потому что изменчива жизнь наша: нынче хан, а завтра беглец, нынче богат, а завтра нищий, нынче много друзей, а завтра все враги. Я боюсь и своих, не только что чужих, а хан Тохтамыш чужой мне и враг мой, да еще злой враг; так выдай мне его, а что ни есть около его, то все тебе».[1168] Витовт отказал и встретил татарского хана на берегу Ворсклы.

Темир-Кутлуг снова вступил в переговоры: «Зачем ты на меня пошел? Я твоей земли не брал, ни городов, ни сел твоих».[1169] Витовт потребовал полной покорности, угрожая предать мечу всю Орду.

Витовт, уже объявивший себя «великим князем Литвы и Руси», был так уверен в превосходстве своих сил, что поддался на удочку Темир-Кутлуга и затянул переговоры. А за это время успели подойти войска Едигея, и сразу все изменилось. Едигей потребовал у Витовта свидания и заявил ему: «Князь храбрый! Наш хан не мог не признать тебя старшим братом, так как ты старше его годами. Но, в свою очередь, ты моложе меня. Поэтому будет правильно, если ты изъявишь мне покорность, обяжешься платить мне дань и на деньгах литовских будешь изображать мою печать».

Витовт вспыхнул, и 12 августа 1399 г. литовские войска под прикрытием артиллерийского огня перешли на левый берег Ворсклы. Но пушки и пищали оказались в

[1168] Там же. Т. III. С. 364—365.

[1169] Там же. С. 365.

широкой степи малоэффективны. Зато литовская конница стала теснить строй татар Едигея.

Тому этого и надо было. Он сдерживал расстроенные полки Витовта ровно столько времени, сколько понадобилось Темир-Кутлугу для того, чтобы обойти литовцев с фланга и ударить по тылам. В литовском войске возникла паника. Первым с поля боя бежал Тохтамыш, хорошо усвоивший неодолимость тимуровской тактики. Он-то знал, что Темир-Кутлуг и Едигей были учениками Тимура. Затем бежал пан Щурковский, громче всех требовавший татарской крови. Витовта вывел в глухой лес казак Мамай, один из потомков знаменитого темника. В лесу они блуждали три дня, пока Витовт не обещал своему проводнику княжеский титул и урочище Глину. Тот немедленно нашел дорогу… и ему должны быть за это благодарны его потомки. В том числе Иван IV Грозный.

А на берегах Ворсклы шло жуткое побоище. Татары рубили несопротивлявшихся литовцев, поляков, немцев и русских. Те бежали 500 верст, до самого Киева, а потом татары, рассеявшись отрядами, истребляли людей вплоть до Луцка. В числе убитых было свыше 20 князей.[1170]

Рыцарский Запад, оснащенный самой новой военной техникой, вторично пал перед Востоком, абсорбировавшим как испытанную монгольскую пассионарность — в Орде, так и новую — в Турецком султанате, сломавшую крестоносцев под Никополем. Турецкая угроза на Балканах связала руки каталонским пиратам, французским феодалам, венецианским и генуэзским негоциантам, пытавшимся сделать из Древней Эллады колонию, и Венгерскому королевству, оплоту католической Европы на юго-востоке. Литва была настолько ослаблена, что в 1401 г. по акту Виленской унии согласилась на включение ее в королевство Польское.[1171] Грандиозные замыслы Витовта были опрокинуты «силой вещей» — исторической закономерностью, причем все «осколки» Древней Руси были опустошены татарскими набегами. Собственно говоря, 1399 год можно считать концом древнерусского этногенеза, как падение Константинополя в 1453 г. — византийского. От побоища на Ворскле выиграла только Москва, получившая необходимую ей передышку. Но почему не воспользовались своей победой татары?

214. Гибель, и еще раз гибель

Нике — жестокая богиня: даруя успех, она требует воздаяния. Правда, победителей не судят, но зато их убивают. Так умер Темир-Кутлуг в год своей победы.

Но почему? Ведь это был воин в расцвете сил. Здоровый, умный, любезный своему народу. Сведения о его смерти очень туманны. Только Шереф ад-Дин в «Книге побед» написал, что «человек бунтуется, когда видит, что разбогател». Как может «бунтоваться» правитель суверенной державы? Ведь он был популярным ханом, ибо его поддержали в 13 98 г., когда Тохтамыш пытался вернуть себе власть в Сарае, и тогда, когда воины Белой Орды схватились с рыцарством Литвы, Польши и Тевтонского ордена. Кому стал неугоден хан-победитель?

Шереф ад-Дин поясняет: Темир-Кутлуг «проявил неблагодарность и совершил неприязненные действия, теперь умер… и улус его в беспорядке».[1172] Шереф ад-Дин прославлял Тимура и писал с его позиций. Степняки не любили Тимура и защищались от него как могли. Следовательно, у Темир-Кутлуга был выбор между милостью союзного правителя и симпатией своего народа. Видимо, он выбрал свой народ… и погиб. А мурза

[1170] См.: Шенников А.А. Княжество потомков Мамая // Депонировано в ИНИОН. № 7380. Л., 1981. С. 20—22.

[1171] См.: Шабульдо Ф.М. Указ. соч. С. 150.

[1172] Тизенгаузен. Т. II. С. 188.

Едигей сохранил верность Тимуру… и стал правителем улуса Джучиева, посадив на золотой престол юного Шадибека, брата погибшего. Этого мальчика не тронула агентура Тимура, и Шадибек пережил своего страшного соседа, умершего в 1405 г. Но это еще не все.

Когда весть о смерти Тимура и распаде его державы достигла берегов Волги, правительство хана Шадибека вернулось к традиционной политической линии Золотой Орды — тесному союзу с Великим княжеством Московским, за последние годы весьма усилившимся. Главный враг Москвы Василий Кирдяпа умер в Городце в 1403 г.,[1173] а его брат Семен, «добиваясь своей отчины, 8 лет служил в Орде, не почивая и много труда претерпе, своего пристанища не зная и не обретая покоя ногами своими, ине успе ничтоже».[1174] Суздальско-Нижегородское княжество перестало существовать, а вместе с покоренной территорией Москве досталось поволжское купечество с унаследованными от киевских времен торговыми путями, рынками и формами товарообмена.

Мощный соперник Москвы Олег Рязанский обратил свой военный талант против Литвы и в 1401 г. отвоевал у Витовта Смоленск для своего зятя Юрия Святославича, казнив бояр-литофилов.[1175] Но уже на следующий год Семен Ольгердович разбил рязанские войска у Любутска. Потрясение было сильным; Олег Иванович скончался, к счастью, дома и был погребен в семейном склепе в 1402 г. После его смерти Рязань уже не была соперницей Москвы.

Витовт, окрыленный успехом, двинулся на Москву, но Шадибек прислал Василию I помощь, и, когда в 1406 г. оба войска сошлись на р. Плаве (около Тулы), Витовт, видимо вспомнив Ворсклу, отступил без боя.[1176] Союз Орды и Москвы снова оправдал себя.

Тем временем Тохтамыш, ставший из государя беком, а скорее багатуром, нашел применение своим способностям. Он, как теперь принято говорить, вернулся к уровню своей компетенции. Увидев своим опытным оком, что сулит битва рыцарей с гулямами тимуровской выучки, Тохтамыш вывел свой отряд с берегов Ворсклы еще до сражения и без потерь привел его в родное Заволжье. Зауральские татары его поддержали, это позволило ему дождаться кончины Тимура, бояться коего было незазорно.

Узнав о развале тимуровской державы и распрях между Тимуридами, Тохтамыш попытался взять Сарай, но был отброшен Шадибеком к низовьям Тобола и там убит.

Шадибек показал себя толковым правителем и полководцем. Поэтому, едва превратившись из юноши в зрелого мужа… он «умер», а на его место Едигей возвел ребенка, сына Темир-Кутлуга, Пулада, который, в свою очередь, был свергнут в 1410 г. Дальнейшее перечисление цареубийств и распрей нецелесообразно. Ясно, что единство Орды было потеряно, что татарский этнос рассыпался, что верным тимуровской традиции остался только Едигей, захвативший Черноморское побережье и совершивший губительные набеги на Россию и Литву. Когда же он погиб в битве с сыновьями Тохтамыша, то можно сказать, что описанная эпоха кончилась и наступила пора перехода растущей страны — России из фазы подъема в акматическую фазу, с новыми ритмами, задачами и иной расстановкой сил.

215. Размышление о традиции

Со времени Чингисхана до описываемых событий прошло только полтораста лет, но соотношение сил изменилось диаметрально. Кочевники утратили способность побеждать, а

[1173] Экземплярский А.В. Указ. соч. С. 426.

[1174] ПСРЛ. IV. С. 108; цит. по: Комарович В.Л. Китежская легенда. С. 67.

[1175] См.: Экземплярский А.В. Указ. соч. С. 591.

[1176] См.: Соловьев С.М. История России… Кн. II. Т. IV. С. 369.

оседлые сохранили ее на том же уровне, что и в начале XIII в. Выходит, что консервативная система оказалась могущественнее эволюционирующей. Парадокс? Нет. Это показывает, что развитие шло с нарастанием энтропии. В самом деле, победы первой половины XIII в. Монголия одерживала благодаря «людям длинной воли», сумевшим привлечь под свое девятиножное белое знамя[1177] степных родовичей, батуров и нухуров, каждый из коих был не менее храбр и вынослив, чем любой соратник Тэмуджина, но не обладал пассионарностью. Погибшие древние монголы были благожелательны к чужим религиям и философским концепциям, гостеприимны и верны договорам, а побежденных противников щадили за проявленную доблесть и верность, предлагая им вступить в свое войско.

Этот стереотип поведения непонятен обывателю: степному, деревенскому, городскому, академическому. Обыватель расценивает соседей по количеству неприятностей, ему причиненных. Чем их меньше, тем сосед лучше. И обыватель вечен: стоит погибнуть пассионариям, а он тут как тут.

Как известно, монгольские пассионарии истребили друг друга в междоусобицах второй половины XIII в., а обыватели «монголосферы» расплодились. Скот пасти они умели, ханов слушались, остатки добычи предков растрачивали, а учиться чему-либо им было не нужно, так как их существование было обеспечено гомеостазом. В Степи они теряли даже военные навыки, сохранение которых было ценно на окраинах «монголосферы». Но там монголы отюречивались, обыранивались, окитаивались. Яркими представителями маргинальной популяции были Тимур и его гулямы — воины-профессионалы.

Теперь можно сделать эмпирическое обобщение. Этногенез определяют три параметра. Первый — ландшафтно-географический, или жесткая связь этноса с кормящим ландшафтом. Так как ландшафтные условия не стабильны, особенно во внутренних регионах континента, то сила и слабость кочевых этносов зависят от степени увлажнения степной зоны Евразии. В XIII—XIV вв. условия были оптимальные. В XVI в. наступила вековая засуха; следовательно, XV век был периодом переходным и неустойчивым.

Второй параметр — энергия, создавшая этносистемы и неотвратимо убывающая. Пассионарность рассеивается среди окружающих этносов, поднимая их активность, или уходит в никуда вместе с гибелью ее носителей — богатырей. Чем быстрее идет энтропийный процесс, тем скорее пассионарии уступают место гармоничным особям, которые способны продлить существование этноса на несколько веков.

Третий параметр — этническая доминанта, образованная благодаря освоенному наследию былых этносов, пассионарность коих иссякла, но культура еще очаровывает потомков. Так, франки и лангобарды уважали античную мудрость, россияне преклонялись перед византийской иконописью, богословием и музыкой; табгачи династии Тан почитали конфуцианство и даосизм, а персы и арабы, даже после развала халифата, сохранили рифмованную историю древних персидских царей — «Шахнамэ». Творения человека в отличие от произведений природы не развиваются, а либо существуют, либо разрушаются. Но именно они открыты непосредственному наблюдению, благодаря которому Науке доступно понимание явлений невидимых, но умопостигаемых. Более того, в каждом из нас живет генетическая память, не ощущаемая в повседневности, но иногда вспыхивающая в подсознании. Недаром сказал поэт:

…И тут я проснулся и вскрикнул: «Что, если
Страна эта истинно Родина мне?
Не здесь ли любил я и умер не здесь ли,
В зеленой и солнечной этой стране?»
И понял, что я заблудился навеки
В пустых переходах пространств и времен,

[1177] Полотнище держалось на девяти копьях, причем на каждом висело по бунчуку (конскому хвосту).

А где-то струятся родимые реки,
К которым мне путь навсегда запрещен.

Н.С. Гумилев

XXXIII. Контуры

216. Начало нового времени

Эпохи, как и люди, смертны. Суперэтническая целостность, сопряженная с мироощущением и культурной традицией, возникая вследствие пассионарного толчка, неизбежно теряет инерцию, а следующий пассионарный толчок знаменует начало нового процесса. Однако культура может быть передана по эстафете, что часто заслоняет природные закономерности: современникам эпохи, на которую приходится разрыв между старым и новым этногенезом, кажется, что ничего особенного не произошло. А историки и литературоведы не могут заметить живой действительности уже потому, что объект их изучения — создания рук человеческих, которые могут либо сохраняться, либо разрушаться, но не взрослеть или стареть.

Да и как может заметить современник долгоидущий процесс этнической модификации? Это видно только историку, чье зрение охватывает века, а в них бурные эксцессы, поражающие современников, оказываются лишь зигзагами этногенеза. При этом некоторые спокойные эпохи — в действительности затишье перед бурей, подготовка к проявлению нового этноса, уже миновавшего свой инкубационный период.

Такой эпохой для России было время княжения Дмитрия Донского, Василия I и Василия Темного, когда набухшая пассионарность превратила Древнюю Русь в Великую Россию. Времени на эту перестройку понадобилось относительно немного — 70 лет.

Представим себе русского человека, родившегося в 1412 г., после последнего татарского вторжения на Русь. В годы его детства он узнает, что живет в Московском княжестве, находящемся в составе улуса Большой Орды, правитель которой считается «царем». На западе лежит Великое княжество Литовское, враждебное и опасное, а на севере — богатая Новгородская республика, где господствует беззаконие; оттуда на ушкуях приезжают злые разбойники, которым в лапы лучше не попадать.

Но политическое размежевание не влечет за собой культурного разделения. Православие остается господствующим мировоззрением и в Москве, и в Новгороде, и на большей части Литвы, несмотря на ее государственный контакт с католической Польшей. Ситуация представляется предельно устойчивой, а изменение ее — невозможным.

А через 70 лет, в 1482 г., уже не было ни Новгородского веча, ни Большой Орды, ни самостоятельной Литвы, превратившейся в окраину королевства Польского, угнетающего православных подданных. Зато появилось царство Российское, назвавшее себя Третьим Римом и претендующее на вечное процветание. Так ход этногенеза сломал этносоциальные системы, казавшиеся вечными.

Таким образом, намеченная нами тема исчерпывается XIV веком. Само описание XV в. требует уже иной методики изучения источников и событий. Предоставим это другим ученым, а сами ограничимся контурной обрисовкой хода событий лишь для того, чтобы уяснить, что именно произошло и как произошло.

С.М. Соловьев, рассматривая различные принципы периодизации русской истории, отмечает: «…в истории ничто не оканчивается вдруг и ничто не начинается вдруг; новое начинается в то время, когда старое продолжается».[1178] Это мудрое обобщение относится к

[1178] Соловьев С.М. История России. Кн. II. Т. IV. С. 635.

этнической истории еще в большей степени, нежели к истории социальной. Вспомним, как в Римской империи христианские общины — новорожденный этнос с собственной структурой и оригинальным стереотипом поведения — вытеснили на окраины ареала носителей старой традиции, причем победители унаследовали гордое название — ромеи, а побежденных стали называть pagani, т. е. деревенщина. Ныне мы вынуждены сами выдумывать этнонимы для нового этноса, чтобы не путаться; потому мы называем потомков разноплеменных христиан византийцами.

В XV в. древнерусская этническая традиция сошла на нет, а на ее месте возникли три этноса: великороссы, белорусы и украинцы, которые сами себя до XVII в. называли русскими. Украинцы — этноним условный, как и византийцы.

Граница мирного покоя Монголии XVI—XVIII вв.

Но так как в этом сложном процессе принимали участие, кроме древних русичей, литовцы, татары, угры и восточные финны, то уделить внимание началу XV в. целесообразно, тем более что сам С.М. Соловьев рубежом Древней Руси и Московской державы — будущей России — считает 1462 год.[1179] В этом случае социальная, культурная и этническая периодизации совпадают.[1180]

217. Контур Орды

Раны, нанесенные Тимуром улусу Джучиеву, залечить не удалось. Потомки «людей длинной воли» погибли, защищая Великую степь от гулямов самаркандского владыки. Хотя Тимуру не удалось сломить Орду, но он оставил в ее теле «занозу» — мурзу Едигея, ставшего «правителем двора», т. е. главой правительства. По происхождению Едигей был мангут, но опорой его стали ногайцы — тюркское племя, кочевавшее между низовьями Волги и Яиком.[1181] В домонгольское время эту территорию населяли гузы, и возможно, что ногайцы хотя бы частично были их потомками. Эта гипотеза объясняет враждебность ногайцев к поволжским и крымским татарам, потомкам кыпчаков, с которыми у них шли постоянные войны — степная вендетта. А если так, то понятно, что они признали своим вождем соратника Тимура — мудрого и храброго Едигея, легко возводившего ханов на престол Сарая и так же легко их убиравшего. Фактически еще при жизни Едигея ногайцы выпали из целостности Большой Орды, как она стала именоваться в XV в., но в 1438 г. Сарай еще был большим городом и крупным торговым центром.[1182]

Тем не менее развал Большой Орды продолжался. Претенденты на престол убивали друг друга, опираясь то на литовских Гедиминовичей, то на самаркандских Тимуридов, а этносы продолжали обособляться. В 1428 г. освободилась Тюмень, где хан Абульхайр и его улус приняли название «узбеки». Примерно в 1438 г. отделились от Большой Орды Крым и Казань. Все эти новообразовавшиеся ханства были врагами Большой Орды. Дольше всего союз с Ордой поддерживала Москва, хотя и уклонялась от регулярной выплаты дани. Деньги, которые продолжали взимать с крестьян якобы для татар, оставались в казне

[1179] См. там же. С. 658—659.

[1180] Краткость и обобщенность изложения хода событий отчасти восполнены синхронистической таблицей 1402—1461 гг.

[1181] В XV—XVI вв. ногайцы обитали и в Причерноморье (см.: Шенников А.А. Жилые дома ногайцев Северного Причерноморья // Славяно-русская этнография. Л., 1973. С. 46).

[1182] См.: Шенников А.А. Червленый яр. Л., 1987. С. 44.

московского князя. Из-за распрей в Орде можно было и не платить.[1183] Поэтому понятно, что русские князья воевали не против хана, а против мятежников, часто совершавших набеги на пограничные области. Даже сам Василий II в 1445 г. был разбит и пленен вышедшим из Орды Улуг-Мухаммедом, незадолго перед этим искавшим убежища на Руси.

Да и трагическая гибель Сарая в 1480 г. — дело рук не столько русских, сколько ногайцев и крымцев. Дезинтеграция этносоциальной системы улуса Джучиева была прямым следствием снижения уровня пассионарности за счет распрей и войн. Но снижался этот уровень медленно, и до конца XVI в. оставались островки высокой пассионарности, постепенно размытые отбором, т. е. перемещением пассионариев в окрестности Москвы.

И все-таки улус Джучиев продержался дольше других. Восточные монголы стали жертвой своих западных соседей — ойратов уже к 1434 г., когда Большая Орда на Волге еще держалась.

Ойраты — название союза четырех племен: дорбетов, хойтов, торгоутов и хошоутов, предки которых были сосланы в Западную Монголию Чингисом, а там смешались с тюркским этносом — ойратами.[1184] и взяли их этническое название, благодаря чему в их языке много тюркизмов[1185] Во время междоусобной войны 1259—1301 гг. западные монголы сражались на стороне Хайду против Хубилая. Это повело к отчуждению их от восточных монголов, которых стала поддерживать империя Мин. В 1449 г. ойраты наголову разбили китайское войско, но ограничились грабежом и были вынуждены отступить к северу, где они убили монгольского хана в 1451 г. Однако когда ойратский полководец Эсень попытался объявить себя ханом, князья восстали против попытки узурпации и убили Эсеня в 1454 г. Ойратское государство стало степной республикой, отказавшейся от завоевания Восточной Монголии, где власть вернулась к ханам Чингисидам.

Одновременно ойраты совершили грандиозный набег на запад. Между 1452 и 1455 гг. их войско прошло через Могулистан, северную окраину Джагатайского ханства, вторглось в Кыпчакскую степь, повернув на юг, долиной Сырдарьи прошло до Ташкента и вернулось домой с богатой добычей.[1186] После этого разгрома с карты Азии исчезла Белая Орда, на месте которой оформились племенные союзы казахов (джузы). Подобно ойратам, казахи стали выделяться из орд[1187] несколько раньше, в 1425—1428 гг., и уже тогда заменили ханскую власть советами князей. Ойраты называли своих правителей китайским словом «тайчжи» (царевич), а казахи — арабским словом «султан». В обоих случаях произошла реставрация дочингисовских социальных форм при сохранении этнических норм, присущих кочевникам. Снижение пассионарного напряжения отразилось на общественной жизни ойратов и казахов и вернуло их к идиллии, утраченной в XIII в. при построении мировой империи, созданной за счет избытка пассионарности. Теперь сил хватало лишь на междоусобицы и набеги, но не на внешние завоевания, сколь бы заманчивы они ни были.

А теперь сопоставим две системы отсчета: социальную и этническую. С позиции социальной истории, изменения, происшедшие в Великой степи, следует рассматривать как регресс, поскольку восторжествовали традиции родоплеменного строя. Пользы кочевникам от этого было мало потому, что межплеменные войны сопровождались постоянным угоном

[1183] См.: Соловьев С.М. История России… Кн. II. Т. IV. С. 493.

[1184] См.: Грумм-Гржимайло Г.Е. Когда произошло и чем было вызвано распадение монголов на восточных и западных?

[1185] См.: Владимирцов Б.Я. Турецкие элементы в монгольском языке.

[1186] См.: Грумм-Гржимайло Г.Е. Указ. соч. С. 177.

[1187] О терминах «орда» и «племя» см.: Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 177.

скота и, следовательно, нарушением хозяйства как у побежденных, так и у победителей, чья молодежь занималась не созидательным трудом, а бессмысленным кровопролитием. В социально-экономическом аспекте кочевой мир сделал шаг назад.

Но, рассматривая этногенные процессы,[1188] мы видим, что рассеяние энергии — закономерный выход из перегрева акматической фазы. Число пассионариев резко снижается, равно как и субпассионариев, от которых здоровые коллективы стремятся избавиться. Повышается процент гармоничных особей, для которых наиболее желателен консерватизм. Этот порядок они готовы мужественно отстаивать и даже терпеть в своей среде пассионариев, не мешающих их привычному образу жизни.

К этому состоянию пришли в XV в. ойраты, казахи, ногайцы и причерноморские татары, за исключением крымцев, которые связали свою судьбу с Османской империей, и узбеков, одолевших врагов кочевого мира — Тимуридов — в 1507 г.

218. Контур древней Руси

Еще в XIII в. «светло-светлая и украсно украшенная русская земля» очаровывала современников, но уже в XIV в. от нее остались только осколки, быстро захваченные Литвой. Стремительный взлет Литвы кончился… присоединением ее к Польше, благодаря чему Литва была введена в западноевропейский суперэтнос. Но большая часть населения Великого княжества Литовского состояла из русских людей, хранивших православие как символ этнического самоутверждения. Высокая культура Древней Руси, пережившая древнерусскую пассионарность, привлекла многих литовских богатырей, и казалось, что литовцы и русские сольются в один народ, но и влияние Польши было не менее эффективным. Та часть литовцев, которая в XIV в. хранила веру предков, в 1386 г. была обращена в католичество Ягайло Ольгердовичем, но другая часть, связавшая свою судьбу с русскими, поддержала Витовта Кейстутовича, двоюродного брата Ягайло.

Борьба внуков Гедимина за престол Литвы — это цепь убийств, предательств, измен принципам и симпатиям; но история на персональном уровне заслуживает отдельного повествования. Обобщенно же ход этнической истории выглядит так. Русские хотели видеть на престоле своей страны православного князя, пусть литвина. Поляки готовы были уравнять права литовцев со своей шляхтой, но настаивали на католичестве как государственной религии, что обеспечивало Польше контакты с Западом. Помехой им были Тевтонский орден и татарская Орда, а русских они рассматривали как объект завоевания.

На этом этническом противоречии сыграл честолюбивый и беспринципный князь Витовт. Чтобы получить немецкую помощь, он уступил в 1398 г. ордену родную Жмудь и объявил себя королем Литвы и Руси, надеясь овладеть всеми русскими землями. Но уже в 1399 г. он был разбит татарами и принужден вернуться к польско-литовской унии.

Продолжение наступления на восток оказалось трудным. Правда, в 1402 г. литовцы разбили рязанцев у Любутска, взяли Вязьму и в 1404 г. усмирили Смоленск, но Москву выручили татары Шадибека, заставившие в 1406 г. литовцев отступить без боя.[1189] Кроме того, православные литовцы массами переходили на сторону Москвы; в числе перебежчиков оказался даже сын Ольгерда — Свидригайло, правда, он в 1409 г. вернулся домой, предпочтя литовскую тюрьму милостям московского князя. О нем мы упомянули не зря — он еще себя

[1188] Этногенез — процесс, идущий по ходу времени: от пассионарного толчка к гомеостазу при рассеянии энергетического заряда. Поэтому движение «вперед» вовсе не означает постоянного улучшения и потому не может быть названо прогрессивным. Ведь на организменном уровне последовательное развитие системы ведет к старости и распаду на элементы для очередного обновления. На этническом уровне закономерность та же.

[1189] Ожесточение против великороссов в Литве было столь сильно, что при разрыве Витовта с Василием Дмитриевичем все москвичи, гостившие в литовских владениях, были перебиты (см.: Соловьев С.М. История России… Кн. II. Т. IV. С. 599).

покажет.

Успехи Витовта были остановлены также войной с орденом. Лишь в 1410 г. польско-литовско-русско-татарское войско разбило немецких рыцарей при Грюнвальде. После этого орден не оправился, так как приток добровольцев с Запада прекратился. Немцы воевали с чехами, англичане — с французами; лишних воинов при таком самопогашении пассионарности ни в одном королевстве Европы не осталось.

Итак, Москва оказалась неприступной. Новгород отбился от шведов без литовской помощи, а с орденом заключил в 1420 г. «вечный мир». Едигей сжег предместья Киева в 1416 г., и Витовту оставалось только вернуться к восстановлению унии с польской короной, что было против его желания и весьма непопулярно в Литве. А соперник Витовта, Василий I, в договоре с орденом в 1417 г. назван «императором русским», т. е. суверенным государем. О татарском «иге» забыли и в Москве, и в Риге.

Однако Витовт был упорен. Он добился у Сигизмунда, короля Венгрии и императора Германии, признания самостоятельности Литвы, но на следующий год (1430) умер, и престол Литвы достался Свидригайлу, вождю православных литовцев и русских.

И тут, казалось, наступил час возрождения Древней Руси. Все этому благоприятствовало. Поляки, отняв у Литвы Подолию, вызвали гражданскую войну между католиками и православными, в которой остались без союзников, так как чехи-гуситы опустошили католическую Германию, а польский ставленник в Литве — князь Сигизмунд — обрел ненависть казнями вельмож и наконец был сам убит заговорщиками — князьями Чарторыйскими, по происхождению русскими. Если бы Москва оказала помощь Западной Руси, то воссоединение славянства наступило бы уже в 1436 г., но в княжестве Московском шла столь же ожесточенная внутренняя война, и руки друзей Свидригайла были связаны. Сам же Свидригайло не проявил ни военных, ни государственных способностей, потерпел поражение в 1435 г. на р. Свенте (приток Вилии) и отказался от престола Литвы, удержав как княжество Восточную Подолию, где и умер в 1452 г.

Историки уделяют мало внимания Василию I, а зря. Этот князь сумел отразить натиск Витовта и набег Едигея, присоединить княжество Суздальское и, самое главное, подарить своему народу двадцатилетний мир, за время которого раздробленная Древняя Русь превратилась в Россию, чего многие современники не заметили.

Однако издалека видны экономический подъем, демографический рост, развитие искусства и, что для нас важно, повышение уровня пассионарности. В государстве Московском появились две идеологические доминанты, одну из коих представляли «внуки бойцов поля Куликова», а вторую — «ревнители старины».

Любопытно, что сторонники обоих направлений не искали себе вождей на стороне, а выбирали их из потомков Дмитрия Донского. Первое направление поддерживало юного князя Василия II, а второе — его дядю, Юрия Дмитриевича, и детей Юрия — Василия Косого и Дмитрия Шемяку. Все эти князья талантами не блистали, и следует заключить, что они слушались своих подчиненных, а не руководили ими. Значит, перед нами момент этнической истории — образование соперничающих субэтносов, с разными стереотипами и структурами. Эти субэтносы даже группировались на разных территориях: сторонники Василия II — в Подмосковье, его противники — на окраинах ареала — в Галиче и Вятке. Свидригайло, на свою беду, сдружился с вождями оппозиции великому князю, который, естественно, не подал ему помощи в решающий момент борьбы, а, наоборот, заключил мирный договор с Казимиром Литовским.[1190]

Открытая война с переменным успехом тянулась в княжестве Московском 20 лет — с 1432 по 1452 г. Описание ее перипетий лежит за пределами нашей темы. Отметим лишь, что она велась более свирепо, нежели предыдущие удельные усобицы. Теперь пленных князей стали ослеплять, а Шемяку, убежавшего в Новгород, отравил повар-предатель. Впрочем,

---

[1190] См. там же. С. 428—429.

было за что. Взяв в 1450 г. Устюг, Шемяка топил несимпатичных ему горожан в Сухоне не после штурма, сгоряча, а обдуманно, методично.

Шемяка проиграл потому, что народ и войско предпочли новые порядки, т. е. новый стереотип поведения, старому, традиционному, но уже искаженному наступившей дряхлостью системы. Обновленному этносу был омерзителен «Шемякин суд».

Агония Древней Руси закончилась в том же 1453 г., что и агония Византии. Разница была лишь в том, что Константинополь взяли славяне и пафлагонцы, принявшие взамен православия ислам и сменившие название «ромеи» на «турки». Казалось бы, это просто смена ярлыков, но нет! Изменились стереотип поведения и мировоззрение, а измена самому себе никогда не проходит бесследно. Аналогичная коллизия возникла в Литовской Руси. Католики были не добрее турок. И только Великое княжество Московское сумело сохранить из любимой, родной культуры то, что можно сберечь при смене витка-этногенеза, природного явления того же порядка, что и землетрясение, наводнение или цунами. Как ему это удалось?

219. Между востоком и западом

В середине XV в. на месте древнерусского этноса возникли три новых, молодых, непохожих на своего одряхлевшего предка.[1191] Сам факт несходства неудивителен. Так бывало при смене суперэтносов всегда и везде. Ограничимся одним наглядным примером. Византия считала себя «вторым Римом»,[1192] а по сути была «анти-Римом». Карл Великий в 800 г. назвал свое Франкское королевство «Священной Римской империей», но ему пришлось добавить эпитет: «германской нации», чтобы избежать терминологической путаницы. Галлия, Бургундия, Аквитания, Прованс превратились в королевство Францию, а жители этих стран стали французами. Для таких перемен был необходим пассионарный толчок, благодаря которому соседние этносы смешивались и образовывали новый, доселе не существовавший. Культуру же новорожденный этнос наследовал не от одного предка, имя которого он принимал, а от всех этнических субстратов, интегрированных в новую этническую систему.

Так было и на нашей Родине. Великороссы, белорусы и украинцы по отношению к древним русичам — это то же, что итальянцы относительно римлян, с той лишь разницей, что последние обрели новую культурную доминанту — католичество, а потомки русичей сохранили древнее православие, что определило направление их этногенеза, а тем самым и исторической судьбы. Как обычно бывает, здесь не обошлось без «рокового мгновения», имевшего место в 1439 г. и усугубившего дезинтеграцию Восточной Европы и Западной Евразии.

Для молодых этносов самую большую опасность представляют взрослые, т. е. хищные, соседние суперэтносы. Хищность их определяется уровнем пассионарного напряжения, заставляющего людей преодолевать пустыни и дебри, моря и океаны, что они и делают, если дома наступает покой, который водворяют «здравомысленные» особи со средней пассионарностью. Такая эпоха наступила в Западной Европе в 30-х годах XV в.

В 1434 г. чешские утраквисты (православные) разбили при Липанах чешских таборитов (экстремистов), после чего окончились войны, опустошившие и Чехию, и Германию. В 1436 г. коннетабль Франции Ришмон взял Париж, после чего наступил перелом в Столетней войне. Хотя она вяло тянулась до 1453 г., когда французы взяли Бордо, но лишние воины оказались и во Франции. Католическая Европа перестала аннигилировать внутри себя и

[1191] См.: История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. II. С. 102—104.

[1192] Западная половина империи тоже сменила самоназвание: с принятием христианства она стала именоваться Гесперия.

обратилась опять на Восток.

Снова, как в 1095 г., папский престол возглавил Крестовый поход для отражения турок и обращения схизматиков. В 1438—1439 гг. начал свою работу Вселенский собор, открывшийся в Ферраре, а потом перенесенный во Флоренцию. На нем были приняты два решения: уния Восточной и Западной церквей и поход против турок. То и другое окончилось бедой.

Император Иоанн VIII, видя безнадежность защиты от турок без помощи с Запада, принудил греческое духовенство принять унию с Римом, но народ и простые попы отвергли компромисс с латинством. Епископы-латинофилы были вынуждены уехать в Рим. А Крестовый поход кончился поражением при Варне в 1444 г. Тем не менее официально уния не была отменена, что окончательно уронило авторитет Палеологов в глазах всех православных государств, равно как и собственного народа.

Зато решения Флорентийского собора пришлись по душе польско-литовскому правительству Ягеллонов, принявшихся насаждать унию среди своих православных подданных в Галиции и Белоруссии. В Москве же великолепно поняли, что покорение души народа предваряет покорение страны. Поэтому митрополит Исидор, упомянувший папу в литургии, был тут арестован и водворен в тюрьму. Но так как Василий II не знал, что с ним делать, то велел организовать ему побег и переход за литовскую границу. Таким образом создалась четкая граница между гуманистической Западной Европой и хранительницей православной ортодоксии — Россией. Россия была слабее, так как Литва имела глубокий тыл; если бы не победа турок при Варне, то, возможно, в поединке с Литвой Москва могла не устоять, но передышку она использовала умело: Москву выручил распад Большой Орды.

Два века татары приходили на Русь как агенты чужой и далекой власти. Они защищали Русь от Литвы, как пастухи охраняют стада от волков, чтобы можно было их доить и стричь. Но когда в Орде пассионарность упала ниже уровня гомеостаза и вооруженные до зубов субпассионарии резались друг с другом, многие татары хлынули на Русь, чтобы служить великому князю за скромное жалованье. Такой массовый прием на московскую службу означал необратимый конец Орды, система которой теряла заряд пассионарности, а Москва превращалась из княжества в царство. Многие современники осуждали за это Василия II, но ведь так же поступал Петр I, принимавший на службу немцев и голландцев как хороших специалистов. Ведь в XV в. татары тоже были лучшими в мире специалистами по конному строю и маневренной войне.

Однако полной аналогии Петра I с Василием II не было ни по личным их качествам, ни по фазам этногенеза. В XV в. Россия была на подъеме, ее пассионарность росла. Это давало русским ту пластичность, которая позволила им включить в состав своего этноса прибывших гостей, как принявших государственное мировоззрение — православие, так и оставшихся мусульманами — касимовских татар. Василий II получил новый контингент служилых людей, причем весьма квалифицированных. Этносоциальная система усложнилась. Боеспособность московского войска повысилась настолько, что удивила самих москвичей. Так, в 1456 г., во время очередного конфликта Москвы с Новгородом, московские воины разграбили Старую Руссу и повезли добычу домой, оставив заслон из 200 всадников. Тут появилось новгородское войско — 5 тыс. человек… и тут же было разбито наголову.[1193] Новгород капитулировал.

Пусть эти рубаки и конные стрелки были для русских людей чужими, но они женились на русских женщинах, и их дети и внуки стали россиянами. А при Петре I и Екатерине II немцы, приходившие служить императору, а не России, сохраняли свой быт, мировоззрение, вкусы и нравы. Они жили изолированными колониями, общались вне службы друг с другом и входили не в русский этнос, а в российский суперэтнос, образуя в нем ксении — инородные включения. Присутствие ксений не вредит вмещающему этносу, но лишь до тех

[1193] См.: Соловьев С.М. Указ. соч. С. 414—415.

пор, пока они не начинают терять свою самобытность. Тогда они превращаются в химеры и стимулируют грядущий надлом.

Наряду с татарами в великорусский этнос вошли угро-финские племена — реликтовые этносы северной части Русской равнины. Одни из них, приняв православие, слились со славянскими настолько, что забыли свои былые самоназвания. Таковы меря, мурома, голядь и заволоцкая чудь. Другие удержали имена своих предков: чуваши, черемисы (мари), вотяки (удмурты), мордва, ижора, вепсы и др., но это не мешало их контактам с русскими. Поскольку они жили в своих привычных ландшафтах, т. е. «дома», их общение с великороссами следует назвать симбиозом, который тоже усложняет этническую систему и тем укрепляет ее.

Итак, Москва сумела возглавить обновленную пассионарным толчком Россию и вывести ее из состояния вассала Орды на широкий путь самоутверждения, чему весьма способствовала широкая терпимость к аборигенам и твердая позиция неприятия иноплеменных воздействий. Можно сказать, что в России возродилась… нет, не Византийская империя, а скорее мечта о царстве пресвитера Иоанна, которую не смогли осуществить центральноазиатские несториане. Сами русские люди давно забыли об этой легенде и о событиях, ее породивших, но природные процессы протекают независимо от того, сознают ли их наблюдатели и участники. Чаще всего им это слишком трудно, ибо «большое видится на расстоянии», но Наука для этого и существует, чтобы исправлять ошибки прямого восприятия путем критического отношения к сведениям источников и широких сопоставлений, где зигзаги истории взаимно компенсируются в ходе времени.

И теперь легко сделать вывод. Древнюю Русь погубила дестабилизация, явившаяся следствием снижения пассионарного напряжения этнической системы, или, что проще, увеличения числа субпассионариев — эгоистов, не способных к самопожертвованию ради бескорыстного патриотизма. Уцелело только Великое княжество Московское, целое столетие втягивавшее в себя пассионариев благодаря принципам митрополита Алексея и Сергия Радонежского. Их сподвижники и ученики завещали своим потомкам перспективный поведенческий стереотип и стабильную внутреннюю структуру. Так с 1380 по 1 452 г. Московское княжество стало Россией, а бывшая Русь — окраиной Литвы, которой руководила Польша.

220. Контуры Украин

Победа в междоусобной войне была одержана не Василием II, а его народом, категорически отвергшим традицию удельной Руси, точнее — ее одряхления и наступившего бессилия. Шемяка был побежден «беззащитным, слепым пленником своим»,[1194] при котором исчезли все уделы в Московском княжестве. Князья уступили место служилым людям. Сын Дмитрия Шемяки ушел в Литву и получил от короля Казимира Рыльск и Новгород-Северский,[1195] куда стеклись его немногочисленные сторонники. Совсем близко, на правом берегу Днепра, в Восточной Подолии, обосновались сторонники Свидригайла, друга Шемяки. Те и другие были храбрыми и стойкими людьми, а такие при проигрыше обычно не сдаются, а уходят на окраину ареала; так возникло наименование «Украина», хотя жители ее называли себя русскими.

По поводу происхождения этноса, принявшего название «украинцы», есть огромная литература, в которой легко выделить две противоположные точки зрения.[1196] Польские

[1194] См. там же. С. 409.

[1195] См. там же. С. 429.

[1196] См.: Голобуцкий В.А. Указ. соч. С. 3—9.

историки XVI в. (Г.Ф. Миллер и др.) единодушно считают украинских казаков холопами или беглыми крестьянами. Украинские историки XVIII в. Г. Грабянка, П.И. Симоновский и анонимный автор «Истории русов» считают украинских казаков военной организацией, подобием рыцарских орденов (в которой не было социальных различий), предназначенной для войны с мусульманами.[1197]

Думается, что сама постановка проблемы некорректна. Крестьяне не могли обрести безопасность на степной границе, где так легко попасть на аркан ногайцам и крымцам. Защита и обучение военному искусству были им нужны как воздух и вода; обучить их могли только князья и их дружинники. С другой стороны, Шемятичи и Ольгердовичи нуждались в пополнении войска; следовательно, они должны были охотно принимать тех крестьян, которые предпочитали вечную войну на границе спокойной жизни около Витебска и Полоцка. Иными словами, на степной границе скапливались пассионарии, тяготившиеся жесткими порядками Москвы и бесправием Польши.

Для того чтобы адаптироваться в новых условиях и обзавестись семьями, которые возникали при браках с местными женщинами половецкого происхождения и православного исповедания, им понадобилось около ста лет.

За это время князья Рюрикова дома (князь Дмитрий Вишневецкий), польские магнаты (Предслав Лянцкоронский) и простые крестьяне, способные к обучению военному делу, одинаково превращались в «козаков»,[1198] столицей которых стала Запорожская Сечь. Последнюю, по принятой нами терминологии, следует считать консорцией, из которой вырос малорусский субэтнос, превратившийся через 200 лет в украинский этнос, освободившийся в XVII в. от власти католической Польши, а в XVIII в. завоевавший ведущее место в Российской империи. Не следует забывать, что в число украинцев было инкорпорировано немало «красных девок половецких» и их потомков. Но дальнейшая история Украины выходит за хронологические рамки нашего повествования.

А теперь можно сделать вывод, предварительно напомнив, что в XIII в. Волго-Окское междуречье тоже называлось Украиной Залесской. Живые силы и традиции сохранились на окраинах ареала древнерусского этноса, а в центре его иссякли. Новые этносы возникли на стыках этносов древних путем контактов и переноса повышенной пассионарности. Конечно, не меньший подъем ее был и в середине ареала, на Среднем Днепре, но там давление соседнего суперэтноса — Западной Европы (через Польшу) — оказалось столь сильным, что «выдавило» пассионарных русичей в Москву и Запорожье.

Оба центра подъема ставили своей целью сохранение культуры и стереотипа поведения, т. е. обычаев Древней Руси. Первое удалось, ибо шедевры не подвластны времени. Второе было неосуществимо, потому что историческое время необратимо и неповторимо. Закономерности этногенеза как природного процесса подтверждены историей контакта Древней Руси и Великой степи, что и требовалось доказать.

Что же касается контакта России с Западной Европой, то каждый желающий сможет убедиться, что и тут законы природы останутся неизменными. Задача Науки лишь в том, чтобы своевременно предупредить сограждан о вероятных вариантах развития событий, а дело Политики — найти оптимальный выход из возможных, но необязательных, т. е. не предначертанных, коллизий. Вот почему фундаментальная наука и практика обоюдно нужны друг другу.

Хронософия

[1197] См.: Симоновский Л. Краткое описание о казацком малороссийском народе. М., 1841. С. 4.

[1198] О трех смысловых вариациях термина «козак» см.: Шенников А.А. Червленый яр. С. 98 и след.

Опыт описания исторического времени

Синхрония

Современные хронологические таблицы зачастую не предоставляют исследователю даже тех возможностей, которые давали средневековые хроники (летописи). По сути, они составляются для облегчения запоминания дат, выбираемых составителем произвольно. В лучшем случае они выполнены с привязкой к географическим регионам, но и здесь не соблюдается масштаб времени. Рядом с заполненными до отказа страницами лежат огромные лакуны; это показывает, что соразмерность эпох игнорируется, а изучение времени подменено эмоциональным подбором событий путем их неполного перечисления.

Кроме того, не учитывается и факт изменения границ историко-географических регионов во времени. А ведь учитывать особенности места и времени как двух параметров при составлении таблиц целесообразно.

Предлагаемая таблица построена по принципу этноландшафтного деления. Поэтому «Запад» как этноландшафтный регион включает территорию бывшей Западной Римской империи, Византии и окружавших ее христианских стран. «Восток» лежит в границах тогдашнего мусульманского суперэтноса. Восточная Европа в ту эпоху составляла отдельный этноландшафтный регион и рассматривается особо.

Первая тетрадь охватывает в основном дохристианский период истории Руси (808—979 гг.) и содержит много сомнительных сведений, к сожалению ставших привычными, а также сведения верные, но недатированные.

Поэтому характеристики, приводимые для Восточной Европы по крайней мере до 912 г., не являются жестко привязанными к определенным годам. Эти характеристики являются лишь общим описанием событий, имевших место в определенном периоде.

Тетрадь вторая касается в основном истории Киевской державы и ее пограничных конфликтов (979–1113 гг.). Третья и четвертая тетради сосредоточивают также хронологию нового процесса этногенеза, начавшегося в Южной Сибири и на Дальнем Востоке в XII в. (1114—1269 гг.). Тетрадь пятая концентрирует сведения по периоду дезинтеграции Древней Руси и создания княжества Московского — ядра будущей России (1269—1401 гг.). И, наконец, тетрадь шестая содержит описание периода создания России как нового суперэтноса в Восточной Европе.

Первая тетрадь

Вторая тетрадь

Третья тетрадь

Четвертая тетрадь

Пятая тетрадь

Шестая тетрадь

Диахрония

Время — феномен удивительный. Сущность его нам непонятна, но ориентироваться в нем мы умеем потому, что оно поддается измерению. Общеизвестно линейное время, вычисляемое астрономически — по годам и векам, но эта система отсчета применима не везде — микроорганизмы и даже насекомые не смогли бы ею пользоваться. Для них был бы удобен отсчет по поколениям, так как их жизнь коротка и, дав жизнь потомству, они не нуждаются в дальнейшем существовании. Несколько сложнее биологический отсчет у высших теплокровных и рептилий. Выделить у них смену поколений трудно, так как наблюдается феномен старости. Часто молодь гибнет раньше, чем ее родители и даже деды. Кроме того, многие виды животных живут коллективно, поэтому отсчет должен идти не на организменном, а на популяционном уровне.[1199] Таковы люди и образуемые ими этносы.

Рождение этноса происходит в негэнтропийный момент, пусть даже протяженный, когда на фоне нескольких популяций за счет появления избыточной биохимической энергии возникает новая система, исчезающая через 1200—1500 лет при неубывающей энтропии. При этом этнос проходит ряд фаз, пребывая не в биологическом, а в историческом времени, определяемом через характер событий и их причинно-следственных связей, а также общественного императива по отношению к персонам, составляющим этнос.[1200]

Поскольку вспышки этногенеза, или пассионарные толчки, локальны и разновременны, то сопоставлять их целесообразно не синхронно, накладывая на линейную шкалу времени, а по фазам или возрастам,[1201] т. е. начало с началом, середину с серединой, конец с концом. Таким способом легко выделить природную закономерность этногенеза, лимитом коего является упрощение этнической системы до распада ее на отдельные персоны, т. е. снижение

[1199] См.: Гумилев Л.Н. Этнос и категория времени.

[1200] См.: Гумилев Л.Н. Внутренняя закономерность этногенеза (ландшафт и этнос. XIV) // Вестн. ЛГУ. 1973. № 6. С. 94–103.

[1201] См.: Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.

уровня на один порядок, от популяционного до организменного. Следовательно, историческое время дискретно, что отличает его от астрономического и биологического. Кроме того, оно может быть нарушено, точнее — оборвано активным межэтническим контактом, где этносы пребывают в разных фазах. Назовем этот вариант смещением.

И все-таки эволюция как вектор группы процессов играет заметную роль в жизни всей планеты, с той обязательной оговоркой, что существуют два направления развития системных целостностей. Система может стремиться либо к усложнению, либо к упрощению, в последнем случае ее можно назвать антисистемой. И что замечательно: выбор направления лежит в полосе свободы, а значит, зависит от решения людей, т. е. элементов системы.

Первая позиция: материальный мир ужасен, так как все живое предназначено к смерти. Вторая позиция: мир прекрасен и прекрасна смерть, сопутствующая жизни, ибо она освобождает от космического зла, несправедливости, страданий, которые страшнее смерти. Обе позиции последовательны, можно выбрать любую по желанию.[1202]

Пояснили эту контроверзу два поэта XX в. Оптимистическую формулировку дал Н. Гумилев в поэме «Начало», благословляя жизнь с ее переменами.

С сотворенья жизни стократы
Умирая, менялся прах –
Этот камень рычал когда-то,
Этот плющ парил в облаках.

Убивая и воскрешая,
Набухать вселенской душой –
В этом воля земли святая,
Непонятная ей самой.

Обратную концепцию предложил Н. Заболоцкий в стихотворении «Лодейников»:

Лодейников склонился над листами,
И в этот миг привиделся ему
Огромный червь, железными зубами
Схвативший лист и прянувший во тьму.
Так вот она, гармония природы,
Так вот они, ночные голоса!
Так вот о чем шумят во мраке воды,
О чем, вздыхая, шепчутся леса!
Лодейников прислушался.
Над садом
Шел смутный шорох тысячи смертей.
Природа, обернувшаяся адом,
Свои дела вершила без затей.
Жук ел траву, жука клевала птица,
Хорек пил мозг из птичьей головы,
И страхом перекошенные лица
Ночных существ смотрели из травы.
Природа, вековечная давильня,
Соединяла смерть и бытие
В один клубок, но мысль была бессильна

[1202] Там же. С. 449.

Соединить два таинства ее.

Превращение любой живой системы в жесткую означает ее гибель и дальнейшее упрощение до уровня атомов. Предел этого развития — вакуум. И, наоборот, усложнение биосферной системы ведет к увеличению разнообразия: от одного этноса отпочковываются два-три новых. То и другое являются либо концом старого, либо началом нового этноса. Поэтому все этносы имеют свои начало и конец. Исключение — жесткие системы, потерявшие способность к развитию и выпавшие из биосферы.

Для описанного нами периода — VIII—XIV вв. — необходимо и достаточно деление этногенезов на пять фаз: подъем, перегрев, надлом, инерция и обскурация, после которой наступает гомеостаз, который уже не фаза развития, а состояние в природной среде. Этнос в гомеостазе — реликт или персистент; иногда, но не обязательно он изолят.

Итак, цель обычной хронологической таблицы — напоминание, синхронистической — запоминание. Цель диахронической схемы — понимание этнической истории как ряда автономных биосферных процессов, т. е. шаг от гуманитарных наук к естествознанию.

Толковый словарь понятий и терминов

В 1976 г. автор этой книги писал: «К сожалению, мы не можем сразу предложить точные дефиниции, которые, вообще говоря, весьма облегчают исследование, но мы, по крайней мере, имеем возможность сделать первичные обобщения».[1203] И это было вполне естественно: ведь дать определение — значит свести явление к более простым и очевидным формам, отражающим закономерности его развития.

Однако в середине семидесятых годов закономерности этногенеза еще предстояло описать и понять. Такому эмпирическому обобщению и были посвящены три первых выпуска нашей работы.[1204] И только теперь, спустя почти десять лет, мы можем дать определения основных терминов и понятий этнологии.

Необходимость в таких определениях очевидна. Во-первых, необходимо определить основные понятия этнологии в целях ее дальнейшего развития. Во-вторых, определения необходимы во избежание возможных в будущем недоразумений с оппонентами при трактовке основных понятий этнологии. И, наконец, в-третьих, этнология за последнее десятилетие развивалась и уже требует уточнений в понятийном аппарате, отражающих это развитие. В этом смысле и приводимые ниже определения, конечно, не претендуют на окончательность.

* * *

Аберрация близости — преувеличение грандиозности недавних событий сравнительно с более ранними.

Аберрация дальности — расплывчатость далеких явлений, что создает ложное впечатление их незначительности.

Аберрация состояния — восприятие наблюдателем динамики долгоидущего процесса как совокупности статических состояний вследствие медленности восприятия процесса человеком.

Адаптация в этногенезе — приспособление этноса к ландшафту, происходящее путем выработки измененных стереотипов поведения.

[1203] Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Вып. I. ВИНИТИ, 1979. С. 4.

[1204] См.: Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Вып. 3. ВИНИТИ, 1979.

Актуализм — ощущение времени, при котором настоящее воспринимается как единственная объективная реальность.

Аннигиляция — распад на субатомном уровне с необратимой потерей световой энергии, уходящей в межгалактический вакуум.

Антисистема — системная целостность людей с негативным мироощущением.

Аттрактивность — влечение к абстрактным ценностям истины, красоты и справедливости.

Бездна — пустота, или вакуум, не являющийся частью материального мира.

Биосфера — оболочка Земли, состоящая из живого вещества и продуктов его деятельности, обладающая антиэнтропийными свойствами.

Биохимическая энергия — см. *Энергия живого вещества биохимическая.*

Биполярность — возможность развития систем в двух направлениях — к усложнению и к упрощению с лимитом в вакууме.

Вакуум — см. *Бездна.*

Вакуума нулевые колебания — мгновенный процесс возникновения и уничтожения виртуальных частиц в вакууме (пустоте).

Вариант этнического контакта — различия в способах взаимодействия этнических систем.

Воля — способность производить поступки согласно свободно сделанному выбору.

Время историческое — процесс управления энергетических потенциалов между элементами этносферы, нарушаемый пассионарными толчками.

Гармоничные особи (гармоничники) — особи, пассионарный импульс которых равен по величине импульсу инстинкта самосохранения.

Генетический «дрейф» — явление рассеивания пассионарного признака за пределы популяции путем случайных связей.

Геобиоценоз, или *биоценоз* — закономерный комплекс форм, исторически, экологически и физиологически связанный в одно целое общностью условий существования.

Геохор — участок земной поверхности, однородный в своих экологических особенностях и отличающийся по этим особенностям от смежных участков.

Деяния — поступки, являющиеся результатом свободного выбора (сознательной деятельности) человека (в отличие от явлений).

Диахроническая шкала — система отсчета времени от пусковых моментов различных этнических систем для их сопоставления по фазам этногенеза.

Дивергенция этническая — распад этнической системной целостности с потерей ощущения комплиментарности на заданном уровне этнической иерархии.

Динамическое состояние этнической системы — такое состояние этнической системы, при котором вследствие пассионарного толчка колебания биохимической энергии — пассионарности приводят к смене фаз этногенеза и активному преобразованию этноландшафтной среды (в отличие от гомеостаза).

Дискретность этнической истории — прерывность причинно-следственных связей, определяющая начала и концы этногенезов.

Идеал — далекий прогноз, воспринимаемый интуитивно.

Императив поведения — идеальный принцип отношения этнического коллектива к индивиду, господство которого в стереотипе поведения этноса связано с фазой этногенеза или сменой фаз.

Императив поведения негативный — стремление к упрощению системы.

Императив поведения позитивный — стремление к усложнению системы.

Импульс инстинкта — см. *Импульс поведения инстинктивный.*

Импульс поведения инстинктивный (инстинкт) — врожденный поведенческий импульс, направленный на личное и видовое самосохранение.

Импульс сознания — эгоизм, требующий для осуществления себя как цели — рассудка и воли (в отличие от аттрактивности).

Инкубационный период — часть фазы подъема от момента пассионарного толчка или начала генетического дрейфа до появления этноса как новой этносоциальной системы.

Инкубационный период скрытый — та часть инкубационного периода, в которой рост пассионарного напряжения не приводит к фиксации событий современниками.

Инкубационный период явный — та часть инкубационного периода, в которой рост пассионарного напряжения уже вызывает фиксацию событий современниками, но еще не приводит к этнической дивергенции и появлению новой этносоциальной системы.

Истинность — суждение, адекватное заданной сумме наблюдаемых фактов, где погрешность не превышает заданного допуска.

Историческая судьба — цепочки событий, каузально связанные их внутренней логикой.

История антропогенных ландшафтов — история взаимодействия общества и природы через механизм этнической системы.

История культуры — коллективная память этносов о своих культурных традициях.

Комплиментарность — положительная (отрицательная) — ощущение подсознательной взаимной симпатии (антипатии) особей, определяющее деление на «своих» и «чужих».

Конвиксия — группа особей с однохарактерным бытом и семейными связями, низшей таксой этнической иерархии.

Консорция — группа людей, объединенных одной исторической судьбой, часто эфемерно, на короткое время.

Констелляция в суперэтносе — сходство тенденций развития этносов в пределах суперэтноса вследствие происхождения от одного пассионарного толчка.

Красота — комплекс форм, нравящихся без предвзятости.

Ксения — букв. «гостья» — вариант симбиоза, при котором небольшая группа представителей иного этноса замкнуто живет среди аборигенов и не смешивается с ними.

Логика событий — причинно-следственные связи между событиями, детерминирующие дальнейший ход самих событий.

Ложь — сознательное искажение истины.

Мера устойчивости этноса — показатель плотности этнических связей различных весов и знаков (в кибернетическом смысле), определяющий степень сопротивляемости этноса внешним воздействиям.

Месторазвитие, или *родина этноса* — неповторимое сочетание элементов ландшафта, где этнос впервые сложился как система.

Мироощущение — фиксированное сознанием прохождение отраженного от вакуума импульса пассионарности (биохимической энергии), выражающееся в отношении к идеальным абстрактным ценностям и материальному миру.

Мироощущение негативное — отношение к материальному миру, выражающееся в стремлении к упрощению систем.

Мироощущение позитивное — отношение к материальному миру, выражающееся в стремлении к усложнению систем.

Мозаичность этноса — неоднородность внутренней структуры, необходимая для поддержания этнического единства.

Ностальгия — ощущение несовместимости с иным этническим полем.

Пассеизм — ощущение времени, при котором прошлое воспринимается как единственная объективная реальность.

Пассионарии — особи, пассионарный импульс поведения которых превышает величину импульса инстинкта самосохранения.

Пассионарная индукция — явление трансформации поведения гармоничных особей и субпассионариев в присутствии пассионариев под влиянием пассионарного поля.

Пассионарное напряжение — см. *Уровень пассионарного напряжения этнической системы.*

Пассионарное поле — поле, обусловленное наличием биохимической энергии — пассионарности.

Пассионарность как характеристика поведения — эффект избытка биохимической энергии живого вещества, порождающий жертвенность ради иллюзорной цели.

Пассионарность как энергия — избыток биохимической энергии живого вещества, обратный вектору инстинкта и определяющий способность к сверхнапряжению.

Пассионарный импульс — см. *Пассионарный импульс поведения.*

Пассионарный импульс поведения, или *пассионарный импульс* — поведенческий импульс, направленный против инстинкта личного и видового самосохранения.

Пассионарный признак — рецессивный генетический признак, обусловливающий повышенную абсорбацию особей биохимической энергии из внешней среды и выдачу этой энергии в виде работы.

Пассионарный толчок — микромутация, вызывающая появление пассионарного признака в популяции и приводящая к появлению новых этнических систем в тех или иных регионах.

Персистенты (изоляты, статические этносы, реликты) — этнические системы, находящиеся в этническом гомеостазе. Эти термины в контексте работы — синонимы.

Полоса свободы — совокупность ситуаций, при которых возможен свободный выбор. Именно здесь осуществляется право отдельного человека на выбор тенденции развития (см. *Биполярность*).

Популяция — совокупность особей, населяющая в течение ряда поколений определенную территорию, внутри которой осуществляется свободное скрещивание.

Принцип неопределенности в этнологии — объективное ограничение возможностей исследователя при наблюдении последовательности событий, позволяющее описать их только в одном аспекте: либо в социальном, либо в этническом (природном).

Пусковой момент — момент пассионарного толчка в абсолютной временной шкале, являющейся точкой отсчета «0» для диахронической шкалы.

Разнообразие этносферы — неравенство энергетических потенциалов, вносимое в историческое время пассионарными толчками.

Разность потенциалов контактная — перепад пассионарности (биохимической энергии), возникающий при контакте двух и более суперэтносов.

Рассудок — способность свободного выбора реакции при условиях, это допускающих.

Ритм этнического поля — та частота колебаний этнического поля, к которой посредством стереотипа поведения адаптировалась этническая система.

Саморегуляция этноса — способность этнической системы развиваться в направлении, обеспечивающем уменьшение затрат биохимической энергии — пассионарности при сохранении существования и адаптации к среде.

Сверхнапряжение — целенаправленное усилие, необходимое и достаточное для нарушения агрегатного состояния среды.

Сигнальная наследственность — передача навыков потомству через условный рефлекс подражания, формирующий стереотип поведения как высшую форму адаптации.

Симбиоз — сосуществование двух и более этносов в одном регионе, когда каждый занимает свою экологическую нишу.

Смещение, или *результат контакта* — нарушение запрограммированного хода процесса этногенеза вследствие внешнего воздействия.

Смерть — способ существования биосферных феноменов, при котором происходит отделение пространства от времени.

Событие — разрыв системных связей.

Справедливость — соответствие морали и этики.

Старение — потеря инерции пассионарного толчка в этнической системе на персональном и этническом уровнях.

Статическое ощущение времени — восприятие, при котором время игнорируется как

реальность.

Стереотип поведения — изменяющийся по ходу времени набор навыков поведения членов этнической системы, передаваемый путем сигнальной наследственности.

Структура стереотипа поведения этноса — строго определенная норма взаимоотношений между:

а) этническим коллективом и индивидом;

б) индивидами;

в) субэтносами;

г) этносом и субэтносами.

Субпассионарии — особи, пассионарный импульс которых меньше импульса инстинкта самосохранения.

Субэтнос — этническая система, являющаяся элементом структуры этноса.

Сукцессия антропогенная — постепенное изменение вмещающего ландшафта, вносимое адаптирующимся этносом, возникающая одновременно в одном ландшафтном регионе и проявляющаяся в истории как мозаичная целостность.

Творчество — направленность поведения, возникающая в популяции вследствие пассионарного толчка.

Традиция культуры — сумма знаний и представлений, передаваемая по ходу времени от этноса к этносу.

Упрощение — уменьшение плотности системных связей в этнической системе

Уровень пассионарного напряжения системы, или *пассионарное напряжение* — количество имеющейся в этнической системе пассионарности, деление на количество персон, составляющих этническую систему.

Уровень этнического контакта — ранг контактирующих систем в этнической иерархии.

Усложнение — увеличение плотности системных связей в этнической системе.

Фаза акматическая — колебания пассионарного напряжения в этнической системе после фазы подъема на предельном для данной системы уровне пассионарности.

Фаза инерционная, или *фаза инерции* — плавное снижение пассионарного напряжения этнической системы после фазы надлома.

Фаза надлома — резкое снижение уровня пассионарного напряжения после акматической фазы, сопровождающееся расколом этнического поля.

Фаза мемориальная — состояние этноса после фазы обскурации, когда отдельными его представителями сохраняется культурная традиция.

Фаза обскурации — снижение пассионарного напряжения ниже уровня гомеостаза, сопровождающееся либо исчезновением этноса как системы, либо превращением его в реликт.

Фаза подъема — период стабильного повышения уровня пассионарного напряжения системы вследствие пассионарного толчка или генетического дрейфа.

Фаза этногенеза — совокупность таких уровней пассионарного напряжения системы, каждый из которых при данном направлении процесса этногенеза определяет господство в стереотипе поведения единого для всей совокупности уровней императива поведения.

Флуктуации биосферы — локализованные в пространстве и времени изменения количества энергии живого вещества биосферы вследствие пассионарных толчков.

Футуризм — ощущение времени, при котором будущее воспринимается как единственная объективная реальность.

Химера — сосуществование двух и более чуждых суперэтнических этносов в одной экологической нише.

Энергия живого вещества биохимическая — свободная энергия, вырабатываемая живыми организмами в процессе обмена веществ.

Энтропийный процесс — необратимый процесс потери энергии.

Этика антиэгоистическая, или *альтруистическая* — этика, при которой интересы

этнического коллектива у индивида превалируют над его собственными.

Этика эгоистическая — этика, при которой интересы индивида и его семьи превалируют над интересами этнического коллектива.

Этническая диагностика — способ различения этносов по стереотипу поведения и принадлежности к той или иной этнической традиции.

Этническая доминанта — явление или комплекс явлений (религиозный, идеологический, военный, бытовой), который определяет переход исходного для процесса этногенеза этнокультурного многообразия в целеустремленное единообразие.

Этническая иерархия — динамичная в процессе этногенеза соподчиненность этнических систем разных таксономических уровней (рангов).

Этническая история — функция этногенезов и этнических контактов за периоды, где события зафиксированы источниками.

Этническая регенерация — восстановление этнической структуры после потрясений.

Этническая традиция — сумма стереотипов поведения, передаваемых механизмом условного рефлекса.

Этнические контакты в аспекте этнического поля — интерференция вибраций этнических полей.

Этнический гомеостаз, или *гомеостатический уровень,* или *статическое состояние этноса* — устойчивое состояние этнической системы (структуры), при котором колебания биохимической энергии — пассионарности имеют место в ограниченных пределах, определяя этноландшафтное равновесие и отсутствие смены фаз этногенеза.

Этнический контакт — процесс взаимодействия двух и более этнических систем одного или разных рангов этнической иерархии.

Этнический субстрат — исходные этнические компоненты (два и более), интегрируемые вследствие пассионарного толчка в новый этнос.

Этническое поле — возникающее на основе пассионарного поля поле поведения и аттрактивности членов этнической системы.

Этногенез — момент возникновения и весь процесс исчезновения этнической системы под влиянием энтропийного процесса потери пассионарности.

Этногенез в аспекте этнического поля — динамика колебательного движения этнического поля.

Этнология — географическая наука, изучающая становление этносферы Земли как результат процессов этногенеза в историческую эпоху.

Этнопсихология — наука о проявляющейся в этнической истории смене устойчивых настроений этноса в зависимости от фазы этногенеза.

Этнос — естественно сложившийся на основе оригинального стереотипа поведения коллектив людей, существующий как энергетическая система (структура), противопоставляющая себя всем другим таким коллективам, исходя из ощущения комплиментарности.

Этносфера — земная оболочка, представляющая собой мозаичную в этническом отношении антропосферу, слагающуюся из всей совокупности этноценозов Земли.

Этноценоз — геобиоценоз, в котором происходит развитие данного этноса, опосредованное процессом его адаптации.

Явления — результаты влияния биосферы на поведение человека и этнического коллектива.